

ПСИХОЛОГИЯ

СОЗНАНИЯ

ПЬЕР ЖАНЕ

ПСИХИЧЕСКИЙ
АВТОМАТИЗМ

ПЬЕР ЖАНЕ

**ПСИХИЧЕСКИЙ
АВТОМАТИЗМ**

Экспериментальное исследование
низших форм психической деятельности
человека

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2009

УДК 159.964
ББК 88.6
Ж 27

Серия основана в 2008 году

Редакционная коллегия серии «Психология сознания»

В. М. АЛЛАХВЕРДОВ (главный редактор), В. А. АВЕРИН, А. Ю. АГАФОНОВ,
Т. Ю. БАЗАРОВ, О. И. ДАНИЛЕНКО, А. М. ЗИМИЧЕВ,
М. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора),
М. В. ОСОРИНА (ученый секретарь), В. Ф. ПЕТРЕНКО, М. М. РЕШЕТНИКОВ,
Т. В. ЧЕРНИГОВСКАЯ, Л. М. ШИПИЦЫНА, А. В. ЮРЕВИЧ,
А. И. ЮРЬЕВ, В. А. ЯКУНИН

Пьер Жане. Психический автоматизм. Экспериментальное исследование низших форм психической деятельности человека. — СПб.: Наука, 2009. — 500 с. (Серия «Психология сознания»).

ISBN 978-5-02-026303-1

Величайший французский психолог Пьер Жане — автор термина «интериоризация», столь важного для концепции Л. С. Выготского, и катартического метода лечения неврозов, обычно связываемого с именем З. Фрейда, — на удивление мало известен российскому читателю. В своей ранней работе «Психический автоматизм» Жане подробно анализирует различные случаи естественного и гипнотического сомнамбулизма, один из первых описывает явления множественности личности («одновременного существования нескольких психик»), показывает возможности лечения с помощью гипноза различных функциональных расстройств.

Для психологов, социологов, врачей.

Ответственный редактор В. М. АЛЛАХВЕРДОВ

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 08-06-16031д*

© В. А. Аверин, В. М. Аллахвердов, статья, 2009

© Н. Ю. Федунина, статья, 2009

© Издательство «Наука», серия «Психология сознания» (разработка, оформление), 2008 (год основания), 2009

ISBN 978-5-02-026303-1

От главного редактора

Сознание — ценнейший дар, дарованный человеку. Человечество только благодаря сознанию создало представления о Вселенной, о добре и зле, о смысле жизни. Наличие сознания позволяет человеку узнать о Большом взрыве, динозаврах и бессознательном, догадываться о непроверяемом (о Боге, детерминизме и свободе воли), создавать города, произведения искусства и правила игры в футбол. Если бы не было сознания, человек никогда вообще ничего не смог бы узнать и ни о чем подумать, потому что наше знание и наши думы всегда осознанны. Сознание управляет всей деятельностью человека. Оно исхитряется даже ошибки превращать в истину и творит не существовавшую ранее реальность, соответствующую собственным представлениям. Никто бы сознательно не согласился принять вечную жизнь, если бы вся эта долгая жизнь протекала далее в бессознательном состоянии.

И тем не менее мы очень мало знаем о сознании. Еще в XIX в. А. Бэн сказал, что сознание — это самое запутанное слово в человеческом словаре. А в конце XX в. М. К. Мамардашвили добавил: «Сознание есть нечто такое, о чем мы как люди знаем все, а как ученые не знаем ничего». Вообще слово «сознание» — имеет едва ли не сотню разных значений: как идеальное оно находится в оппозиции к материальному (такое понимание наиболее популярно в философии); как осознанное — в оппозиции к бессознательному (в психологии); как состояние бодрствования — в оппозиции к состоянию сна (в физиологии); как выражаемое в словах

(вербальное) — к словесно невыразимому (в лингвистике); как рациональное в противоположность стихийному (в социологии) и т. д. К тому же сознание еще описывается как нечто *качественное*: например, как «луч», освещающий психические процессы. И одновременно как нечто *количественное*, подлежащее измерению: объем сознания и т. п. Одни понимают сознание как некий *механизм*, другие — как *процесс*, а третьи — как *результат* (т. е. как то, что высвечивается на «экране сознания» и наполнено смыслами). А ведь еще говорят об *уровнях* сознания, об *измененных состояниях* сознания, о *разнообразии сознаний* (выделяя, например, зрительное, эмоциональное и др. сознания) или о *множественности сознаний* (ссылаясь на случаи множественных личностей), о *самосознании*, о *массовом сознании* и пр.

Любая попытка однозначного определения сознания, к сожалению, обречена на провал, так как не может соответствовать сразу всем популярным значениям этого понятия. Одни из этих значений в принципе противоречат другим. Бессознательное идеально и вполне может быть рациональным. В неосознаваемых (по определению физиологов) сновидениях встречается много словесных высказываний, что для лингвистов должно говорить об их осознанности. Ни одно определение не позволяет однозначно отличить наличие сознания от его отсутствия. Как решить, есть ли сознание у животных? Вот собака с невероятной *концентрацией внимания* смотрит на совершенно не нужную ей палку, которую сейчас кинет хозяин, готовая тут же броситься за ней и принести ее обратно. Но существует ли на самом деле у собаки произвольное внимание, которое психологи связывают с сознанием? В психологии, психиатрии и юриспруденции часто используется эмпирическое определение *осознанного* как того, о чем может быть дан человеком словесный отчет. Но при этом все, наверное, соглашались с Ф. И. Тютчевым: не может «сердце высказать себя» и потому «мысль изреченная есть ложь». Но это значит, что мы осознаем нечто иное, чем то, что выражаем словами. Как решить, осознает ли человек слово или нет, если не может его вспомнить, но при этом — феномен «на кончике языка» — помнит его характеристики (например, слово длинное, иностранное, начинается с буквы «в» и т. д.)? Ребенок, с младенчества живущий в двуязычной среде, сначала научается полнее выражать свои мысли

на каком-то одном языке. Значит ли это, что осознанность, выраженная на этом языке, отличается от осознанности, выраженной на другом языке? При болезни Альцгеймера иногда возникает „синдром зеркала“: больной, увидев в зеркале свое изображение, принимает его за другого человека и вступает с ним в „беседу“. Как определить, находится ли в сознании этот разговаривающий сам с собой больной? Афатик не может назвать изображенный на картине предмет. Но если перед больным положить бумагу, где *его же рукой* несколько дней назад было написано это же слово, больной может свободно произнести его вслух. В какой момент предъявленный предмет был им осознан?

Любой термин получает однозначный смысл, только когда входит в теорию, а теории сознания не существует. Само существование сознания остается глубочайшей тайной психологической науки. Как и почему оно возникает? Если мы найдем ответ на этот вопрос, то, наверное, сможем сами создать сознающее существо, например, смоделировать возникновение сознания на компьютере. Но разве такое в принципе возможно? Сознание способно порождать собственные конструкции, а не извлекать их из реальности. Но это все-таки конструкции, описывающие реальный, а не галлюцинаторный мир. Как сознанию это удастся? Как оно способно сличать свои представления о реальности с самой реальностью, если эта самая реальность дана сознанию только в виде представлений? Наконец, как оно способно осуществлять акт свободного выбора? Многие из этих вопросов обсуждаются тысячелетиями, но ни на один из них не дано внятного ответа.

Появление психологии как самостоятельной науки только усилило непонимание. Выяснилось, что органы чувств отражают реальность с точностью, близкой к теоретическим пределам, а осознается лишь малая толика воспринятого. В памяти человека хранится, по-видимому, вся когда-либо поступившая информация, хотя осознаем мы ничтожную часть хранимого. Скорость неосознанной переработки информации, включая семантическую переработку, на несколько порядков превосходит возможности переработки на уровне сознания. Скорость и точность неосознаваемой регуляции деятельности настолько превосходит сознательные возможности, что овладение моторными навыками вообще возможно только путем снятия сознательного контроля

над их выполнением. Тогда в чем смысл и мощь сознания? Что оно вообще делает? Тем не менее со времен П. Жане (с переиздания потрясающей книги которого мы открываем нашу серию) известно, что осознание внутренних проблем способствует исчезновению невротических симптомов. Значит, оно делает что-то реальное. Но что именно?

Психологи, не зная, как решить самые главные проблемы, решили просто о сознании не говорить. Еще до сих пор популярны странные позиции психиатра и психолога В.М. Бехтерева (*«в объективной психологии не должно быть места вопросам о субъективных процессах или процессах сознания»*), психолога Дж. Уотсона (*«психология обязана отбросить всякие ссылки на сознание»*) и физиолога И. П. Павлова (*«угение об условных рефлексах совершенно исключило из своего круга психологические понятия, а имеет дело только с объективными факторами»*). Долгое время эти очевидно нелепые для психологической науки позиции казались многим весьма привлекательными и, к сожалению, именно они считались образцом естественнонаучного подхода. Но психология, не понимающая природы сознания, не может рассчитывать на успех.

Интерес к исследованиям сознания, с чего, собственно, началась экспериментальная психология, с новой силой возрождается в конце XX в. Отечественные и западные психологи получают феноменальные экспериментальные результаты, создают новые концепции — но об этом не слишком хорошо известно широкой научной общественности. Задача нашей серии и состоит в том, чтобы познакомить читателей как с основополагающими и зачастую несправедливо забытыми трудами первых психологов, изучавших проблемы сознания (такими, как предлагаемая книга П. Жане, или никогда не переведившиеся на русский язык «Принципы психологии» У. Джеймса), так и с работами современных исследователей. Мы рассчитываем, что любая книга этой серии вызовет у читателя то подлинное удивление, с которого и начинается настоящая наука.

В. М. Аллахвердов

Предисловие

Дорогой читатель! Перед Вами — одна из самых Великих книг, созданных за всю историю психологии. Книга, овеянная Тайной психического. Многие величайшие психологи пытались снять покров с этой Тайны и рассказать о психике, как о чем-то тривиальном, понятном, разве лишь очень сложном. Однако для этого им приходилось о многом забывать или недоговаривать, например, забывать об открытиях Пьера Жане. Поэтому в современных учебниках по психологии, как правило, нет упоминаний о результатах исследований П. Жане, а полученные им факты до сих пор не имеют убедительного объяснения ни в одной из известных сегодня психологических концепций. В итоге большинство профессиональных психологов знают, что существовал такой замечательный ученый П. Жане, входящий в первый ряд психологов мира, знают, что он раньше И. Брейера и З. Фрейда рассказал о методе лечения невротизма катарсисом, но мало кто знаком с его трудами. В России переводились только ранние работы этого гения, а самое последнее издание (как раз лежащей перед вами книги «Психический автоматизм») датировано аж 1913 г.

Жане совместил в своем творчестве то, что позднее будет рассматриваться в психологии как несовместимое. Во-первых, он был страстным сторонником естественнонаучного подхода, призванного устанавливать всеобщие законы. По мнению Жане, там, где исчезает прочное основание наблюдения и эксперимента, нет и не может быть психологии, там место разве лишь для философской

теории. Но, во-вторых, он проповедует тонкий индивидуальный анализ поведения. Скрупулезный *индивидуальный* анализ главных персонажей «Психического автоматизма» — Розы, Люси, Леонии и Мари — вкупе, разумеется, с теоретическими обобщениями, позволил ему разработать один из самых оригинальных взглядов на психическую реальность.

Поле обсуждаемых Жане явлений чрезвычайно широко. Здесь и экзотические темы, от которых уходят большинство современных ученых (гипноз, раздвоение и множественность личности, передача мыслей на расстоянии, спиритизм и т. д.), и более привычные: память, восприятие и его нарушения, неврозы и т. п. Магистральное направление исследований в предлагаемой работе — психические автоматизмы, т. е. действия, реализуемые без непосредственного их осознания. Вот больная по имени Люси беседует с кем-то, но одновременно в разговор с ней вступает Жане, которому она, согласно внушению, должна отвечать неосознанно и письменно (автоматическое письмо).

— Слышите ли Вы меня? — спрашивает Жане.

Люси письменно отвечает: «Нет».

— Но ведь нужно слышать, чтобы отвечать, — говорит Жане.

— Да, конечно, — отвечает женщина.

— Тогда как же вы делаете это?

— Я не знаю.

— Но нужно же, чтобы был кто-нибудь, кто слышал меня, — настаивает Жане.

— Да, — отвечает Люси.

— Кто же это?

— Другая, а не Люси, — отвечает пациентка.

— Ах, другое лицо. Хотите, чтобы мы дали ей какое-нибудь имя?

— Нет, — пишет Люси.

— Но это будет удобнее, — настаивает Жане.

— Ну, хорошо, Андриенна, — соглашается Люси.

— Андриенна, слышите ли Вы меня? — вновь спрашивает Жане.

— Да, — отвечает на это Люси.

Подобных эпизодов в книге десятки. Вот одна из пациенток Жане, утратившая кожную чувствительность на пальцах и кистях

рук, не чувствующая ни боли, ни температуры предметов, к которым она притрагивается, стала узнавать в результате постгипнотического внушения по прикосновению предметы своего туалета, например, прикасаясь к уху, она могла сказать надеты серьги или нет, узнавала свое кольцо и пр. А у другой, после внушения ей детского возраста, проходит слепота одного глаза. Чтение таких историй вызовет изумление у каждого, кто не разучился удивляться необычному.

Композиция книги проста. Последовательно, шаг за шагом, Жане демонстрирует в первой части своего неспешного (в темпе XIX в.) повествования различные «изолированные психические явления», выясняет причины забывания и внушаемости своих пациенток. После этого во второй части он анализирует различные подсознательные действия, совершаемые его подопечными, и завершает этот анализ обсуждением различных форм анестезий и расщепления психики. Психологическая теория Пьера Жане будет разрабатываться и развиваться уже в следующем, XX в. Но все ключевые слова и многие идеи произнесены в его первой монографии.

Вообще Жане не повезло. Его имя в истории психологии занимает существенно меньше места, чем того заслуживает. Жане один из первых психологов, кто экспериментально исследует неосознаваемое. Позднее другой гений — З. Фрейд — будет доказывать свой приоритет по отношению к Жане в разработке проблемы бессознательного, а так как основатель психоанализа, кроме всего прочего, умел строить свой имидж в научном мире, ему многие поверили. Как только более корректный П. Жане на Международном медицинском конгрессе в Лондоне в 1913 г. позволил себе высказаться по этому поводу, Фрейд достаточно резко выступил в ответ. Присмотритесь к его отповеди — в ней, по сути, отмечается признанное в научном сообществе влияние Жане на психоанализ, но облачается это признание в весьма уничижительную и даже оскорбительную риторику (Фрейд. Собр. соч. Т. 2. С. 31): «По мнению Жане, истеричка — это несчастная личность, неспособная вследствие слабости конституции поддерживать единство своих душевных взглядов. От этого она впадает в душевный раскол и ее сознание суживается. Согласно же результатам психоаналитических исследований, эти феноме-

ны означают успешность динамических факторов, душевного конфликта и совершенного вытеснения. Я думаю, это различие достаточно глубоко и должно навсегда положить конец бесконечной болтовне о том, что, якобы, все ценное в психоанализе заимствовано у Жанае. ... Психоанализ не только абсолютно независим от находок Жанае в историческом отношении, но и существенно отличается от них своим характером и большей широтой своего содержания. К тому же, работы Жанае никогда не могли бы приобрести столь важное значение для всех наук гуманитарного цикла, какое получил психоанализ, привлекающий к себе самый широкий интерес. К самому Жанае я всегда относился с большим уважением, так как его открытия во многом совпадали с открытиями Брейера, сделанными раньше, но позже опубликованными. Но когда психоанализ сделался предметом дискуссии и во Франции, Жанае повел себя нехорошо, проявил недостаточное знание вопроса и выдвинул некрасивые аргументы. В конце концов, он повредил себе в моих глазах и сам обесценил свой труд, провозгласив, что когда он говорил о «бессознательных» душевных актах, то не имел в виду ничего особенного, это была всего лишь „фигура речи“». Конечно, взгляд на бессознательное у Фрейда и Жанае резко отличается (см. статью Н. Ю. Федуниной). Более того, сам Жанае, можно сказать, соглашался с тем, что его подход более узок. Просто, по Жанае, психоанализ — столь широкая метафизическая система, что она уже и наукой не является. (Позднее психоанализу откажет в статусе науки и один из величайших методологов науки XX в. — К. Поппер).

Жанае многое сделал в психологии. Он вывел из *теоретических представлений* психастению как психопатологическую форму и первым дал ее описание, но об этом редко упоминают в его кратких биографиях. Жанае много говорит о действии, по сути, его психологическая теория — это теория поведения. Однако эти слова (и при том в совершенно ином, гораздо более упрощенном смысле) будут опять связаны с именем другого ученого, более амбициозного, чем Жанае, — Дж. Уотсона, также умевшего создавать рекламу своим идеям. Жанае построит оригинальное и до сих пор недостаточно оцененное теоретическое описание стадий психического развития, но самым знаменитым специалистом по стадиям детского развития станет его ученик — Ж. Пиаже. Жанае

заговорит о важности синтетической функции сознания, нарушение которой ведет к «психической слабости». Сегодня говорят о том же, но другими словами: мол, нарушение в деятельности интегративной функции сознания ведет к нарушению высших психических функций.

Напомним чуть подробнее биографию автора «Психического автоматизма». Пьер Мари Феликс Жане — доктор философии и доктор медицины — родился 30 мая 1859 г. в Париже. Среди его родственников — юристы, филологи, инженеры. Его дядя Поль Жане был известным философом, брат Жюль пошел по стопам Пьера. Его соучениками по «Ecole Normale» были А. Бергсон (всемирно известный философ, лауреат Нобелевской премии) и Э. Дюркгейм (основатель французской социологической школы). Среди его учителей — Т. Рибо и Ж.-М. Шарко. После защиты магистерской диссертации в 1882 г. Жане переезжает в Гавр, где преподает философию и одновременно безвозмездно работает в местном госпитале. Именно эта работа и активное сотрудничество с врачами госпиталя Жибером и Повилевичем, часто упоминаемых в данной книге, дает Жане богатейший психопатологический материал. Этот материал стал основой его докторской диссертации «Психический автоматизм», которую он, вернувшись в Париж, защищает в 1889 г. В 1902 г. он (в конкуренции с А. Бине) становится преемником Т. Рибо на кафедре психологии в Колледж де Франс, где работал до 1934 г. В 1904 г. вместе с Ж. Дюма основывает «Journal de Psychologie Normale et Pathopsychologie», редактором которого оставался до 1937 г. Он пишет серию блестящих монографий, посвященных неврозам, памяти, психологии времени, личности, интеллекту, языку, психологии развития и т. д. Умер П. Жане в Париже 24 февраля 1947 г. Согласно его воле, более 5000 тщательно написанных вручную историй болезней его пациентов были сожжены по этическим соображениям. (Остальные психотерапевты, в том числе и Фрейд, были менее осторожны).

Жане прожил долгую и счастливую жизнь. Он писал замечательные книги, но при этом понимал, что наука — это всегда сомневающееся знание, а потому сам признавал свои теоретические конструкции «временными и гипотетическими». Среди благодарных учеников Жане — целая плеяда великих психологов:

А. Пьерон, А. Валлон, Ж. Пиаже, И. Меерсон и др. Однако никто из них так и не стал прямым последователем идей маэстро.

Из всего им написанного особое место занимает его самая первая книга — та, которая лежит перед вами. Приводимые в ней экспериментальные данные самоценны и даже ошеломляющи. Жане с искренним и неподдельным интересом их анализирует. Мы отдаем себе отчет, что пытаемся искусить читателя нашей очарованностью, вызвать предчувствие чуда, хотя Жане как раз всячески стремился избавиться от описания психики как набора странностей и чудес. Однако мы уверены, что если читатель совершит вместе с автором увлекательное путешествие в загадочный мир человеческого сознания, то, даже если он знаком с современной психологической литературой, неизбежно поймет, как мало еще мы этот мир понимаем.

Проф. В. А. Аверин
Проф. В. М. Аллахвердов

ВВЕДЕНИЕ

Философы¹ издавна изучали человеческую психику, главным образом ее высшие проявления — волю и свободу воли. Интерес к этим проявлениям был вызван желанием понять поведение людей, степень ответственности человека за свои поступки. Хотя такой способ изучения вопроса кажется естественным, он наиболее труден и опасен: в сложных явлениях всегда наблюдаются отклонения и побочные ответвления, которые мешают пониманию их сущности. В наше время психологи исследуют самые элементарные факты, так как последние более доступны для изучения и позволяют объяснить сложные явления. Психическая деятельность в ее простых, примитивных формах и станет предметом настоящего исследования. Элементарную форму психической деятельности, отмечается ли она у животных или изучается на человеке, справедливо принято называть *автоматической*. Название это, по своему этимологическому значению, тесно связано с признаками, определяющими автоматические действия. Автоматическим называют любое движение, обладающее двумя следующими признаками.

Во-первых, оно, должно хотя бы казаться самопроизвольным, т. е. начинаться в самом движущемся предмете, без участия внешнего импульса. Так, механическую движущуюся куклу называют автоматом, а механическую помпу, которую приводят в движение извне, так не называют.

Во-вторых, это движение должно подчиняться известным законам и строгому детерминизму, без отклонений и случайностей.

Именно эти два признака характерны для элементарных проявлений человеческой деятельности: они исходят от самого субъекта, и в то же время настолько регулярны, что не может быть и речи о свободной воле, как причине данного действия. Но слову «автоматический» придают обычно другое значение, которое мы не так охотно принимаем. Некоторые авторы утверждают, что автоматическая деятельность является не только правильной и строго определенной, но также чисто механической и совершенно бессознательной. Такое толкование дало повод к многочисленным недоразумениям. Некоторые философы отказываются признавать наличие в человеческом сознании автоматизма (который тем не менее существует и без которого многие явления были бы необъяснимы), потому что полагают, что допустить последнее — значит уничтожить сознание и превратить человека в чистый механизм, состоящий из физических, лишенных чувствительности элементов. Думаем, можно допустить одновременное существование автоматизма и сознания и этим удовлетворить как тех, кто считает элементарные проявления человеческой психики автоматическими, так и тех, кто видит в них проявление сознания и чувствительности. Деятельность живого существа, проявляющаяся вовне в движениях, не может быть абсолютно лишена рассудка и сознания. Цель нашего исследования — доказать не только существование автоматической деятельности человека, но и показать, что эту деятельность допустимо называть психическим автоматизмом.

Философы, изучавшие человеческую психику только в ее высших проявлениях, резко отделяли автоматическую деятельность от других сторон духа и считали ее особой способностью, отличной от разума и чувства.

Сложные явления, приобрета в процессе своего развития ряд определенных признаков, значительно отличаются друг от друга. Было бы неправильно смешивать абстрактное рассуждение с практическим решением. Но не имеют ли эти способности, так не похожие друг на друга в своем высшем проявлении, общее начало, не происходят ли они от низшей формы жизни и сознания, при которых действие, чувство и разум слиты воедино? В дальнейшем мы и надеемся выяснить это; причем *изугение элементарных форм психической деятельности явится в то же время изугением элементарных форм чувства и сознания.*

Целостность является другим характерным и постоянным признаком высшей психической деятельности: воля кажется единой и неделимой, как сама личность, проявление которой она составляет. Но целостность мы считаем завершением, а не началом мышления: изучаемый нами автоматизм, прежде чем уступить место единой личной воле, часто проявляется в чувствах и действиях, которые независимы друг от друга. Исходя из этой точки зрения, мы и определим главные направления настоящей работы. Сначала мы изучим автоматизм в его простейшей форме, когда он всецело заполняет психику, т. е. когда мы констатируем у индивида только одну мысль и только одно автоматическое движение. Но мы допустим, что нередко автоматизм может быть частичным и занимать лишь часть сознания, в котором одновременно протекают другие элементарные явления. Психическая деятельность проявляется иногда в ненормальных формах: в некоординированных и конвульсивных движениях, в бессознательных действиях, т. е. не сознаваемых тем, кто совершает их, и в импульсивных желаниях, которые возникают против воли субъекта и которым последний не может сопротивляться. Эти отклонения необъяснимы с точки зрения теории единой свободной воли. Станут ли они понятнее после исследования низших форм сознания? Думаем, что такое исследование позволит нам дополнить и проверить данное другими авторами решение этих проблем.

В своей работе мы пользовались естественнонаучным методом. Мы беспристрастно изучали факты, т. е. простые действия. Опираясь на точно установленные факты, мы строили необходимые гипотезы и, по возможности, экспериментально проверяли вытекающие из них следствия. Исследование такого рода нельзя проводить, наблюдая явления, протекающие в нашем собственном сознании. Последние вряд ли могут стать объектом правильного эксперимента; так как они совершаются при трудно определимых условиях и очень сложны. А главное, мы мало знаем о психических процессах, протекающих в нашем сознании. Это — неоспоримая истина, которую мы надеемся еще раз подтвердить. Здесь источник проблем, с которыми встречались философы, желавшие ограничиться наблюдениями за личным сознанием. Тем, кто пытается доказать, что между состояниями сознания имеются последовательные переходы, т. е. сделать из

психологии естественную науку, невольно приходится останавливаться перед тем фактом, что «в цепи ассоциаций на каждом шагу наталкиваешься на бессознательные явления».* Многие авторы считают бессознательные явления исключительно физиологическими и для их объяснения прибегают к законам физиологии. Зачастую полезное обращение к физиологии кажется нам иногда преждевременным, так как, с одной стороны, этим психология отказывается от поиска истинных законов психических явлений, а с другой — физиология просто констатирует совпадение между данным психическим явлением и данным физическим фактом, не объясняя законов сознания. Стюарт-Милль,² отстаивая в полемике с Огюстом Контом³ необходимость существования научной психологии, ответил на этот вопрос довольно неопределенно, и он действительно неразрешим, если за феномены сознания принимать только случайные факты, данные личным сознанием. Наблюдать простые, точные и законченные явления нужно на других, обращаясь к объективной психологии. Конечно, психические процессы других людей мы познаем только косвенным путем, и психология не может начинать с них: но о наличии этих процессов можно заключить по поступкам, жестам и словам других лиц, подобно тому, как химик определяет составные элементы планет по цветам их спектра. Надежность подобных методов неоспорима. Итак, наше изучение автоматизма будет опытом экспериментальной и объективной психологии. Одно из главных преимуществ наблюдения за другими лицами перед наблюдением за самим собой является то, что в первом случае можно выбирать и исследовать тех лиц, у которых подлежащие изучению явления выражены в самой сильной степени. Правда, люди, у которых явления, едва наблюдаемые у нормального человека, выражены в исключительной форме, неизбежно являются больными; но это несколько не мешает исследованию. По отношению к психическому миру следует допустить принцип, который принят в физиологии со времен Клода Бернара, а именно: для больного, как и для здорового, существуют одни законы, в первом случае наблюдается лишь усиление или ослабление явлений, существо-

---

* Ф. А. Ланге. История материализма. 1866. (Здесь и далее ссылки на литературу воспроизводятся по изданию 1913 г.)

вавших при нормальном состоянии. Если бы наука была хорошо знакома с психическими болезнями, было бы нетрудно изучать и нормальную психологию. Кроме того, «человек известен только наполовину, если его наблюдать лишь в здоровом состоянии; болезненное состояние также составляет честь его как морального, так и физического существа». Хорошо, что психология проникает понемногу в подробности различных психических нарушений, а не остается в области слишком отвлеченных обобщений, теряя всякое практическое значение. Вот почему экспериментальная психология должна быть психологией патологической.

Любой эксперимент предполагает варьирование явлений и условий, при которых последние имеют место; болезнь часто дает нам некоторые из этих вариаций, но делает это слишком медленно и при неопределенных условиях. Настоящий психологический эксперимент заключается в том, чтобы определенным и заранее рассчитанным способом менять состояние сознания испытуемого лица. Моро де Тур, один из наиболее крупных философски мыслящих психиатров, пытался достичь этого результата, используя гашиш. Но я считаю, что обусловленное им физиологическое нарушение очень сильно и опасно и дает довольно посредственный психологический результат. Кроме того, полученные таким образом психические изменения практически не могут контролироваться экспериментатором. Поэтому такой метод психологического эксперимента на практике мало пригоден.

С другой стороны, существует состояние, которое очень легко вызвать и которое в то же время несколько не опасно: это состояние искусственного⁴ сомнамбулизма. Уже Мэи де Биран, один из предвестников научной психологии, в своих рассуждениях о сне, сновидениях и сомнамбулизме указал на пользу, которую психология могла бы извлечь из изучения названных явлений. Позднее Тэн рекомендовал использование сомнамбулизма в психологии.* Тогда же стали известны работы по этому вопросу Жюфруа Мори и многих других психологов.

Магнетизеры⁵ постоянно указывали на пользу, которую психология может извлечь из подобных опытов: «Давая нам воз-

---

* Taine. De l'intelligence.

возможность заставлять разные уровни сознания функционировать отдельно, извлекать ряд душевных способностей из латентного состояния, бредизм⁶ дает психологии экспериментальную основу, делая психологию позитивной наукой». * Но предрассудки и страх перед дурной славой, с которой были связаны опыты животного⁷ магнетизма, долгое время мешали следовать этим советам. Нужны были открытия известных всем современным ученым, чтобы поставить вне всякого сомнения факт существования гипнотического⁸ сна и тех преимуществ, которые наука может извлекать из его изучения. Мы не станем останавливаться на вопросе о реальности гипнотического состояния и возможности его симулирования; такой разбор был бы очень длинен и, главным образом, банален. К тому же мы вместе с доктором Демин, который много изучал сомнамбулизм, думаем, что «считать факты вымышленными очень удобно, чтобы избавиться от изучения того, чего не понимаешь». **

Достаточно принять некоторые предосторожности, чтобы обезопасить себя от попыток обмана, на мой взгляд, более редких, чем обычно думают. Поэтому укажем лишь, при каких условиях мы в своем исследовании пользовались гипнотическим сном. Субъекты, над которыми проводились настоящие исследования, были почти все, за некоторыми исключениями, женщины, страдавшие более или менее тяжелыми нервными болезнями, в особенности той очень изменчивой болезнью, которая известна под именем истерии. Эти⁹ больные, главным характерным признаком заболевания которых является постоянная психическая неустойчивость, своими естественными припадками, предрасположенностью к сомнамбулизму очень полезны для экспериментально-психологических исследований и для изучения автоматизма. Однако исследование подобных субъектов имеет свои трудности, так как они чрезвычайно изменчивы и, не говоря уже о склонности к плутовству, которую им приписывают часто несправедливо, они не всегда бывают одинаковыми в смысле психическом и физиологическом. Необходимо очень внимательно

---

* D-r Philips (Durand de Cros). Cours théorique et pratique de braidisme ou hypnotisme nerveux. 1860. P. 169.

** D-r Despine. Du somnambulisme étudié au point de vue scientifique.

и долго следить за ними и изучать во всех фазисах их болезни, чтобы точно знать, при каких обстоятельствах и условиях экспериментируешь. Затем, в силу своей неустойчивости, они крайне легко подвергаются внешним воздействиям: очень быстро меняются под влиянием книг, которые их заставляют читать, или слов, которые неосторожно произносят в их присутствии.

Поэтому невозможно получить правильный результат, если исследовать их только один раз, случайно, и не знать точно состояния их болезни, характера прежних мыслей и т. д. Также нельзя наблюдать какое-нибудь естественное при их состоянии явление, если обращаться к ним с вопросами публично и говорить присутствующим лицам о производимых опытах и ожидаемых результатах. Нужно наблюдать их часто и экспериментировать над ними одному или с компетентными лицами, знакомыми с вопросом и понимающими необходимость неизбежных предосторожностей.

Таковы условия, при которых мы старались производить наши исследования. Объектами наших наблюдений были 14 истерических и поддающихся гипнозу женщин, 5 страдающих той же болезнью мужчин и 8 лиц с умственным расстройством и эпилепсией. Число подобного рода субъектов было нетрудно увеличить, если бы мы не поставили задачу экспериментировать прежде всего над лицами, хорошо изученными, физическое и психическое состояние которых можно было точно определить. Кроме того, считаю лишним приводить отдельно эксперименты, проведенные над всеми этими субъектами: будучи похожи друг на друга, они не дадут ничего нового и только усложнят наше изложение. Большинство экспериментов мы повторяли, по возможности, на небольшом числе хорошо изученных субъектов, на которых мы и будем ссылаться. Вот почему большинство явлений описаны нами по наблюдениям над четырьмя главными субъектами: Леонией, Люси, Розой и Марией. Эти четыре особы больше всех других удовлетворяли условиям правильного психологического эксперимента. Наблюдая за ними в течение долгого времени, мы прекрасно изучили все детали их болезни и характера. Исследования, проводимые компетентными лицами, позволили свести до минимума влияние на них непродуманных поступков или неосторожных слов. Невозможно было бы все предусмотреть и провести

исследование, если бы нам не помогали лица, более всех способные оказать успешную помощь. В настоящее время философы практически не могут исследовать разум человека без помощи тех, кто посвятил себя изучению человеческого тела. Без¹⁰ врача, который указывает психологу на нужного субъекта с особенным заболеванием, предостерегает против возможных случайностей, все время помогает своим опытом, — психолог не мог бы приступить к экспериментальному исследованию психических явлений. Хотя такой, так сказать, союз между врачами и психологами в наше время является вполне обычным, я не могу не упомянуть о помощи и поддержке, оказанных мне врачами в Гавре. Я выражаю свою особую благодарность и признательность докторам Жиберу и Повилевичу, которые, не останавливаясь перед трудностями, охотно приняли участие во всех моих работах. Если приводимые в моей книге наблюдения (скорее, быть может, чем излагаемые в ней теории) имеют какую-нибудь ценность или интерес, то главная заслуга в этом отношении принадлежит им.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩИЙ АВТОМАТИЗМ

ГЛАВА I

ИЗОЛИРОВАННЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Кондильяк, собираясь анализировать человеческую психику, придумал остроумный способ изучения сложных явлений сознания. Он вообразил одушевленную статую, способную испытывать все эмоции и понимать все мысли, но не имеющую вначале ни одной из них; в абсолютно пустую психику статуи он хотел вводить отдельные ощущения одно за другим. Придуманый способ — прекрасный научный метод. Множество перекрещивающихся во вселенной явлений мешают нам распознать их взаимоотношения и зависимость. Если мы вдруг их уничтожим и воспроизведем в абсолютной пустоте только одно, то сможем легко оценить его значение: результаты его возникновения будут развиваться на наших глазах. Этот идеальный научный метод Кондильяк и пытался применить к изучению психических явлений, но, к сожалению, в данном случае метод оказался совершенно неприменимым, так как у философа не было статуи, и он не мог свести сознание к элементарным явлениям. Поэтому он поставил опыт лишь в своем воображении: вместо того чтобы обращаться с вопросами к природе и ждать от нее ответа, он сам сочинял вопросы и ответы и, таким образом, вместо научного анализа занимался созданием не подтвержденных фактами умозаключений. Эксперимент, о котором мечтал и не мог выполнить Кондильяк, в наше время реально осуществим. Есть «настоящие живые статуи», сознание которых свободно от всяких мыслей. В такое сознание можно вводить отдельное явление

и наблюдать его дальнейшее развитие. Благодаря болезненному состоянию, давно известному врачам, но мало исследованному философами, мы нашли подобную статую. При каталепсии² наблюдается полное и внезапное исчезновение сознания, за которым следует постепенное восстановление его. Этим состоянием мы и воспользуемся для своих экспериментов. «Каталепсия, — говорит Сен-Бурдэн, — есть перемежающийся, безлихорадочный припадок, характеризующийся исчезновением сознания и чувствительности, а также способностью мускулов сохранять вызванные в них сокращения».* Это далеко не совершенное определение дает довольно правильное понимание того болезненного состояния, которое у лиц, предрасположенных к нему, наступает само собой под влиянием какого-либо потрясения или эмоции, а у других вызывается различными приемами. Нет необходимости заниматься вопросом о происхождении названного состояния. О каталепсии можно сказать то же, что Балле говорил по поводу расстройств речи: «Нас мало интересует, произошло ли данное расстройство речи или письма от опухоли в мозгу, от размягчения мозга или от токсического агента. Колесики часов могут остановиться от порчи волоска точно так же, как и от какой-нибудь песчинки, расстройство остается всегда одним и тем же, какова бы ни была вызвавшая его причина».** Таким образом, можно изучать психическое состояние, вызванное данным заболеванием, не исследуя вопроса о его происхождении. Несомненно, человек, страдающий каталептическими припадками, не так идеально прост, как статуя Кондильяка. Но эксперимент, даже если он несовершенен, во сто раз дороже, чем не подтвержденная опытами теория. Поэтому, следуя нашему методу, начнем с описания каталепсии и наиболее общих ее признаков. Затем рассмотрим различные трактовки заболевания и ту гипотезу, которую считаем наиболее правильной. Наконец, вернувшись к эксперименту и варьируя его, мы проверим вытекающие из нашей гипотезы следствия. Итак, исследуем то состояние, при котором явления сознания кажутся нам изолированными в той мере, как того хотел Кондильяк.

---

* Saint-Bourdin. *Traité de la catalépsie.*

** Ballet. *Langage intérieur.*

1. ОПИСАНИЕ ЯВЛЕНИЙ ПРИ КАТАЛЕПТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ

Нежелательно начинать свои исследования с описания довольно редких психических состояний, вызвать которые экспериментальным путем очень трудно. Но это не должно нас останавливать: мы хотим изучать сначала самые простые явления, а природа преподносит нам всегда очень сложные. Нет ничего сложнее нормальной психики, как и нет ничего сложнее безумия или обычного истерического припадка. Так что мы вынуждены выбирать редкие явления, если хотим, чтобы они были простыми. Кроме того, хотя мы лично наблюдали за многими больными с нервными заболеваниями, при которых может наступать катаlepsия, нам никогда не приходилось присутствовать при абсолютно чистом естественном катаlepsическом припадке: виденные нами припадки были только несовершенными вариациями катаlepsии. Но мне известны два случая самопроизвольного катаlepsического припадка: один из них наблюдал в Париже мой брат Жюль Жане, а другой произошел с одним известным мне больным во время грозы. Чаще всего я наблюдал вызванные катаlepsические припадки, да и то только у трех лиц.

У Люси можно было иногда вызвать катаlepsический припадок, показав внезапно зажженную магнезию или надавив слегка на глаза во время гипнотического сна. У Розы и Леонии катаlepsическое состояние наступало само собой в определенные моменты во время гипнотического состояния. У Леонии катаlepsия наступала в том случае, если ей во время гипнотического состояния открывали глаза при сильном свете. У всех других субъектов, которых я изучал, наблюдались лишь разновидности сомнамбулизма и катаlepsии, так быстро проходившие, что легко можно было не заметить их, как это часто и случалось. Следовательно, описание катаlepsии придется дать, опираясь на изученные нами вызванные определенными приемами припадки. Но, сравнивая виденное нами с описаниями других авторов, можно будет доказать, что эти припадки в основном не отличаются от припадков естественной катаlepsии.

Рассмотрим сначала внешний вид субъекта в этом состоянии. Например, изучим состояние Леонии, когда она находится

в той стадии каталепсии, которая соответствует классическому описанию. Полная неподвижность субъекта — первый, наиболее яркий признак этого состояния. Нормальный человек никогда не остается в течение долгого времени неподвижным; какие-либо движения рук, век, губ, легкие подрагивания кожи всегда свидетельствуют о деятельности психики и об осознанном восприятии внешнего мира. Леония же неизменно сохраняет положение, в котором застал ее припадок, и сознание ее никак не проявляется. Взгляд широко открытых неподвижных глаз направлен в одну сторону. Сохраняются только признаки органической жизни — удары пульса, дыхание; все же движения, исходящие от органов связи с внешним миром и обнаруживающие обычно наличие сознания, отсутствуют. Если предоставить такого субъекта самому себе и, особенно, не прикасаться к нему, то такое состояние может оставаться без всяких изменений в течение более или менее долгого времени: естественная каталепсия длится иногда несколько дней, а искусственно вызванная может продолжаться несколько часов. У субъектов, за которыми я мог наблюдать, это состояние никогда не продолжалось более четверти часа. Самопроизвольно изменяясь, оно постепенно утрачивало абсолютную психическую инертность. Пока субъект находится в каталептическом состоянии, можно производить над ним различные эксперименты, которые дают нам возможность констатировать ряд важных признаков. Приведем четыре основных признака, являющихся следствием описанной выше инертности:

1. Длительность и устойчивость изменений, сообщенных субъекту в каталептическом состоянии. Прикасаясь к такому субъекту, можно заметить, что его тело очень послушно, конечности легки; их можно легко перемещать, так как они не оказывают никакого противодействия. Если придать им новое положение, то они не падают, следуя законам тяготения, а остаются совершенно неподвижными. Рукам, ногам, голове и торсу субъекта можно придать любые положения, даже самые неудобные. Таких больных совершенно справедливо сравнивали с манекенами художника, которые можно перегибать во всех направлениях. Даже лицо Леонии можно изменять таким же образом: открывают ли ей рот, поднимают или опускают брови, — лицо, подобно восковой маске, поддается манипуляциям и сохраняет новое выражение.

У некоторых даже мышцы живота сохраняют отпечаток руки. Каталептические положения тщательно исследовались. Результаты опытов имеют важное значение. При помощи точных приборов удалось установить, сколько времени принятые позы остаются без изменений: в отличие от того, что всегда происходит с протянутой рукой нормального человека, части тела каталептиков долго остаются неподвижными, без малейшей дрожи; вместо того чтобы вызывать ускорение или изменение дыхательного ритма, это утомительное положение руки несколько не меняет медленного движения грудной клетки. Только спустя много времени (по мнению одних авторов — час и более, по мнению других — 20 мин) рука начинает опускаться под влиянием мышечной усталости; но это происходит очень медленно и правильно, а не рывками, как у нормального человека. Так как у Леонии катаlepsия длилась не более четверти часа, то я этого явления не наблюдал.

«Позы» — наиболее характерные и наиболее известные признаки самопроизвольной катаlepsии. Приведу, например, небольшой отрывок из Сен-Бурдэна: «Он разговаривает с ней — она не слышит; он прикасается к ней — она, по-видимому, не чувствует этого; он поднимает ее руку — рука остается в положении, какое он придавал ей; ставят ли больную на ноги, наклоняют ей голову или поднимают ногу — приданное положение сохраняется».* Еще одно описание Сен-Бурдэна: «Она сохраняла то же положение, в каком находилась в момент припадка: если стояла, так и оставалась стоять; если поднималась по ступенькам, и одна нога была поднята, то в течение всего припадка это положение сохранялось. Поднимали ли у нее в этом состоянии руку, наклоняли голову, ставили на одну ногу с протянутыми руками — словом, какое бы положение ей ни придавали, лишь бы тело ее было в равновесии, она до конца припадка сохраняла последнее из приданных ей положений». Однако при естественной катаlepsии не всегда можно констатировать ту гибкость, которая является почти постоянной при катаlepsии искусственной. У некоторых больных все тело находится в состоянии такого затвердения, что, если их толкнуть, они упадут, не изменяя положения. Ниже мы вернемся к вопросу

---

* Saint-Bourdin. Traité de la catalépsie. — ошибки в источнике! Нужно — Saint-Bourdin. Traité de la catalépsie, 1841, 7.

об этом различии; заметим только, что в данном случае внешняя упругость и напряжение в мышцах имеют каталептический характер. Мышцы не напрягаются одновременно и с одинаковой силой. Это привело бы к сохранению одного и того же положения тела, которое характерно для припадков столбняка или некоторых форм эпилепсии: тело вытянуто и отклонено назад, конечности выпрямлены, руки падают вдоль тела, повернутые внутрь со сжатыми кулаками и т. д. При каталепсии мышцы сокращаются в разной степени, придавая телу выразительное положение, подобное приведенному выше в описании Сен-Бурдэна, когда тело, застывшее в молитвенной позе, со сложенными руками и согнутыми коленами, можно было опрокинуть, не изменяя его положения. Эти детали важны для того, чтобы отличить каталепсию от настоящей общей контрактуры.

Кроме положений, частям тела в каталептическом состоянии можно сообщить также и определенное движение. Вместо того чтобы оставлять руку неподвижной, ее раскачивают два или три раза и затем отпускают в середине движения — качание продолжается само собой. Таким образом голове, рукам и ногам этого манекена можно сообщить движения, которые не прекратятся до конца припадка. При естественной каталепсии наблюдаются те же признаки, хотя и не так часто. «Девочка пяти лет была однажды сильно потрясена тем, что сестра ее во время обеда взяла кусок, который она выбрала для себя. Она тотчас застыла в том положении, в котором была: рука с вилкой, протянутой к блюду; глаза с негодованием устремлены на сестру. Когда к ней обращались, она ничего не слышала и не шевелила губами; ходила, когда ее толкали или вели за руку» (Сен-Бурдэн).

У каталептиков можно иногда наблюдать устойчивость ощущений и даже образов; Леония и Люси подолгу смотрят на свечу, которую им показали. Но так как эти явления очень трудно изучать на каталептиках, тщательный анализ их дадим ниже. Описанных явлений вполне достаточно для подтверждения первого признака каталепсии: длительность и устойчивость всех сообщенных субъекту изменений.

2. Подражание или повторение. Если вместо того чтобы прикасаться к субъекту и менять положение его тела, мы встанем по направлению его взгляда и сделаем какие-нибудь дви-

жения, то субъект будет подражать нам. Это явление получило название *отраженного подражания* или «зеркального» подражания, так как субъект левой рукой подражает движению нашей правой руки и похож на наше собственное отражение в зеркале. Факт этот не является, однако, общераспространенным, так как Люси, например, очень точно подражает всем воспринимаемым движениям; правда, у нее каталепсия гораздо менее развита, чем у Леонии. Вместо того чтобы действовать на зрение испытуемого субъекта, можно влиять на его слух. Подобное явление мы наблюдали у другой сомнамбулы, Розы, у которой оно выражалось особенно рельефно. Если я в то время, как Роза находится в каталептическом состоянии, громко разговариваю около нее, она с той же интонацией повторяет мои слова. Явление это получило название эхоталии: субъект, как бы превращенный в фонограф, повторяет все звуки, которые достигают его слуха, но, по-видимому, не понимает смысла произносимого. Обычно звуки воспроизводятся при помощи рта, но однажды случилось, что доктор Повилевич хлопнул в ладоши — Роза повторила этот звук, также хлопая в ладоши. В данном случае эхоталия соединилась с подражанием.

3. Выразительное распространение явлений. Изменения в положении тела субъекта чаще всего остаются частичными и касаются только одной конечности; но иногда, когда каталептическое состояние вполне развито, они распространяются на все тело. Жюль Жане наблюдал одну больную с естественной каталепсией, которая левой рукой повторяла всегда то, что делали с ее правой рукой, и наоборот. Это явление сопутствующих движений (*syncinésie*) я наблюдал только у Леонии, да и то нечасто.

Если я складываю ей одну руку в кулак — другая складывается точно так же; поднимаю одну руку, как бы для молитвы — другая тоже подымается, и обе они складываются ладонями вместе. Причем таким образом дополняют друг друга акты движений, которые ей известны и привычны.

Но эти привычные акты способны распространяться еще больше и вызвать изменение положения всего тела испытуемого субъекта. Это — одно из наиболее известных явлений каталепсии, так как это совершенно необычное зрелище. Лицо оживляется, и тело принимает положение, гармонизирующее с положением

одной из частей тела; эмоциональное выражение лица соответствует положению тела. Если Леонии сжимают одну руку в кулак, то другой кулак сжимается точно так же; руки поднимаются, как бы для удара; корпус выпрямляется; лицо меняется: стиснутые зубы, нахмуренные брови выражают гнев. Если поднести ее руку к губам — другая рука так же прикасается к губам, как бы для воздушных поцелуев; лицо сразу меняется и вместо выражения ужаса на губах появляется улыбка. Можно бесконечно менять эти положения и позы и заставлять субъекта выражать любовь, молитву, ужас, насмешку — всегда с одинаковым совершенством.

Чтобы перейти от одного положения к другому, достаточно слегка изменить положение одной части тела; у Леонии достаточно прикоснуться к мышцам лица. Шарко¹³ и П. Рише¹⁴ меняли позу больной, впавшей в каталепсию, вызывая электрическим током сокращения одной из мышц лица. У Леонии лицо, как и все тело, находится в состоянии каталепсии; стоит поднять у нее брови, чтобы они остались в этом положении и чтобы во всем теле появилось выражение ужаса, которое, несмотря на такую ничтожную причину, очень сильно.

4. Ассоциативная связь между различными состояниями. В описанных выше опытах испытуемый субъект самостоятельно не делал никаких движений и не выходил из состояния, в которое его приводили. Теперь рассмотрим случаи, когда субъект играет активную роль. Я складываю руки Леонии, как бы для молитвы, и все лицо ее выражает экстаз. Оставляю ее в этом положении, так как хочу знать, как долго сохранится это выражение. Вскоре она встает со стула и очень медленно делает вперед два шага, с той же странной медлительностью становится на колени и наклоняется вперед со склоненной головой и устремленными вверх глазами в чудной экстатической позе.

Останется ли она в этой законченной позе, сохранив каталептическую неподвижность? Нет, вот она вновь поднимается без моего прикосновения, еще больше наклоняет голову и, приложив к губам сложенные руки, делает вперед еще пять или шесть шагов — еще медленнее, чем раньше. Она делает глубокий поклон, еще раз становится на колени и поднимает немного голову с полузакрытыми глазами и приоткрытым ртом. Теперь понятно, что она подходит к причастию. В самом деле, после причастия она

встает, кланяется и с низко опущенной головой возвращается на прежнее место, где опять опускается на колени. Вся эта сцена, продолжаясь четверть часа, прерывается окончанием каталептического припадка.

Это — самое сложное из всех наблюдаемых мною действий во время каталепсии. Очевидно, что оно состоит из смены последовательно вызывающих друг друга актов, а не является, как в других случаях, лишь продолжением сообщенного сомнамбуле изменения положения. С этим явлением можно сравнить многие другие акты, которые обуславливаются различными чувствами и состоят из последовательной смены действий. Если испытуемый субъект слышит веселую музыку, он смеется и затем начинает танцевать; грустная музыка заставляет его плакать. Если Леонии дать нитку, она делает жест для вдевания нитки в иголку и принимается шить; если дают ей карандаш, она начинает писать, но выводит только какие-то палочки и черточки; если дают ей зонт, она открывает его над своей головой и т. д. Субъект, описанный у Форестье, во время припадков самопроизвольной каталепсии пожирал с жадностью все, что ему клали в рот.

В трудах о каталепсии немало описаний таких сложных, ассоциированных актов. Мне хотелось только напомнить об этих хорошо известных каталептических явлениях, имеющих, как нам кажется, важное значение для изучения автоматизма. Как говорил Шарко, «при самопроизвольной каталепсии наблюдается абсолютная психическая инертность, с которой, собственно, и следует начинать исследование гипнотического внушения».*

2. МЕХАНИЧЕСКОЕ ИЛИ ФИЗИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ОПИСАННЫХ ЯВЛЕНИЙ

Могут ли только что описанные явления интересовать психолога? Это первое, что нужно решить при изучении каталепсии. Способны ли еще мыслить эти неподвижные женщины, которые подобны статуям и не могут говорить или оказать какое бы то ни было противодействие? Есть ли у них какое-нибудь сознание,

---

* Charcot. *Maladies du système nerveux*.

которое сближало бы их с нами? Можно сомневаться в этом и думать, что для объяснения всех описанных явлений достаточно только изучения органической жизни. Так, например, Эн Янгэн объясняет каталептические акты рефлекторным действием низших центров мозга, не распространяющимся на высшие центры, определяющие сознание человека. К этому мнению присоединяется английский психиатр Моделей; подобного взгляда придерживается и доктор Дедин *. Этот автор отказывается признавать наличие у человека какого бы то ни было сознания не только во время катаlepsии, но даже во время сомнамбулизма. Все действия, совершаемые при этих аномальных состояниях, он считает чисто «органическими», подобными движениям сердца и легких, которые совершаются без нашего ведома. Акты эти — действительно автоматические, но это «автоматические акты спинного и продолговатого мозга и мозговых полушарий». «Нельзя говорить о бессознательной и автоматической деятельности психики, — это противоречие; можно лишь говорить о бессознательной деятельности такого-то нервного центра». «Карпентер неправильно называет эти акты чувственно-двигательными или идеомоторными — в них нет ни чувства, ни мысли; нет деятельности психики поистине автоматической; наконец, обращаться к психологии за объяснением сущности сомнамбулизма значило бы делать ложные шаги, ибо только физиология может дать это объяснение». **

Так как цель нашего исследования — доказать обратное, то мы должны остановиться на рассмотрении взглядов Дебина, которые, по-видимому, с самого начала тормозят нашу работу. Невозможно применять к сомнамбулам положение об абсолютной бессознательности. Думать, что субъект, который говорит, решает задачи, проявляет свою симпатию и антипатию, поступает по-своему и часто сопротивляется нашим приказаниям, думать, что такой субъект имеет не больше сознания, чем механическая кукла, — значит обнаруживать отсталость, придерживаться взглядов времен знаменитой теории Декарта о животных-машинах. Ибо наличие сознания у сомнамбулы более очевидно, чем наличие

---

* Dr. Despine. Psychologie naturelle. 1868.

** Despine. Somnambulisme.

сознания у собаки; а в существовании последнего в настоящее время никто не сомневается. Но в отношении каталептического состояния теория эта в какой-то мере верна; а так как обсуждаемые теории следует всегда рассматривать в наиболее выгодном для них освещении, то мы и рассмотрим положения Депина применительно к каталептическому состоянию. Мы надеемся доказать, что даже в этом случае его аргументы недостаточно убедительны и оставляют место для других предположений.

Аргументы Депина, изложенные в его многочисленных работах о сомнамбулизме, могут быть разделены на три группы.

1. В первой группе доказательств автор опирается на факт забывания, характерный для сомнамбулизма, особенно для каталепсии. «Под сознанием, — говорит он, — подразумевают знание, восприятие нашим „я“ — существом, чувствующим свое бытие — того, что происходит в собственной психике, восприятие своих собственных поступков, самого себя; в этой работе мы будем говорить только о таком сознании».* Из такого определения сознания следует, что, если есть акты, которые наше «я» не приписывает себе и даже не знает, что совершает их, то эти акты не могут быть сознательными. «Когда речь идет о каком-нибудь важном поступке, способном произвести сильное впечатление на нас, и когда субъект, совершивший его, ничего не знает о нем, то было бы противоестественным приписывать это незнание забыванию. Такое явление можно объяснить только неучастием в нем личного „я“, личного сознания; своим происхождением оно обязано всецело бессознательной, т. е. автоматической деятельности мозга в момент временного прекращения сознательной деятельности этого органа».

И вот, нет состояния, после которого это забывание было бы более полным, чем после каталепсии. Сомнамбулы иногда могут припомнить что-нибудь из того, что они проделывали во время сна; но после каталептического припадка больные просыпаются в полном убеждении, что не произошло ничего аномального. Более того, если вместо того чтобы окончательно проснуться, субъект из каталепсии переходит в другое аномальное состояние, казалось бы, мало отличающееся от первого (например, в сомнам-

---

* Despine. Somnambulisme.

булизм), то он также не сохраняет воспоминания о своих движениях и позах во время катаlepsии. «Это незнание,— говорит Дедин,— может быть объяснено опять-таки неучастием личного „я“ в том, что совершает тело, так как в это время парализована мозговая деятельность, характерная для нашего „я“ — для сознательной личности.

То же самое мы наблюдаем и у лиц, усыпленных эфиром или хлороформом. Что бы пациент ни произносил в это время, его „я“, его сознательное существо в этом совершенно не участвует, так как, придя в себя, больной утверждает, что ничего не чувствовал, не знает, что его оперировали или делали ему перевязку, не знает, что произносил какие-то слова и двигался; все его движения и слова были чисто автоматическими». Так как состояние субъекта в катаleптическом припадке или сомнамбулическом сне очень похоже на состояние субъекта, усыпленного хлороформом (доказательство этого положения составляет самую интересную часть работы Дедина), то можно выводы, сделанные при изучении одного состояния, применить к другому. Хлороформ уничтожает чувствительность и лишает нас сознания; так как сомнамбулизм обладает теми же свойствами и, в частности, характеризуется забвением всего, что происходило во время сна, то мы вправе думать, что он влечет за собой такую же бессознательность.

Достаточно беглого просмотра работ, авторы которых всегда считают потерю памяти во время припадка доказательством бессознательности, чтобы бросилась в глаза шаткость доказательств Дедина. Можно ли забыть действительно сознательные поступки? «Такое забывание,— говорит Дедин,— кажется необъяснимым, когда дело идет о сомнамбулах». Пусть так, но нужно все-таки искать причину, даже если это трудно. Наконец, если мы и не найдем объяснения, забывание действительно сознательного поступка не станет менее очевидным, это часто случается. Если, как говорит один английский автор*, читатель «Times»'а будет внезапно убит, он, конечно, не будет помнить о своем чтении. Нужно ли из этого заключать, что все его чтение было бессознательным? В таком случае мы никогда не сможем допустить наличие со-

---

* Gurney. The problems of hypnotisme.

знания у какого-либо лица, и даже у нас самих, так как ничто не гарантирует, что болезнь или несчастный случай не лишат нас завтра сознания.

Допустим на мгновение, что потеря памяти является достаточным доказательством абсолютной бессознательности. Но разве точно известно, что не сохраняется никаких воспоминаний о каталептических явлениях? Правда, у тех субъектов, которых я наблюдал, никогда не оставалось воспоминаний после того, как они возвращались в так называемое нормальное состояние или бодрствование. Но, во-первых, в каталептических припадках память в какой-то степени сохраняется в виде привычки, которую субъект быстро приобретает: он с совершенством выполняет известные ему движения. Эти субъекты также бывают в особом психическом состоянии (род сомнамбулизма), при котором вспоминают все, что происходило с ними во время каталепсии. «Вы мне складывали руки, — говорила мне потом Леония, — как будто я играла на флейте; вы мне сжимали кулаки» и т. д.

Правда, сохранение воспоминаний о случившемся наблюдается только при очень глубоком сомнамбулическом сне, добиться которого так трудно, что долгое время о нем ничего не знали. Ниже мы займемся изучением этих сомнамбулизмов; теперь же стоит только указать, что воспоминание о каталепсии иногда сохраняется. Но это воспоминание, скажет Депин, существует только при другом аномальном состоянии, которое само является состоянием бессознательным. «Если, — говорит он, — парализованное сознание не сохраняет воспоминания о том, что произошло во время припадка, так как оно не получило восприятий, то сознание автоматическое, принимавшее участие в действиях во время припадка, сохранило известные впечатления, и воспоминание о них может появиться во время другого припадка».

Таким образом, если бы воспоминание появилось при нормальном состоянии, это было бы прекрасным доказательством наличия сознания; но так как оно появляется при другом состоянии, то это является лишь доказательством физического автоматизма. Не следует ли из этого, что указания на психическое состояние каталептиков нужно искать вне сферы памяти, которая не может служить доказательством сознательности или бессознательности.

2. Другая группа доказательств, на которую опирается Дедин в своих выводах об отсутствии сознания во время сомнамбулизма, *основана на аналогиях между этим последним и некоторыми явлениями при потере сознания*. Некоторые сложные движения выполняются при этом так, что кажется, будто они не осознаются лицом, которое совершает их. «Один субъект, — говорит Дедин, — пораженный апоплексическим ударом и не вышедший из коматозного состояния до смерти, доставал из-под подушки хронометр и с видом глубокого внимания заставлял его отзванивать час». Это наблюдение ничего не доказывает, потому что, с одной стороны, этот субъект в момент выполнения данного действия не был еще мертв и сохранил, быть может, остатки сознания (никто не может доказать обратное), а с другой стороны — так как он умер вскоре после того, то и не мог сообщить, сознавал он или нет то, что делал.

В очень интересной главе автор перечисляет все действия, которые может совершать обезглавленная лягушка, рассеченный надвое тритон и др., и без конца доказывает, что эти действия совершенно аналогичны тем, которые при других условиях выполняются теми же органами под руководством сознания. «Эта обнаруживаемая нижним отрезком разумная способность не может, — говорит Дедин, — исходить от какого-либо „я“, от сознающего себя существа; иначе в этом животном было бы два отдельных существа: одно — в верхнем отрезке, способном действовать разумно, и другое — в нижнем отрезке. Но подобное утверждение в свете нынешних научных знаний недопустимо». Мы ответим: почему недопустимо? Абсолютное единство нашего «я» является метафизическим положением, которое, быть может, верно, но которое должно исходить из фактов, а не навязываться им. У нас нет других доказательств сознательности животного, кроме разумного приспособления его движений. Сначала нужно выяснить, не обнаруживает ли это разумное приспособление наличие в животном одного, двух или трех сознаний, и только после этого делать выводы о единстве или дроблении сознания.

Я предпочитаю исследовать некоторые разумные акты, совершаемые людьми в то время, когда их разум и дар слова не поражены и когда они сами могут подтвердить нам, что не ощущают

этих актов. Самыми интересными являются привычные действия, которые Дедин описывает весьма любопытным образом. Он настаивает на бессознательности привычки: не разум, говорит он, запоминает и сознательно воспроизводит музыкальный отрывок — артист должен иметь этот отрывок «в пальцах или во рту». «Когда я стараюсь вспомнить какой-либо мотив, — говорил один артист, — я даю своим пальцам блуждать по клавишам, и они тотчас же находят его; у них лучшая память, чем у меня». Более того, если артист старается сознательно исполнить что-либо, ему это хуже удастся, так как «ошибки совершаются разумом чаще, чем автоматом».

Бессознательность наблюдается не только в привычных действиях, но и во всех других совершаемых нами актах: мы не знаем всей сложной работы мышц, когда поднимаем руку или открываем рот. «Я» посылает приказ совершить движения, а независимая от него, чисто органическая сила координирует необходимые для этого мышечные сокращения. Наконец, не проявляется ли постоянно в чисто органических актах, таких как: пищеварение, дыхание и т. д., разумная целесообразность, о которой наше «я» не только не знает, но которую даже не всегда в состоянии понять? Это лишь несколько примеров тех многочисленных актов, которые происходят в нас, но без нас, т. е. без участия нашего «я», и, следовательно, без участия сознания и которые должны быть отнесены к чисто органической деятельности головного и спинного мозга. Нет ничего более поразительного, чем акты, совершаемые сомнамбулами и каталептиками. Их слова очень похожи на те, которые мы сами произносим, а координированные движения — на те, которые мы совершаем по рассеянности или по привычке, *не подозревая об этом*. Эти акты должны иметь одно происхождение, и так как первые бессознательны, то и последние также бессознательны.

Я не буду останавливаться на описании бессознательных актов из нормальной жизни: автор подробно описал их с истинным психологическим талантом — тем более любопытным, что он отрицает за ними всякое психологическое значение.

Но позволю себе сделать несколько замечаний по поводу толкования этих явлений. Допустим, что действия, совершаемые в каталепсии (это было бы очень неверно по отношению

к действиям, совершаемым в сомнамбулическом сне), сильно напоминают если не органические явления, то по крайней мере привычные обыденные акты. Следует ли допустить без колебаний абсолютную бессознательность привычки? Пианист, о котором говорит Дегин, может играть наизусть, не обращая внимания на движения своих пальцев; но также легко он может и замечать каждое движение и ясно сознавать его. Другие явления, наоборот, остаются сознательными даже в том случае, когда, в силу привычки, они протекают быстрее или легче. Так, например, воспоминание, всплывание представлений под влиянием ассоциаций является неоспоримым результатом привычки; но тем не менее эти явления протекают сознательно. Для того чтобы привычные движения совершались с нашего ведома, им не хватает не сознательности, а внимания с нашей стороны. Если мы их не сознаем или думаем, что совершенно не сознаем, то это еще не доказывает, что они сами по себе бессознательны. Достаточно небольшого усилия, внимания с нашей стороны, чтобы обнаружилась сознательность привычных актов, созданная не нами и уже не существовавшая раньше.

Но, скажут нам, существуют телесные акты, которые совершенно не сознаются нами, например, процессы органической жизни. Допустим это, хотя в сущности акт причащения в катаlepsии несколько не похож на биение сердца или на пищеварение. Нужно доказать, что эти акты, будучи бессознательными *для нас*, являются бессознательными и *сами по себе*. «Раздражение небной занавески, — говорит Ш. Рише¹⁵, — пищевым комком или инородным телом вызывает либо акт глотания, либо тошноту; по-видимому, существуют какие-то отличия в характере раздражения. Это — рудиментарное психическое свойство спинного мозга, т. е. нечто вроде способности различения».* Так же обстоит дело и со всеми рефlekсами, которые обнаруживают всегда некоторую способность ощущения и различения, хотя мы и не сознаем этого. Многие физиологи признавали роль элементарного сознания. Бюффон приписывает органическим молекулам в теле животного род ощущений, чуждых нашему сознанию и нашему «я». Ш. Бонне приписывает способность ощущать всеми частями тела и даже

---

* Richet Ch. Psychologie générale. P. 69.

растениями; Флюже, Ауэрбах и многие другие приписывают ощущение и иногда разум всем нервным центрам. Бесплезно рассматривать все эти, пожалуй, несколько смелые теории, это увлекло бы нас слишком далеко. Но существования их достаточно, чтобы понять, что привычный или даже органический акт не является непременно бессознательным только потому, что он не сознается нашим «я». Поэтому и отождествление каталептических актов с названными явлениями, если бы даже оно было неоспоримо, вовсе не доказывает их полной бессознательности.

В самом деле, нам непосредственно знакомо только одно сознание — именно *наше* сознание в тот момент, когда мы его ощущаем; всякое иное сознание известно нам только в силу индукции и предположения. Никто¹⁶ никогда не сможет математически доказать, что лицо, которое со мной разговаривает, не есть механическая говорящая кукла, и картезианцы рассуждали последовательно, говоря о раненой собаке: «*Это кричит* и ничего не чувствует». В этом вопросе о сознании другого, как и во многих других вопросах, нам приходится опираться на правдоподобие и вероятность. Обычно мы предполагаем наличие сознания на основании двух признаков — дара речи и разумно координированных действий. Первый признак — дар речи — считается самым убедительным, и это правильно, но он является лишь более сложной и совершенной формой второго признака — совокупности более сложных и более разумно координированных движений. Если первый признак заставляет нас предполагать наличие сознания, то и второй приводит к тому же предположению, хотя с несколько меньшей вероятностью. Каталептики не разговаривают — это верно, и ниже мы вернемся к этому важному обстоятельству; но, в то же время, они действуют разумно. Если я кладу в протянутую руку каталептика предмет весом в 2 кг, то мышцы его руки и всего тела напрягаются для того, чтобы рука удержала предмет и не опустилась. Если я даю ему в руки иголку, то совокупность движений иная, чем когда я складываю его руки, как бы для молитвы. Здесь происходит приспособление в смысле единства движений — словом то, что обычно считается признаком разумности.

Но, скажут нам, координирование движений, разумность и даже ощущение могут существовать и без сознания. «Многие

очень сложные и разумные действия, достигающие совершенно определенной и, смотря по обстоятельствам, различной цели, действия, с виду сильно напоминающие акты, в исполнении которых участвует наше „я“ ... могут быть автоматическими».* «Без сомнения, — говорит также Модслей, — человек не был бы более плохой разумной машиной».** Словом, сознание является только аксессуаром, побочным явлением, отсутствие которого ничего не меняет. Я не стану рассматривать эту теорию, так как, должен признаться, почти не понимаю ее. Она кажется мне непонятной как с психологической, так и с физиологической точки зрения.

Что хотят сказать словами: «рассуждение спинного мозга» или «разумность головного мозга»? *** То, что в спинном или головном мозгу есть какое-то другое сознание, отличное от нашего, так как рассуждение без наличия сознания немислимо. С другой стороны, если допустить, что сознание является совокупностью физиологических условий, приводящих к определенному акту, то нельзя думать, что в другом случае точно такая же совокупность условий, приводящих к акту, не сопровождается сознанием. Одни и те же условия в одном случае обуславливали бы возникновение сознания, а в другом — нет. Сам факт сознания, наоборот, кажется нам очень важным в цепи органических явлений: его наличие или отсутствие, как мы ниже увидим, значительно меняет положение вещей. Если мы знаем, что какое-нибудь сложное явление, например, гневные жесты или молитвенные позы, всегда сопровождается совокупностью эмоций и сознательных мыслей, то мы не вправе предполагать, что те же самые движения во время каталепсии совершаются без руководства какого-либо объединяющего сознания. Поэтому будем считать, что каталептические явления — явления психические, происхождение которых мы должны выяснить. Это положение, которое в настоящее время является лишь гипотезой, в дальнейшем все более и более, надеюсь, будет подтверждаться другими явлениями того же порядка.

---

* Despine. Psychologie. I. P. 491.

** Herzen. Le cerveau et l'activité cérébrale. 1887.

*** Despine. Somnambulisme. P. 85.

3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТОЛКОВАНИЯ. СРАВНЕНИЕ КАТАЛЕПСИИ С СОМНАМБУЛИЗМОМ

Акты, совершаемые во время каталепсии, обуславливаются психическими процессами — положение, которое кажется очень простым, но толковать его можно по-разному. Психические процессы чрезвычайно разнообразны, поэтому небезразлично, какие из них мы используем для объяснения описанных нами фактов. Я не стану говорить о мнении, которое было популярно очень давно: все непонятные факты приписывались произвольной и вполне сознательной симуляции. Неверно полагать, что психическое или даже воображаемое заболевание является всегда симуляцией; впрочем, из всех ненормальных явлений каталепсия меньше всего может быть симулирована. Но, даже не приписывая возникновение каталепсии хитросплетениям полного сознания, можно все-таки объяснить ее полусознанием, которое понимает мысли оператора и отдает себе отчет в своих поступках, но не в силах сопротивляться им. Словом, можно сравнить каталепсию с сомнамбулизмом и объяснить все эти акты внушением. «Чтобы привести какую-нибудь часть тела в каталептическое состояние, нет нужды открывать субъекту глаза либо поражать его ярким светом или сильным шумом, как это делают в больнице Сальпетриер. Достаточно поднять конечность, оставить его некоторое время в воздухе и, при желании, заявить, что данная конечность уже не может опуститься. Тогда он останется в состоянии *внушенной каталепсии*: загипнотизированный субъект, чья воля или способность к сопротивлению ослаблены, пассивно сохраняет приданное ему положение».* Все это совершенно верно. Ниже мы рассмотрим как то, что Бернгейм¹⁷ называет внушенной каталепсией, так и ее различные формы во время сомнамбулизма и наяву. Но здесь речь идет о совокупности явлений, которые обусловлены различными процессами или, вернее, самой болезнью и которые, будучи вполне психическими, имеют совершенно иной характер. Каталепсия и сомнамбулизм являются различными степенями одного и того же явления — положение это неоспоримо; но различие в степени не является маловажным — особенно, когда дело

---

* Bernheim. De la suggestion. 1886. P. 94.

касается явлений психических. Итак, постараемся определить ту ступень, на которой сознание у каталептиков исчезает.

1. При каталепсии неподвижность и инертность испытуемого субъекта гораздо значительнее, чем при всяком другом состоянии: у нормального субъекта или сомнамбулы — особенно, когда у нее глаза открыты, — движения более произвольные. Эта произвольность проявляется при выполнении актов — даже тех, которые были приказаны или внушены. При этом иногда мы отмечаем не только сильное сопротивление и независимость (чего не бывает ни при какой стадии каталепсии), но также и вариации в выполнении одних и тех же актов. Сомнамбула не всегда выполняет один и тот же акт одинаково: она совершает его то быстро, то медленно, то благодушно, то протестуя, то так, то иначе. Наоборот, ничто не может сравниться с неизменностью каталептиков: нет перемен в характере; нет внешних впечатлений, которые развлекали бы их или меняли; их жесты и движения всегда математически одни и те же. Чтобы подойти к причастию, Леония всегда делает одинаковое число шагов прямо и вправо и скорее упрется в стену, чем повернет налево. Сомнамбула, способная всегда приспособить свои движения к обстоятельствам, проявляет, следовательно, сознание совершенно другого характера.

2. Упомянутое различие является, без сомнения, лишь различием в степени, хотя оно и легко уловимо. Но различие в степени сознания обуславливает наличие или отсутствие важного признака. Один из наиболее важных признаков каталепсии, хотя и отрицательный — *субъект не умеет говорить*. Мы имеем в виду не членораздельную речь, которой он владеет, и, подобно эху, повторяет звуки, а дар речи как выражение мысли. Каталептик не отвечает на вопросы ни словом, ни каким-либо иным знаком. У Розы в некоторых случаях глубокого сомнамбулизма рот был более или менее парализован, но она отвечала мне каким-либо знаком руки, означавшим «да» или «нет»; когда же она во время припадка истерии или в сомнамбулизме впадала на момент в каталепсию, то совсем не отвечала мне, хотя у нее ничто не было парализовано и она могла, подобно эху, повторять слова или жесты. Рассмотрим, например, состояние двух женщин, Розы и Марии, когда их позы внешне совершенно одинаковы: вытянуты, с закрытыми глазами, неподвижны; но Роза находится

в каталепсии (ибо бывает каталепсия с закрытыми глазами), а Мария — в простом сомнамбулизме; я поочередно подхожу к каждой и произношу громким голосом, одним и тем же тоном, одну и ту же фразу: «Хорошо ли ты спала эту ночь?» Мария порывисто оборачивается, улыбается и говорит: «Недурно, благодарю вас, но мне снился плохой сон». Не вправе ли я заключить, что обе эти женщины, с виду, казалось, подобные, находятся в разных психических состояниях?

Если каталептик не пользуется словом, то это происходит потому, что он не понимает его. Это легко проверить, пробуя давать словесные приказания таким субъектам. Совершенно напрасно разным тоном повторять: «Подними руку!» — Леония не сдвинется с места. Она, по-видимому, ничего не слышит. Роза же непрестанно повторяет за мною: «Подними руку». Но ни та, ни другая не поднимают руки. Правда, это противоречит тому, что говорит П. Рише: этот автор, хотя и замечает, что некоторые каталептики не повинуются словесному внушению, пишет однако: «В то время, когда В. находится в состоянии каталепсии, ее заставляют смотреть вниз и заявляют ей, что она гуляет в саду. Каталепсия тотчас же прекращается, она делает жест удивления, и лицо ее оживляется: „Какие хорошенькие цветы“, — говорит она и, наклоняясь, собирает цветы, делает букет, пристегивает один цветок к корсажу и т. д.».*

По-моему, поступающий таким образом субъект не находится более в состоянии каталепсии. Мне скажут, что здесь можно говорить только о точности названия. Несомненно, состояния, через которые может проходить человеческое сознание, следуют друг за другом, их трудно разделить. Когда субъект находится в промежуточных состояниях, последние можно без разницы называть тем или другим именем. Но если называть каталептиком субъекта, который понимает словесные внушения и разговаривает, то уже не остается никакого различия между каталепсией и сомнамбулизмом. В самом деле, все остальные признаки либо встречаются во всех гипнотических состояниях, либо (как, например, вызванный растиранием сухожилий паралич) недостаточно общи, так как я ни на ком не мог их констатировать. Впрочем, не важно, будем

---

* P. Richer. *Hystéro-épilepsie*. 1885. P. 781.

ли мы называть описанные мною состояния сомнамбулизмом первой стадии или состоянием полной внушаемости. Необходимо уметь различать наступающие изменения в психике этих субъектов, ибо распознавать все эти состояния можно только на основании психических различий. И вот сознание, которое имеется при катаlepsии и которое, я думаю, исчезает только вместе с жизнью, является при данном состоянии более рудиментарным, чем при всяком другом. Это сознание способно испытывать ощущения, но не способно мыслить: способно слышать, но не способно понимать. Из этого не следует, однако, что в присутствии катаlepsиков можно обо всем говорить, не опасаясь за ход будущих опытов: они могут запомнить слова, даже не понимая их, и если, как это мы ниже увидим, воспоминание о словах всплывет позднее при более сознательном состоянии, то они будут поняты и окажут внушающее влияние. Несомненно одно: в данный момент слова не понимаются и повинование, наблюдаемое при катаlepsии, несознательно.

Отсюда следует, что субъект, будучи с виду крайне инертным и послушным, в действительности мало податлив и повинуетя гораздо больше своим собственным склонностям, чем желаниям экспериментатора. Если я покажу кому-нибудь Леонию в то время, когда она разыгрывает описанную мною сцену с причащением, то покажется, что она повинуетя данному мною приказанию. На самом деле я не приказывал и даже не предвидел того, что она сделает, и в первый раз был этим крайне поражен. Теперь по опыту знаю, что, складывая известным образом руки Леонии и затем оставляя ее на несколько минут, вызову сцену причащения. Но я не руковожу этой сценой: если бы я захотел хоть сколько-нибудь изменить ее, заставить, например, Леонию пойти *налево* или поцеловать распятие *перед* причащением, это бы не удалось. Если я обращаюсь к Леонии, она мне не отвечает; если же прикасаюсь к ней, то просто прекращаю всю эту сцену. Таким образом, я являюсь лишь простым зрителем. Жесты и движения катаlepsика обуславливаются причинами, лежащими в нем самом. Несмотря на то, что движения так определены, что можно предвидеть малейший жест, все-таки действия произвольны. Следовательно, именно в этот момент, лучше, чем когда-либо, обнаруживается автоматизм субъекта. Вот почему мы и начали

свое исследование с описания состояния, которое является сознательным, хотя субъект и не обладает при этом нормальным сознанием и способностью мыслить. Прежде чем исследовать природу этого рудиментарного сознания, нужно принять во внимание возможные возражения. Сейчас, когда вошло в моду все объяснять внушением, как некогда симуляцией, могут сказать, что субъект был ознакомлен с психологическими признаками каталепсии и выдрессирован в этом направлении. Опасно доводить до крайности подобное рассуждение, так как оно вскоре станет в некотором роде «ленивым аргументом». Но нужно все-таки считаться с этим возражением, так как там, где много больных и где они подражают друг другу, очень часто болезненные состояния одних вызывают такие же искусственные у других. Но в случаях, о которых идет речь, субъекты не знали друг друга. И экспериментаторы не были настолько наивны, чтобы внушать субъектам, не подозревая того, признаки каталепсии. Да и всегда можно определить искусственное состояние по какому-нибудь жесту, как, например, в следующем случае. Однажды я производил над Люси опыты в присутствии постороннего лица. Это мне очень не нравилось, так как важно, чтобы в комнате были только лица, привыкшие к такого рода экспериментам. Присутствовавший субъект то и дело задавал мне вопросы, на которые я, следуя своей привычке, не хотел бы отвечать в присутствии испытуемого лица. Все-таки одно слово вырвалось у меня. «Что такое каталепсия?» — спросил он меня. — «Это состояние, при котором субъект неподвижен, и все его части тела остаются в положении, какое им придают». Но я раскаялся, как только произнес это. «Впредь, — подумал я, — вправе будут говорить, что она впадает во внушенную каталепсию». Я захотел тут же проверить результат моей неосторожности. «Смотрите, — сказал я громко, — когда я ударю в ладоши, она впадет в каталепсию». Я ударяю в ладоши, и Люси становится совершенно неподвижной, с широко открытыми глазами; я поднимаю ее руки — они остаются протянутыми в воздухе; наклоняю ей корпус — она остается в этом положении. Была ли она в каталепсии? Нет, потому что не было налицо других признаков каталепсии: соответствующего выражения лица, подражания, эхоталии и проч. Главное, она так хорошо понимала мои слова, что для прекращения этой сцены достаточно было сказать

ей: «Кончено, ты уже не в каталепсии». Попробуйте только прекратить настоящий каталептический припадок (какой бывал, хотя и редко, у самой Люси), говоря просто субъекту: «Кончено» — и вы увидите, как велика разница между этой внушенной покорностью, являющейся видом неглубокого гипнотического сна, и настоящим каталептическим припадком, во время которого сознание сведено к рудиментарному состоянию и который является одной из форм сильных истеро-эпилептических припадков.

Итак, я не могу думать, что только что описанное состояние совершенно искусственно. Из того, что мы его считаем сознательным, не следует заключать, что оно сознательно придумано, так как существуют большие различия даже между сознательными явлениями.

4. РУДИМЕНТАРНАЯ ФОРМА СОЗНАНИЯ: ОЩУЩЕНИЕ И ОБРАЗ, ВЗЯТЫЕ В ОТДЕЛЬНОСТИ

Некоторые философы считали сознание, по примеру картезианцев, чем-то неизменным, постоянным, без оттенков и переходных ступеней. По мнению Декарта, сознание существует при наличии сомнения, размышления, рассуждения и способности говорить или же не существует вовсе, заменяясь механикой, протяженностью и движением. Наоборот, Лейбниц в глубокой философии, к которой в настоящее время подводят нас все естествознание и психология, черпал совершенно иную концепцию сознания. Он допускал бесконечное число последовательных форм сознания, и некоторые из них казались ему настолько ниже нормального сознания, «что человеческая психика в сравнении с ними является как бы маленьким богом». Для понимания возможности низших, рудиментарных сознаний изложим кратко эту теорию. Возьмем человеческое сознание в его обычной, законченной форме и будем последовательно лишать его всех приобретенных свойств, которые не являются существенными. Все согласны с тем, что нужно отличать обыденное сознание от мышления, т. е. от существующей в большей или меньшей степени у всех людей способности объяснять и понимать явления. Именно мышление способствует соединению многочисленных фактов сознания в синтезы и общие

представления; достигается же оно путем вскрытия соотношений между отдельными фактами — соотношений, которые, оставаясь без изменения в различные моменты, объединяют самые разные с виду явления. Такова, конечно, наивысшая цель, к которой стремится человеческое сознание; но достигает оно ее не всегда — во всяком случае реже, чем мы могли бы думать. В самом деле, исследуя поступки другого лица, мы слишком склонны приписывать ему собственные представления и свои рассуждения по поводу его поведения. Очень часто мы думаем, что человек действовал с таким-то намерением, учитывал все следствия своих поступков и что его умозаключения составляли стройное систематическое целое; между тем в действительности мысли его лишь механически вызывали одна другую, и сам субъект не уловил никакой связи между ними. Не следует смешивать найденное нами истолкование фактов сознания с самим сознанием. Если явления сознания *кажутся нам* связанными между собою отношениями сходства, различия или целесообразности, то из этого не следует, что данный человек также сознавал это сходство, различия или целесообразность.* Английские философы, по-видимому, ошибаются именно в этом, говоря, что всякое сознание есть ощущение различия.

В этом же ошибается Полан, который в своих интересных работах, приписывает, по-видимому, элементарному сознанию то понятие о целесообразности, которым он сам пользуется для истолкования фактов сознания.** Сознание может существовать без всякого суждения, т. е. без понимания; человек может ощущать и в то же время не понимать собственных ощущений. Например, наш субъект: когда мы видим сложные действия, которые совершает Леония, когда я складываю ей руки, то мы сведем эти действия к одному понятию, определяемому нами словом «причащение», и будем думать, что она причащается. Но это вовсе не доказывает, что она сама думала о причащении и что она подводит свои действия под это понятие. Намного вероятнее, что в ее сознании образы вызывают друг друга, и больше ничего. Если

---

* См. по этому поводу: Rabier. Cours de philosophie.

** Fr. Paulhan. La finalité comme propriété des éléments psychiques. Rev. phil. 1888.

позднее у нее всплывает воспоминание об этих переживаниях, иногда она может их пересмотреть, связать и понять. «Смотрите,— сказала она однажды,— руки у меня были вот в таком положении, я стояла, потом опустилась на колени... Но ведь это значит, что я молилась... Как же я была глупа!» Она поражена поступками, которые ее раньше не удивляли, так как она совершала их, не понимая.

Ступенью ниже сознательного рассуждения я поместил бы явления, известные под именем восприятия (перцепции). Тот факт, что мы, открывая глаза, видим перед собой дерево такого-то цвета, такой-то формы и на таком-то расстоянии, является, как это неоднократно доказывали, очень сложным психологическим явлением. Многочисленные ощущения данного момента необходимо скомбинировать со многими вспомогательными образами, которые дают возможность оценить форму, размеры и положение предмета, а также и то, что он находится вне нас. Эти вспомогательные образы, которые сопровождают основное ощущение, являются побочными. Они могут видоизменяться, как это бывает при обмане чувств; они могут даже исчезнуть, в то время как основное ощущение остается. В таком положении находятся лишенные мозга животные: они, вероятно, еще видят и слышат, но уже не могут толковать своих ощущений, т. е. применять к ним представления о расстоянии, страхе, желании и проч.* Итак, в данном случае ощущение или образ является, по-видимому, тем элементом сознания, который остается после устранения побочных фактов сознания.

Считаем, что для понимания изложенных нами фактов — особенно тех, которые мы будем изучать ниже, — нужно и дальше анализировать элементы сознания. Ощущение определяют обычно, как *простое, протекающее во мне явление, когда я вижу, слышу и т. д.* Это определение, быть может, нельзя заменить лучшим, так как при любом определении мы лишь объясняем явления, примешивая к ним наши собственные толкования. Но в данном

---

* Soury. Les fonctions du cerveau. 1886.

определении есть одно лишнее слово, это — «во мне» и «я». «Не-сомненно, — говорит Рейд, — что в мире нет ни одного человека, который мог бы думать или верить, что запах существует сам по себе, без какой-либо психики или субъекта, обладающего способностью обонять».* «Может ли в душе, без ведома последней, содержаться какое-либо ощущение?» — говорит Гарнье.** Если мы, подобно этим авторам, будем искать причину ощущения, становясь на метафизическую точку зрения, то также будем думать, что нет ощущения без души, которая бы его порождала и воспринимала. Но если стать на чисто психологическую точку зрения и рассматривать наше «я» не как действующее существо и причину, а как определенное представление, сопровождающее большинство психических явлений, то следует думать, что существует ощущение без «я». Например, могут существовать зрительные восприятия, хотя при этом нет лица, которое говорило бы: «Я вижу». Понятие о нашем «я» — очень сложный психологический феномен, который содержит воспоминания о прежних актах, представление о нашем положении, о наших способностях, о нашем теле и даже представление о нашем имени, которое, соединяя все эти разрозненные представления, играет важную роль в образовании понятия о личности. Простое ощущение не содержит ничего подобного, и само по себе недостаточно для образования понятия о нашем «я». Конечно, большинство наших ощущений обычно вызывает по ассоциации выше перечисленные представления или просто заменяющее их слово «я». Но не следует изолированному ощущению приписывать то, что является результатом сложной комбинации. «Так как, — говорит Дж. Ст. Милль, — единственное, что заставляет нас верить в существование „я“... это память... то я не вижу основания думать, что понятие о „я“ предшествует памяти. Я не вижу основания думать вместе с Гамильтоном и Манзелем, что понятие о „я“ является первичным представлением нашего сознания и что простое впечатление наших органов чувств содержит в себе или несет с собою сознание о каком-то „я“ или „не-я“».**

---

* Reid. Oeuvres. Trad. Jouffroy. 1829.

** Garnier. Traité des facultés de l'âme. 1872.

*** Stuart, Mill. La philosophie de Hamilton. 1869.

Многие философы разных направлений часто высказывали эту истину, т. е. независимость ощущения от всякого понятия о личности. Гудвот, Ш. Бонне и Бюффон, приписывая животным чувство без сознания, или Флуоренс, приписывая им разумное сознание, не познающее самое себя, или Жерди, отличая ощущение от сознания ощущения, — все они допускали, что можно чувствовать, не сознавая себя лицом, которое чувствует. Современные философы Льюис и Герцен считают, «что мы чувствуем, не говоря об этом и не зная, что чувствуем именно мы или, что мы вообще чувствуем».* Спита характеризует глубокий сон отсутствием самосознания при наличии сознания. Рэйдсток так же отделяет самосознание от простого сознания; Дюмон в своей теории о чувствительности делает попытку отличать общее сознание, которое принадлежит каждому «атому ощущения», от разумного самосознания личности.** Но обратимся к более раннему французскому философу, который на этом различии строит всю свою философию и который поистине предугадал наши эксперименты. Мэн де Биран¹⁸ различает три ступени в развитии разума, определяя их как: жизнь животная, жизнь человеческая и жизнь духа. Последней мы не будем здесь касаться, отметим лишь характерные признаки животной и человеческой жизни. «Жизненные функции, — говорит он, — обуславливают внутренние явления (называемые животными ощущениями) в виде общих форм удовольствия или страдания, из которых складывается существование животного; этому последнему, чтобы существовать и чувствовать в качестве животного как такового, не нужно знать, что оно существует, или замечать, что оно чувствует, т. е. не нужно иметь сознание либо представление о том, что оно ощущает, является личностью, образует какое-то „я“ — единое, простое, тождественное и остающееся одним и тем же в то время, как ощущение проходит и меняется». И далее: «Между полным сознанием и картезианским механизмом остается еще место для существ, которые ощущают, не имея сознания и особого „я“, способного замечать эти ощущения»***

---

* Herzen. Le cerveau et l'activité cérébrale.

** Dumont L. Théorie scientifique de la sensibilité.

*** Maine de Biran. Anthropologie.

Автор вполне справедливо предлагает называть эти явления особым именем и, так как мы желаем сохранить его название в том смысле, который ему придает Мэн де Биран, то считаем нужным привести целиком следующий очень интересный отрывок. «Аффект, — это есть то, что остается от полного ощущения, когда мы отделяем от него индивидуума или наше „я“, а вместе с последним и всякое представление о времени и пространстве и всякое чувство внешней или внутренней причинности. Либо, выражаясь языком Локка, когда понятие об ощущении сводится к простому ощущению без какого бы то ни было представления о нем. Либо, наконец, применяя точку зрения Кондильяка, когда статуя приобретает ощущение, не переставая однако быть статуей... Это простое аффективное состояние не просто гипотеза. Такое реальное и цельное в своем роде состояние заполняло вначале все наше существо и является теперь содержанием жизни множества живых существ, к состоянию которых мы приближаемся всякий раз, когда наше сознание ослабляется и понижается, когда мысль дремлет, воля отсутствует и когда наше „я“ как бы поглощено чувственными впечатлениями и духовная личность не существует».* Не следует удивляться тому, что рассуждения Мэн де Бирана вполне применимы к каталептическому состоянию. Этот философ не пренебрегал изучением сомнамбул, о которых он упоминает неоднократно. Его вообще можно по праву считать предтечей научной и экспериментальной психологии.

Прежде чем применять положения Мэн де Бирана, нужно еще заимствовать у него несколько ответов на самые важные возражения, которые может встретить его теория об аффективном состоянии. Мэн де Биран рассказывает о спорах с Ампером, Кювье и др. и о том, как было трудно заставить их понять его. «Для них ощущение было ничем, если к нему не присоединилось сознание существа, которое его испытывало. Эти прения показали мне, как я еще был далек от того, чтобы заставить понять мою точку зрения. Теория Лейбница¹⁹, так хорошо определяющая то состояние, когда жизнь монады сводится к смутным восприятиям и затем развивается до ясных аперцепций и сознания, могла бы

---

* Maine de Biran. Essai sur les fondements de la psychologie.

служить введением к изложению моей теории, которую мне будет очень трудно сделать понятной». * Однако он делает еще одну попытку добиться понимания: «Как понять ощущение, которого мы не чувствуем? Вот где мы чаще всего наталкиваемся на несовершенство нашего языка и естественно-необходимых форм речи, которые, нося отпечаток нашего „я“ и человеческой личности, не могут применяться там, где это „я“ отсутствует. Что такое, спросят меня, ощущение, которого мы не чувствуем? Спрошу в свою очередь, к кому относится это *мы*? Человек чувствует и сознает свои ощущения, потому что он является личностью, которая остается постоянно равной себе и отличает себя от своих ощущений... Животное не чувствует и не сознает своего ощущения, потому что оно не является личностью, сознающей или замечающей свое индивидуальное существование; оно чувствует, не сознавая себя чувствующим, как и живет, не сознавая себя живущим». ** Словом, мы не можем понять ощущение без какого-либо „я“, ибо понятие о „я“ является условием самосознания. Когда мы стремимся изучить, т. е. познать наше сознание, мы относим к сознанию те условия, которые необходимы для самосознания.

Предыдущее заключение о существовании элементарной формы сознания — заключение, к которому нас привело философское рассуждение, подкрепляется самими фактами. Наиболее интересными и решающими оказываются те явления, которые можно наблюдать после обмороков. Здесь уместно напомнить о них, потому что при этом наблюдается нечто аналогичное тому, что происходит во время нервных припадков и гипнотического сна. «Во время обморока, — говорит один автор, изучивший это явление на самом себе, — наступает сначала абсолютное психическое небытие, полное отсутствие всякого сознания. Затем у субъекта появляется неопределенное, неоформленное ощущение жизни вообще, без всякого понимания своей индивидуальности и без малейшего различия между „я“ и „не-я“; в это время мы являемся частью органической природы, сознающей факт своего существования, но не имеющей понятия о своей органической обособленности; словом, сознание наше — безлично... В то же время появляются

---

* Maine de Biran. Journal intime. 1877.

** Maine de Biran. Anthropologie.

странные ощущения, которые, оставаясь изолированными, могут только чувствоваться, а не сознаваться».* Нормальное состояние не дает нам таких ярких примеров, но нужно заметить, что мысль о „я“ не всегда присоединяется к тем ощущениям, которые мы испытываем. Большинство из них, наоборот, почти не вызывают представления о нашем «я» и мы, не колеблясь, приписываем их внешнему миру. Так, вместо того чтобы говорить, что мы испытываем ощущение зеленого цвета, мы говорим, что дерево имеет зеленый цвет. Часто мы не делаем даже и этого различия и, например, после какого-либо трогательного зрелища храним в сознании лишь ощущения этого зрелища, не обращая к своему «я» и не различая, что находится внутри или вне нас. Правда, в обыкновенной жизни мы всегда можем овладеть собою, выйти, так сказать, из этих *поглощающих* ощущений и признать, что именно мы испытали их. Но следует признать, что некоторые существа, например, низшие животные, не могут отделять свою личность от элементарных ощущений и что психическая жизнь других более сложных существ иногда сводится к чисто *аффективной* жизни без сознания и рассудка.

5. ПРИРОДА СОЗНАНИЯ ВО ВРЕМЯ КАТАЛЕПСИИ

У субъекта во время каталепсии и других аналогичных состояний можно предполагать наличие аффективного сознания, сводящегося к ощущениям и образам без связи и ассоциаций. В данном случае не подходит ни полное отсутствие сознания и простые механические действия, ни нормальное сознание, способное понимать и повиноваться. Здесь можно говорить об особой форме сознания, находящейся между этими двумя крайними формами.

Герцен описал нам особое состояние сознания, которое он наблюдал на самом себе — сознание, так сказать в зачаточном состоянии, когда психика начинает пробуждаться после глубокого обморока. Мы остановились на этом интересном наблюдении потому, что каталептическое состояние, по нашему мнению,

---

* Herzen. Le cerveau et l'activité cérébrale.

аналогично зачаточному состоянию сознания после обморока. Многие авторы, например, Бине, Фере и др., описывали обмороки во время гипнотического сна, но считали их случайными и редко наступающими. Я думаю, что они очень важны и происходят довольно часто, хотя, по большей части, так быстро проходят, что наблюдатель едва может заметить их. У многих субъектов, которых я наблюдал, катаlepsии предшествовало другое состояние, абсолютно аналогичное обмороку. Например, Роза в начале и даже в середине гипнотического сна внезапно перестает отвечать и разговаривать и замирает с закрытыми глазами. Если я поднимаю ее руки, они тяжело падают обратно; если я зову ее, трясусь, она не двигается. Это не то состояние, какое описал Шарко под именем летаргии, так как давление на сухожилия, мышцы и нервные окончания не вызывает никакого напряжения. Тогда, скажут мне, это смесь сна истерического с гипнотическим. Несомненно, такое же состояние бывает и при припадке истерии и имеет те же последствия. Тем не менее подобное состояние существует. Кроме того, в гипнотическом сне нет ни одного явления, которое не имело бы аналогии в припадках истерии. При указанной выше форме гипнотического обморока все органические функции обычно совершаются правильно, хотя, если это состояние затягивается, иногда появляются расстройства дыхания; но психические функции, по-видимому, полностью уничтожаются, так как я ни разу не констатировал даже слабого признака их существования. Поэтому у меня нет оснований предполагать в данном случае наличие сознания.

Состояние это длится довольно долго: иногда четверть часа и больше. Но бывает, что гипнотический обморок проходит так быстро, что для констатации его нужно хорошо знать испытуемого. Через некоторое время состояние субъекта меняется, хотя внешние изменения не заметны: когда я поднимаю его руки или ноги, они уже не падают обратно, а сохраняют положение, какое я им придаю, и продолжают сообщенное им движение. Но на обращенные к нему слова субъект не реагирует. Еще через некоторое время, когда я громко говорю: «Подними руку», — рот его открывается и повторяет, подобно эху: «Подними руку». Позднее субъект не повторяет больше даваемых ему приказаний, а исполняет их, поднимая руку. Далее он отвечает мне с все возрастающей

живостью и сознанием, которое становится, по-видимому, все полней и полней. В этот промежуток времени субъект перешел из бессознательного состояния в такое, при котором сознание развито настолько, что субъект может разумно отвечать. Не естественно ли предположить, что он прошел через различные стадии постепенного возрастания сознания. Причем, так как состояние каталептическое и эхोलалическое ближе всего к гипнотическому обмороку, не вправе ли мы также заключить, что эти состояния соответствуют самым элементарным формам сознания, т. е. зачаточному состоянию безличного сознания. Почти у всех субъектов, впадающих в глубокий сомнамбулический сон, наблюдается в момент засыпания хорошо знакомое прежним гипнотизерам переходное состояние, во время которого субъект не проявляет никакого сопротивления. Хорошо известно обморочное состояние, разделяющее два существования Фелиды X. и называемое Азамом маленькой смертью.*

Те же явления, но с некоторыми различиями, мы наблюдаем и при изучении других субъектов. Однажды я застал Люси больной, в том полубезумном состоянии ауры, которое наступало у нее всегда перед сильными истеро-эпилептическими припадками. Я хотел сразу усыпить ее, чтобы избавить от ужасного припадка, который длился обычно несколько часов; но только я прикоснулся к ней, как она впадала вдруг в глубокий гипнотический обморок или истерический сон (дело не в названии). В течение десяти минут она оставалась в этом состоянии и ни на что не реагировала. Потом я заметил любопытное изменение: когда я прикасался к различным частям ее тела, они двигались. Каждая мышца даже при легком надавливании сокращалась, но быстро возвращалась в прежнее состояние. Можно было изучать сокращение всех мышц тела. Состояние Люси было подобно летаргии Шарко, отличаясь лишь тем, что мышцы не оставались в состоянии контрактуры. Спустя несколько минут сокращение могло передаваться всем мышцам руки сразу, и тело сохраняло теперь то положение, которое я ему придавал: открывал ли ей глаза, они оставались открытыми; становился ли перед нею, она также поднималась и подражала всем моим движениям. Затем

---

* Azam. Hypnotisme, double conscience. 1887.

Люси мало-помалу начала говорить и перешла в свой обычный сомнамбулизм. Заметим, что у Люси, кроме выше описанных явлений, между обмороком и первой каталепсией было состояние, аналогичное классической летаргии. Это приводит меня к выводу, что летаргия, хотя и является реальным состоянием, неправильно названа так: она не аналогична смерти и, вероятно, не характеризуется полным отсутствием всякого сознания. Тем более, что хотя при естественной летаргии и наблюдается иногда общее напряжение мышц, но обычно она не влечет за собою повышенной нервно-мышечной возбудимости. Гипнотическая летаргия кажется мне скорее ступенью элементарного сознания: рудиментарным мускульным ощущением, которое остается совершенно изолированным и не в состоянии руководить движением всей руки.*

Следующий пример более ярок. Странным свойством Леонии является то, что любое изменение состояния всегда сопровождается внезапным вздохом, как бы слабой конвульсией дыхания. Обмороки бывали у нее редко и всегда пугали меня, так как сопровождалась сильным расстройством дыхания. Прекращались ли он сами по себе или под влиянием того, что я клал ей руку на лоб, но всегда кончались внезапным вздохом, после которого Леония впадала в настоящую гипнотическую летаргию со всеми ее признаками. Но при летаргии Леонии яснее, чем при летаргии Люси, мы можем заметить первые проблески сознания. Если контрактура была вызвана у нее раздражением сухожилий или мышц,

---

* Не желая обсуждать в этой чисто-психологической работе спорный вопрос о трех стадиях гипноза, значение которых к тому же сильно преувеличено, я могу сделать несколько замечаний по поводу описанных наблюдений. Каталепсия и даже состояние, неправильно названное летаргией с повышенной нервно-мышечной возбудимостью, представляются мне совершенно реальными состояниями, наступающими обычно во время сильных истеро-эпилептических припадков или даже во время сомнамбулизма, вызванного у субъектов, уже имевших подобные припадки. Но нужно прибавить, что эти состояния, особенно последнее, наступают очень редко и являются, скорее, психологическими, чем физиологическими изменениями. При этом сознание, хотя очень измененное и ограниченное, при летаргии все-таки остается. Наконец, большинство субъектов воспроизводит эти состояния в силу простого автоматизма, если они слышали что-нибудь о них или могли видеть их.

то для того, чтобы эта контрактура исчезла, не было необходимости надавливать на мышцы-антагонисты. Достаточно было надавить на любую мышцу, чтобы одни мышечные ощущения заменили другие. Более того, достаточно было потянуть слегка за кончики пальцев, чтобы контрактура в сгибе руки исчезла. Не кажется ли, что в данном случае есть какое-то сознание, способное чувствовать вытянутое положение руки, как и при катаlepsии есть сознание, чувствующее положение всех частей тела? Мышцы при прикосновении уже не напрягаются, тело сразу подчиняется команде и с удивительной точностью сохраняет приданное ему положение. Но сообщенные движения пока еще не развиваются сами по себе: руки остаются совершенно неподвижными в последнем положении. Раньше я хотел дать особое название этому состоянию, в какой-то степени аналогичному летаргии и катаlepsии. Но в данном случае наименование не имеет большого значения, так как в этом постепенном пробуждении сознания можно найти сколько угодно последовательных ступеней. У Леонии эти ступени довольно ясно отмечаются вздохами; у Розы же перемена наступает постепенно и, если это происходит очень медленно, то можно насчитать значительное число переходных состояний между обмороком и глубоким сомнамбулическим сном. Единственное, что нужно запомнить — это, что при катаlepsии субъекты не всегда остаются с открытыми глазами и не всегда обладают одновременно всеми описанными свойствами.

У Леонии наблюдаются три стадии катаlepsии с закрытыми глазами: сначала конечности неподвижны; затем они приобретают способность продолжать сообщенные им движения, причем и выражение лица гармонирует с этими движениями; наконец, начинает появляться сознание, так что положенный в руки предмет вызывает некоторые привычные движения. После этого глаза открываются, и уже при открытых глазах наблюдаются новые четыре ступени катаlepsии. Я не буду останавливаться на различиях между этими состояниями, так как, повторяю, они незначительны и свойственны лишь Леонии. Прежде всего пробуждается орган зрения, и субъект становится способным к подражанию. Затем начинают функционировать органы слуха, вызывая эхололию, которая лучше всего наблюдается у Розы. Потом появляются зачатки понимания слов, что дает возможность вызвать у субъек-

екта галлюцинации. Еще позднее пробуждается способность говорить: сначала бессвязно, как в бреду. Наконец, мы слышим разумную речь, когда субъект уже в полном сомнамбулическом состоянии. При приближении к этому последнему состоянию исчезают признаки каталепсии: подражание и гармоническое выражение лица в соответствии с движениями всего тела. Итак, этот и предыдущие примеры доказывают, что каталептическому состоянию соответствует рудиментарное сознание и наличие совершенно изолированных ощущений, неспособных действовать друг на друга.

6. ПРИРОДА СОЗНАНИЯ ПРИ СОСТОЯНИЯХ, АНАЛОГИЧНЫХ КАТАЛЕПСИИ

До сих пор мы занимались лишь явлениями, созданными искусственно, или, вернее, явлениями, наступающими во время более или менее искусственных состояний. Интересно исследовать с этой же точки зрения явления, наступающие путем естественным, так как не нужно забывать, что подобные явления наблюдаются и при естественных, хотя и болезненных состояниях, например при истерии.

У Розы все стадии сильного нервного припадка подобны стадиям ее сомнамбулического состояния. После более или менее долгого предварительного недомогания она вдруг падает в обморок: мышцы становятся вялыми, лицо бледным, и ничто не указывает на наличие сознания. Этот обморок, продолжающийся довольно долго, часто влечет за собой сильные и опасные расстройства дыхания. Последнее делается то быстрым и прерывистым, то совсем останавливается на целую минуту и на посиневших губах появляется пена. Но вскоре мышцы начинают сокращаться: сначала заметны мелкие подергивания каждой мышцы отдельно, а затем совершенно некоординированные движения всего тела. Я не останавливаюсь на деталях этих конвульсий, которые слишком хорошо описаны другими авторами, и отмечу лишь те признаки, которые могут помочь моему исследованию. Мне кажется, что отдельные и бестолковые в начале движения становятся все более систематическими и распростра-

няются на все группы мышц. Например, сначала мышцы руки сокращаются совершенно случайно, мешая друг другу и вызывая просто дрожание руки и различные сгибания пальцев. Затем движения мышц довольно хорошо координируются, диапазон движения рук расширяется, они бьют по одному и тому же месту груди. Я знаю, что в этом месте, под левой грудью, Роза всегда испытывает боль (вероятно, от постоянного и болезненного напряжения межреберных мышц), и полагаю, что движения рук вызываются теперь этим болезненным ощущением. Постепенно после конвульсий и контрактур она начинает двигаться иначе: садится на своей постели (она не встает, так как даже во время припадка мышцы ног остаются в контрактуре), кланяется, делает жесты руками и улыбается присутствующим. Она была когда-то певицей и, вероятно, думает, что теперь она на подмостках, так как поет нам небольшие смешные куплеты. Либо, воображая, что слушает своих подруг, она прикладывает палец ко рту, как бы прося всех замолчать, восхищается пением, и время от времени аплодирует певице. Сильные припадки у Люси дают приблизительно такую же, но еще более постоянную картину. После начальных конвульсий, продолжающихся более или менее долго, лицо бедной девушки с широко раскрытыми глазами, устремленными на оконные занавески, выражает ужас. Около часа она остается в этом положении, делая какие-то отчаянные оборонительные движения или испуская ужасные крики.

У обеих больных за этим периодом следует другой, в котором степень сознания, по-видимому, повышается. Они не повинуются более своим болезненным представлениям и принимают болтать о разных вещах. У Люси есть странная привычка ходить на кухню и готовить еду, которую она съедает с аппетитом, между тем как, пробудившись, есть отказывается. Этот последний период припадка, называемый истерическим бредом, соответствует, как мы увидим далее, сомнамбулизму, пока же он нас не интересует. Но промежуточный период, называемый периодом выразительных поз, также протекает между обмороком, при котором сознание отсутствует, и другим состоянием, когда проявляется почти полное сознание. Этот период, при котором сознание кажется еще рудиментарным, соответствует, по-видимому, каталептическому состоянию. Наблюдаются одни и те же симптомы: неподвижность,

повторение одного и того же движения, характерное положение всего тела, отсутствие речи, как средства выражения мысли, и повторение одной и той же фразы.

Наконец, больная может легко переходить из одного состояния в другое. Так, когда Люси находится в искусственной катаlepsии, я придаю рукам ее положение, какое бывает у людей, испытывающих ужас. Тотчас же она устремляет глаза на занавески и, если я не поспешу вмешаться, припадок будет продолжаться несколько часов. С другой стороны, если я застаю Розу или Люси в естественном припадке выразительных поз, мне достаточно сделать несколько пассов, чтобы привести руки их в состояние упомянутой искусственной катаlepsии. Тогда я могу вновь поднимать их руки, которые и остаются в новом, приданном мною положении. У Люси, которая тотчас же забывает все свои ужасы, превращение это бывает полным, и она мало-помалу переходит в искусственное сомнамбулическое состояние. У Розы же оно — только частичное, так как одна часть психики повинуетя мне, а другая — нет. Ниже мы еще вернемся к этим осложнениям. Мои наблюдения подтверждаются также наблюдениями других авторов: Сен-Бурдэн описывает припадки произвольной катаlepsии, переходящие, как и припадки истерии, в настоящий сомнамбулизм.* П. Рише описывает припадки одной истеричной больной, которой можно было менять положение конечностей во время периода выразительных поз и сохранять приданное им положение.** Этих наблюдений достаточно, чтобы показать общие черты в описанных состояниях.

Огромным различием между состояниями, которые мы сравниваем, является то, что при искусственной катаlepsии импульс движениям и позам субъекта подается извне; наоборот, при истерическом припадке импульс к движениям, по-видимому, находит начало в воспоминаниях больного. Но не следует преувеличивать это различие, так как и при катаlepsии воспоминания субъекта очень важны. Если я складываю ее ладони, то этим заставляю подходить к причастию; однако она делает это лишь благодаря своим воспоминаниям, присоединяющимся к ощущению сложен-

---

* Saint-Bourdin. *Traité de la catalepsie*. 96.

** Paul Richer. *Hystero-épilepsie*. 279.

ных рук. Люси, которая нерелигиозна, в каталепсии не подходит к причастию и даже не становится на колени, когда ей складывают руки.

С другой стороны, я думаю, что и окружающие предметы оказывают влияние на конвульсивные движения при истерическом припадке. Я читал об истеричной больной, которая во время припадков принимала позы фигур, изображенных на картинах в ее комнате. Сейчас этот факт меня не удивляет. Люси всегда смотрит на занавески, и я часто спрашиваю себя: были бы у нее такие же припадки в комнате без занавесок. Мария во время припадка, наступающего ночью, бредит о пожаре и не думает о последнем, если припадок случается днем. Вероятно, это происходит потому, что ночью она видит зажженную лампу недалеко от своей постели. Но, скажут мне, ведь очень трудно изменить позы какой-нибудь истеричной больной, так как она не видит и не слышит вас. На это я отвечаю, что бывают случаи, когда можно изменить позу истеричной больной во время припадка. Во-вторых, сопротивление больных объясняется именно состоянием сознания, которое так ограничено, что концентрируется всецело на одном ощущении и не способно воспринимать другие. Вот почему легче всего установить контакт с истеричной больной в последней фазе ее припадка.

То же самое явление наблюдается и при искусственной каталепсии. Все свободно разговаривают с Леонией, когда она в сомнамбулизме, но только я могу менять ее каталептические позы. Руки ее послушны, когда прикасаюсь к ним я, и очень тяжелы и напряжены, когда это делает кто-нибудь другой. Не будем сейчас останавливаться на этом явлении разборчивости, довольно редком при каталепсии; вернемся к нему, когда будем говорить о систематизированной чувствительности. Но отметить его следует сразу, так как оно доказывает, что субъект, находящийся по отношению к своему гипнотизеру в состоянии искусственной каталепсии, по отношению к постороннему находится как бы в истерическом припадке. Вероятно, по той же причине все части тела субъектов, находящихся в естественной каталепсии, так неподатливы и очень тверды, когда постороннее лицо старается переместить их. Указанные различия являются лишь различиями в степени и оставляют в силе сделанное выше сравнение.

С каталепсией можно сравнить много других болезненных состояний, о которых я упомяну вскользь. Прежде всего — бред, наступающий иногда после эпилептического припадка. «Мы знаем, — говорит Люи, — что существует немало эпилептиков, которые в каждом припадке повторяют свои движения, крики и слова»... У одного эпилептика в больнице в Гавре была странная привычка: он останавливался у колонны и делал вид, что звонит во все колокола; никто не мог заставить его остановиться; он молча и серьезно продолжал «звонить в колокола» около получаса, до полного прекращения припадка. Желание звонить в колокола, вероятно, возникло у него, когда он жил в деревне, а во время эпилептического состояния всплывало в памяти и доминировало над всеми прочими.

Множество состояний, известных под именем экстатических, принадлежит к той же категории. Достаточно увидеть Леонию неподвижной, со сложенными руками и устремленными вверх глазами, чтобы понять, кого называли экстатичками в средние века. Святые Терезы, Марии Шанталь и многие другие просто впадали в каталепсию, во время которой доминирующие у больной или передавшиеся ей иногда даже во время припадка религиозные идеи придавали всему ее телу выразительное положение.* Одна принимает позу Девы Марии при сообщении ей ангелом вести о непорочном зачатии: другая изображает Христа, идущего на Голгофу.

Наиболее любопытным с этой точки зрения является случай Луизы Лато, о которой говорит Деспин в своей работе.** Больная эта перестает вдруг говорить, глаза ее устремляются в одну точку, она долгое время остается неподвижной в состоянии глубокого созерцания. «К двум часам она наклоняется немного вперед, медленно приподымается и падает лицом вниз. В этом положении она лежит на груди на полу: голова покоится на левой руке, глаза закрыты, рот полуоткрыт, нижние конечности выпрямлены. В три часа больная делает порывистое движение, складывает крестообразно руки и скрещивает ноги, кладя правую на левую.

---

* См. описание припадков экстаза у Aubin Gauthier. Histoire du somnambulisme chez tous les peuples.

** Despine. Somnambulisme.

В этом положении она остается приблизительно до пяти часов... Это состояние экстаза завершается ужасной сценой: руки падают вдоль всего тела, голова склоняется на грудь, глаза закрываются; лицо смертельно бледнеет и покрывается холодным потом; руки леденеют, пульс становится неощутимым, сама она хрипит... Такое состояние длится десять или пятнадцать минут; затем жизнь в ней пробуждается, вновь появляется пульс, щеки розовеют, но в течение нескольких минут еще остается это неподдающееся описанию выражение экстаза». Не является ли все это точным описанием каталептики, изображающей сцену смерти Христа, подобно тому, как Леония просто изображает сцену причащения?

Итак, в состоянии естественного экстаза, при истерических припадках и при искусственной каталепсии мы находим более или менее длящееся полное и внезапное исчезновение сознания, которое, подобно головокружению, может проходить неуловимо, но которое, тем не менее, существует. Экстатическое состояние, выразительные позы и каталепсия наступают именно в момент пробуждения сознания, если последнее совершается не слишком быстро. Это-то сознание в зачаточном состоянии, эти «глухие ощущения», о которых говорил Герцен, и обуславливают возникновение изучаемых нами явлений.

7. ОБЪЯСНЕНИЕ ЯВЛЕНИЙ, СВОЙСТВЕННЫХ КАТАЛЕПСИИ

Опираясь на предыдущие исследования об общей природе сознания при каталептическом состоянии, разберем описанные нами выше разные явления, а именно: продолжение начатых движений и приданных поз, повторение воспринимаемых движений и звуков, выразительные позы тела и ассоциированные движения. Постараемся объяснить просто каждое из этих явлений.

1. Продолжение сообщенного движения или положения. Именно в этом случае можно наблюдать превосходство эксперимента, как бы он ни был несовершенен, над чисто теоретическими рассуждениями. Многие философы, в особенности Кондильяк, спрашивали себя, что будет, если в статую, лишённую мыслей, ввести изолированное ощущение? Они предлагали много более или менее правдоподобных гипотез; говорили, что это ощущение

ние обусловит появление внимания, памяти, удовольствия, горя и т. д., но не угадали главного явления, которое нужно было ожидать от этого ощущения: эти философы не сказали нам, что при каждом новом ощущении статуя будет шевелиться, а между тем самый простой эксперимент сразу доказывает это. Лишь только в пустом сознании тем или иным путем появляется какое-либо ощущение, как тотчас же совершается движение; таков закон, проявляющийся в наиболее простых явлениях катаlepsии.

В самом деле, как объяснить, что рука каталептика, если я поднимаю ее, или сообщаю ей какое-либо движение, сохраняет свое положение или движение? Физическая сила тяжести, казалось бы, должна была заставить руку упасть; наоборот, чтобы удержать ее, необходимо сложное систематизированное сокращение всех мышц. Что же может придать этим сокращениям единство и устойчивость? Я не вижу других ответов на этот вопрос, кроме следующего: наличие постоянного ощущения. Поднимая руку субъекта в катаlepsии, я вызываю у него вполне определенное, сознательное мышечное ощущение, точно соответствующее такому-то положению руки, кисти руки, пальцев и т. д. Это ощущение, будучи в психике единственным, не встречает противодействия со стороны других ощущений-антагонистов; поэтому оно не исчезает вслед за вызвавшим его возбуждением, а сохраняется и продолжает оказывать свое действие, т. е. удерживает руку субъекта в положении, с которым оно связано или, скорее, от которого оно неотделимо.

Рассмотрим каждый пункт данного объяснения. Что положение руки, которую я переместил, может вызвать у субъекта определенное мышечное ощущение, различное для каждой позы, это — почти неоспоримое положение. Кинестетические ощущения, *говорит**, вызываются, вероятно, перемещением мышц, трением поверхностей суставов, складками кожи и массой других изменений в руке; происхождение их еще не ясно, но их существование и точность неоспоримы. В настоящем случае субъект должен чувствовать положение своей руки, чтобы быть в состоянии сохранить известное положение или воспроизвести его позднее. Словом, если приняты все предосторожности для того, чтобы

---

* Bastian. Le cerveau — organe de la pensée.

субъект не заметил движения своей руки, он ощущает последнее благодаря кинестетическому чувству.

Может ли это кинестетическое ощущение воспроизводить или, как в нашем случае, поддерживать приданное руке положение? Это — более спорный вопрос. Обычно делают большое различие между чувственными и двигательными явлениями. Великое открытие отличий между явлениями чувствительности и двигательными нервами привело к установлению не вполне ясного различия между чувственными и двигательными центрами. Вслед за этим возникло желание найти уже в сфере психической аналогичное различие между явлениями чувствительности и функциями или явлениями движения. В некоторых, правда, довольно редких, случаях удавалось констатировать наличие в сознании двух разных явлений; например, когда я вижу приближающийся к моему глазу предмет и одновременно чувствую движение моего века, которое закрывается. Но в большинстве случаев констатируют только одно из этих явлений: либо осознание ощущения без осознания движения, либо осознание движения без осознания предшествовавшего ему ощущения. По этому поводу высказывались различные предположения: одни, как Вундт²⁰ и Шарко, полагали, что ощущение движения совпадало всегда с тратой нервной энергии и предшествовало всякому движению; другие, как Бастиан, считая кинестетические ощущения центростремительными, высказывались за «абсолютную бессознательность всех центробежных» или вообще всех двигательных актов. Не скрывая всех трудностей этого вопроса, с которыми мы встретимся еще ниже, я думаю, что сохранение в каталепсии приданных субъекту положений является простым и ясным случаем, в котором вопрос о взаимоотношении чувствительности и движения можно изучить легче, чем в каком-либо ином случае.

В самом деле, мы допустили возникновение ощущения вслед за перемещением руки. Имеются ли какие-нибудь основания предполагать теперь наличие другого психического явления, которое вызвало бы движение, необходимое для сохранения нового положения руки? Я не вижу для этого никаких оснований: кроме того, предположительное психическое явление было бы определенным двигательным образом, полностью соответствующим данному положению руки, т. е. это было бы то

же самое, что и образ, уже возникший под влиянием кинетического ощущения. Зачем же предполагать два явления, которые сливаются в одно? В данном случае можно представить себе ход вещи самым простым образом: раздражение Е обуславливает возникновение ощущения SK, которого достаточно, чтобы произвести в свою очередь движение М (рис. 1). Нет необходимости предполагать существование других промежуточных явлений. В этом простом случае мы не будем касаться затруднений, о которых говорит Бастиан, ибо нам не нужно знать, обладает ли двигательный элемент сознанием, отличным от сознания элемента чувственного: в данном случае оба элемента составляют одно и то же явление.

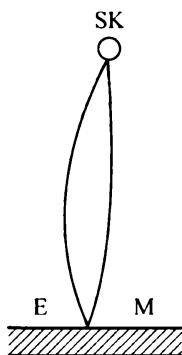

Рис. 1

Что касается третьего пункта — сохранения мышечного ощущения, то это естественно вытекает из наших предыдущих рассуждений. Если для объяснения координации движений и мышечных сокращений, поскольку эта координация длится, нужно было предполагать наличие сознательного образа, то мы вынуждены предположить, что сохраняется и психическое явление. Известно, что данное каталептическое положение может длиться очень долго; следовательно, кинестетический образ, не встречая противодействия в этой совершенно пустой психике, остается там до тех пор пока мы, перемещая руку субъекта, не заменяем его другим образом. По поводу этих мышечных ощущений (пожалуй скорее, чем по поводу всякого другого психического явления)

справедливо было бы сказать, что ощущение и движение составляют одно и то же явление, представляющееся нам в разных видах потому, что изучается нами различным образом. Хотя этот примитивный закон часто видоизменяется в нашей сложной и запутанной психике, все-таки можно сказать, что обычно у простого существа нет движения без ощущения или даже образа движения без самого движения.

2. Подражание и повторение. Анализ действий, совершенных при подражании или повторении, продвинет нас немного вперед в изучении нашего вопроса. Вместо того чтобы поднимать руку субъекта, я показываю ему свою поднятую руку, после чего он сам придает своей руке точно такое же положение. В данном случае чувствительные и двигательные элементы (восприятие движения и поднятие руки) не сливаются друг с другом (как прежде), и потому мы вправе разделять их.

В самом деле, можно объяснять эти явления следующим образом: зрительное возбуждение E, возникшее под влиянием моего движения, влечет за собою зрительное ощущение SV. Последнее по ассоциации вызывает образ кинестетического ощущения SK, которое раньше возникало непосредственно. Этот образ в силу предыдущего закона повлечет за собою движение M, которому он и соответствует (рис. 2). Такое объяснение довольно просто и вероятно: оно выясняет, почему в некоторых случаях движение из подражания заставляет себя ждать довольно долго. Притом оно не затрагивает трудного вопроса о сознательности двигательных явлений, так как оно вводит всегда два ощущения, из которых только одно неразрывно связано с действительным движением. Если бы мы изучали одних каталептиков, то у нас не было бы оснований отбрасывать эту гипотезу. Но предполагая затруднения, которые возникнут дальше при изучении анестезии и паралича, мы должны заметить, что указанные явления в большинстве случаев могут быть объяснены и другим способом. А именно, не может ли зрительное ощущение SV вызвать непосредственно движение M без вмешательства какого бы то ни было мышечного образа? При этом мышечные ощущения SK могли бы быть вызваны уже совершившимся движением, способствуя его более совершенному и точному исполнению (рис. 3). Эта гипотеза кажется правдоподобной, если вспомнить некоторые довольно

известные опыты.* Мы знаем, что любое возбуждение органов чувств вызывает стремление к движению, проявляющееся иногда в настоящем движении. Последнее вполне естественно и служит внешним проявлением зрительного и слухового ощущения.

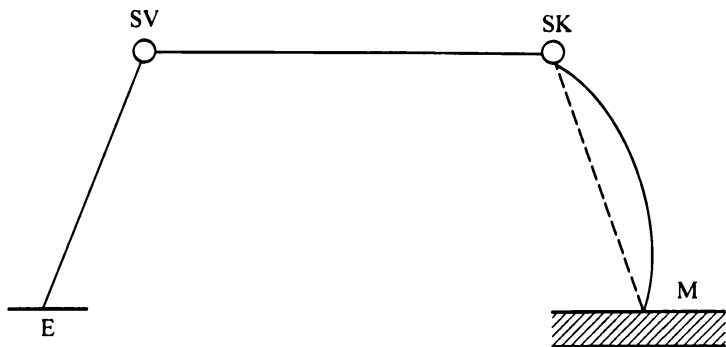

Рис. 2

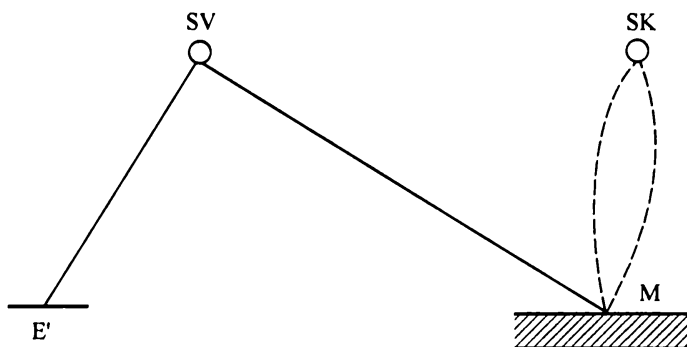

Рис. 3

Но если это движение остается неопределенным, пока само ощущение неопределенно, как, например, ощущение простого красного цвета или какого-нибудь шума, то не должно ли оно сделаться характерным, когда ощущение становится более определенным? Фере доказал, что вид движущегося предмета или вращающегося диска вызывал различную двигательную ре-

* Féré. Sensation et mouvement. 1887.

акцию в зависимости от направления вращательного движения. Не может ли в некоторых случаях вид определенного движения вызвать другое определенное движение? Такая возможность подтверждается экспериментами с истерическими больными с пониженной чувствительностью, о которых речь пойдет ниже. По моему мнению, то обстоятельство, что эти лица могут сохранять все свои движения, несмотря на полную потерю ощущений и даже кинестетических образов, невозможно объяснить, если не допустить, что движение может быть вызвано непосредственно слуховыми или зрительными образами. Со времени Шарко гипотеза эта принята всеми, когда имеется в виду движение мышц языка при произнесении слов. Люди по способу образования речевого акта делятся на три типа — в зависимости от того, пользуются ли они для своей речи зрительными, слуховыми или двигательными образами слов. Эти образы имеют для речи большое значение; есть люди, которые говорят при помощи органа слуха, т. е. которым достаточно слухового образа данного слова, чтобы произвести его. Мы можем объяснить все двигательные акты этой знаменитой теорией и заявить, что некоторые движения рук и ног могут непосредственно следовать за зрительным образом данного движения без промежуточного кинестетического образа.

Однако это предположение приводит к довольно серьезным затруднениям, которые подробно разобрал Полан.* Вид поднимающейся руки не похож на движение, которое нужно сделать для того, чтобы на самом деле поднять руку, точно так же как звук какого-либо слова не похож на движения рта, необходимые для его произнесения. Каким же образом первое явление может привести ко второму и слиться с ним? Прежде всего заметим, что подобное различие мы находим между мышечным ощущением и самим движением. Это — общее различие, существующее между физическими и психическими явлениями и мешающее найти какую-либо аналогию между ними даже тогда, когда связь их оказывается в действительности очень тесной. Затем, мы не экспериментируем над субъектами, которые только что появились на свет, т. е. у которых в психике и во всем организме еще нет

---

* Paulhan. *Revue philosophique*, 1888.

никаких готовых ассоциаций. В детстве мы все, вероятно, принадлежим сначала к двигательному типу людей, т. е. действуем и мыслим посредством образов мышечного чувства. Лишь позднее слуховые и зрительные образы, ассоциированные сначала с образами двигательными, становятся доминирующими и могут сами вызвать движение.

Эти же соображения помогут нам разрешить другое затруднение. В предыдущих объяснениях мы не обращали внимания на элементы удовольствия и страдания, которым некоторые психологи придают такое важное значение для возникновения движения. По мнению Бэне, в основе всякого волевого импульса лежит какая-либо форма удовольствия или страдания. Последние необходимы для того, чтобы посылать двигательный импульс. Ощущения же играют лишь второстепенную роль, руководя движением и приспособлявая его к обстоятельствам. Мы, наоборот, совершенно не упоминали об элементах удовольствия и страдания, так как при наблюдении наших субъектов в катаlepsии нам не приходилось констатировать ничего такого, что позволило бы предположить существование этих элементов. Это противоречие может легко исчезнуть, если принять во внимание тот факт, что я и Бэн ставим себе не одну и ту же задачу. В самом деле, этот автор изучает происхождение психической деятельности и ее первые проявления у только что родившегося существа. Мы также исследуем элементарную психическую деятельность, но только в том ее виде, в каком она существует у вполне сформировавшегося человека. Возможно, что в начале жизни движения обуславливаются исключительно удовольствием и страданием, так как в то время не существует других психических элементов, кроме этих общих и неопределенных ощущений, проявляющихся в таких же неопределенных, неоформленных движениях. Но мало-помалу ощущения, а вместе с ними и движения, становятся более точными и определенными. Ребенок, научившись совершать движения, учится также чувствовать его и наоборот. Связь, существовавшая некогда между неоформленным удовольствием и движением, существует ныне между определенным ощущением и таким же определенным движением. Чтобы движение произошло, достаточно, чтобы возникло ощущение даже без элемента удовольствия или страдания.

Нужно, следовательно, обобщить наш предыдущий закон и о всяком ощущении и образе повторить то, что мы сказали о кинестетическом чувстве. Представление движения проявляется всегда вовне в реальном движении. Причем, так как представление это имеет тенденцию сохраняться, то оно обуславливает продолжение движения до тех пор, пока его не заменяет новое представление.

3 и 4. О выражении лица и ассоциированных действиях.

Эти явления кажутся сложнее предыдущих, и для их объяснения, по-видимому, недостаточно сохранения одного только образа. Под влиянием первого ощущения — сжатого кулака, сложенных для молитвы рук и т. д. — появляется одновременно один за другим целый ряд образов, из которых один вызывает жест, другой — выражение лица, третий — акт вставания и т. д. Как же это происходит? В данном случае мы встречаемся с простейшей формой ассоциации представлений, которая столь характерна для психического автоматизма. Образы, возникшие некогда одновременно или вслед за вызванным ощущением, появляются теперь вновь тем же путем и в том же порядке. Именно эта автоматическая смена образов и обуславливает правильную последовательность жестов и движений.

Но как понимать закон ассоциаций? Нельзя ли как-нибудь подвести его под предыдущий закон устойчивости психического состояния? Мы думаем, что можно. Гамильтон²¹ уже давно дал интересное объяснение ассоциации представлений: «Вызывают друг друга те представления, которые составляли некогда часть одного и того же целого, одного и того же акта сознания».* Тэн²² также считает ассоциацию представлений частичным возрождением чего-то целого, которое стремится восстановиться полностью.** Полан в своих статьях, о которых мы уже упоминали, также пытается объяснить ассоциацию актом синтеза, рассматриваемого как общая функция психики. Эти теории — по крайней мере в некоторой своей части — кажутся нам очень правдоподобными и легко применимыми к изучаемым нам фактам. Ощущение сжатого кулака или сложенных рук, составляя одно целое полное

---

* Ferri. La psychologie de l'association.

** Taine. Intelligence. P. 1, 144.

ощущение, некогда было связано с целым рядом других, возникших одновременно или следовавших друг за другом, ощущений и являлось частью того синтеза или той совокупности явлений, которым соответствуют эмоция гнева или акт причащения. Можно предположить с некоторой вероятностью, что совокупность очень разных ощущений, испытанных психикой во время акта причащения, образовала одно общее чувство — особенную синестезию, отличающуюся от той, какая бывает при гневе или радости. Вызывая теперь ощущение сложенных рук, я бужу или, скорее, начинаю будить это общее чувство, возникшее во время причащения. Оно становится тогда обычным ощущением, которое стремится проявиться вовне и как можно дольше просуществовать. Но для того чтобы оно могло сохраняться в психике, недостаточно одного ощущения сложенных рук, так как это было бы только началом чувства; нужно, чтобы последнее завершилось, т. е. чтобы другие составляющие его ощущения всплыли одно за другим в виде образов и вызвали соответствующие им выражение лица и движения.

Чтобы хорошо понять это общее объяснение ассоциированных действий и позднее пользоваться им, необходимо высказать еще несколько соображений. У нас слишком склонны рассматривать это общее чувство, эту синестезию, как мыслительный процесс, как настоящее познание и сравнивать его с суждением или с абстрактной идеей о целесообразности. Но не следует смешивать настоящее познание, суждение и общие понятия с автоматическими явлениями рудиментарного сознания. Первые обуславливают относительную свободу воли, между тем как у последних нет и признаков ее. Эта синестезия, мне кажется, больше похожа на чувственный, сознательный, но не понятый образ, и ее можно сравнить скорее с неопределенной религиозной эмоцией, чем с представлением о молитве или причащении. Эмоции и составляют именно совокупность различных ощущений, возникающих во всех частях тела: «Мышечные движения не только выражают чувство, но и составляют существенную часть его. Если в тот момент, когда черты лица выражают одно определенное чувство, мы попытаемся вызвать другое, нам это не удастся».* Эмоции, из-

---

* Bain. Esprit et corps.

вестные под именем страха, гнева, любви и т. д., немногочисленны и неопределенны, но каждая из них состоит из элементов, которые соответствуют определенной совокупности образов и движений. У каталептиков мы вызываем одну из этих вполне определенных эмоций, которая и влечет за собою соответствующее выражение лица и ассоциированные действия. Важно заметить, что во время каталепсии мы можем вызвать лишь прежние уже испытанные субъектом эмоции, но не в состоянии научить его испытывать новые для него чувства. Нерелигиозный субъект, не производивший ранее той совокупности движений, которые выражают религиозную эмоцию, не станет в каталепсии разыгрывать сцену причащения или молитвы. Руки останутся, правда, сложенными, но других действий не последует. Автоматизм не создает новых синтезов, а является лишь выражением старых синтезов, образовавшихся во время нормального состояния психики. Выше мы отметили, что простые каталептические акты не объясняют происхождения психической деятельности, а служат лишь выражением ранее возникших ощущений; точно так же и более сложные каталептические акты только обнаруживают прежнюю эмоцию.

Наконец, последнее, что нам понадобится в дальнейшем: подобно ощущениям, эмоции и ассоциации представлений могут существовать в том рудиментарном сознании, которое мы только что описали. Характерным признаком этого сознания является то, что оно безлично, т. е. неспособно вызвать мысль о нашем «я» или о личности. Следовательно, ассоциация представлений не обязательно связана с образованием личности: одно может существовать без другого. До сих пор мы рассматривали лишь самую простую автоматическую ассоциацию, которой достаточно для объяснения всех только что описанных явлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение этой главы можно сказать, что в нашем нормальном сознании имеется очень много весьма сложных явлений, которые переплетаются между собой и изменяют друг друга, так что трудно узнать их настоящую сущность и управляющие ими законы. Поэтому мы исследовали то болезненное состояние, при

котором элементы сознания представляются нам почти в изолированном виде. Лучшее выражение для характеристики этого состояния было предложено Охоровичем, по мнению которого каталепсия является состоянием моноидеизма²³. «Некоторые лица, способные впадать в противоположные состояния гипнотического обморока (аидеизма) и сомнамбулизма (полиидеизма), не переходят непосредственно или по крайней мере могут не переходить непосредственно из одного состояния в другое, а остаются более или менее долго в *моноидеизмической* фазе... Последняя характеризуется тем, что вся деятельность мозга концентрируется вокруг одной только доминирующей идеи, которой не мешают никакие другие представления».* В следующей цитате дается еще одно объяснение этих явлений: «Человеческий мозг можно сравнить с залой с множеством газовых рожков, из которых горят только немногие и всегда постоянное число; но рожки не одни и те же, а меняются каждую минуту. По мере того, как одни гаснут, другие вновь зажигают. Они никогда не зажжены все, но настанет время, когда они все погаснут».** Кроме того, добавим, есть моменты, когда горит только один рожок. Конечно, не нужно преувеличивать значение выражения «моноидеизм». Во-первых, здесь речь идет скорее об ощущениях, чем собственно о понятиях; кроме того, эти ощущения, за исключением ощущения в самом простом начальном опыте, не слиты в единое целое. Достоверно лишь то, что начальное ощущение, вызывающее другие образы, бывает единым, и что каждый образ остается изолированным, не соединяясь с другими образами и не действуя на них. Каждая эмоция и образ развиваются совершенно особо по своим собственным законам.

Эти изолированные явления подчиняются, по-видимому, следующим трем основным законам: 1) многие ощущения и образы (предыдущее исследование не позволяет нам говорить обо всех) сопровождаются телесным движением, без которого они не могут существовать; 2) всякое вызванное в сознании ощущение или образ остается там до тех пор, пока не вытесняется каким-либо другим ощущением; 3) всякое ощущение или эмоция стремятся

---

* Ochorowicz. La suggestion mentale. 1887. P. 112.

** Herzen. Le cerveau et l'activité cérébrale.

развиваться и завершаться, проявляясь всегда в специфических движениях и действиях, от которых они неотделимы. Таким образом, наши эксперименты подтверждают мысль известного философа: «Всякая идея является образом или внутренним представлением действия. Но представление действия, т. е. совокупности движений, является уже первым моментом, началом действия и, следовательно, самим начавшимся действием (движением), которое зарождается и в то же время подавляется. Итак, идея о возможности действия является реальным стремлением, т. е. действующей уже силой, а не только абстрактной возможностью».*

---

* Fouillée. Liberté et déterminisme. 1884. P. 3.

ГЛАВА II

ЗАБЫВАНИЕ В СВЯЗИ С ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЙ СМЕНОЙ РАЗЛИЧНЫХ СОЗНАНИЙ

Только в редких случаях и при необычных обстоятельствах психические действия бывают изолированы и безличны. Обычно же в них проявляется известный характер и личность. Чтобы исследовать автоматические действия, совершающиеся при более сложных условиях и приближающиеся к нормальным, мы должны использовать такие психические состояния, которые доступны эксперименту и при которых в то же время начинают развиваться характер и личность: этим условиям лучше всего удовлетворяет состояние, известное под именем *сомнамбулизм*.

В самом деле, у сомнамбул увеличивается автоматическая жизнь психики, образуется особенная память, появляется другой характер и новая личность. Изучая сущность и характерные признаки этой новой формы психической жизни, мы, собственно, знакомимся с деятельностью элементов нашего сознания в другой связи.

1. РАЗЛИЧНЫЕ ПРИЗНАКИ СОМНАМБУЛИЗМА

С внешней стороны сомнамбулическое состояние знакомо всем. Оно наступает либо произвольно во сне и во время нервного припадка, либо вызывается искусственно посредством приемов, о которых написано так много, что не стоит останавливаться на них. Очень трудно найти какой-нибудь общий признак, характер-

ный для этого состояния. Большинство же описанных признаков сомнамбулизма кажутся нам недостаточными.

Некоторые признаки были названы физическими — не потому, что они были настоящими видимыми физическими изменениями, а потому, что их констатировали путем различных экспериментов *над телом* субъекта.

Большинство прежних гипнотизеров считали абсолютную нечувствительность кожи постоянным и обязательным признаком сомнамбулизма. «Для того, чтобы субъект впал в сомнамбулизм, — говорит де Лозан, — нужно, чтобы его органы чувств не испытывали никаких ощущений».* «Без полной анестезии тела и органов чувств нет сомнамбулического сна, — писал Бараньон, — и чтобы констатировать такой сон, мы должны воспользоваться всеми способами, которые могут убедить нас в наличии этой нечувствительности».** Поэтому гипнотизеры пробуют колоть булавками и прижигать тело испытуемых субъектов, как только последние начинают засыпать.*** В знаменитом докладе, представленном в медицинскую академию в 1837 г., Дюбуа (из Амьена) жалуется, что ему не разрешили сделать «булавкой простую татуировку лица и рук», чтобы констатировать сомнамбулизм. По моему мнению, прием Дюбуа не дал бы результата, если бы его применили к тем сомнамбулам, которых я наблюдал. У большинства из них в нормальном состоянии, т. е. до гипнотического сна, наблюдалась анестезия на более или менее значительной части тела, при сомнамбулизме же эту анестезию не всегда можно было констатировать. Более того, в некоторых случаях я был вынужден считать возвращение чувствительности доказательством самого глубокого сомнамбулизма.

Вышеназванные авторы указывают еще другой любопытный, хотя и более редкий признак: полное отсутствие акта глотания при некоторых сомнамбулических состояниях. У Леонии в сомнамбулизме акт глотания также постоянно отсутствует, и я никогда не мог заставить ее сделать хотя бы глоток воды. Дюфе отмечает то же явление у одной из своих сомнамбул. Однако явление это да-

---

* De Lausanne. Principes et procedes du magnétisme animal. 1819.

** Baragnon. Etude pratique du magnetisme animal. 1853.

*** Lafontaine. L'art de magnetism. 1860.

леко не характерное и встречается довольно редко: большинство сомнамбул во сне едят и пьют без всякого затруднения. Люси в естественном сомнамбулизме жарила себе котлету и охотно ее съедала. Роза никогда не была так счастлива, как тогда, когда завтракала, погруженная в гипнотический сон. Некоторые больные истерией, которым трудно есть в бодрствующем состоянии, очень легко едят во сне. Это иногда полезно знать: моему брату удалось таким образом накормить истеричную больную, которая из-за неудержимой рвоты почти умирала от голода.

Депин, прекрасно изучивший сомнамбулизм, полагает, что отличительным признаком последнего служит сам внешний вид субъектов. По общему представлению, сомнамбулы говорят с закрытыми глазами. Это представление вытекает, вероятно, из довольно ложного взгляда, будто сомнамбулизм есть сон. Сомнамбулам говорят, чтобы они спали, поэтому они и считают, что глаза должны быть закрыты. Однако, если позволить сомнамбулам действовать по собственному усмотрению, многие из них во сне будут, подобно Люси, всегда с открытыми глазами. В последнем случае, как полагает Депин, взгляд их имеет всегда особое выражение: «Глаза широко открыты, расширенные зрачки устремлены неподвижно на источник света; нечувствительная конъюнктива остается сухой; веки почти или совсем не моргают».* Автор так убежден в важности этого признака, что полагает, что «наблюдая за глазами мнимой сомнамбулы, можно легко обнаружить обман». Сознаюсь, я бы не стал так категорически утверждать подобное.

Правда, иногда у сомнамбул наблюдается особое выражение глаз, и Депин указывает при каких именно обстоятельствах: «когда парализована сетчатая оболочка глаза и невидящий взгляд похож на взгляд близорукого человека, который не в состоянии различать окружающих предметов». Так, например, при каталепсии, если не раздражать органов зрения, взгляд принимает такой характер. Если истерической больной в тот момент, когда она начинает впадать в сомнамбулизм и обычно уже плохо видит, силой открыть глаза, то последние будут иметь такой вид, будто она ничего не видит. Но можно ли допустить, что сетчатая оболочка со-

---

* Despine. Somnambulisme. P. 107.

мнамбулы всегда парализована и сама она всегда слепа? По устойчивому мнению, которое разделял Мэн де Биран, сомнамбула ведет себя всегда согласно своим видениям и галлюцинациям, в которых предметы представляются ей такими, какими она их знает, а не соответствующими реальному зрительному восприятию. Этот взгляд кажется мне совершенно несправедливым. Когда сомнамбулизм достигает известной степени развития, некоторые сами открывают глаза, или же мы можем приказать им открыть глаза, если убедимся в том, что они уже видят. Тогда легко констатировать, что сомнамбула в своих движениях руководствуется видением окружающих предметов. Это легко проверить, приведя сомнамбулу в незнакомое ей место: глаза ее не имеют тогда того странного выражения и совершенно нормальны. Если заставить субъекта даже во время катаlepsии фиксировать какой-нибудь предмет (например, при действиях из подражания), то можно заметить, как глаза двигаются и приобретают нормальный вид. Что касается поведения сомнамбул, то я не раз повторял эксперимент, который считаю очень убедительным. Часто я заставлял Люси, находившуюся в глубоком сомнамбулизме, разговаривать с посторонними лицами, которые не были мною предупреждены — последние принимали ее всегда за нормального человека. Мария может быть оставлена в состоянии сомнамбулизма в общей больничной зале, и другие больные не заметят, что она в ненормальном состоянии. Так как я их хорошо знаю, то мне известны характерные черты этого состояния, следовательно, нет необходимости исследовать их чувствительность или память, чтобы решить, в каком состоянии они находятся. Мария в сомнамбулизме намного бледнее, чем в нормальном состоянии; у Люси, которая в нормальном состоянии страдает различными тиками лица, во втором состоянии появляется спокойное и ровное выражение лица. Но это — индивидуальные и незначительные признаки, на которых нельзя основывать научный диагноз.

Чтобы покончить с перечислением описанных другими авторами физических признаков сомнамбулизма, я укажу на то, что Шарко, П. Рише, Бине²⁴ и другие наблюдали у больных истерией, погруженных в сомнамбулизм, особую контрактуру мышц, наступающую под влиянием поверхностного трения или даже легкого дуновения на кожу. Так как в этой работе я стараюсь из-

лагать лишь то, что сам наблюдал, то должен сказать, что я пытался обнаружить этот признак у двенадцати таких больных в сомнамбулизме, но констатировать его мне удалось только у двух. С другой стороны, у Розы это явление никогда не наблюдается в сомнамбулизме, но можно наблюдать его иногда в бодрствующем состоянии. Этого достаточно, чтобы не считать указанное выше явление характерным для сомнамбулизма. Я убежден, что нет физического признака, благодаря которому можно было бы узнать, находится ли данное лицо в сомнамбулизме или нет. Тот, кто думает, что может определить это состояние с первого взгляда, слишком самонадеян. Депин утверждал, что психология не должна заниматься сомнамбулизмом, что только физиология может объяснить его. По-моему, физиология не только не может объяснить сущность сомнамбулизма, но даже не в силах распознать его. Огромная заслуга многих авторов, таких как Бертран, Брэд, Бернгейм и другие, заключается в том, что они признали, что сомнамбулизм есть явление психологическое, которое можно констатировать только на основании одних психических признаков. Но не все психические признаки, на которые они ссылались, имеют одинаковое значение.

Д-р Карпентер говорит о состоянии рассеянности загипнотизированного субъекта, сравнивая его с мечтательностью поэта или рассеянностью ученого, погруженного в свои исследования. Это сравнение очень неопределенно и неточно. Встречаются почти не рассеянные сомнамбулы, которые относятся к экспериментам с большим вниманием. Мог же сказать Ст. Холл, что гипноз есть судорожное сосредоточение внимания на каком-нибудь предмете. Гёрней, цитирующий этого автора, справедливо замечает, что загипнотизированный может с судорожным вниманием следить за различными предметами и, не пробуждаясь, переходить от одного предмета к другому. Я же скажу, что не все сомнамбулы внимательны, точно так же как не всегда они рассеяны. Леония, когда требуешь от нее особого внимания для проведения сложных экспериментов, время от времени просит разрешения немного отдохнуть и развлечься.

Бертран, Брэд и в особенности Бернгейм искали объяснения сущности сомнамбулизма в состоянии активности, или воли, этих субъектов и утверждали, что сомнамбула не имеет личной воли,

не способна к самостоятельной активной деятельности и повируется всем приказам гипнотизера. Не касаясь сейчас вопроса о внушении, одного из самых важных явлений этого состояния, я замечу лишь, что в сомнамбулизме, так же как и в бодрственном состоянии, ничто так не изменчиво, как воля. Одним из самых любопытных исследований, к которому я буду часто возвращаться, является мое наблюдение над молодой девушкой, шестнадцати лет, которая была почти идиоткой и эпилептичкой. И вот, в нормальном состоянии в течение всей своей жизни она была более внушаемой, чем самая послушная сомнамбула. К тому же Бернгейм констатировал факт внушения наяву и только допускал, что это явление ярче выступает при сомнамбулизме. Но как объяснить то обстоятельство, что Роза, Люси и многие другие делаются все более независимыми по мере того, как сомнамбулизм становится более глубоким, и доходят до такого состояния, когда воля совершенно нормальна и действия — более произвольны и независимы, чем наяву? Я считаю волю вторичным явлением, зависящим от многих других факторов. А отличительные признаки сомнамбулизма нужно искать в более элементарных явлениях, т. е. в памяти и ощущении.

2. СУЩЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ СОМНАМБУЛИЗМА: ЗАБЫВАНИЕ ПО ПРОБУЖДЕНИИ И ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПАМЯТИ

Память следует считать самым важным явлением нашей психической организации, даже незначительные ее изменения оказывают огромное влияние на всю нашу психику. В умственной патологии нет более сложного и вместе с тем более постоянного изменения памяти, чем то, которое наблюдается у сомнамбул. В самом деле, у лиц, впадающих в сомнамбулизм, всегда можно констатировать три характерных признака или закона памяти: 1) полное забывание наяву того, что происходило во время сомнамбулизма; 2) полное воспоминание в следующем припадке о том, что происходило в предыдущем припадке; 3) полное воспоминание в сомнамбулическом состоянии о том, что имело место наяву. Третий закон допускает, пожалуй, больше исключе-

ний и аномалий, чем первые два; поэтому в настоящей работе, цель которой дать общее представление о сомнамбулизме, мы не будем останавливаться на нем. Но первые два признака, несмотря на всю сложность и разнообразие, настолько общи и важны, что их можно считать характерными признаками сомнамбулизма.

Забывание по пробуждении всего того, что происходило в сомнамбулизме, так интересно и поразительно, что оно было отмечено уже в первых исследованиях по этому вопросу. «Приходя в нормальное состояние, — говорит Делёз, — субъект забывает обо всех ощущениях и представлениях, которые были у него в сомнамбулизме. Эти два состояния кажутся настолько чуждыми друг другу, как будто сомнамбула и разбуженный субъект были совершенно разными существами... Только это обстоятельство и является постоянным и существенным признаком сомнамбулизма».* «Забывание всего происходящего в гипнотическом сне, — пишет также Бараньон, — есть неизменный признак, без которого сомнамбулизм не может существовать».** Бред также характеризует сомнамбулизм забыванием по пробуждении всего происшедшего во сне, называя это раздвоением сознания. Бесплезно множить число выдержек, которые можно заимствовать как у старых, так и у современных авторов. Для объяснения этого важного явления приведем лучше несколько примеров. Однажды, около двух часов дня, я уснул Леонию. Она находилась в этом состоянии, когда я получил письмо от доктора Жибера, который писал, что не может прийти ко мне и просил привести Леонию к нему. Вместо того чтобы разбудить сомнамбулу, я показываю ей это письмо и предлагаю ехать со мной сейчас. «Я согласна, — отвечает она, — но мне нужно одеться; вы ведь не захотите, чтобы я поехала в таком виде». Она одевается, и я везу ее в карете, что доставляет ей большое удовольствие, точно ребенку. В течение всего этого дня до вечера она продолжала оставаться в сомнамбулизме, была очень оживлена и весела, охотно соглашалась на различные опыты и в промежутках рассказывала множество историй. Только около полуночи я привез ее домой и на том же месте,

---

* Deleuze. Histoire critique du magnétisme animal. 1819.

** Baragnon. Magnétisme animal. P. 173.

где усыпил ее в два часа, я теперь окончательно разбудил ее. Она пробуждается вполне спокойной и в полной уверенности, что в течение дня не трогалась с места и только что с трудом уснула. Но при этом она, видя себя в другом костюме, очень удивляется, так что мне приходится вновь усыпить ее и сделать ей соответствующее внушение, чтобы заставить не обращать внимания на эту странность. Другой пример: во время сомнамбулического сна Люси вдруг рассердилась на меня, не знаю за что. Думая, что это ее обычное плохое настроение, которое скоро пройдет, я на время оставил ее в покое; но она воспользовалась отсутствием надзора и убежала на улицу в глубоком сомнамбулизме: пришлось догонять ее и с большим трудом возвращать обратно. Однако, так как эта сцена затягивалась, я счел за лучшее разбудить ее. Проснувшись, она становится приветливой и любезной, ничем не показывая дурного настроения и не думая никого упрекать. Забывание у нее настолько полно, что она, подобно Леонии, не помнит даже, что спала некоторое время. Если усыпить ее во время какого-либо действия и разговора, то, проснувшись, она почти всегда продолжает свое занятие или беседу, как будто ничего особенного не случилось. Сомнамбулизм, какова бы ни была его длительность, как будто не существовал, и оба момента прерванной нормальной жизни, по-видимому, сливаются друг с другом. Роза четыре с половиной дня оставалась в сомнамбулизме (мы хотели таким образом излечить у нее паралич ног, не поддававшийся никаким другим способам лечения, и это нам вполне удалось). В течение этих четырех дней она разговаривала со многими лицами и даже принимала визиты. Очнувшись, она все забыла, путалась в днях недели и отстала на четыре дня. Так же обстоит дело и со всеми сомнамбулами, которых я мог наблюдать: продолжительно или нет их аномальное состояние, важны или незначительны произошедшие во время сна факты — забывание по пробуждении всегда полное и абсолютное. Этот период времени — вычеркнутая из их жизни страница.

Второе явление, т. е. восстановление памяти в новом сомнамбулизме, также очень легко констатировать. Леония, усыпленная на другой день после того опыта, о котором я только что говорил, сразу вспоминает, что было с нею накануне. «Вы не разрешили мне вернуться пешком», — говорит она мне. Люси, когда я на

следующий день вновь усыпил ее, тут же снова начинает ту сцену, которая накануне была прервана пробуждением. На этот раз мне удастся успокоить ее и добиться примирения. Другая сомнамбула N., которую я усыплял дважды с промежутком в один год, во второй раз подробно вспоминала обо всем, что она делала первый раз, и напояла мне такие детали, которые я сам совершенно забыл. Все те, кому приходилось много раз усыплять одно и то же лицо, могли наблюдать это характерное для всех, но странное явление.

Кроме того, во втором состоянии обычно наблюдается восстановление воспоминаний о действиях и мыслях из жизни наяву: в сомнамбулизме субъект может рассказать, что он делал и чувствовал в течение дня, и узнает всех лиц. Только раз я присутствовал при одном сомнамбулизме у Розы, когда она не узнавала меня и, казалось, забыла бóльшую часть событий, случившихся во время ее пребывания в больнице. Но такие случаи встречаются очень редко, и я больше не наблюдал их.

Мне могут сказать, что считать вышеуказанное состояние памяти существенным признаком сомнамбулизма — это значит доверять такому признаку, который легко симулировать и который нельзя точно определить. На это я отвечаю, что, во-первых, в настоящее время нет лучшего признака, а во-вторых — этот критерий гораздо надежнее, чем кажется. Я думаю, что явления психические гораздо труднее симулировать, чем физические, и полагаю, что было бы легче симулировать даже истерический припадок, чем в продолжение долгого времени притворяться сумасшедшим перед психиатром. Субъекту, который нас занимает, достаточно немного изучить этот вопрос, чтобы симулировать контрактуру. Но сколько требуется ума, внимания и памяти, чтобы никогда не смешивать воспоминания о происшедшем во время сомнамбулизма с воспоминаниями нормальной жизни и не попасться в этом.

Можно еще строже проконтролировать испытуемого субъекта, задавая ему вопросы с целью проверить память. Действительно, иногда бывает неудобно спрашивать субъекта прямо, так как самый простой вопрос путем внушения может пробудить воспоминание, которое без вопроса не всплыло бы. Вообще-то я не считаю это большим неудобством, ибо внушения, относящиеся

к памяти, не так уж легки. К тому же не пробудишь у субъекта воспоминаний о происшедшем, спрашивая его о том, что он говорил или делал, когда спал.

Однако это неудобство на самом деле существует, и Гёрнеу, который часто упоминает о нем, указывает довольно хорошее средство для устранения его: нужно проверить воспоминания этих лиц самой беседой, не показывая вида, что проверяешь их. «Предложите им с виду безразличный вопрос, на который они ответят одно, если у них есть какие-либо воспоминания, и другое, если не знают, в чем дело». Этот прием очень хорош и на практике выполним легче, чем это кажется. Но для этого, как я уже сказал, нужно хорошо знать характер субъекта, факты его жизни и долгое время заниматься им. Психологические эксперименты требуют особых предосторожностей и не могут производиться быстро. Этим-то способом — по крайней мере в тех случаях, когда имелось подозрение, — мы тщательно проверяли память у субъектов, о которых говорим. Не станем приводить опыты и беседы, которыми пользовались в каждом случае для контроля, чтобы не увеличить без необходимости работу.

Исчезновение и возвращение памяти наблюдается кроме искусственного сомнамбулизма еще при других состояниях; прежде всего при сомнамбулизме самопроизвольном, когда явления эти обнаруживаются так же ярко. У молодого человека начинавшийся с криков припадок переходил сразу в новое состояние, в котором у него совершенно менялся характер, но при этом сохранялись все способности. «Он приходил в себя, когда ему сжимали руками тело, и сейчас же все забывал. В следующем припадке он опять вспоминал обо всем и считал себя в своем обычном состоянии, как будто бы у него было два различных существования».* «Я лечил, — рассказывает Эразм Дарвин, — одну молодую умную девушку, страдавшую припадками мечтательности, которые наступали у нее время от времени и длились почти целый день. Так как во время припадков у нее возникали всегда одни и те же идеи, которые она забывала, как только припадок прекращался, то родители ее вообразили, что у нее две души».**

---

* Georget. *Maladies mentales*. 1827. P. 129.

** Erasme Darwin. *Zoonomie*. 1810. P. 11, 163.

Я привел эти два наблюдения, так как они мало известны, но очень легко привести массу случаев такого же рода. Известен случай с больной доктора Мюсе, которая ночью кладет медные монеты в стакан воды для настаивания и пишет, что хочет умереть. Затем она запирает свое средство в шкаф, прячет ключ и пробуждается. На следующую ночь припадок повторяется, и она идет к шкафу за своим стаканом.* Известен также больной Депина, который каждую ночь сам ворует у себя золотые монеты и всегда прячет их в одном и том же месте.** Что же касается наблюдений д-ра Азама над Фелидой и Альбертом X. и описаний сомнамбулы у Дюфе, то в настоящее время они являются классическими.***

Это же явление легко констатировать во время бреда, который наступает после эпилептического и особенно после истерического припадка. Роза в конце своих припадков имела дурную привычку ругать больничную служанку. Придя в себя, она ничего не помнила и не верила, когда ей рассказывали об этом. Но в следующем припадке она снова бранилась и настойчиво кричала: «У меня были основания говорить то-то и то-то, это верно», — и она повторяла все подробности предыдущего бреда.

Некоторые авторы доказывали, что в самом обычном сне память имеет тот же характер и что справедливы слова Дюпо: «Нет сна без сомнамбулизма». В работе Майерса можно найти много примеров — слишком длинных, чтобы приводить их здесь, — в которых сновидение, очевидно, является воспоминанием другого забываемого наяву сна.**** Для освещения этих вопросов о памяти важно указать еще на то, что аналогичные явления можно констатировать при опьянении опиумом и алкоголем — особенно последним. Каждый знает, что пьяный человек, протрезвев, забывает, что он делал в опьянении. У меня была возможность несколько раз провести небольшой и очень простой эксперимент: субъекту навеселе предлагают доказать, что он в нормальном состоянии; для этого ему называют какое-нибудь число, прося запомнить его до следующего дня. Если субъект был сильно пьян,

---

* Gilles de la Tourette. Hypnotisme. P. 236.

** Despine. Somnambulisme. P. 93.

*** Azam. Hypnotisme, double conscience. Defay. Rev. scient. 1885. 1 дек.

**** См.: Myers. Automatic writing. Proceedings. S. P. R. 1887. P. 230.

то на другой день он будет совершенно неспособен, несмотря на все свои старания, вспомнить число, которое ему называли.

Мне не приходилось проверять возвращение памяти в случаях запойного пьянства. Вот одно из наиболее доказательных наблюдений по этому поводу. Пьяный негр украл у доктора Кёлемана хирургические инструменты. На другой день он утверждал, что не трогал их, и, несмотря на все старания, не смог найти их. Спустя два дня он опять напился, и ему снова сказали об инструментах. На этот раз он задумался и тут же, несмотря на темноту, пошел прямо к тому ящику, куда спрятал их при первом опьянении.* Эти касающиеся опьянения факты, как бы интересны они ни были, не уменьшают значение того признака, на который мы указали для характеристики сомнамбулизма. Они доказывают только, что последний можно сравнивать с некоторыми психическими расстройствами. Ниже мы увидим еще другие черты, которые сближают опьянение с сомнамбулическим состоянием.

Но более серьезные затруднения вызывает тот факт, что некоторые сомнамбулы, очнувшись, сохраняют частичное воспоминание о происшедшем во время сна. Существование этого явления неоспоримо. Нужно только знать, при каких обстоятельствах он имеет место и как его толковать. Выделим сначала все воспоминания, касающиеся внушения. Если, например, я приказываю сомнамбуле совершить, проснувшись, такое-то действие, то очевидно, что она не может выполнить мой приказ, если не сохранит о нем какого-либо воспоминания. Это необходимое для выполнения внушения воспоминание выражается в самых различных формах. Оно то вполне сознается субъектом, то совершенно неизвестно ему; то овладевает психикой, подобно импульсу, происхождения которого субъект не знает, то, наконец, развивается крайне медленно.

Ниже мы рассмотрим эти различные способы выполнения внушения. Сейчас же достаточно заметить, что воспоминание это бывает совершенно поверхностным и мгновенным. Прежде всего оно обнимает собой только те приказания, которые должны быть выполнены в настоящий момент. Например, при экспериментах с G., у которой это явление наблюдается очень ярко, я внушаю ей:

---

* Myers. Automatic writing. P. 228.

1) по пробуждении пройтись кругом по комнате; 2) завтра в четыре часа прийти в назначенное место. После этого я разговариваю с ней о разных вещах. Проснувшись, она совершенно не помнит разговора со мною, не помнит также и второго приказания, которое она должна выполнить завтра. Но она вспоминает, что я ей велел сделать круг по комнате, и выполняет это сразу. Воспоминание о втором приказании всплыло на другой день в четыре часа. Что же касается воспоминания о разговорах, то оно появится только в следующем сомнамбулизме.

Затем нужно сказать, что воспоминания эти быстро исчезают. Если субъект сознательно выполняет какое-либо внушение, то через несколько минут он утрачивает воспоминание не только о данном приказании, но даже и о своем исполнении. Н., которой я внушил, проснувшись, собирать цветы, исполняет мое приказание. Я подхожу к ней и спрашиваю, что она делает. Она отвечает, что собирает цветы, что в этом нет ничего дурного и т. д. Через минуту же она утверждает, что не вставала со своего стула и не знает, откуда взялись эти цветы.

То же самое мы наблюдаем, если вместо того чтобы внушить какое-либо действие, внушаем субъекту вспомнить некоторые слова, произнесенные в сомнамбулизме. Леония, находясь в сомнамбулизме, хотела запомнить некоторые сведения, которые я сообщил ей; я приказал ей хорошо запомнить их. Когда она проснулась, легко было констатировать, что она довольно хорошо помнила мои слова. Но на следующий день, придя в себя после сомнамбулического состояния, она снова стала спрашивать меня о том, что я накануне сообщил ей. Воспоминание, значит, не сохранилось. Быть может, во избежание этого следовало бы делать более длительные внушения; но тогда изменились бы естественные явления, и создалось бы совершенно искусственное состояние.

Но иногда сохраняется известное устойчивое воспоминание после очень неглубокого гипнотического сна, который, впрочем, очень приближается к нормальному состоянию. «Один субъект, загипнотизированный в первый раз, — говорит Гёрней, — сохранил воспоминание обо всем: не только о тех действиях, которые он совершал, но также и о том чувстве удивления, которые испытывал при совершении их. Казалось, будто было два разных „я“, из

которых одно смотрело на произвольные действия другого, не думая прекратить их». * М. Рише приводит случай, когда субъект не только вспоминал все внушенные ему в сомнамбулизме действия, но воображал еще, что совершает их по своей воле. ** Я сам констатировал эту неустойчивость воспоминания у молодого человека, которого часто приводил в состояние неглубокого сомнамбулизма. Несмотря на все его старания, глаза у него оставались закрытыми, и руки не могли переменить положения, которое я сообщал им. Но очнувшись, он очень легко вспоминал обо всем. В этих случаях единственным характерным признаком сомнамбулизма было явление внушения. Однако известно, что это явление прекрасно можно наблюдать и наяву.

Не вправе ли мы поэтому сказать, что у таких лиц наблюдается явление внушения наяву, что паралич их рук и век вовсе не доказывает изменения их психического состояния, что у них просто имеются некоторые бессознательные явления и что воспоминание о других явлениях сохраняется естественным путем?

Интересное замечание о памяти сомнамбулов было сделано Дельбёфом. Заметив, что при некоторых обстоятельствах воспоминание о внушенных в сомнамбулизме действиях остается и после пробуждения, он пришел к заключению, что «гипнотический сон подчиняется тем же законам, что и сон обычный, причем воспоминание о нем всплывает при одних и тех же условиях». *** Что во многих случаях — в особенности, когда речь идет о неглубоком сомнамбулизме, — можно сравнивать гипнотический сон с нормальным — это не подлежит сомнению; но нельзя допустить, что тут наблюдается полная тождественность и что изменения памяти в гипнотическом сне не отличаются от таковых при обычном сне.

Здесь мы опять встречаемся со столь важными в психологии различиями в степени. Если внезапно разбудить субъекта в тот момент, когда он совершает какое-либо внушенное действие, то он сохранит о нем воспоминание, как о сновидении. Я внушаю Люси во время сомнамбулизма, что на ней горит платье — она

---

* Gurney. Proceedings. S. P. R. II. P. 67.

** Ch. Richet L'Homme et L'Intelligence. 1884. P. 169.

*** Delboeuf. La mémoire chez les hypnotisés. Rev. philos. 1886, I. P. 441.

начинает мять материю, чтобы затушить пламя. Разбуженная внезапно в этот момент, она бормочет: «Однако, я была довольно глупа — я думала, что мое платье горит». Воспоминание остается и тогда, когда речь идет не о каком-либо действии, а о простой галлюцинации. Я говорю Люси, что она видит в комнате зажженную зеленую бенгальскую свечу, и она любит ее; затем, выбрав момент, когда она совершенно неподвижна в своем созерцании, я вдруг бужу ее ударами в ладоши. Проснувшись, она с удивлением смотрит вокруг себя и говорит: «Почему вы потушили бенгальскую свечу... Ах, это был сон!» Такие опыты удаются и с Марией, которая, будучи внезапно разбужена, сохраняет не только воспоминание, но даже слабую и устойчивую галлюцинацию сомнамбулического сна. «Смотрите, — говорит она тогда, — вы зажгли бенгальскую свечу... Жаль только, что она постепенно гаснет». В этом опыте, по-видимому, нет разрыва в психической жизни, так как пробуждение не уничтожает впечатлений сомнамбулизма.

Заметим прежде всего, что этот опыт можно производить лишь над такими субъектами, которых можно разбудить внезапно и быстро; а такие субъекты находятся обычно в неглубоком сомнамбулизме. Следующие два факта доказывают это.

1. Когда субъекта усыпляют в первый раз, он обычно впадает в неглубокий сон и его можно разбудить сразу; когда же его усыпляют часто, то он впадает уже в более глубокий сомнамбулизм и привести его в нормальное состояние уже не так легко. В начале моих опытов с Люси я легко мог производить над ней подобный эксперимент; спустя некоторое время мне это уже не удавалось, так как теперь, чтобы разбудить ее, нужна была, по крайней мере, одна минута; длительность пробуждения прерывала сомнамбулический акт и не позволяла сохраниться воспоминанию о нем.

2. Другое доказательство: я пришел к заключению (справедливо или нет — мы увидим ниже), что сомнамбулизм следует считать глубоким, когда весь психический склад субъекта, когда его чувства, характер и ум делаются совершенно иными, чем наяву. И вот, субъектов, которые претерпевают в сомнамбулизме такие изменения, невозможно легко разбудить. Длительное и трудное пробуждение всегда характеризует глубокий сомнамбулический сон. Нужно много времени, чтобы окончательно разбудить Розу

и Леонию, у которых наблюдаются все признаки каталепсии, изменения чувствительности и т. д. А проснувшись, они никогда не могут вспомнить ни одного впечатления из сомнамбулизма. Итак, устойчивость сомнамбулических образов характерна только для неглубокого сна.

Но и по поводу этого последнего нужно сделать одно важное замечание: воспоминание, сохранившееся благодаря внезапному пробуждению, длится недолго: оно существует у субъекта только в самый момент пробуждения и его можно лишь тогда уловить, если немедленно задать субъекту соответственный вопрос. Затем воспоминание постепенно стирается из памяти и скоро не остается никакого следа в сознании. Мария, которая, проснувшись, радуется бенгальскому огню, сначала с сожалением констатирует, что он исчезает, а затем сохраняет о нем только одно воспоминание: «Бенгальский огонь был только что очень красив, — говорит она, — но он очень скоро погас». Наконец, спустя пять минут она заявляет, что ничего не видела и не знает, что я хочу сказать, говоря о бенгальском огне. Правда, если я ее опять усыплю, воспоминание снова появится полностью; но я этого не делаю, и она окончательно забывает о бенгальском огне.

Чтобы объяснить это явление, могу сделать только одно предположение: сначала она была в полусонном состоянии, а затем мало-помалу окончательно пришла в себя. Впрочем, для того чтобы опыт удался, нужно, чтобы действие, начатое в сомнамбулизме, продолжалось некоторое время после момента пробуждения. Вот почему необходимо, чтобы сомнамбула не сразу приходила в себя. Действительно, психические состояния всегда длительны, и субъект не перескакивает из одного состояния в другое. Существует так называемый постгипнотический период, продолжающийся иногда довольно долго после пробуждения, и вполне естественно, что в течение этого периода сохраняется некоторое время воспоминание о впечатлениях сомнамбулизма.

Если мое объяснение нельзя применить ко всем случаям, то это потому что психические явления чрезвычайно сложны и на каждом шагу можно натолкнуться на исключительные обстоятельства, меняющие общие правила. В средние века забывание впечатлений после сомнамбулизма считалось, кажется, признаком колдовства: «Несчастливые сомнамбулы, — говорит Бертран, — боясь

сожжения, внушали себе сохранять воспоминания после сомнамбулизма, и это им иногда удавалось». В настоящее время опыты проделывают перед публикой, приглашенной специально для того, чтобы констатировать факт сохранения воспоминаний по пробуждении. При этом субъектам позволяют видеть друг друга в сомнамбулизме; приучают их считать опыт занимательным, если у них остаются воспоминания от сомнамбулизма, и скучным, когда они все забывают. Наконец, иногда оживляют воспоминания субъектов, заставляя их рассказывать свои сомнамбулические галлюцинации и создавая, таким образом, искусственную память. Поэтому неудивительно, что довольно часто встречаешь постгипнотическую память. Если устранить эти искусственные условия, то явление воспоминания по пробуждении после очень глубокого сомнамбулизма совершенно не будет наблюдаться, а после сомнамбулизма других степеней будет встречаться редко и длиться недолго. Таким образом, факт забывания по пробуждении мы считаем наиболее важным признаком сомнамбулизма и полагаем, что в тех случаях, когда он совершенно отсутствует, мы имеем дело с внушением наяву, а не с сомнамбулизмом.

3. ЧЕРЕДОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ПАМЯТИ

Эта утрата и возвращение памяти, столь поразительные в сомнамбулизме, наблюдаются иногда в более сложном виде. Один и тот же субъект не всегда впадает в одинаковое сомнамбулическое состояние. Он может впасть в разные состояния, которые все аналогичны гипнотическому сну, но не тождественны. При этом, в зависимости от состояния, в котором субъект находится, меняется и его память: он вспоминает или нет то или другое психическое состояние, в котором находился прежде. Словом, те изменения в памяти, которые возникают у субъекта по пробуждении из обычного сомнамбулизма, могут наблюдаться также и тогда, когда субъект после другого сомнамбулического состояния впадает в обычный сомнамбулизм.

Вот одно очень интересное наблюдение, рассмотренное Бертраном в его исследовании о сомнамбулизме. Одна девочка, тринадцати или четырнадцати лет, страдала всякого рода нервными

припадками и впадала в различные состояния, отличающиеся от нормального — в естественный и в искусственный, или гипнотический, сомнамбулизм. «Несмотря на то, что больная во всех этих различных болезненных состояниях была предоставлена самой себе, она наяву не вспоминала, что делала или говорила в каждом из этих состояний. Но удивительнее всего то, что в гипнотическом сомнамбулизме, доминирующем, так сказать, над всеми видами ее существования, она вспоминала все, что происходило с нею либо в естественном сомнамбулизме, либо во время нервных припадков, либо наяву. В сомнамбулизме она забывала все, происходившее в гипнотическом сне, и ее воспоминания охватывали только два низших состояния. Во время нервных припадков она помнила только то, что происходило с ней в сомнамбулизме; наконец, наяву, как бы в самом низшем состоянии, она забывала все происходившее с ней во время высших степеней сознания».*

Доктор Герберт Майо приводит случай, когда у человека было пять различных степеней памяти: нормальное состояние прерывалось у него четырьмя разными болезненными состояниями, о которых он по пробуждении не сохранял никакого воспоминания. Между тем каждое из этих аномальных состояний обладало особой присущей ему формой памяти. В 1887 г. я сам отметил такого рода явление, которое я в первый раз наблюдал у Люси. После обычного сомнамбулизма она впадала в сомнамбулизм второго рода, в котором обнаруживала прекрасную память и вспоминала все свои психические состояния вплоть до истерического припадка. Из этого нового состояния она впадала опять в сомнамбулизм первого рода и уже не помнила ничего, что с ней только что происходило. Воспоминание о сомнамбулизме второго рода всплывало у нее лишь тогда, когда я вновь приводил ее в это состояние.

В том же году де Роша констатировал подобное явление на своем субъекте Бенуа: «Если, — говорит он, — продолжать применять это к Бенуа (дело идет о применении магнита к субъекту, который уже прошел через одно сомнамбулическое состояние и находится в летаргии), то можно вызвать пятое состояние, которое похоже на сомнамбулизм в том отношении, что у субъекта

---

* Bertrand. Traité du somnambulisme. P. 318.

восстанавливаются его психические способности; память и большинство ощущений, кроме зрительных, даже обострены; по пробуждении он забывает все, что произошло в этом состоянии, но вновь вспоминает все, когда опять впадает в такое состояние».*

Наконец, Гёрней в одном интересном исследовании доказывает, что некоторые субъекты в гипнотическом состоянии проходят через различные стадии памяти. Эти состояния памяти немного отличаются от тех, о которых я только что упомянул. При каждом состоянии сознания субъект вспоминает только то, что он испытывал именно в этом состоянии. Вот каким образом автор описывает это сложное явление: «Приведа субъекта в особую стадию гипнотического сна, которую назовем состоянием А., мы начинаем беседовать с ним на какую-нибудь тему. Через некоторое время, приведа его в еще более глубокое сомнамбулическое состояние В., мы хотим продолжить прежний разговор. Но теперь он совершенно не может вспомнить его и даже забыл, что ему было сказано что-то. Тогда начинаешь с ним беседу на новую тему, прося его запомнить ее, после чего вновь приводишь его в первое состояние А. Он уже не может вспомнить, что ему только что говорили (когда он был в состоянии В.) и продолжает разговор, начатый в состоянии А., в котором он сейчас находится. Приведенный снова в состояние В., он точно так же вспоминает, что ему было сказано в этом состоянии, но забывает, что он слышал и говорил в состоянии А.»** Таким образом, у этого субъекта автор констатировал в гипнотическом сне три рода памяти, которые вместе с нормальной памятью наяву составляли четыре различных формы.

Теперь займемся исследованием этих изменений у наших субъектов. Так как эти явления очень сложны и трудно поддаются точному описанию, то мы просим позволения пользоваться условными наименованиями. По примеру Азама мы будем говорить: состояние 1, 2 или 3, чтобы обозначить различные фазы сознания, через которые проходит один и тот же субъект; для обозначения же самого субъекта будем называть имя его с прибавлением циф-

---

* De Rochas. Les forces non definies. 1887.

** Edm. Gurney. Stages of hypnotic memory. Proceedings. S. P. R. 1887. P. 515.

ры, соответствующей в данное время состоянию его сознания; так, Люси 1 означает Люси в нормальном состоянии, наяву; Люси 2 — Люси во втором состоянии или обычном сомнамбулизме. Ниже мы увидим, как удобно такое условное обозначение.

Сначала я усыпил Люси обычным образом, и в этом втором состоянии констатировал у нее все явления памяти, присущие всем сомнамбулам. Как-то раз мне не удавалось сделать ей внушение, и я попробовал еще больше усыпить ее, надеясь увеличить этим внушаемость субъекта. Для этого я начал опять делать пассы над Люси 2, как если бы она не была еще в сомнамбулизме. Она легла навзничь, закрыла глаза и, казалось, засыпала все крепче и крепче. После общей контрактуры, скоро исчезнувшей, мышцы сделались вялыми, как при летаргии. Ни один жест или слово не могли вызвать даже слабого движения. Это был гипнотический обморок, о котором я уже упоминал. С тех пор я наблюдал его часто, и у некоторых лиц он показался мне неизбежной переходной ступенью между различными состояниями сознания. В гипнотическом обмороке Люси пролежала около получаса, затем сама встала и сначала с закрытыми, а потом по моей просьбе с открытыми глазами — начала говорить.

Разговаривавший со мной таким образом субъект — по нашему условному обозначению Люси 3 — предоставил мне много чрезвычайно интересного материала для наблюдений. Пока я упомяну только об одном, это — о состоянии памяти Люси. Люси 3 прекрасно вспоминала свою обычную нормальную жизнь, вспоминала прежние вызванные у нее сомнамбулические состояния и все, что Люси 2 могла говорить и делать. Кроме того, она могла подробно рассказать мне о своих истерических припадках и страхе перед людьми, будто бы спрятавшимися у нее за занавесками. Также она вспоминала и свои кошмары и припадки естественного сомнамбулизма, во время которых готовила обед и т. д. Словом, она помнила все, о чем ни Люси 1, ни Люси 2 не сохраняли никакого воспоминания. Разбудить ее было очень трудно: оставаясь несколько минут в уже описанном гипнотическом обмороке, она переходила опять в обычный сомнамбулизм, в котором Люси 2 уже не могла мне сказать, что происходило только что с Люси 3. Она уверена, что спала и ничего не говорила. Когда я, немного погодя, опять привел ее в это состояние более глубокого со-

мнамбулизма, то у Люси 3 опять всплыли исчезнувшие было воспоминания.

Это любопытное явление, которое я считал тогда более новым, чем оно было на самом деле, внушило мне желание поставить подобный опыт над другим также очень интересным с этой точки зрения субъектом — Леонией. Первый сомнамбулизм, т. е. состояние Леонии 2, у нее очень легко вызвать, но только по прошествии 2 или 3 часов это состояние становится вполне законченным. Я попробовал продолжать усыплять Леонию 2, как будто она в нормальном состоянии, и для этого употребил приемы, к которым она более всего привыкла: прикосновение большим пальцем, пассы и т. д. Леония 2 постепенно перестала говорить, засыпала все крепче и, наконец, впала в летаргию. Я продолжил внушение, не обращая внимания на летаргическое состояние. Субъект вздохнул и, по-видимому, пробудился; причем это странное пробуждение совершалось очень медленно. Чувства, по-видимому, вновь появлялись одно за другим: сначала мышечное чувство — конечности сохраняли приданное им положение; затем осязание — предмет, вложенный в ее руку, вызывал движение; наконец, зрение — субъект видел и подражал движениям, которые совершались перед ним. Эти уже описанные в предыдущей главе каталептические явления обнаруживают наличие сознания в зачаточном состоянии. Если продолжать пассы — в особенности над головой субъекта во время каталепсии — состояние его меняется и из каталепсии он переходит в сомнамбулизм новой формы. Субъект, сидевший в каталепсии прямо, постепенно склоняется, тихо закрывает глаза и, по-видимому, крепко засыпает.

Ни надавливания на сухожилия, как при летаргии, ни растирание кожи, как в сомнамбулизме, не вызывают контрактур; руки по-прежнему остаются в придаваемых мною положениях. Лицо бледнеет, глаза вываливаются и губы сжимаются с необычным для Леонии выражением строгости и грусти. Это состояние, кажется, приближается к каталепсии, высшим продолжением которой оно является; однако, между ними есть и существенное различие: теперь субъект понимает, что ему говорят, и отвечает на вопросы. Правда, субъект разговаривает очень странно, повторяет сначала мои вопросы, как при каталептической эхололии, и затем уже отвечает. «Слышите ли вы меня?» — говорю я. — «Слы-

шите ли вы меня?.. Да, сударь», — отвечает она после минутного молчания. Эта способность говорить наблюдается не всегда, так как при сомнамбулизме первой и второй стадии гипнотическое и бодрствующее состояния чередуются между собой, хотя и отличаются друг от друга только тем, что в последнем состоянии субъект говорит, а в первом нет.

Если удастся продержат субъекта в этом состоянии час (что очень трудно), то видно, как сознание его расширяется: субъект, которого мы можем называть теперь Леонией 3, уже реже повторяет вопросы и только отвечает на них. Как и у Люси 3, мы можем наблюдать здесь интересные психологические явления, к которым еще вернемся; теперь же займемся только состоянием памяти. Последняя отличается следующими свойствами: 1) в этом состоянии Леония 3 вспоминает все, что она делала или слышала в прежних сомнамбулических состояниях такого же рода; 2) Леония 3 легко вспоминает, что было сделано наяву Леонией 1; 3) наконец, Леония 3 вспоминает действия Леонии 2 — в обычном сомнамбулизме. Я думал, что я первый довел ее до состояния Леонии 3, но она рассказала мне, что прежде бывала в этом состоянии, когда ее усыплял д-р Альфред Перье, который, как и я, открыл это состояние, когда пытался сделать более глубоким сон Леонии 2. Это воскресение сомнамбулической личности спустя 20 лет после ее исчезновения было очень любопытно, и при обращении к ней я, конечно, употреблял имя Леоноры, которое ей дал первый исследователь. Но во избежание путаницы здесь я буду обозначать ее именем Леонии 3.

Самый главный признак этого нового сомнамбулизма наблюдается только при прекращении его. Убрать это состояние можно разными способами; при этом субъект впадает сначала в летаргию, а затем переходит в обычный сомнамбулизм — состояние Леонии 2. Последняя вновь начинает разговор на том месте, где она прервала его раньше в этом же состоянии, и ничего не помнит, что было с ней в состоянии Леонии 3. Это исчезновение воспоминаний не обуславливается промежуточной летаргией, так как Леония 2 вспоминает все периоды своей жизни, протекшие в этом состоянии сознания, хотя они и отделены друг от друга многочисленными летаргическими припадками. Словом, Леония 2 вспоминает о действиях Леонии 3 не больше,

чем Леония 1, т. е. Леония в нормальном состоянии, вспоминает о сомнамбулизме. Состояние Леонии 3 является, следовательно, новым сомнамбулизмом по отношению к состоянию Леонии 2, точно так же как и это последнее по отношению к нормальному состоянию.

Описания этих двух субъектов достаточно для понимания характера памяти при сомнамбулизме. Но мы опишем еще третьего субъекта Розу, при изучении которой познакомимся с теми же явлениями в более развитой степени и остановимся еще на одном важном пункте — на аналогии между истерией и различными сомнамбулическими состояниями. У Розы наблюдается в гипнозе четыре различных формы сомнамбулизма. Память в каждом из этих состояний изменчива и зависит, по-видимому, от чрезвычайно сложных условий. Находясь во второй стадии сомнамбулизма, Роза ничего не помнит, что было с ней в первой стадии, и наоборот. А воспоминание о нормальной жизни она сохраняет в каждой из этих стадий сомнамбулизма. Третья и четвертая формы следуют друг за другом, как последовательные сомнамбулизмы Люси и Леонии; причем, в последнем состоянии Роза вспоминает все, что происходило в течение первых трех периодов сомнамбулизма и всей нормальной жизни.

Кроме сомнамбулизма, у Розы бывают многочисленные истерические припадки, различные конвульсивные приступы и истерические бредовые состояния, которые продолжаются иногда целыми днями и о которых у нее не остается потом никакого воспоминания. Затем она страдает амнезией. Бывало, она полностью забывала важные периоды своей жизни, которые, однако, казались нормальными. Так, после одного припадка она забыла все, что произошло за три недели, предшествовавшие этому припадку. Воспоминание о том или другом из этих забытых состояний легко всплывает у нее, когда она впадает в некоторые стадии искусственного сомнамбулизма. Во втором сомнамбулизме она вспоминает полностью свой истерический бред, но тогда у нее еще не всплывает воспоминание о забытых периодах нормальной жизни. Полностью последнее возвращается только в четвертой стадии сомнамбулизма, когда память субъекта не имеет никаких особых изъянов. Этот возврат памяти в известные периоды позволяет сравнить между собою различные психические состояния,

объединенные общими воспоминаниями: второй сомнамбулизм Розы, по-видимому, аналогичен ее психическому состоянию в истерическом бреде; а сомнамбулизм четвертой стадии аналогичен внезапно забытым периодам ее жизни. Эта гипотеза пока опирается только на один признак, именно — на память; но в дальнейшем наше исследование будет все более и более подтверждать нашу гипотезу.

Настоящее описание различных форм памяти может показаться сложным и неясным. Мы убеждены, однако, что психология должна забыть об абстрактных обобщениях и более подробно коснуться этого вопроса, если она хочет стать когда-нибудь полезной и практической наукой. Благодаря знакомству с различными психическими состояниями больных истерией, можно бороться с их параличами и контрактурами. Если же мы хотим найти когда-нибудь действенный способ психического лечения безумия — заболевания, которое намного сложнее, чем истерия, — то нужно заняться изучением памяти еще более серьезно и внимательно. Пока же мы хотели лишь доказать, что чередование различных форм памяти и забывание по пробуждении того, что происходило во время гипноза, характерно не только для обычного сомнамбулизма, а наблюдается с разными вариациями при многих состояниях и позволяет констатировать различные стадии сомнамбулизма.

4. ОСОБОЕ УСЛОВИЕ, НЕОБХОДИМОЕ ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ И ЗАБЫВАНИЯ ОБРАЗОВ

Недостаточно констатировать явление — нужно еще объяснить его. Откуда происходят эти изменения психических состояний? Откуда эти странные забывания и возвращение воспоминаний? Для объяснения этих явлений были предложены все гипотезы, какие только возможны; рассмотреть их здесь — значило бы пробежать всю историю животного магнетизма. Так как большинство этих теорий было приведено вкратце в работах Мори, Дипина и Рибо, то нам достаточно упомянуть о самых известных из них и указать, как мало они затрагивают самую суть вопроса. Одни полагают, что во время сомнамбулиз-

ма внимание не напряжено и психические процессы слишком ослаблены. Другие, наоборот, говорят, что деятельность мозга настолько интенсивна, что по пробуждении истощенная психика не в состоянии воспроизвести ни одной идеи из сомнамбулического состояния.*

Эти две гипотезы опровергают друг друга, нисколько не считаясь с тем, что при сомнамбулизме наблюдаются весьма различные по силе и яркости психические явления; наконец, они не в состоянии объяснить полное восстановление памяти при новом сомнамбулизме той же стадии. Забывание того, что происходило с субъектами в сомнамбулизме, Депин приписывает полному исчезновению нашего «я» и нашего сознания при этом аномальном состоянии. «Забывание можно объяснить только тем, что личное сознание и наше „я“ не участвуют в актах, которые совершаются благодаря бессознательной автоматической деятельности мозга, т. е. в то время, когда сознательная деятельность этого органа временно прекратилась».**

В этой теории об исчезновении нашего «я», быть может, и есть кое-что соответствующее истине, но заключать из этого, что при сомнамбулизме отсутствует какое бы то ни было сознание, кажется нам поистине парадоксальным и недопустимым. Я думаю, следует обратить больше внимания на теорию Мори о значении ассоциации идей для воспоминания, но, как он это сам замечает, забывание сомнамбулами всего происходящего в сомнамбулизме не может быть объяснено только разрывом в цепи ассоциаций. Если сомнамбулы непосредственно после пробуждения не всегда видят перед собой предмет или движение, связанное с предшествующими актами или напоминающее их, то, вероятно, в продолжение дня они могут увидеть эти предметы или совершать такие же действия, какие были совершаемы в сомнамбулизме. Почему же сила ассоциаций не обнаруживается в этот момент и не вызывает воспоминания? Однажды Леония в гипнотическом сне собрала букет цветов; когда она проснулась, я даю ей этот букет: почему она не понимает, откуда он взялся? Почему по ассоциации идей она не вспоминает, что сама собирала его?

---

* Maury. Le sommeil et les rêves. P. 188.

** Despine. Somnambulisme. P. 98.

Некоторые гипнотизеры очень правильно высказывались по поводу изменений чувствительности при сомнамбулизме. «При всяком сомнамбулизме, — говорит Бертран, — наблюдается более или менее полное исчезновение чувствительности и движения внешних органов. Чувствительность устремляется вовнутрь: сомнамбула получает новые восприятия от внутренних органов, совокупность этих восприятий и образует новую жизнь, отличную о той, которую мы ведем постоянно».* Это похоже на то, что говорил Рибо, когда допускал изменения синестезии, или общей чувствительности, при сомнамбулизме — изменения, которые становятся, по-видимому, центром новых ассоциаций и памяти.

Эти взгляды представляются нам в целом верными, но нужно согласиться, что они довольно неопределенны и в некоторых случаях могут быть применены с трудом. Поэтому и мы со своей стороны хотим дать в общих чертах объяснение странных явлений забывания и различных форм памяти. Наша гипотеза так же несовершенна, как и предыдущие теории, и вовсе не стремится охватить все явления такого рода. Она предназначена для объяснения лишь тех явлений, которые я сам наблюдал и перед упомянутыми теориями имеет то преимущество, что опирается на наблюдения и точные эксперименты, поставленные при благоприятных условиях. Возможно, что для объяснения явлений, наблюдающихся на других сомнамбулах, нужно будет расширить и изменить нашу гипотезу, но главная идея останется, вероятно, той же.

Каждая гипотеза, говорит логика, состоит из трех частей: из случайного наблюдения; из ряда понятий и рассуждений, стремящихся объяснить данное наблюдение, и, наконец, из опытов, поставленных с целью проконтролировать вытекающие из данного объяснения следствия. Этому порядку мы и будем следовать при изложении нашей гипотезы.

У Розы, которую я изучал дольше всех, до поступления в больницу наблюдались почти все известные припадки тяжелой истерии. Помимо прочего, она страдала странной потерей памяти, которая наступала у нее внезапно после истерического припадка

---

* Bertrand A. Trané du somnambulisme. 1843. P. 467.

или летаргии и охватывала период в одну или несколько недель, предшествовавших припадку. Недавно с ней случился такого рода припадок, и она после каталептического или летаргического²⁵ сна (это не было точно определено) совершенно забыла, что произошло за три предыдущих месяца. Летаргическое состояние наступило у нее почти внезапно, в конце сентября, когда она, казалось, хорошо себя чувствовала. Очнувшись, она совершенно забыла все, что произошло за июль, август и сентябрь. Я очень заинтересовался этой естественной амнезией и несколько раз пытался путем сомнамбулизма или внушения воскресить у нее воспоминания, но мне это не удавалось.

Гораздо позднее привычка засыпать под влиянием пассов привела к возникновению у этой женщины целого ряда различных сомнамбулических состояний, отделяющихся друг от друга, как я уже сказал, обмороком и каталепсией. Будучи в одном из этих новых состояний, в которое она только что впала, она сказала мне: «Вы часто спрашивали меня, что произошло в августе и сентябре месяце. Почему я не могла ответить вам? Ведь это так просто... Теперь я хорошо знаю это... Я делала то-то и то-то» и т. д. Но как только субъект переходил в сомнамбулизм другой стадии или же просто в нормальное состояние, воспоминания эти снова совершенно исчезали.

Что было необычного в этом наступившем случайно сомнамбулическом состоянии, при котором вновь появились исчезнувшие воспоминания? Мое внимание было привлечено одним выдающимся явлением, которое стало, по моему мнению, единственным различием между этим и другими сомнамбулическими состояниями. Наяву и во всех других состояниях, как я уже давно знал это, Роза страдала полной анестезией, и сознание ее не воспринимало ни одного мышечного или осязательного ощущения. В особом сомнамбулизме, при котором всплывали исчезнувшие воспоминания, у Розы появлялась вдруг осязательная и мышечная чувствительность на правой стороне тела, и она становилась лишь наполовину анестезичной. С другой стороны, расспрашивая о состоянии Розы в продолжение тех 3 месяцев, воспоминание о которых исчезло у нее, я узнал, что в это время она чувствовала себя довольно хорошо и что у нее тогда появилась осязательная чувствительность на правой стороне тела.

В то же время она порезала себе ножом правую руку и много страдала от этого. Теперь же, после припадка, она опять ничего не чувствует, если даже наносит себе настоящие раны. Следовательно, в продолжение этих трех месяцев она не страдала полной анестезией, как теперь.

Сравнивая то состояние, при котором фиксировались воспоминания, с особым сомнамбулизмом, при котором они всплыли вновь, мы видим, что оба имеют один общий признак — наличие осязательной и мышечной чувствительности на правой стороне тела. Это случайное наблюдение привело меня к предположению, что существует какое-то соотношение между данным состоянием чувствительности и состоянием памяти. Воспоминания, зафиксированные благодаря известной чувствительности, по-видимому, могли всплыть только при наличии того же состояния чувствительности. Чтобы оценить значение этой гипотезы и применить ее к новым случаям, необходимо различать две формы памяти и изучать отдельно каждую из них. Прежде всего есть элементарная или чувствительная память, состоящая просто в воспоминании известного ощущения, рассматриваемого отдельно, а затем память сложная, интеллектуальная, которая состоит из воспоминаний сложных идей и которая может существовать у человека только благодаря дару речи. Сначала займемся изучением первой формы памяти и постараемся исследовать, при каких условиях она может существовать.

Память содержит один очень важный, хотя и побочный элемент, именно — узнавание и локализацию ощущений. Эти добавочные элементы интеллект вносит в содержание памяти, но они не составляют самого воспоминания. Существенным элементом воспоминания является образное воспроизведение ранее испытанного ощущения. Со времени исследований Галтона принято, что образ идентичен ощущению. Для того, чтобы образ мог возникнуть и, следовательно, могла обнаружиться память, необходимо наличие способности испытывать определенное ощущение. Человек, совершенно утративший какое-либо чувство и не могущий более оценивать ощущения, получаемые благодаря данному чувству, в то же время утрачивает все образы и воспоминания, связанные с этим ощущением. Но, скажут нам, человек, ослепший по несчастной случайности, сохраняет все-таки воспоминания

о зрительных ощущениях, хотя не может ничего видеть. Нет, этот человек потерял только внешний орган зрения, а не психофизиологическую потребность видеть. Если же у него разрушены зрительные центры, уничтожена сама способность оценивать зрительные впечатления, то он не сохранит больше воспоминаний о виденном и, как слепой от рождения, не будет знать, что значит видеть. Можно доказать, что такие именно явления имеют место при истерической анестезии.

При этом заболевании поражается не внешний орган какого-либо чувства — он совершенно невредим; а поражаются соответствующие мозговые центры, которые или совсем не функционируют, или функционируют, как мы ниже увидим, ненормальным образом. Поэтому в противоположность случайно ослепшему человеку, который после разрушения органа зрения сохраняет воспоминания и зрительные галлюцинации, истерические больные, страдающие полной анестезией, вовсе не сохраняют галлюцинаций в сфере того чувства, которое они утратили. Рассмотрим это явление и покажем, какие оно может иметь последствия для проявления элементарной памяти.

Иногда Роза страдала полной тактильной анестезией²⁶ и не могла различать цветов, т. е. она не чувствовала прикосновения к какой бы то ни было части тела, и все предметы казались ей белыми и серыми. В это время было совершенно невозможно заставить ее испытать какую-нибудь зрительную галлюцинацию с цветной окраской или галлюцинацию осязания. Когда я внушал ей видеть цветы, костюмы и т. д., то они всегда представлялись ей белыми и серыми. Если я внушал ей, что ей щекотно, больно или что в комнате ненормальная температура, она решительно ничего не чувствовала. В то же время можно было словесным внушением вызвать у нее все слуховые галлюцинации, что доказывало, что она очень внушаема. Я расспрашивал ее о галлюцинациях, и она уверяла, что так же, как и наяву, не чувствует ни малейшего прикосновения, и все предметы кажутся ей белыми и серыми. Образы совершенно исчезли у нее вместе с ощущениями.

Наоборот, когда удается вызвать у субъекта галлюцинации²⁷, несмотря на анестезию, то снова появляется нормальная чувствительность. Нужно заметить, что у некоторых субъектов, анестезия которых неглубока и недавнего происхождения, внушения могут

пробудить чувственные образы, особенно при посредстве других сохранившихся образов. Например, Мария уже несколько дней страдает полной анестезией. Я внушаю ей, что у нее по руке ползет гусеница — она заявляет, что ничего не чувствует. Тогда я внушаю ей видеть гусеницу — она видит и в то же время ощущает ее: зрительный образ пробудил образ осязательный. Но интересно констатировать, что в этот момент в руке вообще восстанавливается тактильная чувствительность и Мария начинает чувствовать все прикосновения и уколы. Чувственный образ не может быть вызван без того, чтобы не повлечь за собою реальное ощущение. Это наблюдение доказывает обратную зависимость между образом и ощущением.

Исследуем теперь, какие последствия может иметь подобное явление для состояния памяти. Легко понять и проверить экспериментальным путем, что потеря образов приводит к потере всех связанных с ними воспоминаний. Одним из первых симптомов, доказывающих эту потерю воспоминаний, является хорошо известное безразличие истерических больных ко всему, что связано с их анестезией. Мне кажется, что если когда-нибудь я проснулся бы без всякого осязательного и мышечного ощущения и если бы сразу, подобно Розе, потерял способность различать цвета, видя все в природе только в черном и белом цвете, то был бы очень испуган этим и сразу бы обратился за помощью. Эти женщины, напротив, находят свое состояние таким естественным, что даже никогда не жалуются. Только после нескольких опытов я заметил Розе, что она не различает цветов. Сама же она ничего не знала об этом. Когда я показал Люси, что она не ощущает ни боли, ни какого бы то ни было прикосновения, она ответила мне: «Тем лучше». Когда я сказал ей, что она никогда не знает положения своих рук, если не смотрит на них, и что, лежа в постели, она не знает, где ее ноги, то она ответила: «Но это вполне естественно, раз я их не вижу; у всех людей так». Словом, они не могут сравнивать прежнее ощущение, воспоминание о котором у них совершенно исчезло, с настоящим состоянием. Они не страдают от своей нечувствительности, как мы не страдаем от того, что не слышим «гармонии небесных сфер». Когда истеричная больная, как, например, Мария, жалуется на потерю чувствительности, это значит, что она не страдает полной анестезией, так как при

полной нечувствительности совершенно отсутствуют какие бы то ни было воспоминания.

Довольно легко проверить это положение путем точных экспериментов: можно заставить этих субъектов в период их нормальной чувствительности испытать одно определенное ощущение. Затем, когда по ходу болезни они станут анестезичными, посмотреть, сохранили ли они воспоминание о данном ощущении. Но такой опыт был бы слишком длителен и неудобен для наблюдения. Лучше пользоваться искусственными изменениями их чувствительности при помощи различных способов. После нескольких попыток я констатировал, что временную чувствительность в одной части тела можно восстановить у Розы тремя способами: либо путем наложения сильного магнита, либо наложением свинцовых или оловянных пластинок, либо (еще проще) посредством электрического тока средней интенсивности (20 или 30 элементов Трувэ).

Здесь уместно остановиться на вопросе о значении этих приемов. Мне кажется, что в настоящем случае трудно объяснить их действие напряженным вниманием или внушением, так как на субъекта, о котором здесь идет речь, внушение осязательных галлюцинаций не оказывает никакого влияния, ибо он не сохранил даже осязательных образов. Внушение пользуется известным психическим состоянием, но не создает его. В нашем случае тактильная чувствительность под влиянием одного из упомянутых приемов снова появилась в правой руке; поэтому и стало возможным внушать субъекту осязательные галлюцинации в области этой конечности, между тем как раньше этого нельзя было добиться.

Итак, когда Роза находится в нормальном состоянии, я посредством электрического тока восстанавливаю у нее осязательную чувствительность правой руки и убеждаюсь, что теперь она прекрасно чувствует уколы и прикосновения. Затем я кладу ей в правую руку небольшой предмет и прошу узнать этот предмет на ощупь, не глядя на него. «Это — маленький карандаш», — говорит она. Тогда я отключаю электрический ток и несколько минут разговариваю с ней о другом. Затем снова спрашиваю, что было у нее в руке только что. «Маленький карандаш», — отвечает она. Я исследую ее правую руку и вижу, что в ней еще сохранилась

чувствительность. Причем делаю это быстро, не предупредив больную. Через час, проходя мимо нее, я опять спрашиваю, что она держала в правой руке. «Вы мне ничего не давали, я ничего не помню», — говорит она. При быстром исследовании правой руки я констатирую, что она опять совершенно нечувствительна. Но, скажут мне, за час она могла забыть такой незначительный факт, как прикосновение маленького предмета. Пусть будет так, но продолжим эксперимент. На другой день я вижу, что она забыла о моем карандаше, и снова констатирую у нее амнезию правой руки. Тогда я снова пропускаю ей через руку электрический ток; через две-три минуты в руке опять появляется чувствительность, а больная сама говорит мне: «Ах, вы положили мне вчера в руку небольшой карандашик!»

Из этого интересного опыта, который я часто повторял, видно, что два момента — возникновение ощущения и затем всплывание воспоминания о нем — оба являются моментами нормальной жизни, во время которых в правой руке благодаря электрическому току восстанавливается чувствительность. Что было бы, если бы эти моменты относились к двум различным состояниям, один — к состоянию нормальному, другой — к сомнамбулизму? Мы видели, что у Розы наблюдается по крайней мере четыре различных стадии сомнамбулизма, которые характеризуются различными состояниями памяти. В третьей и четвертой стадиях она сохраняет естественную чувствительность на правой стороне тела, т. е. под влиянием пассивов или продолжительного гипнотического сна наступает момент, когда у Розы появляется полное ощущение на правой стороне тела. Если же из этого состояния перевести ее в состояние второго сомнамбулизма, то она опять перестанет ощущать и забудет, что происходило с ней в третьей стадии.

И вот, во время этого особого состояния, когда она приобретает чувствительность, я кладу ей в руку маленький предмет. «Это медная монета», — говорит она, не глядя. Я велю ей закрыть глаза и сам двигаю ее правой рукой. «Вы заставляете меня креститься», — говорит она. После этого я бужу ее, причем констатирую, что наяву она по-прежнему обнаруживает полную анестезию. Не расспрашивая ее прямо, я из разговора узнаю, что она не сохранила никакого воспоминания ни о сомнамбулизме, ни о предме-

те, который очень долго держала в руках. Впрочем, я могу даже прямо спрашивать ее об этом, своими вопросами почти внушая ей ответ — все равно она ничего не вспомнит. Тогда я опять пропускаю электрический ток через ее правую руку, последняя вновь становится чувствительной, и Роза сама заявляет мне: «Вы положили мне в руку медную монету, вы заставляли меня креститься, когда я спала, как это смешно!» Бесполезно останавливаться дольше на исследовании этого явления у Розы. У нее оно постоянно: создав каким-либо способом — электричеством, металлическими пластинками или путем гипнотического сна — особое состояние чувствительности, вы вызовете у Розы все элементарные ощущения, возникшие у нее в какой-нибудь определенный момент при наличии такой же чувствительности.

Интересно было наблюдать это явление еще на другом субъекте, и я попытался произвести аналогичный опыт с Марией. Но тут в самом начале исследования я натолкнулся на затруднение, так как результаты эксперимента, казалось, противоречили предыдущим выводам. В самом деле, у Марии воспоминание об ощущении оставались и тогда, когда соответственная чувствительность исчезла. Нужно ли считать неправильными эксперименты, произведенные над Розой? Нет, факт никогда не бывает неправильным — это слишком часто забывают. Но он может зависеть от разных сложных условий; поэтому, если факт не подтверждается, нужно проверить, не находимся ли мы, сами того не замечая, в совершенно других условиях. И вот что я мог заметить при исследовании Марии: у нее не наблюдается анестезии такого же характера, как у Розы. В то время как последняя совершенно потеряла способность воспринимать осязательные образы, и их не может оживить ни внушение, ни слово, у Марии, наоборот, под влиянием внушения могут возникать осязательные галлюцинации. Если я твердо заявляю ей, что по шее у нее ползет гусеница, она, несмотря на свою анестезию, чувствует гусеницу; и этот чувственный осязательный образ вызывает, хотя и ненадолго, реальное тактильное чувство. Здесь, следовательно, слово вводит новый элемент, который нарушает чистоту опыта. Поэтому не следует заставлять субъекта говорить, ибо воспоминание о словах сохраняется вместо воспоминания о тактильном ощущении; первого же достаточно, чтобы вызвать второе.

Я поступаю таким образом: вырезаю из твердого картона десяток фигур — каждая высотой около двух сантиметров; фигуры эти имеют довольно неправильную форму, чтобы их трудно было определить. Чтобы назвать вырезанные фигуры, нужно употребить такие слова, как: разносторонний треугольник, трапеция и т. д., чего эта деревенская девушка совсем не знает. Я заставляю Марию прикоснуться к одной из фигур, не спрашивая ее названия, и затем, чтобы проверить ее осязательную память, заставляю ее из десяти фигур узнать на ощупь ту, к которой она прикоснулась.

В глубоком сомнамбулизме у Марии восстанавливается чувствительность во всем теле. Я заставляю ее прикоснуться к одной фигуре и затем бужу. В этот момент она сохраняет еще немного чувствительности, характерной для сомнамбулизма — особенно если разбудить ее внезапно. Если теперь я кладу ей в руки все фигуры, она ощупывает их и дает мне ту, к которой раньше прикоснулась. «Только что у меня в руках была вот эта», — говорит она. Таким образом, после внезапного пробуждения воспоминание еще остается, но это потому, что сохранилась сомнамбулическая чувствительность.* Возобновим опыт спустя более или менее продолжительное время после пробуждения, чтобы дать исчезнуть всякой чувствительности. Если я заставляю ее теперь смотреть на фигуры или трогать их, она не узнает их и говорит, что не знает, что это такое.

Постараемся теперь восстановить у нее чувствительность, не усыпляя ее вторично. Мария, не знаю почему, не чувствительна к электрическому току; приходится воспользоваться пластинками Бюрка²⁸, а после нескольких опытов и железными пластинками, действующими очень сильно. При наложении железных пластинок рука начинает дрожать, испытывает сильные покалывания и затем, когда все это проходит, приобретает полную чувствительность. Мария прикасается к фигурам и сейчас же протягивает мне ту, которую трогала раньше. Здесь, следовательно, также наблюдается исчезновение чувствительности вместе с исчезновением воспоминания об ощущении и возвращение чувствительности вместе с возвращением воспоминания об ощущении. «Деятель-

---

* То же самое можно наблюдать иногда и у Розы.

ность чувств, — можно было бы сказать вместе с Бастьяном, — образует основу мысли; мысль исчезает или засыпает, когда гаснет деятельность чувств».*

5. ЗАПОМИНАНИЕ И ЗАБЫВАНИЕ СЛОЖНЫХ ЯВЛЕНИЙ

После этого краткого рассмотрения условий возникновения элементарной памяти перейдем к сложной или интеллектуальной памяти, т. е. к полному воспоминанию понятий и актов. Здесь нам помогут прекрасные психологические исследования Шарко о даре речи и различных типах мышления. В самом деле, известно, что сложные действия и понятия понимаются нами и сохраняются в памяти главным образом благодаря речи. Следовательно, изучать условия для запоминания сложных понятий и актов — значит исследовать условия для запоминания речи.

Наша речь складывается из многочисленных образов, связанных с нашими идеями и движениями; но образы эти, как учит медицина, не одинаковы у всех людей. Одни мыслят при помощи двигательных или кинестетических образов, о которых мы уже говорили и которые, будучи изолированы, имеют тенденцию передаваться вовне в реальных движениях или словах. Эти люди, разговаривая громко или тихо, мыслят всегда при помощи двигательных образов речи.

Другие думают слуховыми или зрительными образами. Мышление их складывается из ряда образов речи, которые они как бы слышат, но не произносят, или же из ряда письменных знаков или образов, которые они как бы видят, но не слышат. Каким же образом разговаривают и действуют эти последние лица? Не пробуждают ли их слуховые и зрительные образы более или менее слабые двигательные образы, которые затем проявляются в движениях? Этот вопрос мы уже обсуждали и решили, что, пожалуй, так обстоит дело в начале жизни; впоследствии же все происходит гораздо проще. Звук слова передается в движениях, которые вы-

---

* Bastian. Le cerveau et la pensée. II. P. 123.

ражают как это слово, так и сам двигательный образ. Привычка говорить и действовать при помощи слуховых и зрительных образов присоединяется к привычке мыслить этими образами и способствует большему разделению типов мышления. Если все мысли и действия находятся в зависимости от одного рода образов, то и все воспоминания будут зависеть от устойчивости этих самых образов.

Из исследований Балле* видно, что одно и то же повреждение мозга вызывает разные последствия для рассудка и памяти — в зависимости от того, какими образами пользуется обычно данный человек. Для человека, воспоминания которого группируются вокруг двигательных образов, уничтожение образов зрительных не имеет большого значения. Наоборот, субъекта, который пользуется зрительными образами, это лишило бы всякой памяти и способности говорить. Но и в последнем случае он может более или менее легко привыкнуть группировать свои идеи и действия вокруг образов другой категории, например, мышечного или слухового чувства, тогда такой с виду здоровый человек снова может приобрести способность мыслить и действовать. При этом он будет жить всецело своими новыми переживаниями и никогда не сможет вспомнить старых, разве только каким-то чудом прежние зрительные образы когда-нибудь вновь всплывут у него. Последнее невозможно у больных Шарко, страдавших афазией, так как болезнь мозга совершенно уничтожила у них соответственные центры. Но разве нельзя допустить, что некоторые лица только временно лишаются этих образов, которые могут вновь появляться при иных условиях? Настоящее исследование элементарной памяти показало нам, что именно так обстоит дело у больных истерией и сомнамбул.

Рассмотрим это явление на отдельном примере, который послужит нам иллюстрацией. Кто внимательно исследует поведение Люси наяву, он легко признает, что она является ярко выраженным «зрительным типом». Она мыслит, говорит и действует почти исключительно при помощи зрительных образов. Ни в одной части своего тела Люси не сохранила тактильного ощущения. Также у нее отсутствует и мышечное ощущение: можно перемещать ее

---

* Ballet. Langage intérieur.

руки, связывать их за ее спиной, останавливать ее произвольные движения и т. д.— она этого не заметит, если ее глаза обращены в другую сторону. Глубокая анестезия лишила ее всякого воспоминания о тактильной чувствительности; она, как мы только что видели, думает даже, что все люди подобны ей.

Кроме осязания, Люси почти совсем потеряла слух: она слышит только в том случае, если говорят громко и достаточно близко от нее; но ей не слышно тиканье моих карманных часов, если даже я прикладываю их ей к самому уху. Зрение, хотя и очень ослабленное (острота зрения уменьшена до трети, поле зрения — до 20 %), сохранилось у нее лучше всего. Поэтому она постоянно пользуется только им: она не может сделать ни одного движения или ходить, если не смотрит беспрестанно на свои руки, ноги, землю и т. д. Впрочем, большинство истерических больных, совершенно утратив мышечное чувство, только таким образом и могут еще шить, вязать, писать и т. д. В этом отношении многие авторы часто ошибались, когда полагали, что мышечная анестезия встречается при истерии очень редко.

Зрительные образы в некоторых случаях могут даже заменять отсутствующие ощущения и помогают, таким образом, истерическим больным совершать движения с закрытыми глазами. Не так обстоит дело с Люси. Если перед ее глазами ставят экран, она не может ничего делать: ни ходить, ни двигать руками, ни даже шевелить кистью руки — она шатается и падает. Если же ей совсем закрывают глаза, то она не может даже говорить и... засыпает. Описано уже много случаев такого рода, когда субъекты засыпали, лишь только их лишали единственного оставшегося у них органа чувств.* Поэтому, если хотят исследовать нормальное состояние больной истерией, никогда не следует прикасаться к ее глазам. Я наблюдал 4 субъектов, у которых сознание поддерживалось только благодаря зрению и которые засыпали, как только им закрывали глаза. Беседуя с Люси в ее обычном состоянии, можно заметить, что, думая о людях, она всегда представляет их по их лицу и платью; наяву все воспоминания, каково бы ни было их происхождение, появляются у нее в виде зрительных образов.

---

* Paul Richer. Hystero-épilepsie. P. 259.

Теперь усыпим ее и, чтобы получить ясные различия, опустим промежуточные стадии и приведем ее прямо в самый глубокий сомнамбулизм — состояние Люси 3, которое наступает только через полчаса после усыпления. Вот она поднимается и открывает глаза. Но кого мы теперь видим перед собой? Прежде всего она не утратила чувств, которые были у нее наяву — наоборот, чувства эти даже окрепли. Но удивительно, что теперь у Люси вполне восстановились мышечные и тактильные ощущения: она прекрасно знает, в каком положении ее руки и ноги; различает на ощупь самые маленькие предметы; узнает при простом прикосновении мою руку; ходит и даже пишет, не глядя на свои ноги и руки. Впрочем, эти новые ощущения не удивляют ее, и она находит их вполне естественными. Затем мы видим, что она уже не зависит от своего зрения, ибо если ей закрывают глаза, она не противится и, по-видимому, вовсе не меняется от этого. Не естественно ли предположить, что теперь Люси двигается и, особенно, говорит при помощи уже не тех образов, что наяву, а пользуется образами мышечного и осязательного чувства? Словом, теперь это — женщина двигательного, а не зрительного типа.

Это заявление может вызвать некоторые возражения. Каким образом, скажут нам, она так легко меняется и может теперь свободно говорить при помощи двигательных образов, между тем, как только что она разговаривала при помощи совсем других образов? Ведь чтобы испытать подобное превращение, больные Шарко нуждались в долгом перевоспитании! На это я отвечаю: воспитание Люси как субъекта моторного типа давно уже завершено. Сейчас же — она истеричная больная, т. е. психически неустойчивый тип. Уже пятнадцать лет, как она больна. В течение этого времени у нее постоянно чередовались доминирующие образы и она говорила и действовала с помощью образов то одной, то другой категории. Шарко в своей классификации людей по способу речи указывал на безразличный тип, который пользуется одновременно образами разных категорий. Я со своей стороны могу указать еще на существование типа изменчивого, который пользуется поочередно образами то одного, то другого чувства.

Как доказать, что Люси принадлежала когда-то к двигательному типу, каким она, по-видимому, является теперь в этом ис-

кусственном состоянии (сомнамбулизме второй стадии)? Довольно убедительное доказательство этого можно почерпнуть из ее воспоминаний. Если мы станем расспрашивать Люси 3, то она может рассказать нам многое: она расскажет о своем детстве до девяти лет, которое Люси 1 совершенно забыла; будет говорить об ужасном страхе, который она испытала однажды, когда какие-то мужчины спрятались в драпировках и потом внезапно набросились на нее — эта эмоция составляет главную основу всех ее истерических припадков. Она сможет рассказать нам о своих припадках и о прогулках ночью по дому в естественном сомнамбулизме. Особенно же долго Люси остановится на рассказе о настоящем годе, который был так тяжел для нее: в продолжение многих месяцев ее хотели держать взаперти в темной комнате, потому что у нее болели глаза, и врач, думая, что имеет дело с обычным заболеванием, долгое время держал ее в темноте. Однако в обычном своем состоянии Люси не могла рассказать нам всех этих историй, ибо совершенно не знала их.

Не вправе ли мы предположить, что в этих случаях, которые были известны Люси 3, но не известны Люси 1, воспоминания по различным причинам не были связаны с зрительными образами? В детстве она иногда чувствовала себя хорошо и думала при помощи мышечных образов, как почти все люди в детстве. Иной раз мышечное чувство функционировало одно, например, во время припадков, иногда же, например, когда в силу анестезии глаз она временно лишалась органа зрения, ей приходилось думать с помощью другой категории образов и воспоминания группировались тогда вокруг этих последних. В силу закона, указанного в предыдущем параграфе, эти образы, точно так же как и воспоминания, не всплывают у нее наяву. Не знаю почему, пассы оказали на нее такое же действие, как металлические пластинки (для нее — золотые пластинки) или статическое электричество, и возвратили ей утраченные чувства; благодаря этому у нее вновь всплыли все образы, а с ними вместе и все исчезнувшие воспоминания. Но разговор, который мы только что вели с Люси 3, в свою очередь ассоциируется с этой особенной памятью и увеличивает сумму воспоминаний мышечных, а не зрительных. Поэтому, когда мы будим ее, т. е. попросту лишаем ощущений, возникших добавочно благодаря известному раздражению (приему), то Люси оказыва-

ется такой же, как и вначале, смотрит во все стороны и опять начинает думать при помощи своих зрительных образов. У нее нет больше ни мышечного, ни осязательного чувства. Следовательно, у нее нет уже и соответственных образов или связанных с ними воспоминаний.

Доказательство этого положения было бы слишком длинным, если бы пришлось повторять данные опыты на всех больных. Можно, например, легко доказать, что Леония наяву принадлежит к зрительному типу; в обычном сомнамбулизме, когда у нее слух особенно тонок — к слуховому и, наконец, к типу двигательному или тактильному — в состоянии Леонии 3. Исследование Розы особенно интересно с этой точки зрения: в нормальном состоянии у нее наблюдаются следующие характерные свойства: полная тактильная анестезия всего тела, полное отсутствие мышечного или кинестетического чувства в обеих ногах и левой руке (правая рука сохранила его); зрение — слабое, причем она страдает неразличением цветов, и все предметы кажутся ей черными или белыми. Наоборот, слух у нее довольно нормальный; она любит музыку, была певицей в одном кафе и раздражается, когда слышит фальшивое пение.

Анализ этот показывает, что Роза принадлежит к типу людей, мыслящих слуховыми образами, что довольно редко у больных истерией наяву, когда они почти все являются «зрительными типами». И вот это состояние чувств оказывает влияние на ее движения. С помощью слухового чувства можно хорошо разговаривать, но ходить нельзя, так как движения ног плохо ассоциируются со слуховыми образами; поэтому у несчастной больной отнимаются обе ноги, как только она теряет мышечную чувствительность в области нижних конечностей. Роза кое-как научилась делать при помощи зрительных образов движения левой рукой и может пользоваться последней только в том случае, если смотрит на нее. Свободно владеет она лишь движениями правой руки, благодаря мышечному чувству, и движениями языка — благодаря чувству слуховому.

Начав усыплять ее, я натолкнулся на странное и редко встречающееся затруднение: я не мог заставить ее говорить в сомнамбулизме. Она меня понимала, делала требуемые от нее движения и, казалось, испытывала галлюцинации, но не могла говорить,

как будто с нею случился припадок истерической немоты. После нескольких сеансов, когда я уже хотел было отказаться от намерения заставить ее говорить, меня очень удивил новый факт: зрительные галлюцинации обусловили появление речи. Когда я приказывал ей видеть розы, она, по-видимому, испытывала соответствующую галлюцинацию, двигалась, открывала глаза и, вдыхая аромат, бормотала: «Розы». Таким образом, мне удалось в несколько сеансов развить в ней способность говорить, но благодаря лишь зрительным образам.

Кроме того, можно было легко констатировать, что в сомнамбулизме она не страдала более неразличением цветов и зрение ее становилось почти нормальным. Я не смею с уверенностью утверждать это. Во всяком случае, обретя вновь способность правильно видеть, она оказывалась в непривычном для нее состоянии и не умела как следует пользоваться речью. Так как Роза не умела передвигать ногами с помощью зрительных образов, как Люси, то я и не мог устранить у нее паралич в этом состоянии. Но в другой стадии сомнамбулизма, которой я с большим трудом добился гораздо позднее, у нее восстанавливались тактильная и мышечная чувствительность сначала на правой, а потом и на левой стороне тела. Тогда ей достаточно было небольшого усилия, чтобы по моему приказанию разогнуть ноги и начать двигаться. Теперь она становилась «двигательным типом», каким была, вероятно, большую часть своей жизни. Она совершенно свободно разговаривала, вспоминала все, что наяву исчезло из ее памяти, и не страдала более параличом. Однако, проснувшись, Роза вновь теряла все внезапно возникшие чувства, все забывала и, к сожалению, не могла опять ходить. Таким образом, все явления движения и памяти, по-видимому, находились в прямой зависимости от изменений в общей чувствительности.

Следовательно, сложные психические явления, понятия, произвольные движения, речь и т. д. у каждого человека в каждый момент его жизни слагаются из образов определенной категории, и воспоминание этих сложных явлений зависит от воспроизведения соответственных элементарных образов. Если почему-либо образы эти не могут больше быть воспроизведены, то и все связанные с ними воспоминания исчезают, и, хотя человек может

еще мыслить и говорить при помощи новых образов, он уже не помнит больше прежних своих мыслей и слов. Если же возникнет возможность появления старых образов, то в памяти субъекта вновь всплывут прежние воспоминания. Это происходит лишь тогда, когда наступает прежнее состояние общей чувствительности. Запоминание или забывание сложных явлений зависит, следовательно, от большей или меньшей устойчивости общего состояния чувствительности.

6. ОБЪЯСНЕНИЕ ЗАБЫВАНИЯ ПОСЛЕ СОМНАМБУЛИЗМА

Применение к сомнамбулизму всего того, что было сказано выше, кажется настолько естественным, что достаточно остановиться лишь на некоторых деталях.

Чтобы объяснить особенности памяти у сомнамбул, мы были вынуждены предположить, что эти особенности своим происхождением обязаны *периодическому изменению (произвольному или вызванному) в состоянии общей чувствительности сомнамбулы* и, следовательно, изменению в характере образов, которые служат для образования сложных психических явлений вообще и речи в частности. Это изменение наблюдается, главным образом, у субъектов, которые в нормальном состоянии страдают большей или меньшей анестезией, и состоит *во временном появлении известной категории образов*, которыми в обычном состоянии субъект не обладает. Такое изменение может быть более или менее полным. А у некоторых лиц, которые скорее *рассеяны*, чем страдают анестезией, оно состоит просто *во временном доминировании* некоторых обычно второстепенных образов. Разберем последовательно эти различные положения.

У нас была возможность наблюдать у большинства наших субъектов периодические изменения чувствительности и образов. Мы видели, что один является зрительным типом в нормальном состоянии и становится двигательным типом во время сомнамбулизма; другой наяву принадлежит к слуховому типу, а в известном ненормальном состоянии — к зрительному. Нет необходимости

возвращаться к этому. Заметим лишь, что всегда, когда по той или иной причине возникают аналогичные изменения чувствительности, можно констатировать те же особенности в области памяти, какие мы наблюдали при сомнамбулизме.

Кто не был поражен тем фактом, что у истеричной больной, в нормальном состоянии лишенной чувствительности, последняя восстанавливается при катаlepsии? Сожмите в кулак левую руку Леонии или Люси в то время, когда они находятся в нормальном состоянии — они этого не заметят; но сделайте это при катаlepsии — даже так, чтобы они не могли видеть — и вы внушите им чувство гнева. Положите ключ в левую руку Леонии наяву — она не будет знать, что это такое; сделайте то же самое во время катаlepsии, и она станет открывать воображаемую дверь. Следовательно, при катаlepsии появляется тактильное ощущение, которого не было наяву; поэтому и не следует удивляться, что эти две женщины не помнят о своей катаlepsии наяву, но вспоминают о ней в следующем сомнамбулизме, когда к ним опять возвращается тактильная чувствительность.

Истеричная больная, проснувшись, вспоминает свои ночные сновидения, если они носили зрительный характер, но не помнит их, если они были двигательного характера. Если, например, она ночью вставала, то она не запомнит этого, так как в темноте она могла сделать это только при помощи мышечного чувства. Припадки истерической больной, говорил Моро де Тур, являются мышечным бредом. Поэтому нет ничего удивительного, что воспоминания о припадках появляются лишь в сомнамбулизме, когда восстанавливается полностью мышечное чувство. Наконец, мы понимаем, что в нормальном состоянии могут исчезать известные воспоминания в силу резких изменений в состоянии той чувствительности, которая характеризует данный тип. «Одна женщина, страдавшая анестезией, помнила лишь часть своей жизни; в сомнамбулизме у нее восстанавливалась чувствительность, и она вспоминала всю свою жизнь».*

Эти изменений в состоянии чувствительности, обусловленный гипнотическим сном или пассами, можно достичь и другими способами. «Существуют сомнамбулы,— говорит Шарпиньон,—

---

* Bourru et Burot. Variations de la personnalité, 1886.

которых можно усыпить посредством электрической машины». Это — глубокая истина: выше мы наблюдали некоторые действия слабого электрического тока. Известно также превосходное действие на больных истерией электрической ванны. Я убежден, что в будущем электрические аппараты станут настоящими научными инструментами, с помощью которых можно будет по желанию вызывать все разновидности сомнамбулизма. Теперь же можно достичь того же результата иными приемами: с помощью магнита, металлических пластинок и проч. Ж. Жане доказал, что у анестезичной истеричной больной в период возбуждения под хлороформом восстанавливалась чувствительность и она впадала в настоящий сомнамбулизм. Подобное наблюдение мы находим и у Депина. В одной работе доктора Бала я встретил очень любопытное в этом отношении наблюдение. «Среди самых парадоксальных последствий подкожного впрыскивания морфия нужно отметить восстановление кожной чувствительности у потерявших ее субъектов. У одной анестезичной истеричной больной, получавшей до восьми центigram морфия в день, исчезли боли и восстановилась нормальная чувствительность. Прекращение впрыскивания привело вновь к проявлению истерических симптомов».* Очень жаль, что автор не дает нам других психологических указаний и ничего не говорит о состоянии ее памяти. Весьма вероятно, что морфий вызвал у нее состояние, аналогичное сомнамбулизму, ибо всякое изменение в области чувствительности обуславливает изменение в состоянии памяти; а это именно и есть сомнамбулизм.

Изменение в состоянии чувствительности сомнамбул почти всегда заключается в восстановлении чувствительности и появлении некоторой группы образов, которые в обычном состоянии исчезают из памяти субъекта. Это объясняет нам третий характерный признак памяти сомнамбул, на котором мы еще мало останавливались: воспоминание в этом состоянии всего, что происходило наяву. Сомнамбулизм прибавляет всегда новые ощущения и образы, но никогда не отнимает их. Для того, чтобы у субъекта, впавшего в сомнамбулизм, исчезло воспоминание о действительности, нужно было бы, чтобы во сне у него не воз-

---

* Ball. Morphinomanie.

никали те образы, вокруг которых группируются воспоминания нормальной жизни; если, например, наяву он принадлежит к зрительному типу людей, то во сне у него не должно бы быть ни способности видеть, ни зрительных образов. Но такого не бывает — по крайней мере, по моим наблюдениям; наоборот, число образов, которыми пользуется субъект в сомнамбулизме, не уменьшается, а увеличивается. В моих заметках относительно Леонии я нашел одно поразительное наблюдение, которое давно уже сделал, но не понимал. Она рассказывает, что думая обо мне наяву, она видит меня, и что у нее могут даже появиться соответственные зрительные галлюцинации. Думая обо мне в первом сомнамбулизме, она *видит меня и слышит, как я разговариваю с ней*; во втором сомнамбулизме *она видит меня, слышит и прикасается ко мне*. Я вспоминаю, что раньше объяснял себе это ее привычками: она мало говорит со мною наяву, много болтает в первом сомнамбулизме и всегда хочет держать меня за руку во втором. Но сейчас я пришел к заключению, что она сначала располагает только зрительными образами и связанными с ними воспоминаниями; затем пользуется и слуховыми образами, не утрачивая, однако, образов зрительных; наконец, она овладевает тактильными образами, сохраняя в то же время и предыдущие. У истерических сомнамбулизм является не сужением, а расширением психики под влиянием того или иного возбуждения.*

Возможно, что существуют сомнамбулизмы различного характера. Гипнотизирование здоровых людей, владеющих всеми чувствами и образами, может только ослабить обычную чувствительность и лишить субъекта некоторых ощущений. Было бы интересно проследить, не касается ли иногда это лишение тех образов, которыми субъекты обычно пользуются наяву, и не влечет ли сомнамбулизм за собой забывания явлений действительности. Знаменитая больная Макниша, быть может, принадлежит к сомнамбулам такого рода. Я ничего подобного не наблюдал. Правда, я гипнотизировал почти только одних

---

* Это возрастание числа ощущений и воспоминаний при сомнамбулизме не мешает, однако, тому, что в этом аномальном состоянии наблюдается некоторая интеллектуальная потеря. В следующей главе мы покажем, что в некоторых случаях сомнамбулизм близко подходит к детству.

больных, и не могу, следовательно, говорить о наблюдении, которого совсем не проводил. В психологии, как и в других областях положительной науки, можно говорить только о том, что сам наблюдал.

Мне кажется, что вышеизложенная гипотеза объясняет разные виды сомнамбулизма и различия в характере сменяющих друг друга форм памяти. Есть не один, а несколько видов сомнамбулизма, из которых каждый характеризуется свойственной ему памятью. Сомнамбулизм зависит не от одного и того же психического изменения, а меняется сам под влиянием изменений в общем состоянии чувствительности. Можно себе представить, что у анестезического в нормальном состоянии субъекта можно вызвать *более* или *менее* полное восстановление чувствительности, которое и обусловит возникновение различных форм памяти и нескольких стадий сомнамбулизма.

Если бы мы наблюдали только одного субъекта, например, Люси, то можно было бы подумать, что разделение сомнамбулизма на два вида имеет какое-либо значение и что существует только три вида памяти. Но это было бы заблуждением, подобным тому, которое некогда заставляло меня обозначать особыми названиями все степени катаlepsии Леонии. Действительно, нет ни двух, ни трех необходимых видов памяти — их может быть неопределенное число. У Розы наблюдается по крайней мере четыре или пять различных стадий сомнамбулизма, имеющих каждая свойственную ей память. Встречаются субъекты с такой неустойчивой психикой, что для того, чтобы они впадали в один и тот же сомнамбулизм, нужно, чтобы их усыпляло одно и то же лицо по одному и тому же способу. В противном случае они впадают в другое состояние, характеризуемое другой общей чувствительностью, и не помнят о первом сомнамбулизме. Это важное явление объяснит нам ниже некоторые факты, относящиеся к внушению. Теперь же достаточно знать, что бывает не одно сомнамбулическое состояние и что последнее, завися от изменений в состоянии чувствительности, может принимать самые различные формы и обуславливать самые странные изменения памяти.

В этой серии состояний чувствительности и памяти можно различать отдельные интересные фазы. Так, например, нор-

мальным состоянием субъекта нужно считать то, в котором он обычно находится, когда его исследуют, и при котором он обладает свойственной ему чувствительностью и памятью. Первым сомнамбулизмом можно назвать состояние, которое наступает, как только чувствительность субъекта почему-либо меняется — другими словами, когда в сфере чувств происходит первое изменение, достаточно крупное, чтобы привести к исчезновению воспоминаний после возврата к нормальному состоянию. Но самым важным принято считать сомнамбулизм последней стадии. Я называю так то состояние, при котором у субъекта восстанавливается полная память и полная чувствительность, свойственная обычно вполне здоровому человеку, т. е. состояние, при котором у субъекта нет более ни анестезии, ни амнезии. Это состояние очень важно, особенно с терапевтической точки зрения, которой мы не будем теперь касаться. Добиться его, однако, иногда бывает очень трудно; иногда испытуемые субъекты впадают в это состояние более или менее быстро — после одной промежуточной стадии сомнамбулизма, как Люси, или после нескольких, как Роза; иногда же субъекты совсем не впадают в подобное состояние. Так, у Леонии даже в последнем для нее сомнамбулизме все еще наблюдается анестезия. В настоящей главе, посвященной исследованию сомнамбулизма вообще, мы не будем больше останавливаться на этом специальном состоянии. Нам достаточно было показать, что, находясь в связи с другими стадиями сомнамбулизма, оно является лишь более интересным пунктом этого непрерывного ряда.

Изменение чувствительности при сомнамбулизме может быть более или менее полным и более или менее заметным. В самом деле, в этой работе мы привели только трех или четырех субъектов, у которых характерные явления сомнамбулизма проявляются особенно ярко. Я сразу заметил, что Люси пользуется зрительным чувством в нормальном состоянии и осязательным чувством — в сомнамбулизме; у нее это очевидно. У других субъектов эти изменения могут быть менее заметными. Мне возразят, что можно усыпить людей, у которых в обычной жизни не наблюдается никакой ярко выраженной анестезии. Я отвечаю, что сам констатировал такого рода случаи, но гораздо реже, чем можно было предположить. В данный момент я о них не говорю, чтобы

заняться сначала самыми простыми и наиболее характерными случаями. Думаю, однако, что эти новые и менее ясные случаи можно объяснять одинаково.

В самом деле, у субъектов, которых, несмотря на отсутствие в нормальном состоянии ярко выраженной анестезии, можно привести в сомнамбулическое состояние, наблюдается явление, которое совершенно аналогично анестезии и имеет для памяти одинаковое значение, именно — *рассеянность*. Конечно, если привлечь внимание этих субъектов к каждому из их чувств поочередно, то можно будет констатировать, что они пользуются всеми своими чувствами или по крайней мере *могут* пользоваться всеми. Но на практике они не пользуются всеми своими чувствами и образами этих чувств; они не в силах охватить их все и потому отбрасывают большую часть, довольствуясь лишь несколькими доминирующими обычными образами. *Сомнамбулизм меняет доминирующие образы*, но не дает собственно новых ощущений; он выявляет некоторые специальные образы и делает их новым центром, вокруг которого мысли группируются в ином порядке. Проснувшись, эти субъекты возвращаются в свое обычное состояние, не обращая по рассеянности внимания на возникшие в сомнамбулизме образы и связанные с ними воспоминания. Они не могут вспомнить их, ибо неспособны сделать маленькое усилие, чтобы изменить обычную форму своего сознания.

Таким образом, результатом рассеянности является известная форма забывания, как результатом анестезии была другая форма забывания; но первая оказывается гораздо слабее второй. Малейший повод в состоянии привлечь внимание субъекта к этим образам, которые скорее оставлены без внимания, чем забыты. Один молодой человек, впадавший в такого рода сомнамбулизм, по пробуждении все забывал, но в течение дня у него постепенно всплывали воспоминания сомнамбулизма, и на другой день он мог мне все рассказать. У таких субъектов можно вызывать воспоминания, заставляя их напрягать внимание и руководя немного их усилиями. И подобно тому, как анестезия этих лиц является лишь легкой рассеянностью, которую можно изменить словом, точно так же и забывание у них является результатом рассеянности и не имеют большого значения. Мы не можем дольше

останавливаться на нашем объяснении. Нам достаточно было показать, что при таком объяснении случаи, с виду представляющиеся исключениями, соответствуют общей теории. «Всякий раз, — говорит Полан, — когда происходит изменение в том, что можно было бы назвать общим направлением сознания, наступает известного рода расщепление памяти — тем более выраженное, чем сильнее было изменение». «Забытие сновидения по пробуждении обуславливается именно тем, что у нас сразу меняется направление сознания».* «Когда вновь появляются те условия, при которых что-либо запечатлелось, всплывает и само воспоминание».**

Я попытался несколько точнее описать это общее объяснение явлений забывания и применить его к исследованным мною случаям. Конечно, взятые мною примеры недостаточны для доказательства того, что всегда дело обстоит именно так. Мы не имеем вполне точного и надежного способа оценки различия в образах, которыми пользуется субъект и которыми обуславливаются различия в воспоминаниях. Впрочем, возможно, что в известных случаях и при некоторых неглубоких сомнамбулизмах изменения сознания бывают ничтожными. Возможно, что некоторые лица в сомнамбулизме испытывают не новые ощущения, а немного отличающиеся от тех, которыми они располагают наяву. Разница между двумя группами воспоминаний, концентрирующимися вокруг ощущений наяву и ощущений в сомнамбулизме, все-таки существует, но она менее выражена. Словом, мы объяснили лишь наиболее ясные и относительно простые случаи: объяснение сомнамбулизма может, конечно, быть более полным, но в основе своей оно останется таким же.

7. СМЕНА РАЗЛИЧНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ. САМОПРОИЗВОЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Когда определенные психические явления комбинируются в некое целое, то в психике начинают происходить важные из-

---

* Paulhan. Rev. philosoph. 1888.

** Joly. L'imagination. 1877.

менения: единство психических явлений, которое замечено и понято, дает толчок к образованию особого суждения, называемого понятием о «я». Это — говорим мы — есть суждение, а не ассоциации представлений, явления воспроизводятся одно за другим, автоматически сопоставляются, и, таким образом, появляется возможность заметить их единство и судить об их сходстве. Но сама по себе ассоциация не дает этой связи по признакам единства и сходства. Наоборот, суждение синтезирует факты, констатирует их единство и из различных психических явлений, вызванных внешними впечатлениями или автоматической игрой ассоциаций, образует новое понятие — понятие о личности. В настоящем исследовании, посвященном автоматической стороне нашей психики, нет необходимости рассматривать суждение о единстве. Ограничимся лишь указанием на то, что психические явления, протекающие в нашем мозгу, могут быть, как мы это видели, очень разными в зависимости от различных состояний. Поэтому и понятие о личности должно так же меняться и варьироваться у одного и того же лица в зависимости от вызванных чем-либо ощущений и воспоминаний.

«На протяжении своей долгой жизни, — говорит один моралист, — человек может быть последовательно несколькими лицами, столь непохожими одно на другое, что, если бы каждая фаза его жизни могла воплотиться в отдельного человека и всех их можно было бы собрать, то они составили бы очень разношерстную группу, с противоположными взглядами, презирали бы друг друга и скоро разошлись бы без желания снова увидеться когда-нибудь».* Как часто при воспоминании о событиях нашей жизни мы говорим себе с изумлением: «Неужели это я увлекался этими идеями? Но ведь это невозможно, я не узнаю себя». Однако это было в действительности. Если мы не узнаем самих себя, то это значит, что мы изменились. К счастью, эти изменения наступали постепенно и в действительности относились только к второстепенным и сложным явлениям нашей психики — нашим понятиям, желаниям и т. д. Если же бы они относились к элементарным явлениям нашего сознания, изменяя в силу этого все наши воспоминания, то разница стала бы еще значительно больше и непрерывность

---

* Forster. Цит. по: Herzen'y. Le cerveau — organe de la pensée.

нашей психической жизни была бы нарушена. Мы говорили бы «я» в продолжении всего нашего существования, т. е. продолжали бы составлять суждение о единстве сгруппировавшихся в данный момент явлений, но мы не знали бы или не признавали бы своей большую часть своей жизни, которая представлялась бы нам как бы жизнью другого человека.

Исследуем вкратце те изменения личности, которые наступают произвольно. Они слишком известны, чтобы нужно было долго останавливаться на них, но изучение их подготовит нас к пониманию тех изменений, которые происходят в состоянии искусственного сомнамбулизма. В сновидениях психически здоровых людей почти всегда наблюдаются первые признаки тех серьезных изменений, которые наступают в личности некоторых больных. Ночью мы ведем особую психическую жизнь, отличную от нашей сознательной жизни наяву. Несомненно, сюжеты сновидений почти всегда заимствуются нами из реальной жизни, но располагаются и представляются они иначе. Они являются нам в форме образов, которыми мы мало пользуемся наяву. Если позволено касаться самого себя в этом экспериментальном исследовании, то я скажу, что принадлежу всецело к «двигательному типу». Наяву я мыслю не иначе, как выражая свои мысли вслух или письменно, и моя мысль является всегда наполовину остановленным жестом. Наоборот, во сне, насколько я мог констатировать это, я сохраняю абсолютную неподвижность и являюсь простым зрителем, а не действующим лицом. Образы и звуки составляют картины, которые плывут передо мной. Редко мне снится, что я действую или говорю, — я всегда сохраняю неопределенное чувство своей неподвижности и бессилия. Именно из-за этой огромной разницы между моими сновидениями и моими мыслями наяву, я с трудом сохраняю воспоминание о своих снах.

Во сне образуется целая группа психических явлений, изолированных от огромной массы идей, составляющих нашу обычную психику. Эти явления развиваются отчасти по закону изолированных явлений, но так как они слишком многочисленны, чтобы вытеснять друг друга, и так как, с другой стороны, они состоят почти исключительно из зрительных и слуховых образов, которыми мы не пользуемся для движений, то они редко и проявляются в движениях. Кроме того, они уже до-

статочны сгруппированы и могут образовать простую личность. Так что, если в изолированных явлениях катаlepsии вовсе нет понятия о личности, то нельзя этого сказать о сложных группах психических явлений во сне. Однако у здоровых людей это стремление к образованию вторичной личности и памяти остается рудиментарным. Если даже некоторым воспоминаниям различных сновидений и удастся соединиться между собою, то остальная часть их образует грудку отрывочных образов, которые не могут ни соединиться между собой, ни систематизироваться. Сон напоминает, скорее, состояние отупения некоторых стариков, мозг которых размягчен. Сосредоточение внимания во сне невозможно, воля и суждение почти всегда отсутствуют. Сон можно одинаково назвать сознанием в период разложения или личностью в период образования.

Усилим немного яркость сновидения, соединим лучше разрозненные образы и мы получим психическое состояние, более независимое от нормальной жизни и более сравнимое с сомнамбулизмом. «Один из моих друзей, — говорит Эразм Дарвин, — заметил, что, когда жена его много и торопливо говорит во сне, она никогда не может вспомнить своих сновидений; наоборот, когда она не говорит во сне, она очень легко запоминает свои сны».* То же самое явление я наблюдал у Леонии: те свои сны, в которых она ничего не говорила, она могла рассказать мне наяву: сновидения же, в которых она двигалась и говорила, она могла вспомнить только в сомнамбулизме. Сновидения последней категории образуют, следовательно, вторичную личность, имеющую независимое существование. Эфир, хлороформ или алкоголь, будучи применены только раз, просто расщепляют нормальное сознание, препятствуют образованию суждений о единстве и оставляют только разрозненные психические элементы. Но если отравления повторяются, то эти обрывки мыслей соединяются между собой и образуют новый психический синтез со свойственной ему памятью, который и подобен сомнамбулизму.

Так называемые нервные болезни, которые, думаю, заслуживают также названия болезней психических, с еще большей ясно-

---

* Erasme Darwin. Zoonomie. I. P. 3.

стью показывают нам развитие этой вторичной группы явлений и образование различных форм психической жизни. Мы не станем останавливаться на конвульсивных припадках эпилептиков, которые наступают через правильные промежутки и которые справедливо можно было бы назвать мышечным бредом; но в постэпилептическом или истерическом бреде видна уже настоящая психическая жизнь, отличная от нормальной, продолжающаяся нередко несколько часов и имеющая характерные признаки и особую память.

Одержимые являются хорошим примером того изменения личности, которое благодаря различным влияниям часто наступает во время припадка истерического бреда. В бреде эти больные зачастую испытывают настоящую ярость по отношению к религии, оскорбляют священников, Св. Деву и т. д. и пересыпают свою речь всякими ругательствами. После припадка они опять становятся спокойными, вежливыми и религиозными.* Эти молодые девицы говорят ужасные непристойности, «но, — пишет один очевидец, — они не сами так выражаются. Устами их говорит овладевший ими дьявол. Девица Блауд, будучи послушным орудием в руках дьявола, успокаивается как бы по волшебству и, не испытывая никакой усталости, продолжает свое вязанье, как будто ничего не произошло. Она *ничего не помнит* и не хочет верить, что произносила перед нами всякие ругательства».** В припадке эти больные проявляют ужасный характер, но известно, что они не всегда таковы. Следовательно, в них обнаруживаются две независимые друг от друга формы существования. Все виды истерического бреда сводятся в общем к тому же: в бреде Роза оскорбляет приближающихся к ней лиц, между тем как наяву она очень вежлива. Люси в припадке думает только о своем хозяйстве и кухне, но не занимается ими в нормальном состоянии.

Припадки такого рода вообще довольно непродолжительны, потому что личность при этом не вполне развилась. А длительность всякого психического состояния прямо пропорциональна степени совершенства образовавшегося существа. Этим отдель-

---

* · Mirville. Des esprits. 1863. II. P. 219.

** Там же. P. 237.

ным психическим элементам, которые, подобно атомам Эпикура, встречаются для образования личности, не удастся создать жизнеспособную личность. Отсутствует слишком много необходимых элементов: у одного — зрительные ощущения, у другого — двигательные ощущения в горле, у третьего — двигательные образы ног и т. д. Кроме того, психические элементы, составляющие единую группу, не очень связаны между собою. Иногда группа легко распадается, и тогда опять начинаются простые конвульсии — элементарная форма данной новой жизни.

Итак, эта неустойчивая группа психических явлений быстро распадается, и на месте ее вновь появляется прежняя более полная группа, составляющая нормальную психику. Но предположим, что психические атомы образовали случайно более полное и устойчивое психическое целое. Новое психическое существование, образующееся постепенно и являющееся аномальным для одного субъекта, может напоминать то, что для другого лица является нормальной жизнью. Психические элементы, столь же многочисленные или даже еще более многочисленные, чем наяву, группируются вокруг другого центра — вот и все. Эта кристаллизация в другом направлении может образовать такие же прочные кристаллы, как и обычная кристаллизация. Субъект, принадлежавший обычно к зрительному типу, в припадке является двигательным типом. Конечно, впоследствии это будет иметь свои неудобства, ибо, возвращаясь в первое состояние, он ничего не будет помнить о втором. Сейчас же он напоминает людей, принадлежащих к двигательному типу, и чувствует себя от этого не хуже. Именно это и наблюдалось у известной Фелиды X. и многих других. Напомним, что второе состояние Фелиды начиналось после внезапного обморока, который уничтожал первую личность, и из которого мало-помалу выплывала вторая личность. То же самое было и у описанного Майерсом истеричного молодого человека, у которого в продолжение некоторого времени наблюдалось чередование нескольких личностей.

Этот переходный период между двумя личностями может стать очень коротким, как это видно на сомнамбулах, которых часто усыпляют. Воспоминания у Фелиды во втором состоянии захватывают более широкую область, потому что и общая чув-

ствительность ее в этом периоде гораздо полнее; возвращаясь в нормальное состояние, Фелида теряет одновременно некоторые воспоминания и ощущения. Наконец, Азам говорит, что и во втором состоянии наступает иногда какой-то припадок, который, по-видимому, является началом третьего состояния.* Сомнамбула Дюфея, впадая во второе состояние, перестает быть близорукой и начинает разговаривать по-детски. У другой больной ясно наблюдается два различных существования: одно, когда она нема, но может пить и есть; другое, когда она говорит, но не может пить. Вероятно, у этой больной речью и актом глотания заведовали две различные категории образов, которые не могли существовать вместе при одном и том же психическом состоянии. Знаменитый Луи являет самый замечательный пример изменений личности и памяти, связанных с чувственными и двигательными изменениями. Последние не могут появиться, не вызывая за собой и первых. Иногда во время сильного припадка различные психические состояния быстро следуют у него друг за другом; иногда же он остается более или менее долго в одном состоянии, в которое впал под влиянием гипнотизера. «Каждая страница его жизни независима от других».**

Все эти лица, как известно, меняются в своем характере и поведении, когда у них изменяются чувствительность и образы речи. Фелида грустна и думает о самоубийстве в первом состоянии, но становится веселой и смелой во втором; она эгоистична и холодна в первом состоянии, чувствительна и способна к самопожертвованию — во втором. Луи то смирен, послушен и робок, то гневен и высокомерен, то боязлив как дитя, то пылок как юноша.

Между этими естественными изменениями личности и теми, которые возникают во время искусственного сомнамбулизма, переходных ступеней очень мало. В общем можно сказать, что путем гипнотизма возможно, хотя и не всегда, привести субъекта в то или иное из его различных аномальных состояний и таким образом восстановить у субъекта те характерные свойства и воспоминания, которые присущи ему в данном психическом состоянии. Это часто подтверждалось по отношению к раз-

---

* Azam. Hypnotisme — double conscience.

** Gilles de la Tourette. L'hypnotisme et les états analogues. 1887. P. 20.

личным состояниям Луи и вообще ко всякому истерическому бреду.

Но любопытнее всего наблюдать легкий переход из естественного бреда в искусственный сомнамбулизм — переход, аналогичный превращению истерических поз в катаlepsию. Мне пришлось застать однажды Марию в сильном истерическом припадке; она извивалась на своей кровати и кричала уже часа два. Мне стоило только прикоснуться к ней и сказать: «Ну, что ты делаешь? Веди себя лучше», — как она, продолжая свои конвульсии, пожимает мне руку и отвечает: «О, если бы вы знали, как у меня болит бок!» — «Вставай и иди как следует спать, я тебя вылечу». Она с закрытыми глазами встает и укладывается на своей постели. Я немного успокаиваю ее, и она говорит: «Очень хорошо, что вы пришли. Я видела ужасные вещи — кровь, пожар. Мне было очень плохо». Теперь это уже — сомнамбулизм, который является слабым видоизменением ее истерического бреда, так как она сохраняет о нем воспоминание и по одному моему слову может снова впасть в него.

Другая истерическая больная, G., еще любопытнее. Я подошел к ней в то время, когда ее держали две служанки, так как с ней был припадок. Прежде чем я успел дотронуться до нее, она произнесла, обращаясь ко мне: «А, вот и вы...» — и конвульсии тут же прекратились. Так обстоит дело у лиц, которые часто впадали в искусственный сомнамбулизм. Последний заслоняет собой все другие аномальные существования. У других же лиц происходит обратное явление: искусственный сомнамбулизм или превращается в истерический припадок, или просто является лишь воспроизведением этого последнего. С этой точки зрения, самым убедительным является наблюдение Грассе, у больной искусственный сомнамбулизм которой был совершенно подобен ее произвольным истерическим припадкам.* Ж. Жане показывал мне одну молодую девушку в таком же роде: у нее наступали самопроизвольные приступы сомнамбулизма, во время которых она оставалась неподвижной, с закрытыми глазами и все время говорила. Ее галлюцинации вертелись всегда вокруг двух-трех

---

* Grasset. Histoire d'une hystérique hypnotisable. Arch. de Neurologie. 1887. Octobre.

одинаковых представлений: она или рассказывала забавные истории, или ругала врачей и интернов, которых она называла «мясниками, свиньями» и т. д. Если ее гипнотизируют, она принимает всегда одну и ту же позу и продолжает свой бред «об этих скверных врачах, которые захватили еще одну бедную женщину, чтобы разрезать ее». Прежние гипнотизеры были правы, когда говорили, что нервные припадки подобны несовершенному сомнамбулизму.

8. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНАЯ СМЕНА РАЗЛИЧНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ СУЩЕСТВОВАНИЙ. ИЗМЕНЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРИ ИСКУССТВЕННОМ СОМНАМБУЛИЗМЕ

Итак, мы видели, что изменения памяти можно легко объяснить изменениями образов, входящих в определенный момент в состав сознания, и что эти изменения памяти приводят к изменению личности или всей психической жизни. Теперь мы можем составить себе общее представление об искусственном сомнамбулизме — о том особом состоянии, которое долго считалось сверхъестественным и необъяснимым. Сомнамбулическое состояние, как мы выше показали, не обладает никакими характерными свойствами, которые можно было бы считать специфическими. Если какого-нибудь человека исследовать лишь в данный единственный момент, то невозможно определить, в каком именно состоянии он находится. Сомнамбулическое состояние характеризуется лишь относительными признаками и может быть определено лишь по отношению к другому состоянию данного лица — к состоянию наяву или нормальному. «Кто имел случай наблюдать сомнамбул, — говорили прежние гипнотизеры, хорошо разбиравшиеся в этом вопросе, — тот выносил убеждение, что в жизни сомнамбул наблюдается два совершенно различных существования или, по крайней мере, два вида существования».* Это совершенно верно: сомнамбулизм является *вторым* существованием, которое характеризуется только тем, что оно второе.

---

* Pigeair. *Electricité animale*. 1839.

Таким образом становится понятной та столь частая повторяющаяся истина, что в сомнамбулизме нет ни одного явления — анестезии или, наоборот, обострения чувств, паралича, контрактуры и т. д. — которое не наблюдалось бы у другого лица в нормальном состоянии. Но у последнего данный признак является постоянным и нормальным в течение всей жизни, а в первом случае он является случайным и наблюдается только при втором существовании. По существу же это один и тот же признак. Субъект, который в сомнамбулизме бывает идиотом, слепым или умным, является им в том же виде, как и человек, который бывает идиотом, слепым или умным в течение всей жизни — с той разницей, что у первого это не наблюдается в течение всей жизни. У Розы в одном из ее глубоких сомнамбулизмов наблюдалась анестезия лишь на левой стороне тела. В настоящее время это состояние для нее ненормально, потому что в течение семи месяцев, которые я ее наблюдал, у нее все время была *полная* анестезия всего тела. Состояние это не длительное, так как, если я разбужу ее или даже оставлю в покое, она мало-помалу теряет чувствительность на левой стороне тела и возвращается к своему нормальному состоянию, при котором она уже ничего не чувствует.

Однако, это состояние, которое мы называем у Розы сомнамбулизмом, является для Марии нормальным, так как уже в течение месяца у нее наблюдается анестезия всей левой половины тела. Более того, сама Роза некоторое время тому назад страдала в течение трех месяцев анестезией левой половины тела. Следовательно, для нее в течение этих трех месяцев было естественным то состояние, которое теперь наступает при сомнамбулизме. А если разбудить ее, она все забудет? Без сомнения. Но она также забыла все, когда после трех месяцев полуздоровья *проснулась*, совершенно лишившись чувствительности. Если бы я, принадлежащий к двигательному типу людей, нашел способ передать сразу своему соседу-художнику, принадлежащему к зрительному типу, состояние моей чувствительности, то он забыл бы свою прошедшую жизнь, которая казалась, однако, совершенно нормальной.

С этой точки зрения, нам понятно также бесконечное разнообразие сомнамбул, которое так же велико, как и разнообразие

окружающих нас людей. Сомнамбулы могут приобретать всевозможные психические свойства, которые не наблюдаются у них в нормальном состоянии. Иногда совершенно интеллигентные лица впадают при сомнамбулизме в состояние, свойственное обычно идиотам. Один мальчик-эпилептик*, которого я легко усыплял, в сомнамбулизме проявлял ничтожные признаки психической жизни: у него сохранялось немного мышечного чувства (руки оставались в том положении, которое я им придавал) и немного слуха (он отвечал на все мои вопросы каким-то бормотаньем). Но это — все. Сверх того он ничего не понимал и, следовательно, не повиновался внушениям. Не мог говорить, так что было бы трудно и бесполезно заниматься исследованием его воспоминаний. Л. в сомнамбулизме страдает полным отсутствием памяти. Подобно сомнамбуле, о которой говорит д-р Филипс** и которая забывала один слог по мере того, как произносила другой, он сейчас же забывал, что я говорю ему в данный момент. В крайнем случае он мог выполнить простые внушения в тот самый момент, когда они даются; спустя некоторое время он уже ничего не мог сделать, так как забывал данные ему приказания. Наоборот, N., о которой я говорил выше, в сомнамбулизме обладает удивительной памятью: даже по прошествии целого года она вспоминает самые мелкие детали предшествовавшего сомнамбулизма. Все другие сомнамбулы, которых я наблюдал, во втором существовании проявляют обычный и иногда даже замечательный ум и выражают чувства и мысли, свойственные лицам их положения.

Субъекты, обладающие во втором существовании особой памятью, ощущениями и умом, представляют весьма любопытное, но все же понятное явление. В этой новой жизни они усваивают новые моральные правила и новые понятия, как они делали это и в первом существовании (нормальной жизни).

Но можно себе представить, что может произойти при часто повторяющемся и длительном сомнамбулизме. Прежде всего вто-

---

* Или истеро-эпилептик — поставленный диагноз эпилепсии кажется мне тем более сомнительным, что настоящие эпилептики очень редко впадают в гипнотическое состояние.

** Dr. Philips (Durand de Gros). Cours de braidisme. 1860. P. 155.

рая личность будет находиться под влиянием своего гипнотизера, подобно тому, как дитя находится под влиянием своих родителей; в силу этого влияния вторая личность усвоит себе привычки, манеры и понятия своего гипнотизера — независимо от того, хочет этого последний или нет. Можно сказать, каков гипнотизер, такова и сомнамбула. Покажите мне сомнамбулу, и я сумею сказать, кто усыплял ее и каковы мнения и понятия — научные или иные — ее первого гипнотизера. Почему Леония наяву ревностная католичка, а в сомнамбулизме убежденная протестантка? Просто потому, что ее первый гипнотизер был протестантом; здесь не нужно искать другой причины. Почему некоторые сомнамбулы непрестанно принимают разные драматические позы? Потому что их показывали публике, как любопытных зверей, и они научились играть и симулировать драматические положения, будучи в настоящем сомнамбулическом состоянии.* Это невольное воспитание сомнамбулы со стороны того, кто усыпляет ее, является величайшей опасностью подобных экспериментов: мы рискуем всегда находить у сомнамбул подтверждение своих собственных идей. Во вступлении мы указали на некоторые предосторожности, которые старались принимать при своих опытах. Но все-таки наши исследования могут приобрести общее значение лишь после контрольных опытов других авторов.

Каково бы ни было влияние воспитания на субъекта, последний вносит в свое сомнамбулическое существование, подобно детям в их нормальной жизни, свои предрасположения и особенные способности. Бони говорит, что он никогда не слышал лжи из уст сомнамбулы.** Должно быть, ему очень повезло: есть сомнамбулы, которые лгут, как, например, Люси; другие, наоборот, очень честны, как Леония. Словом, здесь наблюдается то же самое, что и в нормальной жизни, где встречаются как дурные, так и хорошие элементы. Нужно считаться не только с влиянием гипнотизера, но и с влиянием всех других лиц, разговаривающих с субъектом в его новом состоянии и способствующих развитию этого последнего. Чтобы доказать это, достаточно описать одну из наших больных, Леонию, на которую все указанные влияния

---

* Richet. L'homme et l'intelligence. P. 167.

** Beaunis. Somnambulisme. P. 216.

действовали самым любопытным образом. У этой женщины, жизнь которой является неправдоподобным, хотя и действительным романом, с трехлетнего возраста были припадки естественного сомнамбулизма. С шестнадцати лет разные лица постоянно усыпляли ее: теперь ей уже 45 лет. Обычная ее жизнь протекает в бедной сельской обстановке, а второе существование развивалось в салонах или в психологическом кабинете и, естественно, принимало совершенно другое направление. Теперь в нормальном состоянии эта бедная крестьянка серьезна и немного грустна; спокойна и медлительна; очень приветлива со всеми окружающими и чрезвычайно робка. Видя ее такой, невозможно даже подозревать о существовании в ней второй личности. После усыпления и переходного периода у нее наступает «пробуждение к другой жизни».* Она совершенно преобразается: лицо меняется, глаза остаются закрытыми, но лишение зрения компенсируется остротой других органов чувств. Она весела, подвижна, иногда даже невыносимо шумлива. По-прежнему добра, но у нее появляется странное стремление иронизировать и зло шутить. Ничего нет интереснее, как разговаривать с ней в конце сеанса после визита нескольких новых лиц, желавших видеть ее в сомнамбулизме. Она копирует мне их лица, подражает их манерам, старается угадать их маленькие смешные стороны и низкие страсти, выдумывает целый роман о каждом из них.

К этому новому характеру прибавляется еще огромное количество новых воспоминаний, о которых она наяву даже не подозревает, так как, проснувшись, всегда все забывает. Недавно один врач из Гавра, часто видевший эту женщину в сомнамбулизме и бывший тогда одним из ее друзей (в сомнамбулизме она не всем оказывает внимание), встретил ее за городом в ее нормальном состоянии. Забыв, при каких обстоятельствах он видел ее раньше, он подошел к ней, чтобы поздороваться. Бедная женщина остановилась в изумлении, так как совершенно не узнала его. Есть много таких вещей, которые она знает только в сомнамбулизме. Да это и не соответствовало бы законам элементарной психологии, если бы вся эта совокупность сомнамбулических ощущений, воспоминаний, привычек и свойств слагалась в синтез или систему,

---

* Baragnon. Magnétisme animal. P. 154.

подобную той, которая образует нашу нормальную личность. Это совсем не то лицо, которое мы знаем в нормальном состоянии, и по первому нельзя составить себе представления о втором. Как известно, сомнамбулы во втором состоянии сохраняют воспоминание о своем первом состоянии и, следовательно, могут сами сравнивать обе свои личности. Очень интересно знать, что они думают о происшедшей с ними перемене.

Чаще всего, особенно на первых сеансах, когда у субъекта имеется много воспоминаний о первом состоянии и очень мало о втором, он чувствует себя просто *изменившимся*. Большинство из них говорят, что они спят, и нет ничего курьезнее этих лиц, которые, разговаривая с открытыми глазами, повторяют время от времени: «Это правда, что я сплю, о, я хорошо сплю». Я думаю, что это — готовая фраза, не имеющая никакого смысла. Сомнамбулы заявляют, что спят, потому что им сказали, что их усыпляют, и потому что в обычном представлении гипнотизировать — значит усыплять. Не следует слишком часто повторять это сомнамбуле, потому что она считает себя обязанной действительно спать и придает своему лицу тупое выражение, которого вовсе не нужно.

Более интеллигентные лица говорили мне: «Да, нет, я вовсе не сплю, нелепо утверждать это. Я только изменилась, стала какой-то странной — что это вы со мной сделали?» Теперь мы уже догадываемся, что с ними сделалось — мы знаем, что мы воспользовались их психической неустойчивостью для изменения состояния их чувствительности, парализуя для этого или, чаще, возбуждая один из их органов чувств. Это изменение субъекта иногда проявляется в грубой объективной форме: больная, будучи глухой в нормальном состоянии, в сомнамбулизме слышит; у лица, которое наяву ничего не чувствует и не видит, появляется тонкое чувство осязания и способность видеть даже в темноте. Все лица, о которых мы упоминали, обнаруживали подобное изменение в области чувствительности и часто даже соответственные изменения в двигательной сфере. Так как при этом они сохраняли воспоминания о своем первом состоянии и могли делать сравнения, то естественно, что они находили это «очень смешным». Иногда сомнамбулы и остаются при этом мнении, не изменяя своего взгляда. Различие между сомнамбулизмом и нормальным

состоянием выражено у них не настолько сильно, чтобы они могли дать себе отчет в происшедшем расщеплении личности. Люси в своем первом сомнамбулизме, даже после многочисленных сеансов, оставалась всегда одной и той же и постоянно повторяла: «Это я — Люси, но вы меня изменили». Иногда изменения могут быть значительными, но происходят так постепенно и незаметно, что субъект, привыкнув, так сказать, к изменению, сохраняет свою идентичность. Так обстоит дело с Розой, которая во время своих трех или четырех последовательных сомнамбулических состояний на соответствующий вопрос постоянно отвечает: «Это все-таки я, но не совсем та же».

Часто же все происходит иначе: субъект либо постепенно — по мере развертывания второго существования, либо внезапно — в силу слишком резкого изменения — отказывается признавать себя, издевается над своей первой личностью и заявляет, что он — новое лицо.

Эта странная привычка сомнамбул раздваиваться подобным образом встречается очень часто и была отмечена еще самыми первыми исследователями. «Сомнамбулы, — говорит Делёз, — говорят о себе в третьем лице, как будто он в нормальном состоянии и в сомнамбулизме два разных лица... Аделаида никогда не признавала тождественности своей с Малюткой, как она называла себя в сомнамбулизме».* Все, писавшие о животном гипнолизме, упоминали об этом факте — столь же частом, как и любопытном.

Н., считавшая себя сначала лишь изменившейся, заявила вскоре, что она — другое лицо. «Кто же вы такая?» — спросил я. — «Не знаю... Я думаю, что это — больная». Не останавливаясь на этом странном ответе, который, пожалуй, не так нелеп, я спросил ее, как ее зовут. Ей вздумалось назвать себя Нишет. Это уменьшительное имя не должно вызывать улыбок — всякая подробность в этих тонких явлениях имеет свое значение. Этим именем называли ее в раннем детстве, и теперь она присвоила его в сомнамбулизме. Такие факты нередки: мы только что видели сомнамбулу Делёза, называвшую себя «Малюткой». Доктор Жибер рассказывал мне, что тридцатилетняя женщина, которую

---

* Deleuze. Histoire critique.

он усypил в первый раз, говорила о самой себе, как о маленькой Лили. Чем объяснить такое возвращение к детству? Не тем ли, что больные истерией, принадлежа наяву к зрительному типу, в глубоком сомнамбулизме приобретают вновь мышечное чувство, которым они, быть может, больше всего пользовались в детстве? Впрочем, мы вернемся еще к этому возвращению сомнамбул к детскому состоянию, так как оно является одним из главных факторов внушения. Люси, которая оставалась самой собой в первом сомнамбулизме, совершенно менялась во втором. Должно быть, изменение было слишком велико, потому что она не узнавала себя больше. Называла себя Адриеной (Люси 3), — именем, которое она себе присвоила при известных обстоятельствах, о которых речь будет ниже.

Наконец, может случиться, что всякое изменение состояния будет так велико, что произведет впечатление раздвоения личности. Леония при первом же описанном нами сомнамбулизме отказывается от своего обычного имени и принимает имя Леонтины, к которому приучили ее первые гипнотизеры. «Эта женщина — вовсе не я, — говорит она, — она слишком глупа, это другая, самая настоящая». К этому ее тоже приучили — сама она считает себя такой же настоящей, как и «другая». Это новое лицо, Леония 2, приписывает себе все ощущения и действия, которые сознавались ею в сомнамбулизме. Наоборот, она приписывает Леонии 1, т. е. Леонии в нормальном состоянии, все психические процессы, сознаваемые ею наяву. Сначала я был поражен одним исключением из этого правила и думал, что в этом распределении воспоминаний было нечто произвольное. У Леонии есть муж и дети; Леония 2 (в сомнамбулизме) приписывает себе только детей, говоря, что муж есть у другой. Такой выбор трудно было объяснить — тем более, что он не был постоянен. В конце концов я узнал, что прежние гипнотизеры вызвали у нее сомнамбулизм во время первых родов и что второе состояние появлялось уже само собой у нее во время последующих родов. Леония 2 была права, приписывая себе детей, так как именно она родила их. Таким образом, правило не нарушалось, и первый сомнамбулизм обусловил у нее раздвоение сознания.

Но любопытно, что это не наблюдается при втором сомнамбулизме. Когда после летаргии и каталепсии она впадает в состоя-

ние второго сомнамбулизма, она уже не похожа на самое себя. Вместо подвижного ребенка она становится серьезной и важной: медленно говорит и мало двигается. Теперь она отличает себя от Леонии 1 в нормальном состоянии: «Это довольно глупая женщина, — говорит она, — это вовсе не я». Равным образом она отличает себя и от Леонии 2: «Как вы можете думать, что я похожа на эту сумасшедшую — к счастью, это не так». Это раздвоение одного существа на трех сменяющихся и презирующих друг друга лиц является весьма любопытным фактом и дает повод к возникновению целого ряда инцидентов, на которых я не могу останавливаться из боязни удлинить свою работу. Леония засыпает в вагоне железной дороги и впадает в состояние 2. Через некоторое время Леония 2 хочет выйти из вагона за этой бедной Леонией 1, «которая, — по ее словам, — осталась на предыдущей станции и которую нужно предупредить». Если я показываю Леонии 2 портрет Леонии 1, она говорит: «Почему она взяла мою шляпу? Кто-то одевается одинаково со мной». Когда она приезжает в Гавр, я должен здороваться поочередно, со всеми тремя заключающимися в ней лицами, которые забавным образом проявляют последовательно одно и то же чувство. Бесплезно останавливаться на этих анекдотах, так как всякий может предугадать, какие странные положения могут возникнуть при подобном разделении личности.

Но, скажут нам, ведь это второе состояние не является настоящим существованием, так как оно непродолжительно и через некоторое время нужно всегда будить этих лиц. Конечно, *некоторые* лица не могут оставаться бесконечно долго в *некоторых* сомнамбулических состояниях. Леония в состоянии Леонии 2 не может есть и, следовательно, сможет оставаться в этом состоянии не больше одного дня. Но это вовсе не потому, что второе состояние не может длиться, а потому, что тело тогда начинает сильно охлаждаться. Конечно, если оставить в сомнамбулизме неподвижного субъекта, не способного ни двигаться, ни есть, то он скоро потеряет слишком много тепла. Но если, наоборот, взять полное сомнамбулическое состояние, которое является настоящим вторым существованием, аналогичным нормальной жизни какого-либо другого лица, то нет основания утверждать, что субъект не может оставаться в нем очень долго.

Не говоря уже об естественном втором существовании, которое может длиться довольно продолжительное время, как, например, у Фелиды, авторы часто упоминали об искусственных сомнамбулизмах, продолжавшихся более или менее долго. Знаменитый аббат Фарид²⁹ утверждал, что некоторые его субъекты годами оставались в сомнамбулизме и по пробуждении забывали все, что происходило за этот долгий период.* Один гипнотизер усыпил двух молодых девушек зимою и разбудил их лишь несколько месяцев спустя в середине весны. Они были очень поражены, увидав деревья в листьях и в цвету, так как помнили, что перед усыплением деревья были покрыты снегом. «Часто, — говорит один автор, — я оставлял своих сомнамбул усыпленными, но с открытыми глазами в течение всего дня и гулял с ними, чтобы производить над ними наблюдения, не возбуждая любопытства посторонних. Мне случилось продлить на две недели сомнамбулизм находившейся в моей услужении девушки; при этом она продолжала работать, как будто бы она была в своем обычном состоянии... Проснувшись, она чувствовала себя в доме как бы чужой, совершенно не помня о том, что произошло».** Эти рассказы нельзя считать вымышленными, ибо эти факты легко проверить: я сам без всякого затруднения продержал Розу в сомнамбулизме в течение четырех с половиной дней, и все это время она чувствовала себя очень хорошо, спала и ела гораздо лучше, чем в нормальном состоянии. Еще больше продлил это состояние Ж. Жане, изучивший у сомнамбул тот интересный переход, когда у истеричной больной восстанавливается чувствительность и она становится похожей на совершенно здорового человека.

Можно ли оставить этих субъектов в сомнамбулизме бесконечно долго? Таким способом легко было бы совершенно излечить истерию. К сожалению, это довольно сложно. Сомнамбулическое состояние кажется мне, по крайней мере для моих субъектов, очень утомительным и быстро истощает их. Некоторые, как Леония и Люси, часто чувствуют потребность после сомнамбулизма поспать несколько минут, чтобы немного отдох-

---

* См.: Gilles de la Fourette. Op. cit. P. 23.

** Delasour в Hermés. 1826. Август.

нуть. Истерические больные остаются в этом состоянии только благодаря возобновляемым время от времени возбуждениям в виде пассив, электрического тока и проч. Весьма возможно, что к больным истерией при длительном сомнамбулизме мало-помалу вернулись бы их дефекты и обычная анестезия, и они вновь пришли бы в свое нормальное состояние, забыв все, что произошло в течение их более полного существования. Однако мои наблюдения на этот счет совершенно недостаточны, и я не могу сделать окончательных выводов.

Остается еще один вопрос по поводу этих новых форм психической жизни: ниже они или выше нормального состояния? Является ли для субъекта этот переход из одного состояния в другое регрессом или прогрессом? Многие авторы высказывались в пользу последнего мнения. «Это последнее, т. е. забывание по пробуждении заставляет нас думать, что сомнамбулизм является более совершенным состоянием».* Майерс в своих интересных исследованиях об автоматическом письме задает себе вопрос: не может ли сомнамбулизм быть иногда состоянием эволюции, а не регресса психики? На это нельзя дать общего ответа вследствие многочисленных вариаций сомнамбулизма. Существует бесконечное число форм психической жизни, начиная с той, которая содержит лишь один изолированный рудиментарный психический элемент без всякой мысли и даже без осознания личности, и восходя до сознания высшей монады, о которой говорит Лейбниц и которая являет в сокращенном виде весь мир. Мы видели, что с помощью гипноза можно привести субъекта в первое состояние, названное нами катаlepsией — иначе говоря, его можно низвести на самую низшую степень сознания.

Нельзя ли таких субъектов приблизить и к высшей форме сознания? Это зависит, я думаю, от свойств их сознания в нормальном состоянии: когда имеешь дело с истерическими больными, у которых сознание, ощущение и память ослаблены и ниже нормы, тогда малейшее возбуждение нервной системы (пассы и электрический ток являются очень сильными возбудителями) возвращают им утраченные способности и приводят их к высшей форме существования. Ясно, что Люси 3, Роза 4

---

* Baragnon. Magnétisme animal. P. 172.

или Леония 3 стоят на гораздо более высокой ступени сознания, чем Люси 1, Роза 1, Леония 1. Но здесь дело идет об истерических больных, и сообщаемая им высшая форма существования является просто нормальной жизнью, которой они должны были бы постоянно пользоваться, если бы не были больны. Это состояние, будучи выше нормального, так мало отличается от него, что даже у этих женщин оно подобно тому состоянию, когда они были более или менее здоровы. Можно ли подняться выше в этом направлении? Можно ли превзойти эти сомнамбулические состояния или сообщить здоровым людям, для которых эта форма существования является естественной, другую, высшую форму? Подобную возможность допускали почти все прежние гипнотизеры, которые и изучали на своих субъектах новые чувства и сверхъестественные способности. Это же занимало и Майерса, когда он говорил о приспособлении нашей новой личности к новым потребностям. Но мы не можем входить в рассмотрение этого вопроса, который не имеет прямого отношения к поставленной нами задаче.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучая в предыдущей главе изолированные психические явления, мы видели, что, с одной стороны, движения конечностей и ощущения, а, с другой — выражения лица, жесты и эмоции образуют синтезы, элементы которых связаны и неразделимы. Раз дан один элемент ощущения или эмоции, другие элементы возникают поневоле и образуют группу, имеющую тенденцию развиваться и сохраняться как можно дольше. В настоящей главе мы изучили более сложную группу психических элементов, образующуюся из ощущений и воспоминаний, и установили для нее аналогичный закон. Когда исчезает какое-нибудь чувство или хотя бы определенный вид чувствительности, то равным образом исчезают образы и воспоминания, связанные с данным чувством. Когда же какое-либо чувство сохраняется, то остаются нетронутыми и соответственные образы и воспоминания о них. «Нет чувства, нет и идей, — говорит Ламетри³⁰ в своем

„Homme-machine“, — чем меньше чувств, тем меньше и идей».* Мы же скажем: без чувств нет воспоминаний; чем меньше чувств, тем меньше и воспоминаний. Сохраняющиеся воспоминания соединяются и группируются вокруг одного главного ощущения, в котором они находят свое выражение и благодаря которому всплывают на поверхность сознания. Если они многочисленны, то образуют целую систему, все части которой зависят друг от друга и связаны одной общей памятью. Человек, который в психическом отношении был бы идеально здоров, мог бы иметь только одну память. Так как при этом все психические явления были бы всегда связаны с одними и теми же постоянно имеющимися в наличии образами, то такой субъект мог бы легко вызывать их в каждый данный момент. Но настолько ни один человек не совершенен: тысяча условий — аффективные состояния, сон, опьянение или болезнь — меняют или уничтожают одни образы, оживляют другие и меняют все направления сознания. Таким образом, образуются вторичные группы вокруг известных образов, необычных для данной психики. Эти новые образы могут иногда совсем не появляться; но если они периодически появляются самопроизвольно или вызываются искусственно, то они влекут за собой все связанные с ними воспоминания и так различные формы памяти сменяют друг друга.

Группа связанных образов может дать начало особому суждению, в котором сознается и констатируется единство образов. Тогда сменяющие друг друга формы памяти обуславливают возникновение разных сменяющих друг друга личностей. Сомнамбулизм является именно такой формой существования, в которой проявляются особые память и личность: существенный признак сомнамбулизма заключается в том, что он является аномальным психическим состоянием, не распространяющимся на всю жизнь индивида, который заменяется другими состояниями и формами памяти, не знающими друг о друге. Будучи часто несовершенным и рудиментарным, сомнамбулизм может иногда образовывать новую форму существования, более совершенную, чем обычное состояние индивида. Для этого необходимо, чтобы обстоятельства благоприятствовали автоматическому развитию образуя-

---

* См.: Lange. Histoire du matérialisme. I. P. 349.

щих второе состояние психических элементов и сделали бы их группировку более связной и устойчивой. Тогда системы психических элементов, подобно каждому элементу в отдельности, как бы живут своей собственной жизнью, и эта жизнь отдельных психических систем создает разные личности и разные формы сомнамбулизма.

ГЛАВА III

ВНУШЕНИЕ И СУЖЕНИЕ ПОЛЯ СОЗНАНИЯ

Любая однажды возникшая личность начинает мыслить и действовать. Как же будут мыслить и действовать личности, которые, как мы видели, образуются и развиваются почти на наших глазах? Этот вопрос приводит нас к изучению весьма важного явления — повиновения внушениям, так как наличие или отсутствие покорности является существенной чертой характера вновь образовавшихся личностей.

Все люди влияют друг на друга, и общественные отношения состоят из взаимовлияний общественных элементов. Но обычно это влияние бывает добровольным: вы поступаете известным образом не только потому, что я вам дал такой совет, но главным образом потому, что вы сами хотите следовать этому совету. Здесь не место выяснять, получено ли это согласие под давлением или нет. Конечно, нередко соглашаются на какой-нибудь поступок, потому что не могут поступить иначе. Но чаще налицо более или менее добровольное согласие, которое и сознается субъектом. Однако в довольно многочисленных случаях участие воли не имеет места: люди испытывают постороннее влияние и пунктуально повинуются ему. *Это влияние одного человека на другого, происходящее без сознательного согласия, называют внушением.*

Явления внушения наблюдались еще первыми гипнотизерами во время некоторых состояний искусственного сомнамбулизма, но основательному знакомству с этими явлениями помешало негативное отношение к такого рода исследованиям со стороны ученых. Лишь спустя много лет описанные гипнотизерами факты

были извлечены из несправедливого забвения, и в силу обратного увлечения им стали придавать несколько преувеличенное значение. В настоящее время явления внушения настолько известны, что нет нужды останавливаться на их описании. После краткого и поневоле неполного исторического обзора, имеющего целью показать, что внушение изучалось уже давно, мы опишем наиболее важные явления. Причем в настоящей главе мы рассмотрим лишь простейшую форму внушений — ту, при которой внушение выполняется субъектом сразу после того, как оно было получено им, т. е. когда его психическое состояние еще не успело измениться, ту форму, при которой субъект понимает внушение и выполняет его вполне сознательно. Внушения, выполняемые субъектом по пробуждении или после изменения его психического состояния, и внушения, дающие начало бессознательным с виду актам, будут рассмотрены нами ниже. После описания явлений мы перейдем к анализу более или менее вероятных гипотез, предложенных для объяснения описанных явлений. Свои собственные гипотезы мы постараемся подкрепить исследованием естественных актов, обладающих теми же признаками, что и акты внушенные. Но так как для сравнения нужны явления, возникающие при одних и тех же условиях, мы и рассмотрим естественные действия тех лиц, которые поддаются внушению.

1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ТЕОРИЙ ВНУШЕНИЯ

Авторы, обратившие в наше время внимание на явления внушения, достаточно известны и некоторые из них пользуются вполне заслуженной славой. Достаточно указать на работы Льебо, Рише, Бернгейма, Бине и многих других, имена которых связаны с этими исследованиями. Дать исторический обзор внушения значило бы привести полную историю гипнотизма, что вовсе не входит в наши намерения. Но меня простят, если я вкратце расскажу о прежних гипнотизерах, которые, будучи совершенно неизвестны и мало уважаемы, тем не менее, открыли и изучили почти все те явления, описанием которых в наше время составили себе славу многие авторы. Мы убеждены, хотя и не надеемся убедить в этом других, что среди прежних гипнотизеров были настоящие

ученые, искренно преданные своей науке, которая не могла обещать им ни славы, ни какой-либо выгоды. Они посвятили свою жизнь работам, о существовании которых мы едва подозреваем, и изучали чрезвычайно тонкие и сложные явления, о которых современный гипнотизм не имеет никакого представления. Причем в своих исследованиях они проявили терпение, настойчивость и проницательность, которыми должны были заслужить право на большой успех. Много шарлатанов присвоили себе и теперь еще продолжают присваивать себе имя гипнотизеров, но это не дает основания относиться с презрением ко всем тем, кто были настоящими пионерами в области экспериментальной психологии.

Прежние гипнотизеры были прекрасно знакомы с явлениями внушения. Определенные указания на этот счет мы находим уже в отчете 1784 г. об опытах Месмера. «Все были под влиянием того, кто их гипнотизировал. Они могли даже находиться в забытьи, но его голос, взгляд и жест выводили их из этого состояния. В этих постоянно наблюдающихся явлениях нельзя не видеть проявления какой-то могучей силы, которая действует на больных, овладевает ими и обладателем которой является сам гипнотизер». Пьюсегюр, один из первых констатировавший искусственный сомнамбулизм, тотчас заметил это явление. «Когда я видел, что мысли действовали на субъекта неприятно, я останавливал их и старался внушить ему более веселые мысли; тогда он становился веселым и воображал, например, что получает награду или танцует на балу... Я поддерживал в нем эти мысли и таким образом вынуждал его делать разные движения и т. д.».* Делёз, один из первых учителей всех гипнотизеров, считает существенной чертой сомнамбул то, что «они всецело находятся под влиянием того, кто их гипнотизирует».** Очень хорошо описывает он постгипнотическое внушение, которое выполняется субъектом по пробуждении и о котором мы сейчас не будем говорить. В то же время аббат Фария*** пользовался внушением «научным образом» и влияние его было настолько велико, что все позднейшие авторы подражали его экспериментам. Все, писавшие о гипнотизме авторы

---

* См.: Aubin Gauthier. Histoire du somnambulisme. II. P. 251.

** Deleuze. Instruction pratique sur le magnét. animal. 1858. P. 85.

*** См.: Gilles de la Tourette. Hypnotisme. P. 22.

говорят о внушенных гипнотизерами поступках, галлюцинациях, сновидениях и т. д.

Брэд изучал этот вопрос более односторонне и думал, что явления, о которых рассказывали гипнотизеры, он может вызвать иным путем; однако он в своих опытах по «френо-гипнотизму» ошибался, когда полагал, что возбуждает различные страсти у своих субъектов, надавливая на различные возвышения их черепа. Шарпиньон объяснял эти явления внушением, а Дюпоте гораздо лучше умел вызвать чувства гнева или нежности, вовсе не прикасаясь к черепу, а просто разговаривая с субъектом. Гарней читал публичный курс под заглавием «Словесное внушение», и все, занимавшиеся гипнотизмом, знакомы с этими лекциями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что мы и в работах позднейших гипнотизеров находим аналогичные описания и рассуждения.

Но, скажут нам, если гипнотизеры и были знакомы с этими явлениями, они плохо объясняли их, вводя без нужды таинственный флюид. Я думаю, что почти все гипнотизеры, подобно д-ру Филиппу (Дюран де Грос), различали состояние внушаемости, в котором находится погруженный в сон субъект, от самого внушения. Свои фантастические физиологические теории они применяли только к первому явлению, т. е. к приемам, употребляемым для приведения субъекта в состояние внушаемости; что же касается самого внушения, то они объясняли его исключительно психическими законами. Признаюсь, что такое разграничение явлений не кажется мне странным, и я вообще не склонен думать, что внушение может все объяснить и, главное, что оно может объяснить самого себя.

Есть и другие теории, в которых явления внушения приписываются моральному влиянию гипнотизера или «силе воображения», как говорили тогда. Бертран объясняет с этой точки зрения странные понятия сомнамбул, их мнимую способность видеть флюиды, предчувствовать болезни и даже ощущать присутствие металлов. «Идеи гипнотизера, — говорит он, — всегда оказывают влияние на ощущения сомнамбул... Металлы, если этого хочет гипнотизер, не будут иметь никакой силы над загипнотизированным лицом».* Позднее, в 1850 г., д-р Ординэр выступил против

---

* Bertrand. *Traité du somnambulisme*. 1823. P. 323.

флюидических теорий своего времени, опираясь на факты внушения наяву. «Без предварительного гипнотизирования, — говорит он, — я добился потери чувствительности, паралича, опьянения, бреда. Причем я вовсе не усыплял субъекта, а просто говорил ему: „Я хочу“. Мне достаточно сказать ему: „Я хочу, чтобы вы спали“, чтобы усыпить его». Добились ли мы в этой области более важных явлений и можно ли считать внушение открытием настоящего времени?

В то время подвергали исследованию не только психические явления, но и наиболее интересные физиологические явления, которые и приписывались силе воображения. В работах Шарпиньона мы находим описание смелых опытов с образованием нарывов под влиянием внушения и чисто психологические объяснения характерных явлений (стигмат), которые наблюдались у лиц, страдавших конвульсивными припадками. Но все эти остроумные и, без сомнения, богатые точными наблюдениями работы были почти совершенно забыты. Только около 1875 г. Барре в Англии и Ш. Рише во Франции доказали научному миру существование внушения, и после этого психологи и физиологи решительно взялись за исследование этого нового, открывающего широкие горизонты вопроса. Не нужно, однако, забывать, что начало этим исследованиям было положено прежними французскими гипнотизерами.

2. ОПИСАНИЕ НЕКОТОРЫХ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВНУШЕНИЯ

Трудно перечислить все психические явления, которые могут возникнуть под влиянием внушения, так как, с одной стороны, они чрезвычайно многочисленны и разнообразны, а с другой — между ними нет того резкого различия, какое мы наблюдали при явлениях каталепсии. Положительные внушения, которыми мы займемся в настоящей главе, можно разделить в порядке их возрастающей сложности на следующие группы.

1. Мнимо-каталептические явления. Если поднять руку человека, поддающегося внушению — в сомнамбулизме или наяву — в особенности, если продержать ее некоторое время в воз-

духе, то почти всегда рука останется в том положении, какое ей придали. Явление это совершенно аналогично тому, которое мы наблюдали при каталепсии, и характеризуется такими же признаками. В самом деле, если рука данного субъекта совершенно лишена чувствительности, то можно видеть, как она долго будет держаться на весу и затем медленно, без толчков опустится. При этом и дыхание в течение этого времени никак не изменится. Как известно, это отсутствие мышечной чувствительности в руке, а не наличие каталептического состояния.

Можно наблюдать и другие явления того же порядка: карандаш, вложенный в руку сомнамбулы, вызывает у нее желание рисовать, в силу которого она без конца проводит разные черточки или рисует домики. Вид жеста вызывает иногда подражание и повторение: молодая девушка Бланш, чрезвычайно внушаемая наяву, точно подражает всем моим движениям. Леония в начале известного сомнамбулического состояния, прежде чем отвечать, повторяет мои слова; а Роза в аналогичном состоянии то отвечает на вопросы, то повторяет их. «Одна молодая дама, приведенная в контакт с каким-либо лицом, тотчас же становится двойником его: она копирует жесты, позу, голос и даже повторяет слова своих собеседников. Поют ли, смеются или ходят, она немедленно делает то же самое. Причем подражание так совершенно и наступает так быстро, что можно принять это за самостоятельные действия. Уподобление было так велико, что она прекрасно воспроизводила речи, с которыми к ней обращались иностранцы, русские, поляки, немцы, произношению которых очень трудно подражать. Один из них, которому она пропела отрывок из национального гимна, выразил ей свое удовольствие на французском языке с сильно выраженным немецким акцентом. Она вернула ему его благодарность, повторив ее с тем же акцентом, и все присутствующие разразились хохотом».*

Почему мы считаем, что эти явления отличаются от явлений каталепсии? Потому что не одинаковы соответствующие психические условия. Каталептик не разговаривает, не понимает того, что делает, и, по-видимому, не имеет никакого представления ни о своей личности, ни о выполняемых действиях. У него, как

---

* Journal du magnétisme. 1849.

говорил Мэн де Биран, есть ощущение, но нет представления об ощущении. Субъекты, о которых мы теперь говорим, совершенно иные: они разговаривают и понимают речь. У них есть свое «я», и они отдают себе отчет о том, что делают. Если спросить у Бланш, о чем она думает, она ответит: «Я думаю, что моя рука находится в воздухе». «Мне хочется рисовать», — скажет N., когда у нее в руках находится карандаш. Другая, глядя, как я поднимаю руку, спросит: «Почему мне хочется делать то же самое?» С физической стороны явление, пожалуй, одинаково, но с психологической стороны оно не кажется мне таковым.

2. Акты и галлюцинации, вызванные словесным внушением. Приказания, которые можно давать субъекту, являются самым интересным пунктом внушения. В самом деле, слова, с которыми обращаются к сомнамбуле, не повторяются бессознательно, как при каталепсии, а понимаются. Причем слова эти в силу своего смысла, *даже без согласия самого субъекта*, вызывают всегда у него определенные акты и галлюцинации. Если сказать одному из таких лиц: «Встань, сядь, пошевели рукой», — или еще проще: «Твоя рука движется», — он прекрасно понимает, что хотят сказать, и, не давая на это своего согласия, действительно встает, шевелит рукой или садится. Одним словом действие выполняется, как только субъект понимает смысл сказанных ему слов.

Таким путем можно вызвать новое явление, которое, несомненно, существовало, хотя его и нельзя было легко констатировать, при каталепсии — галлюцинацию. Субъект, который теперь может говорить, сообщает нам, что он чувствует. А по его словам и поведению мы можем судить, что он действительно испытывает целый ряд сложных ощущений, возникающих у него под влиянием наших слов. Таким образом, его можно заставить слышать звон колоколов, звук труб, пение; или видеть цветы, птиц; или чувствовать запахи; или поднимать воображаемые тяжести и т. д. Словом, в его сознании можно вызвать все те явления, которые обычно соответствуют реальным впечатлениям различных органов чувств.

Эти галлюцинации настолько живы, что являются как бы настоящими ощущениями. Я даю одной женщине попить воды, говоря, что вода эта намагнитизирована и вызовет в желудке приятную теплоту: она начинает испытывать это ощущение и чув-

ствуется себя хорошо. Тогда я делаю жесты, как бы для того, чтобы еще больше намагнитизировать стакан: она берет его, подносит к губам, но потом вдруг бросает на пол и громко кричит. Эта слишком намагнитизированная вода, по ее словам, ужасно обожгла ей губы. Благодаря галлюцинации, Леония способна читать наизусть целые страницы какой-нибудь книги, которую она когда-то читала. Причем она так ясно видит книгу, что различает даже номера страниц и цифры, отмечающие на некоторых страницах печатные листы данной книги. В этих случаях галлюцинация совершенно подобна ощущению.

Иногда, наоборот, галлюцинация бывает слабой и аналогична отдаленному, неопределенному образу. Здесь можно отметить два разных случая. Плохо различающий галлюцинацию субъект как бы отдаляет ее от себя в пространстве. Например, Мария, у которой нет ясной галлюцинации слуха, думает всегда, что музыка доносится со двора или по крайней мере из соседней комнаты и никогда не допускает, что музыка совсем близко: «О, нет, было бы лучше слышно, если бы играли здесь», — говорит она. В другом случае субъект как бы отдаляет галлюцинацию во времени и думает, что это воспоминание. М., когда я старался внушить ей зрительную или слуховую галлюцинацию, бормотала всегда: «Это верно, вы правы, я где-то слышала это, я видела это, но, должно быть, это было очень давно». Правда, я наблюдал только одного субъекта, который разговаривал таким образом; нужно, однако, считаться с подобными случаями. Такими слабыми галлюцинациями, быть может, можно объяснить те иллюзии воспоминания, о которых говорил Тэн: «Субъект, который в сомнамбулизме и гипнозе становится очень чувствительным к восприятию внушения, делается рабом иллюзий памяти: ему говорят, что он совершил преступление, и все лицо его принимает выражение ужаса».* Так как я наблюдал только одного субъекта такого рода, то не могу утверждать, что ретроактивные галлюцинации всегда являются просто слабыми галлюцинациями; иногда они являются, вероятно, более сложными явлениями.

Мы соединили в одну группу внушенные действия и внушенные галлюцинации, хотя эти два явления, по-видимому, во

---

* Taine. Intelligence. 3-е изд. 1878. II. P. 222.

многим отличаются друг от друга. Сделали мы это потому, что явления эти связаны между собой самым тесным образом: они не только наблюдаются у одних и тех же лиц и при одних и тех же условиях, но можно сказать, что они неотделимы друг от друга и никогда не возникают одно без другого. Нет акта без соответствующего мысленного образа, и последний, будучи связан с движениями, не становится от того менее ярким. У субъекта, которому я приказываю поднять руку, есть в уме очень яркий образ (мышечный или зрительный, смотря по обстоятельствам), который совершенно подобен галлюцинации. Я приказываю Марии поднять руку, но сам тотчас схватываю руку и мешаю ей двигаться; так как у Марии на этой стороне тела нет мышечной чувствительности, то она ничего не чувствует. Через несколько минут я спрашиваю ее, где ее рука — она отвечает, что рука в воздухе, и что она видит ее. Розе, страдающей параличом обеих ног, я приказываю поднять ногу; она делает усилие, но нога не двигается. Так как я настаиваю, она начинает сердиться и говорит: «Но, я уже подняла ногу, вот она, разве вы не видите?» Тем или иным способом мы задержали действие и выделили скрывавшийся за ним образ. Так мы увидели, что в данном случае образ существовал в форме галлюцинации.

С другой стороны, легко доказать, что одновременно с внутренней галлюцинацией всегда появляется и движение. Факт этот иногда можно проверить просто: субъекту, принадлежащему к *зрительному* типу, т. е. совершающему движения при помощи зрительных образов, невозможно внушить *зрительную* галлюцинацию движения его руки без действительного движения ее. Завязав Леонии глаза, я приказываю ей *видеть*, что ее левая рука поднимается и двигается. Через несколько секунд она говорит мне: «Да, я вижу ее, вижу, как пальцы раздвигаются», и одновременно с этим ее левая рука делает именно такое движение. По поводу этого простого и чрезвычайно важного явления нужно сказать следующее:

а) когда такое движение происходит в части тела, потерявшей чувствительность, то оно совершается бессознательно для самого субъекта; однако, из этого не следует, что само движение бессознательно. Происхождение движения лежит в психике субъекта — в виде зрительного образа, который был внушен; недостает только

обратного мышечного ощущения, которое обычно предупреждает здорового субъекта о выполнении самого движения;

b) этот эксперимент удастся только в том случае, когда вызывают галлюцинацию в области тех специальных образов, которыми субъект пользуется для движения в данное время. Леония страдает анестезией левой стороны тела и, как это бывает в подобных случаях, для движения левой руки пользуется зрительными образами; но удивительно, что для движения правой руки она пользуется мышечными (кинестетическими) образами. Из этого следует, что зрительная галлюцинация движущейся руки вызывает движение только одной левой руки; чтобы вызвать движение правой руки, нужно внушить кинестетическую галлюцинацию перемещения руки — галлюцинацию, которая недействительна и даже невозможна для левой руки. С этими деталями мы встретимся ниже, когда будем говорить о параличах в их связи с анестезией. Здесь же достаточно указать, что эти опыты словесного внушения подтверждают нашу гипотезу о подражании движениям при катаlepsии и доказывают существование тесной связи даже между зрительными образами и движениями.

Если говорить о более сложных галлюцинациях, заключающихся не только в представлении о движении какой-либо части тела, то наблюдается еще целый ряд выразительных движений, жестов или слов, всегда сопровождающих галлюцинацию. В начале своих исследований, когда я не был еще вполне уверен в силе приказаний, даваемых загипнотизированному субъекту, я совершил большую оплошность, внушив сомнамбуле видеть в комнате тигра. По ее конвульсивным движениям и ужасным крикам я понял, что следовало быть осторожнее. С тех пор я показываю воображению сомнамбул только маленьких птичек и прекрасные цветы. Но если сейчас они и не выражают с такой силой ужас и страх, то у них возникают другие движения, соответствующие более спокойным сценам. Одни, как, например, Мария, нежно ласкают маленьких птичек. Другие, как Люси, порывисто схватывают их обеими руками и целуют. Третьи, как Леония, которая вспоминает деревню, бросают им зерен. У каждой женщины при галлюцинации цветка появляется желание поднести его к носу и затем прикрепить к корсажу.

Если такого рода выразительные движения совсем отсутствуют, что бывает очень редко, то всегда наблюдаются более простые движения, которые можно назвать движениями приспособления. По наблюдению Фере, «состояние зрачка изменяется в зависимости от предполагаемого расстояния галлюцинаторного образа».* Это постоянное явление почти не заметно; но движения глазного яблока, бровей и век при зрительных галлюцинациях, движения головы при галлюцинациях слуха, вздрагивания ноздрей при галлюцинации обоняния, движения пальцев, когда субъект чувствует прикосновение воображаемого предмета — все это очень легко наблюдать и констатировать. Рибо предвидел то, что затем было подтверждено наблюдением: «Если, — говорит он, — при восприятии какого-либо предмета движение является существенным элементом, то не должно ли оно играть ту же роль, когда мы только представляем себе предмет?»** Словом, движение следует за внушением галлюцинации точно так же, как галлюцинация появляется вслед за внушением движения. Оба эти явления оказываются неотделимыми друг от друга.

3. Действия и галлюцинации, связанные с условным знаком. Вместо того, чтобы внушать немедленное выполнение какого-либо акта, можно отдалить его и приурочить к известному условному знаку. Мы не будем сейчас заниматься постгипнотическим внушением и предположим, что определенное внушение делается и соответственный условный знак дается тогда, когда субъект находится в одном и том же психическом состоянии. Например, я говорю Марии: «Когда я ударю в ладоши, ты встанешь и пройдешься по комнате». Она прекрасно слышала это и помнит о моем приказании, но пока не выполняет. Я хлопаю в ладоши, она встает и делает круг по комнате. Так же обстоит дело и с галлюцинациями: появление их можно приурочить к определенному сигналу — какому-либо слуховому или зрительному восприятию. Если я говорю Марии, что, когда пробьют часы, она увидит бабочку, летающую по комнате, или увидит птичку на подоконнике, то происходит то же: она видит бабочку только в тот момент, когда

---

* Paul Richer. Op. cit. P. 705.

** Ribot. Le rôle des mouvements. Rev. philos. 1879.

бьют часы, и птицу видит только на подоконнике, а не в другом месте.

Последнее явление особенно интересно, потому что галлюцинация, будучи связана с длительным и способным изменяться восприятием, приобретает точно такой же характер, т. е. сохраняется, исчезает или меняется в зависимости от условного восприятия. Если Мария в любой момент своего сомнамбулизма взглянет на окно, она увидит птицу, и связь эта может существовать бесконечно долго. На этом основано большое количество опытов, из которых наиболее известен следующий: сомнамбуле внушают видеть портрет на совершенно белом с виду листе бумаги и затем смешивают эти листы с многими другими. Субъект почти всегда находит показанный ему раньше лист с воображаемым портретом и держит его в соответствующем положении. Это показывает, что он узнает его по некоторым мелким, характерным признакам. Если Мария не видит подоконника, то она не увидит и птички. Наконец, если условный знак как-либо повторяется два раза, усиливается или ослабляется и т. д., то и галлюцинация соответствующим образом меняется. Это явление хорошо было изучено Бине и Фере в их оригинальных опытах с зеркалом, призмой и проч. Я производил эти опыты над многими субъектами, главным образом над Люси, и наблюдал всегда то же, что и они. Если, например, ей внушали видеть змею, обвившуюся вокруг лампы, то она видела в зеркале другую змею и другую лампу. Одним словом, внушенные действия и галлюцинации могут быть связаны с известным ощущением, которое служит условным знаком и от которого они всецело зависят.

Мы особо останавливаемся на внушении, связанном с известным условным знаком, так как оно объясняет целый ряд других явлений. Приведем несколько примеров. В предыдущей главе мы видели, что субъекты, страдающие полной анестезией какого-либо органа чувств, не могут иметь соответственных галлюцинаций. Но не так обстоит дело у тех, кто страдает только частичной анестезией. Так, например, Мария слепа на левый глаз, но прекрасно видит правым и поэтому может иметь зрительные галлюцинации. В сновидениях она, как все люди, видит предметы окрашенными как с левой, так и с правой стороны. Если ей внушают зрительную галлюцинацию и закрывают ей оба глаза,

то она увидит галлюцинацию окрашенной. Как показал Бине, это легко можно объяснить, если принять во внимание, «что область представлений, будучи более широкой, чем область ощущений, образуется из синтеза зрительных ощущений».* Воображением большой дополняет поле зрения и восстанавливает полное представление предмета.

Но как объяснить следующее явление: если Марии говорят, что предмет находится слева от нее, или же если ей закрывают правый глаз, оставляя открытым только левый, то у нее не будет никакой зрительной галлюцинации. Поль Рише впервые отметил это явление: «В. в нормальном состоянии, — говорит он, — правым глазом не различает цветов. Закрыв ей левый глаз, мы внушаем ей, что она видит Арлекина — она видит его в одежде из мелких лоскутов серого, белого и черного цвета. И у Полишинеля, по ее мнению, платье белого и серого цвета: „Это оригинально, — говорит она, — но не красиво“. Когда мы открываем ей левый глаз, у нее тотчас же восстанавливается способность различать цвета. Тогда Арлекин и Полишинель представляются ей в разноцветных одеждах, как обычно изображают их».** С тех пор многие авторы часто отмечали подобные явления.

Я сам наблюдал подобное явление в области тактильной чувствительности. Роза, страдающая анестезией всего тела, сохранила чувствительность только в области губ, так что галлюцинации прикосновения, щекотания, теплоты и т. д. воспринимались ею только губами. Эти с виду странные явления зависят просто от наличия или отсутствия условных знаков, которые помогают субъекту локализовать галлюцинацию. Если я внушаю Марии галлюцинацию при открытых глазах и затем закрываю ей левый глаз, то она перестает видеть и не различает условных знаков, с которыми связана ее галлюцинация. Поэтому она и не видит птички или цветка, которые я ей показывал. Наоборот, если внушить ей галлюцинацию, когда глаза у нее закрыты, то внушенный образ не ассоциируется ни с каким условным знаком и не исчезает из сознания, несмотря на то, что глаза закрыты. Таким образом можно объяснить, как другие опыты, так и изменения

---

* Binet. Rev. philos. 1888. II. P. 486.

** Paul Richer. Op. cit. P. 707.

внушенных галлюцинаций под влиянием частичных изменений чувствительности.

К галлюцинациям, связанным с условным знаком, следует отнести еще одно странное явление, которое я наблюдал всегда у одной из моих сомнамбул и которое я не могу объяснить иначе. У Леонии внушенная галлюцинация появляется только тогда, когда лицо, внушающее ей эту галлюцинацию, прикасается к открытой части ее тела. Несмотря на то что я приказываю ей видеть цветы, она перестает видеть их, если я не прикасаюсь к ее руке или лицу. Если другие прикоснутся к ее руке или лицу, то галлюцинация не появится. Если же я, хотя бы слегка и без всякого предупреждения, вновь прикоснусь к ней, она радостно вскрикивает, восхищенная тем, что опять видит свои цветы. Весьма вероятно, что галлюцинация ассоциируется здесь с ощущением прикосновения моей руки, которое является как бы условным знаком. Но в этом опыте, как и во многих предыдущих, психические явления редко протекают сознательно.

Отмеченные многими авторами, например, Маньоном, Берийон и другими, интересные явления «двусторонней галлюцинации различного характера, в зависимости от стороны тела»,* я склонен считать простыми галлюцинациями, связанными с определенным условным знаком, и объясняю их тем же способом. Названные авторы говорят, что одному и тому же субъекту можно внушить одновременно две различные галлюцинации — одну для левой, другую для правой стороны тела. Так «можно заставить его чувствовать правой стороной языка вкус рома, а левой — вкус сиропа; одним глазом видеть какую-нибудь ужасную сцену, а другим — веселый деревенский пейзаж». ** Из этого факта авторы выводят очень важные, по моему мнению, заключения о функциональной независимости обоих мозговых полушарий. Не высказываясь о самой теории, я думаю, что не следует приводить указанное явление в доказательство ее справедливости. Легко вызвать одновременно различные галлюцинации в области чувств, которые распространяются на довольно обширную поверхность и которые могут давать субъекту одновременно несколько условных знаков.

---

* Bérillon. La dualité cérébrale. 1884. P. 109.

** Bérillon. La dualité cérébrale. P. 176.

Для внушения подобных галлюцинаций нет нужды считаться с двусторонним делением тела и мозга, так как все эти эксперименты можно производить на одной и той же стороне тела. По моему приказанию, у Марии появляются одновременно ощущение теплоты в большом пальце правой руки и ощущение холода в мизинце той же руки; одним и тем же глазом она видит веселую сцену рядом с грустной; наконец, у нее появляются и две галлюцинации вкуса, но вместо того, чтобы чувствовать один вкус на правой стороне языка, а другой — на левой, она на кончике языка чувствует варенье, а в основании языка — соль; причем находит, что это очень неприятно. Одним словом, я склонен думать, что различные точки тела и разные предметы просто являются как бы условными пунктами для этих двусторонних галлюцинаций.

То же рассуждение можно было бы противопоставить многим другим сложным теориям, которые не считаются со столь простым фактом. Можно приучить субъект совершать какое-либо действие: напрягать мышцы или засыпать, когда прикасаются к нему известным металлом; просыпаться, когда надавливают на известную область тела и т. д. Предмет, который он узнает, или давление, которое производят на какую-либо часть тела, служит для него условным знаком и вызывает акт или галлюцинацию. Субъект нас не обманывает, потому что воля его не участвует в этом внушении, как и в других; ошибается сам гипнотизер, который, занимаясь психическими явлениями, недостаточно учитывает психологические законы. Другие ударяются в противоположную крайность и стремятся все объяснять внушением. Нужно обладать очень тонким критическим чутьем, чтобы в этой области удержаться в равновесии. Никто не может похвалиться тем, что ему удалось это вполне.

4. Сложные или автоматически развивающиеся акты и галлюцинации. Вместо того чтобы внушать последовательно каждое движение или каждую галлюцинацию в отдельности, достаточно некоторым субъектам внушить начальное представление, и последняя уже сама по себе развивается в их мозгу в разных направлениях и проявляется в целом ряде актов и галлюцинаций. «Ты сейчас напишешь письмо... Ты сейчас споешь что-нибудь», — говорю я Люси или Розе, и они располагаются писать, составляют письмо или напевают без конца всякого рода отрывки. Если я го-

ворю Леонии, что перед ней находится барашек, то она его видит и тотчас же без каких-либо дополнений с моей стороны слышит его бляение и подражает ему, затем ласкает его и ощущает под рукой его шерсть. Золотая монета, будучи приложена ко лбу, вызывает у нее общую контрактуру; воображаемая золотая монета, которую ей якобы кладут в руку и которую она сама прикладывает ко лбу, производит тот же эффект. Ноготь большого пальца у данного субъекта обладает повышенной чувствительностью: если ударить по ногтю, то у субъекта появляются мелкие конвульсии и контрактуры; галлюцинаторный образ птицы на руке вызывает представление, будто птица ударяет клювом по ногтю, и это также вызывает небольшой конвульсивный припадок.

Во всех исследованиях по этому вопросу можно найти многочисленные примеры таких галлюцинаций, которые самопроизвольно усложняются и завершаются. Это делается очень занимательным, когда мы имеем дело с живым и достаточно интеллигентным субъектом. Галлюцинация путешествия превращалась у Люси в настоящую комедию с тысячью неожиданных перипетий: она не только испытывала на пароходах морскую болезнь, но и падала в воду, плавала по паркету и подымалась, вся дрожа, как бы очутившись на пустынном острове. Я, конечно, заставил ее проделать прекраснейшие путешествия на луну, к центру земли и т. д. Для этого достаточно было дать ей тему, которую она в своем воображении разрабатывала самым экстравагантным образом. Я не могу останавливаться на этих комических сценах: они всегда поражают и в настоящее время достаточно известны, чтобы стоило описывать их.

Не следует ли приписать подобной ассоциации образов, автоматически вызывающих друг друга, те явления, которые были описаны под именем переноса (трансферт) положений тела и галлюцинаций посредством магнита? Если вызвать у субъекта на правой стороне тела какое-либо явление — положение руки или движение руки, или галлюцинацию, то другой стороне тела можно придать точно такое же положение, поднося сильный магнит к левой руке и к левой стороне головы. Факт этот почти неоспорим. Если данное явление и не встречается у всех субъектов такого рода, то его можно всегда наблюдать у некоторых из них. Но объяснить его, мне кажется, довольно трудно.

Не думая высказывать здесь общее заключение, которое в настоящее время и невозможно, я сообщу лишь результаты своих собственных наблюдений. Прежде всего явление переноса наблюдается довольно редко. Я констатировал его только у двух субъектов — Леонии и N. Другие субъекты или совсем не реагировали, или реагировали совершенно иначе на применение магнита. Кроме того, даже у первых субъектов явление переноса можно было вызвать не только посредством магнита, но и посредством всяких других предметов или просто приближением руки. Однажды я вызвал у Леонии самые курьезные и чудесные сложные переносы, поднося к ее голове апельсиновую корку на конце длинной палки. Чтобы рассеять свои сомнения относительно действия магнита, я производил опыты с электромагнитом. Руссо, профессор физики, к помощи которого я часто прибегал, находился в соседней от меня комнате. Он включал и выключал ток, не производя ни малейшего шума и не предупреждая меня об этом. Я же приближал магнит к субъекту, не зная, пущен ток или нет, и отмечал получаемые результаты. Должен сказать, что явления возникали вне всякой зависимости от включения или выключения электрического тока.

Наконец, полезно знать, что явление совершенно аналогичное явлению переноса, может возникнуть в силу чисто психологических законов без всякого внушения на этот счет. Полан* исследовал закон контраста, в силу которого в психике автоматически возникают совершенно противоположные друг другу явления: субъект говорит «да» вместо того, чтобы сказать «нет»; смеется, когда следовало бы плакать и т. д. Врачи хорошо знакомы с этим странным явлением, которое они наблюдают иногда на своих больных: последние, например, поворачиваются вдруг на живот, когда им велят лечь на спину. Я сам наблюдал вместе с Ж. Жане одну истеричную больную, имевшую странную привычку: против воли она проделывала всегда левой рукой то, что ей приказывали делать правой, и наоборот.

Известны также явления аллохирии, при которых субъект локализует в левой руке ощущения, полученные правой. Я наблюдал один такой случай, который и привожу здесь в качестве курьеза,

---

* Paulhan. L'association par contraste. Rev. scient. 1888. P. 263.

так как почти не принимаю его. Когда Леония находилась в сомнамбулизме, я уколол ее булавкой в правую сторону тела (сохранившую чувствительность). Она вскрикнула и стала сердиться на свою левую руку; затем у нее начался странный бред, и она стала утверждать, что это не ее рука и что ей подменили левую руку. И в самом деле, в левой руке восстановилась чувствительность. Существует, следовательно, какой-то психический автоматизм (правда, мало известный), который связывает образы, относящиеся к обеим сторонам тела, и вызывает или меняет один образ в зависимости от другого.

С другой стороны, мне кажется, что магнит, как металлические пластинки и электричество, оказывает несомненное влияние на ослабленную нервную систему. Люси, которая никогда не была в больнице, ничего не понимала в этих вопросах и всегда равнодушно предоставляла себя для всяких экспериментов, упала вдруг в сильнейших судорогах, когда прикоснулась к магниту. Благодаря магниту у Розы восстанавливается тактильная чувствительность, чему не помогало даже внушение. Много других фактов, в рассмотрение которых я не могу входить, заставляют меня верить во влияние магнита. В общем, я пришел к следующему, хотя и не окончательному, заключению: действие магнита заключается в неопределенном возбуждении, аналогичном тому, какое обуславливается электрическим током, пластинками Бюрка или даже пассами. При этом особая форма, в которой проявляется возбуждение — восстановление чувствительности, контрактура или перенос — зависит, вероятно, скорее от психологических, чем от физических законов. Почти к такому же заключению, но совершенно иным путем пришел и Фере: «Главное действие магнита или специфического для данного субъекта металла заключается в том, — говорит он, — что он обуславливает появление энергии, к какой бы стороне тела он ни был применен. Лишь вслед за этим наступает перенос. Всякое возбуждение чувств вызывает перенос тем же путем».*

Я не буду говорить об опытах Бине и Фере с поляризацией ощущений и чувств, так как ничего подобного я никогда не наблюдал. Упомяну лишь о дополнительных галлюцинациях только

---

* Féré. Sensations et mouvements. P. 75.

для того, чтобы показать, что ассоциация идей иногда может иметь здесь большое значение. Говорят, что за галлюцинацией какого-либо цвета в том случае, если она длительна, следует галлюцинация цвета дополнительного к первому. Может быть, я плохо ставил свои опыты или не встречал субъектов, у которых были бы достаточно яркие зрительные галлюцинации; но факт тот, что в смене цветов, которые мои субъекты видели вслед за цветной галлюцинацией, не наблюдалось никакой закономерности.

Леония после галлюцинации красного цвета заявляет, что видит белый цвет; после зеленого — красный; после голубого — белый; после красного — зеленый и т. д. Хотя некоторые из этих цветных галлюцинаций и соответствуют теории дополнительных цветов, однако, повторяю, здесь не наблюдается правильной закономерности. Мне не повезло также с другими субъектами: Люси и Мария называли мне разные цвета, которые всплывали перед ними без всякого порядка.

Быть может, другой эксперимент объяснит нам, как образуется этот с виду дополнительный образ. Я внушаю Леонии галлюцинацию вкуса и через несколько минут отменяю это внушение. Иногда после этого она ничего не чувствует, иногда же испытывает другое дополнительное ощущение. Так, за вкусом сахара следует вкус перца; после вкуса уксуса — вкус соли; после вкуса кофе — вкус коньяка; после цикория — вкус кофе. Эти чередования вкусов, особенно два последних, пожалуй, весьма логичны, но я не думаю, чтобы в них проявлялся какой-то новый физический закон. Мои наблюдения, конечно, нисколько не противоречат закону о дополнительных галлюцинациях, так как отрицательный факт не опровергает положительного. Они доказывают только, что этот закон не имеет общего значения и зависит от очень сложных условий.

Автоматическое развитие представлений в психике субъекта является одной из главных трудностей для экспериментальной психологии. Оно потому еще может ввести в заблуждение исследователя, что, начавшись раз в определенном направлении, оно начинает без конца одинаково повторяться. Вот почему экспериментатор рискует всегда ассоциацию представлений своего субъекта принять за общий психологический закон.

5. Общие галлюцинации или изменения всей личности под влиянием внушения. Это последнее явление, очень интересное и заключающее в себе все вышеописанное, может наблюдаться в двух формах. Первая из них была прекрасно описана Бурю и Бюро в их исследовании об изменениях личности. Если³¹ заявить субъекту, что он вновь переживает какой-либо период прошлой жизни, что ему столько-то лет, или если просто вызвать у него контрактуру или то особенное состояние чувствительности, которое было у него в известном возрасте, то можно видеть, что он снова приобретает свои физические и моральные свойства того времени и полностью переживает протекший период своей жизни. Субъект чувствует, мыслит и говорит, как в прежнее время, и воображает, что слышит и видит то, что существовало тогда. У него нет иных воспоминаний, кроме тех, которые были у него в ту пору. «Когда истеричной больной внушают то болезненное состояние, какое было у нее когда-то (паралич или кожная гипестезия левой стороны тела), то больная думает, что она опять лежит в больнице у Шарко... Внушенная контрактура сама по себе не обуславливает детского образа мыслей и манеры выражений, а вызывает у больного переживания детства, потому что он страдал контрактурой именно в детстве».* Проверить это явление очень легко и интересно: можно заставить субъекта разыгрывать сцены из его прошлой жизни и констатировать такие детали, о которых субъект, казалось, совершенно забыл. Леония в течение двух часов оставалась превращенной в маленькую девочку десяти лет. Со странной живостью и радостью она переживала вновь этот период своей жизни, бегала, кричала, называла по именам своих кукол, разговаривала с лицами, которых совсем не помнила наяву, точно в самом деле ей было опять десять лет. Несмотря на то, что обычно Леония страдала анестезией левой стороны тела, она, воображая себя маленькой девочкой, вновь приобретала полную чувствительность.

Эти вызванные внушением изменения в области чувствительности и психических процессов обуславливают иногда довольно странные явления. Вот одно наблюдение, которое легко объяснить: я внушаю Розе, что у нас теперь 1886 г., и желаю посмо-

---

* Bourru et Burot. Variations de la personnalité.

треть, какие изменения чувствительности произойдут от этого. И вот она начинает стонать; жалуется, что устала и не может больше ходить. «Ну, что с вами?» — «О, ничего, но в моем положении...» — «Каком положении?» Она отвечает мне жестом: живот ее вдруг вздулся вследствие внезапного припадка истерического тимпанита; оказалось, что я, сам того не сознавая, заставил ее пережить тот период ее жизни, когда она была беременна. Нужно было отменить внушение, чтобы прекратить эту плохую шутку. Более интересные опыты я произвел над Марией: перенося ее путем внушения поочередно в различные периоды ее жизни, я мог констатировать те состояния чувствительности, через которые она в жизни проходила, и исследовать причины всех этих изменений. Так, в настоящее время она слепа на левый глаз и думает, что это у нее с самого рождения. Если внушить ей, что ей семь лет, то можно констатировать, что она все еще не видит левым глазом; если же внушить ей, что ей только шесть лет, то можно заметить, что она хорошо видит обоими глазами. Таким образом мы определили время и любопытные условия, при которых Мария лишилась чувствительности левого глаза. Память автоматически воспроизвела то состояние здоровья, о котором субъект не сохранил, по-видимому, никакого воспоминания.

В других случаях мы можем достичь тех же изменений всей личности, не прибегая к памяти субъекта, а обращаясь просто к его воображению. Явление это давно известно, и любопытные описания его мы находим в некоторых старинных исследованиях. В своих опытах по так называемой «гипнотической магии» Дюпюте часто описывает такого рода превращения личности. Ш. Рише вновь возбудил интерес к этим забытым опытам и под именем *объективизации типов* описал * изменения личности, вызванные внушением; с тех пор аналогичные описания приводятся во всех работах по психологии.

Явление это, в самом деле, очень интересно, и его легко наблюдать: большинство моих сомнамбул испытывало изменения, которые, однако, не все были одинаково интересны. Люси, будучи превращена в генерала, маленькую девочку, моряка или архиепископа, лучше всех играла свою роль. Впрочем, во всех этих ролях

---

* Ch. Richet L'homme et l'intelligence. 1883. P. 233.

проявлялся ее собственный характер: так как она была очень нерелигиозна, то изображала епископа, исповедующего кающихся, в таком виде, что я не могу даже описать этого.

Леония замечательна только в некоторых сценах: будучи превращена в генерала, она поднимается, выхватывает воображаемую саблю и кричит: «Вперед, мужайтесь!.. Уберите этого солдата, он плохо держится в строю... Где полковник этих солдат!.. Стройтесь!.. Ах, эта пушка, как она гремит... Враги многочисленны, но они не так организованны, как мы, и не преданы своему делу (она щупает себе грудь)... Ах, да, мне был пожалован орден на поле сражения за отличное состояние моего полка!..» Во всей этой сцене довольно мало воображения, Так же обстоит дело и тогда, когда я превращаю ее в девяностолетнюю старуху; она беспрестанно кашляет и стонет: «Смотрите,— говорит она, показывая свои руки,— ничего не осталось больше... Я очень устала и скоро покину вас совсем...» Наоборот, другая галлюцинация замечательно хорошо удается ей, это — когда ее превращают в важную даму или принцессу. Тогда она величественно откидывает на диване свое платье, играет воображаемым веером и, кокетничая, разговаривает о дворе, о маркизах и своих поместьях. Сначала я был удивлен таким прекрасным исполнением этой роли, но потом, разговаривая с ней в этом состоянии, я узнал, что последнее было вызвано у нее не в первый раз и что когда-то, двадцать лет тому назад, ее первый гипнотизер уже превращал ее в принцессу. Она вспоминала, что на ней было тогда «совершенно такое же» красивое бархатное платье и в своем салоне она принимала д-ра Перье. Этот врач был одним из тех, которые раньше часто гипнотизировали ее.

В связи с описанием изменений личности под влиянием внушения мы вынуждены вернуться к вопросу, уже рассмотренному нами в настоящей главе. Являются ли изменения памяти и личности, констатированные нами при различных сомнамбулизмах, тождественными тем сложным галлюцинациям, которые вызываются путем внушения? Не утверждая ничего определенного (т. к. все эти психические состояния очень похожи), мы выскажем лишь несколько соображений, которые не позволяют нам совершенно отождествлять эти два явления. Дело в том, что состояние памяти, которое является весьма важным элементом, при описан-

ных галлюцинациях бывает совершенно иным. Во время одного из изменений личности, вызванных путем внушения в первом сомнамбулизме, субъект не сохраняет никакого воспоминания о других изменениях. Так, например, изображая важную даму или принцессу, сомнамбула не знает, что я хочу сказать, когда говорю ей о костюме генерала, который только что был на ней. Более того, она не вспоминает и о своей действительной личности: будучи принцессой, она не знает, кто такая Леония, и даже не хочет верить, что эта бедная крестьянка живет в ее поместье. Кроме того, она не вспоминает также и об обычном сомнамбулизме и о Леонии 2. Нет необходимости добавлять, что она тем более не помнит о втором сомнамбулизме и о Леонии 3.

Леония, обращенная в принцессу, совершенно забыла, что знала во всех описанных состояниях, например: она не знает больше, как меня зовут. Разговаривая со мной, она вплетает меня в свою галлюцинацию и называет каким-нибудь фантастическим именем. Когда я внушаю ей, что она принцесса, она называет меня маркизом и, кокетничая, разговаривает со мной; когда же я внушаю ей, что она — генерал, то она принимает меня за полковника и предлагает мне абсент. В каждом из этих галлюцинаторных состояний она сохраняет лишь самые общие воспоминания, привычки и представления об окружающем, которые являются для нее общим фоном для всех состояний. Кроме того, при каждом из этих изменений своей личности она сохраняет воспоминание о точно таком же изменении, которое испытала раньше. Если я снова внушаю ей, что она принцесса, то она говорит мне: «А, маркиз, я вас недавно видела, вы разговаривали о какой-то совершенно неизвестной мне крестьянке, которой вы очень интересовались». Она вспоминает даже лиц, которых видела двадцать лет тому назад, когда д-р Перье, проделывая с ней этот опыт, также превращал ее в принцессу. Но важно заметить, что она помнит только ту же самую галлюцинацию; все остальное совершенно исчезает из ее памяти.

Когда галлюцинация кончается, т. е. когда Леония перестает быть принцессой, она вновь впадает в свой обычный сомнамбулизм, не проходя через какую-либо промежуточную стадию — летаргию или каталепсию. Чаще всего, хотя и не всегда, Леония 2 сохраняет воспоминание о происшедшем: «Какой необычный сон я видела!.. Я была в бархатном платье и разговаривала в краси-

вом салоне с одним маркизом... Но вас там не было». Если иногда это воспоминание и отсутствует полностью в сомнамбулизме, т. е. у Леонии 2, то мы можем быть уверены, что оно всплывет во втором сомнамбулизме. Леония 3, которая помнит всю свою жизнь, вспоминает также и об этих галлюцинациях: «Она довольно глупа, эта бедная Леония, — говорит она, — вообразила себя принцессой, а вы заставили ее поверить этому».

Легко заметить, что во втором сомнамбулизме состояние памяти совершенно отличается от памяти, свойственной всем другим психическим состояниям. Не ограничиваясь тем, что происходит во втором сомнамбулизме, память, свойственная этому состоянию, охватывает всю жизнь субъекта, а также все внушенные ему изменения его личности. Воспоминание об этом сомнамбулизме не всплывает ни в каком ином состоянии. Этими свойствами памяти второй сомнамбулизм и отличается от первого. Причем, так как состояние памяти имеет большое значение в данных явлениях, то я думаю, что могу пользоваться различием в памяти для разграничения двух описанных изменений личности (сомнамбулизмов). Эти два изменения обязаны своим возникновением психологическому закону, в силу которого вся совокупность сложных явлений развивается автоматически, когда дано первое простое явление: в одном случае — отправным, т. е. данным пунктом сомнамбулизма является действительное изменение в состоянии чувствительности и памяти; в другом же случае — изменение личности заключается прежде всего во внутренних представлениях и галлюцинациях, и только затем появляются некоторые изменения в области чувствительности и памяти.

Но легко понять, что, оперируя с легко внушаемыми лицами, можно с помощью внушения создавать у последних состояния, весьма аналогичные сомнамбулизму. Если я внушу субъекту характерные свойства, наблюдавшиеся у него в предшествовавшем сомнамбулизме, то он опять заснет, так как внушение заставит его снова пережить ту серию психологических явлений, которые составляют его второе состояние. Быть может, таким образом можно усыпить даже субъектов, не привыкших к сомнамбулизму. Но тогда гипнотическое состояние, думаем, будет менее чистым и ярким и оставит у субъекта некоторые воспоминания, подобно

тому как простое изменение личности оставляет у наших субъектов воспоминание как бы о сновидении. Отправным пунктом естественного сомнамбулизма является изменение в сфере чувств, а внушенный сомнамбулизм является только более или менее точным воспроизведением настоящего гипнотического сна.

Все предыдущие явления внушения, хотя все более и более усложнявшиеся, были еще довольно понятны. А сейчас мы должны отметить более интересные факты, объяснение которых при настоящем состоянии психологии кажется весьма затруднительным. Я говорю о тех внушениях, которые действуют, по видимому, не только на сознание, но и на тело сомнамбулы. Все гипнотизеры и врачи приводили примеры влияния мысли на тело. Но мы остановимся только на том, что сами могли констатировать. «Гипнотизер может достичь того, — писал Шарпиньон, — что внушенная боль вызовет следы раны, или воображаемый горчичник вызовет покраснение кожи».* У больной, истекавшей кровью, кровотечение по воле гипнотизера останавливалось или вновь начиналось. Я производил подобные опыты над Леонией и Розой; например, внушал им ожог. Последний вызвал у Леонии сильное покраснение и вздутие кожи, а у Розы — белые пузыри и струпии, затвердевавшие на следующий день. Но особенно меня заинтересовало одно явление, которое очень легко вызвать, именно — внушение горчичника. Явление это иногда наступало очень медленно, как у Леонии, иногда же скоро, как у Розы. В течение нескольких часов кожа на определенном месте сильно краснела и вздувалась, как после настоящего горчичника, причем следы на коже оставались даже дольше, чем от настоящего горчичника.

Это вздутие кожи находится в тесной зависимости от сознания сомнамбулы. Начинается оно именно в указанном нами месте, но затем принимает форму, зависящую уже от сознания самого субъекта. Однажды я сказал Розе, страдавшей истерическими судорогами желудка, что я поставил ей на больное место горчичник. Спустя несколько часов я констатировал вздутие кожи темно-красного цвета, имевшее форму удлиненного прямоугольника. При этом мне бросилась в глаза одна странность: все углы этой фигуры были как бы срезаны. Я заметил больной,

---

* Charpignon. Physiologie magnétique.

что ее горчичник имеет странную форму. «Разве Вы не знаете, — ответила она, — что у бумаги Риголло всегда обрезают углы, чтобы она не причиняла боль?» Имеющееся у нее представление о форме горчичника определило размер и форму красноты. В другой раз я попробовал (такие горчичники легко избавляли ее от контрактур и всяких болезненных ощущений) внушить ей, что я вырезал бумагу для горчичника в форме звезды с шестью концами — тогда красное пятно на указанном месте получилось именно такой формы. Я внушил Леонии горчичник в форме буквы S на левой стороне груди, чтобы избавить ее от нервной астмы. Мое внушение совершенно излечило больную, но запечатлело на ее груди отчетливое большое S. Мы не станем приводить здесь других примеров влияния мысли на тело, так как сейчас это не входит в нашу задачу. Здесь мы говорим только о тех внушениях, которые сознательно выполняются субъектами в одном и том же психическом состоянии.

Другие вызываемые внушением явления — контрактуры, анестезии, амнезии, параличи — требуют, по нашему мнению, особого обсуждения и должны быть рассмотрены отдельно. Описанные же выше явления, хотя во многом и отличаются друг от друга, составляют одну группу явлений с общими характерными признаками и могут быть объяснены одинаковым образом.

3. РАЗЛИЧНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ВНУШЕНИЯ

Прежние гипнотизеры объясняли повиновение сомнамбулы тому, кто усыпляет ее, смешением их нервных флюидов. Даже сегодня некоторые врачи и философы, не задумываясь, описывают подробно физиологию нервных центров во время гипноза. Я удивляюсь этой смелости, но не могу подражать им и потому намерен касаться чисто психологических объяснений этого вопроса.

Все психологические гипотезы очень ясны и, в общем, мало отличаются друг от друга. Это обстоятельство может служить доказательством их близости к истине. Поэтому, не думая вовсе отбрасывать их, мы попытаемся только исправить некоторые преувеличения и уточнить положения, общие для всех гипотез.

Научное объяснение никогда не может быть полным — оно просто связывает явления друг с другом, иногда меняя только определения. От чего же зависит покорность сомнамбул гипнотизеру? Этот вопрос мы должны исследовать обычным путем: наблюдая психические явления, которые сопровождают внушение, вместе с ним исчезают и всегда пропорциональны силе внушения.

1. Внушение как нормальное психологическое явление.

Многие авторы пытались отождествить явления, вызванные внушением, с явлениями, наблюдающимися обычно у вполне здоровых людей. Бернгейм перечисляет все автоматические действия, наблюдающиеся в нормальной жизни, и незаметно доводит нас до явлений внушения. Поль Жане также рекомендует такой метод и, чтобы лишить внушение его магического ореола, сравнивает внушенные действия с заразительным смехом, зевотой и другими подобными явлениями.

В этих сравнениях несомненно есть известная доля истины, на которую мы уже указывали: одно явление не может быть абсолютно и совершенно аномальным, а в известном отношении бывает лишь развитием явления нормального. Не следует, однако, увлекаться этим положением и смешивать всякого рода заболевания с самым прекрасным состоянием здоровья. Не говоря уже о некоторых второстепенных различиях, которые делают нормальные автоматические действия менее сознательными, чем действия, вызванные внушением, я вижу огромную разницу между ними еще в их значении и сложности. Авторы, внимательно изучившие эти явления в нормальной жизни, приводят всегда в качестве примеров ходьбу в ногу, смех молодых девиц и заразительную зевоту. Но между этими фактами, как бы реальны они ни были, и сложными галлюцинациями или изменениями личности путем внушения, лежит целая пропасть. Если я спокойно скажу своему соседу, чтобы он поискал в зале несуществующий букет, он рассмеется надо мной. Если же я скажу это Марии, она побежит за букетом, принесет его и скажет еще, что он хорошо пахнет. В чем заключается психологическое различие между этими двумя лицами? В этом вопросе заключена вся загадка внушения.

Теория, отождествляющая явление внушения с нормальным автоматизмом, имеет еще один существенный недостаток. Она побуждает нас считать внушение основным фактом, который су-

ществует сам по себе, независимо от какого-либо иного явления и который, наоборот, сам объясняет все другие явления. Анестезия, амнезия, изменение личности, сомнамбулизм и т. д. — все является результатом внушения. Что касается самого внушения, то происхождения его не ищут, полагая, что оно является естественно данным фактом. Должен сознаться, что не разделяю этого взгляда. В самом деле, нормальный человек или совсем не внушаем или внушаем в очень ничтожной степени. Говорить, что можно путем внушения усыпить субъекта и затем воспользоваться сном его, чтобы внушить ему что-либо — значит утверждать, что путем внушения можно невнушаемого субъекта сделать внушаемым: такого факта я не могу допустить. Внушение не может ни создавать, ни разрушать самого себя: невнушаемому субъекту нельзя внушить быть внушаемым, и наоборот.

Внушение, как и воспитание, пользуется уже заложенным предрасположением, но не создает его. Как есть животные и даже люди, которых никакое воспитание не может перевоспитать, так есть и люди (таких, к счастью, большинство), которые не поддаются внушению и начинают поддаваться ему только после случайного изменения психики. «Желание объяснить все внушением чрезмерно велико, — говорит Дюран де Грос, — но для того, чтобы внушить что-либо субъекту, следует последнего сделать сначала внушаемым, т. е. развить в нем при помощи месмерических пассов, либо приемов Брэд предрасположение к влиянию внушенной мысли. Следовательно, еще до самого внушения и помимо него имеется нечто отличное от него. А гипнотические приемы и создают в человеке это предварительное состояние внушаемости».* Хотя приведенное мнение, по-видимому, связывает внушение только с сомнамбулизмом, мы считаем его в целом справедливым. Посмотрим теперь, каково то состояние, от которого зависят описанные выше явления.

2. Объяснение внушения сомнамбулическим состоянием. Приведенная выдержка из Дюран де Грос знакомит нас с наиболее распространенной гипотезой, согласно которой явления внушения зависят от сомнамбулического состояния. С одной стороны, это состояние определяется исключительно способностью вос-

---

* Durand de Gros (Dr. Philips). Revue hypnotique. I. P. 351.

принимать внушения, а с другой — внушение бывает тем сильнее и действеннее, чем глубже сомнамбулизм. Таким образом проблема внушения сводится к вопросу о сомнамбулизме, и объяснение последнего следует применить также и к внушению. «Главное явление сомнамбулизма заключается, — говорит Рише, — в автоматизме, который выливается в различные формы, в зависимости от разных лиц и приемов. Автоматизм или абулия характеризуют сомнамбулизм как с психической, так и физической точек зрения».* «Сомнамбулизм, — говорит Дедин, — характеризуется, по-видимому, наличием одной только автоматической деятельности мозга при исчезновении сознательной деятельности, в которой обнаруживается наше „я“». «В сомнамбулизме, — говорит Бони, — наблюдается абсолютный автоматизм и субъект сохраняет свою волю и способность к произвольным действиям лишь в той степени, насколько этого хочет его гипнотизер». Наконец, Бернгейм, мысли которого я не хотел бы исказить, так как этот автор является одним из тех, которые больше всех настаивали на значении внушения вне сомнамбулизма, по-видимому, также склоняется к вышеизложенному мнению и неоднократно высказывает, что «гипнотическое состояние увеличивает нормальную внушаемость» и что «в сомнамбулизме внушение достигает своего максимального действия».** Несомненно, в этой гипотезе, связывающей внушение с сомнамбулизмом, есть известная доля истины, которую не следует отрицать: состояние внушаемости наблюдается часто — особенно в начале — в гипнотическом сне, и именно в этом состоянии способность воспринимать внушения была констатирована и изучена впервые. С практической точки зрения иногда бывает полезно загипнотизировать субъекта, чтобы внушить ему что-либо. Но с теоретической точки зрения это отождествление двух явлений представляет, мне кажется, некоторые неудобства и может привести к неправильному толкованию сомнамбулизма. В предыдущей главе мы объяснили это состояние, не вдаваясь в объяснение явлений внушения. Теперь же нам нужно показать, что последние в самом деле не зависят от сомнамбулизма. Способность воспринимать внушения может

---

* Ch. Richet *L'homme et l'intelligence*. P. 530.

** Bernheim. *De la suggestion*. 1885. P. 166.

быть очень развита вне искусственного сомнамбулизма и может совершенно отсутствовать в глубоком гипнотическом сне. Словом, внушаемость не изменяется одновременно и в том же направлении, что и само сомнамбулическое состояние.

Гипнотический сомнамбулизм отличается несколько от сомнамбулизма естественного; но и в последнем наблюдаются очень яркие явления внушения. Наиболее убедительными в этом отношении являются наблюдения д-ра Мэнэ. Давая субъекту в руки различные предметы во время припадков естественного сомнамбулизма, он внушал ему, что он сражается с ружьем в руках, или пишет письмо, или поет в кабаре.* Далее этот автор рассказывает, что мог разговаривать с одной женщиной, находившейся в естественном сомнамбулизме, и однажды велел ей обойти двадцать раз вокруг сада. Она машинально ответила «да» и бросилась из комнаты, как бы движимая какой-то силой. Известны также влияние внушения на сновидения спящих лиц и любопытные эксперименты Мори.** Естественный сон считается обычно совершенно тождественным гипнотическому сну, и влияние внушений на сновидения не кажется чем-то новым. Это не совсем справедливо, так как между сомнамбулизмом и сном есть значительная разница. И мне непонятно стремление многих авторов уподоблять состояние загипнотизированного субъекта настоящему сну. Утверждать, что Люси спит, когда она ведет себя так шумно, равносильно утверждению, что мы сами всегда спим и никогда не находимся наяву. Однако внушаемость легко констатировать при самых различных состояниях.

Способность поддаваться внушениям мы встречаем при опьянении гашишем и при алкоголическом бреде. Некий Р. поступил в больницу с приступом алкоголического бреда. Он кричал всю ночь: ему казалось, что по постели бегают разные животные, и что кто-то убивает всех находящихся в больнице людей. На другое утро он успокоился, стал всех узнавать и осмысленно разговаривать. И что же? Стоит только сказать ему: «Что это, неужели крыса у вас на постели? Прогоните ее или поймайте ее», — как он моментально вскакивает, трясет одеялом и бежит за

---

* Mesnet. Automatismes. 1874. P. 16.

** Maury. Le sommeil et les rêves.

воображаемой крысой. «Возьмите, вот ключ, откройте этот шкаф и принесите мне салфетку», — он схватывает воображаемый ключ, бежит к стене, у которой нет никакого шкафа, потом возвращается с расставленными пустыми руками и говорит: «Вот салфетка». Я показываю ему цветы в вазе, парализую его конечности, делаю его слепым — и все это одним простым словом. Является ли этот субъект сомнамбулой? Вовсе нет, он остается всегда в своем нормальном состоянии, полностью сохраняя воспоминания обо всем, что говорит (хотя воспоминание о внушенных действиях исчезает довольно быстро). В данном случае внушение оказывает действие на субъекта, которого никогда не пробовали гипнотизировать.

Также обстоит дело и при опьянении гашишем. Я не привожу здесь своих собственных наблюдений, так как такого рода опьянение я наблюдал только один раз и то при неблагоприятных условиях. К тому же описания Моро де Тур настолько хороши и точны, что я не могу не привести их здесь. «Предоставленный самому себе, человек, опьяненный гашишем, будет испытывать влияния всего, что производит впечатление на его зрение, слух и т. д. Слово, жест, шум, малейший звук — все это придает его видениям определенный характер. Достаточно нескольких слов, чтобы радостное настроение сменилось у него грустью и все до-толе веселые мысли стали мрачными». «Один молодой человек, опьяненный гашишем, убежден, что умирает; ему показывают повешенную на стене палку и говорят: „Это вас так повесили...“ — „Я знал это,— отвечает он,— ужасно умереть таким молодым“».* В данном случае явление внушения очень ярко. Но так бывает только тогда, когда бред достаточно силен. В других же случаях представления только проходят через сознание, не задерживаясь.

Нет нужды останавливаться на других патологических состояниях, как, например, некоторых припадках истерии или каталепсии, когда субъекты повторяют слова, которые слышат; принимают позы, которые видят на картинах, и подражают друг другу. Некоторые из этих явлений мы уже описали выше. Остановимся лучше на внушаемости, которую иногда очень легко наблюдать при состояниях, внешне совершенно нормальных.

---

* Moreau de Tours. Le haschich. P. 156.

Известно, что некоторые лица способны воспринимать внушения наяву, не испытывая никакого изменения сознания. Факт этот, уже отмеченный некоторыми гипнотизерами, был предметом особых исследований Рише, Бернгейма и многих других, и он имеет очень важное значение. Мария, двадцатилетняя интеллигентная девушка, обладает, по-видимому, как и все люди, той свободой воли, которой мы так гордимся. Не усыпляя ее, я подхожу к ней и говорю спокойно и отчетливо: «Мария, в левом углу комнаты есть большой букет роз, поди, принеси мне его». Она тотчас же бежит в другой конец комнаты и приносит двумя руками воображаемый огромный предмет, наклоня время от времени голову, чтобы понюхать его. Подойдя ко мне, она говорит: «Значит, это ваш прекрасный букет... Мне очень приятно... Он очень хорошо пахнет». Тогда я говорю ей: «Я принес тебе хороший персик. Вот он на столе. Предложи половину г-же Х. и съешь свою долю». — «О, какой он большой, я не съем его одна!» Она берет ножик, режет по воздуху, дает кусочек удивленной Х. и сама ест с очень довольным видом. Опыты эти удаются также с Розой и со многими другими, хотя, пожалуй, с меньшей живостью. С Люси, Леонией или N. эти опыты не дают никаких результатов, так как эти женщины, как мы ниже увидим, исполняют такого рода внушения бессознательно. Но мне могут возразить, что Мария часто бывала гипнотизирована мною, и поэтому она повинуется внушению.

Пусть будет так. Приведу еще три наблюдения, которые мне кажутся необычными: 1) женщина тридцати лет, которую гипнотизировали десять лет тому назад; 2) молодая женщина двадцати двух лет, которую никто никогда не усыплял; 3) молодая девушка Бланш пятнадцати лет, о которой я упоминал и которую также никто не гипнотизировал. Всех трех наяву можно назвать настоящими сознательными автоматами. Достаточно сообщить им представление о каком-либо акте, чтобы последний был немедленно совершен. Они бесконечно долго сохраняют положения, которые им придают, подражают движениям других лиц, испытывают всякого рода галлюцинации и т. д. Одна из них, В., видит, что я выхожу из комнаты и затем возвращаюсь через окно, или думает, что я разговариваю с нею через стену, тогда как я все время нахожусь рядом с нею. Бланш, которой я говорю, что в комнату вошел слон, отстраняется, чтобы пропустить его, и забавляется,

протягивая воображаемому слону хлеба, чтобы тот взял его своим хоботом. Одним словом, они более внушаемы, чем самые покорные сомнамбулы, но, повторяю, они вовсе не в сомнамбулизме. Последний является как бы вторым существованием, которое прерывает нормальную жизнь и не оставляет по себе воспоминаний. Эти же женщины остаются всегда в одном и том же состоянии, и воспоминание о происшедшем не исчезает у них из сознания. Например, спустя два часа В. спрашивает меня, как я мог влезть в окно, ничего не разбив.

Я склонен думать, что эта внушаемость наяву, в промежутках между сомнамбулическими состояниями или даже без всяких сомнамбулизмов, встречается довольно часто у невропатов. Я наблюдал ее приблизительно на двадцати лицах, но если заняться серьезным исследованием этого свойства, то можно констатировать ее почти у всех больных. Это дает мне возможность понять то обстоятельство, что сон вызывается у таких лиц простым утверждением. Так как эти субъекты без всякой специальной подготовки испытывают все, что им говорят, то легко понять, что, когда им велят заснуть, они располагаются в положении спящего человека и иногда действительно засыпают. Но, как мы сказали, это не настоящий сомнамбулизм. У них обычно не наблюдается (если только это не развивают искусственно) ни изменений в области чувствительности, ни характерных изменений памяти. Перед нами все тот же субъект, только глаза у него закрыты, и он выглядит сонным, потому что изображает спящего субъекта, как прежде изображал субъекта плачущего или смеющегося. Внушаемость его не стала больше или меньше, чем раньше. Он будет видеть все, что ему внушают: по одному слову проснется, т. е. переменит положение точно так же, как он поднимает руку, когда ему велят.

Некоторые экспериментаторы часто ошибаются, когда думают, что приводят субъекта в состояние сомнамбулизма, тогда как на самом деле вовсе не изменяют его состояния. Констатируют у субъекта покорность и пассивность и приписывают это мнимому сомнамбулизму, так как не исследуют, не обладал ли данный субъект и раньше точно такими же свойствами. Так дело обстоит у Бланш: вместо того чтобы внушить ей ходить или молиться, я велю ей уснуть и она ложится навзничь с видом крепко спящего человека. Факт этот с первого взгляда как будто

доказывает два положения: во-первых, возможность возникновения сомнамбулизма под влиянием простого внушения (так как она может говорить и двигаться, как сомнамбула) и, во-вторых, тождественность сомнамбулизма с обычным сном. В действительности же состояние Бланш нельзя назвать ни сомнамбулизмом, ни настоящим сном: жизнь ее не прерывается новым существованием, и сознание не исчезает, она остается в своем обычном состоянии. Я не знаю, могла ли она впасть в настоящий сомнамбулизм. Чтобы проверить это, нужно было бы применить к ней другие приемы, способные вызвать более действительные изменения сознания.

Рассмотрим теперь этот вопрос с другой стороны и спросим, всегда ли сомнамбулизм, когда наличие его может быть доказано другими характерными признаками, сопровождается высокой степенью внушаемости? Если внушение действует вне сомнамбулизма, то влияет ли оно всегда во всей своей силе и на сомнамбул? Нужно признать, что некоторые субъекты очень восприимчивы к внушению в гипнотическом сне — особенно в начале экспериментов. Если быстро усыплять их и затем пробуждать вскоре после того, как они впали в сомнамбулизм, т. е. не давать второму существованию развиваться, то субъекты будут оставаться только в начальной стадии сомнамбулизма, когда внушение оказывает на них могущественное действие. Но если хотят посвятить больше времени изучению сомнамбулизма, то, мне кажется, полезнее будет не слишком торопиться и дольше держать субъектов в сомнамбулизме, так как в таком случае можно констатировать весьма интересные изменения. Большинство авторов указывают на пассивность таких субъектов, которые сами не способны сделать ни одного произвольного движения или думать о чем-либо. Это доказывает лишь, что в своих исследованиях данные авторы не пошли дальше первой стадии сомнамбулизма — того почти каталептического состояния, в котором некоторые субъекты остаются довольно долго. Когда второе существование, так сказать, завершено, субъект далеко не пассивен: он делает движения, хочет встать, ходить, пытается сделать тысячу глупостей, так что продержат его в этом состоянии часто бывает очень трудно. Такова, например, Леония или Люси.

В этой стадии внушения далеко не все сильны и могут вызвать всякого рода противодействие. «Пробуждение представлений,—

говорит Шарко, — далеко не так отрывочно, как при каталепсии. Наблюдается тенденция к восстановлению „я“, и субъект может оказывать сопротивление».* Некоторое «я» несомненно восстанавливается. Оно более или менее отличается от личности в нормальном состоянии, но все же существует. У новой личности появляются капризы, бороться с которыми иногда невозможно. Сомнамбула оспаривает мысли, которые стараются ей внушить, то избегая их выполнить разными остроумными способами, то решительно отвергая приказания, которые ей дают. Это противодействие меняется в зависимости от того, что ей приказывают, и почти не существует, если дело идет о каком-нибудь безразличном акте. Наоборот, противодействие бывает громадно, если исполнение внушаемого акта тяжело или просто неприятно субъекту.

С помощью сознательного внушения я никогда не мог заставить Леонию стать на колени в сомнамбулизме. Точно так же мне никогда не удавалось заставить Люси подняться с постели во втором состоянии. «Это противодействие зависит также от моральной силы каждого лица, не одинаковой у всех людей»,** и — нужно добавить — не по отношению ко всем сомнамбулам. Поэтому я не очень напуган предполагаемым огромным социальным бедствием, которое некоторые видят в гипнотическом внушении. Я вполне разделяю мнение Жиль де ла Турет, высказанное им после детального исследования этого противодействия сомнамбул своему гипнотизеру. «Все эти внушенные преступления представляются простыми только в рабочем кабинете, когда кинжалы сделаны из картона и пистолеты фигурируют только в воображении субъекта»***. Но как только внушаемое действие становится более серьезным, как только у субъекта исчезает абсолютная вера в своего гипнотизера, он противится, отказывается выполнить внушенное действие и, если это длится, у него начинается сильный конвульсивный припадок, как это случается всегда с нервными женщинами, когда они находятся в затруднении.

---

* Charcot. *Maladies du système nerveux*. III. P. 339.

** Binet et Féré. *Magnétisme animal*. P. 73, 214.

*** Gillet de la Tourette. *Hypnotisme*. P. 375.

Если субъекты в сомнамбулизме способны к сопротивлению, то они могут также и добровольно соглашаться на что-либо. Очень часто сомнамбула делает то, что ей говорят, из любезности, вызванной различными причинами: прежде всего она почти всегда питает некоторую симпатию к своему гипнотизеру и не любит спорить с ним. Затем, она очень ленива и не хочет оказывать бесполезного противодействия. Наконец, она сама забавляется этими опытами и часто хочет, чтобы они удались. Вообще же сомнамбулы даже слишком охотно исполняют все, что от них требуют. Но действие, исполненное по добровольному согласию или из любезности, не есть внушение. Поэтому за внушение принимали то, что им не было вовсе, или было только отчасти. Итак, мы видим, что на определенной ступени развития сомнамбулизма сопротивление или добровольное согласие субъекта вносят изменение в исполнение внушаемых действий.

Но особенно важное указание дает нам исследование специальных сомнамбулизмов у некоторых субъектов. Встречаются сомнамбулизмы более совершенной формы, существование которых неоспоримо со всех точек зрения и при которых внушаемость полностью исчезает даже у людей, чрезвычайно внушаемых наяву. Многие авторы заметили, что некоторые сомнамбулы в известных состояниях действуют вполне свободно, согласно своей воле. Пюйсегур отметил относительную независимость своей сомнамбулы. Льебо замечает, что нужно уметь выбирать момент для внушения: если сомнамбула разговаривает с другими лицами и мысль ее не сосредоточена, то чаще всего внушение не достигает цели.* Д-р Филипс, который любит образовывать новые слова и отличает первый сомнамбулизм с аллономией (повиновением другим) от второго сомнамбулизма с автономией (произвольность и независимость). Этот второй сомнамбулизм автор почему-то называет сверхфизиологическим, тогда как, по моему мнению, он является наиболее физиологическим или нормальным.** Бернгейм, который прекрасно доказал, что сомнамбула не является чисто физическим автоматом, замечает также, что степень внушаемости не всегда соответствует степени

---

* Liébault. Le sommeil et les états analogues. P. 350.

** D-r Philips. Cours sur le braidisme. P. 97.

развития сомнамбулизма.* Наконец, Азам высказал то же самое в то время, когда вопрос этот был еще недостаточно разработан, называя Фелиду совершенно развившейся сомнамбулой. Существуют стадии сомнамбулизма, которые развиваются постепенно и в которых представления о внешнем мире и независимость сомнамбулы могут достичь совершенства.** Но такого рода наблюдения оказались единичными; они не были проверены другими исследователями и, по-видимому, не изменили взглядов новых авторов на связь между сомнамбулизмом и внушением.

Мы думаем, что можно констатировать и даже произвольно вызвать сомнамбулические состояния, совершенно аналогичные сомнамбулизму Фелиды. Мы описали целый ряд сомнамбулизмов, которые постепенно становятся более глубокими и добиться которых иногда очень трудно. Но в них к субъекту возвращаются вся его чувствительность и все воспоминания, казалось, совершенно утраченные им. В последней стадии сомнамбулизма субъект, как бы болен он ни был наяву, становится в области чувствительности и памяти совершенно подобным самому здоровому и нормальному человеку. Наблюдая это состояние впервые на Люси, я хотел повторить обычные опыты внушения, которые проделывают с сомнамбулами. Люси, казалось, очень удивилась. Сначала не двигалась с места и, наконец, заявила: «Вы, значит, считаете меня очень глупой, если думаете, что я увижу птичку в своей комнате и буду бегать за нею». Нужно заметить, что она только что проделывала это в первом сомнамбулизме, но теперь всякая способность поддаваться внушению исчезла. То же самое наблюдается и у Леонии — быть может, в несколько меньшей степени: будучи очень внушаемой в первом сомнамбулизме, она постепенно теряет эту способность по мере того, как переходит во второй сомнамбулизм.

Явление это особенно интересно наблюдать на Марии и Розе. Во-первых, потому, что между первым и вторым сомнамбулизмами у них не наступает, как у Люси, ни сна, ни внезапного пробуждения: переход из одного состояния в другое происходит медленно и постепенно. Во-вторых, потому, что наяву они чрезвычайно вну-

---

* Bernheim. De la suggestion. P. 149.

** Azam. Double conscience. P. 133, 135.

шаемы. К этим наяву столь пассивным и так легко поддающимся галлюцинациям женщинам по мере того, как они впадают в этот так называемый сон, возвращаются не только чувствительность и все их воспоминания, но и вся их независимость и воля. Даже каталепсия конечностей — неподвижность их в том положении, какое им придают — существующая всегда, если только субъект хоть немного поддается внушению, так же полностью исчезает. Правда, это свойство и вся внушаемость вновь появляются, как только субъект из этого специального сомнамбулизма переходит в свое обычное состояние.

Ж. Жане пытался проделать эти опыты, относящиеся к сомнамбулизму высшей формы, с знаменитой г-жей Витт. Он продолжал делать пассы после первого сомнамбулизма и даже после летаргии субъекта, как я делал это, и получал такие же результаты, хотя не мог их предвидеть.* У этой женщины, Витт, сомнамбулизм которой послужил для изучения всей теории внушаемости, было очень легко вызвать состояние, в котором она была неспособна воспринимать какое бы то ни было внушение.

Последние явления считаю очень важными: они доказывают, что сомнамбулизм является вторым существованием, которое часто не лишено независимости и воли. Причины, которые делают какую-либо личность слабой и способной подчиняться всяким внушениям, встречаются при сомнамбулизме не всегда. Объяснение внушения и его странного могущества нужно искать, следовательно, не в определении сомнамбулизма и не в причинах, его вызывающих.

3. Повышенная психическая возбудимость. Другая интересная гипотеза, принятая более или менее открыто многими авторами, была в нескольких строках предложена Бине и Фере. «Мы думаем, — говорят они, — что причину восприимчивости к внушениям нужно искать во втором явлении, в повышенной психической возбудимости. По нашему мнению, если внушенная идея имеет огромное влияние на разум, чувства и движения за-гипнотизированного субъекта, то это достигается прежде всего ее интенсивностью».** В одной любопытной, но мало убедительной,

---

* J. Janet. Rev. scient. 1888. I. P. 616.

** Binet et Féré. Magnétisme animal. P. 130.

статье, Бине более подробно возвращается к этой гипотезе об интенсивности мысленных образов.* Мне кажется, что можно допустить существование фактов, отмеченных в этом исследовании, но толковать их следует иначе.

По поводу выражения «интенсивность психических явлений» я сделал бы прежде всего несколько замечаний, которые найдут, быть может, слишком абстрактными и, так сказать, метафизическими. Один математик и в то же время философ в одной очень интересной статье по вопросу о психофизике замечает, что ощущения нельзя складывать или соединять знаком равенства, т. е. что два ощущения, какими бы минимальными они ни были, нельзя сравнивать, как математические единицы. Конечно, внешние причины наших ощущений — звук, температура и проч. — и даже вызванные ощущениями воздействия на внешний мир — движения, мышечные сокращения и проч. — измеримы, их интенсивность может быть различной степени. Но могут ли сами ощущения, будучи рассматриваемы с их внутренней и единственно реальной стороны, иметь количественные отношения? Это я считаю недоказанным. Температура подымается от 0 до 15 °С и от 15 до 30 °С, а я ощущаю переход от холодного к теплему и от теплого к горячему. Можно ли говорить, что мое ощущение тепла является кратным моему ощущению холода? Различие это чисто качественное, которое, с точки зрения наших научных представлений о внешнем мире, соответствует несомненно различию количественному, но само не является таковым.

Прежде чем утверждать, что один образ сильнее или слабее другого, следовало бы еще доказать, что оба образа тождественны по своей природе и что мы не принимаем качественное различие за количественное. Именно это происходит в большинстве случаев, приводимых у Бине. У субъекта — говорит он — могут быть представления, которые ему не кажутся галлюцинациями или не проявляются в актах. Например, он может думать о собаке и не видеть ее, слышать внушение какого-либо действия и не выполнять его. Но если настаивают на внушении, то представление превращается в галлюцинацию или действие. Это якобы потому, что вначале представление было слабым,

---

* Binet. L'intensité des images mentales. Rev. philos. 1887. I. P. 473.

а потом стало более интенсивным. Я, наоборот, думаю, что это различие в результатах обуславливается тем, что представление стало совсем иным. Психологические теории, которые справедливо отождествляют образ с ощущением, применимы лишь к простым явлениям: образ голубого цвета (если только он не является простым звуком) тождествен по своей природе с ощущением голубого. Но из этого не следует, что представление о собаке является тем же самым, что и зрительное восприятие собаки, и что между тем и другим имеется лишь различие в степени. Здесь мы имеем дело с двумя группами явлений, которые чрезвычайно отличаются друг от друга по качеству и сложности составляющих их образов.

Представление о собаке может быть только отвлеченной связью между различными образами или свойствами. Оно может быть простым словом разного значения, в зависимости от знаний лица, или смутным образом однообразной окраски; словом, чем-нибудь очень простым. Реальное же восприятие собаки является совокупностью очень различных образов — зрительных, осязательных и даже слуховых. Чтобы перейти от первого ко второму, нужно не усилить представление, а дополнить. Было бы очень нелепо громко повторять субъекту, который едва различает галлюцинацию: «Ты видишь собаку, ты видишь собаку». Это ни к чему не приведет. Нужно дополнить образ и точнее определить его: «Ты видишь уши собаки, хвост, длинную шерсть желтого цвета; слышишь, как она лает». Если же мы имеем дело с субъектом, поддающимся внушению, то нужно дать ему время самому развить внушенный образ. Если в разговоре я вскользь говорю Леонии, что на лугу на берегу реки пасутся бараны и т. д., то каждым словом я пробуждаю неполный туманный образ, и она не испытывает никакой галлюцинации. Но если, сказав ей: «Перед тобой стоит овца», — я внезапно замолкаю, то сознание ее мало-помалу развивает внушенный образ: она видит детали, ощущает шерсть овцы, слышит ее бляение и, наконец, говорит: «Это настоящая овца», т. е. она этим хочет сказать, что перед нею — овца со всеми своими атрибутами, а не интенсивный образ овцы. Сложность образа сделала его объективным. Так же обстоит дело и с внушенными действиями, которые выполняются или нет в зависимости от того, достаточно ли полон внушенный двигательный образ.

Бине ищет доказательств своей теории об интенсивности мысленных образов в исследовании постгипнотических внушений, которыми мы не можем теперь заниматься. Он справедливо замечает, что недостаточно наяву только навести субъекта на мысль о каком-либо акте, чтобы последний был совершен; нужно еще, чтобы действие было действительно внушено ему во время сомнамбулизма и чтобы внушение это не изгладилось из сознания субъекта под влиянием какого-либо припадка или чего-либо другого. Из этого Бине заключает, что представление, внушенное в сомнамбулизме, гораздо интенсивнее представления, которое было внушено наяву. Я не понимаю, почему мысль, внушенная во время сомнамбулизма и забытая по пробуждении, будет интенсивнее той, которая была внушена наяву и воспоминание о которой остается. Я думаю, что точно так же можно было бы утверждать противное. В действительности, мысль, внушенная во время сомнамбулизма, не проявляется в том же виде, в тех же образах и, не входит в состав того же сознания, не ассоциируется с теми же воспоминаниями, как мысль, указанная наяву. Она совершенно иная, а не более интенсивная.

Наконец, Бине приводит и истолковывает один эпизод, который я сам когда-то наблюдал. Заметив, что Люси повиновалась лишь мне одному, и желая понять эту ее разборчивость, я поручил другому лицу сделать днем внушение Люси от моего имени в следующей форме: «Жане желает, чтобы обе ваши руки поднялись вверх». Приказ немедленно выполнялся. Когда же это лицо говорило от своего собственного имени, решительно ничего не удавалось. Бине, рассказывая этот случай, говорит, что приказание, даваемое от моего имени, было более интенсивным. Я был очень удивлен, читая это объяснение, так как Бине забыл, по-видимому, одну из наиболее остроумных и верных теорий, созданию которой он сам способствовал: теорию внушений, связанных с условным знаком. Когда говорят субъекту, что на таком-то листе бумаги есть какой-нибудь портрет, то почему он видит его именно на этом листе бумаги, а не на другом? Потому ли, что образ этого листа бумаги обладает большей интенсивностью? Нет, автор указывает нам, что портрет ассоциируется именно с тем листом бумаги и соответствующий образ выплывает только при виде этого листа. Почему тогда не сказать, что внушаемость

Люси явилась результатом привычки и, так сказать, дрессировки, а повиновение ее связывается всегда с одним и тем же условным знаком, которым являюсь я и мое имя?

Мое имя вызвало акт у Люси в силу своего качества, а не интенсивности. Люси, повинувшись другому лицу, приказывающему ей от моего имени, ошибается (правда, бессознательно, что, как мы увидим, не имеет значения), как ошибается сомнамбула, которая видит портрет не на указанном листе бумаги, а на другом. Впрочем, в сомнамбулизме, который наступает после этого опыта, она приходит в ярость от своего автоматического заблуждения и обещает более не попадаться. Она сдержала свое слово, и опыт этот никогда больше не удавался. Такие ошибки нередки у сомнамбул. Однажды я приказал N. уснуть, когда я подниму руку: она стала засыпать, когда руку поднимало другое лицо — вот бессознательная оплошность, на какую не способны ни Люси, ни Леония. Разве образ поднимающейся руки постороннего человека для N. более интенсивен, чем для Люси? Наоборот, мне кажется, что он менее интенсивен, так как эта рука смешивается с моей.

Я оставляю в стороне параличи и анестезии, которые Бине объясняет ослаблением образов, но которые, по моему, обуславливаются совершенно другой причиной;* я хочу остановиться только на одном выражении этого автора. Субъекты внушаемые, говорит он, отличаются *повышенной психической возбудимостью*, которая обуславливает появление галлюцинаций и всяких импульсов. Выражение это имеет большое значение, ибо его можно встретить у различных авторов. То же говорит в своей патологической психологии Моро де Тур, приписывая происхождение импульсов *психическому возбуждению*. Это крайне неточное выражение во многом способствовало тому, что автор увлекся своим знаменитым парадоксом о гении и безумии, «так легко мы поддаемся обману слов». Не говоря о вытекающих из него выводах, исследуем выражение само по себе. Можно ли сказать, что субъекты внушаемые отличаются с психологической точки зрения повышенной возбудимостью? Но ведь все эти люди страдают всякого рода параличами, анестезией, амнезией и т. д., что никогда не являлось доказательством повышенной чувствительности. Люси

---

* См.: вторая часть, гл. II.

страдает полной анестезией; Роза анестезична и парализована на обе ноги; Мария полуанестезична, слепа на один глаз и не слышит одним ухом; у Бланш общая чувствительность доведена до минимума. Как же можно говорить, что, если Люси повинуется моему голосу, это доказывает, что психическое явление, в данном случае слуховой образ, оказывается более интенсивным в ее сознании из-за повышенной возбудимости? Значит, для нее мой голос гремит, как пушечный выстрел? Но нет — она наполовину глуха и едва слышит меня. Можно ли сказать, что Мария подражает моим движениям потому, что соответствующий зрительный образ обладает у нее большей интенсивностью, чем у какой-либо другой женщины? Но ведь она почти слепа и может читать только самые большие буквы на висящем на стене картоне — странные проявления повышенной возбудимости! Мне скажут, что эта возбудимость относится не к чувствам, а ко всему складу психики. Пусть будет так; но что думать тогда о таком субъекте, как Бланш, наиболее внушаемой из всех, которых я видел, ведь она почти идиотка, остается целый день неподвижной и проявляет некоторую активность только во время еды!

Одним словом, исследуйте хорошенько людей, поддающихся внушению, и вы найдете, что они слабы и отличаются пониженной, так сказать, а не повышенной возбудимостью. Проверим теперь эту гипотезу обратным путем: будем возбуждать этих субъектов, для чего я часто пользовался пассами — не потому, что я приписывал им особенное значение, а потому, что на практике это было великолепным способом для возбуждения чувствительности у истерических. Однако, если этот способ не нравится, можно применить другие приемы. Лучшим способом несомненно была бы электрическая ванна со статической машиной, но психологи не имеют еще в своем распоряжении хорошо оборудованных лабораторий. Пропустим тогда электрический ток средней интенсивности через руки, ноги и весь корпус анестетичного субъекта, например, Розы, или, еще проще, положим ей на лоб несколько свинцовых или оловянных пластинок, которые оказывают на нее влияние. Спустя некоторое, иногда довольно продолжительное, время, если с ней не случается припадка, у нее восстанавливается полная чувствительность. Теперь она, действительно, отличается повышенной психической возбудимостью — воспринимает самые

поверхностные впечатления и вспоминает все подробности своей жизни. И что же? В этом состоянии, как мы уже заметили, она становится совершенно внушаемой. Слух ее, сделавшийся чрезвычайно тонким (таким, что она улавливает все самые легкие звуки), не обуславливает более ни галлюцинаций, ни импульсов. Зрение, ставшее очень острым, не вызывает ни одного подражания. Субъект сделался совершенно нормальным в смысле появления воли, чувствительности и памяти. Явление это может быть проверено на Люси и Марии и позволяет нам заключить, что внушаемость является доказательством скорее вялости, чем интенсивности психических процессов.

4. АМНЕЗИЯ И РАССЕЯННОСТЬ

Наиболее правдоподобной кажется нам теория Рише, с которой согласуются и наши опыты. Приведя несколько примеров наиболее интересных изменений личности под влиянием внушения, Рише говорит, что здесь мы имеем дело с двумя важными явлениями: забыванием всех понятий, связанных с прежней личностью, и с образованием нового понятия о личности: «Сначала они теряют представление о своей прежней жизни и потом начинают поступать, говорить и думать так же, как то лицо, о котором им говорят».* Позднее, разбирая этот вопрос с более общей точки зрения, Рише говорил, что внушаемость или ослабление личной воли, вероятно, можно объяснить известной анестезией. «Чтобы задержать развитие какой-либо мысли, нужно, чтобы возникла другая мысль, противоположная ей. Так же и для задержания развития какого-либо чувства нужно, чтобы появилось другое, более сильное чувство. Можно предположить, что в данном случае не хватает памяти для двух чувств или двух мыслей одновременно».** Предположение это кажется мне справедливым, несмотря на все сделанные против него возражения.

В самом деле, легко заметить, что в тот момент, когда субъекты отдаются какому-либо одному внушению, они забывают реши-

---

* Ch. Richet L'homme et l'intelligence. P. 236.

** Там же. P. 529.

тельно все и не могут вспомнить ни одной идеи, противоположной той, которая всецело завладевает их сознанием. Когда В. кажется, что я возвращаюсь в комнату через окно, она забывает, что окно заперто, занавеси опущены и что снаружи их нельзя открыть. Когда Бланш видит слона, о котором я ей говорю, она забывает, что мы сидим у меня в кабинете, что входная дверь недостаточно велика, что есть еще лестница и коридор, где слон почти не может пройти и т. д. Когда я говорю Розе, что мы поднимаемся на самый верх Эйфелевой башни, она забывает, что башня еще не окончена, хотя она сама это только что сказала. Наоборот, как только субъект теряет способность поддаваться внушению, у него прежде всего наблюдается возвращение этих взаимоисключающих представлений. Выше я указывал, что Люси во втором сомнамбулизме смеется над внушением: «Вы, значит, считаете меня очень глупой, если думаете, что я увижу птичку *в своей комнате*», — говорит она. Следовательно, она вспоминает, что находится у себя в комнате, куда птицы не влетают и т. д. Наконец, мы можем опытным путем проверить это положение: сообщая субъекту утраченные им воспоминания, мы остановим внушенное действие, которое осуществилось бы без этой предосторожности. По моему приказу Бланш высовывает язык; я говорю ей, что перед нею стоит ее отец, и она тотчас же перестает гримасничать. Она делает мне нос; но, когда я говорю, что это неприлично, рука ее тотчас же опускается. Однако, для того, чтобы эти противоположные образы могли остановить внушенное действие, нужно, чтобы они возникали в достаточно большом количестве — особенно при начале внушения. Эти различные факты прекрасно доказывают, что *действия, выполняемые под влиянием внушения, сопровождаются всегда значительной амнезией.*

Таким образом, амнезию можно было бы считать главной причиной внушаемости, как и сам сомнамбулизм — такую огромную роль играет память в нашей психической жизни. Однако амнезия, как и сама память, не может быть первоначальным явлением. Мы уже отметили это, говоря об изменениях памяти при различных стадиях сомнамбулизма. Амнезия обуславливается анестезией, подобно тому, как память зависит от ощущения: так как данное лицо утратило способность испытывать известное ощущение, то оно не может больше вспомнить и соответствующего образа.

Если у наших субъектов в момент выполнения ими внушения наблюдается амнезия, то у них должна быть констатирована и соответствующая анестезия.

На некоторых из наших больных этот факт, пожалуй, довольно легко проверить, так как общая чувствительность у них всегда значительно понижена. Резюмируя свои собственные наблюдения, я могу сказать, что у большинства явно внушаемых лиц наблюдаются более или менее серьезные анестезии. У алкоголиков большая часть кожной поверхности нечувствительна. Естественные сомнамбулы Мэне были лишены многих чувств. У истерических больных, которых я наблюдал, точно так же были важные дефекты в области чувствительности. С другой стороны, излечение этих больных характеризуется главным образом возвращением утраченных ощущений, и с этой точки зрения можно было бы сказать, что *внушение связано с анестезией*, которая лишает субъекта не только специальных ощущений, но и всех воспоминаний, выраженных в соответственных образах.

Такого рода доказательство было бы, однако, совершенно недостаточно: в самом деле — с одной стороны, можно встретить лиц очень внушаемых, которые анестезичны лишь в самой незначительной степени или же совсем не анестезичны. В. может быть прекрасным примером этой категории: будучи чрезвычайно внушаемой, она сохранила нетронутыми функции всех органов чувств. С другой стороны — постоянная истерическая анестезия не объясняет той амнезии, которая сопровождает и обуславливает эту способность поддаваться внушению. Потеря осязательного чувства или же способности различать цвета приводит к забыванию известной категории общих воспоминаний, связанных с осязательными или цветовыми ощущениями, но не объясняет отдельного временного исчезновения известного воспоминания, которое может быть выражено в различных образах. Так, например, когда я говорю Леонии, что она принцесса, она прежде всего забывает, что она крестьянка: это — необходимое условие для дальнейшего развития галлюцинации. Положение это неоспоримо; но наличие у Леонии анестезии не объясняет того факта, что она забывает, что она крестьянка, о чем она только что помнила, хотя состояние ее чувствительности было точно таким же.

Нужно заметить, что существует второй, менее известный вид анестезии, психологическое значение которого также очень велико. Человек с нормальной чувствительностью способен не только пользоваться последовательно всеми своими чувствами, но, кроме того, оценивать одновременно различные ощущения. Находясь в большом обществе, он может следить за разговором и в то же время слышать вопрос, с которым обратился к нему сидящий сзади него; видеть новое лицо, которое входит в комнату, и одновременно сделать кстати какое-нибудь замечание. Все это — очень простые вещи, на которые суггестивные (внушаемые) люди абсолютно неспособны. Если они смотрят на какого-нибудь человека и разговаривают с ним, то они уже не слышат и не видят других людей. У Люси было странное свойство: как только она переставала разговаривать с человеком, она не могла уже больше слышать его. Можно, став позади нее, звать ее и кричать ей на ухо разные ругательства — она не обернется. Более того, можно встать перед ней, показывать ей различные предметы, прикасаться к ней и т. д. — она ничего не заметит. Так же обстоит дело и с Леонией: она вяжет, пишет и т. п. всегда как будто с одинаковым напряжением ума. Можно открыть дверь, прикасаться к ее рукам или лицу, разговаривать с ней — она ничего не заметит. Между прочим, под обеими грудями и на ногте большого пальца у нее есть пункты с повышенной чувствительностью, самое легкое прикосновение к которым вызывает крики от боли и даже конвульсии. Когда же она занята работой или просто разговором, я могу ударить ее по груди или по большому пальцу — она ничего не скажет. При сомнамбулизме часто наблюдается такого рода анестезия: одна сомнамбула слышит лишь голос своего гипнотизера и не слышит голоса других лиц; другая видит только ту лампу, которую он зажег, и не видит той, которую зажгли другие. Мы еще вернемся, если не к объяснению, то, по крайней мере, к описанию этих фактов. Пока же ограничимся только указанием, что эта анестезия встречается не только при сомнамбулизме, но в значительной степени у всех лиц, поддающихся внушению. Она обуславливается состоянием крайней *рассеянности*, которое бывает продолжительным и не является результатом волевого внимания, направленного только в одну сторону. *Это — состояние естественной и постоянной рассеянности, которая мешает данным лицам воспринимать*

какое-либо иное ощущение, кроме того, которое в данный момент заполняет их психику. Наконец, заметим, что, когда эти лица при различных, уже известных нам, обстоятельствах перестают быть внушаемыми, эта рассеянность исчезает. Таким образом, можно сказать, что рассеянность играет важную роль во всех изучаемых нами явлениях.

В самом деле, эта анестезия по рассеянности влечет за собою специальную амнезию, благодаря которой сомнамбулы подаются внушению. Вот — поучительный пример: Люси, которая перестает слышать и видеть людей, как только она с ними не говорит, забывает также об их присутствии, как об этом можно судить по ее поведению. Она воображает, что лица, с которыми она перестала говорить, вышли, и когда ее заставляют вновь обратить внимание на них, она восклицает: «Ах, вы уже вернулись!..» Но, что еще более убедительно, она настолько не замечает их присутствия, что громко рассказывает свои секреты, не смущаясь от присутствия этих лиц. Такова же и Леония — по крайней мере в сомнамбулизме, так как наяву она не поддается внушению. Сначала она говорит, что хочет разговаривать только со мною и не оставит меня. Я заставляю ее говорить с другим лицом, а сам перестаю обращаться к ней — тогда она совершенно забывает меня и, когда это лицо уходит, она хочет последовать за ним, как будто никого больше нет в комнате. Теперь нетрудно понять, почему Леония, когда я говорю ей, что она принцесса, забывает свое положение простой крестьянки. Она становится настолько рассеянной, что перестает замечать свое платье, передник и чепчик — единственные предметы, которые могут теперь напомнить ей о прежней жизни. Такой же рассеянностью объясняется и то, что Мария, не видя больше комнаты, стен и паркета, забывает, что мы находимся в больничной комнате и что никто не принес ей букета. Подобно тому как общая осязательная анестезия лишает нас всех воспоминаний, связанных с чувством осязания, так же и обусловленная рассеянностью анестезия по отношению к определенным предметам лишает нас временно всех воспоминаний, связанных с восприятием этих предметов.

И так как в изученных нами до сих пор явлениях эти вызванные рассеянностью анестезия и амнезия касаются лишь образов, противоположных внушенному действию, то в сознании остается

изолированное и, следовательно, более полное представление о самом этом акте. Известно, сколько глупостей мы можем наде- лать в момент рассеянности. И если принять во внимание условия возникновения этой рассеянности, выполняемый субъектом вну- шенный акт является идеальным для данного состояния.

5. СУЖЕНИЕ ПОЛЯ СОЗНАНИЯ

До сих пор мы в своих исследованиях обращали внимание только на качество явлений, заполняющих сознание; но воз- можно, что между рассмотренными психическими состояниями могут быть другие различия, кроме тех, которые вытекают из слуховых, зрительных и осязательных образов. Не говоря об ин- тенсивности каждого образа (что мы считаем не вполне ясным), нельзя ли предположить, что между психическими явлениями, заполняющими различные сознания, существуют также различия количественные? Это — с одной стороны; с другой стороны — нельзя ли допустить, что люди не в равной степени одарены в этом отношении и в каждый данный момент имеют разное количество представлений? Так как эта гипотеза в состоянии объяснить отмеченные нами свойства анестезии, то постараемся сначала изложить ее и показать, насколько она ясна и правдо- подобна. А затем увидим, каким образом она может объяснить изучаемые нами явления.

«Явления, составляющие предмет физиологии, — писал Спен- сер, — можно представить в виде простого ряда».* В самом деле, очень распространен тот взгляд, что человеческое сознание в каж- дый данный момент содержит только одно явление и что, следо- вательно, психическая жизнь заключается в последовательной смене явлений, которые образуют длинный ряд, заполняющий всю жизнь индивида; так что каждое явление остается изолиро- ванным, не сопровождаясь одновременно другими явлениями. Конечно, у нас есть представление о сосуществовании и даже понятие о рассеянных в пространстве предметах; но это понятие является далеко не примитивным, а образуется из понятий о по-

---

* Н. Spencer. Principes de psychologie.

следовательной смене и из представления о времени. Мы знаем, что Спенсер старается образовать отношения сосуществования путем соединения двух отношений последовательности, и что со времени Дж. Ст. Милля английская школа старается доказать, что «время — отец пространства». Если принять всецело это мнение, как это делает Тэн (который рассматривает сознание, как непротяженный центр, как нечто вроде математической точки), то, пожалуй, покажется нелепым говорить о количестве психических явлений в сознании в данный момент, ибо в каждый момент это количество должно быть равным единице. Однако мы могли бы сделать некоторые ограничения: как показали прекрасные исследования Вундта и его учеников по вопросу о длительности психических явлений, последние не всегда сменяют друг друга с одинаковой скоростью, и два субъекта одновременно могут располагать весьма различным количеством умственных образов.

Но не думаем, что можно принять без оговорок гипотезу Дж. Ст. Милля и Спенсера и сузить таким образом объем сознания. Несмотря на любопытные доказательства, представленные английскими психологами, мы вообще не считаем возможным выводить понятие о пространстве из понятия о времени и отношения сосуществования из отношения последовательности. Представление о пространстве, являясь первоначальным понятием, на самом деле возникает из ощущения протяженности, которое мы испытываем благодаря реальному сосуществованию большого числа одновременных зрительных или осязательных ощущений. С другой стороны, самонаблюдение показывает нам, что сознание не ограничено одним явлением: в то время, когда я пишу эту страницу и размышляю о различных мнениях философов об объеме сознания, я вижу бумагу, лампу, комнату и в то же время слышу в соседнем доме музыку, производящую на меня неприятное впечатление. Все это существует одновременно в моем сознании. Я не говорю, что это благоприятствует моей работе — конечно, было бы лучше думать только о последней. Но и при таких условиях работа подвигается вперед, несмотря на брожение ощущений и образов, которые в данный момент сталкиваются в моем сознании. Да может ли, впрочем, быть иначе? Ведь для каждого действия, например, акта писания, требуется несколько сознательных явлений — нужно видеть бумагу, перо, черные

значки; нужны слуховые или мышечные образы слов, словесные выражения мыслей и проч. Если бы у меня в голове находился один только образ, я без сомнения прекрасно сумел бы выразить его, потому что он был бы передан всем моим существом. Но тогда я бы уже не двигался, не мыслил и превратился бы в статую, как изученные нами каталептики.

При каталепсии, в самом деле, наблюдается почти абсолютное единство сознания, именно — в самом начале пробуждения сознания из какого-то небытия, когда истощенная психика не в силах воспринимать несколько ощущений одновременно. Тогда в наличии только одно ощущение — оно живет своей собственной жизнью и придает этим лицам вид человека-автомата. С другой стороны, возможно также, что в противоположном конце умственного развития, когда совершеннейшая психика даст возможность одному лицу охватить в широком синтезе все ощущения, которые оно испытывает или все образы, которые всплывают у него в памяти — быть может тогда, если это состояние возможно, мы встретимся вновь с психическим единством, осуществляемым великими гениями в моменты высокого умственного подъема. Но обычно сознание не опускается так низко и не поднимается так высоко: оно держится на средней высоте, при которой образы, находящиеся в сознании, очень многочисленны, но далеко не все систематизированы. Это прекрасно понимал Дюмон, когда говорил, что «в нас в каждый момент имеется группа сосуществующих ощущений... Наше „я“ есть одновременно ряд и группа, оно есть ряд групп». * Такой же взгляд высказал и д-р Охорович. «Наяву, — говорит он, — несмотря на кажущийся моноидеизм, введший в заблуждение многих психологов, наше сознание всегда очень сложно. У нас имеется одновременно целая масса ощущений, которые ведут борьбу между собою, и целая масса воспоминаний, которые стараются освободиться из-под власти доминирующих идей». **

Нужно заметить, что к этому взгляду присоединяется и Спенсер, когда речь идет об объяснении реального явления. «Во сне сознание подобно сознанию старого или умственно вялого человека; элементы его менее связны и не *столь многочисленны...*

---

* Dumont. Theorie scientifique de la sensibilité. P. 85, 87.

** Ochorowicz. Suggestion mentale. P. 502.

Сужение поля сознания выражается в отсутствии тех многочисленных побочных мыслей, которые обычно вызываются сменой впечатлений». * В другом месте Спенсер говорит: «Хотя явления сознания образуют один ряд, в них наблюдается несколько изменений одновременно: зрительное поле не ограничивается только одним пунктом — имеется также сознание соседних точек... Цельное сознание состоит из многочисленных нитей: внешние слабы и плохо скреплены, внутренние же стянуты туго и образуют то, что мы можем назвать собственно сознанием». Последнее замечание очень верно. Эта небольшая группа явлений, известных лучше, чем другие, создается вниманием (апперцепция, как сказал бы Вундт), которое не захватывает такой широкой области, как само сознание. Тем не менее автор все-таки признает, что человеческое сознание охватывает обычно большое количество соприкасающихся и сосуществующих образов.

Спенсер предлагает также превосходный термин, очень точный и полезный, который мы и сохраним: *область или поле сознания*. Действительно, мы знаем, что называется зрительным полем: это — объем пространства, откуда мы можем воспринимать зрительные ощущения при неподвижности глаза и фиксации взора. Нельзя ли назвать также полем или максимальным объемом сознания наибольшее число простых или относительно простых образов, которые одновременно могут находиться в одном и том же сознании, и нельзя ли сохранить термин Вундта «пункт внутреннего взора» для той части явлений сознания, на которую направлено внимание субъекта? Я думаю, что для экспериментальной психологии было бы чрезвычайно важно иметь возможность определить, хотя бы приблизительно, поле сознания, как измеряют поле зрения при помощи периметра. Полагаем, что Вундт является единственным автором, который пытался экспериментально определить это. К сожалению, он прибегает к не совсем ясным рассуждениям и приемам и, слишком быстро решая этот трудный вопрос, приходит к заключению, что «максимальным объемом сознания можно считать двенадцать простых представлений». ** Я нахожу, что число это

---

* H. Spencer. Principes de psychologie. I. P. 645.

** Wundt. Éléments de psychologie physiologique.

слишком незначительно. Зрительное поле обоих глаз, которое является только небольшой частью всего поля сознания, включает одновременно гораздо больше двенадцати зрительных ощущений. Сознание же, которое охватывает помимо зрительных и другие ощущения и образы, должно содержать их еще больше. Однако в этой области можно задать много вопросов о самом значении слов и о понятии, которое мы составили себе о простом представлении, — вопросов, которые делают эту проблему одной из самых сложных задач экспериментальной психологии.

Несмотря на эти затруднения и на невозможность в настоящее время произвести точные измерения, мне кажется все-таки, что есть один пункт, который довольно легко установить. Поле сознания может меняться подобно полю зрения: оно разное у всех людей и не остается всегда неизменным у одного и того же субъекта.

Между субъектом в каталепсии, в сознании которого, как мы показали, находится одновременно только один образ, и капельмейстером оркестра, который одновременно слышит все инструменты, видит актеров и следит, на память или по нотам, за партитурой оперы, существует ряд промежуточных ступеней. Сейчас нас больше всего интересуют низшие ступени, так как легко доказать, что у внушаемых субъектов поле сознания очень сужено и что это обстоятельство играет большую роль в изменениях их воли.

Сужение поля сознания, хотя мы и не можем измерять его прямым путем, обнаруживается несколько косвенным образом в появлении анестезии. Возьмем двух субъектов, у которых в данный момент поле сознания разное: например, один субъект воспринимает десять явлений, другой — только пять; не должны ли мы заключить, что второй субъект, по крайней мере в этот момент, не может воспринимать еще какие-то пять явлений и что он в известной степени временно анестезичен? Точно также, когда Люси может слышать одновременно только одно лицо, я вполне естественно предполагаю, что поле ее сознания ограничено и оно подобно наполненному сосуду, в который нельзя налить больше ни одной капли. Это — только гипотеза, но она хорошо объясняет факты.

Но, скажут мне, анестезия не является доказательством сужения поля сознания, так как образы, возникающие в области сохранившихся чувств, могут быть очень многочисленны и способны возместить потерю в сфере других чувств.

Иногда это так и бывает: у слепых от рождения сохранившиеся чувства делаются более тонкими, совершенствуются и могут иногда заполнить пробел, образовавшийся из-за отсутствия зрительных ощущений. Человек, который внимательно смотрит на один предмет, может не замечать больше других предметов. Но зато от этого предмета он получит больше ощущений, и последние будут более яркие, так что поле его сознания в действительности не будет суженным. Все это верно, но не так обстоит дело при истерической анестезии. Потеря одного чувства не вызывает развития остроты других чувств. При концентрации сознания на одном предмете не увеличивается количество относящихся к этому предмету ощущений, как это бывает при здоровом внимании.

Истерическая больная думает о немногом, но и это немногое кажется ей неясным, так как функции всех оставшихся у нее чувств ослаблены, даже о предметах, на которые смотрит, она имеет очень смутные представления. Истерическая анестезия, даже когда она временная и вызвана рассеянностью, есть потеря без возмещения.

Другим доказательством этого сужения поля сознания у внушаемых субъектов могут служить явления, наблюдаемые у этих лиц, когда их лишают последних сохранившихся у них чувств. Все исследователи отмечают внезапное оупение, исчезновение понятливости и памяти, которые появляются у анестезичной истерической больной, как только ей закрывают глаза или кладут вату в уши.*

По-видимому, при таких условиях для продолжения психической жизни уже недостаточно сохранившихся зрительных или слуховых образов: остававшийся слабый свет, по-видимому, потухает, и все сознание погружается в глубокий сон. В этом отношении между истерическим больным и идиотом, или даже эпилептиком существует огромная разница. Последние, если их

---

* Binet et Féré. Archives de physiologie. 1887. II, 373.

лишить их слабых мыслительных способностей, остаются неподвижными и тупеют, как я констатировал это у R. А большая истерией быстро осваивается и начинает новую психическую жизнь. Быть может, поэтому так легко гипнотизировать истерических больных, закрывая им просто глаза. Оставляя в стороне вопрос о втором существовании, которое может быть выше первого или подобно ему, не доказывает ли этот сон, это внезапное исчезновение у истерической больной обычного сознания при закрывании глаз, что поле сознания у нее очень ограничено и состоит исключительно из тех ощущений, которых ее лишили.

Какие же лица имеют суженное поле сознания и, следовательно, поддаются внушению? На этот вопрос нужно было бы ответить статистическими данными, которых у меня нет. Укажу лишь на то, что считаю вероятным. Лица, у которых поле сознания ограничено, разбиваются на две группы: больных и детей. Мне кажется, что у первых ограничение числа явлений, которые могут входить в одно и то же сознание, обуславливается некоторой психической усталостью или слабостью, так как почти при всех истощающих заболеваниях наблюдаются указанные выше психологические симптомы: рассеянность, сосредоточение всего сознания на одном каком-нибудь пункте, забывание о присутствующих и, наконец, внушаемость, особенно выступающая при некоторых формах тифозной горячки. У детей сознание, по-видимому, мало развито во всех отношениях. Оно ограничено как по своему объему, так и по разнообразию: порывистые действия детей, их наивные понятия, гнев и минутные слезы — все говорит за это.

Но из этого, по моему мнению, вовсе не следует, что детей легко гипнотизировать. Это совсем не одно и то же. При внушении мы обдуманно пользуемся уже существующим механизмом сознания, который и сам по себе действует случайно в течение всего дня. При гипнотизировании же, чтобы вызвать сомнамбулизм, нужно нарушить обычное действие сознания и заменить его другим. К счастью, у детей обычно не наблюдается такой психической неустойчивости и анестезии. Настоящий сомнамбулизм, легко наступающий у ребенка, показался бы мне признаком тяжелой наследственности и начинающегося невроза. Поэтому не следует говорить, что «мама — первый гипнотизер». Это было бы очень

печально. Мать лишь первая руководит понятиями и поступками ребенка, что вполне естественно, ибо у нее есть рассудок и воля, которых еще нет у ребенка.

Почему у людей, впавших в сомнамбулизм, поле сознания иногда очень суживается и появляется способность легко поддаваться внушению? Потому что это состояние сознания часто бывает похоже на сознание больных и детей. В сомнамбулизме субъекты теряют иногда чувствительность, по крайней мере в начале этого состояния. У них наблюдается — говорит Рише — повышенная возбудимость мышц, которая делает их похожими на истерических. Так как субъекты, которых я наблюдал, и наяву были в высшей степени истеричны, то в сомнамбулизме они не могли стать еще более неуравновешенными. Но особенно я был поражен *сходством сомнамбулизического состояния с детством*. Факт этот уже давно был отмечен прежними гипнотизерами. Из современных авторов Фонтан и Сегар справедливо подчеркивали это обстоятельство.* В самом деле, весьма любопытно наблюдать, как тридцатилетние, спокойные и серьезные наяву женщины принимают в сомнамбулизме вид ребенка, жестикулируют, играют, смеются по всякому поводу, разговаривают, картавя, и называют себя разными уменьшительными именами, как будто превращаются в маленьких детей. Быть может восстановление мышечного чувства, которое доминирует в детском возрасте, играет некоторую роль в этом превращении. Но главное в этом явлении то, что в таком сомнамбулизме возникает новая психическая жизнь при наличии весьма небольшого числа воспоминаний. У сомнамбулы могут всплывать воспоминания из нормальной жизни, если спрашивать ее об этом, но самопроизвольно она их не вызывает. Для нее они являются как бы чужими воспоминаниями, высказанными на иностранном языке, который она с трудом понимает. Или же, если она сама вспоминает о событиях своей жизни, она мало считается с ними, как будто это относится к посторонним людям. «Это было бы очень неприятно другой, — говорила Люси 2, — мне же это все равно». Впрочем рассуждения эти, пожалуй, гипотетичны. Достоверно только одно: настоящий сомнамбулизм начинается с остановки деятельности

---

* Fontan et Ségard. Médecine suggestive. 1888. P. 55.

нормального сознания (маленькой смертью Фелиды, как говорил Азам), после которой новое сознание постепенно зарождается и появляется впервые при катаlepsии. Последнее состояние можно назвать почти полным «моноидеизмом». Поле сознания при этом остается довольно ограниченным до тех пор, пока сознание не достигает своего высшего развития и у субъекта исчезает всякая способность поддаваться внушению. Сомнамбулизм благоприятствует внушению не в качестве такового, а потому, что психика во втором существовании своей ограниченностью подобна психике больных или детей.

Итак, сознание в каждый данный момент может распространяться на более или менее широкую область. Наблюдая у кого-либо *способность поддаваться внушению* или, вернее, забывание и рассеянность, которыми и объясняется сама внушаемость, мы в то же время констатируем у этого лица *заметное сужение поля сознания* и значительное уменьшение количества образов, которые могут находиться в сознании одновременно.

6. ТОЛКОВАНИЕ ЯВЛЕНИЙ ВНУШЕНИЯ

Один врач XVIII века Рей Режи, в некотором отношении предшественник Мэн де Бирана, говорил, что движение тела может быть обусловлено тремя явлениями: волей, *мыслью* и чувством. «Это учение о непосредственной зависимости двигательной способности от мысли без участия воли отличает Рей Режи от Мэн де Бирана и сближает его с современной английской психологией».* «Мыслить, — говорил Бэн, — значит воздерживаться от речи и актов».** Это положение справедливо лишь по отношению к нормальным людям, которые могут удержаться от чего-либо; а для субъектов, описываемых нами, думать — значит говорить и действовать. Это влияние мысли на движение очень легко изучить на подобных субъектах, наблюдая, как они делают что-нибудь то под влиянием внушения, то по своей собственной воле.

---

* Paul Janet. Rev. Philosophique. 1882. I. P. 374.

** Bain. Les sens et l'intelligence.

Когда поле сознания очень ограничено и может содержать одновременно не более одного явления, то последнее выражается в виде ощущения или образа. Вот почему при изучении действий каталептиков мы могли наблюдать только автоматизм образов. Но как только поле сознания немного расширяется, отдельное ощущение уже не остается изолированным, а сопровождается многочисленными побочными и дополняющими образами, благодаря которым составляется понятие о личности, о внешнем мире и речи. Словом, психические элементы даются нам уже в виде *восприятий* и, наблюдая действия такого рода субъектов, мы можем составить себе представление об *автоматизме восприятий*.

Подобно эмоции восприятие является синтезом — только гораздо более сложным — большого числа образов. Синтезы эти слагаются в то время, когда каждый из нас начинает впервые понимать положение какого-то предмета, пользу инструмента или смысл слова. Из исследований эмоций и памяти мы знаем уже, что подобные синтезы или системы бывают устойчивы и стремятся сохраниться как можно дольше. Причем один элемент группы всегда вызывает все остальные. Поэтому, не возвращаясь к предыдущим исследованиям, мы постараемся показать: 1) насколько автоматизм восприятий приближается к механизму ощущений и эмоций; 2) какими чертами он отличается от последнего.

1. Этот новый автоматизм подобен первому, но только сложнее его. Когда субъект, находящийся в описанном состоянии, слышит фразу: «Сделай круг по комнате», — он поймет ее, т. е. по поводу этой фразы у него в сознании возникнут образы движения ног (мышечные или зрительные, смотря по тому, какими образами он обычно пользуется), зрительные образы комнаты в тот момент, когда он отходит от своего места, затем другие двигательные образы и другие зрительные образы комнаты; таким образом в сознании субъекта последовательно сменится целый ряд различных представлений, пока он не вернется к первому зрительному образу комнаты, т. е. к своему месту. Здесь субъект остановится. Но так как поле его сознания слишком ограничено, чтобы воспринимать еще другие образы, то он в течение этого времени не услышит замечаний по своему адресу, не заметит присутствующих лиц и, следовательно, не поймет, что его поступок

смешон и бесполезен. У него не возникает суждений, для которых требуется сопоставление нескольких восприятий, или в крайнем случае у него возникнут самые простые суждения на основании двух-трех восприятий, которые он в состоянии вмещать одновременно, и он сможет произнести лишь фразу: «Я совершил круг по комнате».

Мы допустили, что образы, возникшие при таких условиях, не встречая препятствия или поправки, не только ассоциируются с реальным движением, но даже сами являются настоящим движением. Следовательно, нет ничего удивительного, что субъект, думая о том, что мы ему сказали, действительно идет и делает тур по комнате.

Автоматическое развитие восприятий приводит к новому явлению — галлюцинации, которое требует специального разъяснения. Это явление кажется, на первый взгляд, чем-то новым, ибо оно остается в пределах психики вместо того, чтобы проявляться в движении тела. Однако различие это на самом деле очень поверхностно, так как во всяком внушенном акте уже имеется галлюцинация, и всякая внушенная галлюцинация является некоторым образом актом или движением, которое нужно выполнить. Но могут возразить, что при галлюцинации наблюдается новый существенный признак: вместо того, чтобы оставаться внутри психики и казаться субъективной подобно образу движения, галлюцинация как будто принадлежит внешнему миру и становится объективной. Прежде всего различие это не абсолютное: у Розы, которая в ответе на мое приказание поднять ногу видит ее поднятой в воздухе, по поводу этого акта возникают именно объективные образы; у Леонии, которая испытывает неопределенную боль, чувствует жар или холод, возникают субъективные, хотя и галлюцинаторные, образы. Мы могли бы сказать, что понятие об объективности присоединяется к галлюцинации, когда последняя становится достаточно сложной: внутренние образы и объективные восприятия отличаются друг от друга лишь по степени их сложности. «Наши обычные представления мы называем внутренними, потому что они менее сложны, чем реальные восприятия».* Изучаемые нами субъекты, обладая, благодаря

---

* Souriau. *Sensatiops. Rev. philos.* 1883. II. P. 75.

автоматическому развитию образов, весьма сложными представлениями, смешивают их с внешними предметами. Впрочем, чаще всего дело обстоит гораздо проще: галлюцинация, неразрывно связанная с реальным восприятием, вполне естественно появляется в том же виде.

Когда Мария видит птицу на подоконнике, она не может думать, что птица в ее сознании, а подоконник — вне его. Здесь, следовательно, не возникает новой проблемы. Вызванные внушением галлюцинации затрагивают много интересных вопросов; но изучая автоматизм психики вообще, мы не видим причин отделять внушенную галлюцинацию от внушенного действия.

Что касается более сложных внушений — галлюцинаций, связанных с условным знаком, и различных изменений личности, — то они, конечно, являются результатом более сложных восприятий. В психике субъекта сложилось некогда известное ему представление о принцессе или епископе. Вызванное словом гипнотизера и затем предоставленное самому себе, представление это сохраняется и раскрывает заключающиеся в нем элементы в виде актов и галлюцинаций, так как в данный момент в ограниченном сознании субъекта не возникает других восприятий, которые могли бы препятствовать развитию внушенной мысли.

2. Что касается свойств автоматизма восприятий, то они очень напоминают свойства автоматизма изолированных образов, которые мы наблюдали при каталепсии. Но отличаются от них еще некоторыми особенностями, характерными собственно для автоматизма восприятий. Изучаемые нами теперь акты во многом стоят выше действий, совершаемых при каталепсии, в отношении разнообразия, приспособления к обстоятельствам и иногда даже независимости. Так как при каталепсии сознание слишком ограничено для понимания знаков и речи, то действия могут быть вызваны только несколькими эмоциями. Из этих последних могут развиваться и вызывать ассоциированные действия только те эмоции, которые принадлежат к определенной системе, часто осуществлявшейся в действительности, таковы — гнев, религиозная исповедь и т. д.; таковы сложные акты Леонии во время каталепсии. Но это нельзя сравнить с бесконечным разнообразием актов и галлюцинаций, которые могут быть вызваны гипнотизером

у субъектов, просто поддающихся внушению. Каталептические акты можно назвать совершенными: субъект выполняет их без колебаний, и каждый жест гармонирует с общим выражением. Внушенные же акты менее совершенны, и при них выражение лица никогда не приобретает того единства, какое мы наблюдаем при катаlepsии.

Действия, совершаемые в катаlepsии, неизменны. Между тем как одни и те же внушения выполняются не всегда одинаково. Ибо первые совершенно не приспособляются к обстоятельствам и не считаются с возникающими препятствиями или же совсем прекращаются, когда препятствие непреодолимо. Изображая сцену исповеди, Леония делает несколько шагов вперед и немного вправо. Если ей не хватает места и она наталкивается на стену, ей и в голову не приходит повернуть: она останавливается у стены с опущенной головой и сложенными руками и остается так до конца каталептического припадка. Наоборот, Мария, если я велю ей ходить или подойти к указанному месту, не останавливается перед стенами и умеет находить двери, не натываясь на разные предметы. Она меняет и поправляет свое движение в зависимости от обстоятельств. Однажды я велел ей подмести комнату: она направилась к углу, где рассчитывала найти метлу. Не найдя ее там и не дожидаясь, чтобы я сказал что-нибудь, она пошла в другое место, нашла там метлу и принялась мести. Люси, когда я велю ей писать, берет карандаш, если сама лежит в постели, или идет за пером и чернилами, если стоит.

Наконец, каталептика не слышит и не видит ничего кроме того акта, которым всецело заполнено ее крошечное сознание. Сомнамбула же, выполняя внушение, хотя она и очень рассеяна и не в состоянии воспринимать многих впечатлений, но все-таки может слышать некоторые слова и видеть некоторые предметы, если последние не мешают основному восприятию, т. е. она в состоянии немного приспособляться к новым впечатлениям.

Различие это понятно: оно соответствует различию, существующему между ощущением и восприятием. Ощущение остается всегда неизменным, так как оно своеобразно и может вызывать только одну группу образов, обладающих одними и теми же свойствами; восприятие же меняется, потому что оно состоит из многих элементов, которые могут меняться в зависимости

от разных условий, не обуславливая исчезновения самого восприятия.

Я сказал бы, что каталептики напоминают уток, лишенных мозга, которые Рише показывал мне в своей лаборатории. На первый взгляд утки, лишенные мозга, ничем не отличались от других уток: бегали, кричали и махали крыльями, как другие. Но как только все они добежали до стены, сейчас же обнаруживалось превосходство здоровых уток: последние рассыпались в разные стороны от стены. Утки же, лишенные мозга, тыкались клювом в стенку и не двигались с места. Сравнение это может показаться рискованным, так как оно сближает акты, выполняемые людьми под влиянием внушения, с движениями нормальных уток, т. е. с поведением животных. Однако такое сближение не кажется мне абсурдным, так как разумные животные также действуют на основании сложных восприятий, которые позволяют им изменять свои действия и в известной степени приспособлять их к обстоятельствам.

К указанному различию между каталепсией и сомнамбулизмом присоединяется еще другое: каталептики могут выполнять лишь немногие действия и никогда не видоизменяют их, но в то же время они никогда и не оказывают противодействия гипнотизеру. В их психике, сведенной к одному лишь явлению, нет места борьбе элементов. Более широкое поле сознания сомнамбул обуславливает возможность противодействия — не потому, что такой субъект может сознательно сопротивляться и проявлять собственную волю, которой в действительности у него нет, а потому, что среди составных элементов данного восприятия или среди образов, которые вызываются им, могут встретиться образы, составляющие часть другого восприятия, другого, противоположного первому, синтеза, который и всплывает и начинает действовать. Если я велю Леонии стать на колени, и она не выполняет этого, то это значит, что первый ее гипнотизер заставлял ее вставать на колени, чтобы наказать ее: «Но я не сделала ничего дурного, — говорит она, — и не хочу быть наказана». Однажды я хотел превратить ее в ее мужа, чтобы посмотреть, как она будет изображать человека, которого ненавидит. Галлюцинация успела только начаться, как она, увидев себя в костюме мужчины, с негодованием стала бить себя, отталкивая это одеяние: противоположные об-

разы оказались многочисленнее внушенных. В другой раз я хотел внушить ей украсть деньги, но она пришла в ужас от одной мысли об этом. Когда я внушаю Леонии представление о молитве, она отвечает мне непочтительными жестами и насмешками, направленными против религии. Мысль о молитве пробуждает в сознании субъекта то, что содержится там по поводу нее, т. е. образы, совершенно противоположные ей. Чем шире сознание субъекта, тем скорее возможно это появление противоположных идей и тем скорее теряют силу даваемые внушения.

Однако у наблюдаемых нами субъектов, сознание которых всегда очень ограничено, такое сопротивление встречается довольно редко и, мне кажется, не свидетельствует о настоящей свободе действий; в данном случае один образ просто противодействует другому, двигательная способность которого равна первому.

Итак, человеческое сознание напоминает колеблющиеся весы, наклоняющиеся в сторону большего веса. В то время как катаlepsия является всецело царством ощущений и эмоций, рассмотренные нами сейчас формы сознания являются царством восприятия.

7. ХАРАКТЕР ВНУШАЕМЫХ СУБЪЕКТОВ

Все предыдущие заключения могут вызвать важные возражения, которыми нужно воспользоваться для проверки наших гипотез. Если внушение не обладает никакой особой силой и действует в психике только как бывшее восприятие, то, значит, не одно оно может вызывать у этих субъектов автоматические действия: всякие идеи и восприятия должны находить благоприятную почву для своего развития и придавать поведению этих людей особенный отпечаток.

Мы думаем, что, в действительности, дело обстоит именно так и что наша теория господства восприятий применима к произвольным актам этих субъектов в такой же степени, как и к внушенным действиям. В самом деле, нет ничего любопытнее характера и поступков этих слабых людей, сознание которых в силу своего сужения испытывает самые странные изменения.

Вот почему этот сюжет очень прельщает романистов, которые охотно изображают в своих произведениях истерических больных и сомнамбул. К сожалению, большинство из них довольствуются несколькими научными терминами наугад и думают, что сказали все, говоря о нервном припадке с четырьмя фазами и о полуанестезии героини. У всех авторов, занимавшихся изучением психических заболеваний, можно найти описание истерических больных; так что мы можем просто сгруппировать несколько наблюдений, которые подтвердят предложенные нами общие положения о природе сознания у этих больных.

Случайно сделанное мною наблюдение лучше всяких исследований объяснило мне сущность сознания изучаемых нами лиц. Однажды я подошел к Люси с намерением проделать несколько опытов, касающихся анестезии. Она заявила, что устала и не расположена отвечать мне. На самом деле ей наскучили мои опыты накануне, и она не хотела опять возобновлять их. «Хорошо, — сказал я, — сегодня мы не будем заниматься, но тогда, чтобы время не пропало даром, расскажи мне какую-нибудь историю». — «Но я не знаю никакой истории. Ведь не хотите же вы, чтобы я рассказала вам сказку про Али-бабу?» — «Почему нет? Я слушаю». — И вот она, полусмеясь-полусердясь, начинает рассказывать мне историю про Али-бабу. Вначале она рассказывает плохо и каждую минуту останавливается, чтобы проверить, слушаю ли я ее. Но мало-помалу Люси оживляется, рассказывает с большим увлечением и уже не обращает на меня внимания. Затем вскрикивает и смотрит в угол, тихо разговаривая сама с собою: «Вот они, все воры...» Не закончив рассказ, она видит его и следит за всей сценой, развертывающейся перед ее глазами, время от времени высказывая вполголоса свое мнение, как это делают дети во время спектакля: «Их всех убьют, это хорошо». Что касается меня, то история Али-бабы никогда не казалась мне такой интересной, и я старался не прерывать Люси. Здесь мы познакомились на деле со способом мышления истерических и сомнамбул: мысли их не тусклые и абстрактные, как у нас, а живые и красочные образы; мысль их — почти всегда галлюцинация. Рише спросил у одной сомнамбулы, в котором часу произошло какое-то событие. «Подождите, — сказала она, — я не вижу». А немного погодя прибавила: «Теперь я знаю». Она видела перед собой циферблат, стрелки

которого указывали нужный час. Мышление, обладающее такой живостью, почти не может колебаться и меняться, подобно нашему мышлению. «Я видел это своими собственными глазами», — говорим мы, когда уверены в чем-нибудь; но больные истерией и сомнамбулы все видят отчетливо и ясно — поэтому и неудивительно, что они во всем твердо убеждены. «Всякая галлюцинация заключает в себе понятие утверждения», — говорил Тэн.* Конечно, но утверждение будет тем сильнее, чем красочнее и реальнее галлюцинация. Если самая ничтожная фантазия сопровождается уже известным убеждением в существовании данного предмета, то насколько сильнее должно быть это убеждение у лиц, каждая мысль которых является равносильной ощущению? Во сне самые абсурдные идеи кажутся нам правдоподобными, потому что они принимают конкретную форму и являются нам в виде образов. Описываемые нами субъекты как бы постоянно видят сны, в которых все представляется им в виде конкретных предметов. Св. Тереза очень точно описала это состояние духа, которое ей было знакомо: «Я знаю людей, разум которых настолько слаб, что они воображают, что видят все то, о чем думают. Состояние это очень опасно».** Поэтому, какова бы ни была мысль, заполняющая в данный момент сознание этих субъектов, ничто не может сравниться с силой ее убедительности: никакое рассуждение или возражение, как бы обосновано оно ни было, не в силах поколебать ее, ибо это больше, чем убеждение — это просто невозможность думать иначе. Не следует вступать в спор с лицами, поддающимися внушению — это бесполезно. Когда я хочу поколебать убеждение Люси в чем-либо, я всегда получаю следующий ответ, который, в сущности, полон здравого смысла: «Я вижу, что это так. Почему же вы хотите, чтобы я не верила этому? Ведь вы сами верите тому, что видите... Вы не видите того, что вижу я — это доказывает только, что вы не можете этого видеть. Тем хуже для вас». Не так ли говорят и верующие люди: «Вы не понимаете этого, в вас нет веры, вам недостает чувства; а я чувствую, вижу... значит, верю». Такое убеждение лежит всегда в основе самопожертвования и религиозного фанатизма.

---

* Taine. Intelligence. II. P. 76.

** Hack Tuke. Le corps et l'esprit. P. 14.

У изучаемых нами лиц наблюдается еще другое характерное свойство психики, которое с первого взгляда кажется совершенно противоположным только что описанному свойству — чрезвычайная доверчивость. Когда рассказываешь больным всякие истории, они всему верят и воспринимают все за действительность. Я говорю здесь не о галлюцинациях, а об обычных случаях, происходящих в повседневной жизни. Люси, проходя по одной улице, услышала несколько слов, сказанных кем-то про одну ее знакомую. Слова эти — в том виде, как она передавала их мне — были настолько абсурдны, что, по всей вероятности, не были сказаны именно в такой форме. Однако она была настолько уверена в том, что она слышала именно так, что я был бессилен переубедить ее. Самым невероятным примером этой доверчивости является следующий: одна истерическая больная слышала в молодости, что женщины, страдающие ее болезнью, умирают с наступлением климактерического периода. Двадцать лет спустя, при первых проявлениях критического возраста, она начала готовиться к смерти, задыхалась и, быть может, умерла бы, если бы мы не узнали ее секрета и не постарались переубедить ее: она решила жить и с тех пор чувствует себя очень хорошо. Роза была совсем больна и парализована. Никакое физическое или моральное средство не помогало ей. Один раз я услышал, как она в припадке истерического бреда говорила: «Меня никогда не вылечат. Вовсе я не больна: меня заколдовал старый колдун, которого я рассердила. Ничего не поделаешь». Я заставил ее рассказать эту странную историю, и мне было очень трудно разрушить это поистине бредовое убеждение. Зато потом я довольно легко избавил ее от паралича. Но оставим эти крайности, в которых доверчивость субъекта приводит к печальным последствиям. Запомним лишь, что больные истерией, наяву или в гипнотическом сне, подобны маленьким детям, что их вовсе не нужно подвергать гипнозу, чтобы внушить им что-либо, и, наконец, что они верят всему, что поражает их психику.

Действия сомнамбул обладают такими же свойствами, как и их мысль. Они чрезвычайно быстры и как бы мгновенны. Как только мысль понята, нужно осуществить ее — и движения совершаются подобно конвульсивному разряду. Люси хочет уйти — и вот она, едва одетая, уже на улице. Бежит и жестикулирует. Леония в сом-

намбулизме хочет спуститься в сад. Дверь не поддается — и вот она уже на подоконнике открытого окна, и я едва успеваю удерживать ее. Если она заинтересуется каким-либо лицом, то, услышав разговор о нем, бросается всегда искать его или бежит вслед за ним. Нет нужды приводить многочисленные примеры — для этого нужно было бы рассказать о всей жизни и всех поступках сомнамбул, ибо мы всегда встречаем у них это свойство — бессмысленное устремление. Поводы даже для самых серьезных поступков ничтожны. Одна сомнамбула говорила Бертрану, что полезет на крышу достать булавку или гвоздь, который она якобы видела там.* Люси отправилась однажды купить себе мебель, которую не могла оплатить: «Я хотела посмотреть, — сказала она, — какой вид будет иметь моя комната, если в ней будет больше мебели». Кроме того, мотивы всех их поступков обуславливаются желаниями или чувствами настоящего момента, но не подсказываются мыслью о будущем счастье или несчастье. Беспечность больных истерией невероятна — она характерна для всех слабых и вырождающихся субъектов.

Эти порывистые и безрассудные действия бывают иногда очень длительны. Они часто бывают похожи на конвульсии, но иногда напоминают также и контрактуры. Розе приходит в голову вязать что-то — кажется, какой-то стихарь для священника. Она работает без отдыха, только об этом и говорит в продолжение восьми дней, даже в сомнамбулизме и во время нервных припадков она ни о чем другом не может думать. Потом ее осеняет какая-то мысль, появляется отвращение к начатой работе, и она не хочет больше браться за нее. Начавши зевать, она зевает в течение целых часов и не может остановиться. У Розы в течение семи месяцев был паралич ног, который исчез после одного длительного сомнамбулического припадка. Но тогда она стала злоупотреблять этим: целый день бегала до изнеможения, будучи не в состоянии остановиться. Мария, обычно очень приветливая и ласковая, рассердилась на больничную служанку, и вдруг она принимает решение не говорить ни с кем в больнице. Со мной Мария охотно разговаривает, но ни слова не говорит со всеми остальными. А после окончания припадка она не хочет, чтобы

---

* Bertrand. Du somnambulisme. P. 87.

с ней разговаривали об этом, и заявляет, что все пустяки. Можно привести много примеров упорства, проявляемого этими слабыми субъектами в действиях, которые начинаются и прекращаются без видимых причин.

Кроме того, в действиях этих лиц мы констатируем еще другое свойство, соответствующее тому, что мы наблюдали в их психике: действия их, будучи порывистыми, легко изменяются от любого постороннего влияния. Лица эти, с виду обладающие волей и предприимчивостью, обнаруживают удивительную покорность, если только умело руководить ими. Подобно тому как несколькими словами, обращенными к спящему, можно изменить его сновидения, точно также можно изменить поступки и все поведение духовно слабого существа одним словом, намеком или знаком, которым он слепо повинует. Но если сделать то же самое тоном приказа, он окажет бурное сопротивление. Одно слово в состоянии вызвать смех или слезы, краску на лице, сделать их приветливыми или злыми.

Эта изменчивость их действий под влиянием других лиц особенно проявляется в привычке подражать другим людям. Мы все более или менее подвергаемся влиянию тех лиц, с которыми часто встречаемся. Но у духовно слабых людей влияние это приводит к быстрому и полному превращению психики. Самые серьезные поступки совершаются ими только из подражания. «Первый случай отравления фосфорными спичками вызвал массу самоубийств такого же рода». * Очень часто преступление, как и самоубийство, бывает результатом этой заразной подражательности: в известный период времени убийства совершаются одним способом, и трупы уродуются одинаковым образом. Подражательность может превратиться в болезнь и привести некоторых субъектов к тому, что они постоянно будут подражать действиям, которые совершаются у них на глазах. Возникающие в силу подражания нервные заболевания, припадки естественного сомнамбулизма, демонопатические эпидемии и одержимые разных монастырей, — все это слишком известные факты, чтобы останавливаться на них.

---

* Legrand du Saulle. La folie devant les tribunaux. P. 537.

Чтобы понять такое поведение сомнамбул, рассмотрим те условия, при которых оно выступает еще яснее. Эти внезапные и абсурдные решения, это непреодолимое подражание имеют место тем чаще, чем субъект слабее в психическом отношении. «Одним из самых необычайных последствий опьянения является то, что мы чрезвычайно легко поддаемся импульсам, которым обычно оказываем сопротивление».* Моро де Тур приводит любопытный случай, когда один несчастный, желая покончить с собой, никак не мог решиться на это и лишь в момент опьянения принял решение и привел его в исполнение. Подобно тому как страсти во сне развиваются без всякой задержки или склонность, дремавшая наяву долгое время, во сне приобретает прежнюю силу — точно так же и импульсы, слабые при одном состоянии, могут сделаться могучими при другом. Три больные истерией помещались в одной и той же больничной палате и, как это часто случается, не любили друг друга. В нормальном состоянии болезнь выражалась у них в совершенно различных формах, но во время припадков они подражали друг другу до такой степени, что у них был один и тот же бред и они произносили одни и те же слова. Гашиш также создает подобного рода предрасположение: он вызывает такое расслабление воли и инстинктов, что мы становимся игрушкой самых разнообразных впечатлений. Под влиянием одного слова или жеста наши мысли могут быть направлены на любой предмет. «Опьянение гашишем похоже, — говорит Рише, — на истерическое состояние: мы наблюдаем при нем такую же повышенную возбудимость в области чувства и такое же бессилие в области воли. Всякая мысль рвется наружу, и мы не в силах воспрепятствовать этому».

Как и при каталепсии, автоматическая связь представлений проявляется иногда не только в их длительности, но и в ассоциациях; некоторые акты можно всецело объяснить произвольной связью представлений. С этой точки зрения становятся понятными многие глупости и преступления, совершенные под влиянием какой-нибудь навязчивой идеи: субъект, как во сне, теряет способность управлять своими мыслями, и они развертываются автоматически. В таких случаях действия становятся,

---

* Moreau de Tours. Le haschich. P. 137.

по-видимому, совершенно непреодолимыми, так как идея о них не сталкивается с другими идеями, а естественно вытекает из них. Как мы не удивляемся своим сновидениям, так и больные истерией и сомнамбулы редко поражаются своим нелепым поступкам, так как у них в сознании нет противоположных образов, которые могли бы им служить материалом для сравнения. Ассоциация идей — особенно у этих лиц — проявляется иногда странным образом: мысль о чем-нибудь вызывает в сознании целый ряд представлений, за которыми следует выполнение совершенно противоположного действия. Такие субъекты смеются, когда около них плачут; говорят неприличные слова, желая быть целомудренными и т. д. Эта ассоциация по контрасту, отмеченная уже нами раньше, возникает самопроизвольно, без внушения. Словом, внушенные акты не обладают ни одним характерным признаком, который не имел бы аналогии в обычном поведении этих лиц.

Изучим теперь область чувств и страстей этих слабых субъектов в тот момент, когда они находятся в описанном нами состоянии, т. е. когда поле их сознания, вследствие болезни или под действием приемов со стороны гипнотизера, ограничено и в состоянии охватить одновременно намного меньше образов, чем обычно.

Давно уже было замечено, что такие субъекты чрезвычайно чувствительны и что по самому пустому поводу они с необычайной силой испытывают приступы радости или горя, любви, страха и т. д. Примеров этому можно привести очень много. Достаточно рассказать в присутствии Люси (в бодрственном состоянии или в первом сомнамбулизме) какую-нибудь нелепую историю о раздавленной собаке или о муже, который бьет свою жену, чтобы она тотчас же изменилась в лице и принялась плакать. Радость вновь видеть меня так действует на Леонию, что в течение нескольких минут она вздрагивает, рыдает, испускает какие-то крики — словом, с ней чуть не начинается истерический припадок. У Розы всякая сильная эмоция кончается настоящим истерическим припадком. Однажды из-за того, что особа, которую она ждала, не пришла навестить ее, с нею начался припадок, который продолжался в течение сорока восьми часов почти непрерывно.

Что сказать по поводу этого внезапного появления и этой силы эмоций? Заметим сначала, что внешнее проявление эмоций

в данном случае гораздо сильнее, чем сама эмоция. Эти огромные потрясения всего их существа проходят так же быстро, как и возникли — если только они не кончаются припадком, при котором характер явлений меняется. Не пытайтесь утешить истерическую больную, как это делают с обычным человеком, указывая ему на ничтожность повода для печали. Если разговаривать с больными истерией о предмете, вызвавшем их гнев или отчаяние, то, чтобы мы ни говорили, мы лишь усилим их крики и слезы. Нужно просто внезапно заговорить о совершенно постороннем предмете. Тогда они на мгновение останавливаются в изумлении и колебании; затем через несколько секунд всецело отдаются новому сюжету и весело смеются, в то время как в глазах у них стоят еще слезы. Леония несколько лет тому назад потеряла ребенка при весьма печальных обстоятельствах, и для бедной женщины этот случай был вполне основательным поводом для печали. Самые ничтожные обстоятельства — созвучие, дата, черный клочок бумаги — постоянно напоминали ей об этом несчастье, если она находилась в сомнамбулизме, но не вызвали у нее никаких воспоминаний наяву. В сомнамбулизме она начинала плакать и кричать и у нее появлялись нескончаемые контрактуры. Первое время я пытался утешать ее, но всегда безрезультатно. Лишь значительно позднее я решил применить более действенное средство для прекращения этой печали. Как только лицо ее становилось грустным, и она начинала восклицать: «Ах, моя бедная малютка», — я сразу начинал говорить о других. Настроение ее тут же менялось — она начинала смеяться, и все было кончено. Более того, если удастся заставить их высказать то, что они испытывают, то можно видеть, что страдают они очень мало. Однажды Люси, у которой была полная анестезия, так что она не чувствовала даже сильного ожога, порезала себе руку, и из ранки довольно обильно потекла кровь. Люси начала кричать и плакать, как будто испытывала самые ужасные страдания. Я был немного удивлен, так как в этот же самый момент она не чувствовала укола булавки, которую я незаметно вонзал ей в руку. Я спросил ее, действительно ли она очень страдает: «Нет, не очень, — отвечала она, — но вы видите, кровь идет, я *должна огонь страдать*. Вполне естественно, что я кричу». Вырвавшееся у нее признание, мне кажется, имеет большое значение; она кричит не потому, что ей больно на самом деле

(в данном случае, я думаю, она ничего не чувствовала), а потому, что ей должно быть больно. Более или менее смутное представление о страдании, сопровождающееся, быть может, очень слабым галлюцинаторным образом прежнего страдания — вот все, что лежало в основе этих ужасных криков и отчаяния.

Нам скажут, что в некоторых случаях эмоция действительно существует: горе Леонии о ребенке, ужас Люси во время припадков являются настоящими чувствами. Пусть будет так, но это не мешает тому, что такое выражение эмоции играет также важную роль, ибо я склонен думать, что настоящее чувство возникает в данном случае после своего выражения. Американский психолог В. Джемс защищает, как известно, интересную теорию о происхождении эмоций. По его мнению, нельзя сказать: мы лишились богатства, мы опечалены и плачем. «Этот порядок неправилен: второе психическое состояние не вызвано непосредственно первым: между ними должны происходить некоторые физические изменения. Правильнее было бы сказать: мы печальны, потому что плачем, и т. д.». Все наши мысли вызывают в нас ряд физических изменений: движения, изменения циркуляции крови, дыхания, состояния кожи, нарушения в железах, мочевом пузыре и т. д. Действуя в обратном направлении, чувствительные нервы доводят до сознания об этих изменениях и вызывают эмоцию, являющуюся лишь более или менее смутным ощущением всех происшедших изменений. Автор полагает, что человек, совершенно лишенный чувствительности, не должен сознавать этих органических изменений и поэтому не должен также испытывать эмоций. Он написал мне об этом, прочитав в моих первых работах, что у Люси наблюдается полная анестезия. Я ответил ему, что для проверки его теории больные истерией, по моему мнению, не очень подходят — прежде всего потому, что анестезия у них не совсем действительная, а также потому, что они весьма легко возбудимы. Но позднее я решил, что мои наблюдения говорят в пользу теории В. Джемса, хотя и с другой точки зрения. Анестезия вовсе не лишает истерическую больную эмоций, так как, если она и не чувствует изменений в области кожи, то видит и слышит свои собственные движения и крики. И вот эмоция вызывается и поддерживается в ней, по-видимому, этими преувеличенными проявлениями. Подобно некоторым людям, которые делают резкие

движения и кричат, чтобы привести себя в гнев, больные истерией много жестикулируют из-за каждого пустяка и сами увлекаются своими жестами. Даже в том случае, когда эмоция действительно существует, сила ее определяется силой и характером физического проявления.

Эти наблюдения, касающиеся поведения внушаемых лиц, подтверждаются некоторыми довольно известными фактами. В настоящее время принято говорить, что больные истерией и подобные им лица постоянно лгут. Многие повторяют это, как аксиому, не стараясь даже проверить ее. Я не хочу реабилитировать репутацию истерических больных, но, думаю, справедливость требует сказать, что они лгут не больше, чем обычные смертные. Из пятнадцати исследованных мною лиц, которые, конечно, не были совершенными, я встретил только одного, у которого привычка лгать была, действительно, налицо. Когда мы находим у кого-либо подобный недостаток, не следует по этому поводу негодовать, а нужно постараться понять его.

Многие психологи, которые больше рассуждали, чем наблюдали, говорят, что правдивость, привычка любить и говорить правду является естественным, присущим человеку свойством в тот период, когда человеческая психика обладает своей примитивной искренностью, например, у ребенка и у дикаря. Я не буду говорить о дикаре, так как не знаю его. Но замечу, что дети, за весьма редким исключением, очень далеки от того, чтобы говорить всегда только правду, и что они учатся лгать, как только начинают говорить. Факт этот кажется мне, впрочем, вполне естественным и очень простым. Понятие о правде является чрезвычайно абстрактным представлением, возникающим в результате целого ряда сложных суждений, которые не могут сложиться в самом начале жизни. Я думаю даже, что понятие о правдивости и ее значении человек составляет себе только тогда, когда начинает интересоваться наукой. Любовь к правде и любовь к науке — совершенно аналогичные понятия: тот, у кого нет интереса познавать истину, не понимает необходимости говорить истину. Поэтому простой рудиментарный ум, не привыкший иметь дело с абстрактными идеями, руководит своими словами не на основании абстрактного представления об истине, а на основании образов, доминирующих в данный момент в его сознании.

И вот психика истерической больной, из-за нарушений в области многих чувств и сужения поля сознания, является именно рудиментарной психикой. Истерическая больная ничего не понимает в науке и не представляет, как можно интересоваться этим. Она говорит все, что ей приходит в голову, ничем не смущаясь. Если принять во внимание галлюцинаторный характер всех их представлений и отсутствие контроля со стороны сознания, то вместо того чтобы возмущаться их ложью, которая к тому же очень наивна, придется скорее удивляться тому, что в них еще сохранилось столько честности.

То же самое можно сказать и относительно их поведения. Мораль, как и истина, не является чем-то данным нам от природы. Мы не унизим мораль, если будем рассматривать ее как совершеннейший продукт человеческого ума. Идеи о благе и долге являются абстрактными понятиями, суждениями, настоящими открытиями. Чтобы понять эти идеи, нужно соединить в одном сознании большое число чуждых с виду представлений: понятие о настоящем акте, о его последствиях даже в отдаленном будущем, представление о других людях, об их сходстве с нами, их правах и т. д. Нет ничего удивительного, что бедная психика, которая в состоянии вместить только один образ, не соединяет и не сравнивает между собою все эти понятия. Если действия такого субъекта и остаются моральными, то только потому, что случайные обстоятельства или привычки вызывают в его сознании образы честных или безразличных актов. Но любая случайность может вызвать образы бесчестных действий, которые осуществляются, не встречая противодействия. Нас очень удивляет, что некоторые авторы при всяком удобном и неудобном случае говорят о моральной ответственности, допуская существование ее даже во сне. «Фодере придерживается того мнения, что человека, совершившего во сне дурной поступок, нельзя вполне извинить... Он якобы выполнил только те замыслы, которые занимали его наяву».* Несомненно, в сновидении повторяются иногда мысли обычной жизни, но наяву они задерживаются другими одновременно существующими мыслями. В сновидении же каждая мысль является единственной и потому доминирует. Не

---

* Georget. *Maladies mentales*. P. 126.

достаточно ли сделал человек, противодействуя наяву какой-либо мысли, насколько у него хватило воли. Как же он может быть ответственен теперь за мысли и поступки, которые развиваются автоматически? То же самое можно сказать и относительно лиц, поддающихся внушению: они не ответственны за свои поступки, так как у них совершенно нет воли. Они эгоистичны, хвастливы, завистливы — это их основные пороки, но иными они быть не могут. Их психической силы достаточно для образования понятия о личности и управления своим поведением согласно этому понятию. Но личность не может подняться выше этого и давать своим действиям более общие указания. Мораль, подобно науке, требует наличия вполне развитой психики, и потому она недоступна слабому уму, в котором отдельные психические элементы сильнее всей психики в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенные исследования познакомили нас с новой формой автоматизма, которая, с одной стороны, приближается к явлениям, уже изученным в предыдущих главах, а с другой — значительно отличается от них. Некоторые современные авторы, занимающиеся изучением внушения, в увлечении спором чересчур расширяют значение этого слова: все детерминированные и регулярно возникающие действия и мысли они считают внушением. Конечно, они пользуются этим выражением главным образом для того, чтобы дать понять, что все эти детерминированные состояния и акты обязаны своим возникновением, прежде всего, причинам психическим, а не физическим. В этом отношении они совершенно правы. Но допустив это, нужно в то же время констатировать, что все психические явления не тождественны друг другу и что нет нужды замещать прежние известные слова — память, эмоции, ассоциация представлений — новым словом «внушение», как будто последнее только что открыто. Под словом «внушение» мы понимаем особого рода автоматизм, который возникает под влиянием слов и вообще восприятий. Подобно тому как эмоция или память образуются из соединения отдельных элементов, которые сознание соеди-

нило раз и навсегда в синтезы, так и понимание языка и вообще всякое восприятие являются совокупностью сложных явлений, которые сложились в то время, когда мы только учились говорить и когда нами впервые было образовано восприятие. Этот раз сложившийся синтез сохраняется. Причем, когда имеется один элемент, восприятие начинается и, начавшись таким образом, завершается полностью и вызывает другие составляющие его образы. В силу законов, к которым мы не станем здесь возвращаться, эти последовательно возникающие образы служат источником галлюцинаций, понятий и актов.

Так как при помощи речи можно все выразить, то вполне понятно, что слабое внушение вызовет очень простые акты, аналогичные тем, которые вызываются самыми простыми ощущениями; сильное же внушение может вызвать более сложные изменения, аналогичные тем, которые обуславливаются изменениями памяти. Но всякое внушение может иметь силу только в том случае, если имеется уже сложившийся автоматизм образов и воспоминаний, который и приводится им в действие.

Изучая в предыдущей главе автоматизм памяти, мы встретились с новым фактом, который, по-видимому, был совершенно чужд рассматриваемым нами автоматическим явлениям. Я говорю о тех суждениях, которые субъект время от времени составлял себе о своих собственных переживаниях и психических состояниях. Психические явления — ощущения, образы, воспоминания, заполняющие сознание субъекта, были вызваны автоматически. Но время от времени они соединялись в новое и сложное понятие — понятие о новой личности. В этом заключалась объединяющая и синтезирующая деятельность сознания данного момента, которая и проявлялась на почве автоматизма образов и воспоминаний. Но это новое явление приобретает еще большее значение в только что рассмотренных нами случаях. По мере того, как наши субъекты приобретали способность составлять все новые и новые синтезы, приводить в порядок и сравнивать между собой различные ощущения и восприятия, они переставали быть внушаемыми. Это доказывает, что та психическая деятельность, на почве которой сложился автоматизм восприятий, продолжает проявляться по-прежнему и противодействует деятельности сознания в настоящий момент. Чем

больше психика развивается, тем больше составляет она новых комбинаций с многочисленными элементами и тем ограниченнее становится область автоматизма. Наоборот, чем проще психическое состояние и чем ограниченнее поле сознания, тем больше проявляется автоматическая деятельность последнего. Поэтому мы не будем больше продолжать свое исследование в прежнем направлении. Подойдем теперь к вопросу с другой стороны и посмотрим, не скрывается ли автоматизм — эта регулярная и строго детерминированная психическая деятельность — под другой формой в тех случаях, когда он как будто совершенно исчезает из сознания?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧАСТИЧНЫЙ АВТОМАТИЗМ

ГЛАВА I

ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Психические состояния, исследованные нами в первой части работы, имеют один общий признак: они являются результатом склада всей психики субъекта и вызваны предрасположением его организма к этим состояниям. Наблюдавшиеся нами лица находились или наяву, или в сомнамбулизме, или в бреде, но никогда не были наполовину в одном, наполовину в другом состоянии. Поэтому и сознание их, было оно развито или нет, охватывало все психические процессы субъекта. Нормальные и аномальные ощущения, вызванные сомнамбулическим состоянием или электрическим током, акты произвольные или внушенные — все это сознавалось субъектом. «Я чувствую, что моя рука в воздухе, я чувствую, что она двигается, я вижу птицу». Так выражались наши субъекты, когда мы вызывали у них какие-либо действия или ощущения. Но не всегда дело обстоит именно так, т. е. при автоматической деятельности психики единство общего сознания сохраняется не всегда. В противном случае три четверти явлений, наблюдаемых при болезненных или нормальных состояниях, были бы необъяснимы.

Все психологические законы кажутся важными, если применять их только к сознательным явлениям, в которых человек дает себе отчет. На каждом шагу мы встречаемся с явлениями — галлюцинациями и действиями, которые кажутся необъяснимыми, потому что мы не знаем их происхождения, причин возникновения. Имея подобные пробелы сознания, психолог часто считает

себя некомпетентным в этой области и обращается за помощью к физиологии, которая в данном случае не может ему помочь. Психология не может считаться наукой, если она останется неполной и будет проходить мимо явлений, знание которых необходимо для решения ее собственных проблем.

Если мы обратимся к рассмотрению интересующего нас вопроса, то заметим, что законы психического автоматизма часто приводят к ошибкам. Тем не менее, эти законы являются точными и общими. А затруднения можно устранить, допустив, что психологические законы, оставаясь одними и теми же, в некоторых случаях могут действовать особым образом. Психический автоматизм может захватывать не все сознание субъекта, т. е. быть не полным, а частичным, и касаться только небольшой группы явлений, изолированных от общего сознания индивида, которое продолжает развиваться само по себе в ином направлении.

Таким образом, в этой части нашей работы мы не предпринимаем нового исследования: дальнейшее изложение явится лишь частным применением результатов наших предыдущих исследований. При этом изложение будет вестись нами в прежнем порядке: сначала мы рассмотрим автоматизм более сложных восприятий, затем — образование различных состояний памяти и разных личностей. Но это изучение коснется только явлений, которые не сознаются самим субъектом, испытывающим их.

1. ЧАСТИЧНЫЕ КАТАЛЕПСИИ

Мы не можем пока дать ясного и общего определения бессознательных или так называемых бессознательных действий. Для наблюдения и описания будем придерживаться следующего определения: под бессознательным действием подразумевают такой акт, который обладает всеми признаками психического акта за исключением того, что он никогда не сознается выполняющим его субъектом — даже в момент выполнения. Следовательно, мы не считаем бессознательным то действие, которое субъект, выполнив его, забывает, так как он все-таки сознавал и мог описать этот акт в момент выполнения. Как мы уже указывали, для такого действия характерно отсутствие памяти, а не сознания. Мы

будем изучать действия, которые никогда не признаются субъектом, и рассмотрим два разных условия выполнения их. Первое: субъект в момент выполнения акта не сознает ни самого акта, ни чего-либо другого, ничего не говорит и ничего не выражает. Этот случай аналогичен тем, которые мы наблюдали при каталепсии, поэтому не будем больше возвращаться к нему. Второе: субъект осознает все психические процессы, за исключением рассматриваемого нами акта, который он совершает, не подозревая об этом. В подобной ситуации субъект свободно разговаривает, но только о посторонних вещах, а не о своем действии. Мы можем легко констатировать (да и сам он может это сделать), что он ничего не знает о том действии, которое выполняют его руки. Эту-то форму частичной бессознательности нам и следует теперь изучить.

Такого рода бессознательные действия давно наблюдались и изучались с различных точек зрения. Пионерами были философы-метафизики, которые догадывались о существовании бессознательных психических явлений до того, как это было доказано экспериментальным путем. Известна теория Лейбница о небольших или глухих восприятиях. «Я согласен с картезианцами, — говорит он, — что душа мыслит в каждый данный момент, но не могу согласиться с тем, что она сознает все свои мысли, ибо наши большие восприятия и сильные стремления, в которых мы даем себе отчет, состоят из бесконечного числа небольших восприятий и слабых склонностей, которых нельзя ощущать. Эти-то незаметные восприятия и обуславливают все то, что заключается в нашем сознании, точно также как неощутимые движения служат основанием процессов, протекающих в ощущающих телах». В другой работе Лейбниц говорит: «Таким образом, нужно делать различие между восприятием, которое является внутренним состоянием монады, представляющей себе внешние предметы, и апперцепцией, являющейся сознанием или обдуманым созиданием этого внутреннего состояния; осознание это вовсе не дается всем душам или одной душе в любой данный момент».*

Многие философы — в частности в Германии — неоднократно высказывали подобные идеи. Наиболее полно это изложено в большом труде Гартманна о бессознательном. Я хотел бы только

---

* Leibniz. Principes de la nature et de la grâce. § 4.

привести очень интересный отрывок из Мэн де Бирана, который, по-видимому, также защищает излагаемые нами идеи о бессознательной сфере: «Устраняя из системы Лейбница все, что есть в ней абсолютного, можно понять, что ощущения, свойственные отдельным монадам или чувственным элементам, могут протекать, не будучи представляемы или воспринимаемы центральной монадой, которая образует наше „я“ или принцип единства».* Кондильяк, Гамильтон, Гартманн и другие авторы также высказывали подобные идеи.

Эти философы только рассуждали о бессознательных явлениях. На основании своих теорий они доказывали, что бессознательные психические явления возможны, и пытались истолковать некоторые факты повседневного наблюдения. Но тех, которые старались констатировать экспериментальным путем наличие и особенности этих несознаваемых явлений не так много, и они менее известны. Во время эпидемий беснования у заклинателей была возможность констатировать подобные явления, но они не могли понять их. Интересные описания эпидемий конвульсий можно найти у Карре де Монжерон: «Часто бывает, что субъекты произносят целый ряд слов помимо своей воли. Они слушают себя, являясь как бы посторонними и сознавая смысл своих слов только после того, как произнесли их».** Нужно признать, что именно адепты самого любопытного предрассудка нашей эпохи — спириты, занимаясь в 1850 г. верчением столов и беседой с духами, больше всех способствовали изучению учеными бессознательных явлений. Спириты наблюдали и даже воспроизводили подобные явления во всем их разнообразии. Но они так странно объясняют эти явления, описаниям их настолько вредит их религиозный энтузиазм, что принимать в качестве отправного пункта их исследования, ни в коем случае нельзя. Лучше вернемся к ним после того, как рассмотрим достаточное количество фактов и будем в состоянии понять, а в некоторых случаях и объяснить их. Вопрос, поднятый спиритами, был основательно изучен Фарадеем³² и Шеврелем³³ в 1854 г., которые впервые доказали существование настоящих бессознательных психических явлений.

---

* Maine de Biran. Oeuvres inédites. II. P. 12.

** Bérillon. De la dualité cérébrale.

Вопрос, поставленный около 1840 г., привел к другому пути изучения аналогичных явлений. Анри Оллан высказал утверждение, что оба полушария человеческого мозга являются независимыми друг от друга органами, каждый из которых функционирует сам по себе. С этого времени Карпентер, Браун-Секуар, Люис и другие начали изучение и констатировали, что в некоторых случаях человек кажется двойственным, т. е. совершает действия, которых не знает. В этом направлении были произведены некоторые исследования в области гипнотизма: были констатированы половинчатые состояния, касающиеся только одной стороны тела; изучались односторонние каталепсии и производились внушения одновременно обеим сторонам тела субъекта с целью вызвать одновременно две разные мысли и два выражения. Мы не будем долго останавливаться на этих явлениях, которые примыкают к уже разобранным нами.

Самые простые бессознательные действия были впервые отмечены Лазегом, который назвал их *пластичными каталепсиями*. Термин этот вполне применим, и мы его сохраним. В данном случае мы наблюдаем каталептические явления, подобные тем, которые бывают при полном каталептическом припадке: продолжение начатого движения или положения, подражание, ассоциация движений и проч. Но эти каталепсии можно назвать частичными, ибо они касаются только одной части тела, в то время как все остальное тело занято другим и проявляет иные свойства. Например, одна рука субъекта ведет себя так, будто человек находится в каталепсии. Между тем субъект вовсе не находится в этом состоянии: он смеется и разговаривает, не интересуясь тем, что делается с его рукой.

Льебо неоднократно упоминает о случаях, когда сомнамбулы остаются с вытянутой рукой, не замечая этого и разговаривая в то же время о посторонних вещах. Все эти явления были подробно исследованы Бине и Фере,* так что мы лишь вкратце изложим сделанные ими и проверенные нами наблюдения, останавливаясь только на некоторых деталях, которые кажутся нам новыми и интересными.

---

* Archives de physiologie. 1887. Октябрь.

Подобные эксперименты проводятся главным образом на истерических больных, страдающих полной или частичной анестезией кожи и мышц. Они особенно удаются, когда экспериментируют на той стороне или тех частях тела, которые лишены чувствительности. При сохранившейся чувствительности опыты эти не могут быть воспроизведены без особых предосторожностей, о которых мы скажем ниже. Возьмем такого субъекта — Розу или Марию, которые совершенно лишены чувствительности, или Леонию, страдающую анестезией левой стороны тела. Но постараемся при этом скрыть от взгляда субъекта его руку или ногу, движения которых мы хотим наблюдать. Для этого часто просто закрывают субъекту глаза. Но такой способ кажется нам неудобным, так как при таких условиях у подобных субъектов весьма нередко происходит общее изменение сознания, и субъект даже впадает в глубокий сомнамбулизм, чего в данном случае мы хотим избежать. Можно просто повернуть субъекту голову и поместить его руку за экран. Далее возьмем руку и поднимем ее. Если приняты все указанные предосторожности, рука чаще всего остается неподвижной в том положении, какое мы придали ей. Если сообщить руке какое-либо движение, то оно будет продолжаться с размеренностью маятника. Такие положения и движения могут сохраняться очень долго. По наблюдению Бине и Фере они могут продолжаться более часа, причем не заметно ни малейшего дрожания в руке и никаких изменений дыхания, которые указывали бы на усталость. Такие же явления мы наблюдали и при общей каталепсии. Но замечу еще раз, что в данном случае субъект не находится в каталепсии: он может говорить и свободно двигаться. Он только не чувствует, что происходит с его левой рукой, которую мы подняли, и, по-видимому, забыл об ее существовании. Если напомнить ему о ней, то иногда он может опустить ее, иногда же совершенно не в состоянии произвольно двигать ею.

Эти не сознаваемые субъектом движения можно сделать более сложными: например, заставляя его посылать воздушные поцелуи или делать рукой в воздухе крестики. Можно даже, вложив в руку субъекта карандаш, сообщить руке, расположенной над листом бумаги, движения, необходимые для письма. Тогда рука станет без конца писать букву или даже слово. «Очень трудно

остановить такое раз начавшееся бессознательное движение пальцев. Если мы возьмем из рук субъекта карандаш, то пальцы будут продолжать движение впустую». * Однажды я хотел остановить такое движение у Леонии и сжал ей правую руку — движение перешло на левую руку. Когда же я остановил и эту руку, начала двигаться правая нога. Обычно, когда субъект смотрит на свою руку, он может сразу остановить ее движение. Но у некоторых, например, у Розы, движение какое-то время продолжается и тогда, когда она видит руку и пытается остановить ее.

Вторым характерным признаком общей каталепсии является подражание или повторение чужих действий и слов, что довольно редко наблюдается при каталепсиях частичных. Однако бывают случаи, когда субъект подражает движениям других лиц, сам не замечая этого и разговаривая о посторонних вещах. Депин приводит много любопытных примеров подобного рода: ему достаточно было одной рукой прикоснуться к голове субъекта, а другой проделать несколько жестов, чтобы все эти движения были немедленно повторены субъектом. Если мы станем спрашивать последнего о его действиях, он ответит: «Не знаю, я не хочу ничего делать и повинуюсь вопреки своей воле. Мне кажется, что рука не принадлежит мне... Я знаю, что делаю что-то, но что именно, я не знаю... Мне ничего не известно».**

Подобное я видел у одной женщины в последней стадии легочной чахотки. Этот случай особенно интересен тем, что явление наблюдалось лишь тогда, когда больная впадала в бред. Она подражала почти всем движениям, которые совершались перед ее глазами, не прерывая в то же время своего бреда. При многих других заболеваниях наблюдались аналогичные факты, но мы не будем на них останавливаться, так как не всегда налицо анестезия конечностей, которая является главным условием начала этих явлений. У Леонии я наблюдал несколько более ярких фактов, которые можно сравнить с предыдущими. Если я вставал перед ней, когда она находилась в нормальном состоянии, и если при этом она не смотрела на свои руки, то начинала подражать моим движениям левой рукой, которая лишена чувствительности, но

---

* Binet et Féré. Archives de physiologie. P. 351.

** Despine. Somnambulisme. P. 193.

никогда не делала этого правой, в которой чувствительность сохранилась.

Это бессознательное подражание может быть еще более выражено во время сомнамбулизма. Однажды, сев рядом с Леонией, находившейся в сомнамбулизме, я начал писать правой рукой, прикасаясь в то же время к Леонии левой рукой. Вскоре я заметил, что ее правая рука дрожит, хотя она и заявляла, что ничего не замечает. Действительно, ее рука бессознательно повторяла почти все движения моей писавшей руки. Чтобы прекратить это явление, мне достаточно было отнять свою левую руку, т. е. не прикасаться более к субъекту. Если, делая правой рукой какие-нибудь другие движения, я продолжал прикасаться к Леонии левой рукой, то движения мои всегда повторялись ею: если я ел или пил, то она, не подозревая этого, подражала всем моим движениям, даже акту глотания. Последнее обстоятельство тем более интересно, что, когда она сознательно хотела пить, ей это не удавалось. Раз я даже воспользовался этим бессознательным подражанием для практических целей. Леония страдала довольно сильными припадками истерической астмы. Однажды в сомнамбулизме у нее остановилось дыхание и началось удушье. После нескольких бесплодных попыток привести ее в себя, я, взяв ее за руки, начал глубоко и сильно дышать. Вскоре она начала копировать меня самым странным образом: кашляла, если кашлял я; дышала быстро или медленно вслед за мной; когда я стал дышать правильно — она сделала то же самое, и припадок был кончен.

Мы видели, что при настоящей каталепсии движения становятся, так сказать, общими и придают всему телу гармоничное выражение. При частичных каталепсиях нельзя ожидать наступления этого явления в столь же законченной форме. Однако Бине и Фере описывают аналогичные случаи у истерических больных, страдавших анестезией. Любое двигательное явление, вызванное на одной стороне тела, влекло за собой аналогичное, хотя и более слабое, явление на другой стороне. Эти авторы не упоминают о выражении лица при частичных каталепсиях, ссылаясь на то, что ничего особенного не наблюдали. Мне же два раза пришлось констатировать, что даже при частичной каталепсии выражение лица может измениться. Когда я незаметно складываю Леонии руки как бы для молитвы, лицо ее принимает экстатическое вы-

ражение, подобно тому, как это бывает при общей каталепсии. В то же время она совершенно равнодушно разговаривает о посторонних вещах. Но в данном случае выражение ее лица было далеко не законченным и не гармонировало с движениями всего тела, как это бывает при полной каталепсии. В другой раз я придал рукам Леонии то положение, в какое она складывала их в припадке ужаса, который является у нее одной из стадий сильного истерического припадка: на лице ее сразу появилось выражение сильного страха, хотя она в это время не говорила ни о чем страшном. Я спросил ее, испытывает ли она страх. «Вовсе нет, — ответила она, — почему вы хотите, чтобы я боялась?» Но подобные явления встречаются при частичной каталепсии довольно редко, и я констатировал их только два раза.

Гораздо чаще можно наблюдать ассоциацию или координацию бессознательных движений с теми движениями, которые мы искусственно вызываем у субъекта. Если потянуть субъекта за обе руки вперед, то все тело приподнимается, и все движения направлены к тому, чтобы удержаться в стоячем положении. Сам же субъект даже не подозревает о том, что встал. Если отводить в сторону руку, совершающую бессознательное движение, то рука иногда исправляет это отклонение и возвращается к первоначальному движению.

Рука, лишенная чувствительности, как бы понимает намерения экспериментатора и при самом легком толчке совершает то или иное движение. Достаточно легкого прикосновения, чтобы движения развивались в известном направлении. В самом деле, если положить на вытянутую руку субъекта какую-нибудь тяжесть, так, чтобы он не заметил этого, то рука не опустится под давлением тяжести, а приспособится к ней и останется в том же положении. Наиболее ярко это выражалось у Lem., истеричного субъекта, которого я наблюдал в военном госпитале вместе с д-ром Пилле. Я поочередно клал в его вытянутую руку то очень легкий предмет, то тяжесть в несколько кило — напряжение мышц без ведома субъекта настолько приспособлялось к новому весу, что не заметно было ни малейшего изменения в положении руки. У Леонии это приспособление идет еще дальше: рука зажимает предмет и держит его, чтобы он не выпал. Если положить карандаш в лишенную чувствительности руку, то пальцы, как мы уже

говорили, бессознательно, т. е. без ведома субъекта, складываются в положение, необходимое для письма.

Нужно добавить, что так обстоит дело не только с карандашом, а со всеми предметами. Если я кладу в левую руку Леонии (левая сторона тела у нее совершенно лишена чувствительности) ножницы и заслоняю эту руку экраном, то Леония не может сказать, что находится в ее левой руке. Тем не менее пальцы этой руки сами входят в отверстие ножниц и начинают как бы резать ими. Также, когда я кладу ей в левую руку очки, рука автоматически открывает их и поднимается, чтобы поднести очки к носу. Но на полпути рука входит в поле зрения Леонии — последняя замечает очки и восклицает с удивлением: «Смотрите, у меня в левой руке очки». В этих явлениях есть, по-видимому, какое-то противоречие. Мы сказали, что рука лишена чувствительности и ничего не ощущает. Между тем она чувствует ножницы, очки и приспособливает свои движения к предмету. Следовательно, тут мы имеем дело не только с бессознательным действием, но и с бессознательным ощущением. Констатируем пока это явление, а подробным изучением займемся ниже.

Итак, мы видим, что все каталептические явления могут быть частичными при наличии обычного нормального сознания. Прежде чем приступить к объяснению этих явлений, сделаем несколько общих замечаний относительно условий, при которых они могут наблюдаться. Мы не будем говорить здесь о влиянии того или другого экспериментатора и не станем разбирать вопросы, почему у таких субъектов лишённые чувствительности члены повинуются одному лицу и не повинуются другому: анализ этого факта будет сделан нами при изучении разборчивости, которой мы займемся позже. Заметим лишь то, что для возникновения подобных явлений необходимо наличие анестезии. Само собой разумеется, что и в членах, сохранивших чувствительность, может наступать частичная каталепсия при применении специальных приемов. Более того, если я каким-нибудь способом — электрическим током, металлической пластинкой или просто внушением — восстанавливаю чувствительность в руке Розы или Марии, то каталептическое состояние исчезает, т. е. рука уже не остается в том положении, какое я ей придаю. Если иногда, например, в одном из глубоких сомнамбулизмов Розы, левая рука остается

в воздухе даже тогда, когда чувствительность восстановилась не вполне — она лишь кожная, а не мышечная. Субъекту удается приблизительно определить положение своей руки по трению одежды, складкам кожи и т. д., но он не знает, сокращены или нет его мышцы. Последнее обстоятельство легко проверить, вызывая у субъекта контрактуры, которые он даже не заметит. При такого рода каталепсии всегда налицо какая-нибудь анестезия. Более того, когда у человека с нормальной чувствительностью вызывают частичную каталепсию, последняя сопровождается всегда некоторого рода анестезией. Так, например, В. в нормальном состоянии обладает полной чувствительностью. Если д-р Попилевич внушал ей, что ее рука сохранит все сообщенные ей положения, то рука становилась каталептической, но одновременно она теряла чувствительность. Я не имел влияния на В. и не мог делать ей внушение наяву. Но когда положенный ей однажды на руку согнутый магнит Охоровича вызвал анестезию всей левой стороны тела, я тотчас получил возможность вызвать у нее каталепсию на левой стороне тела, хотя раньше мне это не удавалось. Если будут приводить противоположные случаи, когда рука остается в воздухе, даже сохраняя чувствительность, то я скажу, что там мы имеем дело не с частичной каталепсией, а с сознательным внушением, которое было нами разобрано в предыдущей главе. Одно и то же явление может быть наблюдаемо при различных условиях, что следует всегда иметь в виду. Эта частичная каталепсия наблюдается не только в бодрствующем состоянии, но и при самых различных состояниях субъекта при наличии двух главных условий: анестезия конечности и некоторая бессознательная разборчивость субъекта по отношению к экспериментатору. Впадая в состояние неглубокого сомнамбулизма, истерическая больная обычно сохраняет анестезии, и конечности ее повинуются экспериментатору, хотя она и не знает этого. Таким образом появляется каталептическое состояние конечностей в то время, когда сам субъект разговаривает и понимает, что ему говорят. Не надо смешивать частичную каталепсию, обусловленную анестезией во время сомнамбулизма, с припадком полной каталепсии.

Такие частичные акты наблюдаются и при общей каталепсии, когда каждая рука субъекта совершает разные движения. Так, Леония может грозить кому-то правой рукой, сложенной в кулак, в то

время как ее левая рука остается сложенной как бы для молитвы. Причем каждое из этих движений вызывает на соответственной стороне лица соответствующее ему выражение.

Мне приходилось наблюдать частичную каталепсию даже во время истерического припадка. Когда у Розы наступает сильный истерический припадок — все равно в какой стадии, — то я могу легким прикосновением, так сказать, подчинить себе ее руку или ногу: конечность, к которой я прикасаюсь, становится неподвижной и перестает содрогаться в конвульсиях. Если я поднимаю эту конечность, она остается в сообщенном мною положении или равномерно покачивается, между тем как другие продолжают корчиться в конвульсиях. Однажды я положил ей в правую руку карандаш и заставил написать буквы «а» и «b». Около минуты рука ее писала эти буквы, тогда как все тело сгибалось в дугу, а левая рука наносила кулаком сильные удары в грудь. Еще легче можно проверить этот факт во время истерического бреда или естественного сомнамбулизма. Одним словом, каково бы ни было состояние главной части сознания в данный момент, каталептические действия могут существовать отдельно и жить, так сказать, своей собственной жизнью.

Как толковать эти новые каталептические явления? Мы думаем, что бесполезно повторять гипотезы и рассуждения, высказанные нами при изучении полной каталепсии. По нашему мнению, и в данном случае нет достаточных оснований совершенно отрицать сознательность наблюдаемых явлений: только ею можно объяснить единство и координацию, проявляющуюся в этих движениях. Так как при обычных условиях подобные движения обуславливаются мышечными ощущениями, то нужно думать, что и в данном случае каталептические движения вызываются и направляются мышечными ощущениями.

Но здесь мы сталкиваемся с затруднением, которого не было вначале. У субъекта имеется сознание, и он говорит нам: «Я все вижу и слышу, но не чувствую движения своей руки». Возможно ли, чтобы в психике субъекта было еще какое-нибудь другое сознание? Заметим пока, что в этой гипотезе нет ничего абсурдного, и посмотрим, могут ли подтвердить ее другие факты. Говоря о сознании при каталепсии, мы допустили вместе с Мэн де Бираном, что это сознание должно быть низшего порядка и состоять из

ощущений и образов, а не из восприятий. Мы сказали, что характерным признаком этих элементарных образов является то, что они не соединяются в одну психику и не составляют одну личность. Это сознательные образы без осознания своего «я». Поэтому и неудивительно, что эти образы не входят в состав нормального сознания субъекта, который говорит «я», и психика которого очень сложна. Если такого рода образы могли заполнять все сознание субъекта при катаlepsии, то нет ничего нелепого и в допущении, что они могут существовать отдельно в то время, когда обычное сознание субъекта функционирует нормально. В одной работе Дюмона мы находим полное изложение этой гипотезы: «Слова *сознательность* и *бессознательность* понимаются то в относительном, то в абсолютном смысле. Говорят, например, что явление бессознательно, когда хотят сказать, что наше „я“ не сознает его. Однако это вовсе не значит, что явление не сознательно само по себе».* Прибавим к этому, что рассматриваемые явления, будучи изолированы и не встречая в силу особых причин препятствий в своем проявлении, протекают согласно закону изолированных психических явлений. Они проявляются, а это равносильно тому, что они существуют. В частичных катаlepsиях обнаруживается первый зародыш частичного сознания, развитие которого мы проследим в дальнейшем исследовании.

2. РАССЕЯННОСТЬ И ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Итак, наличие анестезии является существенным условием только что описанных явлений, т. е. обычно катаlepsия появляется лишь в конечностях, лишенных чувствительности, и исчезает, как только последняя восстанавливается. Однако по наблюдению многих исследователей катаlepsия может появиться иногда, пусть на мгновение, и в конечностях, сохранивших чувствительность. Я пытался выяснить условия возникновения этого нового явления, и мне показалось, что оно зависит от временной рассеянности субъекта. В самом деле, рассеянность, как мы видели, равносильна анестезии — по крайней мере временной.

---

* Dumont. Sensibilité. P. 102.

Когда Леония в своем нормальном состоянии разговаривала с кем-нибудь и, увлекшись беседой, забывала обо мне, я незаметно поднимал ее правую руку: последняя оставалась в воздухе, продолжала начатое движение и т. д. — словом, делала все то, что перед тем проделывала левая рука. Но есть некоторое различие между бессознательными движениями правой и левой руки: бессознательные движения левой руки наблюдаются даже тогда, когда Леония знает об этом и обращает на меня внимание. Необходимо только, чтобы рука была заслонена экраном, так как анестезия делает здесь ненужной рассеянность или, скорее, сама является достаточной рассеянностью. А бессознательные движения правой руки наблюдаются только в том случае, когда внимание Леонии всецело направлено на другой предмет. Как только она перестает говорить, она замечает, что делает ее правая рука, и сейчас же останавливает ее. Несомненно, что бессознательное движение можно симулировать скорее правой рукой, сохранившей чувствительность, чем левой, потерявшей ее. Но мы не будем останавливаться на этом возражении, которое может относиться к любому психологическому опыту. Дело экспериментатора: принять все предосторожности и проверить искренность субъекта в ряде предварительных опытов. Лучшим доказательством подлинности этих явлений служит их сложность и связь всех опытов между собою: чаще всего субъект не понимает опытов, так что, притворяясь, он мог бы симулировать совсем не то, что следует ожидать по опыту.

Если рассеянность в только что описанном случае вызывала в правой руке временную анестезию в области тактильного и мышечного чувства, то она может также обуславливать анестезию и в других областях. Например, полученная таким образом анестезия зрения. Если глаза Леонии открыты, и я не пользуюсь экраном, бессознательных движений не наблюдается — начатое мною движение сразу прекращается. Но как только с Леонией начинают разговаривать, левая рука ее поднимается и принимает то положение, какое я хотел придать ей. Рука как бы запоминает данный ей приказ, но не в состоянии выполнить его. При первом удобном случае, т. е. при первом появлении рассеянности, рука спешит выполнить внушение.

Та же рассеянность обуславливает специальную анестезию слуха — по крайней мере по отношению к моим словам. Леония,

отличающаяся особой рассеянностью, может слушать посторонних разговаривающих с нею лиц, но не будет ни слушать, ни слышать меня, если даже я стану что-нибудь приказывать ей в этот момент. Эта женщина наяву не обнаруживает такой внушаемости, как другие субъекты. Если я обращаюсь прямо к ней и приказываю ей сделать какое-нибудь движение, она удивляется, спорит и не повинуется мне. Но когда она занята разговором с другими, мне удается, стоя сзади нее, говорить так тихо, что она не оборачивается. Она не слышит меня и между тем исполняет мои приказания, не подозревая об этом. Я чуть слышно приказываю ей вынуть часы, и руки ее медленно делают это; я заставляю ее ходить, снимать и надевать перчатки и т. д. — словом, она делает все то, чего она не выполнила бы, если бы я приказывал ей прямо. То же самое наблюдается у нее и при других состояниях. В первом сомнамбулизме, в состоянии Леонии 2, она внушаема в такой незначительной степени, что, по-видимому, действует всегда независимо и даже хвастается этим. В самом деле, нужно очень громко кричать и долгое время повторять одну и ту же фразу, чтобы внушить ей что-либо непосредственно. Но можно действовать и иначе. Например, оставляя ее разговаривать с другим лицом (в сомнамбулизме беседа рассеивает ее еще больше, чем наяву), тихо обращаться к ней. При таких условиях внушения немедленно выполняются ею. Однажды Леония 2 деловито разговаривала с находящимися в комнате лицами и совершенно забыла обо мне; я очень тихо приказал ей составить букеты из цветов и поднести их присутствующим лицам. Любопытно было смотреть, как ее правая рука собирала поодиночке воображаемые цветы, перекладывала в левую руку, связывала такой же воображаемой ниткой и важно предлагала присутствующим. Все это Леония 2 проделывала, не подозревая об этом и не прерывая разговора. Подобные явления не наблюдаются во втором сомнамбулизме, в состоянии Леонии 3, ибо, как мы ниже увидим, она тогда не слышит никого, кроме меня, и поэтому внимание ее не может быть отвлечено.

Такая способность повиноваться внушению вследствие рассеянности довольно часто встречается и у других субъектов. Впервые я наблюдал ее у Люси в сомнамбулизме и наяву, но не был еще в состоянии хорошенько разобраться в этом явлении. Сначала она или повиновалась моим приказаниям, или отклоняла, не

выполняя их. Чтобы устранить такое сопротивление, я стал приказывать ей тихим голосом в то время, когда внимание ее было отвлечено, и тогда она без протеста выполняла все, что я говорил ей. Но я был очень удивлен тем, что выполняет она все это бессознательно. Однажды я велел ей показать кому-то нос, и рука ее тотчас же поднялась к носу. На вопрос, что она делает, она всегда отвечает: «Ничего», и продолжает разговаривать, не подозревая, что ее руки поднимаются к носу. Я заставляю ее ходить по комнате — она, делая это, продолжает свою беседу и думает, что сидит. Более того, однажды я, не предупредив ее, попытался поставить другой опыт: я попросил одного господина внушить ей в моем отсутствии какое-либо действие от моего имени. «Г-н Жане, — обратился к Люси этот господин, стоя сзади нее, — хочет, чтобы ты подняла руки». Это было немедленно выполнено, и обе руки остановились в контрактуре над головой. На Люси этот факт не произвел никакого впечатления, и она продолжала разговаривать. Но если мы обратим ее внимание на руки — например, заставим смотреть на них, пытаться двигать ими и т. д., то она, заметив контрактуру рук, станет ужасаться, и с ней неминуемо начинается припадок, если только мы своевременно путем словесного внушения не устраним контрактуру. Едва оправившись от припадка, она уже ничего не помнит и вновь принимается за прерванные занятия.

Бессознательное внушение у нее, как и у Леонии, противодействует сознательной воле. Когда та или другая отказывается сделать или сказать что-либо, достаточно отвлечь их внимание и затем тихо приказать им. Тогда они выполняют внушенное действие, не сознавая этого, или вдруг посередине разговора произносят фразу и затем продолжают прерванную речь, не заметив перерыва. Так, например, д-р Повилевич просил Люси спеть что-нибудь, но она решительно отказывалась. Тогда я, став сзади нее, тихо произнес: «Ну, спой, спой что-нибудь». Она прекратила разговор, спела арию из оперы «Миньон» и затем возвратилась к своему разговору в полной уверенности, что не пела и не желает петь.

Аналогичные явления — лишь с незначительными изменениями — можно наблюдать и у большинства других субъектов. Наблюдавшиеся нами до сих пор лица были женщины, больные

истерией, которых раньше часто гипнотизировали. Исследуем мужчину Р., сорока лет, которого нельзя считать истерическим больным и который никогда не подвергался гипнозу. Страдая алкоголическим бредом, он поступил в больницу под наблюдение д-ра Повилевича. Мы уже говорили о внушениях, которые можно было делать ему непосредственно, и которые он выполнял сознательно, но у него наблюдались явления и другого порядка.

Когда врач разговаривал с ним и расспрашивал о профессии, я вставал позади него и приказывал ему поднять руки. В первый раз мне нужно было коснуться его руки, чтобы действие было выполнено. Так было нетрудно вызвать бессознательное повиновение с его стороны: я заставлял его ходить, садиться, становиться на колени, и все это он выполнял, совершенно не подозревая об этом. Однажды я даже велел ему лечь ничком на пол — он тотчас же выполнил внушение и, лежа на полу, поднимал только голову, чтобы отвечать на вопросы доктора. Последний сказал ему: «Как вы держитесь, когда я говорю с вами!» — «Я, — возразил больной, — стою около своей кровати и не трогаюсь с места». — «Разве вы не видите, что вы стали вдруг маленьким?» — «О, я всегда был меньше вас и теперь не ниже, чем обычно». Я не мог поверить, чтобы человек в здравом уме (ибо он не бредил) мог думать, что стоит, в то время как он лежит на полу на животе. И действительно, в данном случае имела место еще некоторая галлюцинация, которая вместе с бессознательностью вызвала этот странный эффект. На другой день, желая возобновить опыт, я увидел, что предрасположение больного к бессознательным действиям значительно уменьшилось. Спустя два дня оно совсем исчезло. Алкоголический бред прекратился, а вместе с ним исчезли и бессознательные явления.

До сих пор мы изучали только акты, внушаемые субъекту в то время, когда внимание его отвлечено в другую сторону. Что же произойдет в том случае, если мы будем внушать не действия, а галлюцинации? На первый взгляд это кажется почти абсурдным, ибо галлюцинация не может быть бессознательной. И все-таки поставим подобный опыт, который покажет нам, что такого рода внушение может быть выполнено двумя абсолютно разными способами. Один из них довольно прост и примыкает ко всем только что исследованным подсознательным актам: внушение произво-

дится так, чтобы субъект ничего не знал об этом и не сознавал того, что делает. Уже Ш. Рише указал, как может осуществиться внушенная галлюцинация: давая субъекту стакан воды, он внушал ему, что вода горька — и субъект, пробуя воду, делал различные гримасы. На вопрос, горькая ли вода, он отвечал: «Вовсе нет, но я не могу удержаться, чтобы не делать гримас, как будто вода на самом деле горькая». Тот же субъект, когда ему говорили, что перед ним — змея, отступал с жестами ужаса, заявляя в то же время, что он ничего не видит перед собой.* Так же дело обстоит и с Люси: если я тихо говорю ей (пользуясь всегда ее рассеянностью и не прибегая к прямому внушению), что в комнате летает бабочка, она начинает следить за ней глазами, делает движения руками, чтобы поймать ее и т. д. Но в то же время она разговаривает о посторонних вещах и утверждает, что ничего не видит. Явление это аналогично описанному выше случаю, когда Леония собирала воображаемые цветы, не подозревая об этом.

С другими субъектами дело очень часто обстоит иначе: субъект по-прежнему не слышит приказания, галлюцинация возникает бессознательно, но сама галлюцинация сознательна, и галлюцинаторный образ внезапно появляется в психике субъекта. Так, например, в тот момент, когда Леония не слушает меня, я тихо говорю ей, что особа, с которой она разговаривает, одета в пальто прекрасного зеленого цвета. Леония, по-видимому, ничего не слышит и продолжает говорить. Потом вдруг перебивает себя и разражается смехом: «Ах, Господи, как же это вы оделись так? Подумать только, что я до сих пор не заметила этого!..» Затем я тихо говорю ей, что во рту у нее конфета. Она, по-видимому, ничего не слышит и, если я спрашиваю ее, не знает, о чем я говорю. Но в то же время она начинает делать гримасы и восклицает: «Кто же положил мне это в рот?» Удивительнее всего, что, если я прямо обращаюсь к Леонии и внушаю ей подобную галлюцинацию, она возражает мне, говорит, что это абсурд, и не испытывает никакой галлюцинации, если только я не буду сильно настаивать. Явление это очень сложно и состоит из смеси сознательных и бессознательных элементов, которые, с одной стороны, связаны между собой, с другой — разъединены. Мы считали необходимым упо-

---

* Ch. Richet. Rev. philos. 1886. II. P. 326.

мянуть о нем, чтобы не было больших пробелов в перечислении внушений, обусловленных рассеянностью. Ниже мы займемся анализом этого факта. Пока же не считаем возможным приводить другие примеры, прежде чем не рассмотрим ряда других вопросов.

Вернемся к явлениям исключительно подсознательным. Они обладают одним свойством, которое легко констатировать — разумностью, проявляющейся во всех действиях, хотя последние и совершаются независимо от нормального сознания субъекта.

Перед нами уже не частичная каталепсия, при которой действия вызываются просто ощущением или образом. Мы имеем дело скорее с частичным сомнамбулизмом, при котором действия субъекта обуславливалось разумными восприятиями. Субъект не повторяет слов, но понимает их и выполняет. Следовательно, имеется уже некоторая сознательность, которую довольно легко обнаружить.

Так, например, я приказываю Леонии поднять руку, но не тотчас, а после того как я десять раз ударю в ладоши. Я ударяю в ладоши, и на десятом ударе рука ее поднимается. Однако Леония при этом ничего не сознавала: ни приказания, ни ударов в ладоши, ни самого действия. Перед нами явление бессознательного счета, которое мы ниже изучим более подробно в связи с другой проблемой. Я делаю Леонии другое внушение, также требующее с ее стороны понимания: велю ей отвечать на мои вопросы не словами, а каким-либо знаком руки. «Вы мне, — говорю я, — пожмете руку в знак отрицания». Затем я беру ее за левую руку, лишенную чувствительности, — она не замечает этого и продолжает разговаривать с другими лицами. Я начинаю задавать ей вопросы — она, по-видимому, не слышит меня, но в то же время небольшими очень явственными движениями отвечает вполне точно на мои вопросы.

Если мы не хотим заставить ее бессознательно говорить, то можем, по крайней мере, заставить ее писать: я кладу ей в правую руку карандаш, и рука сжимает его. Но вместо того чтобы руководить движением руки и заставлять ее чертить одну букву, я задаю Люси вопросы: «Сколько вам лет? В каком мы городе?» и т. д. Рука начинает двигаться и пишет ответ на бумаге, между тем как сама Леония не прекращает разговора о посторонних вещах.

Я заставляю ее делать таким образом разные арифметические вычисления, которые оказываются достаточно правильными. Заставляю писать длинные ответы, которые ясно обнаруживают довольно развитое сознание.

Такого рода писание известно под именем автоматического³⁵ письма. Выражение это правильно, если мы хотим им сказать, что письмо в данном случае является результатом закономерного развития некоторых психических явлений. Но не нужно понимать это выражение в том смысле, что самое писание не сопровождается каким бы то ни было сознанием. Тэн в предисловии к своему сочинению «Об уме» указывает на возможность и любопытность этого странного явления: «Чем страннее какой-либо факт, тем он поучительнее. В этом отношении даже спиритические явления ведут нас по пути к открытиям, обнаруживая существование в одном индивидуе двух сознаний, двух волей, двух различно действующих начал. Одно из них субъект сознает, а другое нет и приписывает его невидимым существам... Есть люди, которые во время разговора или пения пишут, не глядя на бумагу, связные фразы и даже целые страницы, совершенно не сознавая того, что написали. По моему мнению, искренность их вне всякого сомнения. Написав целую страницу, они заявляют, что не имеют никакого представления о том, что начертили на бумаге. Читая написанное, они удивляются и иногда даже волнуются... Мы несомненно наблюдаем здесь раздвоение нашего „я“, одновременное существование двух рядов параллельных и независимых друг от друга мыслей, двух центров действия или, если хотите, двух духовных личностей, находящихся рядом в одном и том же мозгу; каждая занята своим особым делом — одна на виду у нас, а другая за кулисами».*

В предыдущей главе мы познакомились с ролью рассеянности при обычных внушениях, выполняемых сознательно. Но тогда эта рассеянность распространялась только на противоположные действия и не мешала осознанию самого внушенного акта. В настоящей главе мы видели, что рассеянность обуславливает и другого рода внушения. В то время как сознание отвлечено в сторону, внушенный акт также выполняется, но уже без ведо-

---

* Taine. De l'intelligence.

ма самого субъекта. Одним словом, рассеянность расщепляет, по-видимому, поле сознания на две половины, одна из которых остается сознательной, а другая — не сознается объектом. Внушения, рассмотренные нами в предыдущей главе, вызывали явления, принадлежащие к первой половине поля сознания. Внушения же, изученные нами теперь, обуславливают действия, которые относятся, по-видимому, ко второй половине и имеют вид частичных и бессознательных каталепсий. Прежде чем подробнее объяснить эти явления, нужно познакомиться с ними в другой форме и при других обстоятельствах.

3. ПОСТГИПНОТИЧЕСКИЕ ВНУШЕНИЯ

Тот факт, что сила внушения сохраняется вне сомнамбулизма и внушенное действие выполняется затем субъектом наяву, был настолько известен прежним гипнотизерам, что данное ими описание в настоящее время может считаться вполне точным. «Гипнотизер, — говорит Дельюс, — может внушить субъекту, находящемуся в сомнамбулизме, какую-нибудь мысль или действие, которое он выполнит наяву, сам не зная почему. Магнетизер может, например, внушить сомнамбуле: „Вы вернетесь домой в таком-то часу; сегодня вечером не пойдете в театр; без сопротивления выпьете такое-то лекарство; не будете больше интересоваться тем-то; не будете пить ни ликера, ни кофе и т. п.“. Сомнамбула почувствует склонность сделать все, что было предписано ей, и *вспомнит об этом, не подозревая, что это — лишь воспоминание.* Она почувствует влечение к тому, что вы посоветовали ей, и отвращение к тому, что запретили».* Однако этот автор, прекрасно изучивший силу внушения после пробуждения, не признает, по-видимому, что с такого же рода явлением мы имеем дело, когда производим опыты с его намагнетизированной водой, которая, по необходимости, то очищает, то закрепляет желудок и «сохраняет свое действие в течение пяти лет». Бертран лучше понимал роль постгипнотического внушения в этих явлениях и пользовался им для получения всех тех результатов, которые приписываются

---

* Deleuze. Instruction pratique. 1825. P. 118.

обычно гипнотизеру. Одним из первых он описал любопытный опыт, который состоит в том, чтобы внушить субъекту в сомнамбулизме прийти в такой-то день и час. «Чтобы он выполнил это, — прибавляет Бертран, — вовсе не нужно напоминать ему об его обещании, когда он проснется. В назначенное время, независимо от него, у него возникнет желание сделать то, что ему внушили. Причем субъект не знает, что именно толкает его на это».*

Таким образом, уже с того времени постгипнотическое внушение стало известным и применялось на практике. Поэтому не удивительно, что все позднейшие исследователи приводят любопытные случаи подобного рода. Тест, который в этом отношении был смелее Дельюса, с уверенностью некоторых современных гипнотизеров предлагал даже «регулировать таким образом физическую и моральную жизнь усыпленного субъекта и способствовать его моральному усовершенствованию».**

Шарпиньон был точнее в своих экспериментах. Он констатировал, что внушенная субъекту сложная галлюцинация имеет силу в течение двух дней, и доказывал, что при засыпании, вызванном магнетизированными жетонами, большое значение имеет внушение: субъект впадал в сомнамбулизм и в том случае, если жетоны не были магнетизированы, но в предыдущем сомнамбулизме ему сказали, что они будут намагнетизированы.

В «*Journal de magnétisme*» Дюпоте за 1885 г. немало подобных примеров. Я нашел там интересный случай сомнамбулизма, наступающего в указанный час. Приведу сделанный одним малоизвестным гипнотизером перечень галлюцинаций, наступающих после пробуждения в силу постгипнотического внушения. «Очень часто, — пишет доктор А. Перье, — по желанию можно вызвать у сомнамбул подобного рода невроз (галлюцинацию), который может продолжаться и после прекращения сомнамбулизма. Мы заставляем их видеть отсутствующих или давно умерших лиц. Своему питью и пище сомнамбулы приписывают вкус, который мы внушили им. В настоящее время мы наблюдаем одну сомнамбулу, у которой полная нечувствительность, но вкусовые иллюзии сохраняются в течение нескольких часов после пробуждения.

---

* Bertrand. *Traité du somnambulisme*. 1823. P. 199.

** Teste. *Magnétisme expliqué*. 1845. P. 431.

Прежде чем *разбудить* ее, мы внушаем ей что-либо и, проснувшись, она испытывает все внушенные нами галлюцинации. *Одного присутствующего в комнате субъекта она совершенно перестает видеть*; другого она видит, но не слышит его голоса; третий щиплет ее, и она не чувствует этого. Жидкость во рту у нее приобретает тот вкус, какой мы ей внушаем; слух воспринимает самые разнообразные звуки и т. д. ...»* Трудно описать подробнее все чувственные галлюцинации, не исключая и тех, которые недавно были описаны под именем отрицательных галлюцинаций и которые также могут быть вызваны внушением. Льебо еще в 1860 г. говорил о внушениях, сохраняющих силу в течение 52 дней, и рекомендовал способ их выполнения.

Однако пренебрежение к явлению животного магнетизма было в то время настолько велико, что все описания прежних исследователей были совершенно забыты, так что, когда Ш. Рише в 1875 г. опубликовал свои исследования о постгипнотическом внушении, это было принято за настоящее открытие. С трудом верили тому, что женщина, забыв все, что ей говорили в сомнамбулизме, через неделю приходит в указанный час, сама не зная почему. Но еще в 1823 г. Бертран считал этот опыт банальным. Нужно признать, что описания Рише имели больший успех, чем описания Бертрана: они убедили большее число лиц, и с тех пор многие исследователи начали изучать явление постгипнотического внушения и открывали один за другим все факты, уже известные ранним гипнотизерам. Не будем описывать явление, которое уже достаточно всем известно, да и приведенные выше выдержки могут заменить общее описание. Остановимся на деталях, которые смогут объяснить, как психика участвует в этих странных явлениях постгипнотического внушения.

Прежде всего заметим, что сохранение известного представления, несмотря на переход субъекта из одного состояния в другое, наблюдается также и вне гипнотизма. «Обычно, — говорит Моро де Тур, — сновидения прекращаются после пробуждения, а иногда продолжают и наяву... Один субъект видит во сне, что летает в воздухе; после пробуждения он чувствует потребность испытать это, и прыгает через канаву... Другой субъект видит во сне своего

---

* A. Perrier. Journal du magnétisme. 1854. P. 76.

умершего отца, затем продолжает видеть его призрак спросонок и даже некоторое время после пробуждения... Бред многих сумасшедших берет свое начало в их сновидениях». * При первых припадках и экстатических состояниях мы также наблюдаем такого рода явления. Один больной, страдающий конвульсиями, заявляет в припадке, что до конца поста он будет есть только один раз в день и его пища будет состоять только из хлеба и воды. После припадка он ничего не помнит, но выполняет все-таки свое обещание и постится. Льебо сообщил о больном, которому снилось, будто он стал немым. Проснувшись, субъект этот, действительно, потерял способность говорить. Молодой человек, которому разрешили подойти к возлюбленной во время ее сна, шепнул ей на ухо свое собственное имя. После этого молодая девушка стала относиться нему гораздо лучше, как бы под действием сновидения. Шарко рассказывал об истеричном субъекте, который, вообразив в припадке, что его искусило какое-то животное, искал потом на руках следы укусов и ран. Все эти явления аналогичны явлениям, наступающим после гипнотического внушения, но они не так характерны и недоступны экспериментированию.

4. ВЫПОЛНЕНИЕ ВНУШЕНИЯ В НОВОМ СОМНАМБУЛИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ

Мы уже знаем, при каких условиях должно производиться изучаемое нами внушение. В этом отношении оно не отличается от того вида внушения, который был изучен нами в предыдущей главе. Нужно, чтобы субъект был в таком состоянии — нормальном или искусственно вызванном — когда элементы его сознания, будучи в ограниченном числе, не могли оказывать достаточного противодействия внушаемым мыслям. Но при каких условиях выполняются подобные внушения? Здесь все не так просто. Разбудив субъекта из сомнамбулизма, мы приводим его в другое психическое состояние, которое отличается от первого в двух отношениях: во-первых, так как с переходом из одного состояния в другое характер образов меняется, то воспоминание о сомнам-

---

* Moreau de Tours. Le haschich.

булизме и самом внушении, по-видимому, совершенно исчезает; во-вторых, так как в обычной жизни число явлений, одновременно протекающих в сознании, больше, то субъект перестает быть внушаемым. В таком случае возникает вопрос, каким же образом может появляться в сознании субъекта внушенное представление и как оно может иметь силу, раз ею не обладают в этот момент другие ощущения и воспоминания? Ответить на эти вопросы довольно трудно, так как механизм постгипнотического внушения далеко не одинаков у всех субъектов.

Прежде всего выделим в отдельную группу тех субъектов, которые не впадают в настоящий сомнамбулизм, т. е. у которых нет резкого различия между первым и вторым состояниями. У некоторых лиц, как у Бланш, о которой я говорил выше, или у больной истерией Т., которую я часто усыплял, наяву и в сомнамбулизме наблюдается одно и то же состояние чувствительности, и поэтому сохраняется почти полное воспоминание о втором состоянии. Кроме того, поле сознания у них в сомнамбулизме мало изменяется, будучи и в нормальном состоянии очень ограниченным. Поэтому они одинаково внушаемы как наяву, так и в сомнамбулизме. У таких лиц не наблюдается настоящего изменения психики. Их сон и пробуждение являются лишь внешним изменением, наступающим под влиянием внушения. У подобных субъектов постгипнотическое внушение аналогично рассмотренному нами выше внушению, связанному с условным знаком. Если я велю Т., находящейся в сомнамбулизме, пройти по комнате, когда я ударю в ладоши, то она воспринимает внушение сознательно и осуществляет действие по данному сигналу. Если я разбужу ее прежде, чем она выполнила мое приказание, то это не помешает выполнению действия, так как у нее сохраняется довольно полное воспоминание о сомнамбулизме. (Правда, о внушениях она вспоминает быстрее, чем о других моих словах — вероятно потому, что внушениям она приписывает больше значения). После пробуждения она говорит мне: «Я знаю, что вы только что говорили мне: вы велели мне пройти по комнате». Так как она очень внушаема и наяву, то этому приказу она и наяву противится не более чем в сомнамбулизме, и по данному мною сигналу встает, объясняя в то же время себе свой поступок: «Право, у вас смешные идеи, — говорит она, — это очень скучно... Наконец, если уж

вы так хотите этого... Вы знаете, если бы я сама не хотела пройти по комнате, я осталась бы на своем стуле... Я сделаю это, потому что сама хочу этого». Наяву круг представлений у нее несколько расширяется, и мыслительные процессы протекают в сознании быстрее. Поэтому у нее и появляется представление о сопротивлении и свободе. Представление это не совсем ложно, так как она и в самом деле может оказывать противодействие такого рода внушениям. Однажды я внушил ей после пробуждения показать мне нос. Когда я разбудил ее, у нее сохранилось еще воспоминание о сомнамбулизме, и она заявила мне: «Вы думаете, что я покажу вам нос — вовсе нет. Я не так глупа». И она не сделала этого. Кроме того, разве мы не знаем, что субъект часто сопротивляется внушениям, даже в сомнамбулизме. В этом нет ничего нового. Это подтверждает лишь наши наблюдения: есть лица, у которых нормальное состояние и сомнамбулизм почти тождественны и которые выполняют постгипнотическое внушение так же, как и обычные внушения.

К подобному заключению можно прийти и после изучения совершенно иных субъектов. Я имею в виду лиц, у которых наблюдается настоящий сомнамбулизм, отличающийся во всех отношениях от нормальной жизни, с полной потерей воспоминаний после пробуждения. Исследуем внимательно их психическое состояние *во время и после* выполнения постгипнотического внушения. Бони впервые констатировал следующее важное явление: как бы эти субъекты ни выполняли данные им внушения, они совершенно забывают о нем, раз действие выполнено, и не знают, что сделали, хотя и действовали наяву. Я велю N. после пробуждения поцеловать m-те X.; она встает, выполняет внушенное действие как бы по своему желанию и даже шутит, как будто бы была совершенно наяву. Минуту спустя я спрашиваю ее, зачем она встала: «Не знаю, — отвечает она, — чтобы походить немного». — «Что вы сказали m-те X.?» — «Ничего, я уже полчаса не разговаривала с ней». Почти всегда дело обстоит именно так. Явление это слишком хорошо описано, чтобы останавливаться на нем.

Перейдем к другому явлению, которое впервые было отмечено Гёрнеем и которое не менее важно. Если расспрашивать субъекта в тот момент, когда он выполняет постгипнотическое внушение, то можно заметить, что в это время у него всплывает

воспоминание обо всех предыдущих сомнамбулизмах, о которых он обычно совершенно не помнит. «Субъекту в гипнотическом состоянии рассказывают какую-нибудь новость, о которой он после пробуждения забывает. Но выполняя внушенное действие, он вспоминает, что было рассказано ему в гипнозе».* Я проверил справедливость этого утверждения в опытах с Марией. Третье свойство, естественным образом связанное с только что описанным, также указано в статье Гёрнея и было проверено нами в одном интересном опыте. «Если внушить что-либо субъекту в том сомнамбулическом состоянии, когда он лишен чувствительности, и если разбудить его затем в другом состоянии, когда он обладает нормальной чувствительностью, то в момент выполнения внушения он снова теряет чувствительность». Я констатировал один факт, который подтверждает это наблюдение, хотя с виду как будто противоречит ему. Роза обычно была совершенно лишена чувствительности, но в известном сомнамбулизме на правой стороне тела у нее появлялась чувствительность, которая затем вновь пропадала, когда Роза приходила в обычное состояние. В этом особом сомнамбулизме я приказываю ей найти на столе один предмет и показать его мне; затем я бужу ее. Через несколько минут она встает, ходит по комнате, берет со стола предмет и несет его мне. Когда она проходит мимо меня, я щиплю ей правую руку, и она вскрикивает, чего раньше никогда не было наяву. Через минуту она уже забыла, что показывала мне что-то, и одновременно у нее исчезла чувствительность на правой стороне тела. У Марии в первом сомнамбулизме не наблюдается особых изменений чувствительности: она в сомнамбулизме, как и наяву, совершенно лишена чувствительности. Но вот одна деталь, которую я постоянно констатировал. Наяву правый глаз (тогда она была совершенно слепа на левый глаз) обладает у нее весьма слабой зрительной остротой, равной одной восьмой по таблице Веккера. В сомнамбулизме же, если открыть ей глаза, острота зрения без всякого внушения поднимается всегда до одной четверти или одной трети. В этом сомнамбулизме я внушаю ей взять после пробуждения метлу и подмести комнату. Через несколько минут после пробуждения она берет половую щетку и начинает мести, «потому

---

* Gurney. Problems of hypnotism. Proceed. S. P. R. 1887. P. 273.

что это — комната», как говорит она. Я велю ей встать со щеткой в руках перед таблицей на расстоянии в пять метров и заставляю читать. При этих условиях острота зрения равняется трети. Через некоторое время, взяв у нее щетку, я опять велю ей встать перед таблицей: острота зрения правого глаза равняется одной восьмой. Одним словом, в момент выполнения постгипнотического внушения к ней вернулось то состояние чувствительности, какое было у нее в сомнамбулизме. Так, думается нам, нужно толковать наблюдения некоторых авторов, согласно которым для субъекта в момент выполнения им постгипнотического внушения характерна анестезия особого рода. Это происходит только в том случае, если внушение было сделано субъекту в таком сомнамбулическом состоянии, когда у него наблюдалась анестезия. Словом, у субъектов этой категории состояние чувствительности в момент выполнения внушения такое же, как и при получении этого внушения.

Наконец, Гёрней упоминает еще об одном факте, который мы поставим на четвертое место. Если мы возьмем субъекта, который не поддается внушению наяву и легко внушаем в сомнамбулизме, то можно заметить, что в момент выполнения постгипнотического внушения он снова становится внушаемым. «Во время выполнения субъектом внушенного действия можно сделать ему внушение, которое наяву он принял бы за шутку, но теперь выполняет его, как будто оно было дано ему в гипнотическом состоянии» (Гёрней). Я проверил это явление, но не думаю, чтобы мое наблюдение имело большое значение, так как субъект, с которым я экспериментировал, был очень внушаем даже в нормальном состоянии. Желательно обставить этот опыт надлежащим образом, так как наблюдение Гёрнея весьма интересно. Итак, в некоторых случаях при выполнении субъектом постгипнотического внушения можно констатировать у него четыре важных психологических свойства: 1) забывание действия после выполнения его; 2) воспоминание о прежних сомнамбулизах в момент выполнения постгипнотического внушения; 3) изменение общего состояния чувствительности; 4) усиление внушаемости. Эти четыре свойства сомнамбулизма, как мы видели, и отличают его от нормального состояния. Некоторые лица для выполнения постгипнотического внушения впадают в сомнамбулическое состояние, аналогичное тому, в котором они находились, когда

гипнотизер производил внушение. Эту мысль высказывали уже Фонтэн, Сёгар и Дельбёф; но последний автор слишком ее обобщил. Остановливаясь на изменении в выражении лица субъекта в момент выполнения постгипнотического внушения, он говорит, что глаза принимают блуждающее выражение и т. п. Указание на этот признак мне кажется неудачным, так как глаза сомнамбул в этот момент не всегда принимают такое выражение. Как мы сказали и как, по-видимому, в настоящее время допускают это и другие, физического признака сомнамбулизма не существует. Но психические свойства сомнамбулизма очень ярки и доказывают, что в известных случаях субъекты, выполняя внушение, снова впадают в сомнамбулизм.

Можем ли мы теперь сказать, что это наблюдение, как бы интересно оно ни было, вполне разрешит проблему постгипнотического внушения? Конечно, нет. Прежде всего нужно заметить, что не у всех субъектов дело обстоит именно так и что во время выполнения постгипнотического внушения вообще очень редко приходится наблюдать одновременно все четыре указанных признака. Есть лица, у которых в момент выполнения внушения не наблюдается характерного для их сомнамбулизма состояния памяти и чувствительности. Следовательно, они в этот момент не впадают в гипнотическое состояние. Кроме того, даже у субъектов, подходящих к приведенному описанию, эти явления далеко не все объяснены. Если внушение выполняется субъектами тотчас же после пробуждения, то можно с достаточной вероятностью утверждать, что они на самом деле не были разбужены. Но если, как это обычно бывает, внушение выполняется гораздо позднее — два или даже сто дней спустя — то необходимо объяснить еще одно важное обстоятельство: почему они в этот момент вновь впадают в гипнотическое состояние?

Нельзя говорить, что всякое постгипнотическое внушение равносильно внушению уснуть в такой-то момент и сделать то-то, так как постгипнотическое внушение сна так же трудно объяснить, как и внушение чего-либо другого. После пробуждения эти субъекты совершенно забывают, что должны уснуть, и вовсе не думают об этом до того момента, когда внушение должно быть выполнено. Почему забытое воспоминание всплывает в этот момент? После пробуждения они перестают быть внушаемыми.

Можно заставить их поверить, как заметил это Бони, что в то время как они спали, им было сделано внушение. Однако этого будет недостаточно, и действие не будет выполнено, если внушение на самом деле не было сделано в сомнамбулизме. Почему же мысль о сне, который должен наступить, в отличие от других идей, обладает способностью осуществляться? Это непонятно, даже если мы допустим, что всякое внушение выполняется при другом сомнамбулизме. Чтобы продвинуться вперед в исследовании этого вопроса, нам нужно исследовать других субъектов, которые выполняют внушение иным образом. Новые явления, которые мы будем изучать, наблюдались у описанных выше субъектов, но не в чистом виде, а наряду с другими явлениями. Лучше рассмотреть их отдельно и лишь затем перейти к более сложным фактам.

5. ПОДСОЗНАТЕЛЬНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ПОСТГИПНОТИЧЕСКИХ ВНУШЕНИЙ

У одной больной истерией женщины я наблюдал в ярко выраженной форме весьма важное явление, которое в более или менее скрытом виде существует у всех других субъектов.

Речь идет о Люси, девятнадцатилетней молодой женщине, у которой каждый день бывали сильные истеро-эпилептические припадки и которую первый раз я усыпил во время одного из таких припадков. Изучив на ней обычные внушения, исполняемые во время гипнотического состояния, я стал заставлять ее выполнять внушенные акты после пробуждения и был поражен тем, как она выполняла их. У нее был самый естественный вид, она говорила, двигалась и вполне отдавала отчет в своих действиях, которые совершала произвольно. Но одновременно с этими сознательными актами она, как бы по рассеянности, выполняла действия, внушенные ей во сне. При этом она не только забывала их по выполнению, как большинство таких субъектов, но, по-видимому, даже совершенно не знала о них в момент выполнения. Я внушаю ей поднять после пробуждения обе руки. Едва пробудившись, она тотчас же поднимает обе руки над головой, но нисколько не обращает внимания на это. Она ходит и разговаривает, продолжая

держат обе руки поднятыми. Если спросить ее, чем заняты ее руки, она удивится и простодушно скажет: «Ничем — у меня руки такие же, как у вас». Так же я могу заставить ее показывать нос или ходить по комнате; внушаю ей плакать, и она, проснувшись, в самом деле рыдает, продолжая разговаривать о самых веселых вещах. Однажды я даже попросил ее употребить все усилия, чтобы не повиноваться моим приказаниям, она, по-видимому, не совсем поняла меня, так как не знала, что повинуется мне, и поэтому, смеясь, стала уверять меня, что наверняка не выполнит того, что я прикажу. Я внушаю ей что-то в сомнамбулизме, и мое приказание выполняется ею сразу после пробуждения. Но она продолжает смеяться, говоря: «Попробуйте-ка приказать мне что-либо — я ничего не сделаю». Словом, все, что имело отношение к постгипнотическому внушению, по-видимому, совершенно не доходило до ее сознания.

Дело обстояло несколько иначе, когда я внушал ей галлюцинацию, а не какой-либо акт. В таком случае приказание точно также не сознавалось, но сама галлюцинация была или казалась сознательной, т. е. внезапно заполняла сознание Люси, которая не могла объяснить себе происхождения галлюцинаторного образа. «Вы будете пить коньяк», — говорю я ей. После пробуждения она говорит, что ничего не слышала, и хочет разговаривать о другом. Но рука ее автоматически поднимается к губам, она как будто пробует что-то и на вопрос, что у нее во рту, говорит, что пьет коньяк, чем очень довольна, так как врач запретил ей его. Впрочем, воспоминание о галлюцинации очень скоро исчезает и, чтобы констатировать это временное сознание галлюцинации, нужно сразу обращаться к субъекту с расспросами по этому поводу. За исключением этого случая, в котором внушение выполняется с некоторым сознанием, при исполнении всех других внушений сознание, по-видимому, совершенно отсутствует.

Убедившись в этой бессознательности, которая несомненно была уже замечена другими исследователями, но которую мне самому не приходилось еще констатировать в такой сильной степени, я попытался определить границы ее, т. е. отыскать те акты и психические явления, при которых наблюдается эта особенность, и в то же время осветить небольшую область психо-

логии, о которой речь шла уже раньше в связи с гипнотическим внушением.

Поль Жане в своих статьях о гипнотизме высказал сомнение по поводу одного вида внушения. Как известно, Рише и Бернгейм, по примеру большинства ранних гипнотизеров, приводили случаи внушения, которые субъект должен был выполнять после пробуждения не в определенный момент по сигналу, а через известное количество дней. «Я внушил S. в сомнамбулизме прийти ко мне через тринадцать дней. После пробуждения он ничего не помнил, но через тринадцать дней в десять часов был у меня». Поль Жане пишет по этому поводу: «Я допускаю, что эти несознаваемые воспоминания, как называет их Рише, могут всплыть в известный момент в зависимости от того или иного обстоятельства. Я мог бы понять и то обстоятельство, что образы и связанные с ними акты всплывают в определенный момент, если гипнотизер создал ассоциацию между ними и каким-либо реальным восприятием (например: „Когда вы увидите такого-то господина, вы поцелуете его“. Зрительное восприятие этого господина должно вызвать внушенный приказ). Но я совершенно не могу понять, почему внушенная мысль всплывает в указанный день без всякой иной точки опоры, кроме счета дней — 13 дней. Тринадцать дней — это не ощущение, а абстракция. Для объяснения этих фактов нужно предположить существование бессознательной способности измерять время, но такой способности мы не знаем». Ш. Рише ответил в нескольких словах и, если я не ошибаюсь, подтвердил только точность этого факта, довольно неопределенно связав его с другими явлениями того же рода: «Разум, — говорит он, — может функционировать вне нашего „я“ и, так как он функционирует, то может измерять время. Это гораздо проще, чем вспомнить какое-либо имя, написать стихи, решить геометрическую задачу — т. е. все то, что разум выполняет без участия нашего „я“».

Бернгейм, с своей стороны, также пытался дать остроумное объяснение. По его мнению, это измерение времени на самом деле совершенно сознательно. Время от времени воспоминание о внушении всплывает в сознании, и субъект считает истекшие дни. Но размышление настолько быстро протекает в его сознании, что он тотчас же забывает о нем. «Он не помнит, что вспоминал

об этом».* То же самое происходит, когда мы ложимся спать с намерением проснуться в такой-то час на другое утро. Время от времени мы просыпаемся, смотрим на часы, затем опять засыпаем. «Проснувшись, мы не помним, что всю ночь старались не пропустить нужного времени, и думаем, что пробуждение было произвольно и бессознательно» (Бернгейм). Гипотеза эта довольно интересна. Мы находим ее также в исследовании Шарма по тому же вопросу: «Разумные действия и принимаемые во сне предосторожности имеют место собственно в состоянии бодрствования, которое прерывает на момент сон и тотчас же забывается субъектом. Поэтому при одном звуке, который интересует нас, мы просыпаемся. При другом же звуке мы также просыпаемся, но тотчас же вновь засыпаем, не сохраняя воспоминания о нем».** Такое объяснение, пожалуй, имеет то преимущество, что упрощает дело, заменяя явление бессознательности явлением забывания. Я думаю, однако, что этого объяснения недостаточно, ибо эта теория не объясняет нам, почему воспоминание внушения всплывает время от времени в сознании субъекта. Кроме того, это предположение не соответствует действительности: если серьезно исследовать психику субъекта в течение всего времени до выполнения внушения, то нельзя уловить ни одного момента, когда бы воспоминание о нем всплыло в сознании субъекта. Здесь мы имеем дело не с забыванием, а с настоящей бессознательностью.

Чтобы осветить немного эту проблему, я поставлю вопрос иначе, чем Ж. Рише. «Это новое явление, — говорит он, — совершенно другого порядка, чем все описанные выше. Оно вводит нас в область таинственных и неизвестных явлений животного магнетизма, двойственного зрения, предчувствий и т. д.». Я не могу разделять этот взгляд. Сомнамбула, которой внушили выполнить какой-либо акт через 13 дней, не нуждается в какой-то особой таинственной способности, чтобы измерять время. Она находится в тех же условиях, что и мы, видит дни и ночи, следит по часам за временем, и я не знаю, зачем ей измерять его таинственным способом, когда можно делать это самым обычным образом. Но мне скажут, что она не сознает внушения, не со-

---

* Bernheim. De la suggestion.

** Charma. Du sommeil. 1852. P. 26.

храняет о нем воспоминания. Однако это не мешает тому, чтобы дни и ночи оставляли след в ее сознании, и для выполнения внушения ей остается только *считать* их. Правда, здесь счет ведется без участия сознания, так как обычное сознание субъекта не знает о том, что какое-то действие должно быть выполнено через тринадцать дней. Но в любом случае это не какая-то таинственная способность измерять время, которая, мне кажется, бесполезна здесь. Это только способность бессознательно отмечать существующие факты. С другой стороны, я нахожу, что Поль Жане справедливо отличает это явление от обычного воспоминания, и этот особый вид внушения от всех других внушений. Когда делают субъекту обычное внушение: «Как только вы увидите такого-то господина, вы поцелуете его», — то по пробуждении он ничего не помнит или, вернее, в сознании у него сохраняется скрытая ассоциация, которой в настоящий момент нет нужды проявляться в психических процессах. Мы сами не знаем всех скрытых ассоциаций, хранящихся у нас в психике. Зрительное восприятие такого-то лица, быть может, разбудит в нас грустные или радостные мысли, о которых сейчас мы и не подозреваем. Сомнамбула после пробуждения будет сохранять в своей психике еще одну скрытую ассоциацию, и зрительное восприятие такого-то господина пробудит в ней внушенную идею поцеловать его. Здесь нет ничего, что выходило бы за пределы нормальной психики. В любом случае, когда субъекту говорят: «Вы сделаете то-то через тринадцать дней», то после пробуждения он не может полностью забыть это внушение. Последнее не может оставаться в скрытом состоянии до тринадцатого дня, ибо сам по себе тринадцатый день, ничем не отличаясь от других дней, не может разбудить в нем идеи о внушении также, как двенадцатый или четырнадцатый. Нужно, чтобы с момента пробуждения и до выполнения действия он не переставал думать: «Сегодня первый день, второй». Затем, когда он скажет себе: «Это тринадцатый день» — внушенная ассоциация всплывет. Но ясно, что наяву у сомнамбул даже на минуту не всплывают эти воспоминания, они не сознают, что производят эти наблюдения и счет, но счет ведется. Следовательно, мы имеем дело не с ассоциацией, т. е. не с возможностью, сохраняющейся в скрытом состоянии, а с настоящими психическими процесса-

ми — наблюдениями, счетом, суждениями, протекающими в течение 13 дней в психике субъекта без его ведома. Бессознательное суждение вовсе не то же самое, что скрытая ассоциация.

Таким образом, сведя гипотезу к более простым положениям, я попытался прежде всего проверить существование самого факта. У субъекта, которого я наблюдал, можно было обнаружить наличие скрытых ассоциаций, как, впрочем, и у других лиц такого же рода; например, я внушил сомнамбуле засыпать, когда я поднимаю руку, таким образом я легко усыплял ее. Однажды я спросил ее наяву, знает ли она, каким способом я привожу ее в сомнамбулическое состояние. Она ничего не знала. Я говорил ей об условном знаке — о поднятии руки. Она приняла это за шутку, но в то же время, видя мою поднимающуюся руку, сразу уснула. Явление это достаточно известно. Уже Бернгейм заметил, что если сказать субъекту в сомнамбулизме, что магнит вызывает явление переноса (паралича или невралгии), то после пробуждения субъект забывает все, что говорили ему по этому поводу. «Но если я повторю опыт переноса, раньше производившийся мною в сомнамбулизме путем внушения, то получу тот же результат, т. е. произойдет явление переноса. Таким образом, наяву сознание сохраняет бессознательное воспоминание о внушенных явлениях, вызванных у субъекта в гипнотическом состоянии».* Следовательно, в сознании субъекта имеются скрытые ассоциации. Но есть ли также и бессознательные суждения, и может ли субъект вести счет, не сознавая этого?

Тоном внушения я говорю Люси, находящейся в сомнамбулизме: «Когда я двенадцать раз ударю в ладоши, вы опять заснете». Затем я разговариваю с ней о других вещах и минут через пять бужу ее совсем. После пробуждения Люси полностью забывает внушение и вообще то, что происходило в сомнамбулизме. Я был уверен в этом, во-первых, на основании того, что она находилась в настоящем сомнамбулизме со всеми его характерными признаками и, во-вторых, на основании всех своих предыдущих опытов с нею, при которых я всегда констатировал у нее бессознательность. К Люси подходят другие, находящиеся в комнате лица, и разговаривают с ней о посторонних вещах, а я, отойдя на не-

---

* Bernheim. De la suggestion.

сколько шагов, пять раз ударяю в ладоши довольно тихо и с некоторыми промежутками. Заметив, что Люси не обращает на меня никакого внимания и продолжает оживленно разговаривать, я подхожу к ней и спрашиваю: «Слышали ли вы, что я только что делал?» — «Что такое, я не обратила внимания». — «А это?» — (И я хлопнул в ладоши). — «Вы хлопнули в ладоши». — «Сколько раз?» — «Один раз». Я отхожу и время от времени тихонько продолжаю ударять в ладоши. Рассеянная Люси не слушает меня и, по-видимому, совершенно забыла обо мне. Когда я таким образом ударил еще шесть раз, что с предыдущими ударами составило двенадцать, Люси внезапно останавливается, закрывает глаза и засыпает. «Почему вы спите?» — спрашиваю ее я. — «Не знаю, это как-то сразу нашло на меня». Если не ошибаюсь, в этом заключался опыт Рише и Бернгейма, но мною он значительно упрощен. И в моем случае сомнамбула должна была считать, так как я старался ударять все время одинаково и двенадцатый удар не отличался от предыдущих. Но вместо того чтобы считать дни, что заставляло думать, что она измеряет время, она считала звуки. В этом не проявлялось никакой новой способности, ибо услышать удары было нетрудно. Хотя она и заявила, что слышала только один, она, несомненно, слышала и считала их, но бессознательно, не зная об этом. Повторить этот опыт было просто, и я проделывал его разными способами. Люси бессознательно считала таким образом до 43, причем я хлопал в ладоши то правильно и размеренно, то неравномерно и неправильно. Она же никогда не ошибалась в счете и выполняла внушенное действие при указанном ударе. Следующий опыт был одним из самых поразительных. Я внушаю ей: «При третьем ударе ваши руки поднимутся, при пятом они опустятся, при шестом вы покажете нос, после девятого вы будете ходить по комнате, после шестнадцатого — заснете в кресле». Все эти акты выполнялись ею в указанном порядке, между тем как Люси в это время отвечала на обращенные к ней вопросы и вовсе не сознавала, что считает удары, показывает нос или ходит по комнате. После пробуждения в сознании у нее не всплывает воспоминания об этом.

Повторив несколько раз этот опыт, я попытался видоизменить его и добиться таким образом простых бессознательных суждений. Расположение опыта всегда оставалось одним и тем же:

внушения производились во время сомнамбулизма и выполнялись субъектом после пробуждения при определенных сигналах. «Когда я произнесу одну букву два раза подряд, вы не сможете двигаться». Когда она пробуждается, я начинаю бормотать буквы а..., с, d, а, а — при последних буквах Люси остается неподвижной, и во всем теле появляется контрактура. Это бессознательное суждение о сходстве. Вот пример бессознательного суждения о различии: «Вы заснете, когда я произнесу нечетное число» или «Вы будете потирать руки, когда я произнесу какое-нибудь женское имя». Результат получается один и тот же: пока я бормочу четные числа или мужские имена, ничего не происходит; когда же я произношу нечетное число или женское имя, внушение сейчас же выполняется. Следовательно, Люси бессознательно слушает, сравнивает и оценивает эти различия.

Затем я попытался усложнить опыт, чтобы посмотреть, как велика способность бессознательных суждений. «Когда сумма чисел, которые я произнесу, будет равна десяти, ваши руки начнут посылать воздушные поцелуи». Когда она пробуждается, и я констатирую, что она все забыла, я встаю далеко от нее и в то время, когда она разговаривает с другими лицами, говорю вполголоса: «Два... три... один... четыре...» — вслед за этим внушенное действие выполняется. Затем я называю ей более сложные числа и заставляю проделывать другие вычисления: «Когда числа, которые я буду говорить по два, при вычитании одного из другого дадут разность шесть, вы сделаете такой-то жест», или заставляю ее умножать или даже производить простые деления. Все эти вычисления выполняются ею почти без ошибок, за исключением слишком сложных действий, которые не могут быть произведены в уме. Как я уже заметил, в этом не проявлялось никакой новой способности. Просто обычные действия выполнялись бессознательно.

Мне кажется, что эти опыты довольно близко примыкают к вопросу о разумном выполнении забытых с виду внушений: сомнамбулы могут считать дни и часы до момента выполнения внушения, хотя о самом внушении у них не сохраняется никакого воспоминания. Вне их сознания каким-то неизвестным образом сохраняется воспоминание, бдит постоянно напряженное внимание и проявляется какое-то разумное начало, которое способно

считать дни, подобно тому, как оно может производить арифметические вычисления. Но во всяком случае явления эти на первый взгляд кажутся довольно странными.

Чтобы продвинуться далее в этом исследовании, нужно постараться проникнуть глубже в область бессознательного и сделать доступными нашему пониманию те психические процессы, которые протекают вне нормального сознания и о которых мы судим только по результатам. Как их обнаружить?

Так как путем слов в данном случае ничего нельзя обнаружить, попытаемся воспользоваться другим способом выражения — письмом. «Когда я ударю в ладоши,— говорю я ей,— вы возьмете со стола карандаш и бумагу и напишете слово „*bonjour*“». По данному сигналу указанное слово пишется быстро, но разборчиво. Сама же Люси не замечает, что написала что-то. В этом акте проявляется только чистый автоматизм, в котором не видно особой разумности. «Вы помножьте письменно 739 на 42»,— говорю я. Правая рука правильно пишет цифры, делает вычисление и останавливается только тогда, когда действие кончено. В то же время Люси в своем обычном состоянии (наяву) рассказывает мне, что она делала днем, и ни разу не останавливается во время разговора. Желая предоставить больше независимости этому странному разумному началу, я внушил Люси написать после пробуждения какое-нибудь письмо. Вот что она написала, сама не подозревая об этом: «*Madame*, я не могу прийти в воскресенье, как мы уговорились, и прошу вас извинить меня. Мне было бы очень приятно пойти с вами, но я не могу сделать это в воскресенье. Ваш друг Люси. P. S. Поцелуйте, пожалуйста, ваших детей». Это автоматическое письмо написано правильно и указывает на известное размышление. Когда Люси писала его, она разговаривала о посторонних вещах и отвечала разным лицам. Когда же я показал ей письмо, она ничего не поняла, утверждая, что я подделал ее подпись. При повторении этого эксперимента Люси во второй раз написала то же самое письмо, не изменяя ни слова. Казалось, что машина была заведена и уже не могла остановиться. Почерк, каким были написаны эти письма, довольно интересен. Он аналогичен, но не подобен обычному почерку Люси. Это очень размашистый и наклонный почерк, все слова имеют тенденцию занимать на строчке как можно больше места. Ш. Рише, которому

я показал эти автоматически написанные письма, сказал мне, что такой почерк часто встречается у медиумов, о которых мы будем говорить ниже, и что в писаниях последних одно слово часто заполняет целую строчку.

После того как я заставил Люси таким образом автоматически написать несколько писем, у меня появилась идея заставить ее отвечать на вопросы письменно. Сначала я задавал ей вопросы в сомнамбулизме и затем тотчас же будил ее, чтобы быть уверенным, что она все забыла и не сознает. При условном сигнале Люси брала перо и писала ответ, не сознавая этого. Но вскоре я заметил, что нет нужды усыплять ее для каждого вопроса. Достаточно было внушить ей в сомнамбулизме, чтобы она отвечала письменно на все мои вопросы, и она всегда делала это автоматическим способом. В этот момент Люси, хотя и находилась наяву, по-видимому, не слышала и не видела меня, не смотрела на меня и разговаривала со всеми, кроме меня. Если я обращался к ней с вопросом, она отвечала мне письменно, не прерывая своего разговора с другими. Чтобы заставить ее снова слушать меня обычным способом, мне нужно было изменить тон и даже брать ее за руку. Тогда она слегка вздрагивала и, по-видимому, удивлялась тому, что опять видит меня: «Ах, я забыла, что вы здесь». Как только я отходил от нее, она снова забывала обо мне и начинала отвечать мне письменно.

Сейчас мы не можем подробно изучать эти письменные автоматические опыты и проявляющуюся в них разумность. Мы займемся ими после рассмотрения других явлений. Но прежде чем идти дальше, нам следует изменить немного термин «бессознательность» в применении к актам, выполняемым в силу постгипнотического внушения, так как теперь это выражение теряет свой смысл. Ибо что такое бессознательное суждение или бессознательное умножение? Если слово является для нас выражением сознания других лиц, то почему и письмо не может быть таким же выражением? Эти явления принадлежат, по-видимому, особому сознанию, лежащему ниже нормального сознания субъекта. Это, конечно, не объяснение, а лишь констатирование факта, каким бы странным он ни казался. Так или иначе, мы впредь будем называть эти явления подсознательными, т. е. такими, сознание которых лежит ниже нормального сознания субъекта.

Эта особая манера выполнять постгипнотические внушения в виде подсознательных актов встречается также и у других субъектов, хотя не в столь яркой форме, как у Люси. В сомнамбулизме я внушаю Леонии снять после пробуждения свой передник и затем вновь надеть его. Проснувшись, Леония провожает меня до двери и спрашивает, в котором часу я приду завтра. В то же время руки ее развязывают узел передника и совсем снимают его. Жестом я указываю Леонии на передник. «Ах, — говорит она, — мой передник падает», и сразу (на этот раз уже сознательно) вновь надевает его, разговаривая о посторонних вещах. Но вот руки ее вновь начинают развязывать передник и совершенно снимают его. Так как на этот раз внимание Леонии отвлечено, и она не смотрит, руки ее вновь надевают как следует передник. В первый раз внушение, по-видимому, не было закончено, так как Леония сознательно надела передник. Следовательно, руки возобновили внушенное действие, чтобы завершить его. После этого внушенный акт был закончен, но Люси совершенно не сознавала этого.

Над другой больной, N., я поставил сложные опыты внушения на рассчитанный срок, которые были так интересны у Люси: N. складывала цифры, не сознавая этого и даже не понимая их. Кроме того, у нее наблюдалось также автоматическое письмо в силу постгипнотического внушения. Я внушил ей в сомнамбулизме после пробуждения отвечать мне на вопросы письменно. Она пробуждается и начинает разговаривать с другими лицами. «Сколько вам лет?» — говорю я тихо, стоя сзади нее. Рука ее берет карандаш и пишет: «Тридцать лет». — «Есть ли у вас дети?» — Она пишет: «Да, два мальчика и девочка». Если остановить ее, спросив, что она пишет, она ответит с удивлением: «Ничего», и, взглянув на бумагу, скажет: «Кто нацарапал это?» Бесполезно приводить много таких примеров. На N. я мог наблюдать почти все явления, которые описал у Люси.

Эти субъекты, однако, не вполне похожи друг на друга. N. приближается больше к типу, описанному нами в начале исследования о постгипнотическом внушении: иногда она выполняет внушение как будто в полном сознании, хотя сразу забывает об этом. Леония приближается скорее ко второму типу: при выполнении внушения она стремится совершенно впасть в сомнамбулизм, и иногда после такого акта ее нужно просто

будить, как после гипнотического сеанса. Лишь немногие акты выполняются этими двумя субъектами описанным выше способом, т. е. автоматически.

Исследование этих явлений у разных субъектов позволяет нам сделать еще одно важное замечание. Когда у субъекта наблюдается несколько различных, сменяющих друг друга сомнамбулизмов, как например, у Люси, то постгипнотическое внушение, данное в одном сомнамбулизме, может быть выполнено как и в другом сомнамбулизме, так и наяву, и обладает обычными свойствами. Так, приведя Леонию в состояние второго сомнамбулизма, т. е. в состояние Леонии 3, я внушаю ей достать платок и надеть его. Затем я бужу ее, т. е. перевожу из этого глубокого сомнамбулического состояния в другое — также сомнамбулическое, при котором воспоминание о Леонии 3 совершенно исчезает. В этом состоянии Леония 2 вовсе не помнит о данном внушении и разговаривает о посторонних вещах. Между тем руки ее ищут платок и надевают его на шею. Внушение исполняется подсознательно, как будто субъект находится в таком состоянии, которое по отношению ко второму сомнамбулизму является бодрственным. То же самое наблюдается и у Люси: внушения, делаемые ей в состоянии Люси 3, исполняются бессознательно в первом сомнамбулизме. Можно вообще сказать, что наши внушения, по-видимому, всегда относятся к той группе психических явлений, которые образуют третье состояние, потому что они редко сознаются даже при первом сомнамбулизме. Эти рассуждения о выполнении внушений носят общий характер и применимы не только к переходу из гипнотического состояния в нормальное, но и ко всем иным изменениям психического состояния. Внушение, данное субъекту в глубоком сомнамбулизме, принимает вид подсознательного акта, когда субъект переходит в менее глубокий сомнамбулизм или нормальное состояние.

Сохранением подсознательной мысли можно, пожалуй, объяснить действие постгипнотических внушений, на которых мы теперь не будем останавливаться. Образование красного пятна на коже в форме звезды, появляется ли оно после пробуждения или во время сомнамбулизма, также может быть объяснено влиянием подсознательной мысли. Нельзя сказать, что эта краснота вызывается раздражением вазомоторного нерва, так как нет нерва,

который разветвлялся бы именно в этом месте в форме такой звезды. В данном случае мы имеем дело с частичным и системным возбуждением нескольких нервов, которое я не могу понять без участия подсознательной мысли, координирующей эти возбуждения. В сомнамбулизме субъект прямо высказывает эту мысль, говоря: «Я все время думал о вашем горчичнике». Проснувшись, он, по-видимому, не думает больше о внушении и не сознает его, но что-то в нем мыслит об этом без его ведома. Иногда такого рода мысль проявляется в подсознательных актах. У Розы в числе других истерических симптомов бывали длительные маточные кровотечения, которые нам не удавалось остановить прямым внушением, т. е. просто запрещая Розе иметь их. В сомнамбулизме она рассказала мне, что раз остановила такое кровотечение, приняв раствор эрготина. «Хорошо, — сказал я, — каждые два часа бы будете принимать ложку эрготина». Разбудив ее, я не говорю ей о сделанном внушении. Тем не менее Роза каждые два часа проделывает какое-то странное движение: правая рука ее складывается, как будто держит ложку и подносит ее к открывающемуся рту, причем Роза делает быстрое движение глотания. Бесплезно спрашивать ее, что она делает — она заявляет, что не двигается. Любопытнее всего то, что кровотечение остановилось: влияние подсознательной мысли в данном случае было вполне явственно.

В начале исследования мы допустили, что постгипнотические внушения выполняются неодинаково разными субъектами: одни при выполнении внушения остаются в нормальном состоянии, другие же впадают на это время в настоящий сомнамбулизм. Благодаря только что сделанным нами наблюдениям над подсознательными действиями мы можем несколько пополнить то, что было сказано выше по этому поводу. Не будем останавливаться на тех субъектах, которые остаются всегда в нормальном состоянии, сохраняя воспоминание как о внушении, так и выполнении его. Таких субъектов, как мы сказали, нет нужды гипнотизировать, ибо они просто внушаемы и в нормальном состоянии. Покажем, что вторые, т. е. те, которые в момент выполнения внушения снова впадают в сомнамбулизм, очень мало отличаются от субъектов, исполняющих внушение бессознательно, и что различие между ними носит лишь количественный характер.

Леония исполняет внушения подсознательно, но только такие, которые не слишком сложны. Под сложным внушением я подразумеваю не только такое внушение, для выполнения которого нужно совершить целый ряд последовательных действий; в этом случае, согласно наблюдению, каждая часть акта постепенно и последовательно появляется в психике субъекта, так что в действительности усложнения не наблюдается; под сложными я подразумеваю действия, требующие умственного усилия, как, например, счет или рассуждение. Трудно выполнить внушение и в том случае, когда оно плохо или совсем не объяснено, или когда оно делается не словесно. Например, в случаях мысленного внушения, которым мне также приходилось заниматься. В таких случаях субъект теряет психическое равновесие сам не зная почему; он чувствует в себе какое-то направление, какую-то внутреннюю работу, в которых не может дать себе отчета; субъект пытается сопротивляться, но подсознательная деятельность усиливается, овладевает им со всей силой определенной мысли и в результате — обычная сознательная личность на время исчезает: внушение выполняется в полном сомнамбулизме. Но в данном случае сомнамбулизм наступает лишь вторично. Если бы не было предварительной подсознательной работы, то нельзя было бы объяснить, почему субъект засыпает без всякой причины именно в этот момент.

Следовательно, постгипнотические внушения обладают лишь с виду различными свойствами. В действительности эти явления всегда содержат один общий элемент. Внушенная во время сомнамбулизма мысль не исчезает после пробуждения, хотя субъект, по-видимому, забыл и не осознает ее: она сохраняется и развивается под нормальным сознанием и вне его. Иногда она достигает полного развития и вызывает выполнение внушенного акта, не проникая в обычное сознание; иногда же — при выполнении внушенного действия — проникает на мгновение в нормальное сознание и меняет его, вновь вызывая более или менее полное сомнамбулическое состояние. Главное — это наличие подсознательной мысли, существование которой лучше всего доказывают постгипнотические внушения. Иначе последние не могут быть объяснены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучая частичные, обусловленные рассеянностью, катаlepsии и внушения, мы пришли к заключению, что они, подобно обычным внушениям, должны зависеть от образа или восприятия, которые развиваются автоматически. Но так как этот образ или восприятие совершенно отсутствуют в обычной психике субъекта, то мы вынуждены были предположить, что они существуют вне нормального сознания индивида. Исследование постгипнотических внушений, по-видимому, подтверждает это предположение, так как эти внушения можно объяснить, только допустив существование другого сознания, которое после пробуждения сохраняет воспоминание о сомнамбулизме и которое лежит ниже нормального сознания субъекта. Пока мы наблюдали проявление второго сознания в выполняемых актах. Но изучение подсознательных актов может только обнаружить другое сознание, а не объяснить его. Для понимания этого сознания необходимо заняться исследованием тех ощущений и образов, которые оно содержит.

ГЛАВА II

АНЕСТЕЗИИ И ОДНОВРЕМЕННОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ НЕСКОЛЬКИХ ПСИХИК

Все рассмотренные нами выше проблемы привели нас к решению целого ряда вопросов, на которые мы теперь можем дать определенный ответ. От чего зависит сомнамбулизм и характеризующее его забывание? От исчезновения после пробуждения чувствительности, доминирующей при сомнамбулизме, т. е. от анестезии. Как объяснить повиновение внушениям без согласия самого субъекта? Сужением поля сознания, которое проявляется то в полной и длительной, то в преходящей и систематизированной анестезии. При каких условиях появляется частичная катаlepsия и выполняется внушение, обусловленное рассеянностью? Первая — при полной и длительной анестезии какого-либо члена, вторая — при анестезии временной и систематизированной. Наконец, какова самая важная особенность выполнения постгипнотического внушения? Та, что субъект думает о них, не подозревая об этом, и выполняет внушенные действия, не сознавая их. Итак, все приводит нас к необходимости изучения этой странной анестезии, о которой мы так часто упоминали и которая состоит не в повреждении какого-либо органа чувств, а в исчезновении соответствующей психической способности и всех приобретенных в связи с нею воспоминаний и свойств. Исследование данной проблемы тем более трудно, что до сих пор она, если я не ошибаюсь, почти не рассматривалась с этой точки зрения. Есть много превосходных исследований об истерической анестезии с физической точки зрения. В них главное внимание обращено

на локальность анестезии и на предполагаемое повреждение соответствующих органов чувств. Но почти нет авторов, которые рассматривали бы это явление с психологической точки зрения, исследуя его моральные последствия и те интеллектуальные расстройства, от которых оно зависит. Важное значение этого вопроса для изучения психического автоматизма заставляет нас заняться им подробнее.

1. СИСТЕМАТИЗИРОВАННЫЕ АНЕСТЕЗИИ

Анестезия бывает двух родов: во-первых, анестезия общая, при которой субъект лишен всех ощущений со стороны какого-либо органа чувств; во-вторых, анестезия систематизированная, при которой субъект лишается известного числа, известной системы ощущений и образов, не утрачивая способности воспринимать все остальные ощущения в области того же чувства. Мы исследуем прежде всего вторую форму анестезии, которую очень легко воспроизвести, благодаря одному любопытному опыту, уже давно известному под именем *внушения отрицательной галлюцинации* или *внушения систематизированной анестезии*. Дело в том, что путем внушения можно также легко запретить сомнамбуле что-нибудь, как и приказать. Когда запрещение касается ощущений, то можно вызвать искусственную глухоту или слепоту, подобно тому как положительное приказание вызывает галлюцинацию. Такое запрещение бывает особенно интересным тогда, когда оно лишает субъекта зрительного восприятия не всех предметов, а какого-нибудь одного: последний становится невидимым, между тем как все другие предметы ясно различаются субъектом.

Такого рода явления наблюдались уже давно: «Часто пользуются сомнамбулическим состоянием, — писал Делёз в 1825 г., — чтобы заставить больного принять лекарство, к которому он испытывает отвращение. Я видел женщину, которая испытывала сильный страх, когда ей в сомнамбулизме ставили пиявки. В сомнамбулизме она просила своего гипнотизера запретить ей смотреть после пробуждения на свои ноги. И действительно, наяву она и не подозревала, что ей ставили пиявки».

Бертран писал: «Я знал одного гипнотизера, который внушал своим сомнамбулам не видеть никого из лиц, находящихся в комнате, но видеть какое-либо другое лицо, которого вовсе не было в комнате. После пробуждения больная не видела окружающих ее лиц и обращалась с речью к тем, которых гипнотизер велел ей видеть».

Приведем также интересный рассказ Теста: «Г-жа Г. находится в сомнамбулизме, г. М. делает по направлению к нескольким присутствующим лицам два или три пасса. Проснувшись, госпожа Г. не видит никого, кроме меня и его. Она, по-видимому, вполне убеждена, что осталась с нами двумя только, а вся комната представляется ей наполненной каким-то беловатым облаком. „Странно, — говорит она, — я слышу какие-то голоса... Но где же бывшие здесь лица? Что сделалось с г-жей N.? Я ясно слышу их голоса... Скажите им, чтобы они показались... Это пугает меня“». * Интереснее всего то, как Тест объясняет это явление: «В данном случае магнетический флюид — инертный, непрозрачный, беловатый пар — остается, как туман, в этом месте, где его распределила рука, и скрывает предметы от сомнамбул». Приведем еще отрывок из Шарпиньона, у которого, несмотря на неправильные теории, можно найти весьма точные психологические описания. «Воспоминание о том, что происходит в сомнамбулизме, может всплыть при обычной жизни тогда, когда мы вызываем функциональные изменения в области чувств. Так, например, мы показывали сомнамбулам три апельсина, один из которых был намагнетизирован и окружен толстым слоем флюида, чтобы сомнамбулы не могли его видеть. Действительно, придя в себя, сомнамбулы не видели этот апельсин. Напрасно мы утверждали, что на блюде было три апельсина — они смеялись над нами и показывали нам лишь два, беря их в руки. Но когда они, водя рукой по блюду, наталкивались на какое-то тело, иллюзия исчезала, и все три апельсина становились видимыми. Я спрашиваю другую сомнамбулу, видит ли она маленький столик посередине комнаты. Она отвечает: „Да“. Тогда я окутываю всю ножку стола флюидом, и сомнамбула начинает удивляться тому, что видит только верхнюю доску стола, повисшую в воздухе. Удивление сомнамбулы после пробуждения

---

* Teste. Magnétisme expliqué. 1845.

не поддается описанию: она шупает со всех сторон эту висящую в воздухе доску, находит ее очень твердой и уходит в сильном беспокойстве. Считая эти опыты мало известными, мы варьировали их на тысячу ладов, и они всегда удавались, если мы имели дело с подходящей сомнамбулой». * Не следует, впрочем, всем ранним гипнотизерам приписывать это несколько наивное объяснение. Бертран, как известно, высказывал гипотезу, аналогичную теории Брэда. «Внушенная мысль, — писал последний автор в 1843 г., — до такой степени овладевает психикой субъекта, что, пользуясь ее силой, можно изменить его зрение: внушить ему не видеть предмет, помещенный у него перед глазами, или заставить его думать, что это совсем другой предмет». ** Эту же теорию с небольшими изменениями мы находим у доктора Филипс и доктора Льебо.

Бернгейм делает различие между обычной или положительной галлюцинацией и этим уничтожением ощущений, которое он называет *галлюцинацией отрицательной*. «Одной женщине, находящейся под моим наблюдением, я внушаю, что после пробуждения она меня не увидит и не услышит, и что меня не будет в комнате. Проснувшись, она, действительно, начинает искать меня: напрасно я говорю ей на ухо, что я здесь; напрасно щиплю ее за руку — она ее быстро отдергивает, не стараясь найти причину этого ощущения... Эта отрицательная иллюзия, которую я вызывал у нее в других сеансах на 5 или 10 мин, сохранялась в этот раз все время (20 мин), пока я находился рядом с ней». *** Термин, выбранный Бернгеймом для обозначения этого явления, встретил сильные возражения со стороны других исследователей. Это не галлюцинация, — возражали ему — а уничтожение восприятия определенного предмета, не мешающее восприятию другого предмета... Явление это аналогично параличам, т. е. потере одних движений при сохранении других, это *систематизированная анестезия*. **** Конечно, описанное явление приближается скорее к анестезиям, чем к галлюцинациям; да и выражение *отрицательная галлюцинация* — довольно неправильное сочетание

---

* Charpignon. Physiologie du magnetisme. 1848. P. 31.

** Braid. Neurypnologie. 1883. P. 247.

*** Bernheim. De la suggestion. 1884. P. 27.

**** Binet et Féré. Revue. philos. 1885. I. P. 23.

слов. Если общую анестезию не называют полной отрицательной галлюцинацией, то это явление естественнее обозначать *систематизированной анестезией* — выражением, предложенным Бине и Фере. С другой стороны, Бернгейм прав в том, что не считает это явление настоящей анестезией, т. е. действительным уничтожением ощущения. «Я, — говорит он, — не вызывал паралича зрения, ибо субъект видит все предметы, за исключением того, который я запретил ему видеть. Я изгладил из его сознания соответствующий чувственный образ — так сказать, нейтрализовал восприятие этого образа, почему и называю это явление отрицательной галлюцинацией» (*De la suggestion*). Изучаемые нами факты подтверждают последнее мнение Бернгеймом, и потому мы принимаем его выражение. Мы думаем, что общие и частичные анестезии у истеричных правильнее обозначать аналогичным термином, так как эти явления, как мы увидим ниже, одного и того же порядка.

Поль Рише, Бине и Фере поставили ряд весьма точных опытов, имевших большое значение в разработке этого вопроса. Опыты эти следующие:

1. Если внушить сомнамбуле, что такого-то лица больше нет в комнате, то она перестает видеть его, в каком бы месте комнаты лицо это ни находилось. Но если надеть что-нибудь на это лицо, например, шляпу, о которой гипнотизер во время внушения ничего не сказал сомнамбуле, то шляпа останется видимой и будет представляться ей как бы висящей в воздухе. Наоборот, если субъект, видеть которого сомнамбуле запретили, вынимает из кармана носовой платок, то последний остается невидимым так же, как и сам субъект. Эти и другие явления того же порядка бывают очень разнообразны. Для одной сомнамбулы всякий предмет, прибавленный к костюму того лица, которое ей запретили видеть, становится всегда невидимым, как и само это лицо. Другая же сомнамбула всегда видит этот предмет. Я знал сомнамбулу, которая видела предмет наполовину (как бы разрезанным пополам), когда его держали одновременно два лица: лицо, ставшее для нее невидимым, и лицо, которое она продолжала видеть.

2. Став невидимыми для сомнамбулы, субъект или какой-либо предмет скрывают от нее и заслоняемые ими предметы, и сомнамбула заменяет галлюцинациями зрительные восприятия данных

предметов. Впрочем, то же самое делаем и мы, когда изображение предмета падает на слепое пятно сетчатки. Такая галлюцинация может идти очень далеко: я внушил одному субъекту вовсе не видеть той комнаты, в которой мы находились. После пробуждения он сам, галлюцинируя, заменил эту комнату другим помещением, о котором я ему не говорил.

3. На самом деле невидимый предмет воспринимается субъектом, так как вслед за этим восприятием появляется иногда образ дополнительного по отношению к невидимому предмету цвета, и этот образ субъект уже видит: если запретить сомнамбуле видеть красную бумагу, то через некоторое время на том же месте она будет видеть зеленоватый цвет. Мне самому не приходилось наблюдать это явление в достаточно яркой форме, но физические и моральные условия сомнамбулизма настолько сложны, что никогда не следует удивляться тому, что не наблюдал какого-либо явления в том же виде, как другие исследователи.

4. «Из десяти подобных с виду карточек мы выбираем какую-либо одну и запрещаем сомнамбуле видеть ее после пробуждения. Действительно, когда она просыпается, и мы показываем ей поочередно все десять карточек, — только одна остается для нее невидимой, именно та, на которую мы указали ей в сомнамбулизме. Если больная ошибается иногда, это доказывает только, что карточки слишком похожи друг на друга, и ей недостает опорного пункта для различения их. Если мы будем показывать ей только небольшой краешек карточек, то все они также будут видны для нее».* Этот опыт очень важен, так как он объясняет саму сущность явления. Действительно, теперь дело идет не о полной или частичной анестезии сетчатки, ибо «нужно, чтобы субъект узнал предмет, чтобы не видеть... Узнавание картона, требующее очень тонкой и сложной умственной работы, приводит к явлению анестезии. Следовательно, нужно допустить, что весь процесс протекает в бессознательной сфере... Бессознательное рассуждение всегда предшествует, подготавливает и руководит явлением анестезии». Это не только вероятно, но и неизбежно: после пробуждения сомнамбула не помнит о данном ей внушении, не знает, что она должна видеть какой-то предмет, и не знает, каков этот

---

* Binet et Féré. *Magnétisme animal*. P. 236.

предмет. Тем не менее, когда ей показывают карточку, и она ее не видит, нужно, чтобы воспоминание о внушении всплыло и чтобы она узнала карточку по некоторым признакам, хотя ничего этого и не сознает. Мне кажется, что между этим вопросом и одной из проблем, которые мы изучали в предыдущей главе, есть некоторая аналогия. Каким образом сомнамбула, которой внушено прийти через неделю, считает дни в то время, когда у нее не сохранилось никакого воспоминания о внушении? Как узнает она предмет, о котором она вовсе не помнит и о котором, по-видимому, даже забыла? Эти две проблемы аналогичны, и если наблюдение над Люси помогло нам ответить на первый вопрос, то, быть может, оно даст возможность пролить некоторый свет и на второй вопрос.

2. СОХРАНЕНИЕ ОЩУЩЕНИЯ ПРИ НАЛИЧИИ СИСТЕМАТИЗИРОВАННОЙ АНЕСТЕЗИИ

Приведенные выше опыты подтверждают возможность существования бессознательной способности различать определенный знак. Прежде всего воспроизведем эти опыты. Я кладу сомнамбуле на колени пять белых листков, из которых два помечены маленьким крестиком. «Когда вы проснетесь,— говорю я ей,— вы не будете видеть листков, помеченных крестиком». Через десять минут я привожу ее в нормальное состояние, и она не сохраняет никакого воспоминания о данном ей внушении: она удивляется, видя у себя на коленях какие-то листки. Я прошу ее пересчитать их и вручить мне по одному. Она берет один за другим три листка — именно те, которые не были помечены, и передает их мне. Я настаиваю и прошу остальные, но она заявляет, что не может больше дать, так как больше нет. Выражение лица у нее нормальное и она, по-видимому, вполне наяву: может свободно разговаривать, помнит, что делала и что ответила мне. Я беру у нее все листки и опять раскладываю у нее на коленях, обернув их на другую сторону, чтобы скрыть крестики. Тогда она насчитывает пять листков и вручает мне все. Я снова кладу их, но уже крестиками вверх — она опять берет только три листка, оставляя два. В этом заключается опыт Бине и Фере и, мне кажется, из него можно

сделать вывод, что субъект каким-то образом видит и узнает крестики. Это предположение становится еще более вероятным, если усложнить опыт. Я усыпляю субъекта и кладу ему на колени двадцать маленьких листочков. «Вы не будете видеть, — говорю я сомнамбуле, — листков, на которых написаны числа, кратные трем». Проснувшись, Люси все забывает и снова удивляется тому, что на коленях у нее опять те же листки. Я прошу ее вручить мне их по одному: она дает мне четырнадцать листков, оставляя себе шесть, к которым даже не прикасается. На этих оставшихся листках написаны числа, кратные трем. Напрасно я прошу ее дать мне остальные листочки — она их не видит. В данном случае необходимо было помнить, что речь идет о числах, кратных трем, и видеть цифры, чтобы узнать их. Закончим следующей шуткой: я внушаю субъекту не видеть листка бумаги, на котором написано слово «невидимый» — проснувшись, он, действительно, не видит его.

Итак, сомнамбула все-таки видит предмет, который как будто невидим ею. Но в то же время субъект вполне искренно заявляет, что не видит предмета. Зрительное восприятие этих предметов, должно быть, того же порядка, что и подсознательные акты, о которых говорили выше. Докажем это. Я говорю Люси в сомнамбулизме, что находящийся в комнате д-р Повилевич только что вышел. После пробуждения она не видит его и спрашивает, почему он ушел, но я прошу ее не беспокоиться по этому поводу. Затем, встав сзади нее, я в то время, когда она занята разговором, тихонько говорю ей: «Встань, пойдти, дай руку доктору». Она встает, направляется к д-ру Повилевичу и протягивает ему руку, между тем как глаза ее продолжают искать его. На вопрос, что она делает и кому дает руку, она отвечает, смеясь: «Вы сами видите — я сижу на своем стуле и никому не даю руки». Так как она думала, что сидит на месте, то, вероятно, не видела причины идти куда бы то ни было и потому продолжала стоять с протянутой рукой. Чтобы она села, нужно было внушить ей это. При этом Люси, конечно, не помнила, что вставала и давала кому-то руку, зато она прекрасно помнила о том, что д-ра Повилевича нет в комнате. Здесь мы имеем дело с подсознательным актом, который связан с подсознательным восприятием доктора, хотя последний как будто и исчез для Люси.

Тот же опыт можно поставить иначе: лицо, отсутствующее для сомнамбулы, приказывает ей встать, показывать нос и т. д. Все сразу выполняется, хотя Люси и заявляет всегда, что не видит и не слышит никого. Подобное явление я наблюдал и у другого субъекта — у Марии. Мало знакомые ей лица, которые не имеют на нее никакого влияния, когда она видит и слышит их обычным способом, приобретают над нею власть гипнотизера, если только внушить ей, что они вышли из комнаты. В этом случае внушения этих лиц действуют на группу явлений подсознательных, которые оказывают меньшее сопротивление, чем группа явлений сознательных. Сюда же относится и наблюдение Бони, заключающееся в том, что лица, исчезнувшие таким образом, могут усыплять субъекта пассами. Это вполне естественно, ибо они находятся в определенном отношении к тем подсознательным явлениям, высшим развитием которых является сомнамбулизм. Впрочем, прямым энергичным внушением можно заставить субъекта вспомнить все внушения, которые он как будто не слышал. Вообще можно путем внушений восстановить у субъекта все ощущения, которые, казалось, были уничтожены систематизированной анестезией. При рассмотрении общей анестезии мы еще вернемся к вопросу о воспоминании подсознательных явлений.

На основании всех этих наблюдений можно с достаточной уверенностью сказать, что несознаваемое ощущение сохраняется и известным образом примыкает к подсознательным актам. Применение автоматического письма, о котором мы уже говорили, поможет нам проверить это положение. Вернемся к нашим первым опытам. Люси не видит ни листков, помеченных крестиком, ни листков, на которых написаны числа кратные трем, и не передает их мне. Я отхожу от нее и, пользуясь моментом достаточной рассеянности, приказываю ей взять карандаш и написать, что у нее на коленях. Правая рука ее пишет: «Два листка бумаги, помеченных маленькими крестиками». — «Почему Люси не передала их мне?» — «Она не видит их». Или же рука ее пишет: «На коленях лежат шесть маленьких листочков». — «И что на них написано?» — «Цифры 6, 15, 12, 3, 9, 18 — я их прекрасно вижу». Тот же опыт был поставлен и с числами, кратными двум, затем кратными пяти. Я давал Люси листок, помеченный какой-либо буквой, запрещая видеть согласные или гласные; показывал ей

листки бумаги с проведенными черточками, внушая ей не видеть те листки, на которых было три черточки. Наконец, показывал Люси в сомнамбулизме листы цветной бумаги, запрещая видеть красный цвет. Результаты всех этих опытов были одинаковы: Люси не видела тех предметов, которые ей было запрещено видеть. Но группа подсознательных явлений (которую мы пока не можем называть иначе) отвечала при помощи автоматического письма, что прекрасно видела их.

Остается выяснить еще, обладают ли общие анестезии теми же свойствами. Я внушаю Люси в сомнамбулизме, что после пробуждения она будет совершенно слепа. Проснувшись, она, действительно, ничего не видит; но, к счастью, это не очень пугает ее, так как она объясняет это тем, что лампа погасла, и мы все остались в темноте. Сильный свет, направленный ей прямо в лицо, не заставляет ее даже отвести глаза в сторону; обычно же в таких случаях она с ужасом закрывает глаза и даже впадает в каталепсию. Этот эксперимент напоминает опыт Бине и Фере, которые внушали своей сомнамбуле не видеть гонга и не слышать звука его, который раньше вызывал у больной каталепсию. Несмотря на явную слепоту Люси, я обычным способом обращался с вопросами к ее бессознательной сфере, которая ясно видела все и при помощи автоматического письма называла все показываемые мною предметы.

Я не буду говорить об опытах систематизированной анестезии в области слуха или обоняния, когда сомнамбуле внушают не чувствовать какого-либо запаха или же не слышать голоса какого-либо лица. Такие опыты дают всегда одни и те же результаты. Интереснее, мне кажется, остановиться на опытах в области осязания. Систематизированная анестезия осязания может наблюдаться в двух видах: или говорят субъекту, что он не будет чувствовать прикосновения такого-то предмета из целой массы других предметов — тогда опыт протекает как вышеописанные опыты с листками бумаги; или же субъекту внушают, что какая-нибудь часть тела у него (обычно на той стороне, где сохранилась чувствительность) ничего не чувствует. Этот опыт был поставлен еще Шарпиньоном, который говорил, что по желанию может лишить чувствительности кисть руки или всю руку. Я вспоминаю о своем удивлении, когда Жибер показал мне, что на правой руке

Леонии можно провести круг и сделать его нечувствительным, тогда как вся рука сохраняет обычную чувствительность. В этом явлении склонны усматривать наличие действительной анестезии: в данном случае, говорят, мы имеем дело не с систематизированной анестезией, а с частичной. Здесь, мол, нерв ничего не чувствует, подобно тому как глаз или часть сетчатки может ничего не воспринимать. Я не думаю, чтобы дело обстояло именно так: потерявшее чувствительность место руки в виде круга или звезды не соответствует поверхностному разветвлению кожного нерва; анестезирован не один нерв в своем целом, а части нескольких нервов.

Это разумное распределение анестезии в виде круга или звезды может совершаться только при помощи сознательного представления. Для того, чтобы субъект правильно ответил мне, когда я укалываю его в руку, нужно, чтобы он, даже не глядя, знал, когда я делаю укол внутри круга. Нужно, следовательно, чтобы он чувствовал это. Поэтому нет ничего удивительного в том, что бессознательная сфера правильно указывает нам при помощи автоматического письма, что мы делаем — различает даже в анестезированной области укол, прикосновение, холодный или теплый предмет.

Решив таким образом вопрос о существовании нового сознания при систематизированных анестезиях, я хотел исследовать объем этого сознания, т. е. число явлений, которые оно может охватывать. Вернемся к первому опыту. Он не занимателен ни для зрителей, ни для сомнамбул, но зато отличается чрезвычайной точностью. Я кладу на колени Люси, находящейся в сомнамбулизме, пять листков и повторяю прежнее приказание: «Вы не увидите листков, помеченных крестиком». Когда Люси пробуждается, я не задаю ей вопросов, как это было в прежних опытах, и не заставляю ее давать мне те листки, которые она видит. Теперь я обращаюсь к группе подсознательных явлений и заставляю Люси передавать мне листочки при помощи подсознательных актов: глаза ее на момент опускаются и рука протягивает мне два листка, помеченных крестиком. Я прошу дать мне еще — рука не двигается, потом пишет: «Больше нет». Тогда я говорю Люси: «Дайте мне листочки, что у вас на коленях». Она смотрит на них и без колебания протягивает мне оставшиеся три листка. Таким

образом, все листочки были видимы: одни — сознательной личностью Люси, а другие личностью подсознательной, о которой первая не имела никакого представления. Причем ни та, ни другая личность не видела всех листков.

Если настоящее наблюдение верно (должен признаться, что в данном случае опыты не были столь многочисленны и точны, как раньше), то можно сделать следующий вывод: всякое явление, искусственно присоединенное ко второй группе (подсознательной), будет изъято из сферы нормального сознания Люси, составляемого первой группой. Таким образом можно вызвать у нее систематизированную анестезию, прибавляя к подсознательной группе какое-либо явление из первой группы (сознательной). Постараемся доказать это: во время сомнамбулизма или наяву (это не имеет значения) я обращаюсь к подсознательной личности Люси так же, как при внушении по рассеянности: «Вы будете видеть, — говорю я, — листки, помеченные крестиком, кратные трем и т. д.». Результат получается тот же, что и раньше: Люси перестает видеть эти листки. Я заметил, что вторая личность при письме не пользовалась глазами и что она вообще не видела; поэтому я внушаю ей пользоваться глазами и хорошо видеть. Но как только это осуществляется, Люси (т. е. первая личность) восклицает: «Что такое случилось? Я ничего не вижу», — и я вынужден вновь усыпить ее, чтобы устранить ее замешательство.

Мы уже наблюдали подобного рода явления при изучении постгипнотических внушений. Совершаемые таким образом подсознательные действия обладают одним общим и даже неизбежным признаком: они сопровождаются (чтобы не сказать образуются) систематизированной анестезией. Я внушаю Леонии показать мне нос. После пробуждения руки ее поднимаются к кончику носа, но сама она не подозревает об этом. Акт этот — бессознательный, и она не видит своих рук у себя перед глазами. Я внушаю N. поднять правую руку. Проснувшись, она выполняет это, но не чувствует, что рука ее в воздухе, хотя и сохраняет в правой руке обычное мышечное чувство. Стоя сзади нее, я считаю или хлопаю в ладоши — она ничего не слышит, хотя вовсе не оглохла. Вот еще более яркий пример. Однажды вечером я внушил Люси в сомнамбулизме прийти к д-ру Повилевичу на следующий день в два часа. Когда она пришла, я никак не мог

заставить ее понять, где она. Она не переставала утверждать, что находится у себя дома. Несомненно, что в данном случае мы имеем дело как с бессознательным выполнением постгипнотического внушения, так и с прекрасным случаем систематизированной анестезии. Люси не видела ни улиц, по которым проходила, ни домов, ни комнаты, в которой очутилась. Отсутствие зрения она заменила галлюцинацией. Мы знаем, что таково общее правило. Но главным явлением все же остается анестезия зрения. Я внушил данное действие подсознательной Люси, а вместе с этим внушил ей, следовательно, и то, как узнать дорогу, дом, комнату. В то же время, сам не подозревая этого, я изъясил эти представления из нормального сознания Люси в силу закона психического расщепления, которое характеризует подсознательные явления.

Все эти опыты приводят нас к следующему заключению: *при внушении систематизированной анестезии ощущение не уничтожается и не может быть уничтожено — оно просто отрывается от сознания нормального, и воспоминание о нем может всплыть у субъекта позднее как часть другой группы явлений, другого рода сознания.*

3. ЯВЛЕНИЕ РАЗБОРЧИВОСТИ СОМНАМБУЛ, ИЛИ СИСТЕМАТИЗИРОВАННАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Читатель, несомненно, будет удивлен тем, что я хочу заняться рассмотрением указанного в заглавии явления, так как обычно не принято сблизать свойство разборчивости у сомнамбул с их систематизированной анестезией. Однако эти два свойства кажутся мне весьма близкими друг к другу или, лучше сказать, они составляют одно и то же явление, рассматриваемое только с двух различных точек зрения.

Сомнамбулы всегда, или почти всегда, проявляют свойство разборчивости, и это постоянно наблюдалось со времен Месмера и Пьюсегюра. Это свойство заключается в том, что *сомнамбулы не воспринимают всех ощущений без различия, а делают, по-видимому, выбор между различными впечатлениями, воспринимая одни и вовсе не воспринимая других.* Большинство субъектов в сомнамбулизме прекрасно слышат своего гипнотизера и разговаривают с ним. Но,

по-видимому, совершенно не слышат других лиц или какого-либо постороннего шума — даже выстрела из пистолета, как это наблюдалось в опытах Дюпоте. «Сомнамбула слышит звуки только тогда, когда они намагнетизированы. Нужно, чтобы гипнотизер делал пассы по воздуху или прикасался к клавишам пианино для того, чтобы сомнамбула слышала извлекаемые из него звуки» (Шарпиньон). «Субъект не чувствует булавок, воткнутых ему в кожу, хотя у него очень тонкое осязание» (Демарке). «Субъект будет ощущать карандаш, когда к нему прикоснулся гипнотизер, но не будет ощущать его, если к нему прикоснулось другое лицо» (Охоровиц).

Эта связь между субъектом и лицами или предметами, позволяющая ему видеть одни в отличие от других, получила название гипнотического *rappor't'a*; заставляя сомнамбулу видеть или слышать такое-то лицо, тем самым приводят ее в *rappor't* с этим лицом. Явление гипнотического *rappor't'a* очень интересно и может быть легко констатировано, так что я в большей или меньшей степени наблюдал его почти у всех изучавшихся мною субъектов. В первом сомнамбулизме у Леонии почти не наблюдается этого явления: она слышит и видит всех. В более выраженной форме оно проявляется у нее во втором сомнамбулизме: тогда она слышит только меня, да и то только в том случае, если я прикасаюсь к ней. Но свойство разборчивости проявляется у нее во всех состояниях по отношению к внушению, ибо она повинуетя только мне. У Розы и Марии разборчивость наблюдается в большей степени, чем у Леонии: как только они впадают в сомнамбулизм, они теряют представление о внешнем мире и видят, слышат и чувствуют только того, кто усыпил их. Мария по отношению к другим лицам сохраняет только слабую тактильную чувствительность, если это можно так назвать: при прикосновении лица, не находящегося с ней в *rappor't'e*, она испытывает ярко выраженное чувство страдания или отвращения. Роза же никогда не испытывает ничего подобного. Я не буду говорить здесь о Люси, у которой свойство разборчивости наблюдалось лишь в слабой степени и которая отличала меня от других лиц лишь в смысле повиновения моим внушениям.

Такое состояние (т. е. разборчивость) субъекта проявляется в различных формах. Самой любопытной и наиболее известной

является следующая: если я поднимаю руку сомнамбулы, придавая ей определенное положение, то рука остается неподвижной, и мне очень легко переместить ее одним лишь прикосновением. Но если постороннее лицо хочет переместить руку субъекта, то она внезапно напрягается и энергично сопротивляется движению, которое хотят сообщить ей. Если данное положение руки изменяют насильно, то рука принимает прежнее положение.

Известно, что свойство разборчивости может проявляться у субъекта по-разному в разных частях тела. Правая сторона тела может повиноваться одному эксперименту, а левая сторона — другому. Никто из них не может перейти линию раздела и проявить свою власть на территории другого. Я не часто повторял этот опыт, так как он очень утомляет исследуемых сомнамбул.

Такую разборчивость сомнамбул можно изменить различными приемами, при помощи которых симпатии сомнамбулы могут быть перенесены на другое лицо: одни для достижения успеха прикасаются к темени субъекта, другие делают пассы, третьи пользуются просто словесным внушением. Заменить одного гипнотизера другим в одних случаях бывает легко, в других — довольно трудно. Что касается моих субъектов, то гипнотизер, который чаще всего усыпляет их, и сохраняет над ними влияние. Если я часто усыплял какое-нибудь лицо, то никакой другой гипнотизер не может заменить меня — и я легко могу подчинить этого субъекта своей власти, даже если другой гипнотизер начал усыплять его. Когда субъекта часто усыпляли разные лица, то заменить одного гипнотизера другим очень легко. Но вообще в таких случаях всякая разборчивость исчезает у сомнамбул.

Точно также можно, не теряя самому власти над сомнамбулой, легко привести ее в *rapport* с каким-либо лицом, если заставить сомнамбулу слышать голос этого лица. С Розой это удастся с большим трудом: нужно очень энергично приказывать ей слышать такое-то лицо, да и установленный таким образом *rapport* длится очень недолго. С Марией наоборот это удастся очень легко: чтобы установить *rapport* между нею и каким-либо лицом, достаточно представить его. В этом отношении она похожа на скромную молодую девушку, которая не разговаривает с посторонними лицами до тех пор, пока ей не представят их. Достаточно сказать: «Мария, этот господин хочет поздороваться с тобой» — и она

прекрасно его примет и будет слышать его в течение всего сеанса. Любопытно, что достаточно простого заявления, чтобы она не боялась больше прикосновения этого господина. С Леонией дело обстоит несколько иначе: чтобы привести ее в *rapport* с посторонним субъектом, нужно взять ее за руку и одновременно прикоснуться к руке этого субъекта: Леония заявляет тогда, что слышит отдаленный голос, который как бы проходит сквозь мое тело. «Это — как в телефон», — говорит она.

В некоторых более сложных случаях можно установить *rapport* при помощи *магнетической цепи*, как говорили ранние гипнотизеры. Я сам как-то наблюдал подобный случай: несколько лиц держатся за руки, и гипнотизер незаметно от сомнамбулы прикасается к руке последнего лица, входящего в состав цепи. Так устанавливается *rapport* между этими лицами и сомнамбулой. Когда же гипнотизер перестает прикасаться к руке данного лица, *rapport* прерывается. Трудно понять, каким образом субъект узнает, что гипнотизер прикасается к лицам, находящимся в цепи. Что же касается явления самого *rapport'a*, то оно аналогично предыдущим.

Я не собираюсь объяснять здесь все эти подробности, изучение которых не входит в нашу задачу. Запомним лишь основной факт: субъекты слышат, видят и чувствуют прикосновение только небольшого числа лиц, которые при различных обстоятельствах могут заменять друг друга. При этом они являются глухими, слепыми и нечувствительными по отношению к другим лицам.

При естественном сомнамбулизме можно наблюдать аналогичные явления, которые мы считаем нужным здесь привести, хотя они общеизвестны. В припадке естественного сомнамбулизма одна больная, о которой сообщает Рише, может слышать и чувствовать присутствие только одного лица. Я слышал вполне достоверный рассказ о подобном случае: Х., оказавший большую услугу субъекту, страдавшему тяжелой формой истерии, застал его однажды в сильнейшем нервном припадке, во время которого больной не в состоянии был слышать никого. Когда Х. взял его за руку — больной остановился и начал говорить с закрытыми глазами: «Ах, это ты... Я тебе всем обязан и не должен тебе сопротивляться... Хочешь, чтобы я был благодарен?.. Ну хорошо, я больше не двинусь». Но как только Х. отпускал его руку, кон-

вильсии вновь начинались, и никто другой не мог их остановить. Я уже приводил подобные случаи, которые наблюдал на своих больных. Но этот случай намного интереснее, так как Х. никогда не гипнотизировал данного больного, и разборчивость обуславливалась исключительно благодарностью больного.

Разборчивость естественных сомнамбул относится к предметам, а не к лицам. Подобно тому как субъект в гипнозе видит только известное лицо, также и естественная сомнамбула видит только некоторые предметы, не видя всех остальных. Всем знаком рассказ о сомнамбуле Каstellи, которому было светло только с его свечей и становилось темно, когда его свеча потухала (Жиль де ла Туре). В этом отношении наиболее полным и наиболее любопытным является наблюдение над его сомнамбулой д-ра Мэнэ. Последняя во время приступов сомнамбулизма располагала только чувством осязания, при помощи которого она ориентировалась и воспринимала окружающие предметы. При этом у нее нельзя было вызвать функционирования других органов чувств — она ничего не видела и не слышала. Когда же внимание ее, благодаря чувству осязания, было направлено на какой-либо предмет, она начинала видеть его. «Способность видеть появлялась у нее только в связи с осязанием и ограничивалась лишь предметами, с которыми она в настоящее время находилась в *rappor't'e* благодаря прикосновению».* «Больной, — говорит Мэнэ, — видит лишь некоторые предметы и не видит всех остальных. Его зрению доступны все предметы, к которым он прикасается, и, наоборот, недоступны те, которые являются как бы посторонними по отношению к нему: он видит спичку, которую держит *сам*, и не видит той, которую держу *я*». С Люси неоднократно наблюдались подобные явления во время приступов естественного сомнамбулизма. Ночью она встает с навязчивой мыслью делать уборку — привычка, бывшая у нее в сомнамбулизме, но не наяву — зажигает лампу, выходит с ней из комнаты, начинает все чистить и приводить в порядок. Субъект, вышедший вслед за ней, напрасно пытается заставить ее услышать или увидеть себя — Люси не видит его. Но вот лампа Люси начинает гаснуть — она тотчас бросается к ней и выпускает фитиль. Таким образом, она не видит лиц, старая-

---

* Mesnet. Automatisme. 1874.

щихся обратить на себя внимание, но сразу замечает, что ее лампа гаснет.

Эти явления разборчивости отличаются от систематизированных анестезий только в одном отношении — они являются, или кажутся, противоположными: в то время как прежде субъект переставал видеть определенное лицо или предмет, продолжая видеть всех остальных, теперь он видит только определенный предмет и делается слепым по отношению ко всем другим предметам. От одного случая легко можно перейти к другому. Предположим, что субъект вначале слышит всех присутствующих лиц, а потом я запрещаю ему слышать одного из них — это будет систематизированная анестезия. Если же я запрещаю ему слышать второго, третьего и т. д. до тех пор, пока он будет слышать только меня — это будет разборчивость со стороны субъекта. Последняя является как бы развитой формой систематизированной анестезии, при которой количество исчезнувших восприятий больше числа сохранившихся. Для выражения этой аналогии можно было бы воспользоваться словом, которое уже употребляли некоторые авторы — систематизированная эстезия (чувствительность).

Если дело обстоит так, то естественно пойти дальше в этом сравнении и исследовать, действительно ли отсутствуют, казалось бы, исчезнувшие восприятия. Простое размышление доказывает, что это невероятно. Если субъект видит и слышит меня, то можно заключить, что у него не парализованы ни слух, ни зрение. Если он слышит и чувствует только меня, то это доказывает, что он отличает мой голос и мое прикосновение от голоса и прикосновения всех других лиц. Это не очень трудно, так как человека легко можно узнать по голосу и прикосновению. Но, чтобы делать подобное различие, нужно слышать и чувствовать других лиц, т. е. нужно сохранить якобы исчезнувшие ощущения.

Это естественное предположение высказывали многие авторы. «Лица, впадающие в глубокий сомнамбулизм, — говорил Льебо, — обладают ощущениями, о которых, по-видимому, не имеют представления. Позднее они могут рассказать о них как бы по непосредственному вдохновению».* «Сомнамбула в известном состоянии, — говорит Охорович, — не слышит посторонних лиц,

---

* Liébault. Du sommeil. P. 68.

но ошибочно думать, что слуховые ощущения совершенно не воспринимаются. Они входят в психику субъекта и образуют, так сказать, скрытые слуховые ощущения, которые соединяются с другими ощущениями и могут проявиться в других более глубоких сомнамбулических состояниях».* В некоторых случаях можно проверить эти предположения.

Так, например, молодой человек, который в сомнамбулизме, казалось, вовсе не слышал двух лиц, обращавшихся к нему, позднее рассказал мне все, что те говорили, и заявил, что в тот момент он совершенно не мог отвечать им. Иногда приходится энергично приказывать субъекту вспомнить такие-то явления, чтобы воспоминание об этих, по-видимому, не сознававшихся явлениях всплыло полностью. У других субъектов такие воспоминания всплывают намного быстрее и легче. Достаточно привести их в *rapport* с данным лицом, чтобы это обстоятельство имело как бы обратное действие и вызвало воспоминание о том, что раньше было сказано этим лицом. Мария совершенно не слышит и не видит X., который говорит с ней. Через несколько минут я обращаю на него ее внимание: «Мария, — говорю я, — этот господин хочет видеть тебя». Тогда она замечает его, слышит, когда он обращается к ней, и, вспоминая, что он раньше говорил ей, отвечает ему. Разве я не имею права утверждать, что она слышала его?

Как мы выше говорили, лицо, которого сомнамбула как бы не слышит, может внушать ей, и внушения эти бессознательно выполняются ею. Если X. говорит Марии: «Подними руку», то она поднимает ее, хотя и не слышит г-на X., которого ей еще не представили. Наконец, другая сомнамбула, N., которая, по-видимому, слышит только меня, иногда странным образом ошибается: она слышит других лиц и отвечает им, но называет их моим именем, принимая их за меня. Она лишь по ошибке отвечает им и знает, что слышит их. Но эта ошибка возможна потому, что она, действительно, слышит слова посторонних лиц. К сожалению, у меня не было случая проверить путем автоматического письма тот факт, что она, хотя и бессознательно, слышит лиц, не находящихся с ней в *rapport'e*. У Люси, которая обладала способностью писать автоматически, свойство разборчивости в естественном

---

* Ochorowicz. Suggestion mentale. P. 227.

сомнамбулизме не наблюдалось. Всех предыдущих замечаний достаточно, чтобы установить идентичность между разборчивостью сомнамбул и систематизированной анестезией и толковать оба эти явления одинаковым образом. Ощущения, которых субъект, по-видимому, не сознает, не исчезают, а каким-то образом сохраняются.

4. ПОЛНАЯ АНЕСТЕЗИЯ, ИЛИ ЕСТЕСТВЕННАЯ АНЕСТЕЗИЯ ИСТЕРИЧНЫХ

Анестезии, изученная нами выше, можно назвать неполными: они вызывали исчезновение восприятий одних предметов, не мешая восприятию других. Можно предположить, что результаты наблюдения должны быть совершенно иными, если исследовать полную анестезию, чаще всего появляющуюся при естественном течении истерии. В самом деле, в таких случаях субъект как бы совершенно теряет известный вид ощущений. Вместо того, чтобы делать выбор между различными предметами — видеть, слышать, чувствовать одних и вовсе не чувствовать других — он, по-видимому, ничего не ощущает. Ухо не воспринимает никаких звуков; глаз совершенно нечувствителен к свету; кожа — ко всякому прикосновению. Не можем ли мы сказать, что в таких случаях анестезия совершенно иная и зависит от состояния самого организма? Быть может, в данном случае уже нельзя утверждать, что исчезнувшие ощущения сохраняются?

Без сомнения, есть некоторое различие между полной анестезией больных истерией и анестезией систематизированной. Но не следует думать, что эти явления, которые во многих отношениях аналогичны, могут быть совершенно противоположны друг другу. Сначала отмечу один странный факт, на который мне указал мой брат. Свойство разборчивости иногда можно наблюдать и при естественной анестезии: больные, с виду совершенно лишенные чувствительности, узнают некоторые предметы. Приведем несколько примеров. Больная истерией М., по-видимому, совершенно утратила кожную чувствительность на обеих кистях и руках: она не чувствовала боли, не могла узнавать на ощупь предметы, не ощущала никакой температуры. Тем

не менее она прекрасно узнавала по прикосновению некоторые обычные предметы своего туалета: прикасаясь к уху, она могла сказать, надеты ли у нее серьги или нет; узнавала свое кольцо и, не глядя, могла сказать, когда ей снимают или одевают его. Думая сначала, что золотые вещи оказывают на ее осязание особое влияние, я вложил в ее пальцы золотую монету. Она не чувствовала ее и говорила, что в руках у нее ничего нет. Свою же серьгу она прекрасно чувствовала пальцами. Точно также она чувствовала у себя в волосах шпильки, могла находить их на ощупь, вынимать и вкалывать, даже если их переместили. Нужно признать, что в этом случае мы имеем дело с разборчивой анестезией наяву, совершенно аналогичной явлению разборчивости в сомнамбулизме. М. ощущает свои шпильки и не ощущает вложенной ей в руки золотой монеты, подобно тому как Люси в естественном сомнамбулизме видит, что ее лампа гаснет, но не видит окружающих ее лиц. Явление это довольно часто встречается у истерических больных, и я наблюдал его также у Марии: в тот момент, когда она ничего не ощущает пальцами, она может причесываться без зеркала и чувствовать, растрепалась ли ее прическа. Полная анестезия приближается, следовательно, к анестезии систематизированной.

Полная анестезия, т. е. анестезия, относящаяся ко всем предметам внешнего мира, очень редко распространяется на все тело и даже на все органы одного чувства полностью. Кожная анестезия не захватывает всей кожной поверхности, а лишь некоторые части ее — одну сторону тела или же неправильные участки кожи, рассеянные бляшками по всему телу. Анестезия вкуса, обоняния, даже зрения также редко бывает полной: первая захватывает некоторые участки языка и слизистую оболочку носа; последняя же неправильно распространяется по сетчатке глаза — либо суживает концентрически поле зрения, либо делит его пополам, либо образует неправильные скотомы, т. е. нечувствительные пятна на нормальной в целом сетчатке. Мне кажется, что в таком странном распределении анестезии есть нечто аналогичное явлениям систематизированной анестезии. В самом деле, это распределение ни в коем случае нельзя объяснить анатомическим строением или физическими свойствами органов: оно вовсе не соответствует распределению по поверхности тела кожных нервов или рас-

пределению артерий. В некоторых случаях, когда какой-нибудь член поражен истерическим параличом, область анестезии, по словам Шарко, кончается круговой линией, перпендикулярной к оси пораженного члена. Пожалуй, это вполне логично, ибо дело обстоит так, как будто больной представляет себе, что член его отрезан хирургическим путем; но достаточно взглянуть на анатомическую карту, чтобы видеть, что это не соответствует точным физиологическим данным. Я наблюдал одну истеричку, у которой в течение нескольких дней рука была разделена на несколько параллельных участков, причем чувствительный участок чередовался с нечувствительным. Несомненно, это не имеет никакого отношения к анатомии, но напоминает те квадратные участки и круги на коже Леонии, которые путем внушения можно было лишить чувствительности. Многие современные психологи думают вместе с Вундтом, что местный оттенок осязательного ощущения или ощущения давления постоянно меняется в зависимости от различных пунктов тела, и «так как каждый пункт эпидермиса чувствует особым образом, то и качество ощущения меняется в зависимости от области кожи».* Если дело обстоит именно так, то не следует утверждать, что истеричные субъекты потеряли чувствительность в такой-то области кожи. Нужно говорить, что они утратили группу тактильных ощущений такого-то нюанса, такого-то качества и что они сохранили осязательные ощущения другого нюанса. Эти замечания приводят нас к предыдущим наблюдениям, так как речь идет опять-таки о сохранении одного ощущения, когда утрачено другое ощущение того же порядка. Эти ощущения отличаются друг от друга не воспринимающим их органом (так как чувствительный и нечувствительный участки иннервируются одним и тем же нервным стволом), а только качеством. Сомнамбула видит всегда г-на Х., в каком бы углу комнаты он ни находился, и, наоборот, никогда не видит Y. Как мы говорили, сомнамбула может делать это различие лишь в том случае, если оба лица, обе группы тактильных ощущений, действительно, воспринимаются ею. Исследование частичной анестезии приводит нас к тому же заключению, что и изучение анестезии систематизированной.

---

* Binet. Psychologie du raisonnement. 1886. P. 99.

Но анестезия может быть и совсем полной, распространяться на всю кожную поверхность и уничтожать совершенно функцию глаза или уха. Я наблюдал это у Люси, которая совершенно не ощущала прикосновений на всем теле, и у Марии, которая ничего не видела левым глазом. И в данном случае можно с некоторой натяжкой толковать о систематизированной анестезии: ведь ощущения тактильные отличаются качественно от ощущений слуховых: ощущения левого глаза качественно отличаются от ощущений правого; так что больная в общем проявляет некоторую разборчивость. Должен сознаться, что здесь аналогия несколько отдаленная.

Все исследователи, занимавшиеся этой частичной слепотой истеричных, отметили очень странный факт: больные заявляют, что решительно не видят левым глазом и что остаются в абсолютной темноте, когда закрывают им правый глаз. Между тем, если у них открыты оба глаза, они прекрасно видят как направо, так и налево. Вот простое наблюдение, заимствованное мною у Питра: «Поставим опыт с экраном. Я пишу на доске строку букв. Перпендикулярно к доске ставится картонный экран, и больная садится перед доской так, что ребро экрана приходится на середину ее лица. Если закрыть больной правый глаз, она заявляет, что не может различать написанных на доске букв. Если же закрыть левый глаз, то больная без колебания может читать буквы справа от экрана. Если открыть ей оба глаза, то она читает все буквы как справа, так и слева от экрана». Было поставлено немало подобных опытов, и все исследователи пришли к тому же заключению, что и Питр: «Истерическая амблиония компенсируется сама собой, так как по своей природе она существует только при монокулярном зрении. Когда функционируют оба глаза одновременно, амблиония исчезает и зрение становится нормальным». То же самое можно сказать иначе: истеричка слепа на левый глаз, когда она обращает на него внимание и думает, что смотрит только этим глазом. Но она прекрасно видит, когда забывает об этом и думает, что видит все правым глазом.

Заключение Питра правильно резюмирует предыдущие наблюдения, но я думаю, что нужно пойти дальше и констатировать новые, более важные факты. Я думаю, что при истерической слепоте больная прекрасно видит левым глазом, даже когда правый

глаз закрыт. По моему мнению, амблиопия не существует даже при монокулярном зрении и вообще даже самые полные истерические анестезии не уничтожают каких бы то ни было ощущений. Будем придерживаться фактов, не стараясь пока понять это странное противоречие. Чтобы доказать сохранение чувствительности в частях тела, пораженных анестезией, не следует непосредственно обращаться к субъекту и требовать от него прямого ответа. Нужно пользоваться косвенными приемами — исследованием памяти и подсознательных актов.

В психологии существует положение, что память есть не что иное, как сохранение ощущений. Не всякое ощущение может превратиться в воспоминание, но всякое воспоминание было раньше сознательным ощущением. Если субъекты, действительно, ничего не ощущают в пораженных анестезией частях тела, то они не должны сохранять воспоминания о соответствующих ощущениях. Как в таком случае понимать следующие опыты? Если старательно закрыть Марии правый глаз, то, как мы знаем, она заявляет, что находится в абсолютной темноте. Не интересуясь тем, что она говорит, я несколько раз провожу перед ее левым глазом небольшой рисунок и затем прячу его. На рисунке изображено дерево с обвившейся вокруг ствола змеей. Затем я велю ей открыть правый глаз и спрашиваю, что она видела. Она говорит, что ничего не видела. Через несколько минут я прикладываю к ее левому виску железную пластинку — она начинает чувствовать покалывания в левой половине головы и, как известно, в глазу восстанавливается на время обычная чувствительность. Тогда я еще раз спрашиваю, помнит ли она, что я показывал ей: «Да, — отвечает Мария, — это был рисунок... Дерево с обвившейся вокруг ствола змеей». Спустя несколько дней я снова поставил этот опыт следующим образом: показываю рисунок только левому глазу, вновь потерявшему чувствительность. Рисунок изображает звезду, нарисованную синим карандашом. Затем велю Марии открыть правый глаз и показываю ей целую дюжину маленьких рисунков, среди которых есть и изображение звезды. Она не узнает их и заявляет, что видит их впервые. Тогда я прикладываю к ее виску железную пластинку — чувствительность возвращается, и Мария, отыскивая листок с изображением синей звезды, говорит мне: «Исключая вот этот, его уже раз видела».

Этот же эксперимент можно проделать и в области тактильного чувства: я кладу Марии в руку, совершенно лишенную чувствительности, маленький предмет (бутон розы) и на несколько минут оставляю его у нее, принимая все предосторожности, чтобы она не заметила бутона. На мой вопрос, есть ли у нее что-нибудь в руке, она заявляет, что у нее ничего нет. Я настаиваю и незаметно для нее беру бутон обратно. Когда я затем приложением железной пластинки восстанавливаю в руке тактильную чувствительность, Мария сама заявляет мне: «Ах, я ошиблась, вы положили мне в руку бутон розы, где же он?» Этот опыт с различными вариациями я ставил несколько раз и над другими истеричными субъектами, лишенными чувствительности. Иногда достаточно, как при систематизированных анестезиях, просто приказать субъекту вспомнить, чтобы воспоминание всплыло у него в сознании и повлекло за собой восстановление чувствительности. В других же случаях можно внушить восстановление чувствительности, что в свою очередь приводит к возвращению воспоминаний. Наконец, иногда для восстановления чувствительности нужно прибегнуть к помощи электрического тока или металлических пластинок. Иногда я делал перерыв на два дня между моментом, когда я вкладывал предмет в лишенную чувствительности руку, и моментом восстановления чувствительности: результат был всегда один и тот же. Лишь только чувствительность восстанавливалась, всплывало полное воспоминание об ощущении, которого раньше как будто не было.

Этот же опыт я проделал над Розой в области мышечного или кинестезического чувства. Например, придавал ее руке, лишенной чувствительности, какое-нибудь положение, о котором Роза ничего не подозревала, так как эта рука была заслонена от нее экраном. Когда я затем опускал ее руку на колени и слабым электрическим током восстанавливал в руке полную кожную и мышечную чувствительность, Роза приобретала способность сознательно придавать своей руке те положения, которые раньше сообщал ей я.

Подобные явления мы уже наблюдали при изучении памяти у сомнамбул. Но тогда восстановление чувствительности влекло за собой воспоминание того ощущения, которое, действительно, сознавалось субъектом и было просто забыто. Теперь же ощущение

ни на мгновение не сознается субъектом. Тем не менее оно должно было быть замечено, раз воспоминание о нем всплывает у субъекта тем же путем. Можно было бы говорить о бессознательно физиологическом регистрировании ощущений, но это не очень понятно: каким образом физиологическое явление, которое не вызывало ощущения в начале, т. е. когда оно было интенсивным, может вызывать сознательное воспоминание два дня спустя, когда остался лишь слабый след его? Это явно противоречит обычному представлению о памяти. По моему мнению, правильнее предположить, что ощущение, воспоминание о котором может быть столь продолжительным и ясным, существовало раньше на самом деле и было сознательным явлением.

Рассмотрим теперь эти явления с другой точки зрения. Нам известно, что акты являются следствием и проявлением состояний сознания. Так исследуем акты, которые вызываются этими, с виду неощущаемыми, впечатлениями, падающими на анестезичные члены. Чтобы не усложнять вопроса, я не стану говорить здесь о рефлекторных актах, которые сохраняются, несмотря на потерю сознательных ощущений, и которые обычно считают (я думаю, ошибочно) чисто физиологическим явлением. Займемся сложными актами, совершающимися только в силу сознательного и разумного рассуждения. Когда у Люси или Леонии завязаны глаза, несколько лиц поочередно поднимают у них совершенно лишённую чувствительности левую руку и затем отпускают ее: рука тяжело падает вниз, а субъект ничего не замечает. Когда же я незаметно для субъекта поднимаю его руку — последняя остается поднятой в каталепсии. В этом нет ничего чудесного: рука повинуется мне, потому что это — я. Рука повинуется в силу внушения, связанного с определенным знаком. Но в любом случае ясно, что анестезичная рука различала прикосновение разных лиц, поднимавших эту руку. Люси совершенно не чувствует сокращения своих мышц. Но почему же, когда я незаметно для нее складываю ее руку в кулак, лицо ее принимает гневное выражение? Я велю Марии левой рукой дотронуться до уха — она ошибается и прикасается к своему чепчику, затем поправляет свое движение, и рука ее опускается к уху. Она заявляет, что совершенно не чувствовала прикосновения к чепчику. Я охотно верю этому, но почему же она поправила свое

движение? Однажды я сказал Розе, что хочу электризовать ей ногу, и взял сломанный прибор, который не давал тока. Затем, заслонив ей глаза экраном, я приложил электроды к совершенно нечувствительной на вид коже и получил мышечные сокращения. Мне скажут, что это — внушение. Пусть так, но почему же мышцы переставали вдруг сокращаться, когда я снимал электроды, и начинали сокращаться еще сильнее, когда я, не предупреждая Розу, вновь тихонько прикладывал их к коже? Все исследователи констатировали подобные явления. Перейдем лучше к еще более доказательным наблюдениям.

Выше мы отметили любопытное явление автоматического письма и видели, как оно позволяет проникать в такие области сознания, о которых и сам субъект не имеет представления. Так как это явление в очень яркой форме наблюдается у Люси, то мы и будем производить над нею свои наблюдения. Я сильно щиплю ей левую руку в то время, когда она разговаривает с другими лицами. Она, по-видимому, ничего не чувствует, даже не морщится. Но правая рука ее, в которую я вложил карандаш, порывисто пишет: «Вы щиплете меня». Я задаю вопросы этой подсознательной личности, в то время как сама Люси разговаривает о посторонних вещах: «Какой палец я трогаю?» — «Мизинец», — пишет правая рука. — «Что я положил в левую руку?» — «Маленький карандаш... Монету». — «Где ваша рука?» — «Она поднята... Вы вытянули ее, вы положили руку мне на голову... Теперь вы прикасаетесь к уху». Можно было ожидать этого результата, так как он является прямым следствием вышеописанных фактов. Но я был крайне поражен всем виденным — до такой степени я привык считать Люси субъектом, совершенно лишенным чувствительности. Из любопытства я измерил эту подсознательную чувствительность посредством эстезиометра, и оказалось, что подсознательная личность Люси прекрасно определяла расстояние между двумя остриями инструмента, как мог бы делать это нормальный субъект. Для того чтобы автоматическое письмо могло безошибочно отметить два укола на нижней поверхности запястья, необходимо, чтобы минимальное расстояние между двумя точками на правой руке равнялось 22 миллиметрам, а на левой — 30 миллиметрам. То же наблюдение над нормальными лицами дает мне числа, колеблющиеся между 25 и 35. Следовательно, в данном случае, несмотря

на кажущуюся анестезию, имеется очень тонкая чувствительность. Действительно, мы никогда не проникаем в сознание другого лица, а оцениваем его лишь по внешним проявлениям. Если я верю Люси, когда она заявляет мне, что ничего не чувствует, то почему же я не должен верить ее автоматическому письму, которое утверждает, что она чувствует? Письмо есть нечто столь же сложное, как и слова. Когда автоматические письменные ответы соответствуют вопросам, то в этом также проявляются разум и сознание, и я не вижу оснований доверять одним проявлениям, но не доверять другим.

Итак, все наблюдения над различного рода анестезиями вполне согласуются между собой. Имеем ли мы дело с внушенной систематизированной анестезией, с естественной систематизированной анестезией или разборчивостью сомнамбул, с анестезией, рассеянной участками, с истерической слепотой или истерической общей анестезией — результаты всегда одни и те же. Заметим также, что эти наблюдения вполне согласуются с наблюдениями Бернгейма, Питра и многих других авторов над односторонней слепотой больных истерией. Подобно тому как они констатировали, что истеричка во многих случаях видит слепым глазом, хотя и не подозревает этого, я показал, что во многих случаях она чувствует, когда думает, что ничего не ощущает. Поэтому допустим факты, даже если мы не можем понять их. Подобно тому как есть много бессознательных сложных актов, которые субъект разумно выполняет, не подозревая этого, *есть много ощущений, которые он может испытывать, вспоминать и по поводу которых может рассуждать, совершенно не сознавая этого.*

5. РАЗЛИЧНЫЕ ГИПОТЕЗЫ ОБ АНЕСТЕЗИЯХ

Для объяснения только что рассмотренных явлений существует очень мало гипотез, так как исследователи редко представляли себе истерическую анестезию в описанной нами форме и редко сравнивали ее с анестезией систематизированной.

Мы не будем останавливаться на самой простой и банальной гипотезе, которая чаще всего приходит в голову при изучении подобного рода субъектов: последние заявляют, что ничего

не чувствуют; однако можно доказать, что на самом деле они прекрасно чувствуют; следовательно, они лгут и просто симулируют анестезию. Исследователи часто пользовались и даже злоупотребляли этой гипотезой об истерической симуляции для устранения проблем, которых не понимали. Все-таки следует признать, что эта слишком простая гипотеза не имеет здесь никакого смысла. Во-первых, анестезию симулировать нельзя: «Достаточно немного внимания, чтобы раскрыть все плутни», как показал это Питр на одном субъекте, сделавшем своей профессией демонстрирование себя в качестве лица, лишенного чувствительности и научившегося подавлять проявления боли. Далее, не следует забывать, что эти субъекты не хвастаются своей анестезией, чаще всего совсем не знают о ней, и мы сами впервые открываем им это. Наконец, вовсе не следует считать всех истерических больных глупыми людьми и приписывать им такие нелепые и неловкие симуляции. Любой знает, что, если он симулирует слепоту левого глаза, то он не должен читать буквы, находящиеся слева от экрана. Если бы Мария, которая далеко не глупа, симулировала, она прекрасно знала бы, что не нужно вспоминать рисунков, показанных ее левому глазу; между тем она всегда вспоминала об этом.

Мы не будем касаться гипотез физиологических или анатомических, во-первых, потому, что это не входит в нашу компетенцию, и во-вторых, потому, что они кажутся нам искаженной формой изложения психологических гипотез. Так, например, Питр объясняет общую анестезию истерических больных функциональным бездействием центров основания мозга. Почему Питр построил такую гипотезу? Потому что он представляет себе анестезию с психологической точки зрения нарушением функций не интеллекта и восприятия, а чистого ощущения; а в настоящее время указанные выше центры считаются органом чистого ощущения. Если бы Питр построил другую психологическую гипотезу, он, вероятно, указал бы другую анатомическую локализацию. Отметив любопытные явления односторонней слепоты у истеричных, Питр допускает множественность корковых центров зрения и говорит, что повреждение касается этих центров. Это лишь доказывает, что в данном случае он, не выражая этого ясно, думает, что изменение касается восприятий, а не чистых

ощущений. В этом параллелизме между анатомическими и психологическими гипотезами нет ничего удивительного. Наоборот, для прогресса обеих отраслей знания было бы даже желательно идти еще дальше в этом направлении. Но мы займемся лишь психологическими гипотезами, не переводя их на анатомический язык.

Только что мы отметили первую психологическую гипотезу, которая, на первый взгляд, кажется вполне естественной и просто передает факты. Согласно ей, у лиц, страдающих анестезией, не наблюдается никаких психических нарушений. Они прекрасно рассуждают о том, что знают, и у них нет расстройств толкования и узнавания, столь характерных при словесной слепоте и глухоте. В последнем случае больной, у которого наблюдается нарушение в «органах психической обработки ощущений», в действительности прекрасно видит и слышит, но не узнает или не понимает того, что видит или слышит. При истерической же анестезии как будто нет этого свойства: субъект просто лишается того или иного ощущения; перед нами как будто *повреждение в области густого ощущения*.

Этот взгляд мы не разделяем. С теоретической точки зрения нужно допустить, что интеллектуальная обработка ощущений происходит в сознании гораздо глубже, чем авторы предполагают это. Психический процесс, который позволяет нам понимать речь и письмо и изменение которого вызывает словесную слепоту или глухоту, является самым высшим психическим процессом, ниже которого имеется еще несколько других. Изменение одного из элементарных процессов при полном сохранении чистого ощущения может помешать субъекту сознавать то, что он видит или слышит. Экспериментальные факты также противоречат названной гипотезе и постоянно доказывают нам, что чистое ощущение не уничтожено. Питр сам признает, что при монокулярной анестезии ощущение слепого глаза не исчезают окончательно и что в некоторых случаях субъект прекрасно может оценивать их. Эксперименты над систематизированной анестезией показывают, что иногда субъект может быть убежден, что не видит того или иного предмета, и все-таки мы знаем, что он непременно должен видеть этот предмет, чтобы узнать его. Наконец, указанные мною опыты, проделать которые довольно легко, доказывают, что можно всегда

восстановить с виду исчезнувшее ощущение и таким образом доказать его существование.

Естественные или искусственно вызванные анестезии, по-видимому, не только не уничтожают ощущения, но даже не изменяют его. Вот опыт, поставленный мною для решения этого вопроса. Я запрещаю Люси в сомнамбулизме видеть красный цвет. После пробуждения она не различает его, но подсознательная личность путем автоматического письма заявляет, что прекрасно видит его³⁶. Известно, что белый цвет состоит из красных и зеленовато-голубых лучей. Лицо, у которого утомленная сетчатка не различает красных лучей, в белом цвете воспринимает только зеленые лучи, так что белый цвет кажется ему зеленым. По крайней мере, так объясняют возникновение последовательных образов дополнительного цвета. Если бы анестезия изменяла ощущение подобно утомлению сетчатки, то больной Люси, которая не различает красного цвета, белая бумага должна была бы казаться зеленой. Я показываю ей белую бумагу, и она находит ее совершенно белой. Она не видит только красный цвет, но это исчезновение одного ощущения никак не влияет на другие цвета, которые Люси различает правильно. С другой стороны, если второе сознание видит красный цвет, то в белом цвете оно должно было бы ощущать красные лучи, чего нет на самом деле, ибо второе сознание вовсе не различает белого цвета. Я думаю, это явление можно наблюдать и при естественной ахроматописии: больная истерией, которая обычно не различает красного цвета, продолжает видеть белый цвет без всяких изменений. Из этих опытов, мне кажется, можно сделать тот вывод, что анестезия не вносит никаких изменений в само ощущение. Следовательно, не в самих ощущениях нужно искать причину этих анестезий. Ее надо искать выше: в механизме элементарных восприятий. Хотя в этих анестезиях и нет настоящей словесной слепоты и глухоты, однако Бернгейм прав, когда говорит: «Эти явления обуславливаются психическими иллюзиями... Слепота истерических больных есть слепота психическая».*

Рассмотрим еще одну теорию, которая, насколько мне известно, еще никем не была изложена. Нельзя ли объяснить анестезию

---

* Bernheim. Rev. de l'hypnotisme. 1887. P. 71.

или существование подсознательной сферы слабостью некоторых образов, подобно тому как сознательное внушение хотели объяснить интенсивностью других образов? Не можем ли мы, например, сказать, что зрительный образ рисунка, показанного левому глазу Марии, очень слаб и что применение металлических пластинок усилило его и сделало доступным восприятию? Я уже излагал свой взгляд в связи с гипотезой Бине о внушении, и до сих пор мое мнение неколебимо новыми фактами. Я не вижу никакого основания предполагать, что ощущение на местах, пораженных анестезией, бывает слабым: оно вполне отчетливо и позволяет субъекту узнавать самые мелкие детали предмета, который ему показывают, и вспоминать их позднее или сразу отмечать с помощью автоматического письма.

Не вправе ли мы сказать, что субъект испытывает сильное ощущение, раз он оценивает минимальные детали впечатления, падающего на органы чувств? Острота зрения определяется способностью субъекта читать маленькие буквы, острота осязания — способностью различать похожие, т. е. подобные тактильные ощущения. В интенсивном ощущении не может быть ничего иного, кроме примеси явлений болезненности, которые чужды самому ощущению и изменяют сущность ощущения, а не силу его. Одним словом, у больных истерией органы, пораженные анестезией, очень тонко различают предметы. Левый глаз Марии, как я проверял это, узнает мой рисунок, когда он даже невелик и находится довольно далеко от нее. Рука Люси различает два укола при таком расстоянии ножек эстеziометра, при каком многие лица, обладающие так называемым сильным ощущением, не могут определить этого. Подсознательные акты Леонии доказывают, что она узнает мою руку при простом прикосновении, что вовсе не свидетельствует о слабом ощущении. С другой стороны, если бы субъекты не сознавали ощущений, исходящих от анестезичных органов вследствие слабости этих ощущений, то они не должны были бы сознавать и каких-либо других слабых впечатлений. Но мы знаем, что субъект может быть лишен чувствительности в одной области и, наоборот, сохранит очень тонкую чувствительность в другой: Роза, которая не ощущает уколов на теле, сердится, когда слышит, что на дворе, далеко от нее кто-то неверно поет. Следовательно, не слабость ощущений мешает субъекту сознавать их.

Лучшим исследованием этого явления является работа Бернгейма: *De l'amaurose hysterique et de l'amaurose suggestive*.^{*} Автор считает доказанными два следующих важных положения: 1) полную аналогию между естественной анестезией больных истерией и анестезией систематизированной, вызванной путем внушения; в обоих случаях до сознания субъекта не доходит известное ощущение, отличающееся от других не по органу восприятия, а по своему психическому качеству; 2) исчезнувшее ощущение существует в действительности со всеми своими психическими свойствами; зрительный или тактильный образ является вполне реальным и сознательным. Мы всецело разделяем мнение Бернгейма и думаем, что добавили несколько новых наблюдений, которые подтверждают его. Но автор объясняет это явление несколько неточно: «Когда зрительный образ воспринят, истерическая больная бессознательно нейтрализует его своим воображением... Психическая слепота является слепотой воображения. Она вызывается уничтожением образа психическим путем». Питр, приводя эту теорию, не придает ей большого значения: «Я не понимаю, — говорит он, — каким образом больная истерией бессознательно может нейтрализовать воображением монокулярные восприятия и также бессознательно нейтрализовать восприятия бинокулярные или, по крайней мере, часть их, которые возникают в слепом глазу».^{**} Конечно, Бернгейм мог бы ответить, что больная истерией не нейтрализует бинокулярных восприятий потому, что думает, что слепа не на оба глаза, а только на левый; также потому, что не знает, что эти восприятия возникают в левом глазу, и еще потому, что уверена, что видит все правым глазом. Дайте ей понять в опытах, что такой-то предмет она может видеть только левым глазом, и она не увидит его.

Я нахожу выражение Бернгейма неточным, с другой точки зрения, я думаю, что образ ни нейтрализуется, ни уничтожается, ибо он продолжает существовать и проявляется в подсознательных актах и автоматическом письме. Кроме того, этому образу нет нужды нейтрализоваться, так как он никогда не был в сознании

---

* Rev. de l'hypnotisme. 1887. P. 68.

** Pitres. Des anesthésies hysteriques.

субъекта: нельзя сказать, что Мария сначала видит мой рисунок и затем перестает его видеть; она просто никогда не видела этого рисунка. Наконец, роль, которую Бернгейм приписывает воображению, не соответствует обычному определению воображения: эта способность представлять и комбинировать различные образы может скорее вызывать, а не подавлять их. Во всяком случае, мы и сами не претендуем точнее объяснить эти тонкие и сложные явления: мы лишь иначе предложим теорию, во многих пунктах аналогичную теории Бернгейма.

6. РАСЩЕПЛЕНИЕ ПСИХИКИ

Явление, которое возникает в нашем сознании вслед за впечатлением и которое выражается в словах: «Я вижу свет... Я чувствую укол», само по себе очень сложно. Оно состоит не только из простого ощущения, зрительного или тактильного, но включает в себе активный процесс синтеза, который действует в каждый данный момент и связывает это ощущение с группой прежних образов и восприятий, составляющих понятие о нашем «я». Простой с виду факт, выражающийся в словах: «Я вижу, я чувствую» (не говоря уже о понятиях о внешнем мире, расстоянии, локализации и проч.), является сложным восприятием. Выше мы уже останавливались на этом вопросе при изучении автоматических актов во время каталепсии и приняли мнение Мэн де Бирана, который в человеческой психике различает два вида деятельности: чисто аффективную деятельность одних ощущений, т. е. явлений сознательных, но не приписываемых личности, и деятельность восприятий, т. е. ощущений, соединенных и систематизированных, связанных с понятием о личности.

Придавая этим представлениям чисто символическое значение, мы можем все-таки представить себе сознательное восприятие как процесс, в котором можно отметить два свойства (рис. 4):

1. Одновременное существование известного числа сознательных ощущений — тактильных, T, T', T'' , мышечных M, M', M'' , зрительных V, V', V'' , слуховых A, A', A'' .

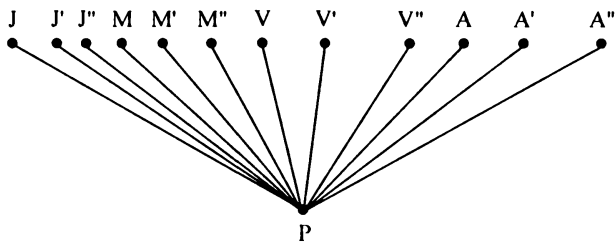

Рис. 4

Эти ощущения существуют одновременно и независимо друг от друга, подобно маленьким лампочкам, зажженным в разных углах темной комнаты. Эти элементарные сознательные явления, предшествующие восприятию, могут быть различного рода и происхождения — ощущения, воспоминания, образы. Одни возникают вслед за впечатлениями, падающими на органы чувств в настоящий момент, другие вызываются автоматической игрой ассоциации в связи с другими явлениями. Но чтобы не усложнять и без того сложного вопроса, рассмотрим в этой главе только самый простой случай и предположим, что все эти элементарные восприятия суть простые ощущения, вызванные внешними изменениями органов чувств.

2. Это процесс активного синтеза, который протекает в настоящий момент и посредством которого эти ощущения связываются, соединяются, сплавляются в одно состояние. Главное ощущение дает свою окраску этому состоянию, но последнее не похоже на каждый составляющий его элемент. Это новое состояние и есть восприятие P. Так как это восприятие возникает в каждый данный момент вслед за каждой новой группой ощущений, так как кроме ощущений оно содержит также и воспоминания, то оно и образует понятие о нашем «я». Итак, впредь можно будет говорить, что субъект ощущает образы T, T', T'', M, M', M'' и т. д. Эту деятельность, синтезирующую в каждый данный момент различные психические явления и образующую понятие о личности, не следует смешивать с автоматической ассоциацией идей. Последняя, как мы говорили, является не деятельностью, протекающей в настоящем, а результатом прежней деятельности, которая некогда соединила несколько явлений в одну эмоцию, одно восприя-

тие и сохранила за ними способность вновь возникать в том же порядке. Восприятие, о котором мы говорим теперь, является синтезом в момент его образования, т. е. в тот момент, когда оно соединяет *новые* явления в *новую* в каждый момент единицу.

Мы не будем объяснять, как это происходит. Нам нужно только констатировать или, если угодно, предположить, что дело обстоит именно так и что эта гипотеза позволяет понять вышеописанные свойства истерических анестезий.

У идеального человека, не существующего в действительности, все ощущения, составляющие первую половину психической деятельности $T\ T'\ T''$ и проч., объединялись бы в восприятие P . Такой человек мог бы сказать: «Я чувствую» по поводу всех явлений, протекающих у него в сознании. Но этого нет на самом деле, и даже у самого совершенного индивида обязательно имеется целая масса ощущений, возникших при первом психическом процессе, но ускользнувших от второго. Я не говорю об ощущениях, которые ускользают от сознательного внимания. Я имею в виду только такие ощущения, которые совершенно не связаны с понятием о личности и которых наше «я», по-видимому, не сознает, так как действительно не содержит их. Чтобы представить это себе, предположим, что первая часть психической деятельности осталась без изменений и изменилась только вторая часть. Тогда процесс активного синтеза в каждый данный момент может охватывать только определенное число ощущений — скажем 5, вместо 12.

Так как мы предположили всего 12 ощущений $T\ T'\ T''$, $M\ M'\ M''$ и т. д., то наше «я» составит себе восприятие только о пяти ощущениях, например, $T\ T'\ M\ V\ A$ (см. рис. 5). По поводу этих пяти ощущений субъект скажет: «Я чувствовал и сознавал их». Если же ему будут говорить о других явлениях — ощущениях $T''\ V'\ A'$ и т. д., — которые по нашей гипотезе были только сознательными ощущениями, то он ответит, что не знает, о чем ему говорят. Выше мы тщательно исследовали состояние больных истерией и вообще невропатом, названное нами сужением поля сознания. По нашей гипотезе это состояние и вызывается именно той крайней слабостью психического синтеза, которая мешает истерическим больным соединять в одно восприятие большое число чувственных явлений, протекающих у них в психике.

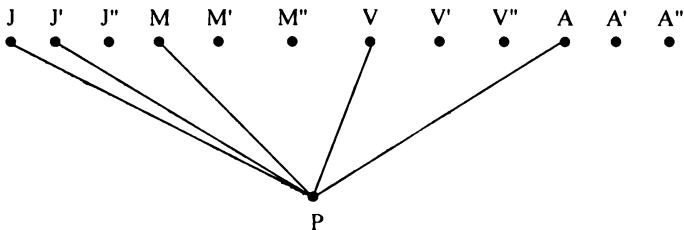

Рис. 5

Допустив это, можно разделить все чувственные явления, возникающие в психике этих людей, на две группы: 1) группа ощущений T T' M V A, соединенных в восприятие P и образующих их сознательную личность; 2) остальные чувственные элементы T' M' M'' V' V'' A' A'', не вошедшие в состав восприятия P. Займемся пока первой группой. В большинстве случаев элементы, составляющие первую группу, т. е. личное восприятие, хотя и бывают в ограниченном количестве, могут, однако, меняться, т. е. не остаются одними и теми же.

Процесс синтеза может, по-видимому, выбирать и связывать с понятием о нашем «я», т. е. с сознательной личностью, то одни, то другие элементы — ощущения тактильные, ощущения зрительные и т. д. Восприятие составляет то группа ощущений T T' M V A, то группа M M' V' A A' и т. д. (см. рис. 6). Если дело обстоит так, то в каждый данный момент имеется много неосознаваемых явлений, которые не составляют восприятия, как, например, M' в первом изображении или V во втором изображении шестого рисунка. Эти неосознаваемые явления не всегда бессознательны и не всегда относятся к области одного и того же чувства: это то мышечные, то зрительные ощущения. Описание это соответствует, мне кажется, тому, что мы наблюдали при особой форме сужения поля сознания, наступающей в силу рассеянности, разборчивости или систематизированной эстезии — одним словом, при всех изменчивых анестезиях. Рассеянный истеричный субъект, который слышит одно лицо и не слышит других (потому что не может воспринимать сразу много и потому что, синтезируя свои зрительные и слуховые ощущения от одного лица, больше ничего не может делать); субъект в гипнозе, который слышит и знает все, что говорит

и делает его гипнотизер; естественная сомнамбула, которая видит свою лампу и чувствует свои собственные движения, не сознавая других зрительных ощущений, протекающих у нее в психике, — все они являются поразительными примерами этой первой формы слабого и ограниченного синтеза. В самом деле, у этих субъектов каждое несознаваемое ощущение не всегда является бессознательным — оно не сознается ими только какое-то время. Если взгляд субъекта обращен в вашу сторону, он будет слышать вас; если я приведу вас в *rappont* с загипнотизированным субъектом, он будет разговаривать с вами; если сомнамбула думает о вас, она вас замечает. Кроме того, исчезнувшие ощущения не всегда относятся к одному и тому же чувству, и если исследовать поочередно все органы чувств субъекта, то можно увидеть, что он обладает всеми чувствами и что у него нет действительной анестезии.

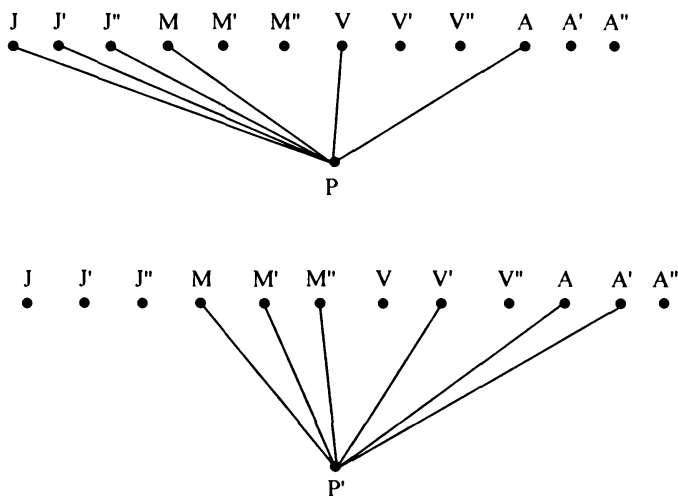

Рис. 6

К этому же типу нужно отнести истерических больных, не страдающих анестезией. Наблюдать их приходится очень редко. Питр говорит, что видел двух таких больных; я же вовсе не встречал их. У таких больных также наблюдается характерное для их заболевания сужение поля сознания и ослабление синтезирующей способности восприятия, но зато они могут применять

эту способность поочередно по отношению ко всем элементам чувствительности.

Однако почему в данный момент они воспринимают ту, а не иную группу явлений? Мы не видим здесь сознательного выбора, как при внимании, так как для того чтобы был возможен подобный выбор, нужно, прежде всего, чтобы имело место общее восприятие всех чувственных явлений и затем уже сознательное выделение. В данном случае эта разборчивость является только кажущейся и вытекает из автоматического развития какого-либо ощущения, которое повторяется чаще других и которое легче ассоциируется с каким-либо другим ощущением. Когда больная истерией смотрит на кого-либо, то она услышит скорее это (а не другое) лицо, потому что зрительное восприятие рта, жестов и положения говорящего лица скорее ассоциируется со словами, которые произносит это лицо, а не со словами, произносимыми другими лицами. Сомнамбула, готовящая себе обед, скорее обратит внимание на свою потухающую лампу, а не на постороннее лицо, находящееся в комнате: зрительное ощущение лампы легко ассоциируется с зрительным ощущением других предметов хозяйства, заполняя суженное поле сознания сомнамбулы и не оставляя места для восприятия образа постороннего лица. В других случаях какое-либо ощущение остается доминирующим и вызывает связанные с ним ощущения вследствие того, что прежде оно доминировало в момент более полного сужения поля сознания, когда последнее ограничивалось почти одним ощущением. В начале гипнотического состояния субъект в полукатаlepsии может воспринимать только одно ощущение: он ощущает гипнотизера, ибо последний находится около субъекта, прикасается к его рукам, говорит ему на ухо и т. д. Когда поле сознания понемногу расширяется, мысль о гипнотизере продолжает главенствовать и направлять ассоциации по тому или иному направлению. Во всех других случаях систематизированная эстетизация³⁷ является особой формой автоматизма, который соединяет в одном восприятии ощущения, имеющие некоторое родство или единство. Деятельность в настоящий момент в силу инерции только продолжает или воспроизводит составленные раньше синтезы.

Дело может происходить и иначе. Слабая синтетическая способность может действовать всегда в одном и том же направлении,

соединяя всегда в восприятия ощущения одного порядка и вовсе не соединяя других. Субъект пользуется больше зрительными образами и очень редко прибегает к образам осязательным. Если синтетическая способность у него ослабевает, и он может соединять в восприятие не более трех образов, то он совершенно утратит способность воспринимать те или иные ощущения (рис. 7). Вначале он теряет эти ощущения лишь на время и в случае надобности может вновь овладеть ими; но так как восприятия, которые позволяли ему помнить об этих образах, более не составляются, то он уже не может, если бы и пытался, присоединить утраченные им ощущения к понятию о своем «я». Таким образом он, сам не отдавая себе отчета, отказывается то от ощущений какой-нибудь части кожной поверхности или ощущений целой стороны тела, то от ощущений глаза или уха. Это та же психическая слабость, но на этот раз она выражается более ярко и, так сказать, материально, в постоянной анестезии с определенными границами — анестезии руки, глаза или уха. Субъект может говорить нам только о том, что воспринимает, и наоборот, ничего не может сказать о тех ощущениях, которые возникают в нем без его ведома, так как они никогда не соединяются в восприятия.

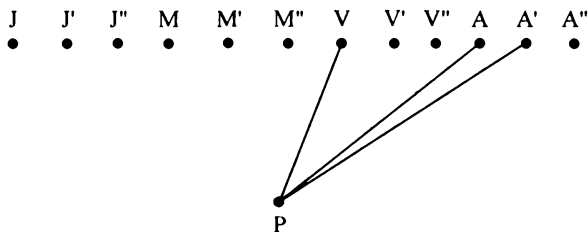

Рис. 7

Почему анестезия локализуется известным образом? В некоторых случаях об этом можно только догадываться; в других же случаях даже и этого нельзя. Истерические больные скорее теряют тактильную чувствительность, так как последняя является менее важной — конечно, не с психологической, а с практической точки зрения. В начале жизни чувство осязания служит для приобретения почти всех понятий о внешнем мире. Но позднее, благодаря приобретенным восприятиям, другие органы чувств

почти всегда заменяют осязание. Истеричные больные теряют чувствительность скорее на левой, чем на правой стороне тела, — вероятно, потому, что не так часто пользуются этой стороной. Я думаю, что на некоторых частях тела, например, на кончиках пальцев или на губах, чувствительность сохраняется дольше потому, что возникающие здесь ощущения особенно полезны или приятны. Одна наблюдавшаяся мною больная истерией лишилась чувствительности на верхних и нижних конечностях и сохранила чувствительные полоски только в области всех сочленений, так как это, вероятно, помогало ей двигаться. Если мы станем исследовать нечувствительные участки, рассеянные у некоторых субъектов по всему телу, то убедимся, что мы еще недостаточно знакомы с местными вариациями ощущений, их сходством и различиями, для того чтобы понять причины такого странного распределения чувствительности.

Однако ощущения, исходящие от анестезированных частей, все же существуют, и достаточно самого ничтожного повода, чтобы лица, отвыкшие от них, вновь соединили их в своем восприятии. Заставьте их думать о зрительном образе, обычно связанном с осязательным образом — скажите, например, Марии, что по руке у нее ползет гусеница, и тотчас же во всей руке вновь восстановится чувствительность. Но это не сможет длиться, так как поле сознания по-прежнему очень ограничено. Оно лишь переместилось, но не расширилось, и оно опять вернется к ощущениям более полезным для данного субъекта, так как у него нет достаточной психической силы, чтобы позволить себе лишнее восприятие. Также обстоит дело и с ощущениями обоих глаз, которые взаимно ассоциируются и дополняют друг друга. Как бы ни была слаба способность восприятия, эти субъекты не могут остановиться на полуслове, когда имеющееся налицо соседнее ощущение образует целое слово. Ощущения правого глаза, сохранившиеся в центре ограниченного поля восприятия в качестве полезных и независимых, могут вызвать присоединение к восприятию ощущений, получаемых левым (анестезированным) глазом, в том случае, когда есть какое-либо основание вновь воспринять эти последние — подобно тому как образ гусеницы на руке вызывает в руке ощущение осязания. Но если в ограниченном поле восприятия не будет вы-

зывающего образа, если правый глаз будет совсем закрыт, или же если предмет будет расположен так, что один правый глаз сможет видеть его целиком, то ощущения, доставляемые левым глазом, не будут восприняты. Если я встаю справа от Марии и разговариваю с ней, то она не видит лиц, подходящих к ней слева, хотя оба глаза у нее открыты. Если же я прохожу слева от нее и привлекаю ее внимание, то она продолжает видеть меня левым глазом. В этом случае анестезия имеет, по-видимому, определенную границу. Но так как между всеми видами анестезий нет абсолютного различия, то во многих случаях она подобна систематизированной анестезии с меняющейся границей. Доминирующее восприятие направляет ощущения и *выявляет* тот или иной образ, ибо, в действительности, ни один из них не исчез окончательно.

Быть может, металлические пластинки, электрический ток и пассы действуют точно таким же образом. Это возможно, но, признаюсь, я сомневаюсь в этом. Приемы, которые могут вызвать у субъекта последнюю стадию сомнамбулизма, т. е. полное расширение поля сознания, по моему мнению, непосредственно увеличивают силу восприятия. Но так или иначе, «я» содержит теперь утраченные ощущения и вспоминает их вместе с теми ощущениями, которые возникли в нем без его ведома. Субъект узнает рисунок, раньше не замечаемый им, или вспоминает движение, которого не чувствовал, так как у него всплывают ощущения, вызванные этим рисунком или движением. Полные анестезии, захватывающие весь орган, отличаются от анестезий систематизированных лишь по степени. Та же слабость восприятия, благодаря которой один субъект не видит образов, возникающих в левом глазу, за исключением тех случаев, когда эти образы необходимы для пополнения впечатлений правого глаза. В силу этой же психической слабости третий субъект совершенно не воспринимает ощущений со стороны руки или ноги и не в состоянии вспомнить о них.

Конечно, мое объяснение — только попытка объединить с виду противоречивые и непонятные факты. С этой точки зрения наша гипотеза обладает очевидными преимуществами. Она объясняет, каким образом субъект может одновременно знать и не знать некоторые явления, каким образом один и тот же глаз

может видеть и не видеть предмет. Эта гипотеза показывает, что существует два различных способа познавать явления: безличное ощущение и личное восприятие. Причем только последнее субъект может отмечать на языке сознания. Эта гипотеза объясняет также, каким образом впечатления, падающие на один и тот же орган чувства, могут подразделяться. Не всегда за пределами личного восприятия остаются решительно все ощущения какого-либо органа чувств. Иногда отпадает лишь некоторая часть их, тогда как другая часть может быть воспринята. Эти объяснения довольно хорошо суммируют факты, и потому мы склонны рассматривать *систематизированную или даже общую анестезию как нарушение или ослабление не самого ощущения, а нашей способности синтезировать ощущения в личное восприятие. Это ослабление и приводит к настоящему расслоению психических явлений.*

7. ОДНОВРЕМЕННОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ НЕСКОЛЬКИХ ПСИХИК

Вернемся опять к символическому рисунку, позволяющему нам понять сущность анестезии, и рассмотрим его теперь с другой точки зрения. Вместо того чтобы исследовать три или четыре зрительных или слуховых явления $V V'' A A'$ (рис. 8), которые соединяются в личном восприятии P и сознаются субъектом, рассмотрим теперь ощущения $T T' T'' M$ и т. д., оставшиеся свободными и не воспринятыми субъектом, но тем не менее существующие. Что с ними делается? Чаще всего они играют совершенно второстепенную роль. Их изолированное существование и является причиной их слабости. Каждое из этих ощущений содержит в себе стремление к движению, которое осуществилось бы, если бы эти ощущения оставались изолированными и не задерживались более сильной группой ощущений, соединенных в личном восприятии. Самое большее, что они могут, это вызывать легкие подергивания мышц, конвульсивные тики лица и дрожания пальцев, которые накладывают особый отпечаток на внешность многих больных истерией и по которым так легко узнать нервного человека.

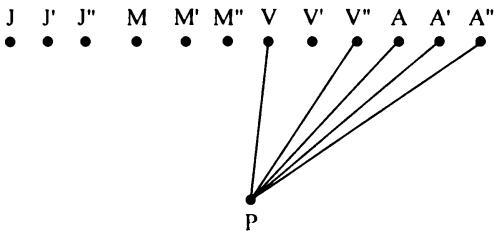

Рис. 8

Способствовать развитию этих движений довольно легко: достаточно устранить или уменьшить задерживающее их препятствие. Закрывая субъекту глаза или отвлекая его внимание, мы сокращаем или направляем в другую сторону основную психическую деятельность субъекта, оставляя свободное поле для проявления этих подсознательных или невоспринятых явлений.

Тогда достаточно вызвать одно из них — поднять руку или пошевелить ею, положить какой-нибудь предмет в руку, произнести слово — чтобы эти ощущения вызвали по обычному закону соответственные им движения. Эти движения не сознаются самим субъектом, так как обычно они совершаются в той части тела субъекта, которая лишена чувствительности. Такие движения захватывают либо конечности, совершенно потерявшие чувствительность, либо те части тела, на которые в силу рассеянности не обращено внимание субъекта в данный момент. В обоих случаях результат всегда один и тот же. Можно заставить Леонию двигать левой анестезичной рукой, если заслонить руку экраном от ее глаз; можно заставить ее двигать правой рукой, отвлекая ее внимание в другую сторону, ибо правая рука бывает анестезичной только случайно. Но в обоих случаях движение руки будет совершаться бессознательно для самого субъекта. Строго говоря, эти движения, обусловленные невоспринятыми ощущениями, никем не сознаются. Эти разъединенные ощущения, сведенные к состоянию психической пыли, ни одной личностью не соединяются в синтез. Таковы каталептические акты, обусловленные сознательными, но не личными ощущениями.

Если иногда дело обстоит именно так, то нетрудно заметить, что часто все очень усложняется. Подсознательные акты не всегда

являются проявлением простых безличных ощущений. Например, такие, в которых ясно обнаруживается наличие памяти. Когда впервые для получения частичной каталепсии поднимаешь руку у лишенной чувствительности больной истерией, то какое-то время нужно поддерживать руку поднятой и точно определить положение, какое желаешь получить. После нескольких опытов достаточно приподнять немного руку, чтобы последняя сама принимала желаемое положение, как будто она понимает с полуслова. Если такого рода действие было совершено однажды при известных условиях, то оно повторится само по себе вторично, когда вновь появятся те же условия. Я демонстрировал г-ну Х. один из подсознательных актов Леонии, заставляя ее левую руку показывать нос, чего сама она не подозревала. Когда через год Леония снова увидела этого субъекта, рука ее поднялась и стала показывать нос. Некоторые больные, например Мария, когда постороннее лицо руководит их анестезичной рукой, повторяют без конца одно и то же движение или пишут на бумаге одну и ту же букву. Другие заканчивают слово, которое им начали писать. Третьи пишут под диктовку слово, которое было произнесено при них и которое они не слышали по рассеянности в силу какой-то систематизированной анестезии. Наконец, четвертые, например, Н., Леония или Люси, письменно отвечают на заданные им вопросы. Эти подсознательные ответы содержат правильные суждения, обстоятельные рассказы, вычисления и проч.

Таким образом, явления изменились в своей сущности: это уже не каталептические акты, обусловленные простыми, грубыми ощущениями. Здесь мы имеем дело с восприятиями и разумностью. Но это восприятие не входит в состав нормальной жизни субъекта — того синтеза, который характеризует субъекта и который на нашем рисунке изображается буквой Р. Субъект не знает ничего о разговоре, который ведет его рука, как он не имел понятия о своих частичных каталепсиях. Необходимо поэтому предположить, что ощущения, не вошедшие в состав нормального восприятия, в свою очередь соединились во второе восприятие Р'. Последнее слагается, вероятно, из тактильных и мышечных образов Т'М', которыми данный субъект никогда не пользуется и которые он совершенно оставил, и слухового ощущения А'', которым субъект иногда владеет (ибо в некоторых случаях он

может меня слышать), но которым он временно не пользуется, так как внимание его отвлечено словами другого лица. Рядом с нормальной психикой образовалась вторая психика, в состав которой вошли сознательные ощущения, оставшиеся в большом количестве за пределами нормального восприятия (см. рис. 9).

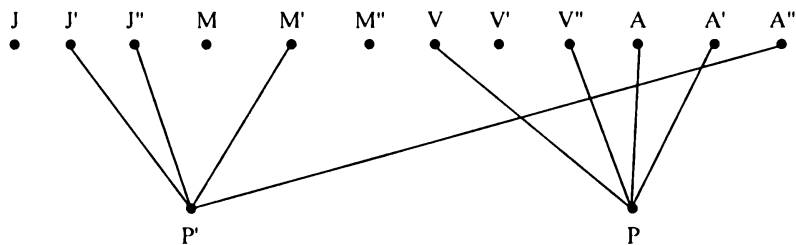

Рис. 9

В самом деле, каков существенный признак наличия восприятия? Таким признаком считается объединение различных психических явлений и появление понятия о личности, которое выражается в слове «я». В подсознательных письменных ответах постоянно встречается слово «я». Следовательно, эти ответы служат проявлением личности субъекта подобно обычной речи. Здесь мы имеем дело не только с вторичным восприятием, но с вторичной личностью, «вторым я», как говорили некоторые английские авторы, разбирая опубликованные мною опыты над автоматическим письмом. Конечно, это «второе я» вначале очень рудиментарно и почти не может быть сравнимо с «нормальным я»; но нужно заметить, что оно может развиваться до невероятных пределов.

Констатировав, признаюсь не без некоторого удивления, существование второго сознания, проявлявшегося в автоматическом письме Люси, я вступил с ним однажды в разговор в тот момент, когда ее нормальная личность была занята беседой с другим лицом. «Слышите ли вы меня?» — (Она письменно отвечает мне): «Нет». — «Но ведь нужно слышать, чтобы отвечать?» — «Да, конечно». — «Тогда как же вы делаете это?» — «Я не знаю». — «Но нужно же, чтобы был кто-нибудь, кто слышал меня?» — «Да». — «Кто же это?» — «Другая, а не Люси». — «Ах, другое лицо. Хо-

тите, чтобы мы дали ей какое-нибудь имя?» — «Нет». — «Да, да, это будет удобнее». — «Ну, хорошо, Адриенна». — «Адриенна, слышите ли вы меня?» — «Да». Конечно, я внушил ей это имя и таким образом сообщил некоторую индивидуальность этой новой личности, но дальше она развивалась самостоятельно. Такие наименования подсознательной личности очень облегчают опыты. Впрочем, в автоматическом письме почти всегда фигурирует какое-нибудь имя даже без всякого внушения с моей стороны, как я констатировал это в самостоятельных автоматических писаниях Леонии.

Окрещенная каким-либо именем, бессознательная личность точнее определяется и вырисовывается и лучше обнаруживает свои психические свойства. Можно заметить, что вторая личность имеет дело большей частью с ощущениями, которыми не пользуется первая, или нормальная личность. Вторая личность говорит мне, что я щиплю Люси за руку или прикасаюсь к ее мизинцу, между тем как сама Люси давно уже утратила всякую тактильную чувствительность. Вторая личность видит предметы, которых обычное сознание Люси не замечает в силу отрицательного внушения. Она видит и отличает мои крестики и цифры на листках, она же пользуется для движения всеми этими доставшимися ей ощущениями. В самом деле, мы знаем, что одно и то же движение может быть выполнено различным образом — либо при помощи образов зрительных, либо кинестезических. Люси может писать только при помощи зрительных образов. Она наклоняет голову и все время следит глазами за пером и бумагой. Адриенна — ее вторая личность, существующая одновременно с первой — пишет, не глядя на бумагу, потому что пользуется для письма кинестезическими образами. У каждой есть свой способ действий, как и свой способ мышления.

Одной из первых особенностей этого второго «я» является то, что некоторым лицам оно оказывает особое преимущество. Адриенна всегда повинуется мне и охотно со мной разговаривает, но никогда не отвечает другим лицам. Если другой станет исследовать Люси в мое отсутствие, как это и бывало, то он не констатирует ни частичных катаlepsий, ни подсознательных актов по рассеянности, ни автоматического письма, и скажет, что Люси вполне нормальный человек, только очень рассеянный

и лишенный чувствительности. Этот экспериментатор ознакомится только с первым «я» со всеми его психическими пробелами, но не сможет установить связи со второй личностью. Согласно наблюдениям Бине и Фере, недостаточно, чтобы истеричка была лишена чувствительности, для того чтобы у нее наблюдалась частичная каталепсия. Для этого, кроме анестезии, нужно еще одно условие — необходимо нечто вроде установления *rapport'a* между экспериментатором и подсознательными явлениями субъекта. Если эти явления существуют раздельно, то они могут быть вызваны каждым исследователем. Если же они сгруппированы в личность (как это бывает часто у больных истерией в тяжелой форме), то вторая личность оказывает предпочтение некоторым лицам и повинуетя не всем.

Второе «я» не только не повинуетя, но даже сопротивляется постороннему лицу. Когда я поднимаю и привожу в каталептическое состояние руку Люси или Леонии, то никто не может переместить ее: при попытке другого лица изменить положение руки последняя напрягается и изо всех сил сопротивляется. Если он насильно согнет руку, она как бы в силу эластичности вновь принимает прежнее положение. Но стоит *мне* только прикоснуться к руке, как она сразу становится пластичной и повинуетя всем импульсам. Нужно запомнить это характерное для подсознательной личности свойство разборчивости, так как оно в дальнейшем поможет нам точнее определить природу этой личности.

Вторая личность обычно не проявляет воли и повинуетя всякому моему приказанию. Мы не будем останавливаться на этом уже известном свойстве. В данном случае внушение объясняется тем же, что и в случаях, изученных нами ранее: оно обуславливается слабостью второй личности, поле сознания которой еще уже, чем у первой. Нужно иметь в виду только тот факт, что эти внушения (в типичных случаях, именно которые мы и рассматриваем сейчас) выполняются без ведома самого субъекта: вторая личность, более внушаемая, чем первая, действует рядом с ней и незаметно для нее, т. е. для исследуемого нами субъекта.

Однако подобно тому как наиболее внушаемые субъекты оказывают иногда сопротивление и действуют по своей собственной воле, точно также и вторая личность бывает иногда очень непокорной. У меня бывали очень забавные ссоры с этой

Адриенной, которая вначале была очень послушна, но, развиваясь, становилась все более и более самостоятельной. Она часто дерзко отвечала мне и писала «нет», не желая исполнять мои приказания. Однажды она так рассердилась на меня, что совсем отказалась отвечать мне. Частичная каталепсия, бессознательные акты, автоматическое письмо — все это исчезало при появлении у Адриенны дурного настроения духа. Можно ли эти каталепсии наяву, подобно некоторым авторам, считать чисто физиологическими, мышечными явлениями, раз они под влиянием гнева могут внезапно исчезнуть? Я в таких случаях обычно начинал разговаривать с самой Люси, которая ничего не подозревала о происходившей в ней драме и была в прекрасном расположении духа. Когда же мне удалось помириться с Адриенной, каталептические акты у Люси возобновились. Такие факты встречаются довольно часто, и я наблюдал их на многих других субъектах.

Это сопротивление второй личности помогает нам понять ее произвольные действия, существование которых мне пришлось констатировать. Когда другая больная, Леония, выучилась читать и писать, я воспользовался этим, чтобы заставить ее наяву написать бессознательно несколько слов или строчек. Потом я расстался с ней, не сделав никаких внушений. Через два месяца после ее отъезда из Гавра я получил от нее весьма странное письмо. На первой странице было небольшое серьезное письмецо: она сообщала, что плохо себя чувствует и что с каждым днем ей хуже и хуже. Это письмецо было подписано ее настоящим именем. На оборотной же стороне листа имелось совершенно другое письмо, написанное совсем другим слогом, которое я позволю себе привести: «Многоуважаемый профессор, сообщаю вам, что Леония доставляет мне много страданий, не спит и причиняет мне массу неприятностей. Но я сломлю ее непокорность — она мне надоела, я тоже больна и очень устала. Ваша преданная Леонтина». Когда Леония вернулась, я, конечно, стал расспрашивать ее относительно этого странного письма. Оказалось, она прекрасно помнила о *первом письме* и могла даже рассказать его содержание. Помнила, как запечатала письмо в конверт и с трудом написала адрес. Но у нее не сохранилось никакого воспоминания о *втором письме*. Впрочем, мне было нетрудно объяснить себе эту забывчивость: фамильный слог письма, употребляемые в нем выражения

и, главным образом, подпись не принадлежали Леонии в ее нормальном состоянии. Все это принадлежало бессознательной личности, которая была уже знакома мне по многим другим актам.

Сначала я думал, что у нее наступил припадок естественного сомнамбулизма в промежутке между двумя моментами, когда она закончила *первое письмо* и когда запечатывала конверт. Вторая личность, зная, с каким интересом я отношусь к Леонии и как я помогал ей при нервных припадках, появилась на мгновение, чтобы обратиться ко мне за помощью. Но факт этот был все-таки очень странен. С тех пор такие подсознательные письма участились, и мне удалось исследовать подробнее их происхождение. К счастью, я застал однажды Леонию в тот момент, когда она выполняла эту странную операцию. Она стояла около стола и держала в руке свое вязанье. Лицо было совершенно спокойно, глаза устремлены в пространство, хотя, по-видимому, она не была в каталепсии. Она напевала в полголоса деревенскую песенку, между тем как ее рука быстро и как бы украдкой писала. Я взял у нее незаметно бумагу и затем обратился к ней с вопросом. Она живо обернулась, как бы придя в себя, и была несколько удивлена, что, замечтавшись, не слышала, как я вошел. По ее словам, она целый день провела за вязаньем и не имела никакого представления о бумаге, на которой только что писала. Писанье ее происходило, подобно бессознательным действиям, совершаемым по рассеянности, — с тою только разницей, что в этом случае ей ничего не было внушено.

Эту форму подсознательных явлений изучить не так легко, как другие. Будучи произвольными, они не поддаются правильному эксперименту. Но я позволю себе высказать несколько соображений на основании случайных наблюдений. Прежде всего, вторая личность, пишущая подобные письма, разумна в своих проявлениях — как произвольных, так и искусственно вызванных. Она обладает также большой памятью (в одном письме рассказывалось о раннем детстве Леонии) и проявляет много ума в обычных житейских суждениях. Вот один пример бессознательной проницательности, как сказал бы Рише. Подсознательная личность заметила однажды, что Леония после прекращения состояния рассеянности разрывала написанные вторым «я» бумажки, если последние оставались у нее на глазах.

Как сохранить их? Воспользовавшись более продолжительным состоянием Леонии, вторая личность опять написала свое письмо и спрятала его в альбом для фотографий. В этом альбоме была раньше фотография д-ра Жильбера, которая в силу ассоциации идей приводила Леонию в состояние каталепсии. Хотя я из предосторожности вынул портрет из альбома, последний не переставал оказывать на нее своего магического действия. Вторая личность была, следовательно, уверена, что Леония не сможет прикоснуться к этим письмам, раз они находятся в альбоме. Все эти рассуждения, повторяю, протекали не в сомнамбулизме, а наяву, но подсознательно: Леония рассеянно напевала и мечтала, но в то же время ее руки, повинаясь какой-то как бы чуждой воле, принимали предосторожности против нее самой.

Таким образом, вторая личность пользуется рассеянностью первой личности Леонии. Последняя, например, гуляет по улицам и неосторожно отдается своим мыслям. Очнувшись, она с удивлением видит, что находится совсем не в том районе города, куда направлялась: «другая» сочла нужным привести ее к моему дому. Если письменно сообщить ей, что она может приехать в Гавр, она является и сама не знает почему. Вторая личность заставляет ее ехать как можно скорее, не взяв даже багажа. Прибавим, наконец, что подсознательные акты — как произвольные, так и искусственно вызванные — создают в нормальном сознании особую пустоту — систематизированную анестезию. Так как Леония часто приходила ко мне, то я думал, что она прекрасно знала мой адрес. Но разговаривая с нею однажды в ее обычном состоянии, я был крайне удивлен тем, что она не знала не только моего адреса, но даже и района, в котором я жил. По-видимому, вместо нее все это запомнила вторая личность.

Мы не можем закончить исследование развития подсознательной личности, не упомянув еще об одном факте. Подсознательные акты и скрытые ощущения могут существовать и при сомнамбулизме и развиваться также в виде отдельной личности, которая может обладать теми же свойствами, что и первая, но может также совершенно отличаться от нее. Не следует забывать о возможности подобных усложнений.

Знакомство с этой новой формой психической жизни, которая не сменяет обычную психику субъекта, а существует одно-

временно и рядом с ней, безусловно необходимо для понимания поведения невротиков и умалишенных. В этой главе мы изучили только типичные или, так сказать, теоретические случаи раздвоения, чтобы, познакомясь с ним при простых условиях, иметь затем возможность распознать его и в более сложных случаях. Явление раздвоения личности, играющее большую роль в патологической психологии, имеет также известное значение и с философской точки зрения. К возможности последовательных изменений личности мы уже давно привыкли. Но мы всегда полагали, что воспоминание и характер, из которых складывается личность, могут меняться, не меняя понятия о «я», которое остается единым во все моменты нашей жизни. Теперь же вопрос о настоящей сущности метафизической личности придется отодвинуть еще дальше и рассматривать самую идею о единстве личности как нечто, что может измениться. Философские системы сумеют, конечно, приспособиться к этим новым фактам, ибо они всегда стремятся к выражению истины, а одно выражение истины не может противоречить другому.

8. ОДНОВРЕМЕННОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ НЕСКОЛЬКИХ ПСИХИК И ЧЕРЕДОВАНИЕ ИХ

При изучении второй личности, лежащей ниже нормального сознания, нельзя не испытать некоторого недоумения при виде быстрого, а в некоторых случаях и внезапного развития этого второго сознания. Если, как мы предположили, последнее является результатом соединения образов, оставшихся от нормального восприятия, то каким образом это соединение могло произойти так быстро? Вторая личность обладает своим собственным характером, проявляет свои вкусы, капризы и волю: каким образом она приобрела все это за несколько минут? Но мы перестанем удивляться, если обратим внимание на то, что эта форма сознания и личности не впервые появляется перед нами. Мы уже встречались с ней где-то, и нам нетрудно узнать в ней старую знакомую: это то сознание, которое проявлялось раньше в различных стадиях сомнамбулизма и которое теперь проявляется наяву.

Память устанавливает непрерывность психической жизни; она позволяет нам провести аналогию между различными сомнамбулическими состояниями, и она же позволит нам сблизить подсознательную психику субъекта, существующую у него рядом с нормальной, рядом со сменяющимся сознанием, характерным для сомнамбулизма. В самом деле, мы можем доказать, что: 1) в подсознательных явлениях наяву содержатся воспоминания о том, что происходило в сомнамбулизме; 2) в сомнамбулизме субъект вспоминает обо всех подсознательных актах и ощущениях наяву.

1. Первый пункт можно, пожалуй, считать доказанным всем нашим исследованием о постгипнотических внушениях. Иногда субъект, не сознавая этого, выполняет все внушение целиком. В других же случаях он производит подсознательно все вычисления и наблюдения, необходимые для правильного выполнения внушения. Когда последнее связано с каким-либо условным знаком, то бессознательная личность сохраняет воспоминание об этом последнем. «Вы велели мне сделать то-то, когда часы пробьют», — пишет автоматически Люси после пробуждения из сомнамбулизма. Это второе «я» также узнает условный сигнал, которым обычное «я» вовсе не занято. «На этом листе бумаги слева наверху есть пятно», — пишет Адриенна по поводу эксперимента с портретом. Когда нужно произвести какое-нибудь вычисление, то это берет на себя подсознательная личность, которая считает мои удары в ладоши или производит приказанное мною сложение. Автоматическое письмо Люси подтверждает это на каждом шагу. Гёрней рассказывает, что внушил однажды своему субъекту выполнить какой-то акт через десять дней, а на другой день прибежал к планшетке, чтобы расспросить об этом субъекта. Последний, хотя и не помнил ни о каком внушении, написал, сам того не подозревая, что нужно подождать еще девять дней, еще через день он написал, что выполнит внушенный акт через восемь дней. Я поставил подобный опыт и получил такой же убедительный результат. Внушив Розе в сомнамбулизме написать мне письмо через сорок два дня, я разбудил ее. На другой день, не усыпляя ее вновь, а пользуясь вышеописанным приемом, я, в момент ее рассеянности, спросил ее, когда она мне напишет. Я думал, что она, как субъект Гёрнея, напишет мне: «Через сорок один день». Она

же написала: «Второго октября». Действительно, 2-го октября как раз истекло сорок два дня со дня получения внушения: под-сознательная личность правильно произвела вычисление. Таким образом, данное внушение превратилось в простое внушение, бес-сознательно связанное с определенным условным знаком, и было выполнено вполне правильно.

Когда нормальное сознание нужно лишить зрительного вос-приятия какого-либо предмета, наша вторая личность, второе сознание является на помощь, овладевает зрительными восприя-тиями этого предмета, сохраняет о нем воспоминание и, следо-вательно, мешает первому сознанию соединить эти ощущения в обычном восприятии. Вот опыт, при котором можно наблюдать все эти явления. Однажды вечером я внушил Люси прийти на другой день в три часа к д-ру Повилевичу. Действительно, на следующий день она пришла к половине четвертого. Но во время разговора с ней я понял, что у Люси какая-то странная галлюцина-ция: она думала, что находится у себя в комнате, принимала мебель кабинета за свою и утверждала, что целый день не выходила из комнаты. Адриенна, которую я также стал расспрашивать, вполне разумно ответила мне с помощью автоматического письма, что она, согласно моему приказанию, оделась в три часа, вышла из дому и теперь хорошо знает, где находится. Таким образом, все зависело от второго сознания, лежащего ниже первого. Оно выпол-няло наяву мои приказания, как сделало бы это и в сомнамбулизме. Одним словом, постгипнотические внушения устанавливают очень ясную связь между первым сомнамбулизмом и той психической личностью, которая обнаруживается наяву рядом с нормальной.

Но внушения составляют только небольшую часть воспомина-ний о сомнамбулизме, а подсознательное письмо помнит и о дру-гих событиях. Вот опыт, описанный Гёрнеем. Он рассказывает субъекту в сомнамбулизме какую-нибудь историю и затем приво-дит его в нормальное состояние. В этот момент субъект не помнит ничего из того, что ему только что рассказали. Но если он положит руку на «планшетку», дав руке свободно двигаться по бумаге, то на последней можно будет прочесть подробный пересказ этой истории, которую субъект якобы забыл и ни за что не мог бы рас-сказать. Еще несколько аналогичных фактов. Я попросил N. в со-мнамбулизме нарисовать мне несколько маленьких рисунков —

она начертила дом, маленькую парусную лодку и лицо в профиль с длинным носом. После пробуждения она не сохранила об этом никакого воспоминания и стала разговаривать о других вещах, но рука ее взяла карандаш и начала рисовать без ее ведома. Вскоре она заметила, что рука ее делает что-то, и, взяв бумагу, воскликнула: «Посмотрите, что я нарисовала — домик, лодку и лицо с длинным носом; почему мне вдруг вздумалось нарисовать это?» Однажды я внушил V. в сомнамбулизме видеть у себя на коленях маленькую собачку, и она принялась нежно ее ласкать. Когда она проснулась, я заметил какое-то странное движение ее правой руки, которая как бы продолжала ласкать что-то, лежащее на коленях. Нужно было вновь усыпить ее, чтобы устранить идею о маленькой собачке, которая продолжала существовать во втором сознании. Однажды мы неосторожно беседовали о спиритизме в присутствии Люси, находившейся в сомнамбулизме. Когда она пришла в себя, у нее сохранились некоторые подсознательные движения — дрожание руки и странные движения головы и глаз, которые, казалось, искали что-то под стульями и диванами: второе сознание не переставало думать о духах. Бесплезно приводить другие примеры. Достаточно указать, что с субъектом, который обладает способностью автоматического письма в ярко выраженной форме, можно наяву продолжать разговор, начатый в сомнамбулизме.

Выше мы констатировали, что в сомнамбулизме у субъекта могут всплыть воспоминания о некоторых состояниях, забытых им наяву и отличающихся от гипнотического состояния. Он может вспомнить о некоторых сновидениях, бредовых галлюцинациях, а иногда и о своих истерических припадках. В то время как Люси забывает наяву о своих припадках естественного сомнамбулизма, ее вторая личность, Адриенна, пользуясь автоматическим письмом, может рассказать нам обо всем. Это вполне естественный факт, настолько очевидно вытекающий из вышеописанного явления, что долгие нет нужды останавливаться на нем.

Нужно заметить, что подсознательная личность обладает теми же свойствами и пользуется теми же приемами, что и сомнамбулическая. В автоматическом письме субъекты принимают те же имена, какие они дали себе в том или ином гипнотическом состоянии: Адриенна, Леонтина и т. д. В подсознательных актах они обнаруживают ту же разборчивость, что и в сомнамбулизме. Если

подсознательные акты и частичная катаlepsия у Люси и Леонии могут быть вызваны только мною, то будучи усыплены, т. е. во втором состоянии, эти больные будут повиноваться только мне. Наконец, характер сознания при сомнамбулизме имеет большое влияние на природу подсознательного акта. L. во время сомнамбулизма совершенно не обладает памятью, почему и не может выполнять постгипнотических внушений на определенный срок. Бессознательные акты N. детски наивны, как и сам характер N. 2 или Nichette. Но так как у нее хорошая память, то эти бессознательные акты можно вызвать в какое угодно время. Вот любопытное, случайно сделанное мною наблюдение.

Во время своих первых опытов с N. я констатировал, что она весьма легко поддается внушению наяву в силу рассеянности. Скоро я прекратил эти опыты и на несколько месяцев потерял ее из виду. Когда я снова увидел ее, то хотел сделать прежнее внушение, не погружая субъекта предварительно в сомнамбулизм. Но я не получил никакого результата. N., разговаривая с другим лицом, не оборачивалась, когда я приказывал ей что-нибудь, и, казалось, не слышала меня. Систематизированная анестезия, необходимая для подсознательного акта, была налицо, но сам акт не выполнялся. Пришлось усыпить больную, но и в сомнамбулизме я не мог добиться того, что наблюдал раньше. Сомнамбула плохо слышала меня или вовсе не понимала, что я ей говорил. «Что с вами сегодня?» — спросил я ее в конце сеанса. — «Я вас не слышу, я очень далеко». — «Где же вы?» — «В Алжире, на большой площади. Мне надо вернуться». Возвращения нетрудно было добиться, так как нам знакомы эти галлюцинаторные путешествия сомнамбул. Когда я заставил ее вернуться, она облегченно вздохнула, выпрямилась и начала разговаривать со мною, как прежде. «Теперь объясните мне, что вы делали в Алжире?» — спросил я ее. — «Это не моя вина. Г-н X. отослал меня туда месяц тому назад. Он забыл вернуть меня назад, и я осталась там... Только что вы велели мне поднять руку (действие, которое я хотел внушить ей), но я была слишком далеко, и не могла послушаться». Оказалось, что все это была правда: другой гипнотизер усыплял N. в промежутке между моими опытами и вызывал у нее различные галлюцинации, между прочим и галлюцинацию путешествия в Алжир. Не придавая особого значения этим явлениям, он раз-

будил N., не уничтожив галлюцинации. Таким образом первая личность N., по-видимому, оставалась нормальной, между тем как второе сознание продолжало сохранять более или менее слабую галлюцинацию путешествия в Алжир. Поэтому, когда я без предварительного сомнамбулизма хотел внушить ей что-либо, второе сознание слышало приказание, но не думало, что должно повиноваться. После уничтожения галлюцинации все получилось. Изменение сознания в сомнамбулизме привело, следовательно, даже через два месяца к соответственному видоизменению подсознательных актов, подобно тому как гнев Люси 2 в сомнамбулизме вызывает после пробуждения дурное расположение духа, проявляющееся в автоматическом письме.

2. Другое положение, к рассмотрению которого мы сейчас перейдем, еще теснее сближает оба эти состояния: *подсознательные акты обладают сами по себе некоторым гипнотизирующим влиянием и способствуют наступлению сомнамбулизма*. Я уже заметил, что два моих субъекта, Люси и Леония, часто засыпали вопреки моей воле во время опытов с подсознательными актами наяву. Но я приписывал это засыпание только моему присутствию и привычке этих женщин впадать при мне в сомнамбулизм. Следующий факт доказал мою ошибку. Бине показал мне одного из своих субъектов, на котором он изучал подсознательные акты, обусловленные анестезией. Я попросил у него позволения поставить над этим субъектом опыт внушения в силу рассеянности. Все шло, как я ожидал: г-жа Н., находясь в нормальном состоянии, разговаривала с Бине; я, встав за ней, заставлял ее двигать рукой без ее ведома, написать несколько слов, отвечать знаками на мои вопросы и т. д. Вдруг Н. прерывает разговор с Бине и, оборачиваясь ко мне, с закрытыми глазами, но уже *сознательно*, на словах, продолжает беседу, которую начала со мной *подсознательными актами*. В то же время она перестала разговаривать с Бине и не слышала его — словом, впадала в сомнамбулизм с проявлением разборчивости. Эта женщина совершенно не знала меня и, следовательно, не мое присутствие усыпило ее. В данном случае сон явился результатом развития подсознательных явлений, которые заполонили и затем вытеснили нормальное сознание. Факт этот, впрочем, легко проверить. Около меня Леония остается в нормальном состоянии до тех пор, пока я не вызываю у нее подсозна-

тельных явлений. Но когда последние усложняются и становятся слишком многочисленны, Леония впадает в сомнамбулизм. Это важное наблюдение объясняет отмеченную нами выше непонятную деталь в исполнении постгипнотических внушений. Пока они просты, Леония выполняет их бессознательно, разговаривая о посторонних вещах; но лишь только выполнение внушений усложняется, субъект начинает разговаривать все меньше и меньше, наконец, засыпает и быстро выполняет внушения в полном сомнамбулизме. Постгипнотическое внушение выполняется иногда в повторном сомнамбулизме — не потому, что субъекту внушили вновь заснуть, а потому, что воспоминание о внушении и само выполнение создают подсознательную жизнь, настолько аналогичную сомнамбулизму, что в некоторых случаях эта подсознательная жизнь вызывает полный сомнамбулизм.

Аналогию между состояниями, которые мы хотим сравнить, можно обнаружить другим способом. Все исследователи замечали, что субъект, выполняя после пробуждения *постгипнотические внушения*, не знает, кто произвел их, но *в новом сомнамбулизме он вспоминает об этом*. Можно предположить, что субъект вспоминает лишь о внушении, полученном в предыдущем сомнамбулизме, и что в одном сомнамбулизме сохраняется воспоминание только о предшествующем сомнамбулическом состоянии. Между тем, если взять внушения, которые выполняются наяву бессознательно, но выполнение которых сопровождается маленькой непредвиденной деталью, то оказывается, что субъект в последующих сомнамбулизах сохраняет полное воспоминание обо всех актах, которые не сознаются нормальной личностью. Не стоит приводить другие примеры. Все субъекты в последующих сомнамбулизах повторяют все, что проделывали для выполнения внушений, не забывая случайных явлений, сопутствующих выполнению моих приказаний.

Все только что сказанное, относится и к *произвольным подсознательным актам* — особенно у Леонии. В сомнамбулизме, в состоянии Леонии 2, она сохраняет о них полное воспоминание. Так, например, одна часть упомянутого выше письма, подписанная именем Леонтины, совершенно неизвестна была субъекту в обычном состоянии. Между тем в сомнамбулизме Леония говорит мне, что писала мне, чтобы сообщить о плохом самочувствии

другой, и передает все содержание письма. К тому же прекрасным доказательством того, что эти акты нужно приписать Леонии 2, является, как мы сказали, то, что субъект засыпает во время их выполнения: начатые акты продолжают тогда беспрепятственно в сомнамбулизме. Однажды я застал Леонию в тот момент, когда рука ее собиралась писать автоматически, и легко усыпил ее, не прерывая писания, тогда Леония 2 стала писать намного быстрее.

Нет нужды описывать это явление на других субъектах, так как у всех оно протекает одинаково. Перехожу поэтому к другому, более важному наблюдению. У некоторых лиц, например, у N., как только они впадают в сомнамбулизм, всплывает воспоминание обо всех подсознательных актах наяву — даже о тех, которые обусловливаются анестезией или рассеянностью. Субъект, на которого часто ссылается Гёрней, принадлежит к этому типу. Если наяву он при помощи планшетки пишет автоматически какую-нибудь фразу, то обычно не знает, что написал, но в сомнамбулизме почти всегда без ошибки повторяет ее. Однако не со всеми субъектами дело обстоит так — приходится наблюдать случаи, составляющие исключения из этого закона. У Люси в первом сомнамбулизме не всплывает ни одного воспоминания о подсознательных актах. Леония, Роза и Мария вспоминают лишь о немногих из них.

Когда субъект, находясь в сомнамбулизме, не вспоминает о своих подсознательных актах наяву, то можно заметить, что эти акты еще существуют как таковые, и что сознание субъекта проявляет ту же двойственность. Так, например, у Люси и в первом сомнамбулизме можно наблюдать частичную каталепсию левой стороны тела и подсознательные акты, обусловленные рассеянностью. Кроме того, эти акты ассоциируются с подсознательными актами, которые совершаются субъектом наяву и которых он не запоминает. Так, подсознательная личность Люси в автоматическом письме подписывалась именем Адриенны — этим же именем она подписывается и в сомнамбулизме и проявляет в своих писаниях те же знания и ту же память. Если я внушил Леонии наяву какой-нибудь акт, который она бессознательно выполнила по рассеянности, то она не знает о нем и в сомнамбулизме. Но если я пользуюсь ее рассеянностью в сомнамбулизме, чтобы внушить ей проделать «только что выполненное действие», не определяя

точнее, то это действие правильно выполняется, но опять-таки без ведома Леонии 2, как перед тем без ведома Леонии 1. Когда я путем знаков или автоматического письма заставляю эту, по-видимому, еще существующую подсознательную личность говорить, то она точно рассказывает обо всех других подсознательных актах, которые также не сознаются. Таким образом, получается, что у данного субъекта подсознательные акты и соответственные им образы создают новый синтез явлений, новую психику, лежащую под сомнамбулической психикой, которая, в свою очередь, лежит ниже нормальной психики. Если дело обстоит так, то нужно еще больше усыпить субъекта, так как сохранение подсознательных актов и анестезий указывает на то, что данного субъекта можно перевести в еще более глубокие сомнамбулические состояния. Нам известны различные сомнамбулизмы, наступающие то постепенно, то внезапно во время летаргического или каталептического состояния. Каждое новое состояние сомнамбулизма вызывает воспоминание об известном числе подсознательных актов. Леония 3-я вспоминает некоторые подсознательные действия и приписывает их себе. «В то время как *другая* разговаривала, — говорит она по поводу бессознательного действия наяву, — вы велели ей вынуть часы. Я сделала это за нее, но она не хотела посмотреть, который час...» «В то время, как она разговаривала с X., — говорит Леония 3 по поводу подсознательного акта в сомнамбулизме, — вы велели мне составить букеты, я составила два букета, сделала вот это и это...» — и она повторяет все жесты, не признававшиеся ею в предыдущих состояниях. Леония 3 прекрасно помнит и о действиях, совершенных ею в полной катаlepsии, которая предшествует у нее второму сомнамбулизму. Об этой памяти мы упоминали вскользь в начале этой работы, чтобы показать, что действия, совершенные в этом состоянии, не совсем лишены сознания. Люси, которая в первом сомнамбулизме вовсе не помнит ни о подсознательных актах, ни о своей второй личности, прекрасно вспоминает все это во втором сомнамбулизме. Итак, не следует отрицать связь между сменяющимися друг друга и существующими одновременно психиками только на основании того, что субъект в первом сомнамбулизме иногда не вспоминает своих подсознательных актов. Часто бывает достаточно усыпить его глубже, чтобы память совершенно восстановилась.

Эти факты мы легко поймем, если вспомним об условиях восстановления памяти. Воспоминание о каком-либо акте связано с ощущениями, которые служат для его выполнения. Оно исчезает вместе с ощущениями и становится тогда подсознательным; когда же восстанавливается чувствительность и возвращаются исчезнувшие ощущения, появляется вновь воспоминание. Например: я вкладываю ножницы в левую анестезичную руку Леонии, находящейся в нормальном состоянии. Пальцы ее просовываются в кольца ножниц и поочередно открывают и закрывают их. Ясно, что это действие обуславливается осязательным ощущением ножниц. Но ощущение это бессознательно — оно обособлено и существует отдельно, не входя в данный момент в состав нормального восприятия Леонии. Я усыпляю ее и констатирую, что в этом новом состоянии она еще сохраняет анестезию левой руки. Следовательно, вполне естественно, что воспоминание о предыдущем акте не может всплыть и остается пока за пределами личного сознания. Я перевожу Леонию в другое состояние: чувствительность левой руки восстанавливается и теперь она вспоминает о своем действии с ножницами. Это новое применение выводов, сделанных нами на основании исследования памяти. В данном случае образуется несколько существующих одновременно подсознательных личностей, подобно тому как выше мы имели дело с несколькими сменяющимися друг друга сомнамбулистами.

К этому наблюдению можно прибавить еще один довольно известный факт: когда субъекту внушают что-либо в одном сомнамбулизме, то это внушение может быть уничтожено только в том случае, если субъект будет приведен в такое же сомнамбулическое состояние. Если я внушил что-либо Леонии 3, то я не уничтожу этого внушения, разговаривая с Леонией 2 или Леонией 1. Почему? Да потому что мое внушение входит в состав известной группы, известной системы психических явлений, которая живет своей собственной жизнью вне других психических систем данного субъекта. Чтобы изменить данное внушение, нужно вызвать сначала ту группу психических явлений, часть которой оно составляет, ибо нельзя изменить приказание, данное лицу А., обращаясь к другому лицу В. Иногда эти подсознательные психические системы, слагающиеся рядом с нормальным восприятием, очень немногочисленны: их две у Люси и Леонии, одна

у Марии, три или четыре у Розы. Бывает, что число этих систем очень велико. Сомнамбулические состояния одного лица почти никогда не бывают подобны и меняют свой характер в зависимости от различных экспериментаторов. С этой точки зрения можно объяснить приключения одной сомнамбулы, о которой сообщает Питр. Один злой шутник усыпил ее и внушил желание поцеловать больничного священника, а затем разбудил ее. Это внушение ужасно мучило несчастную женщину, но никто не мог уничтожить данного внушения, хотя больную и погружали в гипнотический сон. Объясняется это тем, что новый гипнотизер не мог добиться точно такого же гипнотического состояния, какое у нее было при получении внушения. Группа психических явлений, получившая внушение, продолжала оставаться вне того сознания, которое можно было вызвать у больной, и действовала в однажды принятом направлении. Это наблюдение, иллюстрирующее связь между разными подсознательными психиками и разными сомнамбулизмами, не имеет важного теоретического значения. Но его очень полезно знать.

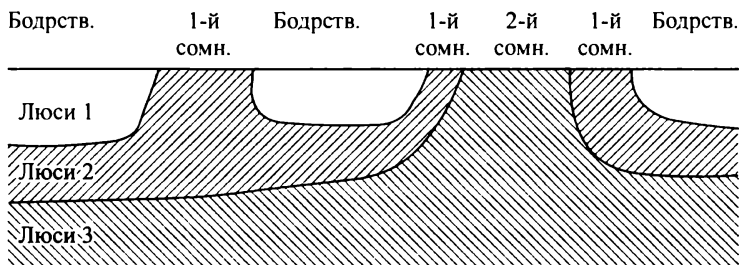

Рис. 10

Отношения между одновременно существующими подсознательными психиками и разными, сменяющими друг друга сомнамбулизмами, очень сложны и понять их довольно трудно. Я пытался как-то представить эти явления на схематической фигуре, но она, к сожалению, была не очень ясна, — вероятно, потому, что я хотел представить в ней слишком многое. Сейчас я хочу изобразить результаты своих наблюдений в другой, более простой фигуре (рис. 10). Сознательная жизнь наших субъектов, например, Люси, складывается, по-видимому, из трех параллельных слоев,

лежащих один под другим. В обычном состоянии субъекта существуют все три слоя: первый является нормальным сознанием разговаривающего с нами субъекта; два другие — группой более или менее ассоциированных между собою ощущений и актов, которые совершенно не сознаются разговаривающим с нами лицом. Когда субъект находится в первом сомнамбулизме, первый слой прерывается и появляется второй, принося с собой все воспоминания, приобретенные им за время подпольного существования. Когда субъект переходит во второй сомнамбулизм, второй слой прерывается в свою очередь, уступая место третьему, который образует всю сознательную жизнь субъекта. После пробуждения верхние слои появляются в обратном порядке. Чтобы представить других субъектов, у которых, кроме многочисленных сомнамбулических состояний, наблюдаются еще естественные сомнамбулизмы, истерические припадки и т. д. пришлось бы значительно усложнить фигуру, но общее расположение слоев останется таким же.

9. ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ОДНОВРЕМЕННО ПРОЯВЛЯЮЩИХСЯ ПСИХИК

Никогда не следует преувеличивать значение какого-либо правильного утверждения, иначе можно допустить ошибку. То, что подсознательная жизнь напоминает сомнамбулическое состояние — это ясно. Но нельзя все-таки утверждать, что оба эти состояния тождественны друг другу. Леония 2, т. е. сомнамбулическая личность — это шаловливое резвое дитя — не может существовать целиком в недрах психики Леонии 1, этой пожилой спокойной и молчаливой женщины. Такое смешение привело бы к постоянному бредовому состоянию. Кроме того, сомнамбулическая личность, располагающая ощущениями, отсутствующими у нормальной, постоянно дополняла бы нормальную личность, так что у последней нельзя было бы наблюдать никаких параличей. Вот случай, рассказанный мне по этому поводу моим братом. Одна больная истерией, страдавшая анестезией ног, положила их на грелку с горячей водой и не заметила, что вода слишком горяча и обжигает ноги. Однако вторая личность, которая проявлялась в подсознательных актах или в глубоком сомнамбулизме, владела

тактильной чувствительностью и на предложенный ей вопрос ответила, что прекрасно чувствует боль в ногах. «Почему же ты не отнимешь ног?» — «Не знаю». Ясно, что второе сознание, обладающее тактильной чувствительностью ног, наяву проявляется не так, как в глубоком сомнамбулизме. Иными словами, вторая личность не проявляется одинаково всегда, и отношения между различными психическими состояниями должны быть очень изменчивы.

Для исследования этих вариаций возьмем своим отправным пунктом *вполне нормальное психическое состояние. Так как сила психического синтеза при этом состоянии достаточно велика, то все психические явления, каково бы ни было их происхождение, соединяются в одном лигном восприятии, и второй лигности не существует.* При таких условиях не должно быть ни рассеянности, ни анестезии — общей или систематизированной; не должно быть ни внушаемости, ни способности поддаваться гипнозу, ибо нельзя вызвать и развить несуществующие подсознательные явления. Но даже самые нормальные люди далеко не всегда находятся в таком состоянии психического здоровья. Что же касается наших субъектов, то это наблюдается у них очень редко.

В тех случаях, когда нет такого вполне нормального состояния, *сила психического синтеза ослабляется и более или менее значительное количество психических явлений ускользает от нормального восприятия — это и есть расщепление психики.* Хотя это явление часто наблюдается при истерии, я не назову его истерическим, так как думаю, что состояние расщепления есть нечто более общее и может существовать и при многих других условиях. Оно является причиной рассеянности, систематизированных и общих анестезий и внушений, выполняемых субъектом сознательно. В подобных случаях отщепленные явления еще настолько разрознены и изолированы, что по большей части не оказывают никакого влияния на все поведение субъекта и как бы не существуют. Только некоторые из них вызывают иногда самые простые рефлексy. Когда женщина, о которой рассказывал мне брат, обожгла себе ноги, у нее возникли где-то ощущения боли. Но эти ощущения были настолько элементарны, изолированы и разрознены, что могли вызвать только несколько конвульсивных сокращений, но были не в состоянии руководить координированными движениями, которые необходимы для того, чтобы переместить ноги. Исследуемые нами

субъекты находятся в подобном состоянии чаще всего тогда, когда ими не занимаются и, главным образом, когда их давно не усыпляли.

Единственными изменениями, наступающими самопроизвольно в этом состоянии, являются различные распределения анестезии. Так, например, у Марии в течение нескольких месяцев наблюдались попеременно три формы анестезии. 1. Чаще всего она была лишена чувствительности во всей левой стороне тела, так что последнее в смысле анестезии было разделено на две половины вертикальной линией, проходящей посередине. Справа сохранилась общая и специальная чувствительность, слева же все ощущения исчезли. 2. Пробыв в этом первом состоянии 2 или 3 недели, Мария переходит — часто без всякой видимой причины — во второе состояние. При этом она по-прежнему наполовину анестезична, но теперь тело в отношении чувствительности разделено на две части горизонтальной линией, проходящей немного выше груди, на уровне плеч. Вся нижняя часть совершенно лишена чувствительности; верхняя же часть, включая и голову, вновь приобретает полную чувствительность (за исключением левого виска и левого глаза). 3. После этого она часто переходит в новое состояние, и у нее на некоторое время восстанавливается чувствительность во всем теле, хотя и в очень притупленной форме. Как будто бы определенная сумма чувствительности распределилась на вдвое большую поверхность, и поэтому наполовину ослабела. У других лиц чувствительность может распределяться иначе. Например, в каждом чувстве они выбирают для восприятия некоторые особые впечатления и отбрасывают все остальные. Таковы разборчивость и рассеянность, которые, подобно самой анестезии, являются формами сужения поля сознания и расщепления психики.

Если к данным лицам подходит усыпляющее их лицо, они начинают испытывать совершенно особую эмоцию, заставляющую их чувствовать изменение своего сознания. Это объясняется тем, что разрозненные подсознательные явления под влиянием данного возбуждения группируются, приобретают силу и даже отнимают у нормального сознания некоторые психические элементы, которыми последнее до сих пор пользовалось. Увеличивается количество анестезий: Люси перестает меня слышать, хотя раньше слышала всех одинаково. «Я вижу, что губы у вас шевелятся, — говорит она, — но не слышу, что вы говорите». Об-

разовавшаяся подсознательная личность приняла мои слова на свой счет. Внушаемость также увеличивается и проявляется в двух видах, вызывая то сознательные акты первой личности, то действия второй личности, не сознаваемые первой. Таковы частичная катаlepsия, внушения, обусловленные рассеянностью, и автоматическое письмо. Это состояние довольно точно соответствует тому состоянию, которое было обычно описано под именем *сонного или сомнамбулического бодрствования*.^{*} Но последнее название вызвало ряд возражений, так как находили, что это не бодрствование. Конечно, если под словом бодрствование подразумевают совершенно нормальное психическое состояние, то субъект не находится в таком состоянии: ведь наяву у нас нет привычки ходить и писать, не сознавая этого. Но в то же время субъект не находится и в полном сомнамбулизме. Между нормальной жизнью и словами субъекта в этом состоянии имеется непрерывная цепь воспоминаний: он всегда вспоминает о некоторых своих поступках нормальной жизни — следовательно, он и теперь отчасти находится в состоянии бодрствования. Но другая часть его сознания, действительно, находится в сомнамбулизме, как это доказывает другая цепь воспоминаний, хотя и это сомнамбулическое состояние также не полно. Вторая личность за счет первой владеет в слабой степени слухом, чувствует прикосновения и движения, но она не видит (по крайней мере, обычным путем), едва передвигается и вовсе не разговаривает или разговаривает с трудом — все это она могла бы легко делать, если бы была в полном сомнамбулизме. Следовательно, перед нами полусомнамбулическое или полубодрственное состояние, это название мы и сохраним для обозначения подобного состояния.

Только что описанное состояние можно считать переходным или временным, так как оно колеблется между настоящим бодрствованием и полным сомнамбулизмом.

Если мы создадим для этих систем подсознательных понятий какое-нибудь возбуждение или заставим призрачную первую личность ступать хотя бы в силу усталости, то получим настоящее сомнамбулическое состояние. При этом состоянии первой личности больше не существует. Вторая личность обогащается

---

* Beaunis. Somnambulisme provoqué. P. 116.

за счет первой и усваивает ощущения, входившие в состав первого синтеза. В силу этого она приобретает способность видеть, двигаться и разговаривать и, вспоминая о своем прежнем существовании, не понимает, как это она не могла ни двигаться, ни проявлять себя. Словом, она не дает себе отчета в происшедшей перемене. После прекращения сомнамбулического состояния вновь появляется первая личность, а вторая сокращается. Но она не исчезает всецело, а продолжает существовать подпольно более или менее долго — в зависимости от своего развития и сделанных ей постгипнотических внушений. Время от времени она всплывает на поверхность для выполнения полученных внушений и затем опять замыкается в небольшую область, которая остается свободной благодаря анестезиям, снова наступающим в силу психического расщепления. Если бы восстановление здоровья было полным, то вторая личность исчезла бы совершенно и создалось бы новое психическое единство, которое образовалось бы вокруг другого центра, но которое по своему объему и зависимости было бы аналогично полному сомнамбулизму. Попробуем на новой фигуре — менее схематичной, чем предыдущие — изобразить отношения между разными личностями и для большей простоты предположим, что их только две (рис. 11).

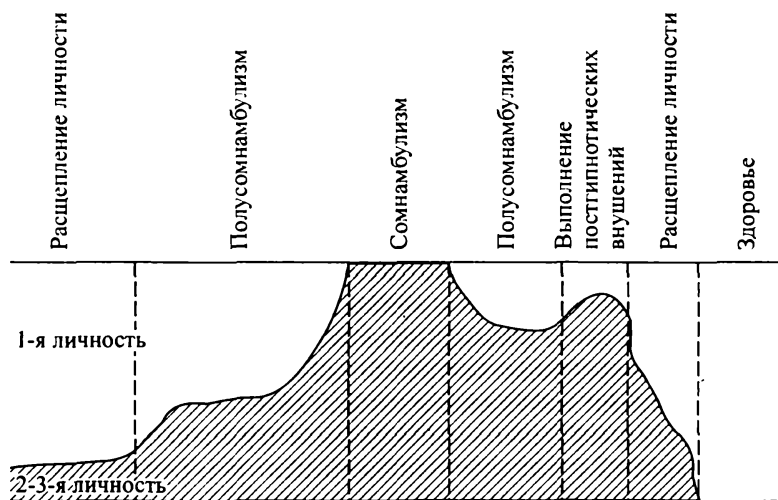

Рис. 11

Соотношение между второй личностью, сменяющей первую в сомнамбулизме, и второй личностью, существующей одновременно с первой наяву, вырисовывается иногда яснее и принимает особую форму. Известно, что в полном сомнамбулизме вторая личность помнит не только о своих собственных действиях в предыдущих сомнамбулизах или о действиях, совершенных ею в полусомнамбулическом состоянии, — она помнит также и об актах, выполняемых сознательно первой личностью, «другой», как говорят сомнамбулы. Так как это сомнамбулическое сознание существует под порогом нормального сознания и в полусомнамбулизме, то не естественно ли предположить, что уже в этот момент оно знает о действиях, выполняемых обычным сознанием? Это соображение вначале показалось мне очень правильным, и в своих первых статьях по этому вопросу я принимал за правило, что первая личность совершенно не знает о действиях второй, ниже лежащей личности, — последняя же прекрасно знает о первой. Этим я объяснял себе то обстоятельство, что сомнамбулы помнят о том, что происходило наяву. Гёрней, опубликовавший несколько позже свои исследования по этому же вопросу, также допускал это правило, но уже с некоторыми оговорками. «Во многих случаях, — говорит он, — нельзя сказать, что вторая личность точно знает о действиях, совершаемых в данный момент лежащей над ней первой личностью». В настоящее время я не только признаю справедливость оговорок Гёрнея, но даже склонен усилить их.

Не следует поддаваться иллюзии, заставляющей нас отождествлять вторую личность сомнамбулизма со второй подсознательной личностью, проявляющейся в полусомнамбулизме. В первом случае эта личность, если она вполне развилась, узнает и помнит о многом благодаря вновь приобретенным ощущениям. Она помнит о действиях наяву, потому что к ее собственным ощущениям присоединяются ощущения, принадлежавшие личности наяву. Но, существуя ранее под нормальным сознанием в рудиментарном или несовершенном состоянии, сомнамбулическая личность не владела этими ощущениями и, следовательно, не могла иметь полного представления о том, что делала первая личность. Когда Люси 1 и Люси 2 существуют одновременно, они функционируют всегда каждая по-своему (одна — при помощи зрительного, другая — при помощи тактильного чувства) и совершенно не знают

друг о друге. Если бы одна личность знала другую, т. е. если бы образы тактильного чувства ассоциировались с образами зрительного чувства, то образовалось бы одно общее сознание, которым и пользовалась бы только одна личность.

Когда мы хотим проверить эти факты, то одним из главных затруднений для наблюдения является то обстоятельство, что, спрашивая вторую личность о каком-либо явлении, мы тем самым даем ей знать о нем и отнимаем его у первой личности. «Подсознательная личность, — говорит Гёрней, — понимает условные знаки и описывает предметы внешнего мира, о которых ее спрашивают». Это так, но легко доказать, что в этот момент первая личность ничего не знает об условных знаках и не видит предметов, о которых идет речь. Когда нормальное «я» действительно видит что-либо, то из этого вовсе не следует, что аномальное «я» также видит это в тот же самый момент. Мы не решаемся утверждать, подобно Гёрнею, что есть какое-то различие между двумя личностями и что одна личность может знать о другой, не будучи в то же время известна ей: положение обеих личностей, по-видимому, одинаково.

Не следует забывать, однако, что в этой главе мы говорим только о самых простых, так сказать, типичных случаях психического расщепления. Можно наблюдать много различных вариаций и усложнений, при которых обе личности более или менее знают друг друга и влияют одна на другую. Но теперь мы не будем вдаваться в подробное исследование этих фактов.

Рассмотрение только что приведенной схематической фигуры подсказывает нам новое соображение, имеющее некоторый интерес. Можно заметить, что на фигуре изображение полного сомнамбулизма совершенно подобно изображению полного психического здоровья, так как оба эти состояния характеризуются слиянием всех психических явлений в одно нераздельное сознание. С известной точки зрения это сходство не должно удивлять нас, так как оно вполне согласуется с результатами прежних исследований, доказавших совершенное развитие чувствительности и воли, как при полном сомнамбулизме, так и при полном психическом здоровье. Но, с другой стороны, — это сходство вызывает некоторые вопросы. В самом деле, мы знаем, что в сомнамбулизме память также становится совершенной и охватывает все периоды

жизни — как сомнамбулической, так и нормальной. Между тем бодрствование и нормальное состояние характеризуются забыванием того, что происходило в сомнамбулизме. Каким образом оба эти состояния — полный сомнамбулизм и полное психическое здоровье — могут быть тождественны, если существует различие в памяти? Но, быть может, при наличии полного здоровья также всплывает полное воспоминание о самом сомнамбулизме? Если субъекты после пробуждения не сохраняют никакого воспоминания о сомнамбулизме, то это можно объяснить тем, что у них при этом никогда не наступает вполне нормальное психическое состояние: у них всегда наблюдаются более или менее заметные анестезии и рассеянность. Если бы такие субъекты выздоровели совсем, если бы поле их сознания расширилось и охватило в личном восприятии все образы, возможно, у них всплыли бы все связанные с ним воспоминания, также и воспоминания об их припадках и сомнамбулизах. Должен сказать, что никогда не констатировал подобного восстановления памяти и что вообще это соображение основано больше на исследовании схематической фигуры и теоретических рассуждениях, чем на опыте. Вероятно, нечто подобное можно было бы констатировать, когда Люси казалась совершенно поправившейся. Но я не думал тогда об этом вопросе и не произвел ни одного исследования в этом направлении. Думаю, впрочем, что я получил бы отрицательный результат, так как я никогда не видел больных истерией, у которых после кажущегося выздоровления всплывали бы воспоминания об их втором существовании. Хотя возможно, что эти молодые женщины, у которых время от времени появляются слабые признаки истерии, никогда не выздоравливают вполне, и поэтому на них нельзя наблюдать описанного явления.

Если наблюдение ничего не дает нам в этом отношении, то, быть может, история вопроса разъяснит кое-что. Всем знакома история одной женщины Петропильи, ставшей известной во время крупных споров по поводу изучения животного магнетизма. В течение нескольких лет у этой женщины, содержавшейся в больнице Сальпетриер, наблюдались все явления сомнамбулизма и полное забывание о последнем после пробуждения. Много лет спустя, выйдя из больницы, эта женщина стала утверждать, что постоянно симулировала все явления сомнамбулизма. Для

доказательства она рассказывала, что ее заставляли делать во время мнимого сомнамбулического сна, т. е. она помнила обо всем. Этот факт наделал много шума и вызвал торжествующие насмешки в адрес гипнотизеров. Еще и в настоящее время некоторые поверхностные авторы, считающие сомнамбулизм, истерию и, пожалуй, даже эпилепсию — чистой комедией, торжественно предупреждают гипнотизеров: «Бойся Петропильи!»

Такого рода факты встречаются и в истории спиритизма, о котором мы скоро будем говорить. Сестры Фокс, благодаря которым в Америке развился в 1848 г. спиритизм, впоследствии насмеялись над своими прежними подвигами, заявляя, что симулировали свои подсознательные движения и разговоры с духами. В действительности нам совершенно безразлично, была ли Петропилья искренна или нет, и наблюдались ли у сестер Фокс настоящие истерические припадки и автоматические движения или они проделывали выгодные для них фокусы. Заметим только, что нельзя доверять словам шестидесятилетней старухи, которая пытается объяснить чувства, испытанные ею в восемнадцатилетнем возрасте: она уже не та и теперь не способна понимать переживания своей юности. Она очень легко может обвинить себя в обмане, которого никогда не совершала, так как иначе она не может объяснить себе то, что всплыло у нее в памяти.

Однако этим явлениям можно дать еще другое, более интересное объяснение. Возможно, что у этой женщины в шестьдесят лет совершенно исчезли истерия и психическое расщепление, бывшие у нее в двадцать лет, и что вновь сложившееся цельное сознание снова овладело всеми образами, как это бывает при полном сомнамбулизме. Такого рода явления могут служить подтверждением высказанных нами выше соображений об аналогии между состоянием полного здоровья и полным сомнамбулизмом. Но не будем долго останавливаться на этих давних и малоизвестных фактах. Кто имел возможность долгое время наблюдать больных истерией, тот, вероятно, также пришел к заключению о полном восстановлении памяти при полном выздоровлении. Интересно было бы собрать подобные наблюдения, которые могли бы служить подтверждением построенных нами гипотез о существовании нескольких различных психик в одном индивидуе.

Оставляя в стороне эти вопросы, решить которые сейчас невозможно, мы можем закончить свои рассуждения следующим замечанием. Расщепление психики дает начало неравным группам представлений, относительное значение которых все время меняется. Полное психическое здоровье и полный сомнамбулизм являются двумя предельными состояниями. Между ними имеется много переходных состояний, при которых существуют рядом различные сознания в постоянно меняющихся отношениях.

Изучение нервных болезней сделало большой шаг вперед, когда было доказано, что женщина заболевает не только в тот момент, когда падает в истерическом припадке, а что она страдает истерией постоянно — даже в промежутках между припадками. Нужно пойти вперед и в оценке сомнамбулизма и допустить, что субъект не становится сомнамбулой на несколько минут по желанию гипнотизера и что он после пробуждения вновь возвращается к нормальному состоянию. Надо сказать, что он поддается гипнозу потому, что он уже до того был в некотором роде сомнамбулой и продолжает быть им более или менее продолжительное время даже после пробуждения. *Одновременное существование нескольких психик, возможность которых мы допустили для объяснения анестезий, обуславливается более или менее продолжительным сохранением сомнамбулистического состояния наяву.*

10. АНЕСТЕЗИЯ И ПАРАЛИЧИ

Всякую гипотезу нужно защищать двояким образом: во-первых, нужно показать, что она полезна, т. е. что она соединяет и ясно резюмирует некоторые непонятные факты; во-вторых, что она плодотворна, т. е. помогает объяснить новые, не предусмотренные ею явления. Гипотеза о расщеплении психических явлений и соединении их в две или несколько различных одновременно существующих групп, по нашему мнению, хорошо объясняет различные анестезии и их особый характер. Посмотрим теперь, нет ли новых явлений, которые можно было бы объяснить этой же гипотезой.

Изучение амнезии затрагивает чрезвычайно интересные психологические проблемы. Когда какое-нибудь воспоминание исче-

зает, и субъект больше не думает о нем, можно ли утверждать, что оно совершенно исчезло из сознания данного субъекта? Нельзя ли сказать об этом воспоминании, что оно сохраняется в какой-нибудь неведомой для обычного сознания области, подобно ощущениям, не создаваемым анестезичными субъектами? Теория эта довольно соблазнительна и весьма вероятна. Она прекрасно выражена у св. Августина и была развита с большим искусством некоторыми авторами, каковы Буйе и Кольсене. Хотя она примыкает также к тем положениям, которые мы до сих пор защищали, мы все-таки не станем обсуждать ее. В данной работе мы желаем дать экспериментально-психологическое исследование лишь тех фактов, которые нам самим приходилось наблюдать. А нам не удалось констатировать таких фактов, которые могли бы подкрепить эту несколько метафизическую гипотезу. Огромное различие между экспериментальным исследованием и философской теорией заключается в том, что первому нет нужды развивать свои идеи до крайних пределов и что оно прекращается там, где исчезает прочное основание в виде наблюдения и эксперимента.

Изученная нами выше амнезия заключается в отсутствии воспоминания тогда, когда оно, казалось, должно было сохраниться в сознании. Субъект, которому внушили в сомнамбулизме забыть такой-то факт, не может после пробуждения вспомнить его, подобно тому как не видит предметов, которые ему запретили видеть. Но воспоминание, как и ощущение, сохраняется во втором сознании и может всплыть тем же путем. Мы не будем дальше останавливаться на этом факте, ибо прежнее изучение дает нам право допустить, что подобные амнезии объясняются так же, как и различные анестезии.

При изучении патологической психологии часто приходится встречаться с двумя важными явлениями — параличами и контрактурами. Если бы явления эти можно было объяснить с точки зрения нашей теории психического расщепления, то они сильно подкрепили бы ее. Поэтому займемся исследованием этих фактов.

Прежде всего отметим как общее правило, что всякая анестезия и амнезия обуславливают некоторый паралич: если я забыл название предмета или места, где он лежит, то я не могу уже ни произнести этого названия, ни сделать движения, чтобы достать

предмет. Больная истерией, совершенно утратившая воспоминание о словесных образах, не может больше говорить, если она потеряла чувствительность в какой-либо конечности, то не может двигать ею. С другой стороны, параличи и контрактуры почти всегда, за немногими исключениями, сопровождаются анестезиями. По словам Шарко, тактильная и мышечная анестезии, всегда сопутствуют истерическому параличу. «Больной, — говорит другой автор, — ощущает свое тело как нечто постороннее, тяжесть которого стесняет его и дает себя чувствовать в той части грудной клетки, которая сохранила чувствительность».* Что касается контрактур, то они обычно безболезненны и сопровождаются глубокой анестезией мышцы и покрывающей ее кожи. Эти анестезии вызывают, как и следовало ожидать, амнезии. Больная, у которой парализована нога, не может представить себе зрительного или мышечного образа движущейся ноги. Словом, параличи наблюдаются у больных истерией в той части тела, которая наиболее поражена анестезией. Наоборот, когда анестезии исчезают, то и контрактуры расслабляются и парализованные конечности вновь приобретают способность к движению. После всего того, что мы говорили о двигательном значении ощущений и образов, эта связь между исчезновением образа и исчезновением способности двигаться так понятна, что нет нужды дольше останавливаться на простых типичных случаях. Исследуем лучше многочисленные и важные исключения и постараемся подвести их под общее правило.

По одной некогда распространенной теории, в настоящее время почти не имеющей сторонников, оба эти явления — параличи и анестезии — считались совершенно разными и независимыми друг от друга. Жоли подробно изложил все факты, которые, по его мнению, доказывают независимость этих двух явлений. Приводимые им аргументы можно резюмировать в двух положениях: 1) существуют анестезии без параличей; 2) существуют параличи без анестезий. Как объяснить такого рода явления с нашей точки зрения?

1. «Если мы перережем у кобчика чувствительные нервы ножки, — говорит Клод Бернар, — то лапка не будет чувствовать ни

---

* Berbez. *Hystérie et traumatisme*. 1887. P. 19.

потрагиваний, ни уколов, но в то же время сохранит способность ходить и держаться на своей жердочке».* Итак, перерезая чувствительные корешки, можно уничтожить чувствительность, сохраняя при этом способность к движению; это старый опыт Беля и Мажанди. Значит, говорит Жоли, движение может существовать без наличия чувствительности. Ни в коем случае. Хирургические приемы не годятся для психологического эксперимента, так как в настоящее время они недостаточно тонки и не захватывают того, что хотят уничтожить. Перерезая чувствительные корешки, мы уничтожаем только материальную связь между внешними раздражениями и способностью ощущения животного, но вовсе не разрушаем этой способности. Кобчик Клода Бернара по-прежнему чувствует ощущения, относящиеся к его ножке, и сохраняет воспоминание о всех образах прежних ощущений, которые передавались по этому раньше целому нерву. Никто никогда не утверждал, что движение вызывается всегда ощущением, протекающим в настоящий момент: мы можем писать, не имея перед собой образцов письма. Это вовсе не доказывает, что можно писать без образов прежних зрительных или мышечных ощущений. То же самое можно сказать о большей части примеров, приводимых автором: анестезия, о которой он говорит, вызывается только анатомическими повреждениями, геморрагиями, опухолью и т. д., которые прерывают связь, но вовсе не уничтожают психофизиологической способности воспринимать ощущения и образы. В данном случае нет паралича, потому что нет амнезии. А последней нет потому, что анестезия недостаточно глубока.

Только на неврозах психолог может успешно изучать расстройства чувствительности и движения. Но Жоли, по-видимому, не придает им большого значения, так как говорит, что «при неврозах нарушения чувствительности касаются только периферической области нервной системы». Такое положение кажется мне неприемлемым, ибо именно при этих болезнях повреждение — центрального происхождения и затрагивает психические функции. Наблюдаются ли при неврозах расстройства чувствительности без расстройства движений? Несомненно. Многие исследователи констатировали, что некоторые больные истерией, совершенно

---

* Joly. Sensibilité et mouvement. Rev. philos. 1886. II. P. 125.

лишенные чувствительности, прекрасно передвигаются. Следующее знаменитое описание Деню можно считать классическим: «Усилием воли она приводила свои мышцы в движение, причем совершенно не сознавала выполняемых ею движений. Например, не знала, в каком положении была ее рука. Если больной приказывали поднести руку к уху, она тотчас же выполняла нужное движение, но, если я клал свою руку между ее рукой и ухом, она не замечала этого. Если я останавливал на полпути ее руку, она также не замечала этого; если я, незаметно для нее, прикреплял ее руку к постели и затем приказывал поднести ее к голове, то она делала маленькое усилие и успокаивалась, думая, что выполнила движение. Если же я настаивал, она прилагала больше усилий, приводила в движение мышцы другой стороны тела (она была лишена чувствительности лишь на одной стороне тела) и только тогда узнавала, что ее движения мешали».* Этот случай является прекрасным примером полной тактильной и мышечной анестезии без наличия паралича. Такие же явления можно было наблюдать у моих субъектов, главным образом, у Марии.

Как же совершаются эти движения?

Вместе с другими авторами я отвечаю, что *эти движения выполняются при помощи иных образов — в данном случае при помощи образов зрительных*. «Потеря двигательных образов речи, — говорит Шарко, — не всегда приводит к потере способности говорить, так как есть люди, разговаривающие при помощи слуховых образов. Для таких людей потеря мышечных образов не влечет за собою особых последствий: они не чувствуют, как губы шевелятся, но все-таки разговаривают».** Истерические больные также не чувствуют движения своей руки, но все-таки двигают ею, так как представляют себе зрительный образ двигающейся руки. Этого, как мы видели в опытах, относящихся к подражанию, совершенно достаточно, чтобы вызвать настоящее движение. Роль зрительных образов может, я думаю, выясниться из двух следующих наблюдений. Я заметил на двух разных больных, что, когда больная истерией совершенно теряет тактильные и мышечные ощущения, то у нее появляется скорее паралич ног, чем

---

* Joly. Sensibilité et mouvement. Rev. philos.

** Ballet. Langage intérieur. P. 123.

паралич рук. Как только Роза теряет чувствительность, у нее наступает паралич обеих ног. Другая больная V. также теряет мышечную чувствительность и вместе с нею способность двигаться. Но у обеих всегда сохраняется движение рук. Дело в том, что движение рук — особенно для женщин — гораздо заметнее движения ног и оставляет в памяти более яркие зрительные образы. Этим и объясняется то, что они при помощи зрительных образов руками могут двигать, а ногами нет. Они не привыкли пользоваться постоянно, подобно Люси, зрительной памятью.* Довольно известно другое наблюдение: Дюшен, Бел, Лазег и др. давно уже заметили, что женщины, больные истерией, будучи такими живыми и подвижными при открытых глазах, вовсе не могут двигаться, если их глаза закрыты или если они не смотрят на свои руки и ноги. «Одна женщина, кормившая ребенка, потеряла вследствие паралича двигательную способность на одной стороне тела и чувствительность на другой. Она могла держать ребенка у груди только на той руке, которая сохранила чувствительность, да и то лишь при условии, если смотрела на своего младенца. Если же окружающие предметы отвлекали ее внимание от положения руки, то мышцы-сгибатели мало-помалу расслаблялись и ребенку грозила опасность упасть».** Словом, когда внимание этой женщины было отвлечено, другие зрительные образы движения руки ступшеывались. Следовательно, в данном случае зрительные образы замещали отсутствующие мышечные образы и благодаря своей способности вызвать движение маскировали паралич.

Однако последнее наблюдение не совсем убедительно. Если у некоторых больных истерией, лишенных чувствительности, и наступает полный паралич при закрытых глазах, то большинство из них все-таки сохраняют двигательную способность или, по крайней мере, в состоянии продолжать движение, начатое ими

---

* Такого рода субъекты могут сохранять зрительные образы движения ног и в то же время оставаться паралитиками, так как для движения ног они привыкли пользоваться только мышечными образами. У Розы могла быть галлюцинация движения ног, но при этом она оставалась всегда прикованной к постели. У Люси же такая галлюцинация вызывала всегда движение ног; паралич наступал у нее только в том случае, если она теряла как мышечные, так и зрительные ощущения.

** Joly. Op. cit. P. 129.

с закрытыми глазами. Это легко объяснить: так как зрительные образы сохраняются даже при закрытых глазах, то они и могут вызвать движение, подобно самим зрительным ощущениям. Но почему в одних случаях больные истерией при закрытых глазах теряют двигательную способность, а в других случаях, наоборот, сохраняют ее? Я думаю, что в последнем случае у них возникает еще одно важное представление, с которым надо считаться: *представление о положении руки в момент начала движения*. Если Мария, потеряв чувствительность, может поднять руку при закрытых глазах, то это объясняется тем, что в момент выполнения движения она представляет себе свою руку, которую видела у себя на коленях, когда глаза еще не были закрыты. Она исходит из этого представления для выполнения требуемого движения или же для продолжения уже начатого при открытых глазах движения. Тогда я останавливаю ее руку, не давая Марии видеть, где она находится, или же просто перемещаю ее, не сообщая об этом Марии. Например, кладу ее руку ей на голову. Так как она ничего не чувствует и думает, что рука лежит у нее на коленях или, вернее, вовсе не знает, где она, то если я теперь прошу ее протянуть мне руку, последняя остается неподвижной или в ней появляются различные подергиванья. Это объясняется тем, что Мария, не зная начального положения своей руки, не знает, что нужно представить себе, чтобы протянуть мне руку.

Более того, я, не прикасаясь к ее руке, говорю ей, что переместил ее. Этого достаточно, чтобы она не знала, где ее рука, и сказала бы мне раздраженным тоном: «Дайте же мне взглянуть на мою руку, и я вам дам ее». Нет нужды даже показывать ей руку: достаточно, как это видно из прекрасного наблюдения Лазега, просто положить ее на сохранившую чувствительность часть тела, например, правую щеку — и Мария узнает положение своей руки, представит себе движение и затем выполнит его. Эти соображения о значении зрительного представления для движения руки позволяют мне понять одно из прежних моих наблюдений, которого я ранее не мог объяснить себе. Когда я при исследовании истерической анестезии брал руку больных и закладывал ее им за спину, то они не могли вывести ее из этого положения. Если же, наоборот, я просил, чтобы они сами заложили руку за спину, то они, в большинстве случаев, легко могли вытянуть ее после того

обратно. Это объясняется тем, что в первом случае больные не видели, куда я переместил их руку; во втором же случае они сохранили зрительное представление о положении руки, которую они сами переместили. Таким образом, исключения довольно легко подвести под общее правило: если мышечные анестезии не сопровождаются параличом, то это объясняется либо тем, что чувствительность уничтожена не полностью, либо тем, что зрительные образы заменяют утраченные ощущения. В любом случае это не доказывает, что движение может совершаться независимо от чувственных образов.

2. Рассмотрим теперь второе положение Жоли, согласно которому *параличи могут наступать без наличия анестезий*. Не будем говорить о параличах, обязанных своим происхождением анатомическим повреждениям, типа паралича, вызванного перерезанием двигательного корешка при сохранении целостности корешка чувствительного. Между прочим, последний опыт можно поставить гораздо проще: можно крепко связать лапы животного, чтобы оно не могло двигаться, и затем заявить: «Видите, здесь мы наблюдаем паралич без наличия анестезии. Эта собака сохранила чувствительность, но не в состоянии двигаться». Это было бы также очень убедительно. Однако в психологической работе следует изучать параличи, наступающие без анатомических повреждений, и исследовать, могут ли они появляться при сохранении полной чувствительности. Некоторые авторы приводят случаи параличей, не сопровождавшихся анестезией.* Как понять подобные случаи?

Возьмем для примера следующий случай экспериментального внушения. Я мелом провожу по полу черту и заявляю больной истерией, что она не сможет перешагнуть через черту. В ответ на это она пожимает плечами, думая, что я шучу, и не обращает внимания на мое заявление. Через несколько минут, желая выйти из комнаты, она встает и быстро направляется к двери. Но ноги ее останавливаются как раз перед сделанной мной чертой, и все тело наклоняется вперед, не будучи в состоянии двинуться дальше. Она в гневе отступает, чтобы с разбега перескочить эту линию: бежит и снова останавливается на том же самом месте. Это нечто вроде

---

* Bober. Paralysies, contractures, de cause psychique. 1888. P. 17.

паралича, так как больная не может поднять ног, чтобы переступить через белую черту. Но легко проверить, что состояние чувствительности у нее не изменилось: по-прежнему одна нога анестезична, а в другой чувствительность сохранилась. Можно проделать много подобных опытов, например, сказать субъекту, что рука его приклеена к столу, что он ею не может ничего достать и т. д. Бернгейм говорит, что если сказать субъекту в сомнамбулизме, что такой-то предмет вызывает паралич, то действие этого предмета сохранится и после пробуждения, хотя сам субъект не будет знать почему.

Во всех этих случаях я не считаю уничтожение движения настоящим параличом; это акт, который, несмотря на видимую безрезультатность, достаточно энергичен. Внушение — в состоянии ли рассеянности или в сомнамбулизме — вызвало подсознательную навязчивую идею, которая останавливает движение в тот момент, когда субъект хочет совершить его. Кроме того, движение это субъект может выполнить при помощи оставшихся ему зрительных образов. Таким образом, этот субъект парализован не более, чем человек, находящийся в четырех стенах в тюрьме. Естественные псевдопараличи, вероятно, того же происхождения. «Я одеваюсь, чтобы выйти, — говорил один больной, — но в то же время остаюсь неподвижным. Меня толкают на улицу, но я не могу войти в магазин или, если я вхожу туда, я не двигаюсь с места... Я чувствую, что во мне две личности, две воли, которые уравнивают друг друга и заставляют меня оставаться на месте».* Шарко разобрал очень интересные случаи такого рода и дал им вполне правильное объяснение. Эмоция, вызванная каким-либо потрясением, «нервным шоком», обуславливает психическое состояние, аналогичное гипнотизму или по крайней мере отличное от того нормального состояния, при котором мысль о ранении или параличе проникла в сознание. Когда же нормальное сознание восстанавливается, эта мысль продолжает сохраняться под ним и останавливает, «уничтожает» все движения, которые больной хочет сделать. Как с психологической, так и с физиологической точек зрения, кажущееся уничтожение двигательной способности может происходить либо «от действитель-

---

* Langle. De l'actin d'arrêt... dans les phénomènes psychiques. Thèse. 1886.

ного прекращения деятельности двигательных центров, либо от усиления деятельности центров задерживающих». Только первое является настоящим параличом, а оно всегда сопровождается или обуславливается анестезией.

11. ОБЪЯСНЕНИЕ ПАРАЛИЧЕЙ И КОНТРАКТУР С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РАСЩЕПЛЕНИЯ ПСИХИКИ

Так как оба эти явления — параличи и контрактуры — не в состоянии развиваться независимо от анестезии, то они: 1) *наблюдаются в одних и тех же вариациях и могут быть подведены под общую классификацию*, 2) *наступают при одинаковых условиях и, наконец*, 3) *могут полугить тожно такое же объяснение, как и явления анестезии*.

1. Подобно тому как можно наблюдать общие анестезии, совершенно уничтожающие все ощущения в сфере какого-либо органа чувств, точно также наблюдаются и *общие* параличи, уничтожающие совершенно все движения какой-нибудь конечности, и общие контрактуры, результатом которых является сильнейшее напряжение всех мышц руки или ноги. Эти две формы паралича и контрактур являются самыми простыми или, если угодно, самыми частыми. Их легко узнать по постоянным признакам. При полном параличе пораженная конечность падает всегда инертной, повинуюсь законам тяжести. При общей контрактуре данная конечность и иногда все тело принимают определенное неизменное положение, обуславливаемое положением и относительной силой различных мышц. Такое положение тела часто встречается при столбняке или некоторых эпилептических припадках: нога, например, находится в сильно вытянутом положении (потому что мышцы-разгибатели доминируют над сгибателями), кулак сжат и слегка повернут внутрь, тело выгнуто назад и т. д. Но подобно тому как анестезия может быть частичной и захватывать только часть глаза или часть кожной поверхности, так и паралич и контрактуры могут быть *гастигными* и касаться только одной мышцы или одной группы мышц, в которых разветвляется определенный нерв. Наконец, есть еще третья группа анестезий, близко подходящая к вышеописанным — анестезии, описанные нами под назва-

нием *систематизированных*. Легко констатировать, что бывают также и систематизированные параличи и контрактуры.

Еще ранние гипнотизеры отмечали, что можно запретить больным делать известное движение, произносить такое-то слово или писать такую-то букву. «Субъект не может писать букву А — он просто выбрасывает ее, когда пишет свою фамилию».* «Систематизированные параличи заключаются в потере способности совершать некоторые специальные движения, направленные к определенной цели. Пораженный такого рода параличом субъект не теряет совершенно способности пользоваться своей конечностью — он не может только пользоваться ей для выполнения определенного акта и только его одного».** Легко понять, что субъект, делающий рукой всевозможные движения, за исключением тех, которые необходимы для написания буквы А, — очень похож на того, кто видит все предметы, за исключением какого-либо одного. Бывают и систематизированные контрактуры, т. е. контрактуры, при которых напряжены не все мышцы руки или кисти руки, а только некоторые из них — одни больше, другие меньше — так что вся рука принимает неизменное, но выразительное положение. Так, например, руки могут оставаться в контрактуре в положении угрозы или молитвы. Итак, *парализи и контрактуры наблюдаются в тех же формах, что и анестезии, и могут быть подведены под одну общую классификацию.*

2. С другой стороны, при изучении явлений внушения мы увидим, что параличи и контрактуры наступают при тех же условиях, что и анестезия, и поддаются тем же экспериментам. Подобно тому как гипнотическое внушение обуславливало частичные и систематизированные анестезии, оно может вызвать такого же рода параличи и контрактуры.

В сомнамбулизме я внушаю N. помолиться и бужу ее, прежде чем она выполнила мое приказание. Как только N. приходит в нормальное состояние, обе руки ее незаметно для нее складываются в молитвенное положение, в то время как сама она разговаривает о посторонних вещах. Это один из тех подсознательных актов, сопровождаемых систематизированной анестезией.

---

* D-r Philips. Cours de braidisme. P. 120.

** Binet et Féré. Magnétisme animal. P. 253.

с которыми мы уже знакомы. Через несколько минут, когда ей понадобилось сделать какое-то движение, она сама меняет положение своих рук — и от внушения, по-видимому, ничего уже не остается. Тогда я прошу N. сложить руки как бы для молитвы. Сначала она отказывается, находя смешной мою просьбу, а потом шутливо пытается сделать это, но вместо того, чтобы сложить руки, сжимает кулаки. «Смотрите, — раздраженно говорит она, — я не умею больше складывать руки для молитвы... Ах, вот так». И она складывает пальцы в крест. «Нет, — говорю я, — сложите руки вместе, как статуи в церквах». — «Я прекрасно знаю, чего вы хотите, но я не умею сделать это». Это очень напоминает субъекта, потерявшего способность писать, — с тою лишь разницей, что у последнего способность уничтожена совершенно, тогда как у истеричного больного она исчезает на время. В самом деле, когда N. перестает думать о молитве и разговаривает о посторонних вещах, руки без ее ведома сами поднимаются и складываются вместе ладонями внутрь: по-видимому, N. умеет теперь молиться, но только бессознательно. Нечто подобное мы наблюдали и при изучении анестезий, когда в автоматическом письме обнаружилось знакомство с предметами, которых сам субъект не мог видеть. В другой раз я внушаю N. сделать после пробуждения узлы на бечевке, которую я дал ей. Когда она просыпается, руки ее начинают быстро завязывать узелки на веревочке, но сама она вовсе не подозревает об этом. Тогда я прошу ее саму завязать узелки на другой бечевке: она шутливо соглашается и опять начинает сердиться, так как путается, делает из веревочки кольца и кружочки, но не может завязать ни одного узла. Когда она отказывается от выполнения и перестает думать об этом, руки ее опять берут бечевку и бессознательно завязывают узелки.

Такие же опыты я проделал и с другим субъектом. «Когда вы проснетесь, — говорю я Люси 2-й во время сомнамбулизма, — вы будете называть мне числа и писать их на бумаге». Когда она после пробуждения начинает автоматически писать числа по порядку, другое лицо обращается к ней с просьбой сосчитать до десяти. Люси, думая, что над ней смеются, пытается считать, но, к ее великому изумлению, она не знает ни одного числа, между тем как рука ее продолжает писать их. Когда я таким же путем заставляю подсознательную личность Люси писать весь алфавит,

сама Люси тотчас же забывает его. Или, например, я прошу подсознательную личность написать мне слова: дом, шляпа и т. д. Она правильно пишет требуемые слова, но если теперь обратиться к Люси с просьбой написать те же слова, то, несмотря на все свои старания, она не может вспомнить, как пишутся эти слова. Более того, если мы путем некоторых предосторожностей приостановим автоматическое писанье, не разрушая при этом полусомнамбулического состояния, то можно констатировать, что в этот момент Люси утратила способность писать сознательно и может объясняться только устно.

При таких же условиях (правда, гораздо реже) вместо паралича иногда появляется контрактура. Я возобновляю с N. один из вышеописанных опытов и внушаю ей после пробуждения сложить руки для молитвы. На первый взгляд, все идет, как и раньше. Только руки ее что-то долго не опускаются. Находя, что опыт слишком затянулся, я хочу вывести руки из этого странного положения, но, к удивлению, наталкиваюсь на сильное сопротивление: мышцы руки и кисти совершенно застыли в этом положении. Так как субъект, заметив напряжение своих рук, пугается, то мне нужно вновь усыпить его, чтобы уже без всякого труда устранить контрактуру. Аналогичное явление наблюдалось у Люси. Я внушил ей взять один цветок из букета, и она, проснувшись, выполнила это бессознательно. Но через минуту глаза ее упали на руки, и она испустила крик удивления: рука оказалась в контрактуре в изящном, но неудобном положении: большой и указательный палец сжимали розу, а другие пальцы были слегка согнуты и также напряжены. С подсознательной личностью Леонии мне легко было разговаривать даже наяву: дав Леонии отвлечься и забыть обо мне, я тихонько попросил ее дать мне руку. Она свободно протянула мне ее, не сознавая этого, тогда как сознательно не могла сделать это. Итак, мы видим, что *контрактуры и параличи могут под влиянием постгипнотического внушения наступать и в систематизированной форме, подобно анестезиям, и что эти явления не более реальны и закончены, чем сами анестезии: они существуют только для нормального сознания субъекта и совершенно исчезают, если обращаются ко второму сознанию или ко второй личности.*

И все-таки только что описанные опыты обладают одним крупным недостатком: они вызваны искусственно и наблюдают-

ся на субъектах, легко впадающих в гипнотическое состояние. Любопытно было бы знать, обладают ли аналогичными свойствами параличи и контрактуры, наступающие самопроизвольно. Я думаю, что да, хотя проверить это довольно трудно. Огромное различие между больными истерией, которые были уже гипнотизированы, и теми, которые не подвергались еще никаким опытам, заключается в том, что у первых группа явлений, отщепленных от нормального сознания, слагается в личность, знающую экспериментатора и повинующуюся ему, тогда как у вторых эта группа явлений совершенно разобщена и обычно неспособна понимать и повиноваться. Несмотря на эти затруднения, можно и при естественных параличах и контрактурах констатировать только что описанные явления.

Многие авторы, например, д-р Льебо, указывали, что можно вызывать движения в парализованном члене, отвлекая внимание субъекта в другую сторону. У меня была возможность наблюдать подобный случай, который кажется мне настолько интересным, что я позволяю себе привести его здесь.

Д-р Пясецкий из Гавра, зная, что я хочу исследовать явления естественного истерического паралича, показал мне одну из своих больных. Это была V., молодая женщина 30 лет, о которой мы уже несколько раз упоминали. В течение шести недель она была поражена полной параплегией — очевидно, истерического происхождения. Чтобы не прерывать хода настоящего исследования, я скажу только о характерных признаках параплегии этой больной, которые интересуют нас в данный момент: ноги были совершенно вялыми, падали под влиянием собственной тяжести и вплоть до бедер потеряли всякую тактильную и мышечную чувствительность. Туловище сохранило нормальную чувствительность, а вдоль позвоночного столба я констатировал даже несколько пунктов с повышенной чувствительностью. Верхние конечности отличались крайне тупой тактильной и мышечной чувствительностью. Лицо и специальные органы чувств оставались почти нормальными, за исключением левого глаза, пораженного дисхроматепсией. Больная совершенно не могла двигать ногами — даже в том случае, когда смотрела на них. Наоборот, руки, по-видимому, не потеряли способности совершать простые движения, так как V. постоянно жестикулировала. Но скоро

я заметил, что она могла двигать ими только при условии, если глаза у нее были открыты и она все время смотрела на свои руки. Когда же ее глаза были закрыты или обращены в другую сторону, руки не могли совершить ни одного движения. Если я без ее ведома поднимал ее руку в то время, когда она смотрела в другую сторону, то рука оставалась в воздухе и принимала все каталептические положения, какие только я придавал ей. Когда же я просил V. пошевелить рукой, не глядя на нее, то она делала напрасные усилия, все тело ее конвульсивно вздрагивало, и с нею начинался припадок, если я сам вовремя не опускал ее неподвижную руку.

Составив себе некоторое понятие о состоянии сознания у субъекта, я сделал д-ру Пясецкому знак, и он принялся серьезно разговаривать с больной, чтобы совершенно отвлечь ее внимание. Я отошел на несколько шагов под предлогом написать несколько слов и, когда увидел, что она совершенно забыла о моем присутствии, тихонько приказал ей поднять руку и сделать то или иное движение. Если раньше она не могла сделать ни одного движения, если не смотрела на руку, иначе у нее начинался истерический припадок, то теперь она свободно шевелила рукой (даже за спиной) и совершенно не подозревала об этом. Окрыленный таким результатом, я, не колеблясь, приказал ей поднять правую, затем левую ногу, сложить их и проч. Все исполнялось ею очень точно и свободно. Итак, ноги V., будучи парализованными уже в течение шести недель, могли свободно двигаться, как только я приказывал ей сделать то или иное движение. Но движения эти совершались подсознательно, так сказать, за пределами нормальной личности субъекта, совершенно утратившей способность двигать обеими ногами. Я не стану рассказывать о том, как мне в конце этого сеанса удалось несколькими словами, без всякого прикосновения к больной, совершенно устранить ее параплегию, которая после того не появлялась в течение целого года. Во всяком случае, мой визит и мои психологические эксперименты были одинаково полезны как мне, так и исследованному мною субъекту.

Истерические контрактуры встречаются гораздо чаще, чем параличи, так как в анестезированных членах контрактуры появляются по самому ничтожному поводу: под влиянием массирования, приближения магнита и т. д. И нам удалось сделать не-

сколько наблюдений, которые позволяют сблизить естественные контрактуры с контрактурами, вызванными нами искусственно при психологических экспериментах.

Молодая женщина, 26 лет, явно больная истерией, поссорившись со своим мужем, занесла правую руку, чтобы ударить его, но рука, как бы по небесному возмездию, осталась в контрактуре — сжатой в кулак. Через три дня, так как контрактура руки не исчезла, женщина обратилась за помощью в больницу, и д-р Жибер показал мне ее. Сначала я попытался применить к ней магнит, который, должен сказать, не произвел никакого эффекта на эту крестьянку, не имевшую представления о теории переноса. Тогда я воспользовался ее состоянием, чтобы внушить ей наяву, и путем словесного внушения мне удалось перевести контрактуру справа налево, затем слева направо и, наконец, совсем устранить ее.

Другой аналогичный пример. Молодой девятнадцатилетний моряк, страдавший истеро-эпилепсией и лишенный чувствительности на протяжении почти всего тела, получил довольно сильный удар в нижнюю часть груди. Он не испытывал при этом ни малейшей боли, но согнулся вперед в самом неудобном положении, которое сохранялось у него целый месяц, пока д-р Пиле не предложил мне исследовать его. Так как все внутренние мышцы груди и брюшной полости были напряжены и не было никакой возможности выпрямить больного, то я попытался применить гипноз для выявления той навязчивой идеи, от которой ясно зависела эта настоящая систематизированная контрактура. Мне удалось очень легко усыпить его, и я, ничего не приказывая ему, просто спросил, может ли он выпрямиться? «Почему же нет», — сказал он тем тупым тоном, которым говорят сомнамбулы в начале сомнамбулизма. «В таком случае — выпрямись». Он немедленно сделал это, и после пробуждения был вполне исцелен.

Не стоит приводить другие примеры, так как в настоящее время они хорошо известны. Приведенных случаев достаточно, чтобы показать, что естественные припадки контрактур и параличей обладают теми же свойствами, что и внушенные параличи и контрактуры, как и естественные анестезии были аналогичны анестезиям искусственным.

3. Так как из всех наших рассуждений вытекает, что контрактуры и параличи имеют много общего с анестезией, то невольно

возникает вопрос, нельзя ли объяснить эти явления теми же гипотезами.

Врач-психолог XVIII в., Рей Рожи, о котором мы уже говорили, высказывал мнение, что паралитики, потерявшие способность двигать какой-либо конечностью, могут вновь овладеть ей, если другое лицо, двигая этой конечностью и показывая больным ее движения, вновь научит их пользоваться ею, ибо такие больные, по-видимому, совершенно забыли, как совершаются движения.* В самом деле, паралич можно назвать амнезией: так как движение обуславливается чередованием в сознании определенных образов, то для утраты способности движения достаточно забыть эти двигательные образы. В действительности, оба эти явления — забывание и паралич — суть одно и то же явление, которое, будучи рассматриваемо с двух различных сторон, представляется нам как образ и как движение. Но нужно добавить, что эта амнезия того же порядка, что и все другие, т. е. это скорее дезагрегация воспоминаний, чем разрушение их. Нужно допустить, что эти образы продолжают существовать и просто составляют часть другой более или менее координированной группы психических явлений, и тогда мы поймем, почему движение парализованных конечностей может сохраняться и совершаться без ведома самого субъекта, когда этого желает другое лицо.

Простое расщепление психических явлений уже само по себе вызывает паралич, как анестезию и амнезию. Но для объяснения контрактур и параличей в силу внушения следует предположить еще наличие настоящей психической деятельности этой второй группы отщепленных образов сознания. У некоторых лиц, пораженных параплегией, например у Розы, всякая попытка пошевелить ногами сразу вызывает мелкие некоординированные движения всех мышц. У других субъектов парализованная конечность при этом конвульсивно вздрагивает или же напрягается. Можно предположить, что эти движения и постоянные сокращения обуславливаются длительным сохранением некоторых двигательных образов вне пределов сознания субъекта, который не знает о них и, следовательно, не может противодействовать их влиянию.

---

* Paul Janet. Un précurseur de Naine de Biran. Rev. philos. 1882. II. P. 379.

Иногда достаточно войти в соприкосновение со второй личностью — либо пользуясь рассеянностью субъекта, либо во время сомнамбулизма — чтобы заставить ее прекратить эти неуместные шутки. Можно занять чем-нибудь эту вторую группу психических явлений, и она забывает тогда поддерживать контрактуру. «Когда подсознательная область занята автоматическим письмом, то приемы, обычно вызывающие контрактуру или паралич руки, не оказывают никакого влияния, и рука продолжает писать».* Когда контрактуры у Розы появлялись слишком часто, я уничтожал их, внушая ей, что на ноге у нее выступил пот или что ей прикладывают горчичник. И в самом деле, бессознательная область, которая должна вызывать пот на ноге или покраснение кожи, к которой прикладывают воображаемый горчичник, забывает, по-видимому, вызывать контрактуры в мышцах. По крайней мере при таких условиях контрактура исчезала, тогда как непосредственные внушения — приказание пошевелить ногой — не производили ни малейшего эффекта. У Люси мышцы челюсти были в сильнейшей контрактуре, и никакое внушение не могло заставить ее открыть рот. Но стоило только внушить ей высунуть язык, как контрактура исчезала. Итак, контрактуры и параличи зависят, по-видимому, от расщепления психики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение я нахожу полезным резюмировать вкратце полученные результаты, не придерживаясь того порядка, в котором мы излагали их выше. Если в предыдущих главах нами изучались положительные явления — ощущения, галлюцинации и движения, то в настоящей главе мы были заняты, главным образом, обратными и, так сказать, отрицательными явлениями — анестезиями, амнезиями и параличами. И последние исследования вполне подкрепили первые: подобно тому как ощущения или галлюцинации никогда не бывают без соответствующего движения, так же не может быть анестезии или амнезии без уничтожения или изменения соответствующего движения. И в данном случае внешняя

---

* Binet et Féré. Archives de physiologie. P. 351.

и видимая сторона человеческой деятельности является только отражением его внутренней, психической деятельности.

Углубляясь в исследование этих отрицательных явлений — анестезии и амнезии — прежде всего мы находим целую массу любопытных, странных и противоречивых фактов, которые уже давно наблюдались и которые делают анестезию совершенно непонятным явлением. Создается впечатление, что, с одной стороны, больные несомненно искренни и совершенно не ощущают впечатлений, падающих на пораженные анестезией конечности; с другой стороны, кажется, что они должны все прекрасно чувствовать, и что поведение их необъяснимо, если считать их анестезию реальной. Не могу сказать, как дело обстоит в действительности: научные гипотезы не идут так далеко. Их целью является объединение в одной концепции максимального количества фактов, которые иначе нельзя ни понять, ни запомнить. С этой точки зрения, мне кажется, является полезным следующее предположение, прекрасно объединяющее и суммирующее факты: *дело обстоит так, как будто у этих лиц элементарные психические явления так же реальны и многочисленны, как у самых нормальных людей, но в силу слабости синтетической способности эти явления не могут соединяться в одно восприятие, одно лигное сознание.* Или иначе: создается впечатление, что система психических явлений, составляющая личное восприятие у всех людей, оказывается у этих лиц расщепленной и дает начало двум или нескольким группам психических явлений, которые существуют одновременно, но недостаточно развиты и отнимают друг у друга ощущения, образы и движения, обычно соединяющиеся в одном сознании.

При рассмотрении этой гипотезы мы познакомились с любопытным и до сих пор малоизвестным изменением сознания — с раздвоением его. Системы психических явлений, из которых слагаются при сомнамбулизме сменяющиеся личности, не исчезают после пробуждения, но продолжают существовать более или менее полно в недрах нормального сознания и вызывают в нем самые странные изменения и нарушения.

Кроме того, рассмотрение этой гипотезы познакомило нас с явлением, которое близко примыкает к психическому автоматизму, составляющему главный предмет наших исследований. Я имею в виду деятельность, являющуюся антагонистом

автоматической деятельности. В самом деле, с одной стороны, мы показали, что сила автоматизма зависит от степени сужения поля сознания: смена представлений и актов тем более регулярна и неизменна, чем менее многочисленны и разнообразны явления, соединенные в сознании в данный момент. Но это соединение явлений в данном сознании, в личном восприятии данного момента зависит именно от той способности к синтезу, существование и нарушение которой доказали нам анестезии. С другой стороны, мы видели, что автоматическое чередование образов и актов является результатом или, скорее, продолжением некогда сложившегося синтеза, который, раз начавшись, стремится завершиться. Следовательно, синтез, из которого слагается личное восприятие в каждый данный момент, обнаруживает перед нами оригинальную деятельность, лежащую в основе того, что мы теперь называем автоматизмом: восприятия, которые образуются в силу этой оригинальной деятельности сознания, позднее становятся источником тех привычек и внушений, которые мы выше изучали. Таким образом, эта особая функция является одновременно и препятствием, и источником автоматизма. Нам остается только изучить некоторые детали вопроса и рассмотреть соотношения между этими двумя функциями — функцией прошлого и функцией настоящего.

ГЛАВА III

РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ РАСЩЕПЛЕНИЯ ПСИХИКИ

Чтобы понять и изучить какое-либо явление, исследователь должен всегда изолировать его, т. е. выбрать такие случаи, в которых это явление наблюдается в своем простейшем виде, и затем экспериментальным путем устранить все условия, которые могут усложнить и затемнить его. Для рассмотрения явления расщепления психики мы брали субъектов, у которых оно проявляется в самой сильной степени, и устраняли (закрывая им глаза или отвлекая их внимание) все причины, которые могли изменить или усложнить данное явление. Теперь нам нужно исследовать то же явление во всех его вариациях и деталях при более или менее болезненных состояниях субъекта. Кстати, это исследование даст нам новые доказательства существования того изменения психики, которое, на первый взгляд, противоречит всем нашим понятиям.

Характерным свойством расщепления психики является образование двух групп явлений, из которых одна образует обычную нормальную личность, другая же, способная к дальнейшим подразделениям, составляет аномальную, отличную от первой и совершенно незнакомую ей личность. Не входя в подробное рассмотрение сложных и не очень понятных деталей, можно сказать, что расщепление психики принимает различные формы в зависимости от взаимоотношений между этими двумя личностями и степени их связи между собою. В одних случаях разделение между ними бывает неполным: вторая личность не вполне

независима от первой и лишь повторяет и развивает ее мысли и действия. В других случаях обе личности совершенно независимы одна от другой и развиваются в разных направлениях. Это простая типичная форма психического расщепления, которую мы изучили экспериментальным путем и которую интересно наблюдать и в ее естественных проявлениях. Наконец, в третьем случае обе личности вновь сближаются и становятся зависимыми друг от друга, но совсем противоположным образом: теперь доминирует вторая — аномальная и подсознательная — личность и обуславливает представления и акты первой. Рассматривая эти три случая, мы постараемся узнать побольше об этих интересных, но малоизвестных психических явлениях.

1. МАГИЧЕСКИЙ ЖЕЗЛ. ЧУДЕСНЫЙ МАЯТНИК. ЧТЕНИЕ МЫСЛЕЙ

Народные веры и суеверия, предвосхищающие философское умозрение, всегда придавали важное значение нашим подсознательным движениям. Мы до такой степени убеждены, что наши руки и ноги даны нам только для того, чтобы они слепо повиновались велениям нашей воли, что поражаемся, когда констатируем у них временную независимость. Кого не удивляли судороги, подергивания и произвольные движения тела? Но удивление усиливается и превращается в суеверный ужас, когда движения, ускользящие от нашей воли, приобретают смысл, выражают какую-либо идею, совет или угрозу. Невольно приходит в голову, что здесь говорит какая-то разумная сила, какой-то чуждый человеку добрый или злой дух, которого надо бояться и которого надо задобрить.

Одним из самых старых и простых способов для получения таинственных откровений является употребление *магического жезла*. Этот жезл — обычно из орехового дерева — имеет форму вилок и некогда служил в деревнях для обнаружения источников, скрытых металлов и даже следов преступлений. Маг или волшебник (ибо только привилегированное лицо могло пользоваться этим инструментом), держась руками за концы вилок, отправлялся на место, которое должен был исследовать, стараясь не двигать

сознательно руками. Если на каком-нибудь месте пути жезл колебался и наклонялся к земле, выгибая руки мага, то там следовало копать землю, чтобы найти источник или клад. Знаменитый Жак Омар водил таким образом представителей власти по следу преступников от Лиона до Тулона. Возможно, что в некоторых деревнях и до сих пор сохранилась вера в откровения этого магического жезла.

Если деревенские волшебники прибегают к ореховой палочке, то городские предсказательницы будущего пользуются более элегантными приемами. В стакан опускают привязанное к нитке кольцо, и сивилла держа за кончик этот *зудесный маятник*, предлагает ему вопросы, на которые он должен отвечать ударами кольца о стекло стакана. Эта забава пользуется определенной известностью, так как она вызвала первые исследования Шевреля и стала отправным пунктом экспериментальных исследований подсознательных явлений человеческой психики.

В наше время популярна и другая салонная забава, которая в Англии называется игрой в отгадывание желаний, во Франции — чтением мыслей или кумберландизмом (по имени того, кто впервые ввел ее). Приведу описание кумберландизма авторами, которые тщательно изучили его и ввели некоторые употребительные термины: «Чтение мыслей обычно происходит так: один из присутствующих, который должен играть роль чтеца мыслей или перцепиента, отгадывателя, покидает помещение. Оставшиеся лица задумывают какое-нибудь простое действие, которое он должен выполнить, или прячут какой-либо предмет, который он должен найти. Отгадыватель возвращается в комнату, и один или несколько задумывавших, кондукторы, слегка прикасаются к его руке или плечу. При таких условиях часто довольно быстро задуманное действие выполняется или же спрятанный предмет находится. При этом кондуктор утверждает, и вполне искренне, что не делал никаких направляющих движений».* Мне пришлось однажды присутствовать на такого рода сеансе, который давался одним русским, Фельдманом, пользовавшимся в свое время большой известностью в качестве соперника Кюмберлана. Хотя такого рода сеансы — особенно, когда они публичны — остав-

---

* Myers, Gurney, Podmore. Phantasms of the living. 1886.

ляют всегда некоторое сомнение, и им нельзя верить так, как собственным опытам, я думаю, что в данном случае принятые меры предосторожности были вполне достаточны. В этом сеансе «мантевизма», как Фельдман называл его, ему довольно часто удавалось выполнять действие, о котором думал другой субъект, крепко держа его за руку³⁸. Сложные опыты, т. е. те, в которых требуется много перемещений, ему удавались лучше простых, т. е. таких, которые можно было выполнить на месте. С некоторыми лицами ему удавалось лучше, чем с другими. Я, например, напрасно старался задумывать что-либо и руководить его движениями: он совершенно не понимал меня, между тем как прекрасно понимал многих из моих друзей. Иногда он понимал даже лиц, которые вовсе не прикасались к нему и только следовали за ним повсюду на расстоянии одного метра. Был еще один опыт, описания которого я нигде не встречал. Вместо того чтобы к нему прикасалось непосредственно то лицо, которое задумало действие, между ним и этим лицом становился третий субъект, который совершенно не знал о том, что Фельдман должен был сделать, и роль которого заключалась лишь в том, чтобы одной рукой держать руку отгадывателя, а другой — руку задумавшего желание лица, и самому при этом ни о чем не думать. Этот опыт прекрасно удался однажды на моих глазах.

Чтобы видеть эти опыты, не обязательно присутствовать на всегда несколько подозрительных сеансах, даваемых профессиональными отгадывателями. Многим лицам и без подготовки прекрасно удается то же самое. Я видел молодых девушек, которые замечательно угадывали мысли другого субъекта, который просто держал их за руку и старался не делать никаких движений. При чем они не только выполняли движения, но даже писали, как бы под диктовку слова, которые задумал субъект.

Мы сблизили эти три явления — магический жезл, чудесный маятник и чтение мыслей — так как они, несомненно, являются сходными. Ясно, что эти явления нельзя объяснить действием внешних предметов — источников, металлов, следов преступлений, спрятанных предметов и проч. — на палку или отгадывателя, как многие когда-то думали. «Почему, — говорил еще Гаспарян, — вода не дает себя чувствовать, когда ищут золото, или почему палочка Эймара сворачивала по следам убийц

и оставалась нечувствительной к воде такой большой реки, как Рона?»*

В Англии, где особенно интересуются этими вопросами, многие исследователи с целью изучения явлений, связанных с магической палкой, поставили целый ряд сложных и дорогих опытов, отчеты о которых можно найти в статьях Соласа и Писа.**

Вывод из всех этих исследований был, таков, как и следовало ожидать: «Все зависит от проницательности отгадчика, жезл не имеет никакого значения... Спрятанный предмет оказывает влияние не на жезл, а на психику отгадчика». К тому же выводу приходит и Шеврель, доказывающий, что физические предметы не влияют на маятник, но колебания последнего обуславливаются представлением о движении или восприятием движения. «Когда я держу маятник, — пишет он, — мышечное движение моей руки, хотя и неощутимое для меня, заставляет маятник выходить из состояния покоя, и колебания, начавшись, в дальнейшем усиливаются из-за того, что созерцание маятника приводит меня в особое состояние склонности или тенденции к движению»*** Одним словом, во всех этих опытах влияние мысли кондуктора неоспоримо.

Но не нужно забывать, что во всех подобных случаях субъект, который держит палку, маятник или руку отгадчика, заявляет — и у нас есть достаточные основания верить его искренности — что не делал ни одного произвольного движения. Он сам первый удивляется этим явлениям. Многие лица, которых я заставлял держать маятник Шевреля³⁹, были поражены и испуганы увидев, что кольцо повинуется мне и качается в указанном мною направлении. Тем не менее движения были вполне реальны. Эти лица утверждают, что они не двигались, но все-таки они пользовались моей рукой, как пером. Отсюда следует вывод: они совершали движения, *не желая и не сознавая этого*.

1. Первое, т. е. то, что движение совершается без участия воли, не должен удивлять нас. Мы знаем, что участие воли не является обязательным условием выполнения даже самых сложных актов. Ощущения и восприятия, будучи изолированы, всегда сопрово-

---

* Gasparin. Les tables tournantes. II. P. 140.

** The dividings rod. Proceed. S. P. R. II. P. 73.

*** Chevreul. De la baguette divinatoire... 1854. P. 155.

ждаются движениями. В опытах с чтением мыслей субъекта просят думать о чем-нибудь одном. Следовательно, соответствующие образы, по возможности, остаются изолированными. В таких условиях достаточно нескольких слов, как в моих опытах, или просто представления движения, чтобы вызвать реальное движение. Бертран, повторив опыты Шевреля, даже доказал, что мысленное представление движения вызывает тот же эффект, что и реальное восприятие его. «Воображаемый круг,— говорит он,— дает такой же осязаемый, хотя и более слабый импульс к движению, как и круг, который я вижу».*

Чтобы иметь возможность поставить этот опыт, нужно принадлежать к зрительному типу людей и обычно пользоваться движениями, обусловленными зрительными образами. Вот почему лица, которые опираются на иные образы, не могут привести маятник в движение. Из всех предыдущих исследований мы вправе, подобно Шеврелю, сделать следующий вывод: «Итак, есть тесная связь между выполнением некоторых движений и соответствующим актом мышления, хотя мысль эта и не является еще волей, посылающей импульсы в мышцы».**

2. Есть и второе, которое кажется мне таким же интересным, хотя с ним обычно недостаточно считаются. Почему эти субъекты совершают движения, не сознавая этого? Автоматическое движение, вызываемое каким-либо образом, не всегда является неосознанным движением. Когда мы зеваем, при виде зевоны другого лица, мы прекрасно знаем, что делаем. Почему же при этих опытах автоматическое движение не вызывает вслед за собой мышечное ощущение, которым обычно сопровождается любое движение. Ясно, что здесь налицо по крайней мере временная и систематизированная анестезия в начальной стадии. Я заметил, что субъекты, принадлежащие к двигательному или мышечному типу, не являются, как можно было бы предположить, самыми подходящими лицами для такого рода экспериментов. Привыкнув пользоваться своими мышечными ощущениями и обращать на них внимание, они не пропускают незамеченными произвольные движения рук и сразу останавливают их. Для таких опытов самыми под-

---

* Revue philosophique. 1884. I. P. 251.

** Chevreul. De la baguette divinatoire... P. 158.

ходящими являются, наоборот, лица слухового и зрительного типа, которые не обращают особого внимания на свои мышечные ощущения. Занятые одним образом, на котором их заставляют сосредоточить все внимание, они оставляют в стороне мышечные ощущения. Происходит то же, что и при возникновении подсознательных актов. Поэтому можно сказать, что в этих опытах мы наблюдаем расщепление психики, по крайней мере, в начальной стадии, с подсознательными ощущениями и движениями.

Чтобы проверить это заключение, заметим, что опыты с маятником удаются лучше, если экспериментировать над субъектом, у которого расщепление психики выражено в более яркой и развитой форме. В руках больной истерией, лишенной чувствительности, маятник делает просто чудеса и выполняет всевозможные движения — главным образом, потому, что у больной полная мышечная анестезия и, следовательно, мышечные ощущения не стесняют движений, вызванных зрительными и слуховыми образами. В этих опытах мы имеем дело с очень слабыми движениями — не с сокращениями, а, скорее, с расслаблением мышечного напряжения в тот момент, когда маятник, точнее отгадчик, находится на правильном пути. Группа подсознательных явлений не вмешивается активно, удерживая мышечные ощущения за пределами нормального сознания. Но иногда все не так просто, и вызванные движения не могут быть объяснены влиянием сознательных образов. Движение, начавшееся под их влиянием, усиливается и определяется уже вне зависимости от субъекта. Для объяснения приведенного выше опыта Фельдмана нужно предположить, что лицо, находящееся между отгадчиком и задумавшим, бессознательно повторяет левой рукой все толчки, которые оно, не ощущая этого, получает правой рукой. Отгадчик, которого водят, не всегда объясняет себе сознательно получаемые им толчки. Он удивляется выполненному действию, в котором не отдавал себе отчета при его выполнении. Он утверждает, что не чувствовал, как руководили его движениями, и не знает, почему сделал то, а не иное действие. Более того, есть лица, играя роль отгадчика, по-видимому, не понимают сообщаемых им небольших толчков, и ничего не выполняют. Но в то же время, если погрузить их после сеанса в гипнотический сон, они могут рассказать, что хотели заставить их сделать или что задумало такое-то лицо.

Ощущение настолько хорошо передалось второму сознанию, что оно проявляется только в сомнамбулизме. Итак, в некоторых случаях наблюдается нечто большее, чем автоматический акт, произвольный наступающий под влиянием зрительного или слухового образа — в некоторых случаях мы имеем дело с настоящим подсознательным действием, с настоящим сотрудничеством первой и второй личности.

Такое сотрудничество, в некоторых случаях очевидное, понять не всегда легко. Мы допустили, правда с оговорками, что обе группы явлений не знают друг друга и, следовательно, не могут сотрудничать в одном и том же случае. Без сомнения, обе личности (мы называем их так условно, ибо в настоящем случае вторая личность далеко не завершена) непосредственно не знают друг друга и соединяют в одном и том же сознании разные представления. Но они могут познакомиться друг с другом косвенным путем, как мы знакомимся с мыслями других лиц. Одна из моих больных N., о которой я уже говорил, в своем автоматическом письме смешивала иногда слова, которые вовсе не имели смысла, но которые были повторением тех, что она произносила вслух. Если я заставлял ее с помощью автоматического письма производить бессознательно какое-либо арифметическое действие и если одновременно с этим другой субъект просил ее сознательно произносить цифры, то в автоматическом письме она постоянно путала оба ряда цифр. Такое смешение наблюдалось и у Леонии, хотя гораздо реже. У Люси же мне ни разу не приходилось констатировать это явление. Объясняется оно довольно просто. Стоит мне произнести какое-нибудь слово, как рука субъекта автоматически пишет его. Почему бы ей не записывать, как под диктовку, слова своей первой личности? Таким образом, обе личности, подобно нормальным людям, общаются с помощью слов. Пойдем далее: мы знаем, что вторая личность владеет тактильной и мышечной чувствительностью анестезичных членов и что первая личность может двигать ими при помощи зрительных образов. Не естественно ли предположить, что бессознательная сфера чувствует эти движения, которые она не вызывает, но лишь констатирует. Я внушаю Леонии, что, притронувшись к моим бумагам, рука ее останется в контрактуре. Она полностью забыла это внушение и, как обычно, хочет разорвать мои заметки. Но как только она

прикоснулась к бумаге, рука ее застыла в контрактуре. Контрактура вызвана второй личностью, которая даже хвастается этим в автоматическом письме, следовательно, благодаря кинестетическому чувству вторая личность ощущала прикосновение к бумаге и движения, выполняемые Леонией с помощью зрительных образов. Одно из самых оригинальных наблюдений Бине и Фере над подсознательными актами истеричных имеет отношение к тому, что очень удачно названо ими заиканием в письме.

Больная истерией, лишенная чувствительности правой руки, при сознательном письме повторяет бессознательно одну и ту же букву два или три раза. В подобных случаях сотрудничество обеих личностей очевидно: действие начинается нормальной личностью при помощи образов, которыми она еще владеет, действие это вызывает мышечное или иное ощущение у второй личности, которая, будучи слабой и неразумной, автоматически повторяет и завершает начатое действие.

Однако этого объяснения сотрудничества обеих личностей в некоторых случаях недостаточно. Возможно, что сознательная мысль вызывает по ассоциации идей другие мысли, которые остаются подсознательными и развиваются самостоятельно, так что лицо, осознавшее первую идею, следующие уже не сознает. Такое предположение кажется странным, ибо нужно допустить, что, с одной стороны, явления соединяются в силу ассоциации идей, а с другой — расщепляются на два личных восприятия. Это положение не кажется нам необъяснимым. Но так как объяснение этого факта довольно сложно и так как он не имеет большого значения для только что приведенных опытов, мы будем обсуждать его в конце настоящей главы, где встретимся с более многочисленными явлениями подобного рода.

Пока же достаточно констатировать, что так или иначе необходимо сотрудничество обеих групп явлений. Шеврель сначала пытался объяснить эти факты тем, что сознательные образы вызывают стремление к движению. Но когда факты стали противоречить его теории, он прибегнул к банальным объяснениям всего этого обманом и симуляцией. Нужно идти дальше Шеврель, и допустив возможность произвольных актов, необходимо допустить также существование бессознательных мыслей или мыслей, возникающих за пределами нашего обычного сознания.

2. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР СПИРИТИЗМА

Случаи, которые мы только что рассмотрели в связи с некоторыми салонными забавами, очень просты и элементарны, если сравнить их с теми, которые дают начало одному из самых любопытных суеверий нашей эпохи: я имею в виду *разговоры вертящихся столов и сообщения пишущих медиумов*. По отношению к спиритизму ученые были также несправедливы, как и по отношению к гипнотизерам. Его слишком презирали, и часто смеялись над ним. Между тем спириты уже давно были знакомы с тем явлением расщепления психики, которое мы только что описали. По-видимому, любая отрасль знания должна пройти стадию суеверий. Астрономия и химия были когда-то астрологией и алхимией. Экспериментальная психология также в начале была животным магнетизмом и спиритизмом. Не забудем этого и не будем смеяться над своими предками.

Сочинения спиритов, как и гипнотизеров, можно разделить на две группы. Одни авторы развивают множество более или менее банальных теорий для объяснения небольшого числа плохо описанных фактов: сочинения таких авторов читать почти невозможно. Другие, также слишком много рассуждая о духах, больше останавливаются на фактах и описаниях сеансов. Эти сочинения довольно интересны и читать их намного приятнее, чем можно было предположить.

Приступив не без трепета к изучению толстых фолиантов Мирвеля и теорий о спиритизме Гаспарэна и Шевийара, я в конце концов стал получать некоторое удовольствие. Можно многое найти в этих исследованиях, которые написаны с большим жаром и энтузиазмом: то читаешь забавные истории о добром Бенезете и его столике, который прерывает свою беседу, чтобы погнаться за бабочкой; то историю о злых и неприличных духах, которые прячутся за стульями и кусают людей, когда те садятся; то рассказ о приключениях бедного Х., который бежит от своей взбунтовавшейся мебели и прячется за оставшимся ему верным диваном. В этих книгах можно встретить и серьезные исследования, правда, без всякого критического чутья, но все-таки любопытные. Есть там и очень тонкие и интересные психологические наблюдения, которые далеко не бесполезны для современных читателей. Жаль,

что размеры настоящей работы не позволяют мне достаточно остановиться на этих различных авторах. Мы можем рассмотреть лишь наиболее правдоподобные случаи, которые наблюдались исследователями самых противоположных направлений, и для этого нам придется освободить их от массы нагроможденных рассуждений, размышлений и теорий. Всякая зарождающаяся наука всегда уделяет теориям намного больше места, чем фактам, в противоположность к более или менее развитой научной области.

История спиритизма в главных чертах известна. В 1848 г. две молодые американки мисс Фокс первые удостоились чести услышать таинственные стуки, происхождение которых никто не мог объяснить. Сестры приписали их душе человека, умершего в этом доме, и с похвальным мужеством вступили с душой в разговор. По условным знакам, принятым мисс Фокс, один удар означал «да», два удара — «нет». Таким образом, в Америке благодаря сестрам Фокс и судье Эдмондсу разразилась спиритическая эпидемия. Судья Эдмондс более всего был поражен тем, что духи, с которыми он разговаривал, прекрасно знали его мысли. «Мои самые сокровенные мысли, — говорит он, — были известны этой беседовавшей со мною разумной силе». Стуча в стены и передвигая предметы, эти духи принялись проповедовать в Америке спиритуалистические истины и их аргументы убедили больше, чем какой-либо другой род проповеди. Влияние их быстро распространилось на все американское общество.

Эти странные факты стали известны сначала в Германии, а затем и во Франции благодаря небольшой брошюрке Гюйар под заглавием: «Прыгающий и разговаривающий стол». В этой книжке приводится много вопросов, на которые стол и огромный комод толково отвечали. Но вскоре один торговец из Нью-Йорка в письме к одному жителю Бремена рассказал о приемах, с помощью которых можно было легко добиться тех же результатов. Попытки не заставили себя ждать. Вскоре дамы кричали, так как стол под их руками дрожал и вертелся. Таким образом приводили в движение кресла, стулья, затем шляпы и даже людей, составляя вокруг них цепь из соединенных вместе рук. Столу приказывали: «Танцуй», и он начинал кружиться — «Ложись», и он повиновался. Заставляли прыгать метлы, как будто бы на

них сидели ведьмы, проделывали еще много других столь же чудесных вещей.

Спиритическая эпидемия быстро распространилась и во Франции. Хотя некоторые авторы и заявляют, что такие попытки делались еще в 1842 г., настоящие спиритические сеансы в Париже, Страсбурге и Бурже относятся лишь к 1853 г. У французов успех спиритизма был полный и даже превзошел успех в Германии. Под давлением рук, расположенных вышеописанным образом, стол не только вертелся и прыгал, а подражал барабанному бою, стрельбе солдат, канонаде, звуку пилы, молотка, мелодии различных арий и т. д. Но в Европе, как и в Америке, скоро надоели эти забавы и столы приучили к более разумным экспериментам. Их просили отвечать на вопросы известным числом ударов, которое означало «да» или «нет», или же соответствовало различным буквам алфавита. С тех пор стало легко задавать им вопросы и вести с ними беседу.

Эти приемы, однако, были очень примитивны и сложны. Их усовершенствовали двояким образом. С одной стороны, упростили знаки, которыми столы должны были пользоваться для ответов, и применили более знакомые и короткие знаки — письменные. Сначала привязывали карандаш к ножке легкого столика, потом стали пользоваться для этой цели маленькими столиками с одной ножкой, простыми корзинами, шляпами и, наконец, маленькими специально приготовленными для этой цели планшетами, которые пишут при самых слабых толчках. С другой стороны, открытие медиумов стало огромным шагом вперед. В самом деле, экспериментаторы вскоре заметили, что для опыта не имеет важного значения сколько человек (10 или 12) сидят за столом. Многие из участвующих могли уходить без ущерба для опытов: стол продолжал отвечать на предлагаемые вопросы. Участие же других лиц было, по-видимому, необходимо, так как, если они уходили, все явления прекращались и стол не двигался с места. Этих лиц, присутствие которых необходимо для получения движения и ответов говорящих столов, называли *медиумами*.

Благодаря такому развитию техники в области спиритических сеансов опыты стали гораздо проще и правильнее. Теперь вместо 12 человек, которые располагались вокруг стола и считали его

удары, достаточно было одного лица — медиума, рука которого опиралась на маленькую подвижную планшечку или же, в большинстве случаев, просто держала карандаш. Рука, увлекаемая каким-то импульсом, в котором медиум не отдавал себе отчета, писала без участия его воли и сознания такие вещи, которых он сам не знал и которым после удивлялся.

Медиумы — эти особо одаренные лица — обладают разными способностями и подразделяются на бесчисленные категории: медиумы для физических явлений или медиумы-типологи, как, например, сестры Фокс в Америке, одним своим присутствием вызывают стуки в стенах и под столами; медиумы механические пользуются планшечкой, волчком и т. д.; жестикулирующие медиумы отвечают на вопросы произвольными движениями головы, рук, всего тела, или же быстро водят по бумаге, указывая буквы алфавита. Пишущие медиумы сами держат карандаш, пишут слева направо, справа налево и как в зеркале; рисующие медиумы дают руке блуждать по бумаге и потом удивляются тому, что нарисовали «дом Моцарта на планете Юпитер, весь покрытый нотными знаками». «*Revue spirite*» предлагала в качестве премии своим абонентам произведение одного из таких рисующих медиумов: «Великолепная голова Христа, медиумически нарисованная медиумом Фабром. Фотографическая репродукция — 3 ф. 50».* Некоторые из таких медиумов рисуют только фон своей картины, так что фигуры получаются светлыми, как на фотографических негативах. Есть также мимические медиумы, которые, не сознавая этого, подражают лицу, голосу, манерам людей, которых они никогда не видали, и так хорошо разыгрывают сцены из их жизни, что нельзя не признать тех, кого они представляют. Говорящие медиумы не могут удержаться от произнесения слов, о смысле которых они и не подозревают и которым сами удивляются. Одна и та же сила действует на орган речи у говорящих и водит рукой у пишущих медиумов. Медиум не сознает того, что говорит, хотя и находится в нормальном состоянии. Очень редко он помнит о том, что было сказано им таким образом. Медиумы слухового или зрительного типа слышат слова или видят картины, о которых потом сообщают. Наконец, интуитивные медиумы

---

* *Revue spirite*. 1876. P. 136.

испытывают внутренние эмоции, о которых они после сообщают устно или письменно. Все эти вариации, особенно последние, очень интересны и иногда близко примыкают к уже известным нам явлениям.

«Для американской школы спиритов, — пишет „*Revue spirite*“, — характерно преобладание описания явлений, тогда как в европейской школе, наоборот, преобладает философия вопроса».* Наблюдение это правильно. Французских исследователей очень мало занимают явления физические — стуки в стены, верчение столов, — которые вначале привлекали к себе большое внимание. Они почти не интересуются ни условиями, при которых медиум пишет, ни внешней стороной вопроса. Их занимает только то, что они называют философией, т. е. само содержание сообщений, которое они и стараются истолковать. Такое направление нельзя назвать удачным, ибо оно привело исследователей к построению весьма странных гипотез.

Все они сходятся в одном пункте — именно в том, что слова и идеи этих медиумических сообщений должны исходить от какого-то разума, чуждого разуму самого медиума. Но они не пришли к согласию в вопросе о самой сущности этого разумного начала. Одни из них абсолютно уверены в том, что это — злой дух, и считают все эти писания делом рук демона. Ричмонд заканчивает свою «*Mistère de la danse destables*» следующими словами: «Вместо того чтобы смотреть на вертящиеся столы и заставлять их вертеться, священники и верные миряне должны дрожать при мысли об угрожающей им опасности, и вера их, обновленная видом чудес, напоминающих времена первых христиан, способна будет двигать горы. Пусть епископы и, если нужно, сам папа, взяв пасторский посох для защиты своего дорогого стада, воскликнут во имя Того, Кому принадлежит власть на земле, на небе и в аду: „Изыди, сатана“, — слова, не имевшие доныне более правильного применения».

Но большинство лиц, невинно занимавшихся спиритизмом, не могли допустить этого ужасного предположения и не поняли предупреждения Ричмонда. Для объяснения сообщений своих медиумов они допускали существование разумных и, во всяком

---

* *Revue spirite*. 1864. P. 148.

случае, более безобидных причин. По их мнению, это просто души великих людей античного мира, души наших родственников, или друзей, которые раньше нас отошли в другой мир и теперь, с помощью медиумов, хотят поддерживать с нами дружеские отношения. На этом уже легко было построить целую систему элементарной философии, которая плохо ли, хорошо ли объясняла многие наблюдаемые факты, удовлетворяя самые глубокие человеческие чувства и в то же время давая пищу любви к чудесному. Некто Риваль выпустил под псевдонимом Аллан-Кардека кодекс и евангелие спиритизма. Его «Книга духов», названная так потому, что она «продиктована и исправлена духами», имела огромный успех. Вскоре все другие авторы, спиритические газеты и журналы, и даже сами медиумы в своих автоматических сообщениях только и делали, что комментировали эту книгу.

Нет нужды приводить здесь эту философскую систему, которая к тому же не имеет никакого интереса. Достаточно знать, что эта теория является смесью ходячих религиозных идей с банальным спиритуализмом и что она защищает доктрину о бессмертии души, дополняя эту доктрину туманной теорией о воплощении по аналогии с теорией переселения душ у древних. Оригинальной является лишь теория спиритов о *périsprit* — материальной, хотя и неосязаемой оболочке, которую дух несет с собой и которая устанавливает связь между душой и телом. Благодаря этой оболочке, дух, воплотившийся в теле, приводит его в движение и после смерти, освободившись от плоти, вступает в связь со столами или с рукой медиумов.

Спиритические опыты, которые проводились раньше без каких-либо правил, под влиянием этой теории упорядочились и стали проходить в торжественной обстановке. Образовалось бесчисленное количество спиритических кружков, в которых свободно разговаривали с духом своего прапрадеда или с духом Сократа. Спиритические журналы опубликовали массу коротких писем, подписанных именами знаменитостей, к которым присоединялось, как того требует справедливость, и имя медиума, служившего посредником. Вот, например, подписи на некоторых из таких писем: Месмер, медиум Альберт; Эраст, медиум Амбель; апостол Павел, медиум Альберт и т. д. С этими духами спириты поддерживают самые лучшие отношения: например, Гуттенберг

с помощью одного медиума сочинил небольшую речь на хорошем французском языке. Председатель кружка громко благодарил дух Гуттенберга и просил его, когда он сочтет нужным, принимать участие в беседах кружка. Гуттенберг тотчас ответил рукою другого медиума: «Господин председатель, благодарю вас за ваше любезное приглашение. Сегодня впервые читается одно из моих сообщений в спиритическом обществе в Париже. Надеюсь, что это не в последний раз». Нельзя быть более вежливым. В то же время молодые люди, увлекавшиеся метафизикой, занимались тем, что давали своей руке блуждать по бумаге и с наслаждением читали потом бесконечные рассуждения о перевоплощении душ, происхождении земного шара, о теории флюидов и т. д.: их неутомимость не уступала их плодovitости.

К сожалению, все надоедает: когда спириты заставили всяких великих людей диктовать медиумам всевозможные варианты на книгу Аллан-Кардека, то заметили, что все это довольно однообразно, и стали выдумывать еще более смелые забавы. С 1868 г. европейские спириты стали все больше и больше подражать своим американским братьям и начали интересоваться физическими явлениями, на которые раньше не обращали особого внимания. Духи достаточно уже высказались через медиумов. Теперь хотели их видеть и даже фотографировать. Желание это вполне естественно — и после этого только и говорили, что о явлениях материализации. Благодаря любезному участию медиума, который играл здесь довольно неопределенную роль, начали двигаться предметы и писать карандаши, которых никто не трогал. На грифельных досках, запертых в запечатанных ящиках, появлялись надписи. Наконец, перед изумленным взором верных спиритов в темной комнате начали появляться в воздухе отдельные руки, головы и, наконец, целые тела. Широкую известность приобрели братья Эдди, Вильям Дуглас, мисс Кук, известный медиум Крукса и многие другие.

С появляющихся фантомов делали фотографические снимки, либо, что было еще более оригинально, снимали с них формы из парафина, в который духи благосклонно опускали свои руки или ноги. Такие попытки, с одной стороны, привели к знаменитому фотографированию Кетти Кинг, а с другой — к громкому процессу фотографа Бюге. Процесс этот, однако, ни к чему не привел: одно

из наиболее скомпрометированных лиц, медиум Леймари, получил множество писем с выражением соболезнования. Один судья из Америки прислал медиуму замечательный фотографический снимок, «изображающий его окруженным 23 духами, снятыми спиритической фотографией». Фотографирование духов продолжается и поныне.

Однако спиритизм все более видоизменялся и мало-помалу превратился в промысел для эксплуатации наивных людей. Не следует, я думаю, смешивать спиритизм настоящего времени с существовавшим раньше и вызывавшим энтузиазм у Аллан-Кардека и религиозный страх у Мирвийя. Искренно верующие до сих пор защищают теории своего учителя против новых доктрин и религий — оккультизма и теософии, которые гораздо сложнее и которые претендуют на большее, чем на скромные беседы с душами умерших.

3. ГИПОТЕЗЫ О СПИРИТИЗМЕ

Только что рассмотренные явления заслуживают самого серьезного и внимательного исследования. Пренебрежительный скептицизм, отрицающий все, чего мы не понимаем, и повторяющий всегда и везде одни и те же слова о плутнях и мистификации, по отношению к данным явлениям так же неуместен, как и по отношению к животному магнетизму. Движение, которое вызвало появление полсотни различных периодических изданий в Европе и внушившее доверие огромному числу лиц, нельзя назвать незначительным. Оно слишком распространилось и слишком долго длится, чтобы его можно было считать простой забавой.

Тем не менее, при изучении явлений, сообщаемых авторами-спиритами, необходимо делать некоторые ограничения. Излишняя доверчивость по отношению ко всему вздору, которым завалены спиритические журналы, была бы еще смешнее скептицизма: ненаучно все отрицать или все принимать. Но нам скажут, что выбор может быть неправильным и абсурдным, так как отбрасывают именно то, чего нельзя объяснить. Я думаю, что в данном случае выбор не является произвольным, ибо он определяется, как и при любом историческом исследовании, проверкой

фактов и оценкой рассказов свидетелей. Интеллигентный автор, проявивший достаточно здравого смысла и критического чутья, заслуживает больше доверия, чем первый встречный, известный только своей наивностью. Когда Бенезе рассказывает нам, что видел, как с потолка падали леденцы — еще влажные оттого, что дьявол сосал их, то я позволю себе пройти мимо таких рассказов. Спиритические журналы почти сплошь заполнены подобными фактами, рассказанными такими же авторами. Прочитав некоторые из писем, мы уже никогда не сможем верить этим людям, даже если они будут рассказывать о самых правдоподобных вещах — о грозе или падении метеорита. Как доверять людям, которые рассказывают о своих связях с другим миром? Впрочем, все более или менее известные авторы говорят всегда лишь о небольшом числе одних и тех же явлений. Только эти явления мы и будем рассматривать.

Но даже и для этого материала я считаю необходимым сделать некоторые ограничения. Спириты называют физическими те явления, которые имеют место вне медиума и наступают как будто без его участия: стуки в стену, пресловутое непосредственное письмо посредством карандаша, пишущего самостоятельно вдали от медиума, и, наконец, приподнимания столов и перемещения предметов без прикосновения, так хорошо изученные Гаспарэном и Круксом. Эти последние явления не следует легкомысленно отрицать. Быть может, это элементы будущей науки, но в любом случае сейчас мы не будем их рассматривать. Действует ли медиум с помощью своей руки и пишет, как все люди, или проявляет свою мысль с помощью карандаша, находящегося вдали от него — это далеко не безразлично с точки зрения физической. Но с психологической точки зрения это не меняет характера данной мысли, и интересующие нас проблемы остаются без изменения. Спешу добавить, что эти особые явления наблюдаются чрезвычайно редко, и я затрудняюсь говорить о них, ибо, несмотря на мое любопытство, мне ни разу не пришлось видеть их. По крайней мере девять десятых лиц, занимающихся спиритизмом, должны признаться, если они искренни, что о явлениях непосредственного письма или перемещениях предметов они тоже знают только понаслышке. Ограничимся поэтому изучением психологической проблемы медиумизма, не касаясь физических

явлений, существование которых, по крайней мере в настоящее время проблематично.

Первая попытка объяснить движение вертящихся столов была сделана физиками. Аббат Муаньо старался доказать, что столы движутся только потому, что их толкают.* Он приводит несколько остроумных опытов, поставленных Стромбо, профессором физики в афинском университете, и доказывавших наличие толчков. Если, например, покрыть поверхность стола тонким слоем талька, то пальцы экспериментаторов скользят по столу и не могут сообщить ему движения. Я не стану останавливаться на слишком известных аппаратах Бмбине и Фарадеем, которые обнаруживали малейшее движение медиумов. Нет нужды выдумывать столько аппаратов для доказательства того, что рука медиума движется. Мы в этом не сомневаемся. Лучшие медиумы вовсе не нуждаются в столах и сами держат карандаш, так что все легко могут видеть движение их руки. Нам же нужно объяснить, *каким образом это движение может быть бессознательным и произвольным, оставаясь в то же время разумным.*

Два первых свойства этого медиумического движения — произвольность и бессознательность — казались физиологам довольно простыми и обычными. В нас происходит без нашего ведома, говорил Карпенте, не только много движений органических, но также большое число движений органов связей с внешним миром, которые совершаются бессознательно и произвольно — по привычке или рассеянности. Мы смеемся, почесываемся, сморкаемся, не сознавая этого и не прерывая своей беседы. «Я видел, — говорит Карпенте, — как Дж. Ст. Милль свободно шел по узкому тротуару многолюдной улицы, никого не толкая и не натываясь на фонарные столбы. Между тем сам он говорил мне, что мысль его была всецело занята его системой логики, о которой он размышлял большую часть дня, и что он так мало сознавал, что происходило вокруг него, что не узнавал даже своих лучших друзей».** Можно было бы привести много более или менее любопытных фактов подобного рода. Гаспарэн, Берсо и многие другие сравнивают явления спиритизма с автоматиче-

---

* Journal du magnétisme. 1853. P. 83.

** Carpenter. Rev. scient. 1878. 1 мая.

скими актами, выполняемыми по рассеянности. Без сомнения, есть некоторые аналогии между произвольными действиями рассеянного логика и автоматическим письмом медиумов. Но зато и какая огромная разница, какая пропасть между этими двумя явлениями. Вышеуказанные бессознательные акты обычны и являются простыми повторениями, в которых не проявляется ни разумности, ни оригинальности. Наоборот, в автоматическом письме, не нужно забывать этого, проявляется разумность.

Последнюю легко обнаружить в спиритических явлениях: простой стол, отстукивающий удары, соответствующие буквам алфавита, иногда поразительно помнит все условные знаки. Чтобы опыт проходил быстрее, в Бельгии принято, чтобы стол отвечал при помощи всех трех ножек. Для этого весь алфавит делится на три группы: первая — от А до Н, вторая — от I до Р и третья — от Q до Z. Таким образом все буквы каждой группы соответствуют известному числу ударов. А обозначается одним ударом, В — двумя и т. д. Во второй группе I снова соответствует одному удару, J — двум и т. д. Каждая ножка стола имеет свою группу букв и уже не занимается остальными группами. Таким образом, если первая ножка ударяет три раза, это значит С, третья буква первой группы; если вторая ножка ударяет один раз, то это соответствует первой букве второй группы и т. д. При такой системе можно легко получать длинные сообщения, написанные к тому же в обратном порядке. Как можно сравнивать такие вычисления с автоматическим почесыванием или морганьем? Конечно, написанные таким образом сообщения далеки, как мы увидим, от гениальных произведений, но все же их нельзя сравнить с простым механическим рефлексом. Известны, например, опыты с вертящимися столами м-м Жирардэн. Она спросила свой столик, что такое любовь. Стол отвечал: «Страдание». Слово это не ново, но со стороны стола тем не менее любопытно. Есть спиритические планшеты, которые слагают латинские стихи, пишут басни, рассказывают о сотворении мира и иногда позволяют себе каламбуры. Рука медиума, пишущая без его ведома, спорит, рассуждает, а то и шутит. Внезапно прерывает беседу, когда ей надоело, и заканчивает словами: «До завтра, до свидания, на сегодня довольно». После этого ничего больше нельзя добиться. При изучении подобных фактов нельзя не признать, что физиология со своей теорией бессознательного мышления

остановилась на пороге вопроса. «*Revue spirite*» Аллан-Кардека поместила в качестве эпиграфа следующую фразу: «Любое действие имеет свою причину, любое разумное действие имеет свою разумную причину». Совершенно прав Мирвиль, высказывающий следующее: «Эти столики обнаруживают разум, сознание, волю, даже свободу, когда, например, отказываются отвечать. А такого рода явления философы всегда называли духом или душой».

Другая довольно известная гипотеза также объясняет два свойства автоматического движения, оставляя без объяснения третье: благодаря ей мы можем понять, почему движение это разумно и произвольно, но она не может объяснить нам, почему оно бессознательно. Речь идет о теориях Шевреля, о которых мы уже упоминали в связи с вопросом о чудесном маятнике и которые сам автор хотел применить позднее ко всем спиритическим явлениям. «Когда у какого-либо лица появляется способность заставлять стол стучать той или другой ножкой, и в то же время появляется вера в разумность стола, то можно понять, что вопрос, обращенный к столу, вызывает у данного лица известную мысль, результатом которой является определенное мышечное движение. Последнее обуславливает движение одной из ножек стола, соответствующее смыслу ответа, представляющегося данному лицу наиболее вероятным». Словом, мысли, как мы знаем, вызывают произвольные движения. Пророчества, изрекаемые планшетами, являются только копией того, что находится в голове лиц, руководящих движениями планшеток, а спиритические опыты — только более сложной формой экспериментов с чудесным маятником.

Это простое объяснение наталкивается на затруднение, с которым мы уже встречались в связи с вопросом о маятнике, но которое становится теперь еще более серьезным. Эти разумные акты не только произвольны, но и бессознательны: субъект не только не сознает своего движения, он не знает также самой мысли, руководящей этим движением. В этих движениях руки проявляются не его мысли и не те ответы, которые ему кажутся вероятными; это другие мысли и другие ответы, о которых он не подозревает и которым сам после удивляется. Эта особенность, по-видимому, недостаточно хорошо знакома авторам, пишущим о спиритизме, ибо, как только речь заходит о бессознательности

медиума, они начинают говорить о шутках и обмане. Между тем это наиболее существенный пункт во всех спиритических явлениях — тот пункт, который дает пищу суеверию спиритов.

Лучшим доказательством этой бессознательности было бы то, о чем спириты постоянно говорят, но чего никогда не дают. «Опыт показал, — говорит Муссо, — что стол сообщает мне о таких вещах, о которых я сам не могу знать и которые превосходят все мои способности». Факт этот был бы убедителен, если бы можно было доказать его со всеми необходимыми предосторожностями. Но спириты совершенно неспособны на это. До сих пор я не знаю ни одного достоверного факта подобного рода. Так что, если я избегал говорить об ясновидении и других аналогичных способностях в связи с вопросом о сомнамбулизме, то не стану касаться этого и теперь, говоря о медиумах. Кроме собственно ясновидения ссылаются еще и на другие аналогичные явления, где автоматическое письмо совершенно не похоже на нормальное сознание субъекта. Некоторые лица могут автоматически, при помощи планшетки, отвечать на вопросы, которые поставлены мысленно, не выражены вслух и о которых, следовательно, нормальное сознание не имеет никакого представления. Факты, отмеченные Майерсом, особенно случай Ньюхэма (если автор может гарантировать точность своего наблюдения), необычны по своим выводам и указывают психологии совершенно новый путь. Но эти явления мысленного внушения при автоматическом письме требуют специального обсуждения, которое слишком отвлекло бы нас от настоящего предмета наших исследований. Заметим только, что в некоторых случаях рука автоматически отвечает на вопросы, о которых сознание субъекта не имеет и не может иметь никакого представления. Но такие случаи встречаются крайне редко и не могут служить доказательством бессознательности спиритических движений.

Будем искать менее убедительных, но зато более доступных контролю доказательств. Прежде всего, отмечу бросающееся в глаза противоречие между действительными мыслями и характером медиума и содержанием автоматических записей. Не станем останавливаться на молодых целомудренных девушках, пораженных грубыми непристойностями, которые рука их писала без их ведома: это обычное явление, отмеченное всеми авторами,

занимавшимися этим вопросом. Например, субъект, который верит в могущество духов и серьезно вызывает их в трудную минуту жизни. Он ждет через медиума серьезного ответа и все время думает об этом. Но вопреки его желанию рука медиума то и дело отпускает двусмысленные шутки, рисует арабески и т. д. Сам медиум, серьезный умственный склад которого противоречит такой забаве, заявляет, что эти глупости не его рук дело: «Я не мог так измениться, если бы даже и хотел этого. Я не могу постичь этих внезапных психических перемен десять или пятнадцать раз за один вечер под влиянием такой простой причины, как мое прикосновение к поверхности планшетки».* Иногда карандаш, вместо того чтобы серьезно отвечать на задаваемые вопросы, занимается рисованием и, если участвующие в сеансе продолжают настаивать, он отвечает, что тоже имеет право позабавиться. Иногда, не отвечая, как желает медиум, карандаш пишет: «Иди спать». Такое несходство характеров медиума и *его духа* доводит иногда до взаимных упреков и бурных споров. Аббат Альминьяна с большим трудом отвечает на глупости, с которыми обращается к нему его собственная рука, и не в состоянии объяснить себе, как это в нем могут находиться два существа, так не симпатизирующих друг другу. Другие духи не стесняются объяснять свои ошибки глупостью своих медиумов, которых упрекают в том, что они недостаточно пассивны и мешают их сообщениям. Такое недовольство, покоящееся на более или менее законном основании, иногда превращается просто в гнев. Тогда дух не только отличается от медиума по своим качествам, но даже преследует и всячески мучает его, и медиум начинает страдать теми навязчивыми состояниями, которые Аллан-Кардек считал вполне естественными, но которые, к сожалению, являются настоящим помешательством.

Вторую категорию доказательств бессознательности медиумических писаний мы почерпнем из интересных наблюдений, собранных Майерсом. Медиум так плохо знает, что пишет его рука, что не может даже прочесть своих писаний и вынужден обращаться за помощью к другим лицам, чтобы понять написанное. Или же, что еще более любопытно, он просит духа повторить и писать разборчивее, на что последний обычно охотно соглаша-

---

* Revue spirite. 1878. P. 250.

ется. Иногда медиум ошибается, читая свои сообщения: читает, например, Дж. Селен вместо Хелен и т. д., так что дух должен останавливать и поправлять его. В других случаях в автоматическом письме попадают иногда странные шутки: неожиданно вставляются греческие слова, которых никто не понимает. Участники сеанса с удивлением читают слово *Chairete* и только после долгих усилий догадываются, что это греческое слово, которое означает «здравствуйте».* Иногда же планшетка, вместо того чтобы отвечать серьезно, перемешивает все буквы и пишет анаграммы. История одного духа, который называл себя Клелия, действительно является весьма важным психологическим документом. Один субъект, пытаясь писать автоматически, по обычаю задает духу вопросы и в ответ получает только целый ряд букв, с виду лишенный всякого смысла. «*What is man?*» — спрашивает он. — «*Tefi Hasl vbliy ev 866 eeart ee*», и так далее, каков бы ни был вопрос. На вопрос, обращенный к духу, анаграмма ли это, планшетка удаивается ответить: «Да». Только на следующий день и после многих усилий медиуму удается расположить буквы так, что получается кое-какой смысл: планшетка почти удовлетворена, хотя в некоторых толкованиях и предлагает другое расположение тех же самых букв. Любопытно наблюдать, как субъект ставит сам себе задачи, правильно решить которые ему не всегда удается. Многочисленные наблюдения Майерса прекрасно подтверждают независимость двух серий сознательных явлений — тех, которые составляют обычную психику субъекта, и тех, которые проявляются у него в автоматическом письме.

Наконец, для доказательства бессознательности спиритических явлений мы вправе обратиться к свидетельству самих медиумов, которое не следует так легко отвергать. Здесь следовало бы повторить все то, что когда-то сказал Ш. Рише по поводу сомнамбулизма, желая доказать его несомненное существование. Я встречал очень честных людей, которые, занимаясь автоматическим письмом по способу спиритов, уверяли меня, что не знали, что писала их рука. Если мы верили им в более сложных вопросах, то почему в данном случае мы должны сомневаться в правдивости их слов? Тысячи людей в течение тридцати лет заявляют одно

---

* Myers. *Automatic writing*. Proceed I. P. R. 1885. P. 26.

и то же — если бы мы имели дело с обманом, мог ли длиться так долго один и тот же обман в Америке, Германии, Франции и Англии? Следующие слова Де Муссо могут служить правильным выражением того, что думают и говорят все медиумы: «Так как моя психика, по-видимому, обращается ко мне из недр стола, то я, следовательно, перестал сознавать ее: я не знаю, что она испытывает и думает в своем новом жилище. В тот момент, когда я жду ее милостивых слов, я не знаю, что она скажет мне и соблаговолит ли она вообще говорить и действовать».* Впрочем, легко понять, что именно это незнание и создало успех спиритизма. Непроизвольные движения, связанные с нашими собственными мыслями, как в опытах Гюмберлана, не были очень удивительны. Но что казалось необъяснимым, так это вычисления, рассуждения и речи, не принадлежащие сознанию субъекта. Только после того, как люди почувствовали невозможность связать как-нибудь эти разумные проявления с нормальной психикой медиума, — только тогда они сочли необходимым прибегнуть к гипотезе о духе, чуждом самому медиуму. Поэтому понятно, почему объяснения Шевреля, Фарадея и Карпендера вызвали насмешки со стороны настоящих спиритов — эти объяснения не затрагивали самой сути вопроса.

С другой стороны, необходима ли спиритическая гипотеза и, если для объяснения медиумических сообщений нужен какой-либо другой интеллект кроме медиума, нужно ли тревожить для этого души умерших? Конечно, гипотеза еще не является фактом, но все же она не должна выходить за пределы рассматриваемого вопроса. Как это спириты не заметили, что все эти писания, хотя они и содержат несколько связанных фраз, в сущности чрезвычайно глупы и что нет нужды знакомиться с тайнами потустороннего мира, чтобы писать подобные глупости? Корнель, говоря через медиума, сочиняет плоские стихи; Боссо подписывается под такими речами, которых не пожелал бы произнести ни один деревенский священник. Вундт, после посещения одного спиритического сеанса, жаловался на вырождение, поражающее после смерти дух великих людей, которые высказывают мысли, достойные лишь полоумных и развращенных людей. Кто прочтет сообщения Сам-

---

* См. Gasparin. II. P. 508.

сона, принца Урана и т. п., тот легко увидит, что осведомленность духов не больше нашей и что им самим нужно читать описания ада и рая какого-нибудь поэта, чтобы хоть немного знать, о чем идет речь. Лучше, пожалуй, совсем отказаться от будущей жизни, чем проводить ее с подобными господами.

Пусть господа спириты не ссылаются для доказательства своей гипотезы на имена под медиумическими сообщениями, на изменения почерка или слога, на тождественность этих сообщений мнению того или иного лица. Легко можно заметить, что планшетка чрезвычайно послушна: она делает все, что от нее хотят, и отвечает мыслям присутствующих, повторяя все их теории. У спиритов католиков аббат Ботэн видит, как корзинка извивается змеей и пятится назад перед Св. Писанием, прося снисхождения и милосердия. У протестантов столы не боятся святой воды, не испытывают уважения к ризам и предсказывают падение папства через десять лет. Де Муссо, который повсюду видит демонов, задает вопросы планшетке: «Ты ли соблазнил первую женщину?» — «Да», — отвечает планшетка. — «В образе змея?» — «Да». — «Которые мучили Магдалину?» — «Да». С таким же убежденным видом он мог бы спросить: «Ты Ахилл?» или «Ты Дон-Кихот?», на что стол также ответил бы «да». По мнению тех, кто верит в прежнюю черную магию, духи повинуются магическим заклинаниям и трепещут перед священными треножниками. Правда, вместо того чтобы произносить священные заклинания, можно с одинаковым успехом декламировать поэмы Горация.

Этот несомненно существующий и проявляющийся в автоматическом письме интеллект может стать всем, что нам угодно. Но не будем считать его чем-то слишком возвышенным и не станем смешивать вопросы позитивной психологии с самыми сложными проблемами метафизики и религии.

4. СПИРИТИЗМ И РАСЩЕПЛЕНИЕ ПСИХИКИ

«Все уже сказано», — писали еще в XVII в. Этот взгляд моралиста является, несомненно, еще более справедливым в настоящее время: гипотезы, которые кажутся самыми неожиданными и оригинальными, уже давно были высказаны, но, к сожалению,

остались незамеченными. Теория расщепления психики, которая была построена Ш. Рише и Майерсом и которую я сам пытался дополнить, казалась мне совершенно новой, когда, к моему великому изумлению, я неожиданно нашел прекрасное изложение ее в небольшой книжке, относящейся к 1855 г. Эта небольшая брошюрка без указания имени автора привлекла меня своим странным заглавием: «Второе письмо Жана к епископу по поводу говорящих столов, беснования и другой чертовщины». Я не мог найти настоящего имени автора: думаю, что это какой-нибудь философ, принадлежащий к эклектической школе, так как он разделяет ее доктрины и отличается свойственным ей слогом. Подобно психологам этой школы, он олицетворяет способности человеческого духа, благодаря чему ему удастся здраво и научно объяснить многие явления, которые были мало исследованы и плохо поняты в его время.

Несколько цитат дадут ясное представление о психологической теории, изложенной в этой небольшой брошюрке: «Под влиянием внешних возбуждений или на основании воспоминаний, наши умственные способности образуют в нас определенные идеи или мысли. Наше сознание или внутреннее чувство доводит их до нашего сведения, а наша воля или способность действовать на нас самих дает нашему сознанию идею о личности, о нашем „я“. Остается установить связь между всем этим. Благодаря действию воли на интеллект, которое называется вниманием, идея или мысль утверждается в своем отношении к „я“ и связывается с ним. Вот что происходит в нормальном состоянии... Сон — такое состояние, при котором воля, интеллект и организм, расслабляя соединяющие их связи, потихоньку восстанавливают силы, истощенные дневным трудом. Является ли сон абсолютным и всегда неизменным состоянием? Далеко нет: сон и бодрствование являются цепью состояний, которые путем последовательных изменений, с одной стороны, спускаются к полному сну, неподвижности и разъединению воли, интеллекта и организма, а с другой — поднимаются до состояния полного бодрствования — высшего напряжения воли, умственных способностей и организма, направленных к одной и той же цели. При этом любое изменение является результатом *разлигия в степени деятельности и более или менее тесной связи между*

волей, интеллектом и организмом, каждый из которых живет своей собственной жизнью...

У некоторых лиц органическая жизнь, чувствительность и интеллект по той или иной причине перевозбуждаются и экзальтируются, в то время как воля остается слабой и вялой. Не естественно ли в таком случае предположить *временный и гастигный разрыв* цепи состояний? В самом деле, занимающие нас явления (говорящие столы) вызываются не чем иным, как более или менее полным и длительным прекращением влияния воли на организм, чувствительность и интеллект, которые, однако, не перестают функционировать. При этом различные степени этого *разъединения*, как и различные формы, в которые оно выливается, естественно следуют друг за другом... В опытах с говорящими столами девушка слышит вопрос и сочиняет ответ в своей психике, которая уже знакома с условными знаками для выражения всяких мыслей и идей с помощью движения ножек стола. Такова сущность явлений, при которых могут наблюдаться различные состояния или разные степени одного и того же состояния:

1. Девушка не только сознает образующийся в ее психике ответ, но приписывает его себе самой: это обычное положение в психологии. Но ненормальность заключается в том, что ответ выражается движениями мебели без участия свободной и сознательной воли... Воля отделилась от физического аппарата, который становится теперь независимым (это мы наблюдали в случае с чудесным маятником).

2. Когда воля начинает отделяться от интеллекта, девушка только наполовину сознает ответ, который становится в то же время полнее, пространнее и даже излагается в других словах. Словом, психика находится в полунормальном состоянии. Наоборот, организм функционирует в тех же условиях, что и раньше, руководимый интеллектом без вмешательства воли (мы видели несколько подобных случаев при исследовании чтения мыслей).

3. Третья степень этого состояния наблюдается, главным образом, при автоматическом письме и произвольном разговоре, но, вероятно, наступает также в связи с явлениями говорящих столов. Молодая девушка знает ответ, который создается в ее психике, но сознает его так, как будто он исходит не от нее. Сознание улавливает его, не устанавливая связи между этой мыс-

лю и собственным „я“ девушки (эта степень соответствует, мне кажется, одержимости и импульсивному безумию, о котором мы будем говорить ниже).

4. Наконец, девушка *совершенно не осознает ответа, который слагается в ее психике за пределами ее лигного „я“* и узнает о нем только тогда, когда ножки стола выстукивают его. В данном случае *умственное расслоение является полным*. Отколовшаяся мысль увеличивает в то же время сферу своего влияния. Теперь уже не обращаются с вопросами к столу. Наоборот, последний сам задает вопросы присутствующим лицам, касается того или иного предмета и ведет беседу в том или ином направлении. Всплывают отдаленные воспоминания, которых сама девушка не сознает, романтические вымыслы, сентиментальные фантазии — словом, все, что могут создать интеллект и воображение, предоставленные самим себе, и все, что разыгрывается в наших сновидениях. С той только разницей, что в обычных сновидениях мы одни принимаем участие, тогда как об этих фантастических вымыслах мы узнаем вместе с другими. Такова, на первый взгляд, сущность явления говорящих столов...

Что нужно для того, чтобы перо могло быть заменено речью? Необходимо, чтобы импульс передался другим нервам... Обычно это сопровождается серьезным нарушением иннервации, и в этом нет ничего удивительного. Человек, у которого только рука освобождается от влияния воли, не так лишен самого себя, как тот, у которого и язык — этот непосредственный инструмент мысли и воли — освобождается из-под власти личного „я“. У наших мирных пишущих медиумов психика остается обычно спокойной, но когда физический кризис наступает в бурной форме, внутреннее расслоение становится полным, длительным и абсолютным. *Вторая лигность*, экзальтированная, пылкая и необузданная, подавляет *первую лигность* и овладевает всей психикой и организмом находящейся в бреду прорицательницы. *Deus esse Deus...* В одном и том же лице мы наблюдаем два течения мыслей: одно характеризует обычную личность, другое — развивается за ее пределами. Теперь мы имеем дело только со второй личностью (в сомнамбулизме). Первая погружена в глубокий сон, почему и не может вспомнить после пробуждения, что произошло во время припадка. Говорящие столы, произвольное письмо и не-

произвольная речь — таковы различные формы умственного расщепления, которое можно было бы обозначить именем ведовства. Последнее является наивысшей формой психического расщепления и, без сомнения, сыграло огромную роль во всем мире, так как, превратившись в общественный институт, оно в течение веков служило основанием и оправданием всех религий».

Надеюсь, мне простят эту длинную выдержку, которая доказывает, что в этой книжке с таким странным заглавием прекрасно выражено все то, что приписывали себе некоторые современные авторы (в том числе и я), когда изучали автоматическое письмо и сомнамбулизм. Впрочем, такое совпадение выводов, подсказанных здравым смыслом, с заключениями, которые вытекают из точных экспериментов, нужно считать очень убедительным, так как оно доказывает, что мы близки к истине.

Основным пунктом спиритизма, думается мне, является именно разрыв психических явлений и образование второй серии мыслей, не связанных с первой, и протекающих вне личного восприятия. Что касается средств, которыми пользуется вторая личность, чтобы проявить себя без ведома первой — движение столов, автоматическое письмо и произвольная речь, — то это второстепенный вопрос. Откуда берутся в столах и стенах эти звуки, отвечающие на задаваемые вопросы? Быть может, они возникают от движения больших пальцев на ногах или сокращений сухожилия малой берцовой кости, как это предполагал Жобер де Ламбаль, наделавший столько шума в академии наук. Может быть, они происходят от сокращения желудка и настоящего чревоуращения или от других еще неизвестных физических причин. Во всяком случае, вызываются ли эти стуки автоматическими движениями самого медиума или, что в некоторых случаях кажется мне вероятнее, подсознательными движениями кого-нибудь из присутствующих, который в темноте обманывает себя и других, сам того не подозревая — в настоящее время это не имеет большого значения. Рассматриваемый акт, каков бы он ни был, является всегда произвольным и бессознательным движением того или иного лица. Непроизвольное же произнесение слов желудком (чревоуращание) так же поразительно, как и произвольное произнесение слов ртом. Психологическая сторона этого явления наиболее интересна, и на ней мы остановимся подробнее.

Несмотря на то, что работа, которую мы только что рассмотрели, была написана в 1855 г., она не была понята и не имела никакого влияния ни на спиритов, что вполне естественно; ни на психологов, что уже более удивляет нас. Одни продолжали удивляться, другие — издеваться над говорящими столами, и изучение этого вопроса не продвигалось вперед.

Только недавно в статьях Ш. Рише появилось научное объяснение спиритизма, которое можно сравнить с только что рассмотренной гипотезой. «Предположим, — говорит он, — что некоторые лица впадают в полусомнамбулическое состояние, при котором мысли возникают лишь в одной части мозга и восприятия возникают без ведома личного „я“. С внешней стороны сознание субъекта остается нормальным. Но за пределами его протекают весьма сложные психические процессы, не влияющие, по-видимому, на сознательное „я“. В субъекте действует, мыслит и проявляет свою волю другое лицо, о котором сознание, т. е. личное, сознающее себя „я“ не имеет никакого представления».* В другой работе тот же автор говорит: «Эти бессознательные движения не совершаются наугад. Они наступают, по крайней мере у некоторых медиумов, в правильном логическом порядке, который доказывает, что рядом с нормальным сознанием медиума существует одновременно другое, побочное сознание, в котором развиваются свои собственные мысли и которое не было бы доступно обычному сознанию, если бы не проявлялось вовне посредством этого странного регистрирующего аппарата (планшетка)».** Подобный же взгляд и более полное изложение этого толкования спиритизма можно найти в двух немецких работах: «*Philosophie der Mystik*» Дю Преля и «*Geburt und Tod*» Геленбаха. Но больше всех способствовал научному исследованию спиритических явлений Ф. Майерс. Этот автор в нескольких интересных статьях, опубликованных в «*Society for psychical research*», изложил очень интересную теорию расщепления психики, которая является одновременно и психологической и физиологической. Мы не будем излагать теорию Майерса, так как она еще пространнее той, которую мы рассмотрели, и еще подробнее анализирует эти явле-

---

* Ch. Richet. La suggestion mentale. Rev. philosophique. 1884. II. P. 650.

** Ch. Richet. Les mouvements inconscients. Rev. pilos. 1886.

ния. Лучше укажем на общую связь между описанными фактами и рассмотренными в настоящей работе явлениями, а затем возвратимся к положениям, в которых мы расходимся с Майерсом.

Дело в том, что, не будучи еще знакомы ни с одной из приведенных работ и не думая заниматься исследованием спиритизма, мы изучали с психологической точки зрения сомнамбулизм больных истерией и акты, выполняемые ими в силу внушения. При этом нам удалось констатировать существование подсознательных актов, частичных анестезий и автоматического письма — словом, всех характерных особенностей спиритических явлений. Но в то время, как приведенные авторы, начав с изучения спиритизма, дошли до теории нескольких личностей и исследования гипнотизма, мы, начав с последнего, пришли к одним и тем же выводам. Такое совпадение позволяет думать, что наблюдаемые спиритами явления совершенно тождественны явлениям естественного или искусственного сомнамбулизма и что, следовательно, мы имеем право применить к ним те же теории и заключения, к которым пришли на основании предыдущих исследований.

5. СРАВНЕНИЕ МЕДИУМОВ С СОМНАМБУЛАМИ

У большинства медиумов наблюдаются уже знакомые нам болезненные явления. Почти всегда (я не говорю всегда, чтобы не решать заранее этого важного вопроса) это невропаты, если не прямо истеричные субъекты. Движения стола начинаются только тогда, когда на него кладут свои руки женщины или дети — лица, предрасположенные к нервным заболеваниям. Иногда, например, приходится прерывать сеанс из-за того, что некоторые дамы падают в конвульсиях. Один субъект, имевший большое влияние на говорящие столы, страдал постоянным дрожанием рук, которое даже мешало ему есть. У молодой девушки, прекрасного медиума, начинался сильный нервный припадок, если ей во время сеанса показывали священные четки. «Это, конечно, потому, что четки внушают страх демонам». Возможно, но можно сделать и другое предположение. Американские спириты в своих отчетах часто сообщают, что духи ужасно мучают говорящих медиумов. А это всего лишь означает, что у медиумов во время сеансов наступа-

ют сильные нервные припадки. Наоборот, английские спириты очень скупы на такого рода указания. Иногда только заметят, что у такого-то медиума наблюдается несколько хореических движений, или что опыты автоматического писания его очень утомляют, так что приходится даже прерывать опыты из-за слабости его здоровья. Это скромное умалчивание английских авторов о припадках их медиумов связано с их общим взглядом на расщепление психики, который мы будем рассматривать отдельно. Итак, нельзя сказать, что все медиумы страдают нервными припадками — это было бы преувеличением; но нервные заболевания наблюдаются у них очень часто, и занятия спиритизмом способствуют этому.

С этой точки зрения очень убедительно наблюдение Шарко над молодыми людьми из одной семьи, которые все заболели истерией из-за занятий спиритизмом. Такое совпадение истерических припадков со способностью бессознательно писать наблюдается и у наших субъектов. Начавшийся истерический припадок может под влиянием внушения превратиться в бессознательные движения и автоматические акты, или попытки вызвать частичную каталепсию и подсознательное писание обуславливают истерический припадок. G. очень легко и без всякого для себя вреда впадала в полный сомнамбулизм, но не выносила полусомнамбулического состояния. Я не мог делать ей внушения наяву в состоянии рассеянности, ибо опыты мои неизбежно вызвали у нее нервный припадок, который я останавливал лишь тем, что погружал ее в состояние полного сомнамбулизма.

Если даже у медиумов и не бывает нервных припадков в то время, когда они вызывают духов, то все-таки это не проходит для них бесследно, и часто их блестящая карьера кончается весьма печально. Рано или поздно многие из них впадают в «рабство», как удачно выразился Аллан-Кардес, т. е. просто кончают сумасшествием. К сожалению, каждый из нас знает много таких примеров. Можно ли сказать, что спиритизм привел к этому? Я думаю, что это было бы преувеличением. Медиумическая способность зависит, вероятно, от особого болезненного состояния, аналогичного тому, которое может вызывать со временем истерию или безумие. Итак, медиумизм является симптомом, но не причиной.

Эта связь между медиумизмом и нервными припадками выступает еще ярче, когда спиритам приходит в голову лечить

настоящих больных истерией, страдающих конвульсивными припадками. Вот два весьма поучительных наблюдения. Одной молодой девушке, страдавшей сильными нервными припадками, окружающие вбили в голову, что она одержима злым духом по имени Фредегонда. С этих пор больной в ее припадках чудится эта Фредегонда, и она постоянно говорит о ней: «Я вижу светлых духов, на которых Фредегонда не смеет взглянуть, и т. д.». Ей велют в бреду молиться за своих врагов, чтобы умиловить их. «О, конечно, я сделаю это, — говорит она, — я прощаю Фредегонду», и с этого момента припадки прекращаются. Вот другой случай: у молодой девушки наблюдались конвульсивные припадки. Духи через медиумов тотчас же объявили, что она находится под влиянием злого духа по имени Жюль. Тогда вызвали этого Жюля и обратились к нему очень вежливо и учтиво, чтобы не рассердить его. После долгих переговоров — главным образом, благодаря вмешательству маленького доброго духа Кариты — дух Юлий обещал, наконец, оставить в покое свою жертву (истерическую больную). Само собой разумеется, что больная, узнав об этих переговорах, тотчас изменила характер своих припадков и во время приступов стала кричать: «Уходи, уходи». Когда же она узнала о заключении мира с так называемым духом, она успокоилась и почувствовала себя значительно лучше. Хотя я и не имею подобного влияния на духов иного мира, мне однажды удалось добиться примерно такого же результата. Одна моя больная во время припадков постоянно говорила о каком-то колдуне, который околдовал ее. Я заставил появиться дух этого колдуна, который сказал, что для снятия проклятия больная должна помолиться на четках десять раз. Выполнив эту формальность, больная почувствовала себя лучше, или, по крайней мере, у нее изменился характер заболевания, как это часто бывает у истерических больных. Итак, мы видим, что существует серьезная аналогия между субъектами, у которых мы наблюдали раздвоение психики, и медиумами, которыми пользуются для вызывания духов.

Идя еще дальше в этом направлении, мы можем заметить еще большее сходство между медиумизмом и собственно сомнамбулизмом. Напрасно спириты утверждают, что нельзя найти столь же послушных и скромных сомнамбулов, как их столы или умывальник. Сам стол не двигается — необходимо присутствие

медиума, который заставляет его вертеться. Медиумы же немногим отличаются от простой сомнамбулы: они также разборчивы и не всем показывают свои способности. У одной молодой англичанки S. было пять или шесть близких духов: *Jonson, Endora, Moster* и т. д. Я очень хотел присутствовать на ее сеансах и S., бывшая тогда в Гавре, любезно согласилась на несколько опытов. К сожалению, в этот день духи были в плохом настроении, и пресловутая планшетка, на которой медиум держал свою руку, писала лишь какие-то слова, не имеющие значения: «*Jonson must go... Endora is writing... Most of things, most of men...*». M-le S. приписывала эту неудачу отсутствию брата, который обычно задавал вопросы и руководил сеансами. Это объяснение показалось мне правильным: я не мог заставить духов услышать себя или давать им приказания, подобно тому как посторонние лица не могли делать внушений Леонии или Люси, бывшим в состоянии рассеянности. Любопытно отметить это свойство сомнамбулической разборчивости даже у *Духов* медиума.

Но есть и более убедительные факты. У лиц, которым лучше всего удается столоверчение, обычно наблюдаются припадки сомнамбулизма. Хорошая сомнамбула является по большей части прекрасным медиумом. Наконец, иногда во время сеансов с медиумами случаются нервные припадки, или же они впадают в настоящий сомнамбулизм. «Однажды я находился, — говорит один гипнотизер, — в спиритическом кружке, когда вдруг барышня-медиум уснула за столом, под влиянием магнетического флюида, пробежавшего по цепи. Так как духи удалились, не освободив ее от флюида, то все общество оказалось в большом затруднении. Сказав, что я гипнотизер, я предложил свои услуги, чтобы разбудить медиума, и в течение трех минут к общему удовольствию привел ее в нормальное состояние». Вот еще один случай, о котором я слышал от очевидцев и который представляется мне достаточно вероятным. Один спиритический кружок испытывал крайнюю радость по поводу того, что дух, который благоволил отвечать им, был ни больше, ни меньше, как дух самого Наполеона. Однажды, когда рука медиума писала довольно интересные сообщения, подписанные именем Бонапарта, медиум, все время свободно разговаривавший, вдруг останавливается и поднимается с бледным лицом и устремленными в одну точку глазами, скрестив руки на

грудь. Лицо его принимает гордое задумчивое выражение, и он прогуливается по комнате в традиционной позе, которую легенда приписывает императору. Он никого не слышит и скоро опускается на стул, впадая в глубокий сомнамбулизм, после пробуждения он испытывает сильную головную боль и совершенно не помнит о том, что произошло. Спириты по-своему объясняют такие факты: что касается меня, то я вижу в них только естественное развитие полусомнамбулизма, который переходит в катаlepsию или полный сомнамбулизм.

Факты эти встречаются так часто, что еще гипнотизеры заметили их и пытались объяснить. «Медиумы являются совершенными сомнамбулами», — пишет Перье.* Швейяр, прокливаемый спиритами и ненавидимый ими за то, что он больше других приблизился к истине, неоднократно останавливался на этом пункте и говорил: «Сомнамбулизм и спиритизм основаны на одних и тех же явлениях... Медиум сам производит стуки в столе, но, не сознавая своих соответственных мышечных ощущений, думает, что это стучит не он... Медиум является частичной сомнамбулой. Тот, кто задает вопросы, делается бессознательным гипнотизером, а сам медиум — гипнотизируемым, но только отчасти, так как последний сохраняет еще некоторую долю инициативы».** «Медиум, — пишет Лафонтен, — находится в среднем состоянии, которое нельзя назвать ни сомнамбулизмом, ни тем более состоянием бодрствования... Бессознательно водит карандашом, он никогда не знает, что пишет...»*** Но эти авторы не объясняют, каким образом все это становится возможным и как сомнамбулическое состояние может продолжаться наяву в виде второй личности. «Ведь медиум вовсе не сомнамбула, — восклицает по этому поводу Аллан-Кардес, — ибо он не усыплен и может разговаривать о посторонних вещах».

Быть может, это несколько и странно, но, тем не менее, верно, и с помощью примеров, заимствованных у самих спиритов, можно доказать, что у медиумов наблюдается сомнамбуличе-

---

* Journal du magnétisme. 1854. P. 79.

** Chevillard. Etudes expérimentales sur certaines phénomènes nerveux... 1875.

*** Lafontaine. L'art de magnétiser. 1860. P. 31.

ское состояние, т. е. второе существование, которое чередуется с первым и которое тождественно второму существованию, проявляющемуся наяву одновременно с первым с помощью автоматического письма. «М-ль О. вытягивает руки на столе и засыпает. Вскоре какой-то посторонний голос, объявляя себя давно умершей Луизой из Португалии и плохо говоря по-французски, приветствует нас устами медиума, которыми эта Луиза воспользовалась...» Это сомнамбулизм, т. е. второе существование, являющееся на смену первому. В конце сеанса Луиза говорит: «Малютка устала, я сейчас уйду», — и О., спокойно засыпая, через короткое время пробуждается.* Но и проснувшись, она еще пишет автоматически, подписываясь именем Луизы. Это расщепление психики, т. е. второе существование, проявляющееся одновременно с первым.

По этому поводу интересно привести одно замечательное наблюдение, опубликованное в «*Revue Spirite*». М-ль Гюго д'Алези, прекрасный медиум, предоставляет свою руку в распоряжение всех духов, которые хотят поддерживать с нами связь. Благодаря ее участию многие духи — Элиана, Филипп, Гюстав и другие — сообщают о своих занятиях в ином мире. Но эта дама обладает еще более чудесным свойством: она может предоставить духам не только свою руку, но также рот и все тело. Может исчезнуть сама, чтобы уступить им место и дать им воплотиться в своем мозгу. Для этого достаточно слегка усыпить ее. После первого периода обычного сомнамбулизма, когда она говорит еще от своего имени, она вдруг на мгновение столбенеет, и далее все меняется. Теперь с нами разговаривает уже не м-ль Гюго д'Алези, а Элиана, молодая, довольно своенравная особа с слегка жеманным выговором, с которой надо уметь обращаться. Через некоторое время — новая контрактура и изменение картины: теперь устами медиума говорит дух Филиппа или же дух аббата Жерара, который хочет произносить проповеди, но чувствует тяжесть в голове и горечь во рту из-за предыдущего воплощения. Иногда медиум, м-ль Гюго д'Алези, воплощается в грубого, неприличного субъекта Астера или же в трехлетнюю девочку. «Как тебя зовут, моя милочка?» — «Жанной». — «Что ты хочешь?» — «Позови маму, маленького

---

* Journal du magnétisme. 1855. P. 565.

брatца и папу». Она начинает играть и не хочет уходить. Новая контрактура — и перед нами новое лицо, Густав, который заслуживает того, чтобы его выслушали. Его просят нарисовать что-нибудь, так как при жизни он учился рисованию. «Слушай, — говорит он устами бедного медиума, который продолжает спать, — нужно время, чтобы намазать что-нибудь вроде собаки, это было бы слишком долго, за это время успеют отрасти волосы... Я уже столько раз пытался проявлять себя, но для связи с землей нужны флюиды... Это очень трудно. Там наверху мы — как птицы, здесь же на земле — не то. Ах, как скучно быть мертвым». (Эту фразу уже произнес когда-то победоносный Ахилл; поистине, спиритические медиумы не обладают изобретательностью.) Густав продолжает: «Зато у нас нет множества скучных обязанностей — не нужно ходить в контору, умываться по утрам, нет больше ботинок и мозолей на ногах... Но я недостаточно пожил на земле и отошел в то время, когда собирался позабавиться... Если я вернусь на землю, я буду художником... Поступлю в школу живописи и буду веселиться с маленькими натурщицами... Засим желаю вам спокойной ночи». Кто же сменяет Густава? Для конца сеанса — поэт Стоп, «потому что Стоп — значит „остановись“». Последний меланхоличен и говорит нараспев: «Моя душа чувствовала потребность в любви и я искал ее, не находя... Если бы у меня было немного больше времени, я сказал бы вам это в стихах... Я прекрасно знаю, что это много теряет в прозе, но так как уже поздно, я произнес самое краткое, что пришло мне в голову». После сеанса, который, вероятно, был очень утомительным, медиума будят — и перед нами снова м-ль Гюго д'Алези.

Я хотел бы знать, какая разница с психологической точки зрения между этими воплощениями, о которых сообщает «*Revue spirite*», и изменениями личности или объективацией типов, которые приблизительно в это же время были описаны Ш. Рише в «*Revue philosophique*». Я никакой разницы не вижу. Во время нормального состояния медиума, когда личность м-ль Гюго д'Алези еще не исчезла, можно получить письменные сообщения от этих же духов. Но тогда эти сообщения подсознательны и неведомы самому субъекту, который продолжает разговаривать о других вещах. И в своих писаниях Элиана остается кокеткой, аббат Жерар пишет проповеди, Густав продолжает те же шутки, пытаюсь нарисовать

обещанную картину: все они сохранили те же свойства, те же выражения и воспоминания, хотя сам медиум ничего этого не знает. Чем же эти подсознательные и постсомнамбулические личности отличаются от личностей Адриенны и Леоноры, которые также пишут, когда Люси и Леония находятся в нормальном состоянии, и помнят, что происходило в предшествовавших сомнамбулизмах? Быть может, только в одном отношении — именно в том, что эти наблюдения сложнее моих. Я констатировал сохранение простой сомнамбулической психики под нормальным сознанием, между тем как автор «*Revue spirite*» доказывает сохранение под нормальным сознанием сомнамбулического сознания, которое подвергается превращениям благодаря галлюцинациям и изменениям личности.

Одним словом, это комбинация экспериментов Рише с моими собственными. Попытаемся воспроизвести эту остроумную комбинацию. Я внушаю Люси в сомнамбулизме, что она маленький семилетний мальчик Жозеф, и затем, не уничтожая галлюцинации, я сразу бужу ее. После пробуждения она забывает все и кажется пребывающей в своем обычном состоянии. Через некоторое время я вкладываю ей в руку карандаш и отвлекаю ее внимание разговором о посторонних вещах. Рука медленно и с трудом пишет, причем сама Люси не замечает этого. Когда она заканчивает, я беру у нее бумаги и читаю следующее: «Дорогой дедушка, по случаю нового года желаю тебе доброго здоровья и обещаю тебе быть послушным мальчиком. Твой внук Жозеф». В то время не было нового года, и я не знаю, почему она написала это — быть может, потому, что письмо семилетнего ребенка пробудило в ее сознании мысль о новогодних пожеланиях. Не служит ли это доказательством того, что галлюцинация сохраняется во второй личности? В другой раз, погрузив ее в сомнамбулизм и воспользовавшись ее начитанностью, я превратил ее в Агнессу Мольера и заставил изображать наивную простушку. Но прежде чем она начала писать, я разбудил ее. Письмо было написано бессознательно наяву и подписано тем же именем Агнессы. Еще один пример: когда я один раз, прежде чем разбудить Люси, превратил ее в Наполеона, рука ее автоматически написала приказ какому-то генералу собрать войска для большой битвы и подписалась «Наполеон». Я еще раз спрашиваю: чем отличается наблюдение

над м-ль Гюго д'Алези от наблюдения над Люси? Прежде чем мне докажут противное, я склонен думать, что оба эти наблюдения совершенно тождественны и должны объясниться расщеплением психики и образованием нескольких личностей, которые либо сменяют друг друга, либо развиваются одновременно.

6. ОБЪЯСНЕНИЕ СПИРИТИЗМА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДВОЙСТВЕННОСТИ МОЗГА

Серьезные затруднения возникают тогда, когда хотят детально разобраться в форме и особых законах расщепления психики в каждом отдельном случае. По поводу этих деталей я позволю себе, хоть и не без колебания, высказать взгляд, противоречащий мнению Майерса, который так хорошо изучил все эти интересные явления. Я не стану говорить о его желании считать явления расщепления психики совместимыми с полным здоровьем. Это общий вопрос, который относится как к сомнамбулизму, так и к спиритизму, и о котором мы будем говорить ниже. Но он пытается объяснить явления спиритизма и развитие двух параллельных сознаний известным анатомическим строением нервной системы — разделением большого мозга на две равные части, т. е. существованием у человека двух мозгов.

Это разделение большого мозга на две части уже неоднократно давало повод к построению многих гипотез. Ла Метри говорит, что Паскаль имел два мозга — один больной, другой здоровый. *Gaëtan de Launay* думает, что сны правой стороны мозга бывают нелепыми, а левой стороны мозга — разумными. Не только эти два автора, но и многие анатомы и физиологи объяснили этой двойственностью все сложные и непонятные явления человеческой психики. Я избегал говорить о подобных гипотезах, — во-первых, потому, что не собирался входить в исследование физиологии мозга, и во-вторых, потому, что предположение это, по-моему, мало что объясняет. Различные гипнотические состояния и односторонние галлюцинации (различного характера для каждой стороны тела) являются интересными психологическими фактами, наличие которых в последнее время также пытались объяснить двойственностью мозга. Но, по-моему, эти явления

обуславливаются совсем иными причинами: это скорее связанные с условным знаком галлюцинации, которые сама болезнь или внушение связали с той или другой стороной тела. Поэтому все такие галлюцинации и все такого рода эксперименты кажутся мне неубедительными. Что касается моего взгляда на теорию мозговой локализации, то я охотно присоединяюсь к следующему мнению Бастьяна: «Возможно, что мы имеем дело не столько с топографически отдельными областями мозга, сколько с различными механизмами клеток и волокон, переплетающихся между собою в большей или меньшей степени». На этом основании я и не обсуждал отдельно гипотезу о двойственности мозга.

Но Майерс, возвращаясь к этой теории в связи с вопросом о спиритизме, излагает ее с психологической точки зрения, которая требует специального рассмотрения.

Майерс думает, что есть много общего между бессознательными действиями медиумов и автоматическим писанием с одной стороны, и расстройствами зрения или слуха, аграфией и афазией, которые наступают в результате некоторых повреждений левого полушария — с другой стороны. В этих случаях восстановление способности говорить или писать происходит благодаря тому, что правое полушарие заменяет левое. Следовательно, думает он, автоматическое письмо нужно также связать с функцией правого полушария. «Автоматическое письмо, — говорит он, — является, по-видимому, непонятной деятельностью того полушария, которым меньше пользуются. В случае Луи (о котором мы говорили в первой части настоящей работы) это чередование правого и левого полушария и вызывает изменения в области движения и чувств».* «Автоматическое письмо возникает так же, как и способность писать у лиц, страдающих аграфией, т. е. благодаря использованию при письме центров правого полушария мозга, которые до того времени не функционировали».** Не касаясь сущности вопроса, который является физиологическим, я нахожу, что доводы Майерса неубедительны. «Медиум, пишущий таким образом, — говорит он, — не чувствует своей руки, которая пишет. В этом отношении он похож на человека, который по-

---

* Myers. Multiplex personnality.

** Myers. Automatic writing.

ражен словесной слепотой и не может читать написанного». Нет, такой больной видит буквы, но не понимает их, между тем как медиум не ощущает движений своей руки. В этот момент он поражен анестезией, но только анестезией той руки, которая пишет. Когда чувствительность руки восстанавливается и он смотрит на свою бумагу, то прекрасно читает все буквы. Правда, есть случаи, когда медиум колеблется и не может прочесть написанное, но это потому, что сообщение неразборчиво написано. Иногда я сам не могу разобрать свой почерк, хотя и не страдаю словесной слепотой. «В таком случае, — ответят мне, — медиум вновь прибегает к движениям своей руки, чтобы написать сообщение. В этом отношении он напоминает знаменитого больного Шарко, который мог читать в том случае, когда указывал буквы пальцем». Аналогия эта очень натянута: больной Шарко чувствовал движения своей руки, указывавшей буквы. Для чтения он пользовался мышечными, но не зрительными ощущениями. Медиум не чувствует мышечных ощущений даже тогда, когда сообщение написано им во второй раз. Чтобы прочесть это уже лучше написанное письмо, он прибегает опять-таки к ощущениям зрительным. Это вовсе не похоже на зрительную слепоту.

«Но рассмотрим теперь сам почерк. Иногда он очень неразборчивый, неловкий и сводится к бесконечному повторению одной и той же буквы или к простому царапанью. Следовательно, — заключает Майерс, — автоматическое письмо является продуктом правого, недостаточно опытного в этом отношении мозга». Довольно смелое заключение: можно плохо писать даже тогда, когда не пользуешься исключительно одним правым мозгом. Почерк плох потому, что субъект пишет при новых условиях, т. е. не видя бумаги, не пользуясь зрительными образами и т. д. Автоматическое письмо является продуктом нового интеллекта, который располагает только мышечными образами, часто бывает очень рудиментарным и, подобно катаlepтикам, иногда может повторять только одну и ту же букву. «В автоматических записях, скажут нам еще, часто проявляется лживый тщеславный характер, в них часто попадаются ругательства и непристойности. Это напоминает тех афазиков, которые умеют произносить ругательства. В том и в другом случае такое поведение нужно приписать правому полушарию мозга, которое не получило воспитания и без-

нравственно». Почему ругательства, непристойности и глупости могут исходить только от правого полушария? Непристойности, встречающиеся в автоматических писаниях, можно объяснить гораздо проще: мы встречаемся с ними в сомнамбулизме, при истерии, в детстве — словом, при таких состояниях, когда личность еще недостаточно развита и не способна управлять своим поведением.

Более интересное доказательство опирается на любопытные особенности автоматического письма: последнее часто бывает искаженным в том смысле, что для прочтения нужно смотреть на листок с обратной стороны, насквозь или же читать отражение его в зеркале. Эта форма письма встречается у левшей и иногда у больных, страдающих афазией. Я не буду касаться данного вопроса, так как мне никогда не приходилось наблюдать подобное явление. Ни один из субъектов, у которых я наблюдал автоматическое письмо, не писал таким образом в моем присутствии. Явление это встречается довольно редко, поэтому его нельзя использовать для создания общей теории. С другой стороны, мы знаем, что та же самая группа подсознательных явлений, которая проявляется в автоматическом письме, обнаруживается и в сомнамбулизме. Если это почерк левшей, то почему все субъекты в сомнамбулизме не становятся левшами. Заметим, наконец, что вовсе нетрудно писать так, чтобы письмо можно было прочесть в зеркале. После двух-трех опытов я научился писать таким образом довольно быстро. Эта форма письма, изучить которую было бы очень интересно, зависит, мне кажется, от совершенно особых условий и вовсе не является общим признаком автоматического письма. Итак, аргументов Майерса, по моему мнению, недостаточно, чтобы можно было уподобить автоматическое письмо медиумов аграфии, вызванной поражением в одном из мозговых полушарий.

Рассмотрим теперь этот вопрос с другой точки зрения. Действительно ли человек, потерявший дар речи вследствие поражения левого полушария мозга, может вновь научиться говорить благодаря деятельности правого полушария? Сам Шарко в теории о различных типах речи указал на возможность другой гипотезы. У больного может восстановиться дар речи благодаря развитию другой категории представлений, например, представлений слухо-

вых, которые заменяют исчезнувшие зрительные образы. В таком случае субъект может вновь научиться говорить, и правая доля мозга принимает в этом участие не больше, чем обычно. Замечание это доказывает, что один и тот же субъект может по способу речи принадлежать к разным типам, которые отличаются друг от друга преобладанием в них тех или иных психических образов, а не мозговым полушарием.

Такого же рода различие, т. е. скорее психологическое, чем анатомическое, существует, по-видимому, как между различными типами речи медиума, так и между действиями субъектов, находящихся в полусомнамбулизме. Каждая из этих личностей, развивающихся одновременно, слагается из синтеза образов, которые группируются вокруг разных центров. Но образы, составляющие новые личности, не возникают с помощью функционирования новых органов и не добавляются к тем образам, из которых слагается нормальное сознание. Нет, образы остаются всегда одними и теми же и возникают, как у всех людей, во всем мозгу или в части его. Меняется лишь их группировка и распределение: они соединяются в более мелкие по сравнению с нормой группы, которые дают начало образованию нескольких неполных личностей вместо одной более совершенной. Такое разделение психических явлений на отдельные группы совершается иногда очень правильно и зависит от качества образов: одна из групп содержит, например, только тактильные образы, другая — только зрительные. Во всяком случае, так обстоит дело с явно истерическими медиумами, у которых, как мы знаем, расщепление психики вызывает полную анестезию. Но у других лиц — у медиумов с виду почти здоровых — распределение и группировка образов не так просты, т. е. образы одного и того же чувства могут распределяться по разным группам в силу сложных законов ассоциации. У них расщепление психики не вызывает резко ограниченную анестезию, а обуславливает лишь анестезию изменчивую, которую мы называем рассеянностью. Но всегда создается новая комбинация образов, возникающих в психике естественным путем.

Это объяснение дает нам возможность понять некоторые факты, которые нельзя объяснить с помощью теории Майерса. Каким образом у некоторых медиумов, как, например, у м-ль С., может быть несколько психик разумного характера и независи-

мых друг от друга? Майерс сводит все эти аномальные состояния в одно, которое и противопоставляет нормальному существованию. Но это очень надуманно, так как психическое состояние, которое считается нормальным, не обладает такими ясными признаками, чтобы его можно было противопоставить другим. Различные аномальные группы не являются разными формами одной и той же личности, возникающими в силу галлюцинации. Наоборот, они четко отличаются друг от друга, подобно тому как и сомнамбулизм отличается от нормального состояния. У Леонии и Люси можно выделить три разных личности; у Розы — четыре. Можно ли допустить, что у них три или четыре мозга? Я предпочитаю думать, что речь идет о простых психических группировках, которые могут быть многочисленны, так как они вовсе не соответствуют физическому делению нервной системы. Без сомнения, расщепление психики должно сопровождаться какими-то физиологическими изменениями, но последние нам совершенно не известны, и они, вероятно, сложнее, чем простое деление мозга на два полушария.

Как бы там ни было, спиритизм дал нам новые примеры того расщепления психики, которое мы изучили экспериментальным путем. Медиумы, если они вполне развиты, являются типами полного разделения личности, при котором обе личности ничего не знают друг о друге и развиваются независимо одна от другой.

7. ИМПУЛЬСИВНОЕ ПОМЕШАТЕЛЬСТВО

С непреодолимыми импульсами и внушениями мы встречаемся не только при гипнотическом сне и специальных экспериментах: много несчастных больных в течение всей своей жизни находятся под влиянием какой-нибудь навязчивой идеи и чувствуют, как какая-то непреодолимая сила толкает их к выполнению акта, который им самим внушает ужас. При импульсивном безумии мы встречаемся с теми странными извращениями человеческой воли, которые столь поучительны для психологов. Так как болезнь хорошо изучена психиатрами и некоторыми психологами, то нет необходимости останавливаться на ее описании. Хочу только показать, что эта особая форма психического автоматизма

находится в связи с теми формами, которые уже были изучены в настоящей работе.

Оставим в стороне действия, совершаемые внезапно некоторыми эпилептиками в момент временного затмения сознания. Эти акты слишком напоминают действия субъектов, находящихся в каталепсии, и не стоит заниматься их специальным исследованием. Будучи выполняемы внезапно, без размышления, без сопротивления и не оставляя следа в нормальной памяти, эти действия являются грубым выражением одного-единственного образа, который сохранился в почти исчезнувшем сознании. Являясь всегда одинаковыми при каждом припадке, они составляют часть припадка и принадлежат к автоматическому механизму, который начинает всегда действовать, как только личное сознание затемняется. Интересующие нас импульсивные акты совершаются большим наяду, когда он способен получать восприятия и размышлять. Он сам констатирует их, но чувствует, что его увлекает какая-то посторонняя сила.

Самыми простыми актами такого рода являются нервные движения, тики, судорожные подергивания лица, туловища, конечностей — движения, которые субъект совершает, по его словам, против воли. Но он сознает их и в крайнем случае может сопротивляться им. Более сложными являются некоторые хореические движения, среди которых нужно отличать обычную или жестикулирующую хорею, приближающуюся к простым тикам, от большой ритмической хореи, при которой непреодолимые движения совершаются не случайно, а кажутся координированными и имеющими определенную цель. Существуют, например, различные виды хореи, при которых больные прыгают, бегают, выпускают крики животных и т. д. Пожалуй, сюда же нужно отнести произвольные и долго сохраняющиеся гримасы или выражения лица. «Иногда, — говорит Люи, — некоторые выражения лица сохраняются надолго. Так, например, у одной больной выражение ужаса сохранялось в течение восьми месяцев после того случая, который вызвал его». Все эти хореические безумия, — говорил Модсли, — отличаются своим автоматическим характером. Каждый нервный центр действует, по-видимому, сам по себе. Эти импульсы возникают наяду и при наличии нормального сознания, но испытывающий их субъект, по-видимому, не сопротивляется им.

Но в других, более тяжелых случаях, субъект, сознавая импульс, может сопротивляться ему более или менее долго и поддается лишь после отчаянной борьбы. К выполнению нелепых или преступных действий таких лиц побуждают внезапные и непреодолимые *желания*. Чувствуя, что желание их смешно или скверно, они противятся ему и стараются думать о посторонних вещах. Когда желание совершить этот акт становится еще яснее и неумолимо, они отталкивают его и хотят бежать от самих себя, но им это не удается, и они задыхаются в бессмысленной борьбе против себя, — борьбе, которая неизбежно кончается их поражением. Выполнив желаемое действие, они вздыхают свободно и успокаиваются. Они наслаждаются не тем, что выполнили действие, которое всегда внушало им ужас, но тем, что не испытывают больше ужасных страданий и могут свободно располагать собой. Во всех работах по психиатрии можно найти бесчисленные примеры этой поистине ужасной болезни. Д-р Сори в своей книге о «вырождающихся» приводит наиболее типичные и чаще всего встречающиеся формы импульсов. Мы не станем касаться здесь импульсов к совершению незначительных или ужасных актов, таких как, например, стремление вынуть камень из стены, собирать соломинки или совершить поджог или убийство. Существенным признаком подобных желаний, как описывают их сами больные, является то, что они кажутся бессмысленными даже тому, кто испытывает их, лишенными всякого основания и интереса и противоречащими самым глубоким и дорогим для него чувствам. Женщина чувствует непреодолимое желание убить своих детей, которых она обожает; молодой человек убегает в Африку и заставляет интернировать себя в больнице, чтобы не убить свою мать, ибо он чувствует, что не может противостоять этому ужасному импульсу, увлекающему его. Настоящий сумасшедший с удовольствием отдается своему бреду. Между тем как импульсивный отталкивает от себя навязчивую мысль, как нечто постороннее. Это стремление избавиться от навязчивой идеи накладывает особый отпечаток на данное психическое заболевание.

Для более точного описания я позволю себе привести одно сделанное мною в Гавре наблюдение — не потому что оно представляет особый интерес (оно входит в категорию очень известных явлений), а потому что обсуждать какой-либо вопрос гораздо

легче на наглядном примере. D., молодой человек семнадцати лет — сын сумасшедших родителей, которые оба покончили жизнь самоубийством, — чувствовал себя относительно недурно, хотя время от времени у него бывали нервные припадки. Во время этих припадков он прятался, уединялся и без всякой причины оплакивал свою судьбу; с тоской спрашивая себя, как он будет зарабатывать себе на хлеб, научится ли какому-нибудь ремеслу и т. д. Вместе с тем он прекрасно понимал, сам замечая это, что его беспокойство бессмысленно, но в то же время вновь начинал плакать. Иногда он чувствовал жар в лице или у него появлялись хореические подергивания левой ноги, продолжающиеся целыми ночами. В течение нескольких лет он боится оставаться один и в то же время не любит общества, так что он не знает, что делать, и постоянно жалуется. Кроме того, он страдает боязнью пространства: когда нужно перейти площадь, он просит кого-нибудь проводить его или же следует за людьми по пятам, опасаясь, чтобы его не прогнали. Тяжелый припадок привел его в больницу. Однажды вечером он, чувствуя приближение приступа тревоги, не мог ни пить, ни есть, целую ночь не спал и стонал. Левая нога постоянно дрожала и подергивалась. Утром он сделал усилие, чтобы заняться своей обычной работой парикмахера, и стал брить клиента. Но как только он взял в руки бритву, лицо его покрылось потом, подергивания усилились и перешли на руки. Его сознание пронзила ужасная мысль: желание перерезать горло клиенту, которого он собирался брить. Придя в ужас от этой мысли, он стал бешено сопротивляться и схватился за стул, чтобы не упасть. Затем он еще раз попытался взять бритву, но ужасный импульс овладел им еще сильнее и он убежал в свою комнату, страшно крича. К нему прибежали на помощь и едва успели схватить в тот момент, когда он пытается зарезаться. Его перевезли в больницу, и там он в продолжении 2-х дней оставался в состоянии полной подавленности и отказывался от еды, причем хореические движения ни на минуту не прекращались. Успокоившись и рассказав мне все, что испытал, он стал чувствовать себя лучше, но им овладевает новая мрачная идея, о которой он раньше не думал. Он убежден, что рано или поздно убьет себя, как его родители, и эта идея наводит на него тоску.

В начале этой главы мы говорили, что импульсы похожи на внушения, сделанные сомнамбулам. Однако между ними имеется

огромная разница, которая бросается в глаза и в силу которой подобное сравнение кажется странным.

Сомнамбулы выполняли внушения двумя способами: либо сознательно, т. е. соглашаясь выполнить действие, охотно совершали его и думали, что делают это по своей воле, либо не выражая сознательного согласия: они не знали о внушении и выполняли его бессознательно. В обоих случаях сомнамбулы отличаются от импульсивного помешанного, который действует не бессознательно. Наоборот, он прекрасно знает, что делает и ужасается, сопротивляясь своему импульсу всеми силами. В этом есть что-то новое и оригинальное. Однако я и у своих сомнамбул наблюдал аналогичные явления, но до сих пор не говорил о них, потому что они являются сложными исключениями, а я не хотел запутывать описания относительно простых явлений. Теперь же мы можем вернуться к этим исключительным случаям.

Однажды Леония, находясь в сомнамбулизме, говорит мне, что получила интересное письмо. Я прошу принести его на следующий день, но после пробуждения не повторяю своей просьбы. На другой день она, в совершенно нормальном состоянии, приносит мне это письмо и говорит с некоторым беспокойством: «Я не знаю, что у меня случилось с этим письмом. Вот уже три раза я беру его с собой, но, замечая это, всякий раз вынимаю его из кармана и комкаю, потому что оно мне совершенно не нужно. Однако вот опять я, вероятно, взяла его, так как оно у меня в кармане». Другое наблюдение такого же рода: я велю Леонии, находящейся в сомнамбулизме, привезти мне, когда она вернется в Гавр, один пакет бумаги, находящийся у нее дома. Через несколько месяцев, когда она собиралась обратно в Гавр, произошло следующее: она уже хотела запереть свой чемодан, как заметила внутри довольно толстый пакет бумаги: «Неужели я так глупа, что взяла это, — говорит она, — ведь это мне совершенно не нужно». И она вынула пакет. Через несколько минут она снова осматривает свой чемодан и снова видит пакет внутри: «Ах, это уж слишком», — говорит она, вынимая пакет, запирает его на ключ и приезжает в Гавр без него.

Однажды я условился с молодым человеком, которого считал поддающимся гипнозу, что он после пробуждения откровенно расскажет мне о всех впечатлениях, которые он испытывал в со-

мнамбулизме. Приведя его в довольно глубокое гипнотическое состояние, я прошу его взять со стола мою шляпу и надеть мне на голову. Затем я бужу его и задаю вопросы, но он не может рассказать мне ничего интересного, так как все забыл и убежден, что мне не удалось усыпить его, между тем как за эти полчаса я вызвал в нем несколько галлюцинаций. Однако через несколько минут у него появляется какое-то ненормальное выражение лица, он начинает ходить по комнате и жалуется на внезапно наступившую головную боль. Разговаривая, он подходит к моей шляпе, берет ее и вертит в разные стороны, затем порывисто бросает ее, восклицая: «Что это у меня за желание сделать с вашей шляпой, и что я вообще делаю?» После того он садится, и все прекращается. Не стоит приводить другие примеры.

Хотя в данном случае действие, по-видимому, и сознается субъектом, который то соглашается выполнить его, как в первом случае, то отвергает, как во втором, я думаю, что сознание это является второстепенным и что существенным в данном внушении является то, что оно совершается подсознательно. Воспоминание о внушении и о моменте, когда оно должно быть выполнено, принадлежит, как всегда, второй группе явлений — сомнамбулической личности, сохраняющейся наяву под нормальной личностью: акт начинается и наполовину выполняется двигательными образами, принадлежащими к этой группе и, следовательно, отделенными от нормального сознания. Но разделение не является полным, как в простых опытах с Люси, или, по крайней мере, оно не остается полным. Первая личность *видит* результаты действия или просто движения субъекта: она не ощущает самого акта, так как и теперь не знает, в чем дело, но она видит его внешние проявления, как видела бы действия постороннего лица. При этом она соглашается выполнить начинающийся акт или же подавляет его энергичным сопротивлением. Так же обстоит дело со многими внушениями, выполняемыми, так сказать, сознательно: субъект в таких случаях охотно продолжает акт, начатый не им самим, берет на себя ответственность за него и выдумывает причины, чтобы объяснить свои действия, но тем не менее действие не перестает быть подсознательным и подчиняется законам расщепления психики.

Иногда можно экспериментальным, так сказать, путем вызвать у субъекта или лишить его этого *запоздалого осознания* акта,

начатого второй группой психических явлений. Если отвлечь внимание субъекта в момент выполнения действия, то он ничего не заметит и внушение будет выполнено правильно. Если же не развлекать субъекта, то он употребит свою небольшую силу восприятия, чтобы следить за своими действиями, и сможет принять или отвергнуть их.

Обычно, когда Люси выполняла внушения, с ней разговаривали, и всегда можно было констатировать у нее значительное расщепление психики. Однажды я внушил ей в сомнамбулизме выполнить довольно сложное действие: вынуть какой-то предмет из кармана моего знакомого. Затем я разбудил Люси и постарался не разговаривать с ней. Она, по-видимому, удивилась моему молчанию, встала как бы для того, чтобы пройтись по комнате, но вместо этого начала как-то странно вести себя: сделает три шага по направлению к лицу, о котором я говорил, затем остановится и вернется назад; затем снова сделает три шага вперед и опять остановится. Люси топает ногой, скрежещет зубами и берет работу, чтобы чем-нибудь заняться, но затем вновь начинает то же. Все ее поведение можно объяснить следующим образом: в момент рассеянности ноги ее делают движения для выполнения того акта, который хочет выполнить вторая личность. Люси, будучи недостаточно рассеянной, замечает эти движения и, топая ногой, говорит себе: «Что я хочу делать?» И усилием воли она заставляет себя садиться. Эта борьба между двумя сознаниями продолжалась более двадцати минут, пока, наконец, внушенное действие не было выполнено полностью в момент более длительной рассеянности. Но внушение могло быть выполнено немедленно, если бы я принял некоторые предосторожности, чтобы не вызвать этого запоздалого сознания и таким образом помешать Люси заниматься своими подсознательными актами.

Так же обстоит дело и с автоматическим письмом: обычно принимают разные предосторожности, чтобы помешать субъекту заметить, что рука его пишет: выбирают лиц, у которых правая рука анестезична, заслоняют ее экраном, отвлекают внимание субъекта разговором о посторонних вещах и т. д. Но если эти предосторожности не приняты или субъект просто сохранил часть мышечного ощущения в руке, то он замечает, что пишет что-то, и читает написанное по мере того, как рука пишет, или же

чувствует это по движениям руки. М-ль С., о которой я говорил, чувствовала под пальцами движения планшетки и после долгого упражнения научилась угадывать содержание автоматических сообщений, не читая их. Не глядя на планшечку, она говорит: «А, это пишет Джонсон», и действительно дух подписывался этим именем. Многие спириты заметили этот факт и указывали на еще более интересное явление — медиум, угадывая таким образом сообщения своего духа, иногда сознательно дополняет их и сотрудничает с ним в этом направлении. Если в начале и наблюдается полное разделение обеих личностей, так что идеи сознаются медиумом только по мере того, как появляются слова, то затем написанное слово позволяет угадывать следующее, и медиум, не желая этого, становится сотрудником образовавшейся в нем второй личности. «Это пишет графиня, — говорит м-ль Н. о своем духе, — но думаем мы вместе». Мышечное чувство является, таким образом, тем путем, по которому большинство подсознательных явлений проникает в сознание после начала действия. Впрочем, многие факты обычной жизни принадлежат к той же категории: «Когда вы читаете книгу или слушаете неинтересный разговор, то некоторое время вы остаетесь индифферентны; если же вы начинаете зевать, то вы уже не сомневаетесь, что действительно скучаете, и сознание это еще более усиливает вашу скуку».* Эти наблюдения доказывают, что может существовать некоторого рода осознание акта, который в то же время бессознателен, т. е. возникает за пределами нормальной личности субъекта.

Как же сами субъекты понимают и объясняют себе то состояние, которое мы только что описали? Что думают они о самих себе при выполнении таких странных действий? Для обозначения своего состояния они употребляют всегда одно и то же выражение. «Что с тобой?» — спрашиваю я Люси в одном из подобных случаев. — «Смешно, но мне *хочется* сделать это, хотя это так глупо». Я внушил Леонии прийти ко мне. Так как она долго не являлась, я пошел к ней навстречу и увидел ее на улице. «Я была у ваших дверей, — говорит она, — и вернулась. Не знаю, почему мне захотелось идти к вам». «Что это я хочу делать с вашей шляпой?» — говорит молодой человек, о котором я упоминал

---

* Joly. Sensibilité et mouvement. Rev. philos. 1886. II. P. 250.

выше. Словом, все они истолковывают свое состояние тем, что им *хочется* сделать что-то, а затем, смотря по обстоятельствам, они поддаются или противятся этому желанию. Их выражение не должно удивлять нас, так как осознание желания является не чем иным, как ощущением зарождающихся движений, намечающих определенный акт. Итак, наши субъекты ясно чувствуют акт, который намечается, но, не зная его настоящего происхождения, объясняют его своим желанием.

Теперь мы можем вернуться к импульсивным больным, характер которых становится для нас более понятным. С одной стороны, у этих субъектов наблюдается расщепление психики, хотя они и сознают свои импульсы. «Человек утратил свое единство, — говорит по этому поводу Лёре, — хотя еще сохранил сознание. Но в нем имеется уже нечто, отличающееся от его „я“, и оно также обладает сознанием. Он проявляет еще свою волю, но это „нечто..“, находящееся в нем, также имеет свою волю. Над ним кто-то властвует, он поработан, тело его является машиной, повинующейся какой-то посторонней воле».* С другой стороны, эти больные сознают свои движения, чувствуют толкающий их импульс, считают его собственным желанием и принимают или отталкивают его. Субъект с расщеплением психики этого обычно не делает. «Меня что-то толкает к выполнению этого акта», — говорил один больной Жорже. «Я ужасно боялся зарезать человека, которого брил», — рассказывал мне несчастный D. — «Почему же вы боялись сделать это?» — спросил я его. — «Я видел, как поднималась моя рука, чтобы нанести удар, и я едва успел убежать». Больной не понимает, что прикосновение бритвы внушило идею, а затем и акт убийства той группе психических явлений, существование которой он не подозревал в себе. Он видит только результат внушения — движение руки и толкует его следующим образом: «У меня возникло ужасное желание убить его». Итак, импульсивные акты познакомили нас с интересной формой неполного психического расщепления, при котором действия сознаются субъектом только наполовину. Причем импульс к действию возникает не в первом сознании, как мы видели это при опытах с чудесным маятником, а во втором.

---

* Leuret. *Fragm. psychol. sur la folie*. 1834. P. 269.

8. НАВЯЗЧИВЫЕ ИДЕИ И ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

Импульсы существуют иногда в другой форме, немного отличающейся от только что описанной нами: вместо акта или, по крайней мере, желания мы наблюдаем просто навязчивую идею, у которой нет тенденции вызвать какое-нибудь действие. Эта идея проявляется иногда в форме слуховых галлюцинаций: больной слышит вдруг без всякого повода какую-то фразу, которая не имеет никакой связи с его прежними идеями. Один слышит голос, говорящий ему: «Не трогайся, иначе ты погиб», и он в оцепенении остается недвижим. Другой слышит голос, который приказывает ему бросить в Сену десять франков. Иногда эти навязчивые идеи бывают более отвлеченными. Больной, например, непрестанно задает себе вопросы: «Почему цвета распределяются неодинаково? Почему деревья зеленые? Почему траур черный?» и т. д. Либо у больного появляется мания преследования: он думает постоянно, что отравится виноградом из виноградника, около которого упал кусок азотнокислого серебра. Иногда же идея бывает нелепой и пустяковой: субъект думает постоянно о том, что его слуга любит вино. Эта мысль преследует его, и он не может отделаться от нее. Эти несчастные не считают свою навязчивую идею частью своего сознания, как мы делаем даже с самыми нелепыми сновидениями. Они сопротивляются этим мыслям и сознают всю нелепость своего состояния. «Навязчивая идея кажется им каким-то посторонним телом, которое находится в них, от которого они не могут отделаться, но которое в то же время не овладевает ими всецело».* «Я был бы счастлив, — говорит один из таких больных, — если бы я мог думать, как вы. Но я подавлен ужасными идеями, о которых я не могу не думать. Я предпочел бы быть совершенно сумасшедшим, чем сохранить полное сознание об остальных вещах». Наконец, в других случаях навязчивая идея появляется в сознании внезапно в виде зрительной галлюцинации, в происхождении которой больной не может отдать себе отчета. Факты эти настолько известны, что достаточно указать на них. Попытаемся лишь подвести их под общие законы психического автоматизма.

---

* Ribot. Psychologie de l'attention. P. 135.

В данном случае дело обстоит так же, как и с двигательными импульсами: аномальное явление не входит в состав личности — оно чуждо личному «я», которое хотело бы оттолкнуть его. Как и при расщеплении психики, оно принадлежит, по-видимому, другой психической группе, но является сознательным, тогда как явления при расщеплении психики бессознательны.

Аналогию с описанными явлениями можно найти в гипнотических опытах, которые позволяют изучить психологию безумия. У Леонии бывают неполные истерические припадки, во время которых она волнуется и кричит так, что невозможно успокоить ее. Затем она сразу останавливается и с ужасом говорит мне: «Кто же это разговаривает со мной? Мне страшно». — «Здесь никого нет, я один с вами». — «Нет, есть кто-то там слева». Она встает и хочет открыть шкаф, находящийся слева от нее, чтобы посмотреть, нет ли там кого. «Что же вы слышите?» — спрашиваю я. — «Я слышу слева от себя голос, говорящий мне: довольно, довольно, веди себя как следует, ты нам надоела». Она несомненно слышала голос, но я ничего подобного не внушал ей и в этот момент не думал вызывать у нее галлюцинации слуха. В другой раз эта же больная в первом сомнамбулизме была очень спокойна, но упрямо отказывалась отвечать мне на вопросы. Тогда она опять услышала слева от себя тот же голос, который говорил ей: «Ну, будь благоразумна, нужно отвечать». Эти слова исходили, очевидно, от нижнего сознания, лежащего под первым сознанием. В этом можно было легко убедиться с помощью автоматического письма, или же при погружении субъекта в более глубокий сомнамбулизм. Но как объяснить с точки зрения изложенной нами теории расщепления психики, что мысли второй подсознательной личности становятся слуховыми галлюцинациями для первой личности?

Постараемся вызвать это явление экспериментальным путем: я велю Леонии, находящейся в глубоком сомнамбулизме, т. е. в состоянии Леонии 3, сказать *другой* что-нибудь, например, «Здравствуйте», и затем бужу ее. Появляется галлюцинация и Леония спрашивает: «Кто это говорит „Здравствуй“?» На этот раз и я слышал слово «здравствуй», так как губы ее произнесли его тихо, но очень отчетливо. Эти галлюцинации подсознательного происхождения в данном случае обуславливаются действительными словами, произнесенными автоматически, подобно автома-

тическому письму медиумов. Субъект слышит свои собственные подсознательные слова точно так же, как медиум читает свое автоматическое письмо. Оба приписывают эти слова или писанья другим, посторонним существам.

Слова подсознательного происхождения встречаются так же часто, как и другие импульсы такого рода, и обладают теми же свойствами. «Часто, — рассказывает один медиум, — я не знаю, как закончится слово, которое дух заставил меня начать. Случалось, что я, думая, что произношу слово или фразу, в действительности неясно напевал что-то. Когда я говорю, мое сознание следит за тем, что произносят мои губы, как будто кто-то другой произносит речь, которая оставляет живой след в моей памяти». Знаменитая *Лиза Андерсдоктер* в 1841 г. против воли пела и произносила более или менее красноречивые речи. Наконец, у вырождающихся, о которых говорит Сори, очень часто появляются импульсивные желания произносить ругательства и непристойности, подобно тому как медиумы пишут их. Когда такой субъект слышит свой собственный голос или чувствует начало своих слов благодаря мышечному чувству, то думает, что слышит посторонний голос, который он и локализирует в том или ином месте. «Больной сам громко говорит и думает, что слышит чей-то посторонний голос; если рукой держать ему губы, то он продолжает слышать голос, а мы будем чувствовать, как губы его шевелятся под пальцами».* «Г. Х. слышит какие-то голоса, но легко заметить, что язык его шевелится против воли, когда говорит этот внутренний голос».** Я наблюдал это явление на одном сумасшедшем, который воображал, что может сообщаться на расстоянии с графами и маркизами, живущими в Париже. Однажды я попросил его передать от меня поклон маркизу. Он почесал себе голову с одной стороны (это был его кабалистический знак, чтобы перенестись к маркизу) и сказал громко: «Г-н маркиз, мне поручили передать вам поклон». Затем, как бы слушая что-то внимательно, он наклонил голову набок, губы его зашевелились, и он прошептал: «Вы скажите этому господину, что...» Я не слышал дальше, но больной выпрямился и громко сказал мне: «Господин маркиз благодарит вас, я прекрас-

---

* Moreau (de Tours). Haschich. P. 354.

** Ballet. Langage intérieur. P. 64.

но слышал его». Его собственные слова внушили ему, очевидно, галлюцинацию слуха.

Не естественно ли толковать таким же образом рассмотренные нами навязчивые идеи, и не должны ли мы вместе со многими психиатрами рассматривать эти идеи как импульсы в области функции речи? «Кто-то оказывает влияние на мою мысль, — говорила одна помешанная, — меня заставляют говорить против воли». Она совершенно права, так как говорить поневоле — значит думать поневоле, повторять непрестанно одну и ту же фразу, не желая этого, — значит страдать навязчивой идеей. Сознательная психика развивает свою идею, как хочет, и усиливает этим бред, но сама идея исходит от автоматического слова, которое не зависит от этой сознательной мысли. Как бы эта гипотеза ни была проста и, в некоторых случаях, правдоподобна, я не думаю, чтобы она могла всегда объяснить это сотрудничество группы подсознательных явлений с группой явлений сознательных. Очень часто связь между двумя этими группами, т. е. движение, которое вызывается одной группой, но ощущается другой, не видна. Не всегда имеется жест или слово, которое сообщает одной из личностей мысли и перемены в состоянии второй. Когда мысли, слуховые и, главным образом, зрительные галлюцинации внезапно появляются в сознании безумного, нужно допустить, что бессознательные явления сразу и автоматически вызвали сознательные явления без чьего-либо вмешательства. Явление это очевидно, но, как мы заметили по поводу магической палочки, понять его нелегко. В самом деле, мы говорили, что обе группы явлений отделены друг от друга, расщеплены. Благодаря этому образуются два поля сознания. Каким же образом эти явления могут быть связаны друг с другом и в то же время расщеплены?

Прежде всего заметим, что мы уже знакомы с этим явлением, возникающим естественно при психических заболеваниях, и что мы часто встречались с ним при наших экспериментальных исследованиях. При описании внушений, обусловленных рассеянностью, мы отметили вскользь один очень интересный факт — сознательную галлюцинацию, вызванную внушением, оставшимся подсознательным. Напомним этот факт. Я тихонько внушаю Леонии, когда она разговаривает с другим лицом, т. е. когда внимание ее отвлечено, что на данном лице надето красивое

зеленое платье. Леония не слышала того, что я говорил ей (это исчезнувшее подсознательное явление, принадлежащее к первому полю сознания). Таким образом, несмотря на расщепление психики, подсознательное явление вызывает явление сознательное в силу известной ассоциации идей.

Другие примеры такого же рода. Я тихонько шепчу: «Когда я прикоснусь к твоему большому пальцу, ты будешь видеть красный цвет; когда же я прикоснусь к мизинцу, ты увидишь желтый цвет». Это внушение, обусловленное рассеянностью и связанное с условным знаком. Затем я произвожу опыт над левой рукой, которая лишена чувствительности: прикосновение к большому пальцу, *которого она не чувствует*, вызывает сознательную галлюцинацию красного цвета; прикосновение к мизинцу — галлюцинацию желтого цвета, причем больная никогда не ошибается. С другим субъектом, Марией, которая совершенно лишена чувствительности в данное время, я поступаю иначе: я щиплю ее за кисть руки — Мария ничего не чувствует. Затем я обращаюсь к ней с настойчивостью, которая для нее равносильна внушению: «Ты слышишь что-нибудь?» — «Да, — отвечает она, — это, вероятно, звон колоколов». Через несколько минут я щиплю ее за руку, и, несмотря на то, что она ничего не чувствует, опять спрашиваю ее: «Теперь ты слышишь что-нибудь другое?» — «Да, — говорит она, — это, должно быть, свисток». С тех пор она, если я щиплю ее за кисть руки, слышит всегда звон колоколов; когда же я щиплю ее за руку, она слышит звук свистка. Повторяю, рука ее совершенно лишена чувствительности. Следовательно, условным знаком для сознательной галлюцинации служит в данном случае подсознательное ощущение.

Нужно ли новые факты? Такого рода примеры можно найти среди наиболее известных явлений гипнотизма. Старый опыт с портретом является прекрасным примером: субъекту внушают видеть портрет на белом листе бумаги, и он видит его на указанном месте. Разумеется, он знает этот лист по некоторым признакам, но ощущение последних никогда не было для него сознательным, и только вторая личность путем автоматического письма сообщила мне, что наверху на листе есть пятно. И в данном случае условный знак был подсознательным, хотя сама галлюцинация является сознательной. Что же из этого следует?

То, что мы уже говорили: автоматическая ассоциация идей это — одно, а синтез, из которого в каждый данный момент слагается личное восприятие и идея о «я» — другое. Последний может быть разрушен, тогда как первая продолжает сохраняться. Это предположение, впрочем, довольно хорошо согласуется с тем, что мы уже говорили по поводу этих двух процессов. Ассоциация идей является проявлением элементарного синтеза, сложившегося прежде и раз и навсегда связавшего одни явления с другими. Личное восприятие образуется в силу синтетической деятельности данного момента, которая постоянным напряжением в каждый данный момент связывает с нашим «я» все явления, каково бы ни было их происхождение. Синтетическая способность может быть в данный момент ослаблена, так что субъект становится неспособным воспринимать то или иное, слуховое или тактильное ощущение. Но благодаря сохранившемуся старому автоматизму невоспринятое ощущение может вызвать другие образы, входящие в состав тех ощущений, которые субъект еще в состоянии воспринимать. Хотя изложенные соображения не устраняют всех затруднений, они все-таки дают нам возможность понять, что в этих новых явлениях — навязчивых идеях и некоторых галлюцинациях — обнаруживаются в более сложном виде давно известные законы.

9. ОДЕРЖИМЫЕ

Итак, отщепившийся элемент психики проявляется, как мы видели, либо в начинающихся актах, либо в непрестанно повторяемых словах, либо в галлюцинациях. Он может проявиться иначе и вызвать разнообразные нарушения как в сфере физической, так и психической.

Мы знаем, что отщепившийся элемент вызывает истерические припадки, анестезию, контрактуры и параличи, поэтому нет необходимости останавливаться на этом. Но он может вызвать выразительные положения тела и изменения в выражении лица, которые сохраняются против воли больного и постоянно поддерживают в нем эмоцию ужаса или страха. Если тело субъекта находится в положении ужаса, то он испытывает эмоцию ужаса.

А если это положение вызывается подсознательной мыслью, то больной сознает только одну эту эмоцию, не зная причины ее. «Я боюсь и не знаю почему», — могла сказать Люси в начале истерического припадка, когда глаза ее принимали блуждающее выражение, и в движениях проявлялся ужас. Это доказывает только, что бессознательная сфера имеет свои видения, видит людей за занавесками и приводит тело в положение ужаса. Люси не обращает на это большого внимания, потому что она лишена чувствительности. «Я плачу и сама не знаю почему, — говорила Леония, — что-то печалит меня без всякого повода, это смешно». В данном случае ее вторая личность расстроена тем, что уехала из Гавра, и вызывает слезы. «Я не знаю, почему мне грустно, — говорил мне молодой человек, страдающий меланхолическим безумием, — я все время вздыхаю». И в данном случае мы должны предположить, что имеется какая-то подсознательная мысль, которая непосредственно вызывает вздохи и косвенным путем меланхолию у несчастного больного. Нужно было бы исследовать всю психопатологию и, пожалуй, даже большую часть физической патологии, чтобы показать, какие психические и телесные расстройства могут быть вызваны мыслью, сохраняющейся за пределами личного сознания. Чтобы дать последний сложный пример этих нарушений, я позволю себе привести еще одно из моих наблюдений. Сами по себе факты всегда представляют некоторый интерес, и полезно приводить побольше описаний, даже если их толкование ошибочно.

У одного из моих субъектов, Марии, о которой я часто говорил, можно было наблюдать любопытное заболевание и выздоровление. Молодую девушку девятнадцати лет привезли из деревни в больницу, потому что ее считали сумасшедшей и почти не надеялись на ее выздоровление. Действительно, у нее бывали периоды конвульсивных припадков и бреда, которые продолжались целыми дня. После непродолжительного наблюдения легко было констатировать, что заболевание заключалось в периодических припадках, которые наступали всегда во время менструаций, причем в промежутках бывали и менее серьезные истерические припадки. Рассмотрим сначала первое: с приближением менструаций Мария становилась мрачной и злой, что совсем не было ей свойственно, и во всем ее теле появлялись

боли и нервные подергивания. В течение первого дня все шло более или менее правильно, но через двадцать часов после начала менструации внезапно останавливались, сильная дрожь охватывала все ее тело, а затем у нее начинался бурный истерический припадок. Конвульсии, хотя и очень сильные, длились недолго и никогда не имели вида эпилептических подергиваний. Скоро их сменял продолжительный бред: больная то вскрикивала от ужаса, говорила беспрестанно о крови и пожаре и бегала по комнате, как бы спасаясь от огня; то играла, как ребенок, обращалась к матери, карабкалась на мебель и производила в комнате беспорядок. Этот бред и конвульсии продолжались с короткими промежутками в течение двух суток. Затем припадок кончался кровавой рвотой, после которой больная приходила в почти нормальное состояние. После 1—2-х дней отдыха Мария успокаивалась и все забывала. В промежутках между этими сильными месячными припадками у нее наблюдались небольшие контрактуры рук или межреберных мышц, разнообразные очень изменчивые анестезии и, главным образом, абсолютная и постоянная слепота левого глаза (выше мы исследовали сущность этой истерической слепоты). Кроме того, время от времени у нее бывали небольшие припадки без сильного бреда, во время которых все тело ее принимало положение ужаса. Это заболевание, столь явно связанное с менструациями, являлось, как будто, исключительно физическим и мало интересным для психолога. Поэтому сначала я очень мало занимался этой больной. Я произвел над ней несколько опытов гипнотизма и исследовал ее анестезию, но избегал всего, что могло расстроить ее, когда приближались менструации. Семь месяцев она оставалась в больнице, причем никакие лекарства и гидротерапия не могли вызвать ни малейшего улучшения. К тому же терапевтические внушения, в частности внушения, относящиеся к менструациям, оказывали на нее плохое действие и лишь усиливали бред.

К концу восьмого месяца она стала жаловаться на свою судьбу и с отчаянием говорила мне, что чувствует, что у нее опять начнутся припадки. «Объясни мне хоть раз,— сказал я ей из любопытства,— что с тобой происходит перед припадком». — «Но вы прекрасно знаете это... Все останавливается, у меня появляется

сильный озноб и — что происходит дальше, я не знаю». Я хотел знать более точно, как начинаются и прекращаются у нее менструации. Она не ответила мне ничего определенного, так как, по-видимому, многое забыла. Я решил тогда погрузить ее в глубокий сомнамбулизм, при котором у нее могли всплыть с виду забытые воспоминания. Так мне удалось выявить у нее точные воспоминания об одной сцене, которую в нормальном состоянии она помнила очень плохо. В 13-летнем возрасте менструации появились у нее впервые, и то ли из-за ребяческой фантазии, то ли из-за подслушанного и плохо понятого разговора, но она вбила себе в голову, что это стыдно, и искала средство остановить их как можно скорее. Через двадцать часов после начала она вышла потихоньку из дома и окунулась в большой чан с холодной водой. Успех был полный: менструации сразу остановились и, несмотря на охватившую ее сильную дрожь, она могла вернуться домой. После этого она долго болела и несколько дней была в бреду. После выздоровления менструации не появлялись в течение 5 лет. Когда же они вновь наступили, то это вызвало расстройства, о которых я говорил. Сравнивая внезапное прекращение менструаций, озноб и боли, которые она описывает теперь в нормальном состоянии, с ее рассказом в сомнамбулизме, который можно было проверить косвенным путем, я пришел к следующему заключению: каждый месяц повторяется сцена с холодной ванной, вызывая прекращение менструаций и бред. Причем припадок прекращается после кровавой рвоты. Но в нормальном состоянии Мария ничего этого не знает и не понимает даже, что озноб вызывается галлюцинацией холода. Вероятно, эта сцена протекает под нормальным сознанием и вызывает все остальные нарушения в силу обратного действия.

Сделав это предположение, я попытался устранить из сомнамбулического сознания навязчивую идею, что менструации останавливаются от холодной ванны. Сначала это мне не удалось. Навязчивая идея продолжала сохраняться, а менструации, наступившие через два дня, протекли так же, как и раньше. Но я возобновил свою попытку, и мне удалось решить проблему довольно простым способом. Я внушил больной, что ей тринадцать лет, привел ее таким образом в те условия, при которых начался бред, и убедил ее, что менструации продолжались три дня и не

прерывались никаким припадком. После этого следующие менструации наступили уже правильно и продолжались три дня без болей, конвульсий и бреда.

Добившись этого результата, я исследовал другие ее припадки. Оставляя в стороне подробности психологического исследования, которое иногда было очень сложным, я сообщу лишь, что припадки страха были повторением эмоции, которую эта девушка испытала в 16 лет, увидев, как одна старуха погибла после падения с лестницы. Кровь, о которой Мария говорила в бреде, была воспоминанием этой сцены. Что же касается галлюцинации пожара, то она наступала, вероятно, в силу ассоциации идей, так как ни с чем из действительной жизни не была связана. Я внушил ей испытать вновь переживания того момента, и мне удалось, правда, не без труда, изменить мучившее ее представление и убедить ее, что старуха только поскользнулась, но не убилась: с тех пор припадки страха не повторялись.

Наконец, мне хотелось узнать причину слепоты Марии на левый глаз. Наяву она противилась этому и говорила, что на левый глаз она слепа от рождения. Но приведя ее в сомнамбулическое состояние, можно было убедиться, что она ошибается: если внушить ей, что ей всего пять лет, то у нее восстанавливается чувствительность, какая была у нее в этом возрасте, и она прекрасно видит обоими глазами. Только с шести лет она перестает видеть левым глазом. По какому поводу? Наяву Мария продолжает утверждать, что ничего не знает об этом.

Путем последовательных превращений ее личности в сомнамбулизме я заставляю ее переживать главные сцены ее жизни за это время и констатирую, что слепота начинается в известный момент из-за ничтожного случая. Ее заставили лечь спать вместе с ребенком ее возраста, у которого была *сыпь на всей левой стороне лица*. Спустя короткое время у Марии также появилась сыпь, как у того ребенка и на *той же месте*. Эта сыпь появлялась несколько лет подряд в одно и то же время и затем исчезла. Но тогда не обратили внимания, что она *потеряла чувствительность на левой стороне лица* и ослепла на левый глаз. С тех пор у нее навсегда сохранилась эта анестезия. По крайней мере, насколько я мог выяснить: в какую бы позднейшую эпоху мы ни переносили ее путем внушения, у нее всегда была та же анестезия, хотя в остальном

теле в известные моменты восстанавливалась полная чувствительность. И в данном случае я попытался излечить ее указанным выше образом: с помощью внушения я свожу ее с ребенком, которого она так боится. Внушаю ей, что ребенок очень милый и что у него нет сыпи, но она верит этому только наполовину. Но повторив опыт дважды, я добиваюсь все-таки своего, и Мария безбоязненно начинает ласкать воображаемого ребенка. Вслед за этим появляется чувствительность на левой стороне лица, и, когда я бужу ее, Мария видит левым глазом.

Прошло уже пять месяцев с тех пор, как я производил эти опыты, а у Марии не наблюдается ни малейшего признака истерии. Она прекрасно себя чувствует и очень окрепла. Ее внешний вид совершенно изменился. Я не придаю этому выздоровлению особого значения и не знаю, как долго продлится у нее такое состояние, но я считаю этот случай очень интересным для доказательства значения подсознательных навязчивых идей и той роли, которую они играют при некоторых как физических, так и психических заболеваниях. Усложним еще больше эти явления и предположим, что подсознательная личность не только проявляется перед изумленным взором больного в произвольных сокращениях, жестах и словах, повторяемых без всякого смысла, но что она действует постоянно разумным и координированным образом. Больной замечает, что его руки и ноги выполняют без его ведома и против его воли довольно сложные акты. Он слышит, как его собственный рот приказывает ему что-то или смеется над ним. Больной сопротивляется, спорит и вступает в борьбу с индивидом, который образовался в нем самом. Как он может объяснить свое состояние, что он может думать о самом себе? Не естественно ли, что он считает себя одержимым каким-то духом, что его преследует демон, который овладел его телом? Как он может сомневаться в этом, когда его вторая личность в силу господствующих суеверий объявляет себя Астартом, Левиафаном или Вельзевулом? Вера в одержимость является только популярным выражением психологической истины.

Иногда обе личности живут между собой в добром согласии и не преследуют друг друга. Некоторые женщины даже гордятся таким раздвоением личности и во всех случаях жизни любят советоваться с маленьким существом, которое, по их мнению, живет

у них в сердце или в желудке и подает им добрые советы (Делёз). «Они ведут дружеские беседы с этим сверхразумом, который их устами делает откровения» (Бертран). Эстель, знаменитая больная д-ра Деспина, ничего не начинает, не посоветовавшись «с добрым гением, которому она вынуждена повиноваться» (Пижар). «Один субъект, — говорит Шарпиньон, — никогда не отвечал на вопросы, не сказав: „Я хочу посоветоваться с другим — духом, которому поручено руководить мною“». Чаше всего вторая психика не так добра, мучает свою жертву и подает ей только дурные советы. Всем известен больной Моро де Тура, который вел столь интересные диспуты со своей «властительницей», и монахини из Лудена, мучимые разными злыми духами, в которых воплощались их страсти (Поль Рише). Иногда одним и тем же лицом овладевает несколько духов — одни добрые, другие злые, — которые вступают в борьбу между собою. «Один ребенок одержим двумя духами — добрым и злым. В свои припадках он, меняя тон, говорит от имени то одного, то другого» (Модсли).

Эти духи не ограничиваются только разговором, но и действуют также. Вот рассказ настоятельницы из Лудена, который мы раньше считали вымыслом: «Один из духов, овладевший ее телом — Вельзевул — хотел сжечь ее. Так как она не соглашалась, он бросил ее в огонь, и она была найдена в забытьи, причем голова ее почти касалась огня» (Поль Рише). Впрочем, аналогичное явление произошло почти на моих глазах. Одна особа, недовольная тем, что рука ее пишет автоматически, хватала исписанные таким образом листки бумаги и бросала их в огонь. Вторая личность пришла в ярость и конвульсивным движением бросила руку субъекта в огонь, сильно обожгла ее и затем хвасталась этим в своих автоматических писаниях. Одно из лучших описаний всех этих явлений мы находим в рассказе одного больного: «Я не могу вам объяснить, что происходит во мне в этот момент, и каким образом этот дух соединяется с моей психикой, не лишая ее сознания и свободы воли, но составляя в то же время как бы второе мое „я“. У меня как бы две души, из которых одна лишена власти над телом и его органами и должна спокойно смотреть, что делает другая, овладевшая моим телом. Оба духа борются между собою на одном и том же поле, которым является мое тело, и душа как бы разделена на две

части. Одной своей частью она является объектом дьявольских воздействий, другая же проявляет свойственные ей и данные ей Богом способности».* Наконец, всем известны эпидемии беснования, при которых можно встретить всевозможные формы нарушения психического единства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Расщепление психики, образование в одном и том же субъекте нескольких личностей, существующих одновременно или сменяющих друг друга, автоматическая деятельность этих независимых психических групп — все это не вызывается искусственно и не является странным результатом эксперимента. Это вполне реальные и естественные явления, которых эксперимент не создает, а лишь обнаруживает. В одних случаях поверхностное расщепление психики оставляет за пределами нормального сознания лишь незначительные явления, которые не способны действовать самостоятельно и повинуются сознательной мысли: они лишь усиливают или изменяют проявление нормального сознания, но не противодействуют ему. В других случаях вторая личность говорит от своего имени, объявляет себя каким-нибудь духом и открыто высказывает свои мысли. Но она может делать это только тогда, когда первая личность позволяет ей это и предоставляет ей свободу действий. Наконец, в третьих случаях аномальная группа явлений достаточно развита, чтобы привлечь к себе внимание субъекта, расстроить его и лишит свободу воли. Но во всех случаях — начиная от самого незначительного подсознательного акта вплоть до самого ужасного беснования — один и тот же психический механизм вызывает мало-помалу полное разложение психики.

В этой главе мы не старались установить новых законов, а просто наблюдали многочисленные и более сложные случаи действия старых законов. Нам кажется, что высказанных гипотез достаточно для объяснения разнообразных явлений спиритизма и импульсивного безумия, галлюцинаций и пророчеств магиче-

---

* Berillon. Dualité cérébrale. P. 102.

ского жезла. Но новые факты помогают уточнить эти гипотезы. В самом деле, в настоящей главе мы видели различие и иногда даже противоположность между чистым автоматизмом, т. е. между простым результатом прежде сложившихся синтезов и психической деятельностью настоящего момента, которая соединяет явления в новые группы и единицы. Явления, соединенные и зависящие друг от друга в первом случае, могут быть разделены и противостоят друг другу во втором. Таким образом, обе формы психической деятельности все более и более определяются и обнаруживают различные свойства.

ГЛАВА IV

ПСИХИКА СЛАБАЯ И ПСИХИКА СИЛЬНАЯ

Явление может быть естественным и в то же время быть до известной степени не вполне нормальным. Оно может наблюдаться как аномальное изменение, возникающее в силу случайных обстоятельств и не встречающееся в нормальной жизни у большинства людей. Однако соображения Клода Бернара доказали нам, что в болезненных, исключительных явлениях нет ничего нового, и что они являются лишь развитием в том или ином направлении естественных сил и подчиняются тем же законам. Прежде чем делать какие-либо выводы, нужно выяснить, насколько изученный нами автоматизм представляет собой болезненное явление, и исследовать, в каком отношении и в какой степени нормальная и, по крайней мере, с виду свободная воля отличается от этой механической и строго детерминированной психической деятельности.

1. ПСИХИЧЕСКАЯ СЛАБОСТЬ

Считать ли субъектов, поддающихся внушению, больными, или они здоровы? Этот вопрос дал повод к возникновению многочисленных споров. Одни видели в автоматических актах только проявление ярко выраженной истерии, другие думали, что явление это вполне совместимо с полным здоровьем. Первые считали сомнамбулизм истерическим припадком; вторые — формой есте-

ственного сна. По поводу явлений автоматического письма также возникли разногласия: одни видели в этом форму импульсивной идеи и безумия; другие считали это явление вполне естественным. Некоторые лица, говорят английские авторы, пишут, не сознавая этого, подобно тому как другие напевают что-то, не обращая на это внимания. Этот спор может быть разрешен только на основании длительных медицинских исследований и точных статистических данных, которых мы не можем представить. Поэтому попытаемся только показать, к какому выводу привели нас собственные наблюдения.

Первый пункт кажется нам неоспоримым: истерия является очень благоприятной почвой для развития автоматических явлений. Непонятно, почему некоторые авторы полагали, что при истерии нелегко производить экспериментальные исследования. Конечно, истерическая больная может прерывать гипнотический сеанс контрактурами или истерическими припадками. Но с одной стороны, эти припадки сами по себе очень интересные автоматические явления, а с другой — несложно избежать их, соблюдая простые предосторожности, если достаточно изучить субъекта. По моему мнению, лучшие наблюдения над сомнамбулизмом или сменяющими друг друга психиками, над внушениями, подсознательными актами и существующими одновременно психиками были проведены при исследовании истерических больных. Чтобы дать яркие примеры в этой работе я говорил только об опытах, сделанных над такими больными. Я не думаю, что сильно ошибусь, если скажу, что так же обстоит дело у большинства экспериментаторов. Несомненно, некоторые ученые — я не говорю, что все — ошибались, не находя признаков истерии у лучших из своих субъектов. Одной из главных причин этой ошибки (я могу отметить ее, ибо сам был введен в заблуждение в начале своих исследований) является то обстоятельство, что искусственный сомнамбулизм заменяет и временно уничтожает большую часть истерических симптомов. «Истерические припадки исчезают, если их заменяют искусственным сомнамбулизмом, — говорили еще ранние гипнотизеры, — но как только сомнамбулические сеансы прекращаются, припадки возобновляются». «Интересно, — говорят современные гипнотизеры, — что искусственный сомнамбулизм обуславливает исчезновение сомнамбулизма естественного...

и истерических припадков» (Жиль де ла Туре). С этой точки зрения мои наблюдения очень убедительны: достаточно трех гипнотических сеансов, чтобы полностью прекратить припадки у Люси. У Розы не было припадков, пока я гипнотизировал ее, но они возобновились, когда я прервал сеансы на время. У Леонии после целого ряда гипнотических сеансов исчезли все признаки истерии и сохранилась только способность впадать в сомнамбулизм. Истерия остается в скрытом состоянии, но ее легко узнать по нарушениям в области чувствительности, и она всегда готова проявиться при первом удобном случае, как это случилось с Леонией после прекращения менструаций.

Очень важное значение имеет также обратное наблюдение, которое, кажется, недостаточно известно: когда истерия исчезает на самом деле, а не только с виду, способность впадать в сомнамбулизм и поддаваться внушениям также исчезает. Некоторые авторы отмечают этот факт: «Лучшим признаком восстановления полного здоровья является исчезновение способности впадать в сомнамбулическое состояние» (Депин). «Должен сказать, что по мере того, как больной поправлялся, у него пропадала впечатлительность к тем приемам, к которым я прибегал» (Барети). «По мере того как здоровье восстанавливается, субъект все меньше и меньше поддается внушению» (Фонтан и Сегар). Проводя свои первые исследования над Люси, я не знал этого закона. В интересах больной и для удобства опытов я старался уничтожить симптомы истерии, но в то же время рассчитывал сохранить у нее способность впадать в сомнамбулическое состояние. Поэтому я был очень озадачен, когда констатировал, что продолжать опыты стало невозможно, так как у субъекта не наблюдалось более подсознательных действий, и он потерял способность впадать в сомнамбулизм. Нельзя сказать, что я не умел усыплять ее, так как в течение месяца почти каждый день я проделывал с ней всевозможные опыты. С другой стороны, эта особа, привыкнув к сомнамбулизму, очень охотно давала гипнотизировать себя и соглашалась на все приемы, к которым я прибегал. Но она только уставала без результата. Полный сомнамбулизм, который было так легко вызвать раньше, полностью исчез с последними симптомами истерии. Спустя полтора года она стала жаловаться на нервное расстройство, мигрени, кошмары

и т. д. Вновь появились у нее анестезии, и ее опять можно было загипнотизировать в одну минуту. Когда эти недомогания через несколько дней исчезли, она потеряла способность впадать в какой бы то ни было сомнамбулизм. Разве это не есть настоящий случай перекрестного эксперимента? Этот любопытный факт я наблюдал и у Марии. Последняя, как я говорил, была больна восемь месяцев, и за это время ее часто гипнотизировали доктор Повилевич и я. Следовательно, к гипнотическим приемам она была приучена достаточно. И вот, когда она временно поправлялась, ее невозможно было усыпить или заставить проделать даже самое легкое гипнотическое внушение. Между тем она никогда не слышала о вышеизложенном случае и была убеждена, что я могу внушить ей что угодно. Я останавливаюсь на этих фактах потому, что, по моему мнению, они имеют некоторое значение и имеет смысл противопоставить их наблюдениям других авторов, которые слишком отделяют истерию от гипноза.

Тождественность всех гипнотических явлений со всеми истерическими припадками является другим фактом, на который достаточно просто указать, так как о нем неоднократно упоминалось в этой работе. Некоторые авторы пытались сравнивать гипнотическое состояние с обычным сном. Не могу не сказать, что считаю такое сравнение натянутым. Конечно, субъект в сомнамбулизме может иметь вид спящего человека: если я внушаю Леонии, что она лежит у себя на постели, она спит и храпит в сомнамбулизме самым естественным образом. Но это ничего не значит. Субъект может иметь вид пьяного человека или человека, у которого лихорадка — станем ли мы утверждать, что сомнамбулизм — это опьянение или лихорадка? Если оставить в стороне вызванные усталостью или скукой сонливость, неглубокий сон и прочее, при которых, так же как и при бодрствовании, можно встретиться с внушаемостью, но которые не имеют никакого отношения к гипнотическому состоянию, то можно сказать, что сомнамбулизм — это прежде всего такое аномальное состояние, при котором развивается новая форма психической жизни со свойственными ей ощущениями, образами и воспоминаниями, и что эта форма в некоторых случаях остается после пробуждения и продолжает существовать под первым, т. е. обычным сознанием. Сон — это прежде всего отдых, более или менее полный

перерыв психической жизни. Во время сна — этого перерыва психической жизни — может наступить сомнамбулическое состояние, так же как и во время сомнамбулизма может наступить сон и перерыв психической жизни. Но, несмотря на возможность таких совпадений, сомнамбулизм нельзя назвать обыкновенным нормальным сном.

Наоборот, истерические явления можно сравнить с явлениями сомнамбулизма. Все истерические припадки до самых мельчайших подробностей подобны той или иной форме полного сомнамбулизма. Различные поражения, наступающие после припадка — контрактуры и параличи, можно сравнить с постгипнотическими внушениями. Все признаки истерии — анестезии и различные болезненные симптомы, сохраняющиеся в промежутках между припадками — того же происхождения, что и характерные признаки полусомнамбулизма. Внушением можно изменить характер истерического припадка, так же как и характер данного сомнамбулического состояния. Приступы конвульсий я заменял контрактурами, дрожанием или выступлением пота на всем теле. Наступление припадка у Люси я устранял, внушая ей заснуть, как только она почувствует приближение припадка. Тогда она, вместо того чтобы падать в конвульсиях, спокойно ложилась и оставалась неподвижной. Если к ней обращались, она очень уверенно отвечала: «Не беспокойте меня, г. Жане запретил мне вставать». Это продолжалось до тех пор, пока припадок не завершился. Более того, истерические припадки, подобно сомнамбулическим состояниям, меняются естественным путем в силу подражания. Три истеричных женщины, которые по моему наблюдению страдали совершенно разными припадками, были помещены в одной палате. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что у них смешались все симптомы, и у всех трех наблюдались припадки с одними и теми же движениями и бредом и одинаковым раздражением против одного и того же лица. Таким образом, в этой палате создан новый вид истерии, который позднее можно было бы считать естественным и изучать в качестве такового.

Вполне естественно, что при некоторых сомнамбулизах появляется воспоминание о припадках и что даже истерический припадок может быть замещен сомнамбулическим состоянием, ибо эти состояния аналогичны. Ранние гипнотизеры часто вы-

сказывали мысль, которой нельзя отказать в справедливости: «Лица, страдающие припадками, — несовершенные сомнамбулы». Во всяком случае, истерия является наиболее благоприятным состоянием для возникновения всех автоматических явлений.

Стоит ли останавливаться на этом положении и доказывать, что сомнамбулизм есть не что иное, как проявление истерии? Такой взгляд является преувеличением. Прежде всего, истерия — очень неопределенное, многообразное заболевание, с которым можно встретиться почти всюду и которое не может нам объяснить условий возникновения сомнамбулизма. Истерические симптомы наблюдаются не только при одной болезни. Они встречаются при всевозможных заболеваниях. Во время тифа, при анемии, даже во втором периоде сифилиса, если верить Фурнье, наблюдаются контрактуры и анестезии. Отравления алкоголем, свинцом, сероуглеродом и прочее вызывают симптомы, которые можно смешать с симптомами истерии. Было бы очень интересно исследовать истерические симптомы при обычных заболеваниях. Во всех этих случаях обычно встречаешься с возражением, будто истерические признаки появляются только у субъектов, предрасположенных к истерии из-за наследственности или в силу своих прежних заболеваний. Т. е., отравление алкоголем, или свинцом только выявляет невропатическое предрасположение. Нет ничего туманнее этого аргумента. Питр, принимая его, когда речь идет о сифилисе, отвергает, когда говорит об отравлении алкоголем и свинцом. Следовало бы доказать, что в каждом отдельном случае настоящему заболеванию предшествовала истерия. Иначе можно видеть истерию повсюду. Так оно и бывает, ибо по мере того, как область истерии расширяется, симптомы теряют свою определенность: мы уже имеем дело не с припадками и контрактурами, а со спазмами. Вместо слепоты бывает амблиопия, а вместо анестезии — простая рассеянность. В таком случае все женщины ежемесячно бывают истеричными, да и все мы проходим через стадию несомненной истерии.

Избегая такого смешения понятий и называя истерией только совокупность известных характерных признаков, следует признать, что сомнамбулизм, внушаемость и расщепление психики могут существовать и без настоящей истерии. Один врач, также занимавшийся гипнотизмом, сообщил мне, что большинство

туберкулезных очень легко впадают в сомнамбулизм, хотя у них и не наблюдается истерических симптомов. При тифе очень легко можно добиться частичной каталепсии, внушенных движений и проч., и можно было бы совершенно гипнотизировать таких больных, если бы сюда не примешивалось вполне естественное тяжелое чувство. Под влиянием опьянения алкоголем человек становится более внушаемым, чем любая сомнамбула. Исследования Моро де Тур над действием гашиша еще точнее в этом отношении. Обычный сон, который сам по себе не является гипнотическим состоянием, служит иногда очень благоприятной почвой для внушения и наступления сомнамбулизма. Период менструаций, как я наблюдал это у Люси и Марии, вновь вызывает внушаемость у женщин, которые уже перестали поддаваться внушению. Наконец, импульсы и навязчивые идеи также обуславливаются расщеплением психики и внушаемостью, хотя наблюдаются они у целой массы людей, вовсе не невротатов в точном значении этого слова. Все вышесказанное дает нам понять, почему некоторые врачи, экспериментируя в больницах над больными, очень часто добиваются наступления сомнамбулизма у субъектов, которых, строго говоря, нельзя назвать истеричными.

Следует ли из этого заключать, что сомнамбулизм и другие явления нормальны для здорового состояния? Отнюдь нет, ибо в таком случае было бы непонятно, почему больные перестают поддаваться внушению, когда чувствуют себя лучше, и почему многие вовсе не поддаются гипнозу. Пусть возьмут для опыта человек двадцать, преимущественно мужчин тридцати-сорока лет, здоровых физически и морально, без тяжелой наследственности и, не подвергая их утомительным приемам, попытаются вызвать у них сомнамбулизм или автоматическое письмо. Если бы можно было добиться подобных явлений только у половины исследуемых лиц, мы охотно бы сдались и признали, что сомнамбулизм есть нормальное явление. Но так как такой опыт не был поставлен, мы сильно сомневаемся в результате. Мы склонны думать, что явление автоматизма и расщепления психики зависят от болезненного состояния, которое заключается не в одной только истерии. При таком состоянии, кроме истерических симптомов, появляются также навязчивые идеи, импульсы, анестезии, способность писать автоматически и, наконец, впасть в сомнамбу-

лизм. «Истерия не благоприятствует гипнозу, но гипнотическая чувствительность создает благоприятную почву для истерии и других заболеваний».*

В чем состоит это болезненное состояние? Довольно трудно точно определить. Можно составить о нем только приблизительное понятие с помощью наблюдений и рассуждений. В своих исследованиях мы выяснили, что возникновение столь разнообразных автоматических явлений находится в зависимости от состояния анестезии или рассеянности. Последнее наступает под влиянием сужения поля сознания, которое обязано своим возникновением ослаблению синтетической способности и расщеплению психического целого на более мелкие группы. Состояние рассеянности и спутанности, словом расщепление психики неоднократно констатировалось у внушаемых субъектов. Рассказывая об одной истеричке, Сен-Бурден говорит, что время от времени она прерывала свой рассказ и начинала другой, совершенно забывая, о чем она только что говорила.** Все явления импульсивного безумия, по мнению Моро де Тур, берут свое начало в одном состоянии, которое он изображает следующим образом: «Неопределенность, неуверенность, спутанность, подвижность мыслей — все это является *расщеплением*, настоящим расслоением психического целого в силу раздвоения и изолированности мыслей и молекул, соединение которых создавало полное и гармоничное целое»***

Однако этот автор, по моему мнению, выражается неточно, ставя само состояние расщепления в зависимость от состояния возбуждения. «Для объяснения безумия нужно наличие возбуждения, как источника всех бредовых явлений и частичного расщепления психики». Здесь вопрос терминологии, но я думаю, что это также имеет значение: расщепление психики есть не возбуждение, но депрессия или ослабление. Вполне естественно думать, что умалишенные и истерики возбуждены, когда они кричат и галлюцинируют вслух. Но это происходит потому, что такие больные не могут справиться со своими мыслями и легко поддаются всем впечатлениям, которые последовательно вызы-

---

* Ochorovicz. Suggestion mentale, 255.

** Saint-Bourdin. Catalepsie, 93.

*** Moreau (de Tours). Haschich, 36.

ваются в их мозгу автоматической игрой ассоциаций. Ослабление синтетической способности позволяет представлениям отделяться от одного центра и группироваться вокруг многих неодинаковых центров. Некоторые наблюдения доказывают наличие подобной, физической или психической слабости у субъектов, у которых наблюдаются автоматические действия. «Аббат Фария заметил, что слабость имеет значение при гипнотическом сне и что благодаря потере известного количества крови делались сомнамбулами лица, у которых до того не было к этому ни малейшего предрасположения».* Первые исследователи, занимавшиеся описанием истерии, наблюдали, что она появляется часто благодаря обильным кровотечениям. Доктор Жибер рассказывал мне, что сильные кровотечения вызывали у больной конвульсивную истерию. Вместе с Фере можно сказать, что «истеричные временно страдают психическим ослаблением или параличом».** Таким образом, становится более понятным то, что туберкулез, тиф, вторая стадия сифилиса и даже некоторые отравления вызывают анестезии и способность впадать в сомнамбулизм и совершать автоматические действия просто потому, что они ослабляют субъекта как с психической, так и с физической точки зрения и делают его неспособным соединять свои ощущения в синтезы.

Можно, пожалуй, проверить это предположение обратным путем, т. е. рассматривая явления, наступающие вслед за исчезновением некоторых автоматических состояний. Для исцеления истерии достаточно иногда заставить субъекта есть или спать. Известно, что истерики, как и анемичные, не едят и не усваивают пищи, что является одновременно причиной и следствием их заболевания: если удастся тем или иным путем заставить их есть и спать, то они просто преобразуются. По мнению Бони, гипнотический сон сам по себе прекрасно восстанавливает силы. «Гипнотический сон, — писал Депин, — имеет неоспоримые болеутоляющие свойства»*** Я оставил Розу в течение четырех с половиной дней в сомнамбулизме с приказанием вставать только для того, чтобы есть, и есть много. В первый день у нее были еще припадки,

---

* Gille de la Tourette. Hypnotisme. P. 20.

** Féré. Sensation et mouvement. P. 21.

*** Despine. Somnambulisme. P. 251.

несмотря на то, что она была в сомнамбулизме. На второй день она была очень спокойна, на третий — могла двигать ногами и у нее восстановилась некоторая чувствительность. Когда же я разбудил ее, она казалась почти здоровой. Но, к сожалению, такое состояние длилось у нее всего несколько дней, и она вскоре вновь заболела, хотя и не так сильно. Из этих наблюдений следует, что бывает особенная психическая слабость, в силу которой субъект не способен соединять, концентрировать, *усваивать* психические явления. Подобно тому как в случаях слабого усвоения пищи говорят о физической слабости, мы предлагаем это душевное заболевание называть психической слабостью.

Иногда эта психическая слабость бывает очень длительной, причем психика такого субъекта не соответствует его возрасту и количеству ощущений и образов, содержащихся в его памяти. У него имеются очень тонкие ощущения и богатая память, в которой хранятся все образы прошедшего и все созданные раньше психические системы. Но способность его координировать все свои ощущения и образы не превосходит способности ребенка или идиота. Поэтому он и не знает, что ему делать со всем своим психическим богатством. Такой истеричный больной не в состоянии управлять своими ощущениями и воспоминаниями и дает им действовать, как им заблагорассудится. Его можно сравнить с посредственным администратором большого завода, который забывает свои обязанности и позволяет служащим и машинам работать без надзора. При подобном состоянии становятся возможными все истеричные припадки как результат автоматизма психических элементов. Чрезвычайная изменчивость истерических симптомов обуславливается также психической слабостью, в силу которой автоматическая игра психических элементов принимает самые разнообразные формы. Наконец, остается еще отметить, что припадки истерии или, иначе говоря, проявление автоматизма можно в любой момент легко изменять, потому что сознание субъекта в силу своей слабости обладает *необычной пластичностью*.

Устранить личное сознание, которым субъект располагает в данный момент, и заменить его другим — не очень трудно, так как данная форма сознания является лишь неустойчивой совокупностью небольшого количества психических элементов, взятых

почти наугад из целого ряда других элементов, которые также стремятся проявляться и действовать. Этого второго сознания или сомнамбулизма можно добиться двумя способами: 1) либо устраняя первую психическую систему, действующую в настоящий момент. Сон или утомление от продолжительного фиксирования внимания на чем-либо являются благоприятными условиями для того, чтобы другие, раньше разрозненные психические элементы сгруппировались около нового центра и выступили на первый план; 2) либо вызывая у субъектов, у которых второе сознание проявляется уже в виде припадков сомнамбулизма или галлюцинации, один из элементов этого нового сознания, скрывающегося под нормальным. Достаточно было упомянуть о каких-либо гадах или лягушках в присутствии Людовика V. или одной больной д-ра Питра, чтобы вызвать у них истерический припадок. Достаточно сложить руки Люси в положение, выражающее ужас, чтобы вызвать у нее сильный истеро-эпилептический припадок. Последний пример тем более любопытен, что Люси, страдающая анестезией, не сознает положения своих рук и что, следовательно, в данном случае действует только подсознательная сфера. Достаточно надавить истерогенные пункты, т. е. вызвать одно из припадочных ощущений, чтобы наступил конвульсивный припадок. Также достаточно назвать кого-либо из вышеописанных субъектов именем, каким я называл их во время сомнамбулизма, чтобы вызвать полусомнамбулическое состояние, а затем и полный сомнамбулизм. Наконец, если угодно, можно вновь вызвать у субъекта те психические элементы, которые образуют его нормальное сознание, и таким образом переводить его из одного состояния в другое.

Благодаря такому легкому доступу в подсознательную сферу психики можно изменять все припадки субъектов, у которых наблюдаются автоматические действия. Можно ли избавить их таким путем от припадков? До известной степени — да, так как уничтожить контрактуру или устранить паралич в некоторых случаях относительно легко. Но устраняется ли этим само состояние психической слабости, которая является источником и причиной всех припадков и которая через несколько месяцев или несколько дней может вызвать аналогичные проявления? Я этого не думаю. Лучшим доказательством того, что это болезненное психическое

состояние еще длится, является то, что субъект по-прежнему впадает в сомнамбулизм и обнаруживает внушаемость. Если можно вылечить человека с помощью внушения, — значит, он еще болен. Что является источником этой постоянной психической слабости? Очень часто она наследственна. Ведь, богатство и бедность передаются по наследству не только материально. Быть может, это происходит от ослабления организма после некоторых заболеваний или от других еще неизвестных нам психических причин. Я не думаю, что можно, за исключением весьма редких случаев, устранить посредством внушения само состояние психической слабости, которое является главным условием внушаемости. Только совместная работа врачей и психологов позволит, быть может, в будущем лучше понять и лечить это болезненное состояние.

Это же состояние психической слабости, источник психического расщепления и навязчивых идей, может наблюдаться в другой форме и приводит к несколько иным результатам: оно может быть не конституциональным и постоянным, а случайным и преходящим. У женщины, обладающей обычным здоровьем и нормальной чувствительностью, появляется иногда раздражительное состояние и слабость, а вместе с ними рассеянность, систематизированная анестезия и характерная внушаемость. Человек, который обычно противостоит любой ложной идее, может стать внушаемым и доверчивым в состоянии утомления или опьянения. Истощение от сильного напряжения внимания или продолжительной умственной работы часто приводит к тем же результатам. Одной из самых любопытных и частых причин временной психической слабости является также эмоция, природа которой до сих пор так мало известна. Под влиянием какой-либо эмоции, как известно, люди делаются рассеянными, или у них появляются на более или менее короткое время анестезии. Хэк Тьюк приводит много случаев, когда люди становились слепыми или глухими под влиянием сильной эмоции.* Я сам констатировал, что у больных истерией, находящихся на пути к выздоровлению, любая внезапная эмоция вызывает анестезию. Словом, эмоция расщепляет психику, ослабляет синтетическую способность человека и делает его на время психически слабым.

---

* Hack Tuke. Le corps et l'esprit. P. 109.

Каковы же результаты этой случайной слабости? Они весьма различны в зависимости от условий: если в данный момент больной не испытывает никакого аномального ощущения или не будет поражен какой-нибудь *необычной* мыслью, то он очень скоро поправится, сохранит слабое воспоминание об этом случайном состоянии или совершенно забудет о нем и в течение остальной жизни будет совершенно нормален и рассудителен. Но если, к несчастью, в психику субъекта проникает новое опасное впечатление в тот момент, когда он неспособен противодействовать ему, оно примыкает к группе аномальных психических явлений, развивается там и уже не изглаживается. В то время как неприятное воспоминание у здорового человека *обычно* быстро исчезает из памяти, слабая психика тщетно пытается снова восстановить свою власть, — навязчивая идея, как ядовитое семя, развивается в той части сознания, на которую сам субъект не может оказывать влияния, действует подсознательно, вносит расстройства в сознательную психику и вызывает все припадки истерии или безумия. В больницу привезли девушку 17 лет, у которой появились припадки страха под влиянием того, что ее однажды в период менструации преследовал на улице какой-то незнакомец. Мария во время менструации наделала глупостей, которые оставили глубокий след на всю жизнь. Примеров такого рода очень много. Вот более редкий случай: «Один монах 40 лет, находясь в гостях и выпив лишнего, проглотил печать от письма. Когда один из присутствующих в шутку сказал ему: „Теперь у вас кишки запечатаны“, — он впал в меланхолию и через два дня стал отказываться от всякой пищи: он был убежден, что не может есть, и умер из-за этой нелепой мысли».* Также молодой человек, о котором я упоминал выше, испытывает импульсивное желание перерезать себе бритвой горло, когда в момент психической слабости и расщепления психики прикасается к бритве. Вот почему навязчивые идеи этих несчастных больных зависят от их профессии, от случайно прочитанных книг или услышанных слов. «Действительность определяет формы безумия, но воспринятые из внешнего мира идеи не создают ни безумия, ни предрасположения к нему. Они не объясняют этого нервного состояния, этой

---

* Erasme Darwin. Zoonomie. IV. P. 77.

психической и физической повышенной чувствительности, которую наследственность положила в основу их существа и которая в конце концов уничтожает разум и сознание человека». * Никто не объяснил лучше Моро де Тур это состояние временной психической слабости, характерной для начала безумия. «Навязчивая идея, — повторяет он постоянно, — не появляется без всякой причины. Это результат глубокого и радикального изменения всей психики. Смешивать навязчивую идею с заблуждением — значит впасть в огромную психологическую ошибку. Сумасшедший не ошибается — он действует в другой интеллектуальной сфере, которая отличается от нашей и которую нельзя исправить, подобно тому как обычное сознание наяву не может исправить наших снов. *Навязчивые идеи являются отрывками грез, которые продолжаются наяву* Это частичный сон... *Навязчивая идея есть продукт интеллектуального разложения — продукт, не исчезающий даже тогда, когда разложение прекратилось и когда психика, так сказать, восстановилась в своем целом. Она главная мысль сновидения, которая пережила породивший ее сон*». ** Нельзя лучше выразить действительное положение вещей, и мы в своем исследовании расщепления психики и сохранения идей в подсознательной сфере желали только проверить и подкрепить теорию великого психолога-психиатра.

Другим характерным свойством этих навязчивых идей при временном расщеплении психики является то, что влиять на них и изменять их довольно трудно. Можно делать все, что угодно, с сознанием больной истерией, потому что *в данное время* она находится в состоянии психической слабости, которое делает ее податливой. Но менять таким же образом психику безумного нельзя, так как *обычно* мы изучаем его в тот период, когда его бред уже сложился и психика находится в состоянии устойчивого равновесия, которое нарушить невозможно. Чтобы добиться успеха, нужно постараться привести субъекта в то психическое состояние, при котором у него начался бред. Можно, например, попытаться вторично опьянить больного, о котором рассказывает Эразм Дарвин, и посмотреть, нельзя ли получить власть

---

* Moreau (de Tours). Psychologie morbide. P. 126.

** Moreau (de Tours). Haschich. P. 123.

над его навязчивой идеей. Иногда можно выждать наступление одного из тех периодических состояний, при котором у больного зародились бредовые идеи. Как бы там ни было, я думаю, что патологическая психология может оказать большую услугу в деле лечения психических заболеваний.

После всех наших исследований автоматической деятельности психики невольно возникает вопрос, созданы ли эти явления самой болезнью. На это можно теперь ответить, что они не характерны для какого-нибудь определенного заболевания, а являются просто результатом известной слабости, которую мы назвали *психической слабостью*. Как бы различно ни проявлялась болезнь — заставляют ли такие субъекты говорить столы и вызывают душу Гутенберга, открывают ли больницу для больных собак и читают лекции против вивисекции, страдают ли контрактурами и конвульсиями, — все это не меняет их заболевания и не создает новых психических явлений. Эти лица в силу своей психической слабости и психического истощения просто не оказывают сопротивления автоматической смене ощущений и образов.

2. НИЗШИЕ ФОРМЫ НОРМАЛЬНОЙ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Если автоматические явления возникают лишь на почве психической слабости, то они должны наступать как у нормального человека, так и у больного. Но у последнего эти явления полностью занимают поле сознания, у первого же они замаскированы другими более сложными явлениями. И у богатого, и у бедного есть хлеб и вода, но у первого кроме того есть еще кое-что другое. Здоровый человек обладает автоматическими способностями больного, но у него имеются и другие высшие способности. Рассмотрим вкратце те явления нормальной жизни, которые аналогичны изученным нами выше и подчиняются одним и тем же законам. Хотя обычно поле сознания позволяет нам соединять в личном восприятии довольно большое число сознательных явлений, бывают иногда такие моменты, когда мы уподобляемся внушаемым и галлюцинирующим субъектам. В момент исчезновения сознания перед сном или в момент появления его после сна

сознание проходит неизбежную стадию естественного сужения. Это момент *грез*: каждый образ, зарождающийся в сознании отдельно, определяется слабо. Он недостаточно ярок, чтобы вызвать движение, но вполне развит, чтобы казаться внешним и объективным, как галлюцинации.

Подобно внушаемой сомнамбуле, сновидящий не удивляется и не сомневается в том, что видит. Он без сопротивления подчиняется автоматическому влиянию тех элементов, к которым сведено все его сознание. Легкий звук, слабый свет, складка на простыне, положение тела — все вызывает галлюцинацию. То или иное положение, способное выразить какую-нибудь эмоцию или страсть, дает сновидению определенное направление, как при настоящем автоматизме. Также в нас, даже наяву, протекают психические процессы, которые полностью ускользают от нашего внимания. Такими актами, протекающими вне личного восприятия, являются физиологические функции, целесообразность которых никто не отрицает, хотя и неизвестно, кому следует приписать эту разумность органов. Быть может, «каждая жизненная функция сохраняет бессознательное воспоминание: сердце учится биться, а легкие — дышать».* «Может быть, у нас есть целое множество спинальных или ганглиозных душ, которые способны подчиняться привычке и воспитанию и руководят каждой физиологической функцией».** «Быть может, в спинном мозгу человека есть реальные существа большей духовной ценности, чем душа лягушки».**.* Хотя эти гипотезы и кажутся нам правдоподобными, они слишком выходят за пределы сделанных нами наблюдений, чтобы разбирать их в настоящей работе по экспериментальной психологии. Упомянем лишь о наиболее известных явлениях, которые развиваются автоматически без участия личного сознания: таковы *рассеянность, инстинкт, привычка и страсть*.

Мы называем субъекта рассеянным, когда он не видит или не слышит того, что должен был видеть или слышать. Либо, когда он бессознательно совершает действия, которых не сделал бы, если бы сознавал их. Человек, серьезно занятый чем-либо,

---

* Liébault. Du sommeil. P. 137.

** Dr. Philips. Cours de braidisme. P. 104.

*** Lotze. Psychologie physiologique. P. 144.

будет гнать муху со лба, не чувствуя ее, отвечать на вопросы, не слыша последних, или, подобно *Бирону*, имевшему привычку класть в рот куски пергамента, уничтожит важный торговый договор, не замечая этого.* Кто не слышал о субъектах, которые, разговаривая за столом, наливают без конца воду в стакан или кладут в чашку сахар, пока не наполнят ее. Таких анекдотов очень много.

У больных мы отметили два характерных свойства: систематизированную анестезию и подсознательные действия. У здорового человека состояние рассеянности наступает от различных причин: иногда оно проявляется, как у больных, под влиянием сужения поля сознания от усталости или полусна; иногда же рассеянность может появиться и от чрезвычайного напряжения мысли, от сильного сосредоточения внимания, которое, *не сужая собственного сознания*, только перемещает его поле. «Я, — говорит Мэн де Биран, — почти всегда нахожусь в связи с собой, но я слишком много гляжу в себя, чтобы быть в состоянии видеть хорошо вовне». В том и другом случае некоторое количество психических явлений предоставлены самим себе и развиваются по законам собственного автоматизма.

При таких условиях иногда появляются даже галлюцинации, и субъект слышит в звоне колоколов членораздельную речь, видит лиц, о которых думает, или же делает неожиданные жесты и громко разговаривает. Все эти психические рефлексy имеют важное значение в поведении и внешнем облике самого нормального человека. Такого же рода психической деятельности нужно приписать и инстинктивные акты, которые наблюдаются у человека довольно редко, но имеют весьма важное значение в животном мире. Нельзя думать, что инстинктивное действие совершенно лишено сознания и является чисто механическим актом. Но нельзя также считать его разумным и волевым. Это, по выражению Лемонья, нечто среднее между движением грубой материи и человеческой волей. Инстинктивный акт близок к действиям, которые вызваны внушением: подобно тому как последние являются лишь выражением восприятия, инстинктивный акт также совершается под влиянием восприятий, которые

---

* Garnier. Facultés de l'âme.

у животного бывают сознательными и даже образуют всю его психику, у человека же, занятого высшими психическими процессами, — подсознательными.

Автоматическая деятельность человека обнаруживается в *привычке и памяти*. Наши воспоминания и привычки вызывают ряд действий, которые мы скорее констатируем, чем сознательно производим, и которые находятся часто за пределами нашего сознания и всегда — вне нашей воли. Сознательность этих явлений не уничтожена, ибо мы можем вновь начать сознавать все, что хранится в нашей памяти или что мы совершаем по привычке. Эти процессы лишь оставлены нами без внимания как бы потому, что они могут протекать без ущерба, будучи предоставлены самим себе. «Привычка, — говорит Жюффруа, — будто притупляет или иногда изощряет орган. На самом же деле она не притупляет и не изощряет его. Орган остается тем же, и в нем возникают те же ощущения. Но когда последние интересуют психику, она старается разобраться в них. Когда же они ее не интересуют, она привыкает не обращать на них внимания и не разбирается в них».* Эти ощущения, которые предоставлены нами памяти и привычке, бывают иногда даже яснее сознательных мыслей. Так, например, чтобы вспомнить, как пишется какое-нибудь слово, мы часто даем руке писать автоматически — приблизительно так, как делает это медиум, задавая вопросы духу. Это забывание явлений, предоставленных автоматической памяти, позволяет нам сознательно думать о другом, в то время как первые протекают совершенно правильно без нашего участия.

«Я видел однажды, — пишет Эразм Дарвин, — молодую артистку, которая в присутствии своего учителя пела с большим вкусом и изяществом, аккомпанируя сама себе на рояле. В это время на лице ее появилось печальное выражение, причину которого я не мог себе объяснить, и в конце концов она разразилась слезами. Только тогда я узнал, что во время пения она все время смотрела на своего чижики, которого очень любила, и что в этот момент он в сильных мучениях умер в своей клетке».** Сколько здесь одновременных разумных актов: не говоря уже о дыхательных

---

* Jouffroy. *Melanges philosophiques*. P. 229.

** Erazme Darwin. *Zoonomie*. I. P. 332.

движениях и сердечных ударах, которые продолжались все это время, так как ведь эта особа одновременно пела, аккомпанировала себе на рояле, брала обеими руками разные ноты и в то же время всей своей сознательной психикой следила за агонией чижика. Медиумы и сомнамбулы не проявляют ничего более сложного. Легкость, с которой мы благодаря привычке выполняем разумные акты без участия личного восприятия, позволяет нам идти вперед и пользоваться нашим разумом для более сложных действий: наличие психического автоматизма является условием нашего духовного прогресса.

Исследование привычки так неизбежно приводит к существованию автоматических и подсознательных актов, что многие авторы для объяснения привычки обязательно пользуются гипотезой о двух одновременно существующих личностях. Изложение этой гипотезы Кондильяком особенно интересно для нас. «Таким образом, — говорит он, — в каждом человеке содержится как бы два „я“: одно из них действует под влиянием привычки, другое — рассудка. Первое — ощущает, видит и руководит всеми животными функциями, предохраняя организм от всяких неожиданностей и непрестанно наблюдая за его целостью. Второе „я“, предоставляя первому все житейские мелочи, заботится об увеличении нашего благополучия, причем желания его растут по мере увеличения достижений. У первого „я“ под влиянием внешних впечатлений возникают идеи, потребности и желания, которыми и обуславливаются движения тела, необходимые для самосохранения. А второе „я“ возбуждается всем тем, что, вызывая наше любопытство, побуждает нас увеличить свои потребности. Но, хотя каждое из них стремится к своей особой цели, очень часто они действуют одновременно. Например, когда математик очень занят решением какой-нибудь задачи, внешние предметы продолжают еще действовать на его органы чувств. „я“, действующее под влиянием привычки, подчиняется внешним впечатлениям и руководит движениями этого человека, идущего по улицам города, и избегает препятствий, в то время как рассудочное „я“ всецело занято решением задачи... „я“, действующее по привычке, вполне исправно удовлетворяет потребности, необходимые для самосохранения животного... Та доля рассудка, которой мы обладаем сверх наших привычных актов, и состав-

ляет наш разум».* Эти рассуждения в данном случае, конечно, только метафора, ибо сознательные явления, развивающиеся автоматически в привычных актах, у нормального человека не складываются в систему и не образуют второго «я», как в полусомнамбулизме. Но все-таки из предыдущего изложения видно, что в рассуждениях Кондильяка больше истины, чем в банальном мнении, согласно которому автоматические и привычные явления — простые физиологические движения.

Наиболее любопытным проявлением психического автоматизма нормального человека является страсть, которая очень напоминает внушение и импульсивные акты, и которая, уничтожая наше самолюбие, ставит нас на один уровень с психически больными людьми. Страсть в собственном смысле этого слова, увлекая человека против его собственной воли, очень похожа на безумие как по своему происхождению, так и развитию. Всякий знает, что страсть не подчиняется человеческой воле: недостаточно захотеть, чтобы полюбить. Наоборот, волевое усилие, рассуждения и анализ вместо того, чтобы вызывать непреодолимую и слепую любовь, неизбежно удаляют нас от нее и порождают совершенно противоположные чувства. Напрасно мы будем сознательно возбуждать в себе чувство ревности и считать эту страсть полезной или необходимой — испытать ее мы не сможем. Далее, нужно отметить, что страсть мы можем испытывать лишь в известные моменты, когда находимся в особом состоянии. Обычно говорят, что любовь есть такая страсть, которой человек всегда подвержен и которая может захватить его в любой момент его жизни от 15-ти до 75 лет. По-моему, это неверно: человек не способен влюбляться в любой момент в течение всей своей жизни. Когда человек физически и духовно здоров и вполне владеет собою, он может находиться в самых благоприятных условиях для возникновения в нем страсти и все-таки не испытает ее. Желания его, будучи рассудочны и подчинены воле, увлекут его лишь настолько, насколько он сам захочет повиноваться им, и исчезнут тотчас же, если он пожелает избавиться от них. Наоборот, если человек душевно разбит, если вследствие физической усталости или чрезмерной умственной работы, или после сильных потря-

---

* Condillac. Traité des animaux. 1798. III. P. 553.

сений и горя он истощен, печален, рассеян, робок, неспособен собраться с мыслями, словом, подавлен — он влюбится или же его захватит какая-нибудь другая страсть при первом удобном случае. Романисты-психологи прекрасно понимают это: любовь их героев начинается не в моменты веселья, бодрости и нормального здоровья, а в периоды печали, тоски и слабости. В последнем случае достаточно самого ничтожного пустяка: какое-нибудь лицо, жест или слово, которые до того не производили на нас никакого впечатления, вдруг поражают нас и становятся исходным пунктом длительного любовного заболевания.

Более того, если то, что не производило на нас никакого впечатления, когда дух наш был неуязвим, и оставляло нам лишь незначительное воспоминание, вновь появляется в момент болезненной восприимчивости, то этого недостаточно, чтобы старое зерно, попав теперь на благоприятную почву, стало развиваться и расти. Сначала наступает, как при всех инфекционных заболеваниях, период инкубации: новая идея появляется иногда в смутных грезах ослабленного сознания и затем как будто исчезает на несколько дней, давая психике возможность восстановить нарушенное равновесие. Но в это время идея совершает подпольную работу и становится настолько сильной, что вызывает ряд движений, происхождение которых неизвестно нашему личному сознанию. Какого же должно быть удивление разумного человека, когда он вдруг находит себя под окнами своей милой, куда пришел, не замечая этого, или когда в разгаре своей работы он слышит, как губы его беспрестанно повторяют одно и то же имя! Прибавим, что всякая идея вызывает выразительные изменения во всем теле, которые не всегда заметны для постороннего наблюдателя, но всегда доходят до сознания самого субъекта благодаря мышечному и тактильному ощущениям. Как велико должно быть ослабление нашей психики в тех случаях, когда мы чувствуем, что отщепившаяся и вышедшая из повиновения часть нашей психики совершает действия против нашей воли! Такова в общих чертах действительная страсть, не идеализированная фантастическими описаниями.

Эти же свойства мы находим и у любой другой страсти. Для удобства описания мы возьмем совершенно особую и хорошо известную эмоцию — эмоцию страха. Если субъект здоров, весел

и разумен — он не труслив и рассказываемые истории или окружающие опасности оцениваются им спокойно и хладнокровно: он защищается или принимает всякие предосторожности; словом, он рассуждает, но не боится. Если же субъект болен, слаб или печален, то ноги его сами начинают бежать, сердце сильно бьется, лицо вытягивается, и он готов смотреть под кровать и двадцать раз запираться дверь: он чувствует томительный страх и непреодолимый трепет. Возьмем другую страсть — страсть к табаку у курящего. В одной статье Дельбёфа мы находим рассказ одного субъекта, который имеет ценность психологического документа: «Коробка с табаком стоит на некотором расстоянии от меня, на своем обычном месте. Я чувствую, как она притягивает меня. Вдруг я встаю и бессознательно направляюсь к ней. Тут я замечаю свою слабость, вновь сажусь и принимаюсь за чтение. Но вот рука моя машинально опускается в карман и достает оттуда портсигар. В досаде на самого себя, я сердито кладу портсигар на место».* Страсть, как и внушение, навязчивая идея или импульсивное безумие, не является заблуждением, ибо последнее находится в области личного сознания и может быть разрушено им же, тогда как страсть лежит вне личного сознания, и никакие доводы последнего не могут уничтожить ее. Напрасно нам будут доказывать самым неопровержимым образом, что наша любовь — нелепа или страх — смешон. Мы, пожалуй, убедимся в этом, но все-таки не перестанем любить или испытывать страх. Страсть исчезает иногда просто вследствие истощения ее или же после удовлетворения ее, когда навязчивая идея приводит, наконец, к соответственному акту. Она может исчезнуть также после нового возбуждения, которое снова действует на все сознание и снова позволяет нам овладеть вышедшими из повиновения мыслями.

Не является ли это краткое описание страсти точным воспроизведением того, что мы столь часто наблюдали у безумного или же у истеричного субъекта, действующего под влиянием внушения? У последних при временной психической слабости в сознание внедряется какая-либо посторонняя мысль, которая не является частью их суждений или воли; эта мысль развивается без ведома самого субъекта, против его желания и заставляет его

---

* Delboeuf. Le sentiment de l'effort. Rev. philos. 1882. II. P. 516.

совершать акты, о которых он иногда даже не подозревает, иногда же сознательно продолжает сопротивляться им. Но в любом случае действия эти всегда остаются чуждыми субъекту. Право, нам нет нужды самим употреблять гашиш, как делал Моро де Тур, чтобы знать, что такое безумие: кто может похвастаться, что никогда не был сумасшедшим?

Это подсознательное влияние некоторых идей на эмоцию так очевидно и так доступно наблюдению, что оно дало повод к возникновению целой массы общеизвестных выражений: борьба «двух личностей», владеющих нашим сердцем, была описана во всех религиях и философиях. Остроумный автор в минуту отдыха от своего великого сочинения «Путешествие вокруг комнаты»⁴⁰ дал прекрасное описание «системы души и животного», и я не могу отказать себе в удовольствии привести его: «Благодаря различным наблюдениям, — говорит он, — я заметил, что человек состоит из души и животного. Эти два существа совершенно различны, но так заключены одно в другом или одно на другом, что для того, чтобы различать их, нужно, чтобы душа обладала некоторым превосходством над животным... Прошлым летом я однажды отправился во дворец. Целое утро я рисовал, и душа моя, размышляя о живописи, предоставила другой части моего существа (животному) доставить меня во дворец. Какое высокое искусство живопись — думала моя душа — счастлив тот, кто понимает красоты природы. В то время, как душа моя размышляла таким образом, *другой* (животное) шел своей дорогой, и Бог знает куда он шел! Вместо того, чтобы идти по направлению к дворцу, он (животное) свернул налево и в тот момент, когда душа моя спохватилась, он стоял уже перед дверью м-ль Окастель в полумиле от дворца. Я предоставляю судить читателю, что случилось бы, если бы вторая половина моего существа (животное) вошла одна к такой прелестной даме! Обычно я предоставляю животному заботиться о моем завтраке, поджаривать мне хлеб и резать его на кусочки. Оно чудесно готовит кофе и даже пьет его без участия моей души, если только последняя не забавляется, глядя на его работу. И вот, однажды я положил щипчики на горячие уголья, чтобы поджарить себе хлеб, но в то время, когда душа моя путешествовала где-то, горячий уголек покатился по очагу — бедное животное схватило горячие щипцы и... я обжег себе пальцы».

Приведу еще эпизод с портретом м-ль Окастель: «Ба, моя рука машинально берет портрет м-ль Окастель, и *другой* (животное) забавляется, сдувая пыль с него. Это занятие доставляет ему удовольствие, которое разделяет и моя душа, хотя последняя и витала до сих пор где-то в поднебесных пространствах... Все лицо как будто преобразилось и вышла из небытия. Моя душа упала с неба, как падающая звезда. *Другого* (животного) она застала в восхитительном экстазе, который она еще увеличила своим участием...» Еще одна цитата: «Прекрасный человек этот Джонетти (слуга): он уже привык к частым путешествиям моей души и никогда не смеется над безрассудствами второй половины моего существа (животного). Иногда он даже руководит его движениями, так что можно было бы сказать, что животное управляется двумя душами. Например, когда оно одевается, Джонетти дает мне знать, что оно собирается надеть чулки наизнанку или пиджак раньше жилетки. Моей душе часто любопытно было смотреть, как бедный Джонетти догонял этого сумасшедшего, чтобы сказать ему, что он забыл свою шляпу, платок или шпагу». Я не мог бы дать лучшее описание автоматизма наших мыслей при рассеянности, привычных действиях или в моменты эмоций. Останавливаться дольше на этих явлениях значило бы повторять прежние исследования, так как они очень напоминают те факты, которые были рассмотрены нами при сомнамбулизме и нервных заболеваниях.

3. СУЖДЕНИЕ И ВОЛЯ

Нормальный человек отличается от индивидов с ослабленной психикой тем, что сверх автоматической деятельности, присущей всем людям, он обладает еще другой формой психической деятельности. Автоматизм заполняет всю жизнь субъектов, поддающихся внушению в состоянии психической слабости. У нас же он проявляется только в простых, привычных поступках или при вспышках страсти, да и в таких случаях дополняется и управляется волей. Нам нет нужды изучать саму сущность высшей или волевой психической деятельности. Достаточно лишь констатировать ее существование и показать, чем она отличается от других форм психической деятельности, изученной нами выше.

Очень трудно не только объяснить сущность воли, но даже узнать и описать волевой акт, ибо психологи далеко не согласны между собою относительно признаков, характеризующих такой акт. Часто приводят следующее определение: «Разница между произвольным и непроизвольным движением, — говорит Спенсер, — заключается в том, что непроизвольное движение наступает без всякого сознавания, предшествующего данному движению. Движение же волевое возникает только после того, как представление о нем возникло в сознании субъекта».* «Наша субъективная оценка волевого движения, — пишет Вундт, — обуславливается тем, что в нашем сознании ему предшествует какое-либо ощущение, которое мы и считаем внутренней причиной движения».** То же самое высказывают и многие физиологи, говоря, что волевому акту просто предшествует в сознании представление о том движении, которое нужно выполнить. Если принять это определение, то все движения, выполняемые живым существом, можно считать волевыми. Как доказали наши предыдущие исследования, даже сомнамбулы и каталептики не совершают ни одного действия, которому бы не предшествовало представление или, вернее, которое не сопровождалось бы представлением о действии, которое нужно выполнить, так как именно это представление и вызывает действия или движения.

Можно ли сказать, как это делает Дельбёф или Роман, что между представлением и актом, который за ним следует, протекает больше времени, когда дело идет о волевом акте, и меньше — когда дело идет об автоматическом действии, и следует ли считать волю лишь колебанием в ту или другую сторону? По этому поводу достаточно заметить, что некоторые явно автоматические акты, как, например, те, которые внушают сомнамбулам, могут выполняться очень медленно в силу противодействия, которое они встречают со стороны других противоположных представлений. Колебание происходит просто от борьбы многих противоположных друг другу представлений, пока какое-нибудь наиболее сильное представление не одержит верх. Причем такую борьбу можно наблюдать как в автоматических, так и волевых актах.

---

* Spenser. Psychologie. I. P. 539.

** Wundt. Psychologie physiologique. I. P. 23.

Большинство психологов придерживаются известной теории о чувстве усилия: при волевом акте — говорят они — мы испытываем особое чувство, чувство усилия, которое не наблюдается ни при каком действии иного характера. Еще в XVIII в. Рей Режи говорил: «Если бы моя рука двигалась под влиянием какой-либо посторонней причины, то я не чувствовал бы усилий моей души, подобно тому как я не чувствую их, если кто-нибудь с моего согласия двигает мою руку. Опыт показывает, что в тех случаях, когда другое лицо двигает мою руку или когда я сам поднимаю ее, я испытываю нечто совершенно различное — особенно, если я держу в руке что-нибудь тяжелое». Известно, что Мэн де Биран, а позднее и многие другие философы основывали свою философию на этом особом чувстве усилия. Со своей стороны, я не думаю, что после исследований В. Джемса, которые до сих пор не опровергнуты, следует оспаривать эту теорию. Особое чувство, о котором говорит Рей Режи, является совокупностью мышечных ощущений, существующих при всех как произвольных, так и непроизвольных движениях. Но эти мышечные ощущения приобретают совершенно особый оттенок, когда мы сами поднимаем руку или когда держим какой-либо предмет.

Однако, скажут нам, это усилие необходимо перед каждым актом. «Напрасно я буду желать самым искренним образом, чтобы рука моя поднялась, напрасно буду повторять свое желание. Как бы сильно оно ни было — моя рука останется неподвижной до тех пор, пока я сам особым усилием не приведу ее в движение».* Но это все равно, что сказать, что каждый человек приводит в движение свою руку с помощью особых образов — мышечных для одного, зрительных для другого. Если же он представит себе движение своих конечностей с помощью других (не обычных для него) образов, то настоящего движения — по крайней мере той конечности, о которой он думает, все-таки не будет. Истеричка, передвигающая ногами только с помощью образов кинестетического чувства, парализована, как только теряет способность пользоваться этими образами. Если она представит себе это движение с помощью зрительных образов, то у нее получатся движения век, глаз, груди или рук, но только не движения ног. Словом,

---

* Rey Regis. Rev. philos. 1882. II. P. 372.

нужно только, чтобы представление о движении возникло в сознании в виде точных и подходящих образов — и это движение выполнится одинаково как при волевом, так и при автоматическом акте.

Так как волевой акт не лежит между представлением и движением, которые всегда неразлучно связаны между собою, то происхождения его нужно искать в самом представлении, в собственно психическом явлении. В автоматических актах можно наблюдать две степени совершенства соответственно двум видам психических явлений: эти акты либо являются выражением простых ощущений и изолированных образов, либо соответствуют более сложным и изменчивым восприятиям. Для существования актов более сложных, чем автоматические, нужно, чтобы в сознании протекали явления сложнее и совершеннее самих восприятий.

Мы склонны думать, что *суждения* или *понятие об отношениях*, отличаются от ощущений, образов и восприятий, которые являются только группой ассоциированных между собою образов. Например, понятие сходства нельзя назвать ни ощущением, ни образом, так как оно — не красное, не синее, не теплое, не звонкое и т. д. Так же его нельзя назвать и группой образов, ибо такого рода совокупность создала бы новый образ, между тем как сходство никак не может быть представлено. Это понятие возникает на основании восприятий, которые получают при помощи органов чувств или всплывают в сознании благодаря ассоциации и памяти. Но она не одной природы с этими восприятиями. Сходство, о котором я думаю, видя Пьера и Поля, не тождественно ни с Пьером, ни с Полем. Истина, красота, добро в моем сознании отличаются от самих предметов, по которым я составил себе эти концепции. Так же и эстетическое суждение не равнозначно мозаике приятных ощущений. Пусть называют эти вновь возникшие психические процессы рассуждениями, как делает это Мэн де Биран, или апперцепциями, как называет их Вундт, или просто суждениями — это все равно, лишь бы только их не смешивали с психическими явлениями иного порядка. Я не собираюсь подробно останавливаться на теории суждения, являющейся, по-моему, основным пунктом современной психологии, — пунктом, в котором современные психологи больше всего

расходятся. Я только повторю выводы, блестяще обоснованные многими авторами и, главным образом, Рабье, и думаю, что если сгладить различие между суждением и образом, то тогда исчезнет всякое различие между волевыми и автоматическими актами, ибо волевые акты обуславливаются именно суждениями или понятиями об отношениях.

Мы ежедневно совершаем действия, которые подобны внушенным актам сомнамбул. Но, тем не менее, свои действия мы называем волевыми актами, а у сомнамбул — автоматически: это происходит оттого, что в момент выполнения действия в нашей психике есть нечто большее, чем в психике сомнамбул. Подобно им, мы представляем себе действие, которое нужно выполнить, но сомнамбулы совершают его только потому, что в их психике есть образ данного действия, тогда как мы выполняем данный акт главным образом потому, что думаем, что он *полезен* или *необходим*. Сомнамбула автоматически копирует движение моей руки, а я сознательно копирую какой-нибудь рисунок: сомнамбула совершает это действие не потому, что хочет выполнить акт, подобный моему, а исключительно потому, что в ее психике имеется образ этого акта. Я же копирую именно из-за этого *подобия* и думаю о нем. Фуйе говорит: «Вместо того чтобы, подобно животному, действовать одинаково в одинаковых случаях благодаря чистому автоматизму, без всякого осознания сходства, человек действует одинаково в подобных случаях, сознавая это подобие, т. е. ощущая сходство настолько сильно, что его можно заметить и осознать».* Сомнамбула произносит какие-нибудь слова не потому, что думает о них, а просто потому, что они промелькнули в ее мозгу. Мы же говорим что-либо потому, что думаем, что это *справедливо*. Словом, не касаясь вопроса о сущности суждений и о том, каким образом они обуславливают действия, мы утверждаем только, что без участия суждений не может быть волевой психической деятельности.

Каким образом суждение обуславливает действие? Это довольно непонятно. Идея о сходстве, красоте или истине, в действительности, не связана ни с каким определенным движением.

---

* Fouillée. Sensation et pensée. Rev. des Deux Mondes. 1887. 15 juillet. P. 409.

Не следует слишком поспешно утверждать, как это делают некоторые авторы, что идея об отношениях связана с движениями артикуляции известных слов. Если бы это было так, то идея об отношениях не могла бы вызывать других движений, кроме слов, а мы знаем, что она может вызвать всякое действие. Кроме того, слова обуславливаются зрительными или слуховыми образами слова «сходство», а не идеей об отношениях, которую оно выражает. Мне кажется, правильнее сказать, что идеи об отношениях не являются двигательными сами по себе, а задерживают, соединяют или по-новому синтезируют в психике некоторое число образов, которые и обладают двигательной силой. Волевое усилие заключается именно в этой систематизации образов и воспоминаний, которые впоследствии всплывают автоматически. Благодаря слабой синтетической способности, констатированной нами у подобных больных, в их психике не складывается даже элементарных синтезов, образующих личное восприятие, не говоря уже о более сложных синтезах, которые необходимы для волевой психической деятельности.

Каков бы ни был механизм волевой деятельности, она обладает некоторыми особыми признаками: прежде всего, бóльшим единством и бóльшей гармонией, чем деятельность автоматическая. В самом деле, последняя, будучи выражением очень слабого синтеза, соединяющего лишь небольшое число образов, не продолжается долго в одном направлении: в ней проявляется сначала одно восприятие, потом другое, которое не имеет ничего общего с первым, и т. д. — словом, автоматическая деятельность очень некоординирована и изменчива. Может ли сомнамбула выполнять одно и то же внушение в течение двух недель? Нет, не может. Между тем волевое решение — например, решение написать книгу или довести до конца какое-нибудь предприятие — может выполняться в течение многих лет. Далее, во всех наших психических процессах мы видим — может быть, и не основательно — некоторое единство. Замечая это единство, мы тем самым усиливаем его. При автоматической деятельности у человека можно наблюдать несколько различных психических состояний, тогда как волевая деятельность стремится создать единство в нашем сознании и осуществить идеал философов о единой и равной себе душе.

Пока действие определяется только образами, оно неизбежно индивидуально, ибо восприятие или образ является всегда определенным, индивидуальным феноменом, который имеет значение лишь сам по себе. Поступки человека, поддающегося «водвороту представлений»*, так же узки и индивидуальны, как и сами ощущения, породившие их. Представления об отношениях совершенно другого характера: только они доступны обобщению, так как они, оставаясь неизменными, могут быть применимы к совершенно различным случаям. Психическая деятельность, обусловленная такими представлениями, естественно расширяется: хотя она и складывается из различных элементов, все-таки по своей форме и направлению всех движений она имеет общий смысл и общее значение. Подобно тому как каждый слог, произносимый оратором, является отдельным феноменом, в то время как вся фраза является общей концепцией, так же и психическая деятельность, которая приводит к какому-нибудь научному открытию или создает произведение искусства, приобщается к мировому процессу. Автоматический акт ценен только сам по себе. Волевой же акт может быть прекрасным, справедливым и высоконравственным и «в своей высшей форме, — как говорит Фуэ, — сливаться с мировой волей и высшей моралью».**

Наконец, автоматический акт строго детерминирован, потому что он является грубым выражением того, что в данный момент имеется в психике субъекта. Он может быть неодинаково сложен, смотря по тому, является ли он результатом изолированного образа или целой группы явлений, целой психической системы, но в любом случае он всегда детерминирован и его можно легко предвидеть. Когда же акт является следствием суждения или общей идеи, он становится действительно независимым. Конечно, сам акт является всегда отражением данного суждения, ибо всякое движение неразрывно связано с каким-либо представлением. Можно сказать, что это два одинаковых явления или, вернее, одно явление, рассматриваемое с двух различных точек зрения. Но само это суждение не содержалось раньше в данных образах: оно, подобно сознанию, является новым и неожиданным феноменом,

---

* Renouvier. Psychologie. II. P. 360.

** Fouillée. Liberté. P. 228.

появляющимся среди механического движения, по отношению к которому оно является чем-то недетерминированным и свободным. Свободным акт становится потому, что делается разумным и приобретает мировую и моральную ценность. Нет ничего более свободного, чем то, чего нельзя предвидеть и предвидение чего непонятно для нас.

Великое научное открытие, которое в состоянии перевернуть всю современную науку, не может быть предвидено последней, ибо такого рода открытие является чем-то новым, оригинальным, не существовавшим раньше. Оно, если не по фактическим данным, то по форме и новому синтезу является настоящим творением *ex nihilo*⁴¹. Только психически слабые люди могут думать, что в глубине души их таятся какие-то высшие идеи, которые они не в состоянии осуществить. Если бы это было так, то конечности этих людей двигались бы сами для осуществления таких представлений. Наиболее свободными нужно считать поступки гениального человека. Каждый же из нас приближается к гению и становится более свободным и независимым по мере того, как он становится способным составлять себе самостоятельные суждения, которые не даны ни в прежде сложившихся ассоциациях, ни в ощущениях настоящего момента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Меня удивляет, как такой психолог, как Моро де Тур, мог написать следующую удивительную фразу: «Став идиотом, человек переживает такое психическое состояние, которое при дальнейшем своем развитии может превратить его в гения».* Как он мог думать, что заболевания нервной системы и даже безумие способствуют развитию ума больного? Нет, каково бы ни было их внешнее сходство, безумие и гениальность являются двумя противоположными, крайними пунктами человеческой психики. Вся история безумия, говорит Байарже, есть не что иное, как описание психического автоматизма, предоставленного самому себе. Последний же обуславливается слабостью синтетической

---

* Moreau de Tours. Psychologie morbide.

способности или психической слабостью. Наоборот, гений обладает громадной синтетической способностью, благодаря которой он в состоянии создавать совершенно новые идеи, которых наука не может предвидеть. Словом, гениальность — это высшая ступень психического развития. Умственный уровень обыкновенных людей колеблется между двумя этими пределами. Психическая деятельность обыкновенных людей является тем более автоматической, чем слабее их психика, и, наоборот, тем скорее она заслуживает названия свободной и разумной, чем сильнее в них развита психическая индивидуальность, сущность которой нам неизвестна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если мы попытаемся сделать общие выводы из наших длительных экспериментальных исследований, то столкнемся с большими препятствиями и рискуем впасть в крупные заблуждения. Странные явления, которые мы рассмотрели, и соблазнительные теории, которые мы построили по поводу той или иной проблемы, могут увлечь нас на путь самых смелых философских гипотез. Но пускаться в рассмотрение этих гипотез, как бы соблазнительны они ни были, значило бы выйти за рамки принятого нами метода. Одним из главных достоинств экспериментальных исследований, как это ни парадоксально, является то, что они могут вводить нас в заблуждение. Если можно доказать неточность того или иного наблюдения или ошибочность того или иного толкования, то это дает исследователю право думать, что в другом случае он был или будет прав. Между тем общие философские системы, так сказать, неуязвимы. В самом деле, кто опроверг или сможет опровергнуть спиритуализм или пантеизм так, чтобы данная гипотеза стала считаться бесполезной? Вот почему мы не будем заниматься рассмотрением этих теорий, которые по своей природе лежат выше и вне пределов точного доказательства.

Но ввиду того, что синтез, как мы видели, является отличительным признаком всякой умственной работы, нам необходимо свести воедино все наши исследования. Общие гипотезы являются простым символом, который более или менее хорошо резюмирует современное состояние изучения вопроса. Поэтому, хотя некото-

рые положения кажутся нам верными, их следует все-таки считать лишь временными и преходящими гипотезами.

В самом начале исследований по психологии философы высказывали в общем справедливое и, может быть, необходимое положение о полном разделении души и тела. Это положение, имевшее право на существование, было очень полезно в известный момент и способствовало изучению психологии. Но оно привело также к различным преувеличениям и заблуждениям. Слабость этой гипотезы обнаружилась, прежде всего, в метафизике, и трудность объяснения взаимодействия души и тела побудила философов строить самые запутанные философские системы. Из-за затруднений, а иногда и нелепостей, к которым приводили эти теории, философы изменили мало-помалу свое первоначальное мнение и под влиянием Лейбница, а потом и Канта, сблизили обе сущности, которые до того считались несоединимыми. Эта эволюция философии вполне естественна и соответствует общим законам человеческого разума: для понимания явлений их прежде всего нужно разделить, ибо в науке расчленение есть первый шаг. Но расчленить — не значит понять. Для понимания нужно вновь соединить, свести воедино различные признаки и установить то единство в многообразии, которое свойственно и характерно для человеческого ума.

Этот прогресс метафизических теорий о духе и материи не сопровождался, к сожалению, таким же прогрессом в науке о душе и теле. В самом деле, здесь проводилось такое же полное разделение психологических и физиологических явлений, как и в метафизике. Это разделение вылилось в форму признания антагонизма между мыслями и чувствами, с одной стороны, и движениями — с другой, подобно тому как метафизики противопоставляли друг другу мысль и протяженность. Но вскоре возникли затруднения, которые и заставили психологов, как когда-то философов-картезианцев, допустить существование связующих звеньев между явлениями, которые они сами разделили. Теории о двигательной силе, мышечном усилии и даже о воле возникли в науке параллельно с пресловутыми философскими гипотезами о пластическом проводнике, случайных причинах или предустановленной гармонии. Однако этих промежуточных звеньев оказалось недостаточно, и мало-помалу ученые начали признавать

участие движения в мысли и, наоборот — мысли в движении. Можно ли излагать теперь теории о физической инстинктивной, привычной или волевой деятельности, не упоминая о всех теориях сознания? Можно ли говорить о сознании, восприятии, внимании, не касаясь движений тела? В настоящее время уже невозможна теория чистого разума, не связанного с организмом и движением, и скоро уже нельзя будет защищать теорию чисто органического автоматизма без участия сознания. Психологию и физиологию нельзя рассматривать теперь как две независимые дисциплины, или одну из них считать незначительным придатком другой. Нужно сказать, что между этими науками есть особая связь, которой нет в других дисциплинах, и что обе они являются параллельными описаниями, хотя и с разных точек зрения, одной и той же сущности.

Ограничив свое исследование изучением внешних движений, мы внесли свою лепту в дело построения современной теории, стремясь доказать полную связь, абсолютную нераздельность у организованных существ явлений чувства, мысли и физических движений. С другой стороны, мы доказали, что ни одно движение тела, как бы просто оно ни было, не происходит без наличия сознания. Говорим ли мы о положении членов тела, о позах субъекта и конвульсивных движениях во время припадка, когда субъект, по-видимому, теряет чувствительность и делается автоматом, — имеем ли мы дело с произвольными движениями или длительной контрактурой у субъекта, который в данный момент сознает все окружающее — всегда можно предположить, а иногда и доказать наличие сознания (правда, элементарного, но несомненного), которое длится столько же, сколько само движение. С другой стороны, нам удалось доказать, что, вызывая в психике субъекта какое-нибудь психическое явление: ощущение, галлюцинацию, понятие, сложное или простое восприятие — мы неизбежно вызываем у него соответствующие движения тела, сложность которых меняется в зависимости от самого психического явления.

И, наоборот, если мы каким-либо образом уничтожаем движения, так что субъект не может, например, произвести определенное действие, произнести известное слово или вообще совершенно парализован, то в этот момент в сознании его можно заметить

особый пробел: потерю образа или амнезию, потерю ощущения или анестезию. Наконец, каково бы ни было внешнее движение — является ли оно точным или неопределенным, сложным или некоординированным, правильным или изменчивым — в психике всегда наблюдается соответственное изменение. Интенсивная психическая деятельность наблюдается при наличии ощущений и восприятий, привычная деятельность невозможна без участия памяти и, наконец, волевая деятельность возможна только при наличии суждения. Словом, с какой бы точки зрения ни рассматривался этот вопрос, нет двух способностей — мышления и движения. В каждый данный момент мы имеем дело лишь с одной и той же сущностью, которая проявляется в двух разных видах.

Как осуществляется это объединение вопреки внешним различиям? Думаю, что современные теории познания дают на это ответ. Речь идет об одном и том же явлении, которое можно познать и исследовать двумя разными способами. Явление, которое я рассматриваю с внешней стороны при помощи органов чувств и которое толкую на основании правил и привычек моего мышления, не может представляться мне в том же виде, когда я рассматриваю его внутри моего сознания. Разница точек зрения, приемов и методов исследования и толкования так велика, что ее достаточно для объяснения внешних различий, которые ввели нас в заблуждение. Не нужно, однако, забывать эти различия, так как они являются результатом применения противоположных приемов познания. Физиологическое исследование внешнего движения не должно быть уподобляемо психологическому исследованию представления, которым сопровождается движение. Каждое из этих исследований имеет свое значение и, в зависимости от рассматриваемого вопроса, та или другая из этих наук имеет больше преимуществ. Кто, например, будет создавать психологическую теорию пищеварения или физиологическую теорию силлогизма? Но все же это не мешает тому, чтобы обе эти науки были параллельными и чтобы между ними была связь, какой нет между другими дисциплинами, так как они изучают один и тот же предмет с двух различных точек зрения. Человеческое познание, очевидно, было бы совершенным с точки зрения идеальной науки лишь в том случае, если бы

каждому психологическому закону соответствовал закон физиологический. Стремясь к этому идеалу, обе науки помогают друг другу и, если одна из них больше продвинулась вперед в каком-либо отношении, она дает указания и директивы другой. При исследовании внешних движений, которое занимает нас теперь, по-видимому, главное значение имеет пока психология, и даже физиологи, — нужно это отметить, как очень важный факт — нашли возможность объяснить действия сомнамбул только с помощью психологических законов.

Оставим пока физические явления и, переходя к чистой психологии, постараемся объяснить ее законами исследованную нами автоматическую деятельность. По-видимому, дело происходит так, как будто в психике человека имеются два действующих начала, которые либо дополняют друг друга, либо противодействуют одно другому. Рассмотрим отдельно каждое из этих начал.

Существовать — говорили прежние философы — значит действовать и творить. Поэтому и сознание⁴², которое является самой настоящей реальностью, можно назвать активной деятельностью. Последняя является прежде всего синтетической деятельностью, которая соединяет несколько данных явлений в одно новое явление, отличное от них. Это настоящий творческий акт, ибо с какой бы точки зрения ни рассматривать этот вопрос, «множественность не объясняет единства»*, и сам акт, благодаря которому разнородные элементы соединяются в новую форму, не дан в этих элементах. В тот момент, когда рудиментарное существо впервые соединило несколько явлений в одно неопределенное ощущение боли, в мире произошел настоящий творческий акт. Этот творческий акт повторяется каждым новым существом, которому удастся образовать такого рода ощущение, ибо сознание вновь народившегося существа, собственно говоря, не существовало в мире и, по-видимому, вышло из небытия. Таким образом, сознание само по себе уже с самого начала является синтетической деятельностью.

Невозможно установить, какие именно элементы сознание комбинирует прежде всего. Подобно тому как физиология на-

---

* Boutroux. De la contingence des lois de la nature. 1874. P. 9.

ходит систему во всех элементах организованного существа, так и психология видит организацию и синтез всех элементов сознания, которые сегодня доступны для изучения. Но нет сомнения, что существуют психические организации и синтезы весьма различной сложности. Часто повторяющиеся простые синтезы становятся элементами более сложных синтезов. Будучи более сложными, эти новые синтезы разнообразнее предыдущих. Продолжая оставаться равными себе единицами, они качественно отличаются друг от друга. Подобно тому как существа, составленные из одной клетки, все подобны друг другу, а существа, составленные из многих клеток, принимают различную форму, так и смутное осознание удовольствия или боли мало-помалу превращается в определенные ощущения различного характера. Таким образом, каждое ощущение является сложным целым, в котором комбинируются психические элементы, соответствующие простым движениям. Нельзя сказать, что ребенок учится сначала испытывать то или иное ощущение, а затем уже обучается соответствующему сложному движению. Тому и другому он обучается одновременно, и координация движений совершается параллельно с организацией элементов ощущения.

Эти ощущения, в свою очередь, организуются в более сложные состояния, которые можно назвать общими чувствованиями. Последние соединяются между собой и образуют в каждый данный момент особое единство, которое называют понятием личности, тогда как другие психические комбинации образуют различные восприятия внешнего мира.

В некоторых случаях психика идет еще дальше и синтезирует эти восприятия в суждения, общие понятия, в художественные, моральные или научные концепции. Нас, конечно, удивляет эта творческая деятельность психики, так как мы не думаем, чтобы сложные научные синтезы, производимые гениальными людьми, содержались уже в элементах ощущений. Мы знаем, что многие поколения людей имели в своем распоряжении те же явления и элементы, но им не удалось координировать их. Поэтому гения мы называем творцом. Но природа сознания остается неизменной, и ребенок, впервые испытывавший хоть самую слабую художественную или религиозную эмоцию, совершает собственными силами открытие или творческий акт.

Человеческая психика обнаруживает еще деятельность другого характера, которую лучше всего назвать *консервативной* деятельностью. Составленные однажды синтезы уже не распадаются и продолжают сохранять свое единство, причем сами элементы синтезов остаются в том же порядке, в каком они были расположены вначале. При благоприятных условиях ощущения и эмоции со всеми их характерными признаками сохраняются очень долго. Более того, если синтез, составленный ранее, не дан полностью, если в психике всплывают только некоторые его элементы, то консервативная деятельность дополняет прежний синтез, располагая недостающие элементы в том порядке, какой необходим для восполнения первоначального синтеза. В то время как вышеописанная (творческая) деятельность стремилась создавать, последняя, т. е. консервативная деятельность стремится сохранять и повторять. Высшим проявлением первой является синтез. Главным отличительным признаком второй является ассоциация представлений и память. «В области психики это соответствует великому закону механики о сохранении силы. Закон этот гласит, что любое движущееся тело продолжает свое движение до тех пор, пока какая-нибудь сила не отклонит его в сторону. При этом движущееся тело следует всегда по линии наименьшего сопротивления. Первый опыт соединил в психике ребенка ожог с пламенем и вызвал определенное направление мысли и движений. Поэтому в пользу синтеза пламя-ожог мы имеем положительную силу, которой ничто не противодействует».* В настоящей работе мы изучали следствия, вытекающие из этого общего закона сохранения и воспроизведения синтезов. Мы видели, что ощущения существуют долго и сохраняют входящие в их состав движения и выражения лица. Если дан один элемент отдельного воспоминания или сложной личности, то всплывает все воспоминание или вся личность. Вызывая элементы того или иного ранее составленного синтеза, можно менять все сознание субъекта. Наконец, когда субъект понимает смысл слова и речь, то, пользуясь некогда созданными синтезами, можно вызывать у него все акты и мысли в определенном порядке, который легко предвидеть. Тот, кто хочет наблюдать только одну сторону чело-

---

* Fouillée. Sensation et pensée.

веческой психики, может, конечно, остановиться на автоматизме, столь подробно изученном нами. Но для нас автоматизм является лишь результатом совершенно другой деятельности, которая сделала возможным этот автоматизм в настоящее время и которая к тому же почти всегда сопровождает его.

В самом деле, пока существо живет, обе описанные деятельности проявляются в психике одновременно. От их взаимодействия и равновесия зависят физическое здоровье и гармония духа. Подобно тому как в государстве новаторская и консервативная деятельность должны регулировать и ограничивать друг друга, также и в психике деятельность настоящего момента, способная создавать новые синтезы и приспосабливаться к новым условиям, должна находиться в равновесии с автоматической деятельностью, которая стремится сохранять нетронутыми прежние эмоции и восприятия. Нормальная психика предоставляет автоматизму лишь некоторые низшие акты, которые при неизменных условиях могут повторяться, не причиняя вреда индивиду. Но она всегда настороже, чтобы в нужный момент создать новые комбинации. Это сотрудничество двух психических деятельностей и является условием свободы и прогресса.

Но если творческая деятельность психики, поработав в начале жизни и собрав известное количество автоматических тенденций, вдруг приостанавливается и преждевременно затихает, то психика совершенно теряет равновесие и подчиняется влиянию только одной силы. Тогда возникающие явления не соединяются более в новые синтезы и не охватываются психикой для образования личного сознания индивида. Они входят в прежние группы и автоматически вызывают комбинации, которые когда-то имели право на существование. Конечно, если мы будем такого рода субъекта осторожно держать в искусственной и неизменной среде, освободив его от необходимости думать, то некоторое время он сможет существовать, будучи психически слабым и рассеянным. Но если обстановка изменится, и несчастная случайность или сама перемена потребуют с его стороны приспособления и новых синтезов, то субъект придет в окончательное расстройство.

Эти большие или малые расстройства, являющиеся результатом преобладания прежнего автоматизма над ослабленной

синтетической деятельностью настоящего момента, мы и изучили в последней части нашей работы. Причем мы видели, что самые странные расстройства можно свести к нескольким простым законам и что психология в состоянии объяснить их. Изложенные нами общие соображения, резюмируя и синтезируя вышеописанные явления, должны считаться лишь вероятными гипотезами. Их несовершенство и даже ошибочность не мешают точности некоторых частных законов и тех фактов, которые, в наших глазах, являются существенной частью настоящего исследования.

ПСИХИЧЕСКИЙ АВТОМАТИЗМ ПЬЕРА ЖАНЕ

Когда летом 1889 г. вышла книга Пьера Жане «Психический автоматизм. Экспериментальное исследование низших форм психической деятельности человека», представившая его диссертацию по философии, она мгновенно стала бестселлером, а в дальнейшем на долгое время — классическим трудом по психологии. Казалось бы, понятие автоматизма существовало и до Жане, а рассматриваемые им явления каталепсии, сомнамбулизма и внушения были хорошо известны и выделялись ключевыми школами 80-х гг. — парижской и нансийской. Чем была так примечательна диссертация молодого, еще малоизвестного ученого? Очередной попыткой решения психофизической проблемы, пересмотром вопроса об активности и пассивности, мыслями о том, как может строиться психологическая наука? Какие задачи она решала? Какие проблемы ставила? Какими глазами читали эту книгу в том уже далеком конце XIX в. и нужна ли она сейчас кому-нибудь кроме дотошных историков-собираателей антиквариата? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо, прежде всего, сказать о научном контексте, в котором родилась эта книга.

НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ

К концу 80-х гг. XIX в. первые поиски модели научной психологии во Франции уже состоялись. Творческий анализ и критичное отношение к английской и германской моделям способ-

ствоvalи активному выбору и формированию собственного пути, поиску собственного ответа на вопрос «кому и как разрабатывать психологию». Уже в 70-х гг. Рибо пишет прекрасные книги — аналитические обзоры английской и германской психологии, в которых, в частности, формулирует основные принципы новой науки, а Тэн в труде «Об уме и познании» также представляет не только имеющиеся теории, но и собственную программу психологии как позитивной науки. В 1885 г. Рибо впервые начал преподавать новую психологию в Сорбонне, затем в 1887 г. возглавил кафедру экспериментальной и сравнительной психологии в Коллеж де Франс (слово „сравнительная“ предполагает сравнение нормальной и патологической психики). Он же создал и начал выпускать в 1876 г. журнал по философии, в котором печатались, в том числе, статьи по «новой психологии». Сколько решимости, упорства, мудрости и мужества было у этих поистине энциклопедически образованных ученых, нашедших в себе силы самостоятельно мыслить, искать и не соглашаться с принятыми позициями.

К моменту начала оформления «новой» психологии, которой суждено было породить особое направление, особую школу, психология существовала в рамках философского знания. Специфика ситуации во Франции определялась особым статусом психологии в рамках одной из ведущих школ французской философии XIX века — эклектическом спиритуализме.

Основатель эклектического спиритуализма, В. Кузен (1792—1867), преподавал на отделении словесности в Сорбонне, а одно время был даже министром общественного образования Франции, членом государственного совета, ректором парижского университета, президентом агрегационного жюри, рассматривавшего диссертации и присуждавшего ученые степени, что дало ему возможность придать эклектизму статус официальной доктрины. Эклектизм оставался официальной академической доктриной и во время обучения Пьера Жане. Да и его собственный дядя, Поль Жане, оказавший большое влияние на племянника, был одним из самых влиятельных философов спиритуалистов своего времени.

Психология понималась спиритуалистами как наука о сознании и признавалась фундаментом философии. Главной задачей

психологии, по мнению спиритуалистов, было тщательное изучение феноменов сознания, их отличий и отношений. В том числе речь шла и о формах неясного смутного восприятия, в котором чувство «я» потеряно. Они противопоставляли их формам ясного сознания (сон, сновидения, сомнамбулизм). В итоге это психологическое исследование должно было позволить от психологической реальности перейти к онтологии, к раскрытию внутренней сущности бытия. Эти задачи должны были решаться субъективными методами, основанными на внутреннем наблюдении.

Без учета влияния спиритуализма понимание психического автоматизма (ПА) Жане было бы поверхностным. „Психический автоматизм,“ – диссертация по философии. Более того, историки психологии предполагают, что Жане во многом остался верен основному постулату спиритуализма. Для него предметом психологии остается сознание (Carroy, Plas, 2000; Carroy et al., 2006). Он стремится создать психологию разных степеней сознания, начиная с наиболее рудиментарных. В какой-то степени именно эта установка определила и появление нового термина, подсобзательное, многие теоретические постулаты и практические принципы.

Однако правда и то, что метафизическая психология не удовлетворяла новым критериям научности, особенно в свете критики со стороны поборников позитивизма и достижений естественных наук. Когда психология сознания с ее интроспективным методом только зарождалась как модель научной психологии, во Франции с ее опытом спиритуализма уже происходил поиск иного пути и иного метода. Именно патологический метод становится во Франции основным в формировании научной психологии, что определяет особый тип психолога – специалиста по психологии (философии) и медицине. Новая позитивная психология противопоставляла себя спиритуалистической по методу, объекту и предмету исследования. Рибо ратовал за сочетание субъективного и объективного метода (Рибо, 1881). Объективный метод понимался им как «изучение психологических фактов вовне, а не изнутри». А аномалии представляли, по его мысли, ряд опытов, приготовленных природой, чрезвычайно драгоценных уже потому, что они редки (там же). Требование объективности, с точки зрения Рибо, могло быть достигнуто в рамках самой психологии

при ориентации ее не на метафизические методы, но патологические. Такой подход восходил к гипотезе Брюссэ и К. Бернара о непрерывности континуума между нормой и патологией. Согласно этой гипотезе, патология в силу недостатка или избытка в ней проявляющегося, позволяет лучше понять нормальное функционирование организма (Саггоу et al., 2006).

Итак, в то время границы между психологией, философией и медициной не были непроницаемы, больницы становились лабораториями, где разрабатывалась новая психология. Показателен, к примеру, факт, что Президентом первого Психологического общества во Франции (созданного в 1885 г. и просуществовавшего 5 лет) был Ж.-М. Шарко (невролог), а двумя вице-президентами – Поль Жане (философ) и Т. Рибо (психолог). Входили в него в основном медики и философы, занимавшиеся вопросами гипнотизма (который считался одним из основных методов новой науки, сочетавший в себе возможности и терапии, и исследований). Если Рибо не имел медицинского образования и во многом полагался на данные, полученные другими исследователями (в области физиологии, психологии, медицины, психиатрии), то новое поколение стремилось к сочетанию двух позиций – психологической и медицинской – на профессиональном уровне. Вслед за Рибо и Тэнном, Жане утверждал: «Экспериментальная психология должна быть психологией патологической» (Жане, 1913. С. 5).

Эта область, казалось, удовлетворяла и другому требованию: необходимости придерживаться фактов, учитывать опасности «отлета» в метафизические спекуляции. Важно идти от материала, придерживаться фактов, не забывать о гипотетическом характере даже самых фундаментальных гипотез, отдавать себе отчет в сложности и неоднозначности описываемых психических процессов и возможности иной их интерпретации (Janet, 1924). Практика была для Жане тем основанием, на котором базировалось изучение психологии, отправной точкой многих гипотез и областью их проверки.

Таким образом, карьера Жане начинается с защиты диссертации по философии, которая становится классической работой по психологии, и выполнена на материале патологии, собранном в больнице, когда у Жане еще не было медицинской степени.

ПСИХИЧЕСКИЙ АВТОМАТИЗМ. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И ВДОХНОВИТЕЛИ

По всей видимости, само слово «автоматизм» достаточно недавнего происхождения. Оно, вероятно, было впервые употреблено в статье неизвестного автора «On the supposed sensibility and intelligence of insects» в журнале «Blackwood's Magazine» (1838), где оно использовалось как синоним слова «автомат» („automaton“) (цит. по: Crabtree, 2003). Впрочем, сама проблематика была отнюдь не нова. Традиционно под этим понятием понимали способность тела функционировать без участия души, по типу автомата, машины. Замечательный тому пример — трактат Ламетри «Человек-машина» (1747).

Непосредственное влияние на юного Жане имел философ Мэн де Биран (1766—1824). Он выводил все человеческие способности из двух источников: пассивной чувствительности и волевой активности. Критерий различения пассивного и активного — чувство «я», основанием которого выступает волевое усилие. С модусами волевого усилия связаны все активные способности. Пассивные способности определяются чувствительностью, являющейся проявлением «чисто аффективной», животной природы. Сознание обуславливается свободным усилием воли, представляет собой синтетический акт. Биран устанавливает зависимость между степенями усилия и степенями сознания: с ослаблением активности ослабевает и сознание. Он выделял четыре ступени сознания: 1) аффективная (наличие лишь смутных, неотчетливых впечатлений); 2) сенситивная (когда аффективные впечатления сливаются в общее, еще смутное чувство нашего индивидуального существования; развивается нечто в роде «автоматической игры способностей и сил души»); 3) наше «я» начинает группировать и направлять процессы сообразно своим целям. Начинается деятельность активных способностей, хотя «я» в значительной мере остается подчиненным внешним объектам. 4) рефлексивная (на этой ступени «я» четко отличает себя от всех своих состояний, как производящую их причину, единую и само тождественную) (Кротов, 2000). Мэн де Биран считал, что в основе душевной болезни лежит распад «я» и переход функционирования на автоматический (без контроля воли) уровень. Эти представления

Бирана о пассивном и активном в психике человека, о роли воли и усилия, об этапах развития сознания во многом повлияли на раннего Жане.

Психиатр Ж. Байарже вслед за Бираном и Жуффруа выделял два вида психических состояний: первое позволяет сознательно направлять идеи (произвольная психическая деятельность), второе («автоматизм ума») характеризуется произвольными действиями памяти и воображения. Во втором состоянии способности действуют спонтанно и представляют последовательность идей и образов, которую мы не можем контролировать; это объясняет как нормальные явления мечтания и сна, так и патологические явления сомнамбулизма, галлюцинаций и бреда. С данной трактовкой связано сегодняшнее понимание психического автоматизма в психиатрии, синдром Кандинского—Клерамбо.

В спиритизме медиумический и патопсихологический автоматизм считался видом транса, состоянием, в котором происходит контакт с иной реальностью (например, прием автоматического письма) (Сироткина, 2004).

С автоматизмом связывалось и представление о более выгодном, экономичном функционировании. Г. Спенсер полагал, что сознание возникает при затруднениях и сбоях нервных механизмов.

В то же время, с конца 1830-х гг., в Британии Томас Лейкок (1812—1876) и Уильям Карпентер (1813—1885) работали в области физиологии мозга и основывали понятие бессознательного на модели рефлекторной мозговой активности. Так, физиолог Томас Лейкок говорил о рефлексах не только низших центров нервной системы, но и мозга, а это означало, что мозг человека может преобразовывать внешние или внутренние стимулы в действия без малейшего представления самого человека о происходящем. Уильям Карпентер также говорил о рефлекторной активности мозга и подчеркивал ее неосознаваемый характер. Определение «бессознательного» непосредственным образом связано для него функцией воли в психических процессах.

В 1874 г. Томас Гексли (1825—1895) сделал доклад «On the Hypothesis That Animals Are Automata, and Its History» («О гипотезе, что животные являются автоматами, и ее истории»), где он высказал свои размышления как физиолога и философа о кар-

тезианском представлении Декарта о животных, как лишенных разума и сознания. И хотя Гексли не соглашался с отрицанием сознания у животных, он все же сохранял представление о них как об автоматах. Причем по его глубокому убеждению это касается и человека.

Работы Лейкока, Карпентера, Гексли вызвали интерес как в научной, так и популярной литературе и на протяжении 70-х гг. XIX в. то и дело печатались статьи, касающиеся тех или иных аспектов автоматизма у человека, мало, однако, продвинувшие дискуссию по ее сути. Тема все больше привлекала не только английских физиологов, но и французских. Наиболее значительной фигурой своего времени в этой проблеме был Проспер Депин, член Медико-психологических обществ и в Лондоне, и в Париже. В 1880 г. он пишет книгу «Научное исследование сомнамбулизма», которая по замыслу и задачам во многом оказывается трудом об автоматизме. Депин пишет, что многие годы изучает «бессознательные акты», т. е. действия, совершаемые без сознательной цели, не вовлекающие личного сознания, «я» как существа, сознающего свое существование. По Депину, все акты, которые «я» воспринимает и знает, являются сознательными. Именно «я», а не воля, как у Карпентера, являются для Деспина критерием автоматизма. Все бессознательные акты имеют исключительно органическую природу и определяются только функционированием организма. Примером бессознательного рефлекторного действия является сомнамбулизм, при котором, по мнению Деспина, имеет место лишь автоматическая мозговая активность. «Я» не просто забывает происходящее в состоянии сомнамбулизма, но просто не участвует в нем.

Все эти физиологические теории исходили из единства и единственности сознания. А что если эта фундаментальная гипотеза ложна. Фредерик Майерс (1843—1901) в нескольких очерках в 1880-е годы переворачивает представление об автоматизме, который он связывал с активностью скрытых личностных центров, не уступающей, впрочем, нормальному сознанию и неосознаваемой лишь для него. Майерс разрабатывает понятие «подсознательного я» (subliminal self), локуса психической активности, лежащего за пределами или ниже порога обычного сознания. Скрытые центры сознания имеют, с его точки зрения, и свои

физиологические корреляты, которые необходимо исследовать. Его эксперименты распространялись в основном на две области: гипнотизм и автоматическое письмо, которые служили для него примерами потаенной психической активности. В статье 1887 г. Майерс подчеркнул, что автоматизмы не ограничиваются сферой аномальных или экстраординарных явлений, а проявляются и в норме в самых разных автоматических действиях. Как можно заметить, на представление об автоматизме во многом влияло представление о сознании. Так, Майерс представлял психику человека как состоящую из множества центров сознания. В статье «Демон Сократа», написанной в 1889 г., в тот же год, что и «Психический автоматизм» Жане, Майерс отличает автоматизмы от автоматических рефлексов и описывает их характеристики: 1) они независимы, т. е. не являются лишь симптомами или патологическими телесными изменениями; 2) они несут в себе сообщение, но не извне, а от того или иного пласта личности; 3) некоторые из этих «сообщений» соответствуют объективным фактам, обычно неизвестным человеку и являются сверхъестественными. Майерс различал два типа автоматизмов: активные и пассивные, или моторные и сенсорные. Пассивный, или сенсорный автоматизм происходит, когда «сообщение» принимает форму своего рода галлюцинации. Так, сны — типичный пример сенсорного автоматизма. Активный, или моторный включает такие явления, как автоматическое письмо, автоматическая речь, жесты. Таким образом, Майерс предлагает новое понимание автоматизма, опирающееся не столько на физиологию, но на психологию, а также на иную трактовку сознания, как на два фактора, существенно меняющие теорию (Crabtree, 2003).

Таким образом, в концептуальном поле понятия психического автоматизма оказались понятие механического действия (традиционная оппозиция мыслящей и протяженной субстанции), понятие бессознательной мозговой деятельности (в физиологии), понятие бессознательного как поля чудес, таящего скрытые в человеке необыкновенные способности и невероятные умения, — видеть на расстоянии, распознавать болезни, уметь их исцелять (животный магнетизм) — и даже ключа к иной реальности, недоступной «простым смертным» (спиритизм). Психический автома-

тизм трактовался с точки зрения механики, физиологии, психиатрии или парапсихологии, а бессознательное оказывалось либо фактом физиологии, либо мистики. Жане же сделал психический автоматизм предметом психологического исследования, более того ключевым явлением в изучении низших форм психической деятельности человека, частью общей психологии, исследование которого направленно на решение вопросов новой научной дисциплины.

ПСИХИЧЕСКИЙ АВТОМАТИЗМ. ПОДХОД ЖАНЕ

Итак, в соответствии с логикой исследования «от простого к сложному» Жане в „Психическом автоматизме„ стремился выявить механизмы функционирования психического в тех низших формах, когда сознание рудиментарно (идея «я» не присоединяется к действиям и ощущениям). Начать с наиболее простых и чистых случаев означало для Жане описать акты и ощущения, игнорируемые испытуемым, происходящие вне личного восприятия.

«Психическому автоматизму» (1889) предшествовали три статьи, опубликованные Жане в 1886, 1887 и 1888 гг. в журнале «Revue Philosophique», где он описал работу разными гипнотическими техниками с семью женщинами с диагнозом истерии. Возможно, под влиянием Майерса Жане использует понятие психического автоматизма как теоретического каркаса для представления своих экспериментальных данных (Crabtree, 2003).

На материале психопатологии он начинает свои психологические исследования с психических автоматизмов, выражающих область подсознательного. Даже в примитивной форме эти действия определяются психологическими факторами и могут быть очень сложными. Жане описал и проанализировал три группы психических автоматизмов: каталепсию, сомнамбулизм и внушение (сочетая взгляды Шарко и Бернгейма). Автоматизмы, по Жане, представляют собой самопроизвольные, развивающиеся по строго определенным законам формы действия, недоступные нормальному сознанию индивида.

Наиболее простой формой автоматизма является **каталепсия**. Действия каталептика неизменны, ригидны, «математически одни и те же». Он не может говорить и не понимает слов, хотя и обнаруживает способность к эхолоалии. Каталептик действует, исходя из своих склонностей, состояния, захватывающего его всего, поэтому он мало податлив направляющим действиям экспериментатора, если многоступенчатое действие уже начато.

Размышляя над особенностями сознания при каталепсии, Жане приводит пассаж из Мэн де Бирана о статуе Кондильяка, когда она обладает только ощущением. Это простое аффективное состояние, которое можно наблюдать, когда мысль дремлет, а воля отсутствует, когда «я» как бы растворено в ощущениях и морального субъекта не существует. Сознание такого плана присутствует при каталепсии — чисто аффективное, ограниченное ощущениями и образами, без какой-либо связи между ними, без идеи личности.

Сомнамбулизм представляет собой более сложное, более активное состояние. Оно может возникать во время сна, становиться частью нервного криза или быть вызванным искусственно. Критерий памяти является, по Жане, одним из основных в описании этого феномена и проявляется, в частности, в полном забвении наяву того, что происходило во время сомнамбулизма. Это связывалось Жане с изменением состояния общей чувствительности. В связи с периодическими самопроизвольными изменениями состояния общей чувствительности, а, следовательно, и доступных в каждый конкретный момент образов, изменяется и память человека. Амнезия истериков определяется их анестезией. Впрочем, психическая жизнь в состоянии сомнамбулизма может оказываться более сложной по сравнению с обычной жизнью истерического больного, поскольку вновь возвращаются многие потерянные для нормального состояния больного слои опыта.

Синтетическая функция психического обеспечивает формирование и поддержание идеи «я», единства личности, непрерывность психической жизни. Если при каталепсии идея «я» вообще не присоединяется к испытываемым ощущениям, то при сомнамбулизме выявляются особые образы, создающие новый центр, вокруг которого мысли группируются в ином порядке. Эти группировки могут быть очень прочными и образо-

вызвать собственную идею «я», личность, обладающую особым характером, памятью и другими особенностями. По замечанию Элленбергера, Жане одним из первых предпринял систематические исследования множественных альтер эго (Элленбергер, 2001). Жане выделял разные варианты соотношения личностей. Разделение может быть неполным и вторая личность в этом случае лишь повторяет и развивает мысли и действия первой. Обе личности, однако, могут быть совершенно независимы друг от друга, или же подсознательная личность возможно обуславливает идеи и акты первой. Второе «я» может приобретать свою динамику развития и становиться все более самостоятельным.

Подобная диссоциация вероятно является следствием разного рода причин. В частности, она может быть вызвана травматическими переживаниями, когда синтетическая активность по тем или иным причинам не в состоянии распространяться на все проявления личности, и некоторые переживания оказываются не ассимилированы ею. Центрами новой личности в этих случаях могут становиться фиксированные идеи. Интересно заметить, что именно травматическая истерия была принята в школе Шарко в качестве общей модели этого расстройства. У этой категории больных Жане часто описывал и вышеприведенную диссоциацию. Он даже определял истерию как «форму психической дезинтеграции». Больные истерией не способны интегрировать многообразие переживаемых явлений. «Частичная система мыслей эмансипируется, делается независимой и развивается сама собой, за свой собственный счет. В результате этого такая система развивается слишком пышно, а с другой стороны в общем сознании получается пробел, амнезия или бессознательность по отношению к этой идее» (Жане, 1913. С. 25). Отметим, что опыт теоретического размышления и практической работы Жане в этой области стал фундаментом сегодняшних фазово-ориентированных подходов к терапии хронической травмы, повлияв, в частности, на принятие диссоциации в качестве ключевого понятия в понимании хронической психической травмы (Van der Hart et al., 2006).

Внушение — автоматизм, возникающий под влиянием слов или восприятий, характеризуется повиновением некоторому

влиянию без осознания этого. Как и первые две рассмотренные формы, внушение базируется на уже сформировавшихся механизмах сознания. У внушаемых не хватает памяти для двух идей или чувств одновременно, поэтому идея завладевает сознанием человека, и он не помнит, не воспринимает ни одной другой идеи. Постоянная рассеянность определяется сужением поля сознания, уменьшением количества образов, которые могут одновременно содержаться в сознании, оно оказывается подобным заполненному сосуду, который уже не может вместить более ни капли (Жане, 1913).

Кроме полных, Жане выделял частичные автоматизмы, протекающие на фоне нормального сознания в отношении других процессов. Частичные автоматизмы могут сосуществовать практически с любыми состояниями сознания. У субъектов со слабой способностью психического синтеза явления частичного автоматизма имеют своей причиной временную рассеянность, которая способствует расщеплению поля сознания на две части, одна из которых функционирует автоматически.

При очень слабой синтетической способности в психике не складывается даже элементарных синтезов, образующих личное восприятие. Волевое действие индивидуально и неповторимо, автоматическое – безлично. Автоматизм оказывается в некотором смысле проблемой личной воли (в этом чувствуется влияние Бирана и его представлений о свободном волевом усилии как основе сознания). Автоматизмы, по мнению Жане, не создают новых ощущений, новых синтезов, но апеллируют к уже сложившимся. Они покоятся на том, что уже наработано в психике больного. Автоматические действия происходят от самого субъекта и в то же время не может быть и речи о свободной воле как причине данного действия.

Жане подчеркивал, что психический автоматизм существует не только в патологии, но и в норме. Мягкие формы диссоциированности встречаются у всех людей. Многие процессы проходят полуавтоматически. Вне личного восприятия протекают физиологические функции; явления рассеянности, привычки, страсти, инстинкта. В случаях патологии автоматизмы выступают особенно отчетливо: «Богатый и бедный одинаково имеют в своем распоряжении хлеб и воду, но у первого, кроме того, есть еще

кое-что другое; здоровый человек обладает автоматическими способностями больного, но у него имеются и другие высшие способности» (там же, с. 428).

Жане осмыслял явление психического автоматизма с точки зрения взаимодействия двух форм психической деятельности — творческой и консервативной. К первой относится сознание, определяемая им как «самая настоящая реальность, активная, прежде всего синтетическая деятельность. Высшим проявлением первой является синтез; главным отличительным признаком второй является ассоциация идей и память». «От взаимодействия и равновесия этих деятельностей зависят физическое здоровье и гармония духа. Если творческая деятельность психики приостанавливается, ... тогда возникающие явления не соединяются более в новые синтезы и не охватываются психикой для образования в каждый момент личного сознания» (Жане, 1913. С. 450—453). Автоматизм не является лишь незадачливым дублером психического синтеза, но в какой-то мере несет в себе оба эти аспекта человеческой психики — творческий, созидающий и консервативный, воспроизводящий и позволяет выявить динамику их соотношения и переходов.

Диссертация «Психический автоматизм» была хорошо встречена как медиками и учеными-позитивистами, так и философами-спиритуалистами. Для медиков она была экспериментальным исследованием проблемы множественной личности; для философов разрабатываемое Жане понятие подсознательной психической деятельности обозначало точку соприкосновения старой и новой психологии (Саггоу, 2000). Представленная к защите на философском отделении, выполненная патологическим методом на материале клинической выборки, это была психологическая работа по выделенным в ней механизмам психики. Анти-ассоцианизм и анти-редукционизм сразу поставили работу в ряд ведущих трудов по психологии (Врукс, 1993). Законы психического не сводимы к законам ассоциаций (как синтетическая деятельность психики не сводится к ассоциативной), а наше понимание подсознательного не может удовлетворяться апелляцией к биологическим механизмам. Автоматизмы — феномены психического, и изучение их — дело психологии, которое не должно быть отдано какой-либо другой науке.

Попав на прилавки книжных магазинов, ПА раскупался, как горячие пирожки. Что же находили в этой книге ее читатели? Какими глазами читали ее? Что мы сегодня чаем найти в «старых» книгах? Что интересно для нас? Каковы наши критерии?

Книга писалась в 80-е гг. XIX в., в период бума во Франции исследований гипнотизма, внушения, интереса к тому, что мы сегодня называем измененными состояниями сознания, чудесных надежд на быстрое исцеление и познание законов психической жизни человека. В 1888 г. в Париже было 40 000 адептов магнетизма (практиков, пациентов, симпатизирующих), что не так уж мало для двухмиллионного города. В ранних трудах Жана влияние магнетизма — гипнотизма — спиритизма очевидно. Оно проявляется и в использовавшихся приемах, опоре на особую философию практики (погружение в сомнамбулическое состояние, установление раппорта, возрастная регрессия, забвение по пробуждении), и в языке, которым Жане описывает свои случаи, обилие таких прилагательных, как «удивительный», «странный», «исключительный», «любопытный» и т. д., и в методах спиритизма (автоматическое письмо). Так что в ПА Жане в какой-то степени придерживается тематики, одной из самых захватывающих для его времени. Жане, с одной стороны, не развенчивает полностью «чудо» этих явлений, но и не идет на поводу у этой магической позиции, не позволяет удивительности фактов затуманить его взор. Он обращается к излюбленным явлениям своего времени, но не для того, чтобы создать еще одно чудо и восхититься им. Он анализирует эти явления как принадлежащие области психологии, а не сверхъестественного и именно с них начинает построение психологии.

Замечательно, скажете вы, но нам уже не надо создавать психологию. Она худо-бедно и так существует. Да и магнетизм как-то ушел в прошлое, а о чудесах и вовсе забыли.

Мне кажется, это заблуждение, иллюзия того, что все уже свершилось и теперь можно успокоиться и поживать на лаврах. Без акта создания и воссоздания живое быстро становится застывшей формой. М. К. Мамардашвили, говоря о другом философе, Декарте, отмечал, что суть его философии выражается, во-первых, в том, что мир всегда нов (в нем как бы ничего еще не случилось, а только случится вместе с тобой), и, во-вторых, в нем

всегда есть для тебя место, и оно тебя ожидает. Основным интерес ПА и других работ Жане для меня — в живом движении мысли, в опыте создания психологии. «Психический автоматизм», возникнув на пересечении философской традиции и медицинской практики, обладает той особой ценностью, которая характерна для работ, становящихся плодом осмысления опыта. Понятия о синтетической функции сознания, сужении поля сознания, гипотеза о состоянии общей чувствительности, анализ механизмов рассеянности, изменений памяти, концепция психического автоматизма являются не просто теоретическими концептами или гипотезами, но нашли отражение в терапевтической практике Жане.

Следует заметить, что работа Жане — не отчет беспристрастного стороннего наблюдателя, чистого теоретика, но взгляд со стороны практика, терапевта. Он осознавал сложность такой позиции, свойственной психологической науке больше, чем какой-либо другой. Патологический метод, по мнению основателей научной психологии во Франции (Тэна, Рибо, Жане), был призван стать путем создания не патологической психологии, но общей. Впрочем, возможно, это разграничение не так принципиально для французской психологии того времени, выросшей на принципе об отсутствии качественной границы между нормой и патологией. В ПА Жане стремится не только ответить на вопрос о патологических механизмах тех или иных психических расстройств, но ставит вопросы об общих законах и механизмах психических процессов и функций, о личности страдающей и нормальной.

Жане предстает в этой работе как психотерапевт и философ, практик и теоретик. С одной стороны, именно наблюдения являются с его точки зрения, самой ценной частью его работ, а с другой стороны, он упорно указывает на философию как на ту самую нить, на которой только и может держаться жемчужное ожерелье. И неудивительно, что свой и теоретический, и практический метод он называет психологическим анализом. А случаи терапии Люси и Мари, представленные в этой философской диссертации, принесли ему известность как одного из открывателей катартического метода терапии.

Историко-психологическое исследование отчасти сродни работе детектива — подмечать детали, искать «улики», связывать факты, чтобы как можно точнее реконструировать общую картину. Важно абсолютно все!

Согласно принятой Жане логике психологического анализа и задаче выделения наиболее элементарных целостных форм психической деятельности (а не отдельных психических функций), испытуемые должны были в чистом виде являть редкие, обычно скрытые особенности, над которыми надстраиваются целые этажи более сложных процессов.

Диссертация по философии ПА была выполнена на 19 пациентах с истерией и 8 — с эпилепсией. Большая часть работы основана на изучении клинических случаев четырех женщин — Розы, Люси, Мари и Леони. Рассмотрим историю одной из испытуемых, показательной с точки зрения выбора объекта изучения, и того, какое следствие этот выбор предполагает.

Начав в 1883 г. преподавать философию в лицей Гавра, Жане в то же время работал волонтером в больнице города под руководством доктора Жибера. Его интересовало изучение галлюцинаций (одной из самых популярных тогда тем исследования). Однако в тот момент у Жибера не было случая галлюцинаций, и он предложил встретиться с Леонии, чьи экстраординарные способности подогрели интерес Жане к психологии. «Что за дар судьбы для начинающего психолога 22 лет, интересующегося всеми психологическими явлениями и увлеченного мистической стороной этих оккультных способностей!» (Janet, 1930), — писал Жане о Леони в автобиографическом очерке. Как бы то ни было, к моменту экспериментов Жане у нее уже была долгая история сомнамбулы. За двадцать лет до Жибера ее магнетизировал доктор Перьер (Саггоу, 1991). А в 1864 г. она снискала известность как ясновидящая сомнамбула в невероятной истории о сокровищах. Несколько позднее экспериментов Жане, в 1895 г., к ней обращался брат А. Дрейфуса в поисках зацепки к доказательству невиновности брата в печально известном деле.

Таким образом, одни и те же люди могли быть испытуемыми как для магнетизера, так и для научного психолога (Саггоу, 1991).

Р. 87). Испытуемый выступал как персонаж в той или иной роли. Интересно, что ситуация психологического исследования, требования к методу диктуют и требования к выбору испытуемого, что в свою очередь определяет и специфику полученных данных. Разные направления предполагают своего испытуемого, своего субъекта, отбирают испытуемых, наилучшим образом подходящих для исследования, отвечающих требованиям метода, и во многом требованиям теории. Объект исследования всегда имеет свою историю. Он не только определяется, но и определяет пространство исследования (там же).

СОЗНАНИЕ, ПОДСОЗНАТЕЛЬНОЕ, БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Итак, проблема подсознательного была поставлена в клинических условиях. Жане придерживался мнения о необходимости углубленных психиатрических исследований и отдавал им безусловное предпочтение над метафизическими спекуляциями. Он различал бессознательное (связанное с метафизическими исследованиями возможностей человеческого разума, не зависящее от сознания и его условий, которые мы находим в себе) и подсознательное («особая форма расстройства личности, которая встречается в истерии») (Жане, 1914, с. 80). Жане разработал концепцию автоматических действий, лишенных качества осознанности, но не являющихся бессознательными. Подсознательное является, по его мнению, следствием сужения сознания и имеет проявления, которые можно изучать объективными методами. «По Жане, подсознательное по существу не отличается от сознательных явлений в других людях — мы умозаключаем о его существовании на совершенно таких же основаниях. Если мы разговариваем с больным, рука которого в это время пишет о вещах, ему неизвестных, мы говорим, что письмо сопровождается подсознательной деятельностью на том же основании, на котором мы говорим, что разговор больного сопровождается сознательной деятельностью. Для Жане подсознательное есть действительный факт» (Харт, 1914, с. 118).

Заметим, что в ПА по сути речь идет о рудиментарных формах сознания, не сопровождающихся наличием у человека идеи «я». У субъекта в состоянии каталепсии и других аналогичных состоя-

ниях можно предполагать наличие аффективного сознания. «Характерным признаком элементарных образов, свойственных состоянию каталепсии, является то, что они не соединяются в одну психику и не составляют одну личность; это — сознательные образы без сознания о «я» (Жане, 1913, с. 233). Да и объяснительным механизмом наблюдаемых состояний каталепсии, сомнамбулизма, внушения является сужение сознания. В отличие от активного механизма вытеснения (Фрейд), у Жане речь идет скорее о сужении поля сознания*, о психической слабости; если в ранних трудах Жане объяснял феномены диссоциации недостатком психического синтеза, то для Фрейда вытеснение выступало как активный процесс, результат конфликта.** Бессознательность, по Жане, связана с изолированностью. Этим свойством могут обладать не только патологические состояния, но и явления, знакомые каждому человеку, например, сон, образы которого «развиваются отчасти по законам изолированных явлений» (Жане, 1913. С. 114).

Немаловажным свидетельством особой роли проблемы сознания в практике и научных трудах Жане является то, что работа с пациентами, обнаруживающими явные, казалось бы, проблемы бессознательного, велась не только гипнотическим методом (методом работы с бессознательным), но и прибегая к средствам укрепления сознания, усиления его интеграционной, синтетической силы. Без этого лечение недолговечно.

ОБ АВТОМАТИЗМЕ В РАБОТАХ ЖАНЕ ПОСЛЕ «ПСИХИЧЕСКОГО АВТОМАТИЗМА»

Кроме вышеописанного доминирующего в работе 1889 г. понимания психического автоматизма как проявления консер-

---

* Эллиенбергер отмечал, что механизм вытеснения и сужения психического являются двумя сторонами одной медали в концепции Гербарта (Ellenberger, 1970)

** Интересно, что и сегодня избегание стимулов, связанных с травмой, и общее оцепенение входят в одну группу диагностических критериев ПТСР. Современные исследователи отмечают, что избегание и оцепенение предполагает разные механизмы (стратегический, вовлекающий усилие, и автоматические процессы).

вативной функции психического, без должной адаптации воспроизводящей действие в новой ситуации, можно выделить другие два понимания психического автоматизма у Жана.

Первое из них связано с концепцией тенденций и положением действия в иерархической системе. С этой точки зрения автоматичность является характеристикой действия, осуществляющегося на более низком уровне относительно общего уровня поведения. Так, социальное действие или утверждающее верование будет автоматическим, если поведение организовано на более высоком рефлексивном или рациональном уровне. Это свидетельствует об относительности характеристики автоматичности в зависимости от места действия в целостной системе поведения (Matsuura Ni-gonobu), 2006.

Второй смысл: понятие автоматизма описывает уже не общепсихологическое, но особое клиническое явление. Во-первых, автоматизм — это низшее действие, не сопровождающееся личным сознанием и памятью, а, во-вторых, это чувство автоматизма, являющееся частным случаем чувства отчуждения. Человек жалуется, что действует не по своей воле, что действие осуществляют его конечностями, что слова, которые он произносят, выходят помимо его воли, что что-то мешает его свободе: «Меня принуждают говорить, отказываться, сопротивляться. Сам я не сопротивлялся бы. Меня охватило что-то вроде автоматизма» (Janet, 1929). Эти изменения свидетельствуют о том, что человек не достигает уровня функции реальности, высшей формы в иерархии психического.

В психиатрии психический автоматизм рассматривается как компонент бредового синдрома (синдром психического автоматизма Кандинского—Клерамбо) Автоматизмом называют отчуждение собственных психических актов, чувство, что некоторые процессы в его психике происходят автоматически, помимо воли. Выделяют идеаторный (ассоциативный, мыслительный); сенсорный (состояние, при котором многие неприятные ощущения в теле кажутся сделанными, специально вызванными) и моторный автоматизмы (иллюзия, что движения больного совершаются против его воли), вызванные воздействием со стороны. Явления психического автоматизма обычно укрепляют человека в мысли, что он больше не принадлежит себе, служит лишь «игрушкой

в руках преследователей», что вся его физическая и психическая жизнь управляется с помощью сложных технических устройств или гипноза (Жариков, Тюрин, 2002, С. 113–114).

ВЫВОДЫ

Значение «Психического автоматизма» П. Жане многопланово. Во-первых, он внес вклад в психологическую разработку понятия автоматизма. Во-вторых, в этой работе и предшествующих статьях Жане различил бессознательное (понимаемое как отсутствие сознания в теориях физиологов, либо как особое сознание, отличное от обыденного, как у Майерса) и подсознательное. А, в-третьих, перефразируя известное выражение, можно сказать, что автоматизм для Жане — это больше, чем автоматизм, т. е. больше, чем психиатрический синдром, физиологический феномен или даже психологический факт. Изучение автоматизма было для Жане, по его собственным словам, «опытом экспериментальной и объективной психологии». Психические процессы других людей становятся нам известны косвенным образом, через их поступки, жесты, слова — внешние проявления, подобно тому, как химик определяет составные части планет по цветам их спектра (Жане, 1889/1913. С. 3–4), по тем проявлениям, эффектам, которые он производит. За ПА, первой книгой, представившей опыт новой, научной психологии последовали другие работы, так или иначе, придерживавшиеся этой логики косвенного, объективного знания о психических процессах, проявляющихся через поведение, что впоследствии определило и основания его психологии поведения, в которой нашли место уже не только низшие формы психической деятельности, но все многообразие форм психической жизни.

* * *

Я хотела бы поблагодарить Ирину Сироткину, Роджера Смита и Виктора Аллахвердова за живое участие и интересные комментарии в ходе работы над этой статьей.

ЛИТЕРАТУРА

- Жане П.** Психический автоматизм. Экспериментальное исследование низших форм психической деятельности человека / Пер. с франц. А. Вольцгефер. М., **1913**.
- Жане П.** Подсознательное // Новые идеи в философии / Ред. Н. О. Лосский, Э. Л. Радлова. СПб., **1914**. Сб.15. С. 70–82.
- Жариков Н. М., Тюльпин Ю. Г.** Психиатрия. М., **2002**.
- Кротов А. А.** Мен де Бيران и французский спиритуализм XIX века. Дис. ... канд. филос. наук. М., **2000**.
- Рибо Т.** Современная английская психология (опытная школа) / Пер. 2-го, дополн. изд. Ред. пер. и критич. этюд П. Д. Бобрышкина. М., **1881**.
- Сироткина И. Е.** Теория автоматизма до формалистов // Русская теория. 1920–1930-е годы. Материалы 10-х Лотмановских чтений. М., **2004**.
- Тэн И.** Об уме и познании. СПб., **1884**.
- Харт Б.** Подсознательное // Новые идеи в философии / Ред. Н. О. Лосский и Э. Л. Радлов / СПб., **1914**. / Сб. 15.
- Элленбергер Г.** Открытие бессознательного. Ч. 1. СПб., **2001**.
- Brooks III J. I.** Philosophy and psychology at the Sorbonne, 1885–1913 // J. of the history of the behavioural sciences. **1993**. P. 123–145. Vol. 29.
- Carroy J.** Hypnose, suggestion et psychologie. L'invention de sujets // P., **1991**.
- Carroy J., Plas R.** How Pierre Janet used pathological psychology to save the philosophical self // J. of the history of the behavioral sciences. **2000**. Vol. 36. N 3. P. 231–239.
- Carroy J., Ohayon A., Plas R.** Histoire de la psychologie en France. XIX–XX siècles. P., **2006**.
- Crabtree A.** «Automatism» and the emergence of dynamic psychiatry // Journal of history of the behavioral sciences. **2003**. Vol. 39 (1).
- Ellenberger H.** The Discovery of the unconscious. N. Y., **1970**.
- Janet P.** L'évolution psychologique de la personnalité. P., **1929**.
- Matsuura Hironobu.** Une lecture de Bergson au miroir de l'automatisme janétien // Janetian Studies. **2006**.
- Van der Hart O., Nijenhuis E., Steele K.** The haunted self: structural dissociation and the treatment of chronic traumatization. N. Y., **2006**.

Н. Ю. Федунина

ПРИМЕЧАНИЯ*

¹ Психология как наука довольно молода. Ее появление связывают с работами немецкого философа Христиана Вольфа (1679—1754). Он, по мнению некоторых авторов, ввел в философский язык термин «психология» в своих книгах «Рациональная психология» и «Эмпирическая психология», опубликованных в 1732—1734 гг.

² Джон Стюарт Милль (1806—1873) — английский экономист и философ-позитивист, считал, что единственным исходным пунктом познания являются факты опыта, а единственный объект познания — явления и их закономерная связь.

³ Огюст Конт (1798—1857) — французский социолог и философ, один из основоположников позитивизма. В 1817—1822 гг. был секретарем Сен-Симона, затем экзаменатором и репетитором Политехнической школы в Париже. Главное сочинение Конта, излагающее основы философии позитивизма — «Курс позитивной философии» (1830—1842). Конт рассматривал позитивизм как среднюю линию между эмпиризмом и мистицизмом. Ни наука, ни философия не могут и не должны ставить вопрос о причине явлений, а только о том, «как» они происходят. Наука познает не сущности, а только феномены.

⁴ Один из феноменов гипноза, в котором испытуемый действует как активная личность, свойства которой определяются содержанием внушения.

⁵ Ученики и последователи венского врача Франца Антона Месмера (F. A. Mesmer) (1734—1815), автора теории «животного магнетизма».

⁶ Система взглядов английского врача Джеймса Брэда (J. Braid) (1795—1860), автора термина «гипноз» (от греческого *hypnos* — сон) (вариант — «внушенный сон»), который впервые появился в его труде

---

* Примечания составлены С. Ф. Сергеевым.

«Neurypnologie. Traite du sommeil nerveux ou hypnotisme», появившемся на свет в 1843 г. в Лондоне и Эдинбурге. Книга имеет интересное название «Нейрогипнология, или трактат о нервном сне, рассматриваемом в его отношении к животному магнетизму и сопровождаемом многочисленными случаями его приложения для целей облегчения и исцеления болезней» (см. В. Е. Рожнов. Руководство по психотерапии. Т., 1979. С. 146—147)

⁷ Теория А. Месмера, в соответствии с которой между людьми существует связь посредством «магнетического флюида» — особой энергии, с помощью которой возможно влияние одного человека на другого. Передача энергии флюида, по Месмеру, осуществлялась посредством магнетических пассов и процедуры, включающей использование бакета (baquet) — сосуда, наполненного водой и обломками железа и стекла. Месмер утверждал, что переносит на больных таинственное магнитное истечение (fluidum), прикасаясь к ним пальцами, или производя около их тела определенные движения (пассы) руками; кроме того, больные могли воспринимать животный магнетизм, прикасаясь к железным шестам, которые были соединены с бакетами. Больные должны были составлять цепь вокруг такого бакета, держась друг за друга.

⁸ Традиционно длительное время отождествляли гипноз с особым подобным сну состоянием. Отсюда гипноз — внушенный сон. В настоящее время показано, что признаки сна — лишь один из феноменов, вызываемых в гипнозе.

⁹ Считалось, что истеричные больные более подвержены гипнозу. Впоследствии было показано, что это неверно.

¹⁰ В СССР было запрещено использование методов гипноза без медицинского образования. Нарушителям грозил срок за использование медицинских знаний без специального образования. На Украине после сеансов А. М. Кашпировского, имевших большое число осложнений, использование гипноза ограничено с 2007 г. законодательно. Необходима специальная лицензия. Нарушение влечет за собой штраф от 150 до 500 долл. США. В России действует приказ № 245 от 13 июня 1996 г. Министра здравоохранения и медицинской промышленности РФ А. Д. Царегородцева «Об упорядочении применения методов психологического и психотерапевтического воздействия», разрешающий использование гипноза в России только специально подготовленными врачами, исключительно в медицинских целях, в учреждениях здравоохранения.

¹¹ Кондильяк (Condillac) Этьен Бонно де (1715—1780) — французский философ, католический священник, основоположник сенсуализма и один из основоположников ассоциативной психологии.

¹² Катаlepsия (от греч. *katalepsis* — захват, удерживание) — явление «восковой гибкости», наблюдаемое при кататонии или гипнотическом сне. С повышением мышечного тонуса наступает застывание (так называемое гибкое очоменение) либо всего тела, либо конечностей в приданной им позе.

¹³ Жан Мартен Шарко (J. M. Charcot) (1825—1893) — выдающийся психиатр и невропатолог, работавший в парижской клинике Сальпетриер. Практиковал при лечении больных истерией методы шокового гипноза, вызываемого действием резких раздражителей. При входе больной в лекционный зал раздавался резкий удар гонга или пронзительный звук громадного камертона либо возникала вспышка ослепительного света. И больная застывала, словно каменное изваяние, впадая в гипнотическое состояние.

¹⁴ Поль Мари Рише (P. Richer) (род. в 1849 г.) — известный французский врач-невролог. В 1882—1895 гг. возглавлял лабораторию клинических болезней нервной системы в Париже. Ученик и последователь Шарко, он написал ряд работ по истерии и гипнотизму: «*Etudes cliniques sur la grande hystérie ou hystéroépilepsie*» (Париж, 1885). Его работа «*Anatomie artistique*» (1890), премирована Парижской академией изящных искусств и академией наук. Вместе с Шарко им изданы: «*Les Démoniaques dans l'art*» (ib., 1886); «*Les difformes et les malades dans l'art*» (ib., 1889).

¹⁵ Шарль Роберт Рише (Charles Robert Richet) (1850—1935) — французский иммунолог, физиолог, психолог, гипнолог, лауреат Нобелевской премии 1913 г.

¹⁶ Возможно данные рассуждения послужили предтечей для появления впоследствии задачи Алана Тьюринга (1950 г.) для определения наличия разума у машин, обладающих искусственным интеллектом.

¹⁷ Ипполит Мари Бернгейм (Hippolyte-Marie Bernheim) (1840—1919) — французский врач. С 1879 г. профессор по внутренним болезням в Страсбурге и Нанси. Основал психоневрологическую школу Нанси, в которой гипноз рассматривался как форма сна, и основная роль в нем отводилась деятельности воображения. Занимался проблемой истерии, трактуя ее как результат суггестии или ауто суггестии. Первым использовал в клинических условиях терапию сном. Использовал для создания гипнотического состояния, в отличие от Шарко, методы слабых раздражителей (монотонный голос внушающий признаки сна, пассы, наложение рук). Школы Бернгейма и Шарко жестко конкурировали между собой, пытаясь доказать, что именно они имеют правильное представление о гипнозе.

Опубликованные монографии: *De la suggestion dans l'état hypnotique et dans l'état de veille*. 1884; *De la suggestion et de ses applications à la thérapeutique*. 1886; *Automatisme et suggestion*. P., 1917.

¹⁸ Мэн де Биран (Мари Франсуа Пьер Гонтье де Биран) (Maine de Biran, Marie-Francois-Pierre Gonthier) (1766–1824) — французский философ-идеалист. Отправляясь от Локка и Кондильяка, он, критикуя сенсуализм, пришел к психологии самонаблюдения, считая, что несмотря на непостижимую метафизическую природу души, в своих проявлениях она все же доступна самонаблюдению. Основное произведение. «Essai sur les fondements de la psychologies». 1813–1822.

¹⁹ Готфрид Вильгельм Лейбниц (Gottfried Wilhelm von Leibniz) (1646–1716) — выдающийся немецкий математик и философ. Автор теории монад, согласно которой реальный мир состоит из бесчисленных психических деятельных субстанций, неделимых первоэлементов бытия — монад, находящихся между собой в отношении предустановленной богом гармонии. Монады являются замкнутыми независимыми системами.

²⁰ Вильгельм Макс Вундт (Wilhelm Max Wundt) (1832–1920) — немецкий физиолог, психолог, философ и языковед. Основатель экспериментальной психологии. Создал в 1879 г. первую в мире психологическую лабораторию. В ней изучались ощущения, время реакции на различные раздражители, ассоциации, внимание. Выпускал с 1881 г. — первый психологический журнал «Философские исследования» («Philosophische Studien»). Основные работы Вундта: *Логика* (1880–1883. Logik, Bd. 1–2), *Этика* (Ethik, 1886); Основания физиологической психологии (Grundzuge der physiologischen Psychologie, 1874), Введение в психологию (Einführung in die Psychologie, 1911); Психология народов (Volkerpsychologie. 1900–1920. Bd. 1–10.).

²¹ Уильям Гамильтон (William Hamilton) (1788–1856) — шотландский философ-идеалист, интерпретатор Канта, считал первым принципом психологии единство и активность человеческого разума. Отрицал объективную истину, сближаясь с агностицизмом. Объективная действительность по Гамильтону, познаваема лишь посредством сверхъестественного откровения. Основной труд Гамильтона — *Лекции по метафизике и логике* (Lectures on Metaphysics and Logic, 1859–1860).

²² Тэн Ипполит Адольф (Taine) (1828–1893) — французский философ, историк, искусствовед, психолог. Представитель позитивизма. Родоначальник культурно-исторической школы в искусствознании и психологии. Развивал историко-генетический подход в анализе искусства.

²³ Моноидеизм (греч. monos — один, idea — мысль, образ, представление) — полное развитие одной мысли, абсолютное господство одной идеи.

²⁴ Альфред Бине (Alfred Binet) (1857–1911) — французский психолог, известен своими работами по измерению интеллекта человека. Автор IQ-коэффициента интеллекта. В 1905 г. появилась первая серия

тестов Бине — Симона, в 1909 г. последовало ее продолжение. Позднее шкала Бине — Симона была переработана Л. Терменом в «шкалу интеллекта Стэнфорд — Бине» (Stanford—Binet Intelligence Scale), которая по настоящее время является самым известным тестом интеллекта. Тесты Бине—Симона нашли широкое применение. Наиболее известные работы: Современные идеи о детях (*Les idées modernes sur les infants*, 1909); Умственное утомление (*La Fatigue intellectuelle*, 1898 (совместно с В. Анри); Внушаемость (*Le Suggestibilité*, 1900); Анормальные дети (*Les Enfants anormaux*, 1907 (совместно с Т. Симоном).

²⁵ Летаргический сон — мнимая смерть. Похожее на сон состояние неподвижности, с отсутствием реакций на раздражения, резким угнетением всех признаков жизни, которые при тщательном обследовании могут быть выявлены. Возникший естественным путем (не посредством внушения) летаргический сон длится от нескольких часов до нескольких недель и даже намного больше (десятки лет!).

²⁶ Анестезия (греч. *anaesthesia*, от *an* — отрицательная частица и *aisthesis* — чувство) — частичная или полная потеря чувствительности.

²⁷ Галлюцинация (лат. *hallucinatio* — видение) — восприятие несуществующих реально объектов (предметов и явлений) в качестве реальных. Галлюцинация — нарушение восприятия в одном или нескольких органах чувств (анализаторах), при котором ложное (мнимое) восприятие несуществующей, невоспринятой органами чувств информации трактуется как реальное.

²⁸ Бюрк (Burgq) — парижский врач, автор метода металлотерапии, заключающегося в приложении к телу больного истерией металлических пластинок из серебра, золота, железа с целью восстановления (переноса) на симметричные части тела чувствительности при гемиянестезии, которая возникает у истерических больных. В современном варианте метода в лечебных целях используют медные пластинки размером 30 × 60 мм и толщиной до 1 мм, 2-, 3- и 5-копеечные монеты, выпущенные до 1962 г. Кроме меди в металлотерапии используются и другие металлы и сплавы. Причины, вызывающие лечебный эффект при металлотерапии, неясны.

²⁹ Аббат Хосе Кустодио де Фария (*Faria*) (1756—1819), португалец, прототип героя романа А. Дюма «Граф Монте Кристо». В 1813 г. Фария высказался против идеи о существовании какой-то особой силы, ведущей к гипнотическому состоянию. По его мнению, все процессы, совершающиеся во время лечебного воздействия магнетизера на пациента, происходят в душе последнего, в его воображении. Таким образом, Фария трактовал это непонятное явление чисто психологически. Такая точка зрения позволила применить новые методы психотерапевтического воздействия на пациента, среди которых следует особо отметить использование словесного внушения.

³⁰ Жюльен Оффруа Ламетри де (Julien Offroy La Mettrie, de) (1709–1751) — французский философ материалист, врач; первым во Франции изложил систему механистического материализма и сенсуализма. В сочинении «Человек-машина» (1747) рассматривал человеческий организм как самозаводящуюся машину, подобную часовому механизму. Считал, что душа — всего лишь функция сердца и мозга. Его книга «Естественная истории души» (Histoire naturelle de l'ame, 1745), в которой излагались эти взгляды, была публично сожжена, а автор подвергся нападкам, как со стороны церкви, так и со стороны коллег врачей.

³¹ Феномен гипнотической регрессии возраста впервые описан Робертом фон Краффт-Эбингом в 1889 г. Экспериментально показано, что регрессия на самом деле обеспечивает воспроизведение форм поведения, свойственных раннему периоду жизни, причем, таким образом, который исключает любую возможность симуляции. При внушении неонатального периода наблюдались сходящееся и расходящееся косоглазие, «плавание» глазных яблок, их периодические дискоординационные движения в вертикальном и горизонтальном направлении, что трудно имитировать и вызывать произвольно.

³² Первыми против спиритизма выступили известный австрийский химик Шеврель и еще более знаменитый английский физик Майкл Фарадей. Они обратили внимание на так называемые идеомоторные акты и доказали, что именно этими актами и объясняются все движения спиритических столиков, а заодно и многие загадочные явления того же порядка.

³³ Идеомоторный акт можно продемонстрировать внушением качания и вращения маятника. Опыт Шевреля: испытуемому предлагается держать рукой шнурок, к концу которого прикрепляется легкий груз. Получается своего рода маятник. Затем испытуемому предлагается напряженно думать о каком-либо движении, например, о вращении маятника по часовой стрелке. Скоро груз, к удивлению самого испытуемого, начинает двигаться, описывая круг. Шеврель первым, еще в 1812 г., дал такое объяснение движению маятника: «Есть связь между некоторыми движениями и мыслью, хотя эта мысль не является волей, управляющей мускульными органами».

³⁴ Амбруаз Огюст Льебо (Ambroise-Auguste Liebeault) (1823–1904) — французский врач. Первым предложил использование гипноза и внушения в терапии. Работал с Бернгеймом в Нанси. Опыт лечения пациентов внушением изложен в его книге «Du sommeil et des etats analogues consideres surtout au point de vue de l' action du moral sur le physique. P., 1866 (« О сне и аналогичных состояниях, рассматриваемых преимущественно с точки зрения воздействия психики на тело»). С целью усовершенствования своей техники гипноза летом 1889 г у Льебо во Франции, в Нанси, стажировался Зигмунд Фрейд.

³⁵ Автоматическое письмо — способность индивида, находящегося в состоянии гипноза, медиумического или медитативного транса, писать осмысленные тексты вне сознательного контроля над этим процессом. Индивид при этом может быть занят совсем другой деятельностью и не отдавать себе отчет в том, что он пишет. Автоматическое письмо в спиритизме рассматривалось как писание под диктовку духов, отвечающих на задаваемые им во время спиритического сеанса вопросы. В результате научных исследований было показано, что автоматическое письмо представляет собой возникший в особых состояниях сознания доступ к бессознательному. В последствии автоматическое письмо, наряду с другими аналогичными явлениями (автоматический рисунок, автоматическое музицирование), стало использоваться как средство самовыражения в искусстве сюрреализма (в частности, у А. Бретона).

³⁶ Аналогичные результаты получены при использовании теста Струпа. Показано, что в гипнозе сохраняется перецептивный конфликт даже в условиях внушенного отсутствия цветоразличения (Сергеев С. Ф. Когнитивные процессы в условиях гипнотической индукции // Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного / В. М. Аллахвердов и др. СПб., 2006. С. 69–86.)

³⁷ Эстезия (греч.) — способность чувствовать.

³⁸ Аналогичную методику использовал Вольф Мессинг в своих публичных выступлениях по «отгадыванию мыслей».

³⁹ Иллюстрация идеомоторных движений. Идеомоторные движения — движения мускулов, которые совершаются человеком бессознательно, в силу одного того, что он очень живо представляет себе эти движения.

⁴⁰ Речь идет о сочинении французского писателя Ксавье де Месера (Xavier de Maistre) (1763–1852) «Vogage aut our de ma chambre» (1794).

⁴¹ Жане постоянно раздражал известного физиолога И. П. Павлова, который неоднократно критиковал его за идеализм. Павлову нравилось делать объяснения приводимых в произведениях Жане фактов в физиологических терминах «раздражение — торможение». В одной из работ Жане, привлечших внимание, речь идет об одной даме, которая после тяжелых родов, была истомлена и ехала по железной дороге, куда ей было надобно. Ее мучила все время мысль, что она едет в обратном направлении, хотя на то не было никаких оснований и сидящие подтверждали, что она едет правильно. Внимание к этому факту Павлова неслучайно. Он, видимо, подсознательно чувствовал, что его поезд едет в обратном направлении. Этого нельзя сказать о Жане. Его работы сегодня читаются как написанные нашим современником.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От главного редактора</i>	5
<i>Предисловие</i>	9
<i>Введение</i>	15

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ОБЩИЙ АВТОМАТИЗМ

ГЛАВА I. Изолированные психические явления	25
1. Описание явлений при каталептическом состоянии	27
2. Механическое или физическое объяснение описанных явлений	33
3. Психологические толкования. Сравнение каталепсии с сомнамбулизмом	43
4. Рудиментарная форма сознания; ощущение и образ, взятые в отдельности	48
5. Природа сознания во время каталепсии	55
6. Природа сознания при состояниях, аналогичных каталепсии	60
7. Объяснение явлений, свойственных каталепсии	65
Заключение	75
ГЛАВА II. Забывание в связи с последовательной сменой различных сознаний	78
1. Различные признаки сомнамбулизма	78
2. Существенные признаки сомнамбулизма: забывание по пробуждении и изменения в области памяти	83
3. Чередование различных форм памяти	94
4. Особое условие, необходимое для запоминания и забывания образов	101

5. Запоминание и забывание сложных явлений	112
6. Объяснение забывания после сомнамбулизма	119
7. Смена различных психических состояний. Самопроизвольные изменения личности	126
8. Последовательная смена различных психических существований. Изменения личности при искусственном сомнамбулизме	134
Заключение	145
ГЛАВА III. Внушение и сужение поля сознания	148
1. Исторический обзор теорий внушения	149
2. Описание некоторых психических явлений, возникающих под влиянием внушения	152
3. Различные психологические теории внушения	173
4. Амнезия и рассеянность	191
5. Сужение поля сознания	196
6. Толкование явлений внушения	204
7. Характер внушаемых субъектов	210
Заключение	222

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧАСТИЧНЫЙ АВТОМАТИЗМ

ГЛАВА I. Подсознательные действия	227
1. Частичные катаlepsии	228
2. Рассеянность и подсознательные действия	239
3. Постгипнотические внушения	247
4. Выполнение внушения в новом сомнамбулическом состоянии	250
5. Подсознательное выполнение постгипнотических внушений	256
Заключение	270
ГЛАВА II. Анестезии и одновременное существование нескольких психик	271
1. Систематизированные анестезии	272
2. Сохранение ощущения при наличии систематизированной анестезии	277
3. Явление разборчивости сомнамбул, или систематизированная чувствительность	283
4. Полная анестезия, или естественная анестезия истеричных	290
	499

5. Различные гипотезы об анестезиях	298
6. Расщепление психики	304
7. Одновременное существование нескольких психик	313
8. Одновременное существование нескольких психик и чередование их	322
9. Относительное значение различных одновременно проявляющихся психик	333
10. Анестезия и параличи	342
11. Объяснение параличей и контрактур с точки зрения расщепления психики	351
Заключение	359
ГЛАВА III. Различные формы расщепления психики	362
1. Магический жезл. Чудесный маятник. Чтение мыслей	363
2. Исторический обзор спиритизма	371
3. Гипотезы о спиритизме	378
4. Спиритизм и расщепление психики	387
5. Сравнение медиумов с сомнамбулами	393
6. Объяснение спиритизма с точки зрения двойственности мозга	401
7. Импульсивное помешательство	406
8. Навязчивые идеи и галлюцинации	415
9. Одержимые	420
Заключение	427
ГЛАВА IV. Психика слабая и психика сильная	429
1. Психическая слабость	429
2. Низшие формы нормальной психической деятельности	443
3. Суждение и воля	452
Заключение	459
Заключение	461
<i>Н. Ю. Федунина. Психический автоматизм Пьера Жане .....</i>	<i>470</i>
Примечания	491

Научное издание

ПЬЕР ЖАНЕ

ПСИХИЧЕСКИЙ АВТОМАТИЗМ

**Экспериментальное исследование низших форм
психической деятельности человека**

Редактор издательства *И. Л. Песенко*

Художник *Л. А. Яценко*

Технический редактор *Е. Г. Коленова*

Компьютерная верстка *Е. С. Егоровой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.

Сдано в набор 16.07.08. Подписано к печати 26.10.09.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Octava C. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 29.3. Уч.-изд. л. 27.0.

Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 3613. С 271

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

E-mail: main@nauka.nw.ru

Internet: www.naukaspb.spb.ru

Первая Академическая типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-026303-1

9 785020 263031